А. ЛИСТОВСКИЙ
КОНАРМИЯ

А. ЛИСТОВСКИЙ

КОНАРМИЯ

роман

Третье издание

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1975

Р2
Л63

Л $\frac{70302-107}{078(02)-75}$ 244—75

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

У белого в желтых потеках облезлого здания станции с надписью «Лозовая» шумели вооруженные люди. Слышались грозные голоса:

— А ну покажи руки!

— Нет, ладони покажь!

— Гляди, ребята, обманывает. Вот так рабочий! На Дон пробираешься, господин офицер?

Красногвардейцы угрожающе придвинулись к высокому человеку с обросшим черной щетиной длинным лицом, который, поеживаясь от налетавшего из степи холодного ветра, прятал подбородок в меховой воротник.

— Бери его, братва! Чего с ним разговаривать? — вмешался вихрастый парень в кубанке. — Ставь гада к стенке!

— Стойте, стойте, товарищи, — неожиданно спокойно заговорил человек. — Я никого не обманываю. Я рабочий, часовщик, и мозоли тут ни при чем. А сейчас я сотрудник Чека.

— Сотрудник? А ну, покажь документы. Поглядим, какой ты сотрудник, — сказал с явной угрозой обвешанный гранатами бородатый красногвардеец, по виду старый солдат.

Храня на лице невозмутимое выражение, человек не спеша пошарил во внутреннем кармане бекеши, вынул потертый бумажник и достал из него документ.

— А ну, ребята, кто из вас грамотный? — спросил, оглядываясь, старый солдат.

— Давай, что ли, я, — предложил вихрастый парень.

— Читай, Лопатин.

В удостоверении, или в мандате, как говорили в те времена, было сказано, что сотрудник Петроградской чрезвычайной комиссии Валентин Туроверов командируется в распоряжение начальника Донской чека.

— А печать правильная? — недоверчиво спросил старый солдат.

— Как есть по форме, — отвечал Лопатин. — Серп и молот. Рабоче-крестьянская.

— Ишь ты! — Солдат виновато поежился. — Чего ж ты, браток, сразу не сказал? — заговорил он добродушно. — А ведь мы тебя чуток не тово... За это, конечно, извиняемся. Всяко бывает.

— Хорошо работаете, товарищи, — с довольным видом похвалил Туроверов. — Я ведь нарочно хотел проверить. Ну а теперь вижу, что на вас вполне можно положиться. — Он достал пачку петроградских папирос и щедро оделил красногвардейцев.

— А что у вас тут нового слышно? — спросил он, оглядывая повеселевшие лица.

— Наша берет, — бойко сказал польщенный похвалой старый солдат. — Генерал Корнилов из Ростова сбежал. На Кубань загремел!

— Ну?!

— Так точно. А сам атаман Каледин, слышь, застрелился.

— Каледин?! — в черных глазах Туроверова промелькнула тревога. — Не может этого быть!

— Как не может? — возразил солдат. — И в газете печатали.

Услышав это, Туроверов понял, что, пока он три недели тащился в поезде от Петрограда до Лозовой, на юге произошли большие события. Приметив на себе настороженный взгляд вихрастого парня, он твердо сказал:

— Ну что ж, коли они сами стали стреляться, то, видно, скоро всем атаманам конец.

— Уж это как есть, — уверенно подхватил старый солдат.

Вблизи послышался протяжный гудок. К станции подходил воинский поезд. Всюду — на крышах, на буферах, виднелись обвязанные башлыками угловатые фигуры солдат. Замедляя ход и шумно выпуская клубы белого пара, шипящий, заиндевелый спереди паровоз тащил вдоль платформы бесконечную вереницу теплушек. Скрежеща, отодвигались тяжелые двери вагонов, и солдаты, кто в по-

мятой шинели, кто в ватной стеганке, грудь нараспашку, с прокопченными котелками и чайниками, выпрыгивали на ходу из вагонов и, обгоняя друг друга, бежали к кипятильнику навстречу косым хлопьям мокрого снега.

— С Кавказского фронта, — пояснил старый солдат. — Сколько уж этих эшелонов прошло! Это, видно, последние.

— А почему вы их не разоружаете? — спросил Туроверов.

— Попробуй разоружи! Гляди, «максимка» на крыше... А эвон двери раскрыты, орудия стоят. Вдарят — костей не соберешь!..

Туроверов попрощался с красногвардейцами, пожелал им удачи и спокойной походкой уверенного в себе человека направился к станции узнать, когда будет поезд на Ростов.

— Из каких он? Вроде не русский? — вслух подумал Лопатин.

— Цыган? А может, индеец какой? Не поймешь. Картавый... Но, по всей видимости, человек подходящий, — заключил старый солдат. Он посмотрел вслед Туроверову, притушил папиросу и заботливо спрятал окурок в папаху.

Спустя несколько дней Валентин Туроверов, сделав в пути еще две или три пересадки, сидел в новочеркасском дворце у походного атамана Войска Донского генерала Попова и, чувствуя на себе испытующий взгляд атамана, говорил доверительным тоном:

— Мне, ваше превосходительство, сами понимаете, пришлось использовать чужие документы. Я штаб-ротмистр Злынский.

— Какого полка?

— Лейб-гвардии Уланского ея величества...

Генерал Попов, тучный, пожилой человек, с большим голым черепом, нагнув голову, поправил пенсне.

— А-а! Кирилла Алексеевича полка! Как же, как же! Знавал. Вместе Пажеский корпус кончали... Позвольте, а кем в таком случае вам приходится генерал-квартирмейстер Злынский? — спросил он басовито.

— Отец, ваше превосходительство.

— А где он сейчас?

— Должно быть, там, где и все остальные. Или в Петропавловской крепости, или на Гороховой, два. Арестованных тысячи.

— Гм... А как там вообще, в Петрограде?

— Ужас! Сплошной ужас, ваше превосходительство. Голод. Тиф. Да что говорить — гибнет, гибнет Россия!

— Та-ак... — Попов взял карандаш и в раздумье потер им переносицу. — Позвольте, — вдруг вспомнил он, — а чем, собственно говоря, вы можете доказать, что вы действительно то лицо, за которое себя выдаете?

Злынский вынул из кармана небольшой ножичек, подпорол подкладку бекеши и достал сложенный вдвое конверт.

— Вот. Очевидно, вам знаком этот почерк?

— И вы еще спрашиваете?! — Попов всплеснул пухлыми руками. — Позвольте, генерал Алексеев адресует письмо Алексею Максимовичу, но он...

— Я слышал, ваше превосходительство, но, признаться, не верил... Прошу вас прочесть это письмо.

— Да, да, такая потеря, такая потеря... — Попов горестно покачал головой. — Но, собственно говоря, другого выхода для такого человека, как он, не было.

— Мне совершенно неизвестны обстоятельства смерти генерала Каледина, — подхватил Злынский, — и если позволите...

— Казаки не выполнили его приказа. Он не смог перенести этого. Я имею в виду приказ о мобилизации, — пояснил Попов. — Лишь небольшая часть казаков, преимущественно старики, явилась на мобилизационные пункты. Тогда атаман сказал, как мне помнится, следующее: «Казачество отказалось выполнить приказ. Следовательно, казачества более не существует. А если нет казачества более, то не должно быть и атамана».

Попов помолчал, поджав губы, вскрыл конверт и принялся за письмо.

Злынский молча осматривал комнату. Пол просторного кабинета был застелен темно-красным ковром, стоял большой диван и такие же старинные кресла. Чуть слышно тикали стенные часы. Из лепных позолоченных рам смотрели потускневшие портреты донских атаманов. Одна из рам была пуста. Кто-то, видимо, наспех вырезал полотно, и с одного края свисал неряшливый лоскут. За простреленными и заклеенными бумагой стеклами венецианских окон шевелились оголенные деревья дворцового сада.

В нем не так давно мог прогуливаться лишь один наказной атаман. Среди деревьев сиротливо торчал засыпанный снегом пустой пьедестал. На нем стоял раньше памятник Платову, но в октябре прошлого года восставшие солдаты под горячую руку сняли его с пьедестала.

До боли сжав тонкие губы, отчего выражение его рта стало еще более жестким, Злынский глядел на разрушенный памятник. Попов, отложив прочитанное письмо, пытливо посмотрел на него.

— Что с вами, ротмистр? — спросил он, поправляя пенсне. — Вам нездоровится?

— Никак нет, здоров. — Злынский выпрямился. — Возмущен фактом, — он кивнул на окно, голос его задрожал. — Не могу хладнокровно смотреть...

Попов пожал плечами.

— Все это в порядке вещей, — произнес он спокойно. — Стихия. Тут, пожалуй, и винить никого не приходится.

— Извините, ваше превосходительство, но мне бы хотелось точно узнать, что произошло на Дону за эти три месяца, то есть со времени захвата власти совдепами, — попросил Злынский.

— А разве вам не известно?

— Не совсем. Первые сведения я получил еще в Лондоне, но...

— Позвольте, а как вы туда попали? — удивился Попов.

— Я состоял при военном агенте и только что вернулся в Россию. И знаете, за границей, по-моему, слишком легко смотрят на все эти события, предсказывая поражение революции в самое ближайшее время. Между прочим, и в узких кругах Петрограда такие же настроения. Но, по правде сказать, я начал сомневаться в этом еще в дороге. Происходит что-то невероятное. Мне кажется, что борьба будет чрезвычайно серьезной. Это только начало.

— Да, да, — подтвердил Попов, — события приобрели исключительно плохой оборот. Я постараюсь вас информировать, но прошу учесть, ротмистр, что я, собственно говоря, не политический деятель. Да и вообще никогда не интересовался политикой.

И тут Злынский узнал, что казаки не только отказываются выступать, — многие открыто встают на сторону революции. Недавно в станице Каменской, что в семиде-

сяти верстах от Новочеркасска, состоялся съезд фронтового казачества. 10 января 1918 года съезд избрал Военно-революционный комитет и своим постановлением выступил против наказного атамана Каледина, пытавшегося бросить казаков на подавление революции. Верно, полного единодушия достигнуто не было, но все же большинство делегатов, особенно из верхнедонских, пошло за большевиками. И это, как сказал Попов, закономерно, потому что основная масса казачества, главным образом северных областей, живущая на неудобных землях, за время войны обеднела. Короче говоря, некоторая часть казаков превратилась в рабочих. Эта группа вносит в казачью семью новые идеи.

— Поэтому, — говорил Попов, — я имею под рукой всего лишь два надежных полка. Это капля в море...

— Ваше превосходительство, а правда, я слышал, в станицу Богаевскую ворвалась какая-то банда и подвергла ее полному разграблению? — спросил Злынский. — Станица, говорят, накануне восстания.

— Знаю про этот случай, — подтвердил Попов. — В Богаевскую ворвалась банда анархистов, именующая себя каким-то мудреным названием... Ну хорошо, предположим, станица восстанет. Что это мне даст? Сотни три казаков. Нет, ротмистр, есть другой выход. Я отказался уходить вместе с генералом Корниловым на Кубань. Почему? — Атаман значительно посмотрел на Злынского сквозь пенсне. — Потому, что сегодня в ночь я ухожу в Сальскую степь. Там я соберу конные полки и брошу их против совдепов... Вы только подумайте, — продолжал Попов, оживляясь, — десятки тысяч природных наездников! Любыми мерами я посажу их на прекрасных донских лошадей. Вы знаете, ведь в этих местах у коннозаводчиков огромные табуны... Представляете, какая это будет сила? — Попов встал из-за стола, в волнении прошелся по кабинету, постоял у карты, висевшей на противоположной от окон стене, что-то прикидывая, и возвратился на место.

Поднявшийся было вслед за ним Злынский снова опустился на стул.

— А ведь это прекрасная мысль, ваше превосходительство, — тихо, словно про себя, проговорил он.

— Я разверну в Сальской степи полки и дивизии, — продолжал атаман. — Собственно говоря, в некоторых

пунктах у меня уже есть свои люди. Я имею от них весьма ценные сведения.

— А велика ли армия у генерала Корнилова? — поинтересовался Злынский.

— Армия?! — Попов горько усмехнулся. — Разве можно назвать армией отряд в пять тысяч штыков, преимущественно офицеров? Нет, русское офицерство плохо откликнулось на призыв главнокомандующего. Оно предпочитает отсиживаться в кустах или служить у большевиков... Ну, все это мы, даст бог, им припомним... Послушайте, ротмистр, оставайтесь у меня! Корнилова вам не догнать. Он уже на Кубани. Да и риску много. Вы офицер генерального штаба. Поможете мне при формированиях... Ну как? Согласны?

Злынский решительно встал.

— Почту за честь, ваше превосходительство, — сказал он, вытягиваясь.

— Ну и прекрасно. Буду рад видеть вас в своем штабе. А пока рекомендую вам отдохнуть перед походом.

Генерал вызвал дежурного адъютанта, поручил ему устроить Злынского и, оставшись один, занялся маршрутом предстоящего похода.

За некоторое время до этих событий на станции Великокняжеской вышел из поезда кряжистый человек в военной шинели, с пышными усами на молодом худощавом лице.

Поправив вещевой мешок, висевший за плечами, он уверенно направился мимо вокзала туда, где, как он хорошо знал, еще лет пять тому назад находилась калитка. Но на калитке висел большой ржавый замок. Недолго думая, приезжий схватился за верхний край решетки и легко перемахнул ограду. С довольным видом человека, не привыкшего останавливаться перед препятствиями, он направился к центру станицы. Идти надо было версты полторы.

Старинная окружная станица Карачапракская, переименованная в 1865 году в Великокняжескую * по случаю зачисления в станичный юрт одного из великих князей, как почти все донские станицы, раскинулась на ровном месте и в зимнюю пору представляла собой довольно унылое зрелище: однообразные курени с палисадами, сто-

* Ныне станица Пролетарская.

ящие в ряд по обеим сторонам широких улиц, на окраинах мазанки пришельцев на Дон — иногородних, преимущественно украинцев, или хохлов, как называли их казаки.

Стояла оттепель, и приезжий шел медленно, с трудом выдирая ноги из черной, как вар, липкой грязи. Навстречу изредка попадались верховые казаки. Иные равнодушным взглядом скользили по пешеходу, другие оборачивались и смотрели ему вслед, словно припоминая, где они встречали этого бравого на вид человека.

Приезжий вошел уже в станицу, когда в сыром пасмурном воздухе поплыли тревожные звуки набата. Он оглянулся — не горит ли где — и прибавил шагу...

На площади у церкви шумела сходка. В толпе пестрели околыши казаков, цветные головные платки, шапки и фуражки иногородних. По тому, как спорящие наступали один на другого с озлобленными потными лицами, было видно, что сходка вот-вот закончится дракой.

Вооруженные казаки-фронтовики стояли в стороне, не принимая участия в словесной перепалке.

На церковной паперти бушевала здоровенная высокая женщина с грубоватыми чертами лица.

Поднимая над головой кулаки, она с громкой бранью наступала на иногороднего, самовольно взявшего участок земли.

— Ишь, чего захотели, хохлы проклятые! — кричала она, размахивая руками и бешено сверкая круглыми от ярости глазами. — Равноправия им дай! У меня пять сыновей еще там, а вы все дома! Какое такое может быть равноправие?!

— Та не бреши, тетка! Я сам тыждень тому як виттиля, — сказал добродушно иногородний — украинец.

— А мы знаем, откель ты пришел? — не отставала казачка. — Ты, видать, из тех, чтобы все было общее? Чтоб всех под одну одеялу ложить? Нема мужа, нема жены? Всех до кучи?.. Не-ет! Не будет такого. Нако-ся, выкуси! — Она порывисто присела на корточки и принялась исступленно колотить кулаками по своим круглым коленям.

— Об чем спор? — спросил пробившийся вперед бородатый дед.

— Мужики землю требуют, — отвечал стоявший тут же рыжий лавочник.

— Чего? Земли? Хохлов принять в общество?! — воз-

мутился дед. — Оборони господь! Не дадим! Не допустим!

— Не допустим! — подхватила высокая казачка. — Бабы! — она повернулась к толпе. — Кричите все: «Не допустим!» Чего вы стоите как овечки?! А ну, кричите все разом!

— Не допустим!

— Не дадим земли!

— Не согласны! — откликнулся нестройный хор голосов.

— Казаки!.. — Женщина шагнула к передним рядам, но тут же осеклась, увидев поднявшегося на паперть незнакомого человека с вещевым мешком за плечами, который, с достоинством расправляя пушистые усы, насмешливо смотрел на нее зеленоватыми глазами.

— Станичники! — крикнул незнакомый человек. — Старики, чего вы тут зря шумите? Может, совсем не об этом надо разговаривать? Ссориться за что?

— Как это «за что»? — отвечал из толпы бородатый дед. — Хохлы земли захотели. А у нас самих как ни передел, так паи урезывают... Постой, а ты чей же такой?

— Станичники, — продолжал приезжий, — ни к чему все ваши споры! Наша трудовая власть еще когда издала закон о земле. В нем все ясно указано. — Он пошарил за обшлагом и достал свернутую газету. — Вот этот декрет Советской власти!

— Не выбирали мы энтой власти! — крикнул злой женский голос из задних рядов.

— Казаки, чего вы его слушаете? Ишь, рты поразевали! — подхватила высокая казачка, вновь поднимая над головой кулаки. — Мы уже таких слыхали!

— Замолчи, тетка! — крикнул молодой казак-фронтовик. — Знаем, с чьих слов ты поешь! — Он взбежал на паперть и протянул вперед длинную руку. — Человек дело говорит. Давайте послушаем, — обратился он к народу. — Человек видел, слышал и нам, может, подскажет. А то мы тут как впотьмах ходим. Друг на дружку лютуем... Продолжай, друг, не сомневайся, — сказал он дружелюбно приезжему. — А коли что, так вон наши ребята стоят. Не бойся!

— А я и не боюсь, — произнес тот, усмехнувшись. — Чего мне бояться? Я правду говорю.

— Ну и давай говори, не стесняйся. Беда с нашим народом! — Казак качнул головой. — Совсем темные люди...

— Так вот, станичники, слушай сюда! — резко повысил голос приезжий. — Вы говорите, что при переделах земли паи ваши урезывают. Правильно. А как же иначе? Народ-то ведь прибавляется. Я не был тут всю войну. И на турецком фронте воевал, и на германском. И вижу, сколько за это время выросло молодого населения. И каждому надо выделить пай. А если бабочки еще постараются, — он опять усмехнулся, — то земли и вовсе не хватит. Правильно я говорю?

По толпе прошел легкий смешок. Мужик в рваной шапке зашептал своему соседу:

— Апанас, дывись, кавалер. Це добрый вояка. Повна грудь крестов!.. Здается, я его знаю. Да вот нияк не придугадаю, де я его бачил?... Чекай, чекай... А-а! Да це никак Буденный с Платовской? — проговорил он не совсем уверенным голосом. — Эге!.. Дывись, якии стал! — И, рванувшись вперед, мужик гаркнул неистовым голосом: — Та це ж, хлопцы, Семен Буденный с фронта!!.

Буденный был родом из станицы Платовской, находившейся отсюда в двадцати пяти верстах вверх по Манычу. Многие знали понаслышке, как он, еще до войны, умело поддерживал иногородних в их спорах с богатыми казаками.

— А вон поглядите, сколько земли зря гуляет, — говорил Буденный, показывая в сторону степи. — У одного коннозаводчика Сарсинова пять тысяч десятин. Так? Да и у Королькова не меньше. И у других. Там всем хватит. И вам и нам. Правильно я говорю?

Вблизи грянул выстрел. Пуля прозвенела над площадью. Народ бросился в стороны. Буденный не спеша сошел по ступенькам.

— Идем, друг, мы тебя укроем, — сказал молодой казак-фронтовик, подбегая к нему.

— Зачем? — Буденный спокойно посмотрел на него. — Сколько вас тут, ребята, фронтовиков?

— Человек с десяток найдется.

Буденный вынул из кармана наган.

— Давай все за мной!

Казаки сноровисто сняли винтовки.

Выбежав из-за церковной ограды, Буденный увидел, как пять-шесть всадников гнали галопом в степь мимо древнего сторожевого кургана. Один из них, поотстав, на скаку закидывал винтовку за спину. Другой, обернувшись, грозил кулаком.

— А, да это наши голубчики! — сказал молодой казак. — Вон, на рыжем коне, сынок атаманов Мартын. А энтот, бугай, Еремка Ковалев. Гляди, как ухлестывает!.. А последним — Мишка, мельника Корнея Голубы племянник. Ишь, смельчаки! Погрозились, а сами наутек...

Переговариваясь негромкими голосами, к Буденному подходили станичники.

— А где же ваш председатель ревкома? — спросил он, оглядываясь.

— Нету председателя. В Ростов уехал, — отвечал за всех молодой казак.

— Уехал? Зачем же вы без него сход собирали?

— А мы не собирали. Мужики вот собрали, — казак кивнул на подошедшего иногороднего.

Тот смущенно пожал узкими плечами.

— А що же зробишь, чоловиче добрый? — заговорил он, виновато поглядывая на Буденного. — Я тилько облюбовав мисто пид огород, а тут виткиля ни взявся Марко Кирпатый и шумит на мене: «Ты що тут робишь, хохлацька морда?» — и до мене с байдыком. Я на попятний, Дивлюсь, Баклан до мене на пидмогу, — он показал на мужика в рваной шапке.— Мы до його, до Марки. А тут ще казаки. Баклан бачит, що справа дойде до душегубства, и смытно до колокильни, тай бухнув в набат. Ось як воно й сталось...

Через толпу протискался здоровенный широколицый человек в артиллерийской фуражке.

— Здорово, Семен Михайлович! — приветствовал он Буденного.

— Яким?! Ты?! — радостно сказал Буденный, с чувством пожимая его руку. — Ты как сюда попал?

— По делу. У меня и кони тут. Зараз тебя в Платовскую предоставлю.

— А как там мои?

— Ничего. Здравствуют. Батя твой Михаил Иванович было заболел. Думали, тиф. Отлежался... А так все ничего. Живут помаленьку, — охотливо говорил Яким Сердечный, доставая кисет с табаком и заскорузлыми пальцами, поросшими рыжеватыми волосами, ловко скручивая папироску.

— А Городовиков вернулся? — вспомнил Буденный товарища, с которым крепко сдружился еще в довоенные годы.

— Нет еще. Городовиков, слыхать, в Сулине, в Красной гвардии.

— А кто у вас председателем?

— Нет у нас председателя, Семен Михайлович. Атаман Аливанов сидит.

И Яким рассказал, что с приходом на Дон генерала Корнилова зажиточные казаки организовались и дают отпор иногородним, требующим раздела земли. Был случай нападения на представителя окружного ревкома. Беднота, вооружившись кто чем мог, отбила его, но атаман все же остался.

«Да, — думал Буденный, — дела тут неважные». И он тут же решил, не дожидаясь председателя окружного ревкома, как он хотел раньше, немедленно выехать в Платовскую.

Яким Сердечный одобрил это решение и направился закладывать сани, радуясь, что начало подмораживать и ови часа за два доберутся до места.

2

Сотник Красавин, адъютант генерала Попова, молодой офицер с нагловато-красивым лицом, стоял в свободной позе перед сидевшим за столом атаманом и, положив руку на папку с бумагами, деловито докладывал:

— И еще разрешите доложить вашему превосходительству, что драгунский унтер-офицер Буденный, прибывший в станицу Платовскую, взбунтовал фронтовиков, организовал революционный комитет и формирует Красную гвардию.

Генерал Попов поднял от бумаг большую лысую голову, снял пенсне с мясистого носа и с недоумением посмотрел на адъютанта.

— Позвольте, сотник, как же это? Иногородний?

Красавин положил перед генералом мелко исписанную бумагу.

— Вот, пожалуйста, донесение станичного атамана Аливанова. Буденный — полный георгиевский кавалер, ваше превосходительство, — сказал он таким тоном, словно это сообщение должно было быть чрезвычайно приятным генералу Попову.

Опираясь руками о стол, Попов медленно откинулся в кресле. На его полном лице появилось озабоченное выражение.

— Ну что ж, в таком случае будем принимать меры. Кстати, ротмистр Злынский вернулся?

— Никак нет. Он сообщил, что будет только к вечеру.

— Ну, тогда потрудитесь сами составить приказ князю Тундутову. Пусть возьмет сотню, батарею и наведет порядок в Платовской. Мы уже достаточно сильны, чтобы начать борьбу с красными. Буденного представить сюда.

— Слушаюсь, ваше превосходительство, — с готовностью подхватил сотник. — Только разрешите доложить, — понизив голос, он оглянулся на дверь, — не мало ли будет одной сотни? По слухам, беспорядки принимают большие размеры.

— Тогда вот что, — Попов сделал движение пухлой рукой, — я сам отдам распоряжения. Потрудитесь пригласить князя ко мне.

— Ваше превосходительство... — сказал просительно сотник Красавин.

— Ну, что такое?

— Разрешите и мне с князем?

Попов в раздумье потер переносицу.

— Ну что ж, поезжайте. Потом доложите.

— Покорнейше благодарю, ваше превосходительство. Красавин щелкнул шпорами, торопливо собрал бумаги и, пригнувшись в дверях, вышел на улицу.

Гнилой февральский ветер гнал над поселком низко нависшие серые тучи, шумел в черных ветвях деревьев и бил в лицо промозглой крупой. Торопливо застегивая шинель и поеживаясь от холода, Красавин направился вдоль палисадов. За ними стояли на коновязях лошади с подвязанными в узел хвостами. Перебирая ногами, кони норовили встать задом к налетавшему ветру. Дневальный, молодой калмык в полушубке и в фуражке с казачьим околышем, засунув руки в карманы, зло покрикивал на лошадей. При виде офицера он встрепенулся и сделал руки по швам.

Навстречу Красавину показалась большая толпа медленно идущих людей. Несколько конвойных, держа винтовки «на руку», шли обочинами дороги.

— Что за народ? — спросил сотник, равняясь с передним конвойным.

Пожилой казак в длинной шинели взял винтовку к ноге и бодро сказал:

— Так что, господин сотник, которые уклоняющие от мобилизации.

— Иногородние?

— Так точно, хохлы, — доложил казак, пренебрежительно кивнув на задержанных.

— Ладно, ведите их к правлению, — распорядился Красавин. — Я сейчас приду, разберусь...

Князь Тундутов, тучный человек средних лет, лежал в сапогах на кровати и читал французский роман. В хате было жарко натоплено, князь любил тепло, и теперь, блаженствуя после длительного похода по ветреной в это время Сальской степи, он лежал без кителя, в расстегнутой на смуглой груди батистовой рубашке и медленно накручивал на палец висячий монгольский ус. На днях с несколькими сотнями мобилизованных им астраханских калмыков он примкнул к генералу Попову и, как младший по чину, вошел ему в подчинение. Да, собственно, так было и лучше — все-таки меньше ответственности. Князь не умел принимать быстрых решений в скоротечном конном бою. Во время германской войны он дослужился до чина полковника и был зачислен в свиту его величества, но ничем особенным себя не проявил. Однако все это не мешало ему уверять, что славный род князей Тундутовых происходит от самого Чингисхана.

Крупный коннозаводчик, Тундутов в начале гражданской войны думал мирно отсидеться в тылу, надеясь на немцев. Но немцы не шли, а вместо них в улусах появлялись большевистские агитаторы с горящими глазами. Тогда князь понял, что для защиты своего добра надо браться за шашку. Кляня на чем свет стоит московских комиссаров и грозясь показать им, где раки зимуют, он снял со стены еще дедовский дамасский клинок, попробовал его на палец, под угрозой жестокой расправы согнал под свое начало несколько сотен подвластных ему калмыков и двинулся в Сальскую степь, где в относительной тиши формировались контрреволюционные силы юга России.

Дрова в печке мерно потрескивали. Князь с увлечением читал, а за окнами проносился бешеный ветер. Все это настраивало и как можно более располагало к спокойствию, и Тундутов, по природе большой сибарит, между прочим, подумывал, что бы такое заказать денщику на обед. Поэтому сообщение Красавина о том, что генерал срочно вызывает его, не доставило ему большой радости.

— Неужели ехать? — ворчал Тундутов, надевая шинель. — Правильно, сотник, говорится, что в такую погоду добрый хозяин собаки за дверь не выгонит. Из этакого тепла и на стужу. А, sacré nom! *

3

За широким столом парадной комнаты атаманского дома чинно сидели члены станичного Совета. Среди них был и Городовиков, недавно вернувшийся в станицу, старый товарищ Буденного, живой в движениях человек с калмыцкими чертами смуглого лица. Тут же находились Яким Сердечный, суровый столяр Никифоров, приведший в Платовскую небольшой отряд партизан, и еще какие-то молодые и старые люди. Громко разговаривая, они посматривали в сторону дверей: видимо, ждали кого-то.

Городовиков насторожился, поднял голову и толкнул в бок соседа. За окнами послышался конский топот. Потом кто-то легко взбежал на крыльцо.

— Приехал, — сказал Яким Сердечный, значительно посмотрев на товарищей.

Дверь распахнулась. Быстрой, уверенной походкой в комнату вошел Буденный.

— Ну как? Все в сборе? — спросил он, привычным движением поправив усы.

— Все, Семен Михайлович, — сказал Городовиков. — Одного Панченки нет.

— Семеро одного не ждут, — твердо произнес Буденный.

Он присел, двинув стулом, неторопливо снял полевую сумку и положил ее на стол.

— Так вот, товарищи, — начал он, — первое дело, о чем я хочу поставить вопрос, — это объявить станицу на осадном положении... Как? Все согласны?

Члены Совета переглянулись. Сидевший с края стола старик крякнул.

— Ну-к что ж, ежели надо, то можно и объявить, — сказал он не совсем уверенным голосом. — А только позвольте спросить, товарищ, с чем же будем оборонять станицу-то? В отряде почти две сотни пехоты да конных полусотня, а чем они оруженные? Шешнадцать винтовок и пулемет да орудие непригодное! И кто ж они, эта пехо-

* Sacré nom! — Черт возьми! *(франц.)*.

та? Не казаки, а так — куга зеленая. Юнаки. Другой и винтовки-то в руках никогда не держал. А у этого гада, что в зимовниках корольковских сидит, уже два полка кавалерии, да казаки, да офицерья сколько-то понабежало.

— Ну а в чем же дело? — Буденный строго взглянул на старика. — Я и хотел внести предложение: с сегодняшнего дня приступить к обучению молодых и поручить это дело товарищу Городовикову как окончившему учебную команду. Я бы, прямо сказать, и сам этим занялся, но видите, как меня рвут на куски. Вот еще поручили заведовать окружным земельным отделом.

— Ну-к что ж, это дело — нехай Городовиков обучает, — согласился старик.

Буденный снова взял слово и сказал, что объявление Платовской на военном положении поднимет на ноги станицу и усилит приток добровольцев в партизанский отряд. И, что самое главное, время не терпит — вокруг Платовской уже замечены разъезды генерала Попова. Видимо, белые готовятся к наступлению на станицу в самые ближайшие дни.

В коридоре послышались шаги, и в дверях появился старый партизан с щетинистыми усами.

— Тут до вас, Семен Михайлович, один товарищ с Ростова приихав, — заговорил партизан. — Так он значала до мене забежав, ну и побалакали малость. — Партизан отодвинулся в сторону, пропуская вперед богатырски сложенного белокурого человека, одетого в черный кожаный костюм. Тот достал из внутреннего кармана подбитой мехом куртки вчетверо сложенный лист сероватой бумаги, развернул его и подал Буденному.

Буденный прочел бумагу и одобрительно покачал головой.

— Товарищи, — заговорил он, обращаясь к собравшимся, — по поручению партии большевиков к нам прибыл особоуполномоченный Ростовского партийного комитета товарищ Бахтуров.

— Просим!

— Пожалуйста!

— В час добрый! — заговорили присутствующие.

Бахтуров поклонился.

— Очень рад, товарищи, приветствовать вас, — заговорил он с мягкой улыбкой на своем красивом, бритом лице. — Пользуюсь случаем передать вам боевой привет от ростовских рабочих!

Среди сидевших прошел одобрительный говор.

— Товарищи, — продолжал Бахтуров, — мне предложено в первую очередь выяснить, в чем вы нуждаетесь для защиты станицы?

— Одна у нас нужда, товарищ Бахтуров, прямо сказать, оружия маловато, — сказал Буденный.

— Ну, очень рад, что могу вас порадовать, — подхватил Бахтуров. — Ростовские железнодорожники везут вам шесть ящиков винтовок с патронами. Завтра, пожалуй, сможете и получить, если...

Он не договорил. На окраине станицы прокатилось два выстрела. Потом яростно, словно захлебываясь, застучал пулемет.

Буденный, Бахтуров и все члены Совета выбежали на крыльцо. Из глубины улицы в полный карьер скакал всадник.

— Федя, давай коней! — крикнул Буденный ординарцу. Федя, безусый парень в брезентовом плаще поверх полушубка, бегом подвел волнующихся лошадей.

Всадник в казачьей фуражке, подскакав к Буденному, сдержал тяжело дышащую лошадь.

— Ка́деты! * — коротко крикнул он, переводя дух и поправляя фуражку.

— Где?

— Да не поймешь! Наши оборону занимают. Вон там, — показал плетью казак.

— Хорошо, скачи, передай, что я сейчас приеду.

Казак повернул лошадь и, поднимая за собой снежную пыль, помчался по улице.

— Товарищ Бахтуров, садитесь на лошадь моего ординарца, — предложил Буденный.

Бахтуров отрицательно качнул головой.

— Зачем? Я с ними пойду.

— Ну, хорошо, оставайтесь с товарищами, — согласился Буденный. — Ока, веди всех к отряду, — отдал распоряжение он Городовикову, — я буду там. — Буденный поправил папаху и вскочил в седло.

Снаряды ложились по снежному полю, вздымая черные тучи земли. В сыром тумане часто хлопали выстрелы. Вдали, где на холме виднелась ветряная мельница, перебегали, пригнувшись, черные в туманной дымке фигуры людей.

---

* Кадеты — так в гражданскую войну называли белогвардейцев.

Буденный подумал: «Эх, было бы под рукой эскадрона два хорошо обученной конницы! Показал бы этой сволочи, как надо воевать!» У него был только небольшой отряд партизан, из которых многие в первый раз держали винтовку. Да и то, что у белых оказалась артиллерия, было неожиданностью. Словом, силы были явно неравные.

Позади Буденного в лощине стоял конный резерв — полусотня. Это было все, на что он мог положиться.

Пехота противника яростно наступала. И по тому, как она наступала, Буденный чувствовал, что тут была дисциплинированная и хорошо обученная пехота. Он не ошибся: это была сводная офицерская рота, брошенная князем Тундутовым в лоб противнику. Кавалерию Тундутов в бой не вводил, хорошо зная, что у красных мало конницы. Он намеревался, по совету сотника Красавина, использовать ее только после того, как противник, сбитый офицерской ротой, побежит, и уже тогда изрубить его до последнего человека.

Буденный быстро оценил обстановку и, не желая зря губить людей в неравном бою, решил отходить на станицу Великокняжескую, где находился сильный красногвардейский отряд.

Он спустился с холма и со своими всадниками поскакал к левому флангу, откуда, как он решил, должна была атаковать конница белых...

Лежавший в цепи бородатый партизан, по всей сноровке бывалый солдат, зло выругался.

— Куда бьешь, раззява?! — крикнул он парнишке в солдатской папахе. — Куда бьешь?! Вон они, по-над дорогой. Ниже, ниже бери!

Парнишка, зажмурившись, выпалил и тут же кивнул свистнувшей пуле.

— Вояка! — рассердился старый солдат. — Погоди, ужо я тебя научу! — Он приподнялся, потянулся к винтовке и, ахнув, ткнулся головой в притоптанный снег.

— Дядя Иван! Дядя Иван!.. Ты что, дядя Иван?! Убили тебя? — Парнишка, весь дрожа, тормошил плечо солдата, но тот лежал без движения.

Совсем рядом разорвалась граната. Парнишка побледнел, бросил винтовку и кинулся вниз по пологому склону. За ним бросился другой, третий, побежали остальные... Тогда слева показались всадники. Размахивая шашками, они настигали бегущих...

Буденный решил спасти людей от истребления. Он

подал команду резерву и с обнаженной шашкой бросился на белых, которые тут же прекратили преследование, обратив всю свою ярость на неожиданно появившихся всадников. Замелькали вспененные в удилах конские морды, потные лица, послышались скрежещущие звуки клинков, стоны и крики. Буденный взмахивал шашкой, отражал сыпавшиеся отовсюду удары, рубил и колол. Но надо было уходить — стайка храбрецов быстро таяла. Буденный вырвался из окружения наседавших со всех сторон всадников и карьером поскакал на хутор Казюрин. С ним ушло несколько казаков...

4

Станица Платовская притихла, затаилась в предчувствии тревожных событий. В просторном курене, выходившем на станичную площадь, сидел у окна старый казак Иона Фролов. Тут же, в комнате, находилась совсем древняя старуха Агеиха, дравшая в углу гусиные перья, и дочь Ионы — Настасья, полногрудая, румяная девка.

На площади, как и на улицах, было пустынно. И хотя был уже полдень, из дворов не появлялось ни единого человека.

— Как вымерло все, — вглядываясь в окно, сказала Настасья.

Но тут из переулка выскочило несколько конных. За ними выехало старомодное ландо, запряженное парой рослых караковых лошадей. В ландо сидели два генерала. Вслед им хлынули конные.

— Иде ж они такой фаэтон подцепили? — раздумывал Иона Фролов, глядя в окно. — А, так это ж Королькова! — узнал он. — Да и кучером-то Афонька его. А вона Буренов поехал. Есаул калмыцкий. Помещик. Богатый человек.

— Батя, это на что же генералы понаехали? — спросила Настасья.

— Как это на что? — Иона строго посмотрел на нее. — Порядок производить... Мы так-то в пятом году в городе Ростове забастовщиков производили. Кого плетями, кого под расстрел. Досталось тогда тем забастовщикам.

— Батестовщики тогда-сь нашего анарала-губернатора с коловертня убили, — сказала скрипучим голосом бабка Агеиха.

— С какого «коловертня»? — спросила Настасья.
— С того самого, с которого человека застреливают.
— С левольвера?
— А кто его знает, милая, как оно правильно называется...
Старуха смолкла и, шепча что-то, принялась сгребать в кучу гусиные перья.
— Да, большие были дела... — вспоминал Иона Фролов, поглаживая пышную с проседью бороду. — В городе Ростове, вот как и тут, голытьба взбунтовалась. И вот мы с его превосходительством, с генералом Гнилорыбовым, подъехали ночью под Нахичевань. И артиллерия туды шла с Персиановских лагерей. Да, приезжаем, остановились. Его превосходительство генерал Гнилорыбов команду подал: «Справа, слева заходи!» А сам на своем воронке крутится, хлыстиком помахивает. «Караичев, ко мне!» Это нашей сотни есаула так звали. Караичев наметом до него. А его превосходительство говорит: Командуй — смирно! Буду речь держать к казакам». Мы построились, а он и говорит: «Казаки! Вы присягнули, не щадя живота, бороться за веру, царя и отечество! Вот, — говорит, — наш ампиратор поручает нам произвесть порядок в Ростове». И зараз есаул Караичев команду подает: «Во фронт стройся! Справа по три за мной!» И мы пошли на Ростов. А ночь — глаз выколи. Глядим, впереди спичка зажглась. Это, значит, рабочие пикеты сигнал подают: казаки, мол, появились! Караичев Петр Андреич шашку выхватил: «Карьером марш-марш!» Подлетаем к вокзалу. А ростовские босяки — по подвалам. Тут и выскакивает персиановская артиллерия. Снялась с передков. Да как вдарит залпом с четырех орудий прямо в двери подвала. Каша! Забастовщики выходят, сдаются. Куда же им, неоруженным. А его превосходительство генерал Гнилорыбов хлыстиком им по головам да по шеям: «Не бунтуйтеся, сукины дети!» И вот как взяли мы их под арест, он и говорит есаулу: «Объявляю всем казакам благодарность за хорошую службу». А я, как был тогда старший урядник, так еще сто рублей получил золотыми десятками.
— Глядите, куда это есаул поскакал? — сказала Настасья.
Иона Фролов глянул в окно. Есаул ехал вдоль улицы и стучал плетью в ворота.
— Ой, никак, и к нам! — всполошилась Настасья. — Хай ему черт, сатане!

В ворота сильно постучали.

— Мать моя, царица небесная! — зашептала Агеиха, часто крестясь.

Нетерпеливый стук повторился.

Ворча что-то, Иона Фролов вышел на баз. Над плетнем торчало скуластое лицо есаула. Он нагнулся с седла, сделал страшные глаза и, со свистом потянув в себя воздух сквозь зубы, зло крикнул:

— Иди вся на майдан! Слушай генерал! Кто не пошла — тому малахай! — Он погрозил плетью. — Кто тихо пошла — выпорем!

— Кого?! Меня пороть?! — заорал на него Иона Фролов. — А ты знаешь, неумытый, с кем говоришь? Я старший урядник! Я царю верой-правдой служил!

— Ты моя балачка слыхал? — Есаул, оскалив зубы, вновь потянул воздух. — Живо иди вся на майдан!..

Толпа на площади притихла. Казаки, иногородние, калмыки, перешептываясь, поглядывали на генералов Гнилорыбова и Семилетова, присланных атаманом Поповым в Платовскую для зачтения его обращения к населению. Особое внимание станичников привлекал внушительный генерал Гнилорыбов, который, чуть склонившись, говорил что-то появившемуся невесть откуда станичному атаману Аливанову, тонкому, юркому человеку.

— Мотька, дывись, — шептал один из мальчишек другому, украдкой показывая на генерала. — Дывись, якие вусы! Як козий линьтварь * в зубах держе!

Гнилорыбов выпрямился и громко откашлялся.

— Станичники! Господа старики! — обратился он к народу. — Его превосходительство походный атаман всевеликого Войска Донского генерал-лейтенант Попов поручил мне прочесть вам его обращение. — Гнилорыбов помолчал, принял от сотника Красавина бумагу с крупно напечатанным текстом и начал читать...

Потом Гнилорыбов опустил бумагу и оглядел молчаливо стоявших людей, высматривая, какое впечатление производит на них обращение походного атамана.

«Он или не он?» — размышлял Иона Фролов, очутившийся вблизи от обрюзгшего генерала, который, повернув голову с синими складками мешков под глазами, смотрел

* Козий линьтварь — козья шкура (укр.).

в сторону двух припоздавших казаков. «Он! — узнал урядник, когда Гнилорыбов бросил на него беглый взгляд. — Эх, как его превосходительство жизня постáрила. Скажи, как бороной по морде проехала. А каков был орел!» Теперь он узнал и голос продолжавшего читать генерала.

Гнилорыбов закончил обращение, призывавшее станичников вставать под знамена вновь формируемой армии, и объявил об общей мобилизации казаков и иногородних. Потом он сказал что-то рыжеватому генералу Семилетову и вместе с ним направился к ландо.

— Ура, господа атаманы!!. — завопил дурным голосом маленький кривоногий человек, пробиваясь сквозь толпу. На нем был рваный казачий мундир не по росту, с полковничьими эполетами и во всю грудь орденами, вырезанными из латунной банки. Он кричал и кривлялся, размахивая позолоченной палкой, выструганной наподобие атаманской насеки.

— Кто это? Что за шут? — гневно спросил Гнилорыбов.

— Покорнейше извините, ваше превосходительство, — заговорил Аливанов, почтительно беря под козырек и весь изгибаясь. — Это, как бы сказать, житель тутошний. Баренов фамилия. Васька-баловник кличут. Он, как бы сказать, дюже умом тронутый. Атаманом себя представляет.

— Черт знает что такое! — Гнилорыбов поморщился. — Как это вы позволяете терпеть такую мерзость среди казаков! Уберите его!

Аливанов мигнул казакам. Двое схватили и поволокли куда-то упиравшегося, кричавшего Ваську.

Эффект от выступления Гнилорыбова был несколько испорчен. Генералы под тихий смешок уселись в ландо и, сопровождаемые Аливановым, уехали обедать к станичному атаману.

Тем временем солдаты князя Тундутова сгоняли на площадь арестованных. Старики, бабы, подростки — кто со страхом, кто с ненавистью, кто с тайной жалостью — смотрели на подводимых к станичному правлению окровавленных, жестоко избитых людей.

Двое урядников остервенело хлестали плетьми разложенного у плетня старика.

Князь Тундутов, сотник Красавин и приехавший с ними коннозаводчик Сарсинов расположились в креслах на высоком крыльце.

— Знаете, князь, просто глазам своим не верю, что пришел конец этому дьявольскому наваждению, — говорил Сарсинов с торжествующим выражением на лишенном растительности широком лице. — Страх вспомнить! Хорошо, что я вовремя успел угнать табуны. Надеюсь, что больше это не повторится?

— Будьте покойны, мсье Сарсинов, — успокоил Тундутов, — мы теперь достаточно сильны для того, чтобы раз и навсегда покончить в совдепами.

— Дай-то бог, князь...

Истязуемый старик залился отчаянным криком. Сотник Красавин сбежал с крыльца, подошел к нему и присел на корточки.

— Ну, скажешь, кто еще спрятал большевиков? Говори, или я запорю тебя насмерть!

Старик прошептал что-то.

Сотник выпрямился и оглянулся вокруг.

— Кто знает деда Куняра? — спросил он, скользя взглядом холодных голубых глаз по толпе.

— Так что я знаю, господин сотник! — угодливо сказал Иона Фролов, уже нацепивший погоны урядника.

— Бери несколько человек. Там два большевика. Приведешь их сюда вместе с этим, с Куняром.

Толпа всколыхнулась. Послышались крики:

— Ведут! Ведут!..

— Где? Кого ведут?

— Милиционера Долгополова!

— Ой, бабоньки, ведут Ивана Платоновича!

— Кум, гляди, страх какой — бороду-то оторвали!

По площади вели человека в белье. Он медленно шел, зябко поджимая большие ступни босых ног. С подбородка, где были видны клочья вырванной бороды, стекала кровь.

Коренастый старик в зипуне, в шароварах с лампасами, заправленными в подшитые валенки, стуча сухой палкой-посошком, пошел навстречу Долгополову.

— Попался, антихрист! — старик замахал над головой посошком. — Забрал мой надел, крапивное семя! А где ты был, вражина, когда мои деды своей кровью завоевывали эту землю? А? Говори? Молчишь? Языка лишился?

— Отступись, дед, — тихо произнес Долгополов. — Я твою землю не брал. Твою землю Советская власть взяла, как у всех врагов трудового народа.

— Ишь, как насобачился говорить, — насмешливо сказал из толпы рыжий лавочник.

— Тебя, кожелупа, не спросили!

— Что он там болтает? Давай его сюда! — приказал Тундутов.

Долгополова подвели. Он посмотрел на Тундутова, которому Сарсинов шептал что-то.

— Ты, казак, совесть продал большевикам за двугривенный. Иуда! — сказал князь.

— Я совестью не торгую, господин полковник. Моя совесть выше вашей.

— Что-о? — Князь, подняв плеть, рванулся к милиционеру.

— Безоружного бьешь, волчья порода! — с ненавистью крикнул Долгополов.

Тундутов сделал знак глазами Красавину.

Сотник шагнул к Долгополову и схватился за шашку, но тут к князю подбежал маленький пожилой человек в форменной тужурке почтового ведомства.

— Господин полковник! Ваше высокоблагородие! — обратился он к князю, тряся жидкой бородкой. — Да что же это такое творится? Все как есть, все разграбили!

— Что разграбили? Да вы кто такой?

— Начальник почты.

— Большевик?

— Какой я большевик? Я охранял народное достояние, а ваши солдаты все поразграбили!

Князь Тундутов, играя надетой на руку плетью, тяжелым взглядом смотрел на начальника почты.

— Та-ак, народное достояние охраняли? Гм... Похвально! А мои солдаты пришли и разграбили? — переспросил он с издевкой.

— Один из первых смутьянов в станице, — тихо подсказал Сарсинов.

— Уберите его, — приказал Тундутов.

Рыжий лавочник бросился к начальнику почты и, крякнув, ударил его в висок. Начальник почты охнул, мотнул головой и сел в снег. Из носа и ушей брызнула кровь.

— Бей его! Бей! — кричал лавочник. — Эй, малый, Серега! Там, в закуте, четвертная с керосином, тащи ее живо сюда!.. Бей его, станишники! Бей вместях с Долгополовым!..

Из толпы выскочило несколько человек. Один, избочась, шел на Долгополова, выставляя перед собой здоро-

венный кулак. Долгополов рванулся, но державшие его калмыки повисли на нем... Долгополова и начальника почты сбили с ног и начали избивать.

Запыхавшись, прибежал «малый». Лавочник выхватил у него бутыль.

— Для Ивана Платоновича добра не жалко! — и, размахнувшись, он обрушил ее на лежавших избитых людей.

Чья-то рука чиркнула спичку.

— Эй, тут не надо! — прикрикнул Тундутов. — Уведите их на задворки...

К крыльцу подвели еще трех человек. Впереди медленно шел высокий старик. Он тяжело опирался на суковатую палку. Рядом с ним шагал Иона Фролов с револьвером в руке. Позади них конвойные подталкивали прикладами двух партизан.

— Обратите внимание, князь, — сказал Сарсинов, — это дед Куняр, самый старый человек в этих краях. Говорят, ему сто с лишним лет. Был ординарцем у Скобелева.

— А под старость выжил из ума и связался с большевиками, — подхватил Тундутов. — Ну, туда ему и дорога... Сотник Красавин, потрудитесь допросить.

Красавин подошел к деду Куняру.

— Ты укрывал их, старый дурак? — спросил он, прищурившись.

— Укрывал, — твердо ответил старик.

Сотник выхватил револьвер и, не целясь, выстрелил в лицо казака. Тот подогнул колени, сделал слабое движение рукой, словно хватался за воздух, и медленно опустился на снег.

Негодующий ропот прошел по толпе.

— Зачем старика убили?

— Неправильно!

— Опричник!

Красавин быстро повернулся, но тут же попятился, увидев возмущенные лица. Народ стеной шел на него.

— Бей его, братцы! — крикнул молодой казак-фронтовик, бросаясь к Красавину.

Но уже со всех сторон бежали белые, щелкая на ходу затворами винтовок. Со стороны церкви беглым шагом приближалась офицерская рота. Иона Фролов, вспомнив былое, бил по головам людей рукояткой револьвера.

— А ну, куды прешь?! Осади!..

— Что это вы, сотник? Разве можно так? — говорил по-французски Тундутов Красавину. — Вы же отлично знаете, в каком почете у них старики. Надо же, черт возьми, понимать, с кем вы имеете дело!..

5

Лучина вспыхнула и погасла. В хате стало темно, и только замерзшее окно продолжало неясно светиться под перемежающимся голубоватым светом луны. На улице проносился порывами ветер. Начиналась метель.

— Егорка, опять свет упустил! А ну, вздуй лучину! — сказал в темноте старушечий голос.

У печки кто-то завозился, шумно дыша. Угли заискрились, замигали, как шакальи глаза. Потом загорелся тоненький огонек, осветив мальчишеское лицо с надутыми щеками и падающими на лоб светлыми волосами. Постепенно из мрака выступила вся внутренность низенькой хаты с большой русской печью, широкой кроватью, столом и двумя лавками. На одной из них сидела повязанная платком худая старушка. Тут же оказалась и девочка лет четырех, во все глаза смотревшая на бабушку.

— А потом, бабуня? — спросила она.

— Потом? — Старушка ласково взглянула на внучку. — Потом Серый волк повез на себе домой Ивана-царевича и вместе с Аленушкой... А тут и сказке конец.

— Ну да! Так он и повез! — горячо заговорил Егорка. — Наши табунщики волков плетями секут. Как он какую овцу схватит, а они за ним на ко́нях. И бьют и бьют его смертным боем, покуда он сдохнет... А то — верхом повез! Как бы не так!..

На улице один за другим глухо прокатились два выстрела.

— Царица небесная, матушка! — Старушка с осуждающим выражением на старом лице покачала седой головой. — Опять кого-то колотят...

— Сколь народу поколотили, — подхватил Егорка. — А этот, главный начальник, Тундуткин, самолично двух наших шашкой зарубал.

В окно кто-то стукнул.

— Это кто ж такой? — Старушка подняла голову и прислушалась. Стук повторился. — Егорушка, открой, — быстро перекрестившись, сказала она.

Вместе с седым облаком морозного пара в хату вступил крупный человек в окровавленном нижнем белье. Держась рукой за стену, он сделал несколько неверных шагов и тяжело опустился на лавку. Теперь стало видно, что его голова со слипшимися волосами была покрыта сплошь кровавой корой. На обмороженной черной щеке шла наискось глубокая ссадина.

— Это чей же? — с испугом спросила старушка.

— Воды, бабуся, — не отвечая на вопрос, попросил человек.

Старушка вскочила, трясущейся рукой почерпнула из ведра и подала ковшик. Раненый жадно пил, булькая в горле водой. Выпив ковшик, он благодарно взглянул на старушку и попросил еще. И уже после четвертого ковшика шумно вздохнул и сказал:

— Не здешний я, бабушка. Как хотите — заявляйте, если боитесь, я от вас не пойду.

— Да что ты, родной мой! Да неж мы нехристи какие, человека губить! — Старушка махнула сухими руками. — Эка тебя изуродовали! — говорила она, не сразу заметив, что раненый медленно валится на лавку. — Постой, постой, сынок, сейчас фельдшерицу позовем... Егорушка, беги за Катериной Миколавной, скажи: бабка, мол, помирает. А об этом ни-ни!

Егорка блеснул живыми глазами на раненого, кивнул головой и шмыгнул за дверь.

Старушка повздыхала, стряхнула с лучины нагоревший уголек и, погладив притихшую девочку по голове, склонилась над раненым.

— Эва, как, окаянные, изувечили... А какой молодой да красивый... И чем-то на моего Петюшку похожий... — вспомнила она сына, погибшего на германском фронте. — Ах, сынок, сынок! Поди, и по тебе мать тоскует. Сердце материнское, оно, ох, как чует все... Что же я, старая, ничего не подложила ему? Постой, уж не помер ли? — Старушка всполошилась, схватила зипун и, свернув, подложила под голову раненому.

Тот глубоко вздохнул.

Дверь отворилась. В хату поспешно вошла миловидная девушка в засыпанном снегом коротеньком полушубке.

— Что с вами, Иовна? — широко раскрывая серые глаза, с некоторым недоумением певуче спросила она.

— Ничего, ничего, Катенька. Вот погляди, — Иовна

показала на лавку. — Егорушка, иди глянь, чтобы кто не зашел.

Катя подошла, заглянула в лицо раненого, вскрикнула и даже попятилась. На ее лице появилось выражение ужаса, брови взлетели, маленький рот приоткрылся.

— Господи, да как вы сюда попали?! Ведь вас расстреляли!

Бахтуров раскрыл глаза и снова закрыл их.

Катя растерянно оглянулась.

— Бабушка, как он попал к вам? — часто моргая, спросила она.

— Зашел, напился воды да вот упал на лавку... А ты неж знаешь его?

— Я на площади была. Видела, как его повели на расстрел. Он приезжий из Ростова...

— Начальник, что ли, какой?..

Но Катя уже не слушала ее. Она быстро сняла полушубок, раскутала шаль с головы и, подоткнув под косынку черные вьющиеся волосы, попросила горячей воды.

Ран у Бахтурова не оказалось, но он был жестоко избит. Голова, грудь и спина были покрыты кровавыми ссадинами. Катя умело накладывала повязки. Бахтуров, очнувшись, наблюдал за ее движениями.

— Ну вот, как будто и все.

Бахтуров с благодарностью в больших карих глазах смотрел на нее.

— Спасибо, сестра, — он взял ее руку и крепко пожал.

— Мы вас на постель перенесем, — предложила она.

— Нет, нет, не нужно, — возразил Бахтуров. — Я чувствую себя хорошо. — Он присел на лавке. — Только вот не знаю, как быть с одеждой? Нельзя ли достать что-нибудь? Я возвращу...

В сенях послышался шум, и в хату вбежал Егорка, держа за рукав полушубок.

— Бабуня, солдаты! — крикнул он. — Сюда идут!

Иовна заметалась по хате, не зная, куда укрыть неожиданного гостя. Сквозь вой ветра под окнами заскрипели шаги. Бахтуров, как был, кинулся в сени, но тут же чьи-то цепкие руки схватили его.

Бахтуров с силой передернул плечами. Кто-то сорвался с него и, ударившись, ахнул. Потом его снова схватили и втащили в хату.

— А товарищ ростовский комиссар! — насмешливо

сказал сотник Красавин, поднимая фонарь к лицу Бахтурова. — Оказывается, Бахтуров, чудеса еще бывают на свете, и мертвые воскресают... Ах, сукин сын! — Он тронул подбитый глаз. — Ну, за это мы еще с тобой посчитаемся, — пообещал он и снова поднял фонарь к самым глазам комиссара.

— Опустите фонарь, негодяй! — сказал Бахтуров.

— Что-о? — испуганно ахнув, сотник шарахнулся в сторону. Ему почудилась рука с пистолетом.

— Не бойтесь, это кочерга, — сказал насмешливо Бахтуров. Он показал глазами на высунувшийся из-за печи конец кочерги.

— Связать! — приказал сотник, досадуя на свое малодушие и слыша пересмех казаков.

— Живуч, гад! — сказал урядник Фролов. — А ну, руки назад! Вяжи, ребята, его!

Приказав вести Бахтурова в штаб, Красавин собрался было идти, но тут вспомнил про мальчишку. Он оставил при себе Иону Фролова, поднял фонарь, огляделся и, приметив Егорку, схватил его за ухо.

— А ты, паршивец, зачем предупреждал? — заговорил он, больно теребя Егоркино ухо. — Кто тебя посылал?

Мальчик залился отчаянным криком.

— Господин офицер, как вам не стыдно? — произнес из темного угла молодой девичий голос.

Иовна выступила вперед и схватила Егорку.

— С маленьким-то каждый справится! Ишь, связался черт с младенцем!

— Уйди, старая ведьма! — Красавин ткнул в грудь старуху и высоко поднял фонарь.

— Кто такая? — спросил он, увидя в углу стоявшую девушку.

— Так это фельшерица тутошная, господин сотник, — угодливо подсказал Иона Фролов.

— Фельдшерица? — Красавин внимательно оглядывал девушку. — Раненому большевику помощь оказывали?.. На мобилизационном пункте были?.. Нет?.. А вы знаете, что за невыполнение приказа подлежите военно-полевому суду? Фролов, — обратился сотник к уряднику, — у нее здесь родственники есть?

— А как же, господин сотник, мать при ней, — бойко ответил урядник. — Воронежские. Прошлый год прибыли. Кудиновы фамилия.

— Очень хорошо. — Красавин с довольным видом

оглядел Катю. — Так вот, барышня, у нас разговор короткий. Будете плохо работать — ваша мать пострадает. Понятно? Ну ладно, надеюсь, что мы найдем общий язык... Фролов, иди с барышней на квартиру. Пусть возьмет вещи. А потом приведи в штаб. Я отвезу ее к генералу.

Красавин бросил на девушку насмешливый взгляд и, придерживая шашку согнутой в локте рукой, вышел на улицу.

— Ну айда! — злобно сказал Иона Фролов. Он расстегнул кобуру и вынул револьвер. — Если побежишь — застрелю. Выходи!

6

Яким Сердечный чудом спасся от расстрела. После команды «пли» он упал и прикинулся мертвым. До ночи лежал под трупами. Потом выбрался, раздобыл лошадь и и без шапки, босиком примчался в хутор Казюрин. Теперь он сидел перед Буденным и рассказывал о событиях в Платовской. Тут же, в небольшой хате с земляным полом, находились два брата Буденного, хуторской кузнец Иван Колыхайло и несколько молодых казаков.

Яким Сердечный рассказал о страшной смерти милиционера Долгополова и начальника почты, сожженных живьем, об избиении партизан. Около трехсот человек было арестовано и заперто при станичном правлении. Казнь их назначена этой ночью на рассвете.

Буденный слушал, хмурясь, посматривал на поседевшую за один день голову товарища, а сам думал о том, как прийти на помощь захваченным.

— Так ты говоришь, Городовикова не было среди расстрелянных? — спросил он, когда Сердечный кончил свой рассказ.

— Нет. Дед Барма говорил, что под Городовиковым коня убили. А ка́деты кричат: «Бери его живого! Генерал обещал награду!»

— Куда его дели?

— Не знаю.

— А Бахтуров?

— Убили его.

Буденный сокрушенно покачал головой, резкая морщинка легла меж его широких бровей, рука, лежавшая на столе, выбивала барабанную дробь.

— Сколько их там? — помолчав, спросил он.

— Ка́детов?

— Да.

Яким Сердечный сказал, что офицерская рота вместе с генералами ушла обратно в зимовники, но в Платовской осталось сотни полторы с батареей.

— Помрем, а своих выручим! — произнес Буденный решительно. — Нет, не помрем, нам еще жить надо, — поправился он, — а выручить — выручим!

Яким Сердечный недоуменно посмотрел на него.

— А с чем выручать-то, Семен Михайлович? У них, гляди, сила какая. А у нас ни людей, ни оружия!

— Вот у меня наган есть, — Буденный опустил руку на кобуру. — Тебе винтовку дам. Ну? У братьев дробовики, — он бросил быстрый взгляд на братьев. — Пойдете с нами? — Братья утвердительно кивнули головами. — Ну а ты, Колыхайло? — Буденный повернулся к сидевшему в углу хуторскому кузнецу, рослому, рябому, очень сильному, пожилому уже человеку.

— Пойду. Я дубину возьму, — твердо сказал Иван Колыхайло, переводя взгляд на свои огромные руки.

— Ну, кто еще? — Буденный вопросительно обвел глазами собравшихся. — Я ведь давно не был с вами. Почти пять лет отсутствовал. Кто еще есть подходящий на хуторе? Может, Беспалого возьмем? Он парень здоровый. Ты его хорошо знаешь, Яким?

Сердечный в ответ безнадежно махнул рукой.

— Нет, не гожий он для этакого дела. Только подведет. Он, как говорится, без винта в голове. Шалый.

— Ну раз так, то придется оставить. Кого еще?

— А мы на что? — обидчиво заговорил молодой чубатый казак, переглянувшись с товарищами. — Разве мы ненадежные какие люди?

Буденный весело посмотрел на казаков.

— А о вас и речи нет, — произнес он, похлопав по столу широкой ладонью. — Прямо сказать, знаю, что и спрашивать не надо... Ну вот, собралось нас семь человек, — заключил он. — А если по качеству будем считать, то выйдет не семь, а все семьдесят! Да неужели с такой силой мы не разобьем белогвардейскую сволочь, будь она проклята! А? Как думаете, хлопцы? Разобьем?

— Разобьем! — уверенно подхватил Иван Колыхайло.

— Семен Михайлович, я сначала не хотел говорить:

Михайлу Ивановича тоже забрали, — прерывисто заговорил Яким Сердечный.

— Отца взяли? — Буденный нахмурился. — Что же они, и со стариками воюют? Так... так... Ну, еще поглядим, чья возьмет!

Приближался рассвет. На востоке протянулась чуть заметная сероватая полоса. Ветер приутих, и тучи медленно ползли над станицей. Кружась в воздухе, падал пушистый снежок.

Несколько человек, как тени, скользнули в лощину. Совсем рядом послышались переливающиеся звуки бегущей воды. Журчал родник — Гремячий колодец, служивший причиной стародавней распри казацкого и калмыцкого населения станицы.

Выбираясь к гребню лощины, Буденный полз по хрустевшему насту. Как и всегда, в холод у него ломило простреленную ногу, и он, досадуя на боль, сердито морщил покрытые инеем брови.

По дороге сюда к ним пристало еще десятка полтора человек, верных бойцов, и теперь Буденный был твердо уверен в успехе.

На горизонте блеснул слабый луч, и сразу же в рассветном тумане стал виден силуэт церкви. Они были почти у цели. В разведку отправился Яким Сердечный с молодым казаком.

Со стороны станичного правления, где был виден желтый свет покачивающегося над крыльцом фонаря, доносилось приглушенное расстоянием нестройное пение. «Напились, — подумал Буденный, — с пьяными скорее управимся». Собственно, чувство уверенности в успехе налета появилось у него еще в ту минуту, когда он, слушая сообщение Якима Сердечного, решил освободить захваченных станичников. Он учитывал, что торжествовавший победу князь Тундутов не выставит сильного охранения — красных отрядов поблизости не было. Это давало возможность внезапно напасть на противника.

Вблизи послышался шорох. Буденный пригляделся. Разведчики тащили кого-то.

— Ух! — тяжело вздохнул Сердечный, вытирая потный лоб рукавом. — Вот, часового сняли. Здоровый, черт!

— Вы его крепко зашибли, — сказал Буденный, тщетно стараясь растолкать связанного белогвардейца. — Ну и черт с ним! Как там? Говори!

Яким Сердечный рассказал, что вокруг станичного правления заметно большое движение. Видимо, готовятся вести арестованных к месту расстрела. Там же, у крыльца, стоят два орудия и пулемет.

— А что, ежели нам эти пушки залобовать да по правлению гранатой вдарить? — предложил кузнец Иван Колыхайло.

— Так там же наши сидят! — сказал Буденный. — Вот что, товарищи, слушайте. Первое дело — не отставать, бить всем вместе, дружно. Помните, что своих выручаем. Понятно? За мной!

В сырой утренней мгле послышались приглушенные голоса. Кто-то ругался. Потом другой голос крикнул:

— Не смей бить, кадетская морда!

От станичного правления потянулась колонна. Буденный поднял голову, пригляделся и увидел тяжело идущих, согнувшихся людей. Их было человек шестьдесят. По сторонам, держа винтовки на изготовку, шла полусотня конвойных.

Колонна приближалась. Стало слышно, как хрустко поскрипывает снег под ногами нестройно идущих людей. Мимо потянулись головные ряды. Буденному показалось, что он видит отца.

— А ну, по коням! — сказал он вполголоса. — Атакуем их в конном строю.

Люди быстро поползли в противоположную сторону.

Колонна пленных повернула в лог, когда над дорогой с громким криком показались какие-то всадники.

— Ура!

— Бей!..

— Кидай оружие!..

Пленные остолбенели. Потом, сообразив, бросились на конвойных. Они хватали их, валили в снег, вырывали винтовки, били прикладами, душили. На крыльце вспыхнуло, затрепетало пламя из ствола пулемета. Но Иван Колыхайло, забежав сбоку, обрушил дубину на голову пулеметчика.

Зазвенели разбитые стекла: из окон правления стали выпрыгивать люди. Пригнувшись, они разбегались в разные стороны. Промчался, почти лежа на шее неоседланной лошади, тучный человек в нижнем белье. Вслед ему захлопали выстрелы. Человек направил лошадь через плетень и скрылся в рассветном тумане...

Смертники, возвращенные к жизни, яростно атаковали

правление, где на большом дворе белые еще сопротивлялись. Яким Сердечный поднял в атаку своих бойцов. В воротах завязалась рукопашная схватка. Люди дрались штыками, прикладами, стреляли в упор. Сильный крик заставил всех оглянуться:

— А ну, сторонись!

Иван Колыхайло, кружа дубиной над головой, пробился во двор. Вслед за ним хлынули остальные.

Белые заметались. Некоторые попрыгали через забор. Другие подняли руки. В несколько минут все было кончено. И лишь тогда бойцы увидели, что среди них нет Якима Сердечного. Он лежал в воротах, широко раскинув руки. Выстрел в грудь унес его жизнь...

К Буденному со всех сторон подходили бойцы. Многие вели в поводу захваченных лошадей. Разгоряченные, часто дыша, партизаны делились между собой подробностями только что пережитой схватки.

— Только он на меня, а я его как стукну! Так он два раза перевернулся!

— А Тундуткин, чи Тундутов, в одном исподнем драпанул, было конем меня зашиб!

— Теперь нам, Семен Михайлович, в самый раз на зимовники ударить! — предлагал здоровенный партизан с забрызганным кровью лицом.

— Правильно! — подхватили бойцы.

— Навести концы гадам!

— Уничтожить под корень осиное гнездо!

— Они от нас не уйдут, — заговорил Буденный, нахмурившись. — Только прямо сказать, товарищи, надо нам сначала организоваться. А если пойдем толпою, то толку не будет. А вот... — Буденный не договорил: кто-то крепко взял его за руку. Он оглянулся и увидел бледное, густо заросшее седой щетиной родное лицо.

— Ах, сынок! Сема... Спас... Сколько народу от смерти отвел! Прими мое отцовское... — У старика задрожало лицо, из глаз полились крупные слезы, он протянул руки к сыну.

Буденный обнял отца, чувствуя, как мелкая дрожь сотрясает его еще крепкое тело.

Вместе с отцом подошел Бахтуров. Был он в наспех накинутом поверх белья полушубке со свежими следами сорванных погон, в мерлушковой шапке и солдатских сапогах.

— Товарищ Бахтуров?! — Буденный развел руками. — Да вас же убили?

— Да, почти, — по красивому лицу Бахтурова мелькнула улыбка. — Но, как видите, остался живой... — Он свернул закурить из чьего-то кисета и несколько раз подряд жадно затянулся махоркой...

Ночной налет дал партизанам около двухсот подседланных лошадей, сотни полторы винтовок, несколько пулеметов и батарею в полной запряжке. Но среди освобожденных Городовикова не оказалось. Буденный подумал и решил, что Городовиков еще раньше был отправлен в зимовники.

Весть о разгроме карательного отряда быстро разнеслась по округе. В Платовскую потянулись добровольцы. Кто шел пешком, кто ехал верхом, а кто и одвуконь, ведя в поводу заводную лошадь. Подходили и небольшие партизанские отряды из верхнедонцев. Шли малоземельные калмыки... В Полтавской последние дни было спокойно. В направлении Хорькова брода разведка все же велась беспрерывно. Но Попов не давал о себе знать, видно, не мог опомниться после разгрома. Сегодня ему тоже не повезло. Партизанский разъезд отбил у белых небольшой обоз и походную кухню.

Пользуясь передышкой, Буденный сколачивал свой отряд. Бойцы были разбиты по сотням, назначены командиры и введены строевые занятия. В общем, пока все шло так, как надо.

Наступать на Попова с небольшими пока силами было нельзя. По сведениям, полученным от перебежчиков, атаман располагал двумя конными полками.

«Нехорошо, нехорошо получается», — думал Буденный. Его беспокоила мысль и о захваченной им батарее. Пока она бездействовала. Со смертью Якима Сердечного в отряде не оказалось ни одного знающего артиллериста.

Буденный посмотрел в окно на станичную площадь, где шли занятия верховой ездой. Занимались только иногородние. Казаки стояли кучкой в сторонке. Каждый взвод занимался на отведенном ему месте, и издали казалось, что на площади кружится под ярким солнцем бесконечная карусель всадников.

В сенях послышались шаги. Дверь приоткрылась.

— Семен Михайлович, тут до вас какой-то человечек

пришел, — сказал Федя, ординарец Буденного, молодцеватый, бойкий казак с безусым лицом.

— Ну и веди его сюда. — Буденный подошел к столу, взял карту, свернул ее и убрал в сумку.

Дверь широко распахнулась. Зацепив широченным плечом за косяк так, что дрогнула хата, в комнату вошел смуглый, с большим чубом, высоченный парень лет двадцати. Светлые кудрявые волосы выбивались из-под рваной шапки на его чистый лоб. Из-под расстегнутого на груди зипуна и ворота рубашки виднелась часть могучей волосатой груди. Парень сделал шага два от порога, остановился и молча снял шапку. Его простоватое лицо с большим носом и маленькими глазами понравилось Буденному с первого взгляда.

— Чего тебе? — спросил он, оглядывая мощную фигуру вошедшего.

— Желаю поступить до товарища Буденного, — сказал парень глуховатым баском.

— Я Буденный. А ты кто такой? Документы есть?

— Есть. — Парень показал огромные, как чашки весов, ладони, сплошь попятнанные черными точками.

— Шахтер?

— Шахтер... Коногон. С Александрово-Грушевска, с парамоновских шахт *.

— Ого! Издалека же ты, братец, пришел! А откуда узнал про наш отряд?

— Слухом земля полнится, товарищ командир, — весело, чувствуя, что Буденный поверил ему, сказал шахтер. — Да я ж не один. Сегодня еще придут наши. Человек двадцать. Тихо идут. Я вперед ушел.

— Что же ты такой неорганизованный! Своих бросил!

Парень ухмыльнулся. Выражение чрезвычайного добродушия разлилось на его широком лице.

— Да нет, я вроде как разведать, узнать, принимают ли нашего брата.

— Мы шахтерам всегда рады, — сказал Буденный, испытующе глядя на парня. — Прямо сказать, толковый народ... Как твоя фамилия, товарищ?

— Дерпа, товарищ командир.

— Скажи-ка мне, товарищ Дерпа, нет ли среди ваших шахтеров артиллеристов?

---

* Ныне город Шахты.

— Артиллеристов? — Дерпа подумал, почесав большой нос. — Постой, кажись, есть... Правильно, есть! Шаповалов там идет. Так он всю войну в артиллерии служил... Этим, как его... унтер-офицером, что ль? С двумя лычками домой пришел. А потом двое Лопатиных идут. Отец и сын. Так батька тоже артиллерист. Ну, а сынок, тот еще молодой, лет восемнадцати.

— Ты-то сам не служил?

— Какая моя служба, товарищ командир! У меня отсрочка была. А потом взяли. Ну, пробыл я там дней с пяток, а тут и революция. На том моя служба и кончилась.

— То-то вижу, что ты не служил.

— Извиняемось! — Дерпа сдвинул ноги и вытянулся. — Мне и самому хочется, товарищ командир, пройти всю эту науку. А то как же кáдетов бить неученому?

— Ну хорошо, хорошо, — Буденный дружески хлопнул его по плечу. — Этих чертей-дьяволов можно бить и и неученому... Ел что-нибудь сегодня?

— Вроде не пришлось, товарищ командир. Какая сейчас пища! А под окнами просить не привычен.

— Ну ладно. Сейчас мы тебя накормим. А потом явишься в первый взвод к товарищу Ладыгину. Он определит тебя к месту. Только вряд ли под тебя сразу коня найдем. Повременить придется.

Буденный позвал Федю и велел ему отвести Дерпу к захваченной кухне и хорошенько накормить.

«Вот это богатырь! Вот это я понимаю!» — думал Буденный, провожая взглядом Дерпу, который, опять зацепив плечом за косяк, скрылся за дверью.

Кузнец Иван Колыхайло, добровольно взявший на себя обязанности повара, налил Дерпе полкотелка жирного борща.

— Больше, дядя, лей! Больше! — сказал Дерпа, заглядывая в котел и шумно потянув большим носом.

— А съешь? — кузнец с сомнением покосился на Дерпу.

— На то она и пища, чтоб ее есть.

— Ну смотри, — Колыхайло наполнил котелок до краев.

Дерпа взял котелок, поставил его тут же на землю и, приняв от кузнеца полбуханки хлеба, начал так уплетать, что партизаны только перешептывались и разводили руками.

Дерпа выскреб котелок, доел хлеб и попросил добавки.

Кузнец с недоверчивым удивлением посмотрел на него, однако тут же выдал добавку.

Дерпа сам отломил добрый кусок от другой буханки.

— Ничего себе! — сказал кузнец.

— А что? — Дерпа усмехнулся. — Большому куску и рот радуется.

Закончив и второй котелок, он поблагодарил Колыхайло и, переваливаясь, медленной походкой сытого человека направился на улицу, где слышались звуки гармони.

— Ну и силен! — сказал кузнец. И, вспомнив, с каким выражением Дерпа просил добавки, он взялся за бока и захохотал.

Дерпа оглянулся. Его добродушное лицо потемнело. Он тяжелыми шагами вернулся к кузнецу.

— Ты чего, дядя, смеешься? — спросил он сердито. — А ну, давай потягаемось! — вдруг весело предложил он, меняясь в лице.

Колыхайло с сомнением его оглядел. Хотя и сам кузнец обладал большой силой, но этот верзила был, пожалуй, посильнее его. «Хотя кто его знает, все-таки сыроват паренек, а задается для форса», — подумал кузнец.

— Давай, давай потягаемось! — настаивал Дерпа.

— Ну что ж, можно, — согласился кузнец.

Они сели на землю в уголке двора, где снег уже стаял, плотно соединили ступни и взялись за руки. Партизаны обступили их плотной толпой. Но, только еще почувствовав мощные руки Дерпы, кузнец понял, что проиграл. Это понял и Дерпа. Он мог одним рывком оторвать кузнеца от земли, но внутренний голос сказал ему, что сразу этого делать не следует. «Зачем обижать старого человека, — думал Дерпа, — нехай покуражится». Он даже сделал вид, что напрягает все силы, и слегка шевельнулся.

— Давай, давай, Иван Евсеич, нажми! — поощрял кузнеца старик партизан. — Жми, Евсеич, наша берет!

Но тут Дерпа сделал легкое движение руками. Лицо кузнеца налилось кровью, на лбу вспухла синяя жила, он шевельнулся и стал медленно подниматься.

— Пусти руки, дьявол! Раздавишь! — прохрипел он. — Сдаюсь!

Дерпа принял руки, поднялся и, дружески кивнув кузнецу, пошел со двора.

— Это чей же такой? — с почтением в голосе спросил старик партизан.

— Федя говорил — шахтер, — сказал Иван Колыхайло с такой гордостью, словно сам был шахтером. — Ну и здоров! Недаром же он так здорово жрет!..

Покинув двор, Дерпа пошел на станичную площадь, где квартировал взводный Ладыгин, к которому ему надлежало явиться.

С крыш капало. Снег почернел и начал подтаивать. В извилистых провалах бежали ручьи. На солнечных местах сильно припекало, и по всему было видно, что весна в этом году будет ранней и дружной.

Хлюпая ногами по вязкой грязи, Дерпа с удовольствием думал, что перед самым уходом в отряд ему посчастливилось выменять у вернувшегося с фронта солдата добротные сапоги. Он выходил уже к площади, когда навстречу ему показался смуглый всадник с молодецкой посадкой. Тот ехал шагом на перебиравшей сухими ногами рыжей породистой лошади. Партизаны, крича что-то, подбегали к нему, жали руку и продолжали идти рядом с ним.

Всадник приближался, и Дерпа уже хорошо видел его молодое, монгольского типа лицо с подстриженными усами. Всадник подъехал к дому, где стоял Буденный, спрыгнул с коня и, накинув поводья на столбик, легко взбежал на крыльцо.

— Это кто ж такой приехал, братко? — спросил Дерпа у встречного партизана.

Тот с удивлением посмотрел на него.

— Ты что, не знаешь? Городовиков, Ока Иванович. С плена бежал...

Городовиков сидел у Буденного, пил чай и рассказывал, как ему удалось бежать из плена. В тот самый день, когда отряд князя Тундутова ворвался в Платовскую, Городовиков в неравном бою был схвачен белогвардейцами и под усиленным конвоем приведен в зимовники к генералу Попову, который захотел увидеть его и поговорить с ним. Попов никак не мог примириться с тем, что среди калмыков оказывается все больше большевиков.

Взглянув на упорно молчавшего Городовикова, генерал понял, что от него все равно ничего не добиться. Он досадливо покряхтел, приказал выстроить мобилизованных казаков и вывести к ним Городовикова.

— Вот, — сказал генерал, — перед вами Городовиков. Он большевик. Чего он достоин?

— Смерти! Расстрелять его в пример остальным! — подсказал Злынский.

Городовикова бросили в подвал. Избавление пришло неожиданно. Дежурным по караулам оказался бывший красный партизан, посланный еще ревкомом для работы среди населения. Он приготовил лошадей, под видом больного вывел ночью арестованного из подвала и вместе с ним умчался в степь. Но не отъехали они и двух верст, как услышали погоню. Загремели выстрелы, засвистели пули. Партизан был убит. Городовиков свернул в балку. Погоня пронеслась мимо. Но лошадь стала прихрамывать. В темноте он набрел на небольшой хутор. В одном из дворов стояли подседланные лошади. В доме ночевали белогвардейцы. Беглец пробрался в дом, раздобыл шашку, винтовку и только стал выводить со двора выбранную им лошадь, как один из белых проснулся, вышел на крыльцо и, увидев Городовикова, поднял тревогу, но поздно. Кровный донской скакун, рассекая могучей грудью воздух, уже отстукивал версты...

Потом Городовиков несколько дней скрывался по хуторам, и вот, узнав, что в станице Платовской свои, он приехал сюда.

— Ну и ловок! — сказал Буденный. — А я уж думал — тебя и в живых нет...

Городовиков поинтересовался, что нового произошло за время его отсутствия.

Буденный ответил, что есть решения высших партийных органов собрать все партизанские отряды к станции Гашун. Он выступает на будущей неделе. Что же касается других новостей, то на Украине развертываются большие события. Войска кайзера Вильгельма нарушили договор и перешли нашу границу...

7

В восемнадцатом году на Украине было особенно раннее лето. Уже в начале июня рожь пошла в колос и вымахала в человеческий рост, а подсолнухи налились зерном. Ждали небывалого урожая. Но тут с юго-востока потянули знойные ветры. Завяла рожь, поникли подсолнухи. Сухая земля, казалось, горела под солнцем. Так и в этот день душный воздух словно замер над степью. Стояла полная тишина. Даже не трещали кузнечики. Во-

круг не было заметно никакого движения, и только кобчик лениво парил в сизо-голубом небе.

Внезапно налетел жаркий ветер. Пробежав по иссохшей траве, он понес вдаль перекатами седоватую волну ковыля. Ветер донес приглушенный расстоянием шум. Шум приближался, и вместе с ним по высокой здесь насыпи железнодорожного полотна в степь медленно выполз товарный состав.

Оборванные люди, с черными от пыли и пота, истощенными лицами, тяжело брели рядом с вагонами, упираясь руками в подножки и поручни. Старик машинист выглядывал из будки чуть посапывающего паровоза. Голова машиниста под форменной с грязновато-белым верхом фуражкой была обмотана окровавленной тряпкой. Опустив руку, он помахивал гаечным ключом, словно подгонял приуставшую машину... Вдали, за белыми домиками степного полустанка, виднелись дрожащие в сизом мареве дымы уходивших эшелонов. 5-я Украинская армия Ворошилова почти в непрерывных боях против немецких оккупантов, с огромным количеством беженцев отходила к Царицыну. Семьдесят девять ее поездов уже подходили к Северному Донцу. Последний, восьмидесятый, отстал.

От полустанка навстречу поезду показался всадник в черной папахе. Он ехал шагом на худой маленькой лошади. На его круглом, с мягкими чертами загорелом лице лежала глубочайшая усталость. Поникшие светлые усы словно подчеркивали эту усталость.

— Ты машинист? — спросил он, подъезжая и направляя лошадь по ходу поезда.

— Я машинист, товарищ Пархоменко, — глуховатым голосом ответил старик.

— Что же ты так тихо везешь?

— Садись тогда ты, Александр Яковлевич, может, у тебя лучше дело пойдет, — сказал старик с едва уловимой мрачной иронией.

Пархоменко, недоумевая, посмотрел на него воспаленными от ветра и бессонницы глазами.

Машинист обернулся и показал на людей, тяжело бредущих на крутой насыпи. Ноги их скользили, песок и щебень сыпались в ров, а они, согнувшиеся, напряженные, продолжали идти, опустив глаза в землю.

Александр Яковлевич понял, что поезд движется почти одной силой этих людей.

— Видал донских бурлаков? — попробовал пошутить машинист, но тут же нахмурился и отвернулся.

— Что с паровозом? — спросил Пархоменко.

— Вода кончается. Сейчас совсем станем...

— Ты что, ранен? — Александр Яковлевич кивнул на обмотанную голову старика.

— Да так, чуть царапнула, — с пренебрежением сказал машинист.

Пархоменко слез с лошади и, опустив подпруги, направился навстречу тихо катившимся вагонам. Лошадь, тычась мордой в спину хозяина, пошла следом за ним. Все эти дни ни он, ни сам Ворошилов почти не смыкали глаз. Немцы упорно наседали на отходившую армию. Правда, вчера их ряды основательно потрепали, и ночь прошла спокойно. Но каждую минуту можно было ждать нового нападения, и теперь Пархоменко мучила мысль — как бы поскорей подогнать отставший эшелон.

Глядя на подавленных зноем, устало шагавших людей, со всех сторон облепивших вагоны, видя их осунувшиеся, истомленные лица, он чувствовал, что никакая сила не заставит их двигаться быстрее. Однако, приметив знакомых шахтеров, он все же сказал:

— А ну, друзья, нажмем! В шахте-то похуже бывало!

Седой шахтер освободил одну руку и поправил фуражку на голове.

— Не уговаривай, Саша, знаем, — хрипло сказал он. — Ты вот на что посмотри...

Рядом с ним, упираясь изо всех сил в подножку, шла располневшая женщина. Ее молодое лицо было сплошь покрыто черными потеками пота. Маленький сынишка семенил за ней, держась за подол.

— А ну, позволь, милая. — Александр Яковлевич осторожно отстранил женщину и, закинув поводья на руку, встал на ее место. — Тебе при твоем положении здесь делать нечего. Иди отдыхай.

— Правильно, Саша, — похвалил старый шахтер. — Я уже ей говорил, не хочет уходить. А тебя вот послушалась. Хорошо... Ну а насчет того, что хуже бывало, так это ты, милый, не прав. Хуже, чем сейчас, нам еще не бывало... Воды нет. Хоть бы дождь, что ли, пошел. Грудь горит. Смерть пить охота.

Пархоменко снял флягу, взболтнул ее и подал шахтеру.

— А ты? — удивился шахтер.

— Не хочу. Я только напился. Пейте, друзья.

Фляга пошла по рукам.

Пройдя некоторое время вместе с шахтерами, Александр Яковлевич возвратился к голове поезда. Машинист, высунувшись в окно, всматривался в широкую степь.

— Увидел что? — спросил Пархоменко.

— Пыль в степу! — коротко сказал машинист.

Александр Яковлевич одним махом вскочил на подножку. «Пыль в степи» было боевой тревогой для ворошиловцев-луганчан на походе. Это означало, что снова пылят к полотну немецкие кавалеристы на короткохвостых раскормленных лошадях. Раньше, когда эшелоны шли вместе, это не представляло особой опасности. Теперь для отставшего эшелона нападение было серьезной угрозой.

Пархоменко прикинул на глаз расстояние до впереди идущего поезда. Далеко. Верст пять. Но, возможно, услышат.

— Давай сигнал! — сказал он машинисту.

Выпуская последние пары, тревожно завыл паровоз. Эшелон остановился. В вагонах заплакали дети. Несколько сот вооруженных мужчин — шахтеры, металлисты, рабочие луганских заводов — выбежали на ту сторону рва и, щелкая затворами винтовок, стали занимать позицию вдоль полотна железной дороги.

— Вот жизнь! — сказал машинист. Он полез на тендер и стал прилаживать ручной пулемет.

— Умеешь? — удивился Пархоменко.

— А как же! — старик с явной гордостью посмотрел на него. — Я ж машинист. Как мне машину не разуметь? — произнес он вдруг молодым голосом.

В степи прокатился орудийный выстрел. Послышался все нарастающий свист. Снаряд разорвался неподалеку от пути, взметнув бурую тучу земли.

Пархоменко спрыгнул с подножки и, ведя лошадь в поводу, направился к залегшим бойцам. Прямо на него набежал с мешком на спине давешний старый шахтер.

— Ты куда, дед, с мешком? — спросил он.

— Гранаты тут, товарищ дорогой, — торопливо ответил шахтер.

— Смотри не взорвись! — Александр Яковлевич нагнулся и сильной рукой поправил мешок.

— Еще чего! Я их уж раз двадцать таскал. И все

живой! — Шахтер легкой побежкой пустился вдоль полотна.

Среди эшелона вновь разорвался снаряд. Загорелся один из вагонов. Повалил густой дым. В нем, как в тумане, забегали женщины с кричащими детьми на руках.

Клубившаяся в степи пыль приближалась. Солнце садилось, и на кровавом фоне заката стали видны броневик и черные силуэты скачущих всадников. По блестящим, лакированным каскам Пархоменко узнал немецких улан. Они стремительно приближались, ширясь по фронту. Обстрел прекратился... Над строем улан сверкнул длинной искрой блеск обнаженных сабель. Все притихло. Только слышался катившийся по земле конский топот.

— Огонь! — громко крикнул Пархоменко.

Почти в упор ударили пулеметы. С бронеплатформы полыхнули картечью две трехдюймовки. Лошади дыбились, падали и катились по земле, давя своих седоков. Но остальные, широко разомкнув строй, продолжали мчаться к полотну железной дороги.

— Встать! За мной! — крикнул Пархоменко, выбегая вперед. — На штыки их, ребята!

Шахтеры бежали за ним, кто выставив штык, кто схватив винтовку за ствол. Уланы наскочили плотной массой рыжих коней. В пыли замелькали сабли, приклады, штыки. Шахтеры сильными руками срывали всадников с седел, кололи штыками, сами падали под ударами сабель, но никто не побежал и не оставил товарищей.

Подняв брошенную винтовку, Александр Яковлевич дрался вместе с бойцами. Вдруг он увидел прямо перед собой искаженное злобой лицо офицера. Сверкнув высоко поднятой саблей, офицер обрушил удар, но Пархоменко успел вовремя прикрыться винтовкой. Офицер покачнулся в седле и выронил саблю.

— Бегут! Бегут! — на разные голоса закричали шахтеры. — Бей их, братва!

Уланы кучками и поодиночке покидали место схватки. Вслед им щелкали выстрелы. Пыль быстро рассеивалась, открывая широкий вид на холмистую степь. Выйдя из-под обстрела, уланы сбивались в колонну. Но тут навстречу им показались из балки какие-то всадники в красных рейтузах и таких же красных пилотках *. Они были кто в солдатских гимнастерках, перехваченных ремнями,

* Такую форму носили венгерские гусары в первую мировую войну.

кто в голубых гусарских доломанах. Впереди ехал на вороной лошади тонкий всадник, очевидно командир.

— Что за кавалерия? — недоумевал Пархоменко. — Откуда она?

И тут произошло неожиданное. Подпустив улан на близкое расстояние, гусары выхватили блеснувшие шашки и с криком понеслись в атаку на них.

— Вот жизнь! — весело сказал подошедший к Пархоменко старик машинист. — Да кто ж это такие?

Пархоменко молчал. Не отрывая глаз от бинокля, он наблюдал за схваткой. Его внимание привлек молодой командир, и он с восторгом, сам не замечая того, только ахал и покачивал головой. И было чему удивляться. Командир мелькал то тут, то там, и где бы ни появлялся его вороной конь, уланы валились из седел. Одну минуту ему показалось, что командир исчез, окруженный уланами. Но нет, вот он вновь появился, и сверкающий круг его широко пущенной сабли словно венцом накрыл место схватки...

«Молодец! Ах, молодец!» — прошептал Пархоменко, но тут же насторожился. В тыл командиру мчались галопом два улана. Но тот перехватил шашку в зубы, рванул револьвер из кобуры и, быстро повернувшись в седле, далеко выкинул правую руку. Раздались два выстрела. Один из улан ткнулся в гриву, другой взмахнул руками и, медленно клонясь на бок, вывалился из седла.

«Прямо черт какой-то! — подумал Пархоменко. — Ну и лихач!..»

— Побежали! — крикнул машинист.

Степь покрылась черными точками скачущих всадников. Было видно, как гусары нагоняли и рубили улан...

Бой заканчивался. На кургане, на фоне пылающего заката, недвижно стоял всадник. Золотисто-алые лучи отсвечивали на глянцевой шерсти его вороной лошади.

В степи разносились звонкие звуки сигнальной трубы. Со всех сторон к кургану скакали гусары. Некоторые вели в поводу захваченных лошадей.

Отряд построился в пешем строю. Командир съехал с кургана, слез с лошади и повел своих бойцов к железной дороге.

Пархоменко огляделся... Шахтеры откатывали горящий вагон. Несколько человек забрались в него и выкидывали мешки с хлебом и ящики. Другие подбирали убитых. Неподалеку, у насыпи, толпились женщины. Они

переговаривались тихими голосами, показывая одна другой в сторону рва.

Пархоменко подошел к ним. При виде его толпа расступилась. На дне рва лежала, откинув руку, убитая снарядом та самая женщина, которую он подменял у вагона. Рядом с ней, ткнувшись в траву, лежал вверх спинкой ее маленький сын с раздробленной головой. Бросалась в глаза его маленькая, уже пожелтевшая пятка.

— Кто такая? — тихо спросил Александр Яковлевич.

— Авраменко Мария, — сказала худая баба в солдатской стеганке, утирая глаза концами головного платка. — И до чего же сердечная была! Последним поделится... А работящая. Никогда устали не знала...

— А муж кто?

— Нету мужа. Под Луганском убитый...

Позади Пархоменко послышался топот множества ног. Он оглянулся. Шахтеры бежали навстречу подходившим кавалеристам.

Громкий приветственный крик покатился вдоль эшелона. Шахтеры бросали вверх шапки. Женщины махали платками. Ребятишки со сверкающими восторгом глазами шумной стайкой понеслись навстречу гусарам.

— Кто вы такие, ребята?

— Откуда вы, голуби? — спрашивали шахтеры, подступая к спешенным кавалеристам.

Гусары дружески улыбались, показывая из-под усов белые зубы, жали руки рабочим, закуривали из щедро протянутых кисетов, но говорить по-русски могли только двое или трое. Остальные поддерживали разговор мимикой да приятельским похлопыванием по плечу.

Пархоменко подошел к безусому командиру, который ясными голубыми глазами на загорелом лице, поражающем мужественной красотой, вопросительно смотрел на него.

— Особоуполномоченный пятой украинской армии, — представился Пархоменко, крепко пожимая руку командира отряда и дивясь, что такой молодой человек мог быть столь отчаянным рубакой. Он недослышал, как командир назвал себя.

— Так вы и эст пята украинска? А мы ужэ два дня ищэм вас, — весело заговорил командир, выговаривая «е» как «э» и не употребляя в разговоре мягкого знака. — Слышу, бой идэт, мы на стрэльбу! Нам хорошо вышло...

— Едет кто-то, — сказал машинист.

К эшелону мчались три всадника. Первым, круто осадив рыжую лошадь, спешился совсем еще молодой коренастый человек с жесткими щеточками усов под коротким, чуть приподнятым носом. Одет он был во все кожаное. На боевых ремнях, крепко обхватывающих черную куртку, висели шашка и маузер в деревянной лакированной кобуре. Звякая шпорами, он подошел к кавалеристам.

— Командарм пятой товарищ Ворошилов, — представил Пархоменко.

— Олеко Дундич. — Молодой командир вытянулся и отчетливым движением приложил руку к пилотке. — Прибыл к вашему распоряжению, товарищ командарм, и со сто пятидесяти саблей Интернационал эскадрона.

Ворошилов теплыми карими глазами внимательно смотрел на молодого воина.

— Очень рад, товарищ Дундич, — сказал он. — Вы подоспели вовремя. Я видел, как вы их рубили. Лихая рубка! Молодцы!

Ворошилову захотелось обнять смутившегося командира, но он удержался и только крепко пожал его руку.

— Кто вас направил ко мне? — спросил Ворошилов.

— От штаба Южной группы. Есть документ. — Дундич достал из полевой сумки бумагу и подал ее командарму.

Ворошилов начал читать, но от его зоркого глаза не ускользнуло, как Дундич осторожно снял севшую на рукав красную букашку и бережно пустил ее в траву. «Лев, — подумал он. — Лев с сердцем милого ребенка».

Со стороны подбежал гусар бравого вида. Он вытянулся перед Дундичем, доложил что-то на непонятном языке и отошел.

— Кто это? — спросил Ворошилов.

— Вахмистр... Старшина. Балог Калажвари имя ему.

— Кто он по национальности?

— Венгр. В эскадроне венгры, сербы, хорваты, гуцулы.

— А вы сами? — спросил Ворошилов.

— Серб... Товарищ командарм, — Дундич мучительно покраснел, — я сказал неправильно про мой эскадрон...

Только что получил рапорт. В эскадроне восемь убитых и три сильно раненные. Это значит — сто тридцать девять сабель.

Дундич ехал рядом с Пархоменко и по его просьбе коротко рассказывал о себе. В начале мировой войны он окончил белградский институт и получил место учителя в деревне. Но долго учительствовать ему не пришлось. Он был мобилизован и направлен в кавалерийскую школу. Окончив курс, получил назначение в гусарский полк. Воевал против австрийцев. Совершенно случайно (лошадь подвела) попал в плен к австрийцам. Был освобожден русскими. Потом оказался в лагере военнопленных в Одессе. И вот с первых дней Октября он примкнул к революции.

— Что же заставило вас пойти в революцию? — спросил Пархоменко.

Молодой командир пожал плечами.

— Трудно сразу сказать, — отвечал он, помолчав. — А я и не думал — раздумал... Само собой получилось. Как говорят? Сам определился.

Он мог бы еще много о чем рассказать, но умолчал из скромности.

— Не жалеете? — Пархоменко бросил быстрый взгляд на него.

— О чем?

— Что с нами пошли?

Дундич с удивлением посмотрел на Пархоменко.

— Как можно жалеть? — воскликнул он горячо. — Если я решил, то до конца...

«А ведь славный малый», — подумал Александр Яковлевич, любивший прямых и откровенных людей.

Они помолчали. Потом Дундич поинтересовался, куда они отсюда направятся. Пархоменко сказал, что армия движется на Царицын, и стал объяснять Дундичу, какое большое значение придается удержанию Царицына в наших руках. Оттуда идут десятки эшелонов хлеба, бакинская нефть. Но не только это является главным. Основное значение Царицына, оборону которого возглавил нарком Сталин, состоит в том, что удержание города красным командованием не дает возможности белым создать единый фронт от Сибири до Каспия.

8

В то время как армия Ворошилова все ближе придвигалась к Царицыну, сальские партизанские отряды собирались по приказу командования в районе степной станции Гашун. Отряды подходили с великим множеством беженцев. Ехали с семьями, ребятишками. Тут же гнали скот. Некоторые отряды двигались на колесах по железной дороге, за неимением паровозов впрягая в вагоны лошадей и волов.

На ночлег становились табором, выставляя вокруг сторожевые посты. У телег разжигали огни. Женщины хозяйничали, готовили варево. По утрам между возами перекликались петухи.

К началу июня вокруг Гашуна собралось несколько десятков тысяч народу: иногородние, беднота, вольница, не признававшая ни бога, ни черта. Порядка было мало, и Буденный, одним из первых приведший сюда свой отряд, до хрипоты выступал на митингах, стараясь поднять дисциплину. Хотя большинство партизан и слышать не хотело об этом, порядок все же мало-помалу налаживался.

Но с приходом в Гашун отряда Думенко с распущенной им вольницей дела пошли из рук вон плохо. Зараза переходила и на остальные отряды. Партизаны скидывали, переизбирали неугодных им требовательных командиров.

И вот Буденный направлялся к Думенко для решительного объяснения. Взятый им в табуне вороной жеребец шел ходким шагом. Временами он косил налитым кровью выпуклым глазом и дергал повод, норовя укусить колено всадника, но седок едва заметным сильным движением придерживал повод, и жеребец покорялся.

Только что прошел небольшой дождь. Из степи наносило горьковатые запахи. Солнце, просвечивая сквозь дымчатую пелену облаков, начинало садиться. На дальних холмах пылали снопы густо-красных лучей.

Буденный свернул вправо, направившись через стан партизанской пехоты. Тысячи распряженных телег, а среди них кое-где пушки и зарядные ящики занимали огромную площадь от железной дороги до синевшего вдали древнего сторожевого кургана с каменной бабой. Вокруг слышался гул голосов, рев скота, конское ржанье. На зарядном ящике играли ребятишки. Тут же, на телеге с изготовленным к стрельбе пулеметом, мать кормила

грудью ребенка. Простоволосая молодица в короткой исподнице, выставив колени, доила корову. Другие тоже занимались хозяйством. Кто кормил кур или гусей. Кто хлопотал вокруг подвешенного над огнем котелка. Слышались ритмичные звуки отбиваемых кос.

«Да, — думал Буденный, — вот так и воюй, связанный по рукам и ногам». Действительно, стычки с белыми больше сводились к защите беженцев, а не к уничтожению неприятеля. Надо было как можно скорее добираться к Царицыну, но некоторые отряды, разложенные думенковской вольницей, вообще не хотели двигаться дальше и на митингах выносили решения не уходить из родных мест.

Приехав в расположение конных партизан, занимавших старый казачий лагерь, Буденный отдал лошадь коноводу.

— Ну как, Семен Михайлович? — спросил Федя, оглядывая покрытого пеной жеребца, который, переступая с ноги на ногу, нетерпеливо перекатывал во рту удила.

— Хорош... Пойдет... — сказал Буденный. — Смотри выводи его хорошенько.

Узнав, что Думенко у себя, Буденный пошел мимо коновязей с привязанными вдоль них разномастными лошадьми. За ними среди землянок белели две-три палатки.

Скакал казак через долину,
Через маньчжурские поля.
Скакал он, всадник одино-окий...—

донесся хриплый голос из крайней палатки, где помещался Думенко.

«Опять пьяный», — подумал Буденный.

Он вошел в палатку. Три человека, поджав ноги, сидели на попоне вокруг большой миски с вареной бараниной. Один из них, толстый, чем-то похожий на Тараса Бульбу, говорил, обращаясь к Думенко:

— Я хохол. А шо такое хохол? Душа нараспашку и мотня в дегтю. Душа широкая. Понимаешь?.. Дай я тебя поцелую! — Держа в руке щербатую чашку и расплескивая спирт, он лез целоваться.

Буденный кашлянул. Думенко поднял на него красное лицо с широким, как у быка, низеньким лбом, обрамленным потными кудряшками рыжих волос.

— Ну, чего надо? — грубо спросил он, толкнув боль-

шим пальцем закрученные кверху колечки светлых усов.

— Поговорить, — спокойно произнес Буденный.

— Ну и чего? Говори. Это мои гости. Люди свои. — Думенко кивнул на сидевших.

Буденный значительно посмотрел на него.

— Секрет?

— Да.

— А ну, выйдите вон! — распорядился Думенко.

Сидевшие вытерли жирные руки о сапоги, неохотно поднялись и, косо поглядывая на Буденного, вышли.

— Ну давай говори... Постой, выпить хочешь? — Думенко взял бутылку и трясущейся рукой наполнил стакан.

— Не такое время, — отказался Буденный. — Так все в жизни можно пропить... А в первую очередь революцию. — Он посмотрел, где бы присесть, но ни табурета, ни лавки в палатке не оказалось.

В глазах Думенко мелькнула неприязнь. Он уже давно чувствовал, что Буденный выше его на две головы, и ненавидел его со всей злобой недалекого, завистливого человека.

— Ты это к чему говоришь? На меня намекаешь? — спросил Думенко, прищурившись и раздувая ноздри короткого носа.

— Ни на кого я не намекаю, товарищ Думенко. Я говорю прямо. Надо это дело кончать, — Буденный кивнул на бутылки. — Я прямо скажу: то, что вы делаете, не к лицу революционному командиру.

— Ты чего? — Думенко попытался встать, но смог только пошевелиться. — Ты чего? Мне указывать?! А кто ты такой?

— Спокойно, товарищ Думенко, я не указываю, а прошу вас, как командир командира, чтобы вы изменили свое поведение. Бойцы видят... Нехорошие разговоры... В отряде пьянство.

Думенко потянулся к спирту, но Буденный быстрым движением опрокинул стакан.

— Ах, вот ты как! — Думенко схватился за кобуру, но Буденный крепкой рукой перехватил его кисть.

— А ну, отставить!

— Пусти!..

Они молча боролись. И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы в эту минуту подбежавший боец не крикнул, приподняв полу палатки:

— Товарищ Думенко, командующий фронтом приехал!..

Ворошилов в сопровождении Пархоменко приехал в Гашун на бронепоезде. На станции оказалась тачанка. Ею и воспользовался предприимчивый Пархоменко. Лихие кони одним духом примчали их в лагерь. И теперь Ворошилов стоял у тачанки, отвечая на вопросы подбежавших бойцов — зачем их собрали в Гашун и скоро ли выступать.

Внезапно из-за длинного ряда землянок показался всадник.

— Кто это? Думенко? — спросил Пархоменко.

— Нет, Буденный, — сказал один из бойцов, стоявший поближе.

Буденный на всем скаку сдержал лошадь, присевшую на задние ноги, соскочил с седла, скользнул взглядом по приехавшим и подошел к Ворошилову, придерживая руку у козырька фуражки.

— А где товарищ Думенко? — спросил Ворошилов, приняв доклад и пожимая руку Буденного.

— Нездоров, товарищ командующий.

Ворошилов, уже знавший о слабости командира отряда, нахмурился. Но в эту минуту его не так интересовал Думенко, как стоявший перед ним смуглый, как-то особенно подтянутый командир со строгими зеленоватыми глазами.

— Где бы нам потолковать? — спросил Ворошилов.

— Так вот моя землянка, рядом, — показал Буденный. — Шагов двадцать, товарищ командующий...

Немного погодя Ворошилов и Пархоменко сидели за сколоченным из жердей низким столом с расставленным на нем скромным ужином.

Пархоменко молча ел и поглядывал на свежеоструганные бревна просторной чистой землянки с небольшим окном и застланной койкой у противоположной стены. Там же висели в углу бурка, шинель и полевой бинокль в чехле.

Ворошилов и Буденный беседовали. Разговор шел о личном составе отрядов, о том, за сколько времени партизаны, обремененные беженцами, смогут дойти до Царицына. Буденный развернул карту и, водя по ней пальцем, делился соображениями, как, по его мнению, лучше двигаться, чтобы сохранить силы людей.

Слушая его, Пархоменко отмечал про себя, что этот

молодой еще командир, по-видимому унтер-офицер, правильно разбирался во всех сложных вопросах. «А ведь обстоятельный человек, — думал он. — Такой в суматохе не потеряется. Нет. И если что решил, то не отступит... Не пьет... И, видно, в коне понимает...»

— Ну хорошо, — сказал Ворошилов, — мы вам поможем... Вот вы говорите, что с дисциплиной слабовато?

— Прямо сказать — плохо, товарищ командующий. Конечно, разные есть отряды. Вы бы нам дали побольше коммунистов, партийных работников.

— Дам... А как вообще бойцы смотрят на партию коммунистов?

— Да как вам сказать... — Буденный пожал плечами. — Народ-то еще малограмотный, темные есть. Но, помоему, партию коммунистов понимают как нужно. Да вы спросите любого бойца.

— А вы?

— Прямо скажу, что без партии нам как без головы. Деваться некуда.

— Та-ак... — Ворошилов задумался, потом взглянул на часы. — Ого, уже поздно!.. Вы сможете сейчас собрать командиров отрядов? — спросил он с озабоченным выражением на утомленном лице.

— Смогу, товарищ командующий.

— Собирайте. А на утро назначим митинг.

Буденный поднялся, надел фуражку и, звякая шпорами, покинул землянку.

— Ну как? — Ворошилов выпрямился, отложил карту и взглянул на Пархоменко.

— Свой мужик. И, видно, боевой, — отвечал тот, прекрасно понимая, о чем задан вопрос.

— Да, — подтвердил Ворошилов. — И, главное, мировоззрение наше... — Он встал из-за стола, одернул гимнастерку и, заложив руки за спину, начал медленно ходить по землянке.

Бахтурову стоило большого труда приехать в Гашун. Еще в памятный день разгрома в Платовской карательного отряда он твердо решил в ближайшем будущем возвратиться к партизанам, но обстоятельства сложились так, что партийный комитет был лишен возможности отпустить его сразу же. Теперь, получив эту возможность, Бахтуров приехал на фронт, но, к большой своей досаде, не застал Буденного.

Из разговора с бойцами Бахтуров узнал, что во время митинга, проводимого Ворошиловым и посвященного переформированию партизанских отрядов в регулярные части, в Гашун примчался израненный кавалерист, с трудом ушедший от погони. Он сообщил тревожные сведения. Село Мартыновка, находящееся в девяноста верстах от Гашуна, уже более месяца находится в осаде. Партизаны отчаянно сопротивляются. Им помогают женщины и дети. Белые обстреливают село артиллерией, а у партизан кончаются патроны. Есть им нечего. Положение осажденных безвыходное.

Услышав это, Ворошилов тут же сформировал полк, назначил командиром Буденного и вместе с ним и Пархоменко выступил на помощь осажденным.

Приближалась ночь. Бахтуров бродил по опустевшему лагерю, досадуя, что не может принять участия в освобождении мартыновских партизан. Думая об этом, он тихо шел по шуршавшей под ногами траве. Окрестности постепенно тонули во мраке. В темно-зеленом небе зажглись первые звезды. Вокруг стояла тишина, и лишь было слышно, как дневальный по коновязи изредка покрикивал на лошадей.

Неподалеку замерцал огонек. Потом вспыхнуло пламя, осветив сидевших у костра партизан. Бахтуров подошел к ним и поздоровался. Бойцы, их было четверо, посмотрели на него, сдержанно ответили на приветствие и продолжали начатый разговор.

— А какая жизнь была? Не жизнь, а каторга, — говорил сушивший над огнем рубашку, голый по пояс бородатый мужик. — Где ее, работу-то, найдешь? Я и по Волге в бурлаках ходил, и блаженного представлял, и плясал.

— Плясал?

— Ага. Запляшешь, когда жрать захочешь... И бродяжничал. Да... И вот этаким манером захожу раз в село. Позабыл, как оно называется... Высокое? Нет, как-то иначе. Ну, да шут с ним! Большое такое село над рекой. Попросился ночевать. Мужик богатый, но все же пустил. Дал поесть, а потом и говорит, что у него дочка уже второй год лежит. Ноги не ходят. И докторам разным показывал, и никто не знает, что с ней. А у меня в сумке акурат корешки были. Я у одной старушки ночевал, так она дала мне их от ревматизму. Я тогда ногами болел. Вот я, значит, варил их и пил вроде чая.

— Ну и как, помогло, дядя Яков? — спросил сидевший за огнем молодой партизан, доставая из карманов картошку и кладя ее в жар.

— А шут их знает! Вроде полегчало немного... А может, само прошло. Безвредные корешки... Да, вот я ту дочку посмотрел и говорю мужику: «Я тебе ее вылечу». Хорошо. Наутро сварил в горшке те корешки и говорю мужику: «Пои ее три раза в день по чайному стакану. Эти, мол, корешки с могилы самого Николая-угодника-чудотворца и помогают от всяких болезней». Мужик дал мне денег, а я давай бог ноги. Ладно. Прошел год. Сижу, пью чай в трактире. Дело было на ярмарке. Вдруг входит тот самый мужик, борода лопатой. Я хотел бежать. А он бух мне в ноги. И говорит: «Спаси тебя Христос, благодетель, дочка не только выздоровела, а уж родила!»

— Вылечил? — спросил молодой партизан.

— А шут ее знает! Скорее, само прошло.

«А возможно, и психологическое воздействие», — подумал Бахтуров, в то время как дядя Яков, почесав голый живот, стал крутить рубашку над пламенем.

— Хороша у тебя рубашка! — усмехнулся молодой партизан.

— Была хорошая, одни рукава остались... У тебя вон сапоги каши просят.

— Да, это действительно, — согласился партизан, посмотрев на перевязанный веревкой сапог.

Дядя Яков положил рубашку, вытащил из кармана тряпичный кисет с махоркой и с солидным достоинством свернул закурить.

— Бери! — он протянул кисет молодому партизану. Тот отрицательно мотнул кудрявой головой.

— Не куришь? — спросил дядя Яков.

— Нет, бросил.

— Чего так?

— Нужда заставила... Я в германскую войну в пороховом погребе служил. А у меня такая славная трубка была, фарфоровая. Только товарищи заметили ее у меня. Вот один и говорит: «Если ты, Кузька, хочешь лететь на воздух, так лети. А мы не хотим». Взял у меня ту трубку и разбил.

— И не тянет?

— Нет. И в грудях легче стало...

Они помолчали. Чуткое ухо Бахтурова ловило ночные звуки. В залитой мраком степи дважды проскрипел

коростель. Потом на коновязи подрались и затопали лошади. Послышался резкий окрик дневального, и вновь все затихло.

— Да, дела да случаи, — глухо заговорил пожилой партизан с забинтованной головой, который, лежа у костра, казалось, давно уже спал. Он привстал и потянулся к огню. — Вот ты, дядя Яков, блаженным прикидывался, Кузька болтал, что на воздух было взлетел, а я вот до революции в Костроме на театре играл, представлял.

— Ну? — Дядя Яков отложил рубашку и с любопытством посмотрел на товарища. — В тиятре, говоришь, представлял? Гм... Скажи, пожалуйста! А я и не знал. Так ты, стало, актер?

— Около того. Я поезд представлял.

— Как это?

— Обыкновенно: свистел, шипел, в трубу гудел, пары пускал. Настоящий-то поезд на сцену не выпустишь... Мы там «Анну Каренину» ставили. Спектакль такой. Ну и бутафорский поезд пускали. Конечно, правду сказать, главную роль не я исполнял. У нас там старичок был, реквизитор, Николай Иванычем звали. Маленький такой старичок, и лысина вовсю, а тут, на затылке, волосы торчком. И жена его, Марья Петровна, тоже старушка. Одни жили, детей у них не было. Хорошие старички. Да. Так Николай Иваныч заместо паровика кипящий самовар на тачку ставил. Ну и труба к нему, конечно, большая. На манер паровозной. А Марья Петровна с железным барабаном.

— А барабан зачем?

— Для грохота. Машине подражать. Очень ладно у них получалось. Поглядишь, бывало, настоящий поезд идет. Только что колес нет. Их за декорацией не видать, а только трубу. И вот один раз Николай Иваныч чего-то замешкался, а тут монтеры проволоку тянули за сценой, дорогу ему перегородили. Я слышу, уже самое время Анне Карениной под колеса кидаться: свищу, трублю, пары пускаю. Режиссер кричит: «Николай Иваныч, давай!» — «Сейчас!» — и рванулся, недоглядел, споткнулся за проволоку и тачку уронил. И что тут было, братцы мои! Тачка в станцию въехала, самовар прямо на сцену выкатился и на суфлера. Тот выскочил из будки, как ошпаренный кот, и на Николая Иваныча бросился. Изругал его беспощадно. Чуть не побил.

— Вот, наверно, смеху-то было, — сказал, смеясь, дядя Яков.

— Нет. Тут особого смеху не было. Больше перепугались все. А вот когда Николай Иваныч вместе с луной на сцену упал...

— Почему упал?

— Он тогда на самом верху, на стремянке, сидел, луну представлял. Круг в руке держал, а за ним фонарь... Постой, какую же мы тогда пьесу играли? «Бесприданницу»? Нет. Вот дай бог памяти... Там еще ракеты пускают... Ага, вспомнил: «Коварство и любовь». Знаменитая пьеса! Главную роль, Марию, играла Лавржинская. Это она по афише так, а по паспорту как-то иначе. Черт ее разберет. Ну и стерва была! Сущая ведьма. А злющая! И нос длинный. Только злобой жила. У нее вся злость, как я понимаю, в язык шла, а так — ни тебе образования, ни тебе воспитания.

— Неграмотная?

— Нет. У нее не так, как у других прочих людей. Ни тут, ни там никакого телесного образования не было. У других-то вот так, — рассказчик двумя полукруглыми движениями рук изобразил в воздухе гитару, — а у нее как есть ничего — гладкая как доска. И все от злости. Они с первым любовником — есть и такой актер, нашего звали Василий Кузьмич — только и знали, что весь день ругались. Он, Василий Кузьмич, раз было ее побил. Ну а с директором у нее были амуры, и он выпускал ее на первые роли. И вот они с Василием Кузьмичом на втором этаже, на масандре, у окна сидят, насчет любви говорят, а Николай Иваныч им в луну светит. Гляжу, у них уже до поцелуев доходит. Публика, конечно, волнуется. Интересно все-таки. А Василий-то Кузьмич, чем с ней целоваться, лучше бы в окно сатану выкинул, но нельзя — театр. Нужно делать, что в роли написано. Да. И вот тут-то Николай Иваныч всем нам, артистам, уважил. Удружил — лучше не надо. Сидел, сидел он на стремянке... И либо устал, либо заснул — только как загремит он оттуда вместе с луной! То-то хохоту было. И свистели, и хлопали, и ногами топали. Весь театр ходуном ходил!

— Ну и что же с ним потом? Уволили его? — спросил Кузька.

— Зачем? Нет. Только по старости лет в сторожа произвели. Добрейший был человек. Все мы его обожали. Да

и Марья Петровна хорошая. Их, старичков этих, поди, давно уже нет.

— Так ты что, свистуном, значит, был? — сказал Кузька с усмешкой.

— А ты думаешь, легко поезду подражать, пары выпускать? На это тоже уменье нужно. Не всякий управится...

Среди глубокой тишины послышался тонкий писк. Что-то закружилось, замелькало над лежавшим в траве белым тряпьем. Летучая мышь, чертя черными крыльями воздух, пронеслась мимо Бахтурова. Он кашлянул и зябко поежился от налетевшего из степи свежего ветра. Рассказчик повернулся и пристально посмотрел на незнакомого человека.

— А ты, товарищ, кто будешь? — спросил он, подвигаясь поближе.

— Я? Партийный работник, — сказал Бахтуров.

— Коммунист, значит?

— Да... А среди вас есть коммунисты?

— А мы все коммунисты, — сказал партизан.

Бахтуров удивился, но тут же выражение догадки прошло по его бритому лицу, освещенному колеблющимися бликами пламени.

— И партийные билеты у всех есть? — спросил он, внимательно оглядывая сидевших.

Партизаны посмотрели друг на друга.

— Нет, партийных билетов у нас еще не имеется, — отвечал за всех дядя Яков. — Да ты, товарищ, давай садись поближе к огню, — предложил он радушно. — Ты с Питера, что ли, приезжий?

— Ты, может, и самого товарища Ленина видел? — спросил Кузька с такой живой уверенностью в голосе, словно не сомневался в этом.

Бахтуров сказал, что сейчас он приехал из Ростова, но во время революции ему действительно пришлось быть в Петрограде, нести караул в Смольном, где он и видел Владимира Ильича.

— На-ка, товарищ, может, поешь наших картошек, — предложил Кузька, протягивая ему на черной ладони две печеные картофелины.

Бахтуров с удовольствием принялся за картошку. Разговор завязался вокруг последних событий. Дядя Яков сказал, что во время митинга находился в задних рядах и недослышал, зачем требуют соединить все малые отряды в полки. Он попросил Бахтурова пояснить это.

Замечая, что все больше людей подходит к костру, Бахтуров терпеливо втолковывал партизанам значение организованности.

— Товарищ Ленин учит нас, что вооруженный народ — непобедимая сила, — говорил он. — А что такое вооруженный народ? Это народ собранный, объединенный, спаянный, все свои силы собравший в кулак для единого мощного удара по врагу. — Тут он привел в пример известную притчу об отце, предложившем своим сыновьям переломить веник. Никто из сыновей не смог это сделать. Тогда отец разобрал веник и легко переломал его по прутьям. — Так и мы: если будем драться поодиночке — погибнем, — заключил Бахтуров.

— Правильно! — подхватил подошедший к огню Иван Колыхайло, оставшийся в лагере из-за хромой лошади. — Правильно говорите, товарищ, если не соберемся все вместе, то пропадем.

— Какая сила по степи раскидана, — заговорил дядя Яков. — Кругом отряды, а организации нет. День деремся, два стоим, на третий соберутся генералы и порежут.

— И железная дисциплина нужна, — продолжал Бахтуров. — А то вот, скажем, к примеру, командир отряда, ну, какой-нибудь там Матюхов, получил приказ и не выполнил. А у высшего командования расчеты есть. Оно послало приказ и уверено в его выполнении. Матюхов же сделал по-своему. Он говорит: «А ну его совсем и с приказом! Куда тут выступать? Дождик идет, как бы мне бойцов не промочить. Они ж голые, босые». Вот он и товарищей своих подвел и себя подвел, не прикрыв фронт. Белые прорвались и разбили отряды. Можно ли терпеть это дальше? Нет, так продолжаться не может.

— Правильно, — сказал Иван Колыхайло. — Порядок нужен...

— И за что это люди на смерть идут? — подумал вслух Кузька.

— Каждый хорошей жизни хочет, — сказал Иван Колыхайло. — За этакое дело и погибнуть не страшно. Если за что другое...

— А ты, дядя, смерти боишься?

— Погибать-то кому охота... Посмотреть бы годов на двадцать вперед, как будут люди жить, тогда и умереть не жалко...

Бойцы замолчали. Над степью возник чистый, словно вымытый месяц. Явственнее стали видны фигуры при-

умолкших партизан. Вместе со свежестью поднимался, дымясь, легкий туман. На востоке протянулась сизоватая полоса. Приближался рассвет.

Партизаны, негромко переговариваясь, располагались на отдых. Вместе с ними прилег и Бахтуров. Он подвинулся ближе к догоравшему костру, пригрелся и почти сразу заснул...

Прошло несколько суток, как буденновский полк выступил на помощь мартыновцам, а о нем не было ни слуху ни духу. Партизаны волновались. Кто предполагал, что полк окружен и уничтожен противником, кто возражал, говорил, что полк ведет бой с появившимися в степях астраханскими казаками... Но вот как-то около полудня на горизонте, заволоченном маревом, показались желтые столбы пыли. Клубясь, пыль постепенно заполняла весь небосвод.

— Ка́деты идут! — многоголосым криком пронеслось по становищу.

Партизаны сноровисто готовились к бою. Рыли окопы. Телеги ставили в вагенбурги *, приспосабливая их к обороне. Артиллерия занимала огневые позиции.

А клубящаяся пыль все приближалась. Вскоре среди нее показалась какая-то черная масса. Потом послышался рев скота, скрип телег, конское ржанье и топот. Теперь простым глазом было видно, что из степи шел огромный обоз, а по обеим его сторонам ехали всадники.

— Наши! Наши! Ура! — закричали партизаны, женщины и дети.

Люди выбегали из окопов, перелезали телеги и бежали навстречу мартыновцам. Бабы несли ведра с водой. Там, где под красным значком ехали Ворошилов и Буденный, незнакомые люди целовались, обнимая друг друга. Бросали вверх шапки. Степь наполнялась шумом и говором...

Поставив свою лошадь на коновязи, Дерпа направился к табору, надеясь найти там кое-кого из товарищей. Тут навстречу ему попался Иван Колыхайло, тоже искавший приятеля. По просьбе кузнеца Дерпа рассказал ему, как произошло освобождение мартыновских партизан.

Всю ночь полк шел ускоренным маршем. На рассвете разведка обнаружила противника. Белые, никак не

* Вагенбург — построение повозок четырехугольником.

ожидавшие появления буденновской конницы, приняли ее за свою и жестоко поплатились за это. Бой длился целый день. Но, несмотря на настойчивые атаки партизан, казаки генерала Красильникова не отступали ни на шаг. Тогда Буденный решил нанести удар левым флангом. В это же время в тыл белым прорвалась пулеметная тачанка. Рискуя жизнью, пулеметчики под самым носом белых повернули тачанку и открыли огонь почти в упор. Это решило участь боя. Белые побежали.

— Эх, Иван! Ну и добрые донские кони! — говорил Дерпа. — Зайцу не угнаться. Мы как хватили за Красильниковым — пятнадцать верст гнались полным галопом. И хоть бы что! Хоть снова скачи.

— Ну ладно, друг, пошли, — сказал кузнец. — Я тут для тебя поесть приготовил. Баранья нога. Смотри, как исхудал.

— Чего ж ты молчал! — обрадовался Дерпа. — А ну, пойдем! Я почти двое суток не ел... — И друзья, обнявшись, направились в лагерь.

На следующий вечер Ворошилов уезжал в Царицын. Перед отъездом он обещал Буденному придать для усиления полка Интернациональный эскадрон Дундича, сто тридцать верных революционных бойцов. А в ночь полки, поставив в середину обозы, двинулись к станции Куберле, куда стягивались все партизанские силы Сальской степи.

9

В палате слышались стоны, вскрики и лихорадочный бред тяжело раненных. Дундич сидел на койке Яноша Береная, молодого сильного парня, слывшего в эскадроне лучшим наездником. Янош Беренай был ранен в живот, но никто не мог оказать ему хирургической помощи. Полковой врач был контужен в последнем бою, а единственный фельдшер убит. И теперь Дундич мучительно думал, как все же облегчить страдания раненых.

Решение, как всегда, пришло неожиданно. Дундич поднялся с койки и направился к Буденному, заранее уверенный, что тот поддержит его.

За короткое время, проведенное Дундичем в буденновском полку, он заслужил общую любовь. Смелые на-

леты, захват пленных, рейды в самый стан белых создали ему репутацию находчивого и отчаянно-смелого командира. В последних боях под Царицыном, когда полк пробивался к еще впервые осажденному городу, Дундич с эскадроном обходил фланг войск генерала Фицхалаурова. В рассветном тумане наткнулись на огромную отару овец. Дундич мигом распорядился. С диким криком бойцы погнали овец на расположение белых. Те решили, что их атакуют. Ударили пулеметы. Загремели орудия. Но подгоняемые бичами овцы обезумело неслись вперед, поднимая сплошную тучу пыли. Белые бежали, бросив два орудия и пулеметы... Теперь, идя к Буденному, Дундич вспоминал это и думал, что затеваемое им смелое предприятие должно разрешиться так же удачно.

— Да, конечно, прямо сказать, задумано хорошо, но и риску много, — сказал Буденный, выслушав Дундича.

— Ну и что же, товарищ командир? Для такого дела можно рискнуть. Разрешите, пожалуйста, — попросил Дундич умоляющим голосом. — Янош Беренай ранен в живот, у Шандора нога перебита. Балог Калажвари — в грудь навылет.

— Знаю, все знаю... — Буденный в раздумье выбил на столе пальцами барабанную дробь.

Послышались шаги. В комнату вошел Бахтуров. Он остановился и из-под изогнутых бровей посмотрел на необычно взволнованное, покрасневшее лицо Дундича.

— Вот предлагает доктора достать, — сказал Буденный.

Бахтуров удивленно поднял брови.

— Доктора? — спросил он. — Какого доктора?

— К генералу Фицхалаурову хочет съездить. У него, говорит, лишние есть, — усмехнулся Буденный.

— Нет, я серьезно, товарищ военком, — горячо заговорил Дундич. — Я уже докладывал командиру полка. Белые разбиты, не знают, откуда нас ждать. Дивизионный лазарет стоял у них в Ремонтной... — И Дундич начал обстоятельно объяснять, как он думает похитить врача.

Бахтуров внимательно слушал Дундича, невольно отмечая в уме его успехи в русском произношении.

— Он дело говорит, — заключил Буденный, когда Дундич кончил докладывать. — Можно рискнуть.

— По-моему, надо ехать, — подтвердил Бахтуров. — Я только что был у раненых — нужна срочная помощь.

— Ну да что тут толковать — поезжай, — согласился Буденный. — Только смотри, осторожно действуй... А сколько ты народу возьмешь?

— Я? — Дундич быстро взглянул на него. — Никого не возьму. Одного Дерпу. Я уже ездил с ним, знаю...

При свете висевшей под потолком керосиновой лампы в большой комнате приемного покоя разговаривали две сестры милосердия с красными крестиками на белых косынках.

Разговор шел о том, что́ им будет, если большевики захватят их в плен. Одна из них, черненькая, с неумным выражением пухлого лица, утверждала, что их обязательно расстреляют. Другая, высокая блондинка с тонкими губами, возражала, говоря, что, как ей помнится, медицинские работники по международным правилам пользуются неприкосновенностью.

— В общем, мне не приходится беспокоиться за себя, — не без волнения говорила она. — Я мобилизована.

«Знаем, голубушка, как ты мобилизована! — злорадно подумала черненькая. — Еще в Ростове добровольно вступила». Ни одним движением лица она не выдала того, что подумала, и, вздохнув, проговорила:

— А вот Барышниковой повезло. Успела замуж выйти. Вовремя выскочила!

— Позвольте, Марфа Петровна, а кто это Барышникова? — спросила блондинка.

— Неужели не помните, Зоя Владимировна? Худенькая такая. Остроносая.

— Кто же ее взял, такую неинтересную?

— Да тут один хорунжий все ее обхаживал, клинья под нее подбивал. Папаша-то у нее купец первой гильдии, и все имущество, говорят, хорошо припрятал.

«Фи, как неприлично! — подумала блондинка, поджимая тонкие губы. — «Обхаживал»! И так говорит сестра милосердия! Боже мой, что только творится!»

— Нет, я не помню эту Барышникову, — помолчав, сказала она.

Черненькая сделала большие глаза.

— Не помните?! Хотя да, конечно, она была в третьем казачьем. Здорово водку хлестала... А вот у нас главный врач опять запил. Все на Катерину Николаевну свалил. Она теперь у нас вроде как за него.

— На то она и хирургическая сестра.

— Много о себе думает эта девчонка!..

Дверь приоткрылась. В комнату вошел гусарский поручик с блестящими розетками на сапогах. Голова его была забинтована.

— Ах, гусар! — воскликнула черненькая сестра. — А у меня муж был драгун! — Она томно закатила глаза. — Что с вами, поручик? Вы ранены? — Сестра подхватила офицера под руку и помогла ему добраться до стула. — Садитесь, пожалуйста.

Дундич со слабым стоном опустился на стул.

Послышались шаркающие шаги. Из смежной комнаты появился маленький лысый человечек в погонах военного врача. На его красноватом губчатом носу, словно пробитом мелкой дробью, криво сидело пенсне с черным шнурком.

Дундич, уже освобожденный от повязки, усмехнулся про себя. Встрепанные усы вошедшего и такая же клочковатая седая бородка-эспаньолка очень живо напомнили ему старую собачку-болонку, которую одна знакомая дама постоянно таскала под мышкой.

Врач сделал два-три шага и пошатнулся, схватившись за стул. Дундич сообразил, что этот эскулап сильно пьян.

— Что, новый пассажир? — спросил врач.

— Только что прибыл, — пояснила блондинка. — Может быть, вы посмотрите, Арсений Петрович?

Врач медленно подошел к Дундичу.

— М-да, — заключил он. — Промыть и смазать йодом... А что, беспокоит?

— Сильные головные боли, доктор, — сказал Дундич. — Совершенно спать не могу.

— М-да. — Врач поправил пенсне. — Это нехорошо, когда головные боли. Послушайте, — он с некоторым трудом повернулся к полной сестре. — Позовите Катерину Николаевну. Пусть займется поручиком. Да дайте ему один порошок пульвис довери.

Доверов порошок был единственным оставшимся в аптеке лекарством. Он предназначался от кашля, но эскулап выдавал его при всех случаях. Доктор достал из кармана кисет и, сопя, отплевываясь и просыпая табак на измызганный китель, стал крутить папироску.

— Арсений Петрович, а как быть с хорунжим Табунщиковым? — спросила блондинка.

— А что с ним такое?

— Я уже говорила вам. Ему гораздо хуже. И не ест ничего.

— Не ест? Гм... — Врач стал заслюнивать самокрутку, не замечая, что почти весь табак просыпался на пол. — А вы ему водку давали?

— Давали. Не пьет.

— Водку не пьет?! Гм!.. — врач безнадежно махнул рукой. — Ну, тогда дело дрянь — наверно, помрет!.. М-да... Однако я все же пойду посмотрю этого пассажира. Зоя Владимировна, проводите меня, пожалуйста.

Шаркая ногами, он удалился.

Дундич остался один. «Да, — думал он, — и у них плоховато с медиками... Брать врача не имеет смысла — алкоголик. Да и очень стар. Пожалуй, за дорогу рассыплется или умрет со страху... А сестры? Одна глупа. Другая — черт ее знает. Но обе, кажется, ничего не смыслят в медицине. Зря я сюда забрался». Он поморщился, вспоминая оставленных раненых, когда вдруг послышался быстрый стук каблучков. Дундич поднял голову. В комнату вошла смуглая тонкая девушка в белой косынке.

— Что с вами, поручик? — приятным грудным голосом спросила она, смотря на него строгими серыми глазами. — Будьте добры, говорите скорее, у меня операция.

— Операция? Вы сами оперируете, сестричка? — Дундич внимательно посмотрел на миловидное лицо девушки с точеным греческим носиком.

«Какой-то странный, — подумала Катя. — Кто он?» Чувствуя на себе его ласкающий взгляд, она с досадой на себя сказала:

— А что же делать? Врач вечно пьян, а я не могу видеть человеческие страдания... чьи бы они ни были.

Дундич вновь пытливо взглянул на нее и заметил что-то значительное, недоговоренное, мелькнувшее в больших глазах девушки.

— Дайте-ка я вас посмотрю, — сказала Катя. Дундич почувствовал прикосновение нежных пальцев к голове. — Ну что же, рубец почти зажил. — Катя ловко перебинтовала Дундича и, отойдя к рукомойнику, стала мыть руки.

Дверь распахнулась от сильного удара ногой. Гордо неся голову, в приемный покой вошел ротмистр Злынский. Следом за ним вошли низенький толстый штабс-

капитан, совсем молодой хорунжий в белой черкеске и сотник Красавин с черной наглазной повязкой.

— Послушайте... э... голубушка... — произнес Злынский, косясь на сестру. — Мы, так сказать...

Катя вспыхнула.

— Извините, господин ротмистр, но я не голубушка, — резко сказала она.

— Виноват... э... гм! Не найдется ли у вас чем промочить горло?

— Здесь военный лазарет. И я не понимаю...

— Вот, вот, потому мы сюда и пришли! — весело заявил сотник Красавин. — Позвольте... — Он приблизился к Кате. — Боже мой! Екатерина Николаевна?! Вот встреча!.. Позвольте, а это кто?

Дундич поднялся со стула.

— Поручик седьмого гусарского князь Шурихан, — отчетливо представился он.

Красавин с недоумением оглядывал Дундича единственным глазом.

— Как вы сюда попали, поручик? — спросил он пытливо. — Разве у нас есть гусары?

— У вас нет, а у нас есть, — спокойно произнес Дундич.

Красавин вопросительно смотрел на него.

— У кого это — у нас?

— К Ремонтной подходит кавалерийская дивизия генерал-майора Топоркова, — твердо сказал Дундич. — Я с эскадроном прибыл вперед.

— Как, уже подходит? — Мрачное лицо Красавина оживилось. Он доброжелательно посмотрел на Дундича. — Я слышал, вы еще формируетесь?

— Мы получили приказ срочно закончить формирование и выступить. — Дундич достал из кармана золотой портсигар, предложил Красавину папиросу и, щелкнув крышкой, не спеша закурил.

— Господа, слышали новость? — сказал Красавин, обращаясь к офицерам, стоявшим у стола в глубине комнаты. — К нам прибывает дивизия генерала Топоркова. Вот представитель этой славной дивизии, князь... — он запнулся.

— Шурихан, — подсказал Дундич.

— Князь Шурихан! — повторил веско Красавин.

— Да здравствуют гусары! — крикнул Злынский. —

Ну, по такому случаю надо из-под земли достать, но выпить!

Офицеры с повеселевшими лицами обступили Дундича. Каждый спешил представиться и пожать ему руку, и только один пехотный штабс-капитан, начальник контрразведки, холодновато поздоровался с ним.

Пользуясь общим разговором, Катя незаметно вышла из комнаты.

Дундич отвечал на вопросы и, между прочим, рассказал, что вновь сформированная дивизия еще в начале сентября выступила из Моздока походным порядком. Вчера был сильный бой с красными. Порублено до шестисот человек. Чуть было не взяли в плен самого Буденного, спасся каким-то чудом...

— А-а... па-па-па... п-простите, по-поручик, а к-кто командует вашим по-полком? — поинтересовался штабс-капитан.

— Полковник барон Штакельберг, господин капитан, — сказал Дундич.

— По-позвольте, как же так? — Штабс-капитан оглянулся на хорунжего. — Барон Штакельберг находится в ставке!

— Совершенно верно, находился. А два дня тому назад он вступил в командование нашим полком. Завтра утром вы сможете увидеть его, — спокойно произнес Дундич.

— Ах, вот как! Ну, ну...

Злынский, выходивший куда-то, вернулся, держа в каждой руке по бутылке.

— Господа офицеры, оказывается, и здесь есть добрые души! — весело объявил он, поставив бутылки на стол. — Вот. Сам главный врач дал. Упился! Иже во святых отец. Во блаженном успении вечный покой. Заснул. Совсем слаб старичок.

— Василий... н-ну... Петрович! Да вы п-прямо б-бог! — проговорил восторженно штабс-капитан.

— Ну до бога, положим, мне далеко... Послушайте, молодой, — Злынский обратился к хорунжему, — давайте-ка мы ваши котлеты посмотрим. Вы там что-то хвалились.

Хорунжий быстро вышел из комнаты и вскоре возвратился с большим свертком в руках. Ротмистр раскупорил бутылку и наполнил стаканчики.

— Ну, господа, выпьем по единой, — предложил он.

— Господин ротмистр, вы мне много налили, — за-

протестовал хорунжий. — Это чистый спирт. Я так не могу.

— Не можете? — Злынский укоризненно покачал головой. — Что же вы, юноша, хвалились, что с красных живьем шкуру сдирали, а спирта испугались? Эх вы, зеленый! Вот берите пример с меня, старика!

Он взял стаканчик и, словно священнодействуя, зашептал над ним:

— Святого мученика Авраамия, Бориса и Глеба владимирских... помилует и спасет нас, яко благ и человеколюбец.

С последним словом ротмистр вытянул весь спирт сразу, закусывать не стал, а только запил водой.

— Так-то, — сказал он и крякнул. — Так-то пили у нас в уланском полку... А, милости просим! — воскликнул он при виде входившей в комнату черненькой сестры. — Пожалуйте, пожалуйте, сестра. Водочку пьете?

— Так у вас же не водка, — жеманно сказала она.

— Ну, это не имеет значения. — Ротмистр захохотал. Он налил сестре, откашлялся и запел густым баритоном:

Пей, друзья, покуда пьется,
Горе в жизни забывай.
На Кавказе так ведется —
Пей — ума не пропивай!..

Штабс-капитан допил свой стаканчик и, сбиваясь на фальцет, подхватил:

Может, завтра в эту пору
Нас на бурках понесут,
И тогда уже нам водки
И понюхать не дадут...

«Да, уж об этом я обязательно постараюсь», — подумал Дундич. Он слушал, о чем говорят, отвечал на вопросы, а сам решал, как выманить хирургическую сестру во двор, где Дерпа держал лошадей. Мысль его, как всегда, работала ясно и точно, отмечая важность каждого слышанного им слова. Многое было настолько значительным, что надо было немедленно передать Буденному, и у него мелькнула мысль — не перестрелять ли всех сидевших за столом и, схватив сестру, умчаться к своим. Но этот план был настолько рискованным, что он тут же оставил его. Рисковать было нельзя. Оставалось спокойно ждать разворота событий. Он громко говорил и смеял-

ся, прикидываясь подгулявшим гусаром. Вдруг он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд и оглянулся. Штабс-капитан и Красавин, перешептываясь, смотрели на него. Дундич насторожился, но не выдал себя. Чтобы скрыть охватившее его волнение, он обратился к сидевшей напротив черненькой сестре, которая то и дело бросала на него томные взгляды, и затеял с ней пустой разговор, щедро пересыпая свою речь французскими фразами.

Между прочим, он спросил, какого она мнения об Александре Македонском, а также читала ли она Канта и Бебеля.

— Да, да, конечно! — отвечала сестра, смеясь, закатывая глаза и не понимая ни единого слова из того, что говорил ей Дундич. — Поручик, вы душка! — шепнула она, нажимая под столом его ногу. — Я согласна встретиться с вами...

Злынский заговорил о положении на фронте. Дундич, все время искоса наблюдавший за штабс-капитаном, заметил, какой ненавистью загорелись его глаза, когда ротмистр стал говорить о Буденном.

В комнату вошла сестра Катя. Красавин вскочил со стула и бросился к ней.

— Екатерина Николаевна, ну что же вы так долго? Пожалуйте, пожалуйте к нам, — он взял ее за руки, — выпьем немного.

— Благодарю вас, сотник, но спирт я не пью. — Катя осторожно освободила руки. — И потом у меня вообще нет настроения.

— Ну, настроение мы создадим, — успокоил Красавин. — Он снова схватил ее руки. — Идемте!.. Ну? — Брови его угрожающе сдвинулись. — А то ведь у нас разговор короткий. И высечь можем! Да...

Девушка побледнела. Ею овладело такое чувство негодования, вспыхнувшее в опушенных густыми ресницами, умных глазах, что Красавин быстро проговорил:

— Ну, ну, я пошутил... Идемте, окажите мне честь.

— Господа, что это у вас там происходит? — спросил ротмистр в то время, как Дундич, краем уха слышавший весь этот разговор, с трудом сдерживался, чтобы не выскочить из-за стола.

— Да вот Екатерина Николаевна говорит, что не умеет пить спирт. Надо ее научить, — ответил, улыбаясь, Красавин.

— Ну, это дело поправимое, — весело объявил Дун-

дич. — А у меня в седле есть коньяк. Настоящий мартель. И еще бутылочка превосходного аликанте. Это уже специально для дам. Разрешите, господа.

Злынский расхохотался.

— Поручик, да какой же вы чудак! — говорил он, смеясь. — Да разве для этого надо спрашивать разрешения? А еще гусар! Тащите скорей ваши бутылки!

Дундич встал из-за стола и направился к двери. Поравнявшись с Катей, он пошатнулся и провел рукой по лицу.

— Вам плохо? — спросила она.

— Голова кружится. — Дундич снова провел по лицу. — Проводите, пожалуйста, сестрица.

Катя молча взяла его под руку.

Под взглядами сидевших за столом они пошли к выходу.

— Одну м-минутку, п-поручик!

Дундич оглянулся. Штабс-капитан в упор смотрел на него.

— Что? — спросил Дундич.

— Я тоже хочу вас п-проводить. А то сестра такая хрупкая барышня, — отчетливо проговорил штабс-капитан. Он подошел к Дундичу и крепко взял его под руку.

Во дворе было очень темно, и Дундич со света не сразу разглядел лошадей.

— Дерпа! — позвал он.

— Я, господин поручик! — бойко откликнулся Дерпа.

— Достань-ка там из кобуры бутылки.

— Слушаюсь.

Привыкнув к темноте, Дундич теперь ясно видел, что штабс-капитан не снимал руки с кобуры пистолета. Во дворе было тихо. Только у телеги фыркали и жевали сено обозные лошади.

— Ну, что же ты? — спросил Дундич.

— А какие вам бутылки, господин поручик? — отвечал из тьмы Дерпа. — Тут разные есть.

— Пройдемте поближе, господа, — пригласил Дундич.

Они все так же под руку подошли к лошадям.

— Вот эту, что ль? — спросил Дерпа, протягивая большую бутылку.

— Нет. Этого! — значительно произнес Дундич.

Со страшной силой бутылка обрушилась на голову штабс-капитана. Тот ахнул и словно провалился сквозь землю.

— Садись! — шепнул Дундич.

Дерпа одним махом взлетел на коня.

— Бери ее! — Дундич крепко держал дрожащую от страха девушку, зажимая ей рот.

Дерпа схватил сестру на руки.

— Не драться! — сказал он спокойно, получив короткий, но сильный удар по лицу. Катя вскрикнула. — Замри, кадетская морда, а не то крышка! — пообещал Дерпа, сунув ей в бок кулаком.

Дундич взял лежащую поперек седла бурку, накинул ее на плечи и сел на лошадь. Они шагом выехали со двора. Вокруг было тихо. Только со станции изредка доносились гудки паровоза. Они свернули мимо шлагбаума и, трепеща черными крыльями бурок, помчались вдоль железной дороги...

— Господа, вы ничего не слыхали? — спросил Красавин.

— А что? — сказал настороженно Злынский.

— Кто-то крикнул.

— Крикнул? Может быть, гусар пристал к этой сестре? — предположил ротмистр.

— Ничего ему тут не будет, — сказал Красавин с мрачной уверенностью. — По роже разве только.

«Должно быть, вы имели случай убедиться в этом на деле», — подумал Злынский, но ничего не сказал.

— Нет, действительно, что их так долго нет? — произнес Красавин с озабоченным видом. — Надо пойти посмотреть. — Он позвал с собой хорунжего. Оба быстрыми шагами вышли во двор.

Не прошло и двух минут, как они втащили в комнату окровавленного штабс-капитана. На него лили воду, трясли, но он, не приходя в себя, только мычал что-то и мотал головой.

— Ну и черт! — хохотал Злынский. — Из-под самого носа девку украл! Да такую красавицу... Лихач!.. Вот это гусар!..

Степан Харламов, молодой, статный казак, стоял около хаты и, опираясь на винтовку, прислушивался. Ему давно слышалось, что в степи кто-то скачет.

По всем признакам, приближался рассвет. Звезды, еще не так давно мерцавшие над головой, постепенно скатывались к горизонту и принимали тускло-фиолетовый

цвет. Казалось, весь небесный свод медленно повертывался на сторону, открывая проступавшую на востоке розоватую полосу. На светлеющем фоне неба смутно проступали из мрака косой угол крыши, высокие тополя, торчавшая жердь колодца.

Из степи налетел свежий ветер. Харламов зябко поежился, опустил воротник и прислушался. Теперь он ясно услышал, что в степи мчатся несколько всадников.

К Харламову подошел другой патрульный, пожилой шахтер в полушубке. Он молча снял винтовку с плеча и щелкнул затвором.

Топот приближался. Рассветало, и Харламов уже хорошо видел, что по дороге скачут два всадника. У одного из них поперек седла лежал большой черный тюк.

— Стой! Кто едет? — крикнул Харламов.

— Свои! Дундич! — послышался в ответ знакомый уверенный голос.

Всадники мелькнули мимо патрульных, обдав их крепким запахом конского пота, и поскакали к площади, где в станичной школе расположился лазарет.

Бахтуров сидел в ногах раненого бойца Шандора Балога и слушал, как тот рассказывал о себе.

— Да, — говорил Балог, — и вот когда в прошлом году к нам, военнопленным венгерским гусарам, пришли в одесский лагерь товарищи и спросили, кто поможет русским братьям отстаивать революцию, все мы, —он кивнул на лежавших в палате раненых, — все мы пошли без запинки.

— Молодцы венгерские гусары, — подтвердил Бахтуров, желая сделать приятное раненому и оглядываясь на застонавшего Яноша Береная, которому санитар в белом халате подносил кружку воды.

— Помрет, Янош, — тихо сказал Балог. — Жаль парня. Настоящий мадьяр. В один день диких коней укрощал...

С улицы послышался быстрый конский топот. Бахтуров поднял голову. Рассыпавшись мелкой дробью, топот замер под окнами. Бахтуров хотел встать, посмотреть, кто приехал, но дверь распахнулась, и вошел Дундич с ношей на руках.

— Привез, товарищ Бахтуров, — сказал он прерывистым голосом, в то время как приподнятый санитаром

Янош Беренай остановившимися восторженными глазами смотрел на него.

Дундич развернул бурку и подхватил Катю, которая, если б ее не поддержали, упала бы на пол. Он осторожно посадил девушку на свободную койку.

Она подняла голову, медленно огляделась и увидела Бахтурова. Глаза ее округлились, брови задрожали, маленький рот приоткрылся, а выражение ужаса на тонком лице сменилось такой буйной радостью, что раненые, кто только мог, приподнялись и смотрели на нее.

— Товарищ Бахтуров! — вскрикнула Катя. — Боже мой, как же так... А я-то думала... — она закрыла лицо руками и зарыдала.

— Катюша, так это вы?! Вот не думал! — Бахтуров подошел и обнял дрожащие плечи девушки. — Успокойтесь, не плачьте, — ласково говорил он. — Посмотрите, какое у нас тяжелое положение... Ни одного врача, а раненых сколько...

— Да, да, теперь я все, все понимаю, — быстро зашептала она, вытирая слезы розовыми ладонями. — Потом, потом. Сейчас не время. — Катя поднялась и огляделась. — Больше никого нет? — деловито спросила она, овладевая собой.

— Все здесь, — сказал санитар.

— Хорошо... Достаньте мне чистый халат. Побольше горячей воды... Принесите хирургические инструменты. А прежде всего покажите, где у вас тут можно умыться, — распоряжалась она с решительным выражением на совсем еще юном лице.

10

После разгрома под Ремонтной белые, собравшись с силами, перешли в наступление. Весь конец августа прошел в упорных боях. Кавалерия Буденного, прикрывающая все прибывающих беженцев, пробивалась к Царицыну и в ночь на 1 сентября достигла Аксайской. Здесь Буденный решил дать бойцам передышку. Надо было провести и реорганизацию. Полк разросся до тринадцати эскадронов, почти с двумя тысячами сабель, и по количеству всадников уже перерос в бригаду...

Дерпа был озабочен. Бахтуров возложил на него, в числе других бойцов, раздачу населению политической литературы. Дерпа высказал сомнение, сможет ли он справиться с таким ответственным делом.

— Ничего, — успокоил Бахтуров. — В первый раз, может быть, и встретятся трудности, а дальше дело пойдет. Сам увидишь...

Сейчас Дерпа, нагруженный брошюрами и газетами, шагал по обсаженной тополями широкой станичной улице.

«Да, дела, — думал он, перебирая в памяти названия брошюрок, которые надо было раздать. — А вдруг какой вопрос зададут? Да еще небось с подковыркой. Всякие есть люди. Попробуй узнай, что у него на уме?» Думая так, он, между прочим, поглядывал на дравшихся у плетня петухов, которые яростно наскакивали один на другого.

— Ну, скажем, какая наша политика в деревне? Это вполне можно объяснить, — говорил он себе. — Про землю тоже... Ох, как он его долбанул!.. Теперь о продразверстке. Ну, это тоже нам известно... Опять долбанул! А ведь так он его до смерти забьет! — Дерпа схватил камешек и запустил им в петухов.

— Чего кидаешься, товарищ? — сурово спросил стоявший у калитки бородатый казак.

— А тебе, дядя, жалко?

— А то нет? Мои ведь петухи. Может, я хочу себе удовольствие доставить?

— Эх, дядя, несознательный ты человек! — пожурил Дерпа. — Чем зря их травить, ты бы этих петухов по продразверстке пожертвовал.

— Э! — казак с досадой махнул рукой. — Пожертвовал! И так все забрали. Одни мыши в амбаре.

— Ну, это ты зря так говоришь, — возразил Дерпа. — Не поверю, чтоб у тебя все забрали.

— Это, может, товарищ, с твоей точки так. А я тебе правильно говорю, — сказал казак убедительным тоном. — Весной приезжал хлебный инспектор. Так под гребло вымел амбары. А разве дадены ему такие права? «Вы, — говорит, — контры рваные, и так проживете». Вот многие наши казаки и подались до генерала Попова. И зараз там. Нравится тебе такой разговор?

— Нет такого закона, чтобы все забирать, — сказал Дерпа уверенно.

— Ты сперва послушай, товарищ, что дальше было, — пообещал казак.

— Ну, ну?

— Так этот инспектор ползучий гад оказался. При

даре в жандармах служил. Он не по закону, а все, видать, навыворот делал!

— А откуда ты знаешь?

— Человек его опознал, да сказать побоялся. Ну как?

Дерпа пожал плечами.

— Как? Да вот так — провокатор этот жандарм. Примазался. Их много еще таких проявляется. Им Советская власть поперек горла костью встала. Как бельмо на глазу. — Говоря это, Дерпа не знал, да и не мог еще знать, что в Донской области, как почти по всей Советской России, уже давно вела подрывную работу контрреволюционная организация так называемого Национального центра. Участники заговора создавали всяческие затруднения в работе советских организаций и порождали недовольство и беспорядки. Проникшие на должность агентов — инспекторов по реквизиции излишков продовольствия — облагали казаков непосильной разверсткой, а пробравшиеся в судебные органы выносили несправедливые решения, направленные на озлобление населения. Все это — изъятие под метлу всех жизненных запасов, расстрелы казаков, которым Советское правительство объявило полное прощение, пагубные действия анархиствующих элементов — немало способствовало тому обстоятельству, что еще к концу апреля часть донского казачества была охвачена стихийным восстанием. Из Аксайской, как слышал Дерпа, немало станичников тоже находилось у белых. Но стоявший перед ним пожилой казак производил впечатление хорошего человека. Порывшись в сумке и доставая брошюру, Дерпа сказал:

— Ну, на, бери, что ли, книжку.

— На что мне твоя книжка, — отмахнулся казак. — Я неграмотный.

— Дочка прочтет.

Казак вздохнул.

— У нас читать некому. Ну ее, еще беды наживешь с этой твоей книжкой.

— Боишься?

— А то нет? Вы уйдете, а ка́деты наскочут да шомполами по этому самому месту. Знаем... А впрочем, давай! — решился казак. — Я ее так схороню — ни один черт не найдет. А читать, между прочим, я немножко могу.

Дерпа отдал брошюрку и направился вверх по улице. Его внимание привлек большой, обшитый тесом дом. Он

остановился, достал из сумки листовку и кусок хлебного мякиша.

Окно шумно раскрылось. На улицу высунулся рыжий казак.

— Эй, чего делаешь? — крикнул он. — Слышишь? Тебе говорю!

— А вот афишку на хату приклею, — отвечал Дерпа.

— Нет, ты ее мне не клей, не клей! Все равно сорву. Ишь, моду взяли. Иди, иди дальше, а мне хату не пачкай!

— Я пачкать не буду, отец, я хлебом приклею, — сказал Дерпа, с трудом сдерживая желание выругаться. — Это декрет Советской власти. Я как обратно пойду — посмотрю. А если кто ее оторвет, так я тому гаду голову оторву, — спокойно пообещал он и пошел дальше.

— Эй, ты! Агитатор хренов! — крикнул ему вслед казак. — Какой ты есть агитатор? Почему книжку не дал? Давай, да потолще, потому я любитель чтения!

Дерпа оглянулся и зло посмотрел на него.

— Ничего тебе не будет, — сказал он решительно. — Я тебя насквозь вижу, подлого человека.

Слыша за спиной ругань, Дерпа перешел на ту сторону улицы, где на завалинке грелся совсем старый дед.

— Чего это ты, сынок, с ним связался? — спросил старик, ответив на приветствие Дерпы. — Это же пес, а не человек. И имя ему такое — Иуда. На всю станицу, слышь-ка, злодей... Энто у тебя что за книжицы? Случаем, нет ли про Ермака Тимофеича или Бову-королевича? А то зараз этих книжков нигде не достать. Я бы для внучки купил.

Дерпа пояснил казаку, что у него только политическая литература и раздает он ее бесплатно.

— Стало быть, даром? Скажи, пожалуйста! — удивлялся старик. — Ну, дай и мне, которая поинтересней. Ты не беспокойся, сынок, я сознательный человек. А то, что Иуде не дал, это ты правильно. Он, шкодливый пес, скурил бы ее. У нас, слышь-ка, в станице беда с бумагой. Всю, что была, давно казаки покурили. Так что надо, чтобы твои книжицы попали к добрым людям... Вон, гляди, курень против мельницы. Видишь?.. Туды не ходи. Там живет поганец, вроде Иуды. А вон еще дом — синие окна... А вот туды зайди... — Указывая костылем, дед стал объяснять, куда, по его мнению, надо было зайти, чтобы книжки попали в хорошие руки...

Уже под вечер Дерпа возвращался в свой эскадрон с большим желанием выспаться, но тут попавшийся ему навстречу боец сообщил, что его срочно требует Городовиков. Дерпа прибавил шагу и у полкового лазарета столкнулся нос к носу с Дундичем, который шел в приемный покой.

За последние дни в полковом лазарете, или в околотке, как иначе его называли, произошли большие перемены. Полковой врач Жигунов, неразговорчивый, мрачный старик, оправился от контузии и вступил в должность. В помощь ему прибыло несколько лекпомов, и теперь Катя, в продолжение двух недель почти не смыкавшая глаз, могла передохнуть.

Войдя во двор лазарета, Дундич был удивлен не совсем обычной картиной. В углу двора, под навесом, где лежала солома, два молодых санитара, смеясь и приговаривая, держали за руки и за ноги разложенного на спине человека. Дундич подошел и узнал в нем лазаретного конюха Макогона, молодого носатого парня. Третий санитар, оттягивая кожу на обнаженном животе притворно кричавшего Макогона, бил по ней деревянной ложкой и с самым серьезным видом отсчитывал:

— ...шестнадцать... семнадцать...

— Что это вы, ребята? — спросил Дундич.

— Макогону банки рубаем.

— За что?

— При сестре Кате заругался. Учим его.

— Двадцать! — объявил третий санитар. — Хватит!.. Пустите его... Ну, будешь еще? — спросил он наказанного.

— А чего? Я же не видел, что она во двор вошла, когда на коня заругался, — говорил Макогон, затягивая ремень, ухмыляясь и, видимо, нисколько не обижаясь на товарищей. Рубили «банки» только за дело.

Дундич посмеялся в душе и вошел в околоток. Катю он застал в приемном покое. Увидев его, она вспыхнула.

— У вас сегодня вид хороший, — сказала она.

Это прозвучало так: «Вы мне нравитесь». И Дундич понял это.

«А у вас глаза красные. Вы плакали?» — подумал он, но не сказал.

— Что это вы совсем пропали? Не заходите. Забыли меня? — спросила Катя.

— Почему забыл? Я вчера заходил, но вы были так заняты...

— Нет, право, выкрал, привез, бросил и не зайдет навестить пленницу, — с улыбкой продолжала она, поднимая на него блестящие глаза. — Или вам не интересно знать, как я устроилась на новом месте?

— О нет! Что вы? — горячо возразил Дундич, по знаку девушки присаживаясь напротив нее. — Я прекрасно знаю, как вы живете!

— Да? — Катя быстро посмотрела в лицо Дундичу. Глаза их встретились. Она вздрогнула и еще больше покраснела.

— Послушайте, Катя, вы все же скажите. У вас что-то случилось? Вы плакали? — мягко сказал Дундич, осторожно беря ее задрожавшую руку.

— Знаете что, — девушка доверчиво взглянула на него, — я очень беспокоюсь о маме: как бы ей чего не сделали из-за меня.

Дундич молча пожал плечами. Ему было непонятно, почему поведение Кати может как-то отразиться на благополучии ее матери.

— А почему вы так думаете? — спросил он.

— Меня еще тогда, при мобилизации, сотник Красавин стращал. Он говорил, что если я буду плохо работать, то моя мама ответит за все... — И Катя стала рассказывать о том, как она жила с матерью после смерти отца, убитого на германском фронте.

Дундич внимательно слушал девушку и скользил взглядом по ее охваченному легким загаром лицу.

— А где сейчас ваша мама? — спросил он, когда Катя замолкла.

— Если жива, то в Платовской.

Дундич задумался. Катя смотрела на него с тайной надеждой, что этот сильный, умный человек скажет ей то, что успокоит ее. И не ошиблась. По его лицу прошло злое выражение, веки дрогнули, голубые глаза потемнели. Но тут же, взглянув на девушку со своим обычным видом, он сказал:

— Вам нечего беспокоиться. Вас похитили. Другое дело — если б вы сами перебежали. Тогда бы ваша мама могла и пострадать.

— Вы уверены?

— Безусловно. И не задумывайтесь больше над этим... — Дундич улыбнулся. Глаза его весело заблестели. — Скажите, пожалуйста, Катя, вы тогда здорово испугались? Ну, когда мы вас схватили?

Она быстро посмотрела на него.

— Еще бы! Я бог знает что пережила... И потом этот Дерпа! Он так больно дерется.

— Рука тяжелая... Но, если не ошибаюсь, вы первая ударили его?

— Я защищалась...

— Давайте пройдемтесь немного, — попросил Дундич.

— Пойдемте в сад. Посидим на заднем крылечке, — предложила Катя. — Там чудесно. И на закат посмотрим.

Действительно, с крыльца открывался чудесный вид, и Дундич, любивший природу, залюбовался уходившей вдаль панорамой садов и степи. День угасал. Солнце садилось в дымчатую громаду огненных туч. Высоко в небе появился серебристый серп месяца. Последние лучи золотили кудрявые вершины каштанов. Среди них — «фиуфить! фиу-фить!» — посвистывал скворец, словно вызывал кого-то на свидание.

Почти с каждой минутой становилось темнее, и вскоре на горизонте остались лишь затаившиеся черные тучи с протянувшейся снизу бледно-золотистой полоской. Из сада повеяло свежестью.

— Вам не холодно? — спросил Дундич.

— Нет.

— А то я схожу, бурку принесу.

— Ту самую? Нет, спасибо. Не надо. Мне сейчас нужно идти.

Если б Дундич мог видеть во тьме, он бы заметил, как вспыхнула девушка при этих словах. Ей вспомнились бешеная скачка в степи и крепко держащие ее сильные руки.

— Я все думаю, какой негодяй этот Красавин, — заговорил Дундич, прерывая молчание. — Как бы мне хотелось еще раз встретиться с ним! Ведь такая низость!..

— За редким исключением они все такие, — сказала Катя.

— А кого вы причисляете к редкому исключению?

— Людей, еще не понявших ни себя, ни того, что происходит.

«Умница!» — подумал Дундич.

Вблизи послышались шаги, и глуховатый голос тихо позвал:

— Сестрица, вы тут?

— Да. А что вам надо, товарищ Макогон? — спросила Катя, узнав ездового по голосу.

— Да бабка, что опухоль резали, принесла хлеб, яички, сметану... — сказал Макогон.

— Так зачем же вы взяли?! — с досадой вскрикнула Катя. — Сколько раз я уже говорила, что ничего не нужно брать!

— А что с ней, с бабкой, поделаешь? Поставила и ушла.

— Так раздайте выздоравливающим. Кто у нас слабый?.. Фомин, Назаренко... Ну, еще Мелькумову дайте.

— Да как же раздать? — возразил Макогон. — Это ж вам! Поглядите, на кого похожи. И так все свое раздаете.

— Я знаю, что делаю. Раз сказано — значит, отдайте.

Макогон, ворча что-то, направился в лазарет.

— Катя! Сестра Катя! — послышался громкий голос полкового врача.

— Меня зовут... Разрешите, — девушка осторожно освободила руку, которую держал Дундич, и поднялась на ступеньки. — Ну, прощайте! Нет, до свиданья. Заходите. А то вы совсем забыли меня...

Попыхивая в темноте красными огоньками папирос, на завалинке хаты сидели бойцы. Все слушали эскадронного фуражира, бывалого солдата, который, изредка поглядывая на товарищей, говорил простуженным, с хрипотцой, голосом:

— ...И тогда дают нам приказ остановиться. Было это, братцы мои, чтобы не соврать, в августе шестнадцатого года на австрийском фронте, под Вулькой Голузистой. Хорошо. Встали мы у одного мужика на квартире. Хата грязная, детишки пищат, хозяин волком смотрит. А разве ему сладко — каждый день солдаты ночуют. Беспокойство все-таки. И хозяйка молодая... Ну да ладно. Поели мы что у кого было и легли спать. А в хате душно, тараканы в рот сыплются, блохи кусают. Одним словом, мученье. «А ну, — думаю, — и с хатой этой! Пойду покурю». Вышел на крыльцо, а ночь лунная и понизу туман... Вдруг, что такое? Слышу, кони топочут. Кавалерия идет. Пригляделся. Гляжу, по дороге, ну, так шагов пятьсот от меня, коноводы едут. А порядок у них, у коноводов, был, как и теперь. На своей лошади сам сидит, а двух ведет в поводу. «Ну и что же, — думаю, — где-то, видно, кавалерия спешилась, пехоту подменила, это ж тогда

было дело обычное, а коней кормить надо, вот их и ведут...»

Из темноты надвинулась чья-то фигура, и знакомый голос спросил:

— Какого эскадрона, товарищи?

— Первого! — ответили голоса. — Садитесь с нами, товарищ командир!.. А ну, подвиньтесь, братва!

Дундич присел на завалинку. Со всех сторон к нему потянулись кисеты: «А вот моего, товарищ командир», «У него слабый — мой покрепче», «А вот вырви-глаз, как затянешься — очи на лоб».

Дундич свернул папиросу и, узнав, о чем шел разговор, попросил фуражира рассказывать дальше.

— Так вот, — продолжал фуражир. — Постоял я на крыльце, покурил, да и пошел спать... И вот представьте, братцы, никак заснуть не могу. Жутко как-то мне стало. А отчего, сам не пойму. Лежу, ворочаюсь, а по земле конский топот так и гудит. И все сильней и сильней... Я и так и этак ворочаюсь. Нет, не спится, и только!.. «Дай, — думаю, — еще покурю». Выхожу. Ну и что же? Коноводы все идут и идут. Ну, вроде как призраки выходят из тумана. А луна светит вовсю. И вот тут, братцы мои, ужас меня охватил! «Почему, — думаю, — одни коноводы? Почему одни кони? А солдаты где? Ведь не может быть, чтобы сразу всю дивизию спешили?..» И вот уже развидняется, а они все идут!.. Смотрю — повозки потянулись. И на них вроде ящики, черные такие. Пригляделся — гробы!.. Ну, тут подхожу я до ездовых и спрашиваю: «Кого, мол, везете?» А они отвечают: «Офицеров убитых».

— Так кто же это был? — не вытерпел один из бойцов.

— Подожди... Была это, братцы мои, вторая кубанская дивизия. Командир корпуса генерал Гильнен... Постой, как его... Борода рыжая, глаза рачьи... Гольден...

— Гилленшмидт, — поправил Дундич.

— Вот-вот, правильно. Гилленшмидт. Так он как есть всю эту дивизию на проволочные заграждения посадил. Все кубанцы, как один, полегли, а кони остались. Потом уже слушок прошел, что этот Гилленшмидт говорил перед наступлением, что австрийские укрепления начисто разбиты и взять их можно голыми руками. Вот он, значит, всю дивизию спешил и погнал в наступление. А там шесть линий бетонных укреплений. И вместо австрийцев самые немцы. Они наших поначалу пустили, а потом как врежут из пулеметов, из артиллерии! Всех посекли, с зем-

лей смешали. Ни один казак не вернулся. Все за дурака, за чертова генерала, жизни решились. Все пали!

— А может, он шпион? — предположил щербатый боец.

— А кто его знает. Все может. Тогда, знаешь, какая измена была... Потом вестовые рассказывали, один казачий сотник начальнику штаба нашего корпуса, полковнику, морду побил.

— За что?

— Как за что? Он же план разрабатывал. А Гилленшмидт спрятался.

— А вы знаете, как была фамилия начальника штаба корпуса? — спросил Дундич.

— А чума его знает, — сказал фуражир.

— Краснов, — пояснил Дундич.

— Краснов?! Не тот ли, что сейчас против нас воюет?

— Он самый. Донской атаман.

— Вот, гад, где оказался!

— Так вот, товарищи, — заговорил Дундич, несколько помолчав, — всю эту историю я знаю подробно. В плену слышал от очевидцев. Дело это произошло во время прорыва Юго-западного фронта.

— Правильно, — подтвердил фуражир.

— По-видимому, командир конного корпуса генерал Гилленшмидт имел задание от Вильгельма сорвать это наступление, — продолжал Дундич. — Он приказал провести рейд на Ковель. Надо было прорвать фронт, преодолеть две реки — Стырь и Стоход, а потом двигаться гатью по болотам. Ну а кавалерии как действовать в сплошных болотах?

— Да где там действовать! — сказал фуражир. — Могила.

— И все же кто-то утвердил этот план, — продолжал Дундич. — Тогда Гилленшмидт стянул всю кавалерию фронта к Пинским болотам и давай ее гробить. Угробил сначала вторую кубанскую дивизию и предложил угробиться третьей донской. Но третьей дивизией командовал генерал Хельмицкий, бородастый такой старик. Он и говорит Гилленшмидту: «Вы, ваше превосходительство, пожалуйте вперед, а я уж за вами». Ну, конечно, Гилленшмидт предпочел остаться в тылу. А командир седьмой дивизии Рерберг как только пронюхал, что будет рейд, так сейчас же обратился в царскую ставку: разрешите, мол, откомандироваться... Вот какие были дела...

— Товарищ командир, а как же того сотника, который Краснову морду набил, расстреляли? — спросил боец в кубанке.

— Нет, обошлось. Офицеры, которые присутствовали, сделали вид, что ничего не заметили. А Краснову рапорт подавать не резон. С битой мордой — офицеру в резерв.

Наступило молчание.

— А вот еще случай был, — заговорил фуражир, — в Галиции...

Послышался конский топот. Все подняли головы. Подъехавший ординарец спросил, не видел ли кто Дундича.

— А что? Я здесь. — Дундич поднялся с завалинки и подошел к всаднику.

Тонкий огонек папироски отразился в зрачке лошади. Ординарец нагнулся с седла, узнал Дундича и сказал, что его вызывает Буденный.

В небольшой хате, наполненной сизым махорочным дымом, набилось полно народу.

Слабый, мигающий свет керосиновой лампы с разбитым и склеенным почерневшей бумагой стеклом дрожал на загорелых лицах собравшихся, на приколотых к груди алых бантах, играл на медных пряжках портупей и никеле сабель. Здесь были Городовиков, тонкий, подтянутый Литунов, осанистый Морозов и другие хорошо знакомые Дундичу командиры эскадронов. Тут же находился и Бахтуров.

Буденный сидел за столом, положив руки на развернутую карту. Кивком головы он ответил на приветствие Дундича и продолжал начатый им разговор. Он сказал, что, по полученным сведениям, в степи замечено движение конницы противника. Похоже, что белые намерены произвести ночной налет на станицу. Он решил предупредить их, вывести бойцов в степь и разбить противника по частям.

Буденный посмотрел на карту, измерил спичкой какое-то расстояние и кратко изложил план предполагаемых действий. Как всегда, он положил в основу внезапность нападения.

— А для охраны беженцев и обозов оставим два эскадрона, — говорил он. — Останутся Дундич и Колпаков. Дундич за старшего. Все ясно?.. Ну, по ко́ням! Пришлите ко мне по два ординарца для связи.

Послышался быстрый топот бежавшего человека. Дверь распахнулась, и здоровенный парень с карабином в руке дурным голосом крикнул с порога:

— Сядите тут, такие-сякие! Ка́деты к станице подходят!!.

Грохот покрыл его слова. Окна осветились красноватой вспышкой разорвавшегося снаряда. Зазвенели стекла. Эскадронный командир Литунов схватился за щеку.

Толпясь в дверях, командиры выбегали из хаты. Вдоль улицы секли пулеметы. Где-то за околицей гремели орудия белых.

Выбежав из штаба, Городовиков пожалел, что впервые изменил своему правилу и пришел на совещание пешим. По беспорядочной стрельбе на восточной окраине станицы, где, как он знал, стояла застава от третьего эскадрона, он сообразил, что застава прозевала внезапное нападение белых. Артиллерийский обстрел усилился. Два снаряда один за другим скользнули с черного неба почти в самый центр станичной площади, где телега к телеге стоял беженский обоз. На огненно-красном фоне разрывов заметались лошади, люди. Громкий плач детей сливался с женским криком.

Городовиков вбежал в большой двор своего эскадрона. В темноте седлали лошадей.

— Выводи! — крикнул он.

На окраине, трепеща на низко опустившихся тучах, разливалось багряное зарево. Загорелся стог сена. Оттуда барабанными ударами бухали пушки.

Городовиков повел эскадрон к сборному месту. Но тут навстречу ему попался мчащийся обоз. Освещенный заревом, обоз, как сплошной поток огненной лавы, в несколько рядов неудержимо катился по улице.

Эскадрон свернул в переулок. Отсюда было видно, как вдогонку обозу развертывалась из-за мельницы сотня всадников. Помахивая сверкающими шашками, они гнали галопом. Городовиков решил прикрыть беженцев и приказал бойцам спешиться. Обоз приближался. Обезумевшие лошади, подстегиваемые тысячеголосым криком женщин и детей, неслись вскачь к южной окраине станицы. Коровы и овцы с ревом и блеянием бежали по обе стороны подвод. Одна из телег на всем ходу зацепилась за угол колодца. Лошадь рванулась и с одними оглоблями умчалась вперед. Старик повозочный проволочился за ней, держа вожжи в руках, и исчез среди повозок. Тяжелый

грохот снаряда рванул на улице. Взметнулось пламя. Дико закричали голоса. Цепляясь осями, телеги покатились быстрее. За ними, совсем близко, показались белогвардейцы. Буденновцы ударили залпом. Несколько всадников свалилось с лошадей. Остальные кинулись за дома и плетни и начали спешиваться. С обеих сторон часто захлопали выстрелы. Последние повозки промчались по улице. И тут бойцы заметили, что в пыли шевелится что-то. Дерпа пригляделся. Женщина, повязанная белым платком, опираясь на локоть, старалась подняться с земли.

— Куда? Постой! — крикнул Городовиков, увидев, что Дерпа бросился к ней.

Но тот уже был подле женщины и схватил ее на руки. Коротко ударил пулемет. Дерпа перевернулся на одной ноге и вместе с ношей тяжело сел на землю. Теряя сознание, он услышал, как вокруг яростно загремела стрельба. Потом кто-то сильным движением поднял его, и знакомый голос с укоризной сказал:

— Эх, друг, ты бы потерпел немного. Разве можно под самые пули бросаться...

Начинало светать. Полк с боем отходил из станицы. В поднявшемся тумане мелькали тонкие змейки ружейного огня. Перестрелка стихала. Белые предпринимали какой-то маневр.

Буденный знал, что Городовиков, которого он назначил своим помощником, дал возможность нескольким эскадронам отойти из станицы и привести себя в порядок. Но обстановка до сих пор оставалась неясной. По силе огня Буденный все же определял, что белых было не меньше трех полков с батареей. Он выслал разведку и теперь ждал донесений.

— Семен Михайлович, может, съели бы чего? — спросил, подходя, Федя. — Ведь с вечера не евши!

— А ты где болтался? — не отвечая на вопрос, строго спросил Буденный.

— Там Дерпу убили. Так я ходил смотрел.

— Дерпу? Убили?! — Буденный изменился в лице. — Ах, будь они прокляты!.. Такого богатыря!.. — гневно заговорил он, покачав головой. — Ведь этакому только и жить... Я еще хотел его на командные курсы отправить... Ну что ты скажешь!.. Как же убили его?

— С пулемета. Он, значит, подбежал до нее и на руки взял. Ну а...

— Кого взял?

— Да там одну дивчину подранили. Вот он, значит, ее и схватил. А они как резанут по нему! А тут, значит, товарищ Бахтуров подоспел с бойцами и погнал ка́детов, а Дерпу забрал. Нет, вру, взял его коваль Иван Колыхайло, — бойко рассказывал обычно не очень разговорчивый Федя. — Да вы, Семен Михайлович, не очень расстраивайтесь. Его не до смерти убили. Дышит.

— Ну и чудак! Так бы и говорил!.. Да разве такого человека можно убить? — Буденный оживился, повеселел и, притворно хмурясь, сказал: — Так вот, брат, смотри: на первый раз делаю тебе замечание. Запомни, если ты ординарец командира, то, первое дело, должен быть всегда наготове. Отлучаться тебе ни под каким видом нельзя. А что, если бы кони понадобились?

— Я дал бойцу подержать.

— Нельзя! И чтоб впредь этого не было.

Вблизи послышались шаги. Буденный оглянулся. К ним шел Бахтуров с перевязанной рукой.

— Что, ранило? — тревожно спросил Буденный.

— Пустячок. — Бахтуров подошел и присел подле него. — Там наши ребята здорово дали белым. Что-то притихли они, — сказал он озабоченно. — Ничего не слышно, Семен Михайлович?

— А вот жду разведку... Как там Дерпа?

— Ранило его. Ничего, отлежится. В госпиталь придется направить.

— Ну вот! А то тут Федя наплел черт знает чего... Ну, давай, что там у тебя, — сказал Буденный, повертываясь к ординарцу.

Федя развязал небольшой узелок и выложил из него сало, хлеб и соленые помидоры.

Совсем рассвело. Небо синело, но солнца еще не было видно. Только на дальнем облачке чуть заметно алел нежный луч.

Вдали, влево от того места, где сидели они, часто рассыпались ружейные выстрелы. Потом послышался шум моторов.

— По ко́ням! — крикнул Буденный.

Бойцы подтягивали подпруги, закидывали поводья и быстро садились. Эскадроны выстраивались. К Буденному подскакал эскадронный командир Литунов.

— Разрешите доложить, товарищ комполка, — заговорил он, прикладывая руку к фуражке. — Разведка вер-

нулась. Ка́деты обходят нас слева. Вон она, колонна! — Литунов показал в степь рукой.

— Постой, постой, Федор Михайлович, — перебил Буденный. — А это кто такие? Откуда?

Влево от них сноровисто развертывались пехотные цепи. Бойцы, рослые, как на подбор, не пригибаясь, винтовки «на руку», разбегались в стороны из ротных колонн. Впереди них катились два броневика. Между первой и второй цепью шел человек, по фигуре показавшийся Буденному знакомым.

— А ну, гляди, гляди, не сам ли это командующий? — сказал Буденный, присматриваясь.

— Правильно угадали! Он! Точно, он самый, — подхватил Литунов. — Ну да. Товарищ Ворошилов! Вон вперед выбежал.

Над строем буденновцев покатились громкие крики «ура». Бойцы увидели Ворошилова. Теперь, с подходом ворошиловской пехоты, у Буденного открылась возможность атаковать белых во фланг.

Он хорошо видел подходившую колонну противника; в ней, как он и предполагал раньше, было не менее трех конных полков с артиллерией.

Обойдя рысью станицу, буденновцы перестраивались к атаке. Вправо, где солнце заливало золотистыми потоками света росистую степь, развертывались эскадроны, посланные Буденным для атаки в тыл белым. Там, среди лавы, что-то сверкало и мелькал красный значок. Почти одновременно с той и другой стороны ударили пушки. В синем небе возникли ватные клубки шрапнели.

Буденный выхватил шашку и подал команду. От бешеного топота задрожала земля. В ушах завыл ветер. Мимо Буденного с диким боевым криком промчался джигит Хабза, недавно вступивший в полк молодой осетин. Белые поспешно выстраивали развернутый фронт.

Ворошилов смотрел в бинокль. В окулярах мелькали спины скачущих всадников. Лошади то сжимались в клубок, то распластывались к самой земле. Все стремительно неслось в сторону выгоревших под солнцем холмов. Там уже наступило страшное молчание рубки...

— Вот-вот, я это и хочу сказать, товарищ Буденный! — энергично говорил Ворошилов густым, звучным голосом. — Нам нужна конница. При маневренной войне

она приобретает огромное значение. Нам нужны крупные кавалерийские массы. Только при наличии конницы мы сможем успешно бить в основном конного противника. И это, понимаете, совершеннейшая истина!

Он вскочил, весь словно кипя, прошелся по комнате, снова присел к столу и заговорил о том, что борьбу с русской Вандеей, как он называл белое казачество, может решить только глубоко преданная революции пролетарская конница. Она должна преодолеть опасность пехотного огня, увеличить свои огневые средства, иметь у себя в массе пулеметы на тачанках, бронеавтомобили и даже бронепоезда и подчинить их своей революционной воле к победе во что бы то ни стало и чего бы это ни стоило. И эта конница должна уметь быстро маневрировать и бить противника сосредоточенным кулаком по частям.

— И вот, понимаете, — говорил он, — когда мы этого достигнем, нам не будут страшны никакие красновские корпуса. Ваш полк на днях мы развернем в бригаду. В ближайшее время я жду подхода к Царицыну конных ставропольских партизанских отрядов. Тогда мы сможем сформировать дивизию, а может, и корпус... Ну а теперь расскажите, как у вас вообще обстоят дела...

— Прямо сказать, беда, товарищ командующий. — Буденный покачал головой. — Беженцы связали по рукам и ногам. Шутка сказать: почти пятьдесят тысяч человек — женщины, детишки.

Ворошилов быстро посмотрел на него.

— Бросать их нельзя, — сказал он решительно.

— Об этом и речи нет, товарищ командующий. Разве можно бросать? Белые их тут же порежут. Только, прямо сказать, стесняют движение и маневрировать никак нельзя... Патронов вот еще почти не осталось.

— Да, положение ваше тяжелое... — Ворошилов задумался. — Тогда вот что: прорывайтесь на Абаганерово. Я прикрою ваш отход. Патронами я вас снабжу... Тяжело раненные есть?

— Есть, товарищ командующий.

— Передайте мне. Я переброшу их в Царицын. Мы там сумели развернуть великолепный госпиталь... Ну, еще что?

— Да как будто все, товарищ командующий.

— Нет, не все. Я слышал, вы очень рискуете собой, товарищ Буденный. Примите это не как приказ, а как мою личную просьбу: берегите себя для пользы нашего общего дела...

Вторая попытка белых захватить Царицын пришлась на конец сентября — середину октября восемнадцатого года.

Выполняя постановление Донского большого круга, группа войск генерала Мамонтова, значительно усиленная свежими частями, вновь перешла в наступление на царицынском направлении.

К 17 октября Мамонтов окружил Царицын и занял все подступы к городу на правом берегу Волги.

Осажденные переживали тяжелые дни. Почти все рабочие были на фронте. Оставшиеся день и ночь клепали стальные щиты для бронепоездов, рыли окопы. В бой шли последние резервы.

Далеко по Волге раскатывался тяжелый гром канонады. Но в осажденном городе уже чувствовался недостаток огнеприпасов, в то время как противник вел почти беспрерывный огонь. Донскому атаману Краснову, щедро снабженному немцами боеприпасами, удалось создать более чем двойное превосходство в силах, и он с часу на час ждал падения города.

Однако хорошее настроение атамана неожиданно омрачилось одним обстоятельством. Вчера у него произошел не совсем приятный разговор с посетившим ставку представителем военной миссии союзников. При условии продолжения войны с немцами, после победы над красными, представитель от имени своего правительства предложил атаману помощь боевым снаряжением. В частности, он предложил Краснову тысячу мулов, которых можно немедленно перебросить из Месопотамии. Краснов сказал на это, что у него своих ослов хватает и мулы ему не нужны, как и вообще помощь союзников. Представитель рассердился и ушел с гордо поднятой головой. Будучи прогерманской ориентации и величая императора Вильгельма своим личным другом, Краснов не хотел портить с ним хороших отношений. Но, подумав, он решил, что погорячился. Можно было принять эту помощь, обставив ее большим секретом, а там — чем черт не шутит!

Сегодня утром атаман совещался с командующим группой войск генералом Мамонтовым. Было решено через два дня начать генеральное наступление. На этом совещании Краснов распорядился послать в направлении глав-

ного удара 2-ю донскую казачью дивизию и теперь говорил вызванному в ставку генералу Попову:

— Вы получите прекрасную дивизию, генерал. Особенно хорош седьмой казачий полк. Признаться, я не хотел вводить ее в дело, а по возможности сберечь до Москвы. Но, решив использовать эту дивизию в направлении главного удара, я не нашел никого, кроме вас, кому бы подчинить ее. Я надеюсь на вашу опытность, генерал.

— Я польщен, ваше превосходительство, — отвечал Попов, утирая платком потный лоб и поправляя пенсне. — Разрешите, так сказать, напомнить, что я уже неоднократно просил дать мне хорошие войска с ручательством взять Царицын в трехдневный срок.

— Я не забывчив, ваше превосходительство, — заметил Краснов, — и имел это в виду при вашем назначении.

Попов еще утром узнал от штабных о его предполагаемом назначении и поинтересовался составом 2-й дивизии. Полученные им сведения не оставляли желать ничего лучшего. Дивизия состояла не из верхнедонцев, служивших больше у красных, и не из низовских казаков, всемерно уклоняющихся от мобилизаций, а, если можно так назвать, из среднедонцев и была укомплектована казаками станиц Нижнечирской, Суворовской и окружающих их, состоявших из староверов-поповцев и беспоповцев-абакумовцев. Этих казаков мало интересовала политическая подкладка борьбы. Они по законам своей веры шли против каких-либо новшеств и были особенно жестоки и упорны в боях. Достаточно сказать, что все карательные отряды укомплектовывались именно этими казаками.

Правда, и в эту дивизию в последнее время влилось при мобилизациях много ранее не служивших молодых казаков, среди которых не было той крутой непримиримости ко всему новому, как среди стариков. Но, во всяком случае, это была наиболее стойкая дивизия, и Попов с большим удовольствием принял новое назначение.

— Обстановка на фронте развивается крайне благоприятно для нас, — говорил Краснов. — Правда, мы потеряли наших людей в Царицыне. Группа генерала Носовича, работавшего у красных для нас, раскрыта большевиками.

— Крайне огорчительно! — Попов снял пенсне, протер его и снова надел.

— Ничего не поделаешь... Я приказал больше плен-

ных не брать. Но обстановка, повторяю, крайне благоприятна для нас.

Краснов поднялся из-за стола и, щеголяя выправкой, подошел к карте.

— Вот, изволите видеть, колония Сарепта, предместье Царицына. Вчера наши войска опрокинули красных и закрепились на южной окраине. Еще один удар, и город наш... Вот направление главного удара, — показал на карте Краснов. — Ну а подробности вы узнаете из приказа. Я больше вас не задерживаю, генерал.

Маленький, сухонький иеромонах отец Терентий, исполнявший должность священника в 7-м казачьем полку, сидел, поджав ноги, среди казаков и поучал молодых.

— Возлюбленные братцы мои, — говорил он, поглаживая торчащую вперед редкую рыжеватую бородку. — Возлюбленные чада, есть среди святых святые воинского звания. Для понятности будем проходить их по чинам от младшего к старшему. Вот... — Монах оглядел казаков небольшими, но зоркими глазками и продолжал: — Самый младший святой есть Георгий-победоносец. Запомните. Рядового звания святой. Казак такой же, как и вы. И оружие ему принадлежит, как казаку, пика. Вот. Змия с коня колет. Видали?

— Видали, батюшка, — сказал за всех старший урядник Иона Фролов.

— Ну а если видали, то хорошенько запомните. Еще так говорится:

Храбрый рыцарь во бою
На сером сидит коню,
Держит в руцах копие,
Колет змия в зевие.

Вот так, — монах поднял руку и проткнул сухим пальцем воздух.

— Разрешите сесть, батюшка? — спросил Иона Фролов.

— Пожалуй, садись.

Монах искоса оглядел молодых казаков и продолжал:

— Пойдем дальше. Второй по чину будет Корнелий-сотник. Запомните. Офицерского звания святой. Командир взвода или даже сотни, пожалуй. Понятно?

— Понятно, батюшка, — сказал Иона Фролов.

В задних рядах кто-то сдержанно фыркнул.

— Что за смех? — Отец Терентий нахмурился. — Смотри, парень, как бы плакать не пришлось! Или под шашку захотел? Я вас, кугу зеленую, уму-разуму учу, и чтоб у меня без смешков. А ты, урядник, чего смотришь? — напустился он на Фролова. — Зубы на службе проел, а порядка настоящего у тебя нет во взводе. Ужо сотенному командиру скажу, он те всыплет!

— Виноват, батюшка.

— Виноватых бьют... Ну ладно, слушайте. Дальше по чину идет Симеон Воевода. Не слыхали такого? Запомните. Большой чин. Командир полка или даже дивизии... Ну а кто самый на́больший? Не знаете. Архистратиг Михаил. Это уже командующий армией и фронтом. Стратег, одним словом.

Монах, кряхтя, встал, поправил большой наперсный крест, висевший поверх офицерского френча, и поднял с земли винтовку, с которой расставался только во время службы при походном алтаре.

— Занятия кончены, — объявил он. — И чтоб к следующему разу все знали, а не то всему взводу шашки сушить. Вот. А ну, Фомушкин, покажи свою шашку.

Фомушкин, молодой безусый парень, нахмурясь, вынул клинок.

Монах взял клинок и попробовал его на палец.

— Это что же такое? Как же ты будешь антихристу голову рубить? А? Сейчас поди наточи! А ты, урядник, проверь. А не то сотенному скажу. Ну идите.

Теперь, когда отец Терентий поднялся с земли, стала отчетливо видна вся его неказистая фигура. Маленький, в казачьей фуражке, в плисовых без лампасов штанах, заправленных в непомерно большие солдатские сапоги, он скорее был похож на огородное пугало, чем на полкового священника. И, несмотря на это, все его очень боялись, а в особенности господа офицеры. За нечаянно оброненное в его присутствии «крамольное» слово монах тащил офицера к командиру полка. Чернопоповец из разорившихся купцов, ушедший еще в молодости в монастырь замаливать какое-то преступление, монах был фанатичен в своей ненависти к большевикам до предела. С разрешения командира полка он подобрал себе человек двадцать казаков из наиболее озлобленных и вершил с ними страшные дела, участвуя в карательных экспедициях и разведках. В начале гражданской войны он служил в белом партизанском отряде есаула Чернецова, ходил с ним в рейд

под Дебальцево, где сбрасывал со второго этажа на мостовую захваченных большевиков. Много таких дел лежало на его черной душе.

Он посмотрел, хорошо ли взвод взял ногу, и недовольно поморщился: «Как есть куга зеленая!»

— Вам бы, батюшка, впору сотней командовать, — заискивающе заговорил есаул Комов, во время беседы стоявший за стогом сена, где, помирая со смеху, слушал разговор о распределении святых по чинам.

— А что же, господин есаул, можно и сотней, — не смутясь, сказал черноризец. — У меня, господин есаул, есть к вам сообщение. — Он оглянулся и, понизив голос, сказал: — В вашей сотне, как и в полку, ведутся нехорошие разговоры.

На лице есаула появилось недоверчивое выражение.

— Что вы говорите?! — сказал он тревожно.

Отец Терентий сокрушенно покачал головой.

— Да, да, и к нам зараза попала. Одним словом, крамола. В вашей сотне есть на примете три таких человечка.

— Кто такие?

— А вот у меня списочек, — монах слазил в карман, достал вчетверо сложенную бумажку, развернул ее и подал командиру сотни.

У есаула брови полезли на лоб.

— Фомушкин? Вот бы никогда не подумал. Такой тихий.

— То-то и оно! Подобные типы всегда тихони при начальстве. Воды не замутят.

— Что же они говорили? — спросил есаул.

Монах строго посмотрел на него.

— Самые крамольные речи. Нельзя, мол, против своего народа воевать. Надо всем полком перейти к красным и тому подобное непотребное.

— Нехорошо! — Офицер неодобрительно покачал головой. — Нехорошо... Скоро идем в наступление, а тут такие разговоры... И много их всех?

— Пока замечено восемь человек... Вы вот что, господин есаул: попрошу вас, прикажите вахмистру назначить этих трех голубчиков сегодня в разведку. Я сам с ними поеду.

— Хорошо, батюшка.

— Ну и прекрасно. И чтоб этот разговор был между

нами. А я, одним словом, к командиру полка пойду испрошу разрешения...

Разъезд, в колонне по три, шел то шагом, то рысью.

Впереди рядом с Ионой Фроловым ехал отец Терентий на своем лохматом киргизском коньке. На этот раз вместо винтовки у него был новенький японский карабин, только что подаренный ему есаулом Комовым. «Подмазывается офицер, — думал монах, — надо будет поглубже проверить, что он за человек. Может, тоже крамольник».

От станицы Суворовской, в районе которой стояла 2-я донская дивизия, отошли уже более пяти верст, но дозоров почему-то не выслали. Ехавший в колонне Фомушкин, как и все его товарищи, объяснял это тем, что впереди были свои и пока можно было двигаться без охранения. Не смущало Фомушкина и то обстоятельство, что все его товарищи, в числе восьми человек, оказались почему-то вторыми номерами в центре колонны, а по бокам ехали хмурые старики.

Он ехал, вдыхая знакомые с детства степные запахи, и с сожалением думал о том, что не смог проститься с матерью, у которой был единственным сыном. Мать еще с вечера поставила тесто для пирогов и наказывала ему обязательно приходить утром. Но урядник Фролов почему-то не отпустил его, строго приказав никуда не отлучаться из взвода.

Вокруг куда хватал глаз расстилалась ровная голая степь с выжженной солнцем травой. Изредка попадались изломанные зарядные ящики, разметанные стога прошлогоднего сена и еще какой-то хлам — следы былых боев.

Несмотря на октябрь, в степи припекало, и казаки то и дело прикладывались к флягам.

Впереди, на холме, у хутора Власовского, показались недвижные крылья разбитой снарядом ветряной мельницы. Лошади шумно отфыркивались и мотали головами, позванивая железом удил. К степным ароматам примешивался родной всякому коннику крепкий запах лошадиного пота. Разъезд шагом подходил к мельнице. Отец Терентий обмахивал фуражкой вспотевшее лицо.

— Бери их, братцы! — вдруг крикнул он, быстро повернувшись в седле.

Молодые казаки не успели опомниться, как их сбили с седел и перевязали. Только один нижнечирский — Фомушкин знавал его как отменного силача — еще борол-

ся с насевшими на него двумя стариками. Но тут подбежал на своих кривых ногах урядник Фролов и, размахнувшись, оглушил его кулаком.

— Вешай их, братцы, по двое на каждое крыло, — спокойно распорядился монах.

— За что? За что же нас вешать? — со слезами на глазах крикнул Фомушкин.

— Молчи, анчихристово семя! — хриплым шепотом сказал Иона Фролов. — Сам знаешь, проклятый!

Вечером по полку, а потом и во всей дивизии пронесся слух о том, что высланный разъезд был атакован крупным конным отрядом красных и восемь молодых казаков взяты в плен или передались на сторону врага.

12

Во дворе царицынской больницы, превращенной в военный госпиталь, сидели на куче бревен выздоравливающие красноармейцы. Среди них находился и Дерпа. Поматывая рукой и изредка поправляя падающий на глаза чуб, он стежок за стежком накладывал парусиновую ластовицу на ярко-красный, с желтыми шнурами гусарский доломан.

— Зря, браток, мы с тобой спорим, — говорил он своему собеседнику, молоденькому артиллеристу в белой заячьей шапке. — Раз ты в шахте не бывал, то и помалкивай. Ты ужаса не видал? Каторги? Так вот и посмотри при случае в шахту.

— Мне брат говорил. Он забойщик, — сказал артиллерист.

— Ну, то брат. А ты сам посмотри... Хотя сейчас и не увидишь. Теперь другие порядки... Нет, братко, самый отчаянный человек на шахте есть коногон. У него и форма своя — чуб, как кудель! Если коногон идет в шахту, так сразу видно: фуражка набекрень, плеть намотана на шее, а рукоять висит на груди, как аксельбант у штабиста. Это его гордость. И уступай ему дорогу, иначе он тебе голову оторвет... У нас пристав, бывало, только и охотился на коногонов. Специально ножик носил.

— Резал их, что ли?

— Резал... чубы.

— Зачем это?

— Так я и говорю, что на нашей шахте коногоны были самый отчаянный народ, зачинщики забастовок, за ни-

ми все шахтеры шли! Вот пристав и резал им чубы, чтобы не сразу было видно заводчиков... А забойщик что? Он отрубал и ушел. Свое рабочее место он видит всегда. А коногон гонит галопом впотьмах. Только вагоны гудят. А их целых пять штук. Поезд! А вдруг впереди какая авария?

— Живодеры вы, коногоны.

— Зачем? Нет, мы обращение с конем всегда понимаем. Конечно, всякие есть. Кто учит лаской, кто плетью. Лошадей нам приводили с калмыцких степей. Такие дикари были. У нее глаза горят, она не знает, куда ей деваться, а обучить ее надо. Вот некоторые и порют ее плетями, покуда она не пристроится к положению и не станет делать что нужно. И человеческий язык научится понимать.

— Как это?

— Очень просто. Вот, скажем, на быстром ходу подъезжаешь к стволу, барок долой, а сам командуешь: «Примкни!» Она с ходу слетает с пути, прижимается к стенке, а вагоны мимо нее... Нет, браток, ученая лошадь знает все случаи. Или вот: скачешь с грузом, и вдруг авария — забурил! То есть вагоны с рельсов сошли. Самому ведь не подпять? Ну, я-то, положим, сам поднимал, а у другого сил не хватит. Вот он и подводит лошадь к вагону и командует: «Грудью!» Она давит всей силой и поднимает вагон. Вот как, браток...

Неподалеку, видимо за линией фронта, батарея ударила беглым огнем. В ту же минуту тяжелый взрыв расколол тишину. Дерпа поднял голову, прислушиваясь к грохоту пушек.

— Сегодня, товарищ, я отсюда уйду, — после некоторого молчания заявил он решительно.

— Куда?

Дерпа молча кивнул в сторону артиллерийской канонады, подкатившейся, казалось, к самому госпиталю.

— Так же ваших тут нет, — заметил артиллерист.

— К другой части пока прикомандируюсь, — сказал Дерпа, вспоминая товарищей, которые, как он слышал, уже не полком, а бригадой дрались в окружении где-то под Котельниковом.

Это было действительно так. Сальская южная группа, дравшаяся к югу от Царицына, вдоль Владикавказской железной дороги, месяц назад была отрезана белыми от Царицына. Состоя из двух пехотных дивизий и кавалерий-

ской бригады Буденного, части Сальской группы численностью около пятнадцати тысяч человек оказались в районе Котельникова в кольце белых. Наличие огромного количества беженцев, спасавшихся от зверств белогвардейцев, ослабляло борьбу Сальской группы. Но все же она с жестокими боями шаг за шагом пробивалась к Царицыну. В авангарде шла бригада Буденного. Бойцы уже слышали отдаленный гул канонады. Это придавало им еще больше решимости как можно скорее прийти на помощь товарищам...

13

Отец Терентий только что отслужил молебен о даровании победы «христолюбивому воинству», сам свернул походный алтарь и унес его в хату. Он служил на улице потому, что небольшая станичная церковь не могла вместить весь полк. На этот раз он был во всей форме — в рясе, стихаре и камилавке — и не казался таким тщедушным и маленьким.

Придя в хату, он приказал денщику седлать лошадей. Потом переоделся, проверил, хорошо ли вычищен и смазан карабин, пощелкал затвором и вышел на улицу. Мимо с дробным стуком копыт тянулась казавшаяся бесконечной колонна конницы. Играли трубачи, колыхались белые хвосты бунчуков. На пиках пестрыми мотыльками вились флюгера.

От хвоста колонны послышался, все приближаясь, перекат бодро здоровающихся голосов. Генерал Попов со штабом обгонял полки. Под ним, распушив хвост, шла широкой рысью сытая рыжая лошадь. Красный солнечный луч отсвечивал на генеральском пенсне. Шагах в двух за Поповым бородатый казак вез трепетавший на пике значок. За ним, придерживая рвущихся лошадей, ехали штабные, ординарцы и вестовые. Кавалькада с быстрым топотом пронеслась вдоль колонны и скрылась в густом облаке пыли.

Дивизия переправилась через Дон по понтонному мосту и вышла в степь. В прозрачном утреннем воздухе было хорошо видно, как короткими змейками извивались впереди небольшие колонны походного охранения.

Казаки тихо переговаривались и поглядывали по сторонам. Лошади настораживались, прислушиваясь к катившемуся от Царицына орудийному гулу.

Впереди показалась ветряная мельница. И тут перед полками открылось страшное зрелище: на крыльях покачивались на ветру восемь повешенных...

Отец Терентий ездил вдоль колонны и с горящими глазами, показывая на повешенных, исступленно кричал:

— Смотрите, братцы, что делает с казаками антихристово племя!

Он снимал фуражку и широко крестился:

— Помяни, господи, новопреставленных воинов...

Среди казаков шли разговоры:

— Ну, держитесь зараз, большевички!

— Ни одного красного, кум, теперича в плен не возьму!

— Гляди, гляди, что понаделали!

— Этак они всех казаков перевешают!..

Генерал Попов стоял на холме и, согнув руки в локтях, смотрел в бинокль. Перед ним раскрывалась в туманной дымке холмистая панорама Царицына с трубами, куполами, неровными кварталами домиков и стоящим ближе большим зданием паровой мельницы. Еще ближе, по эту сторону широкой балки, были видны какие-то шевелящиеся черные точки. Но генерал был близорук и, несмотря на бинокль, не мог определить, что они собой представляют.

— Евгений Петрович, — обратился он к стоявшему рядом начальнику штаба, — потрудитесь посмотреть, что это такое шевелится?

— А я простым глазом вижу, ваше превосходительство. Пехота. Окапываются, — ответил начштаба.

Это был Громославский полк, выдвинутый из резерва Ворошиловым. Вчера вечером громославцы дружной атакой сбили белых с юго-западной окраины Сарепты и прогнали их за широкую балку. Теперь они заканчивали отрывку окопов. Их и решил атаковать Попов в первую очередь.

Конные батареи, быстро изготовясь к бою и нащупав цель, открыли беглый огонь. Воздух наполнился грохотом. По линии окопов задымились черные вихри разрывов. Они взлетали словно из-под земли и перебегали вдоль рубежа обороны, обгоняя друг друга.

Ворошилов все эти дни не покидал наблюдательного пункта. Он хорошо видел подход к месту сражения круп-

ной колонны белых и, не надеясь на Громославский полк, понесший большие потери во вчерашнем бою, решил лично повести в контратаку свой последний резерв. С этой мыслью Ворошилов приказал подать свою лошадь. Но тут в степи, несколько левее места, где он находился, показались крупные массы конницы. Ворошилов припал к биноклю. Конница шла колоннами. Впереди трепетал по ветру красный значок. Было хорошо видно, как ехавшие впереди несколько всадников поскакали галопом. Оставляя за собой длинный хвост высоко вьющейся пыли, к Царицыну на рысях подходила конная бригада Буденного.

Окинув взглядом поле боя, Буденный сразу же понял, что вышел в тыл артиллерийским позициям белых. Это была удача, и ее нужно было молниеносно использовать. Полки двинулись галопом. От них на бешеном карьере веером выдвинулись эскадроны, назначенные для атаки батарей.

Худощавый штабс-капитан, командир артиллерийского дивизиона, был занят стрельбой и не сразу увидел буденновцев. Услышав быстрый конский топот, офицер оглянулся и побледнел. Размахивая шашками, к нему стремительно приближались какие-то пестро одетые всадники. Штабс-капитан рванул револьвер из кобуры и выстрелил себе в рот.

— Смирно! — крикнул Дундич, сдерживая лошадь, присевшую на задние ноги. — Кому дорога жизнь — сдавайся!

Бледные, с поднятыми руками артиллеристы посматривали на страшных всадников.

— Где командир? — спросил Дундич.

Придерживая у фуражки дрожащую руку, к нему подошел старший фейерверкер.

— Так что разрешите доложить, командир застрелился, — сказал он, показывая глазами на труп штабс-капитана.

— Хорошо, я сам буду командовать. Номера, по местам!

Артиллеристы замялись. Кто нерешительно направился к орудиям, кто, опустив голову, остался на месте.

— Ну?! — Дундич взвел маузер. — Кто не выполнит приказа, будет расстрелян. К пушкам! Бегом!

Номера побежали к орудиям, встали смирно, как на

ученье, и по команде Дундича дали три пристрелочных выстрела.

— Хорошо!.. По врагам революции!.. Шрапнель!.. Трубка... Беглый огонь! — откинувшись в седле, скомандовал Дундич.

Тем временем громославцы отчаянно отбивали атаки донской конной дивизии. От Царицына ударили по белым пушки подоспевшего бронепоезда. Но казаки, наскакивая лава за лавой, все же захватили окопы. В плен не брали. Теперь Попову оставалось пересечь широкую балку и ворваться в Царицын. Он поспешил рассредоточить полки и под артиллерийским обстрелом повел их рысью к Царицыну. Но тут позади него покатился в небо грохот. Генерал оглянулся. Над его полками сплошь нависли белые клубки рвущейся шрапнели. Казаки шарахнулись вправо по балке, к огородам села Ивановки.

— Что такое? В чем дело? — Попов с искаженным лицом повернулся к начальнику штаба. — Опять артиллеристы перепутали!.. Евгений Петрович, скачите к ним. Распорядитесь... О черт!

Мимо них со свистом пронесся шрапнельный стакан. Попов рывком поправил фуражку, задев рукой по лицу. Пенсне, блеснув, упало в траву. Все вокруг генерала стало как в густом влажном тумане, и он тщетно старался разглядеть, что происходит. Лихорадочно ища по карманам запасное пенсне, он не сразу понял, что остался один. Ординарец лежал в нескольких шагах с разбитой головой. Пронеслось еще два-три батарейных залпа, и обстрел прекратился. Теперь стало слышно, как по земле, все приближаясь, катился конский топот.

Попов схватил бинокль, висевший на ремешке через шею, и посмотрел в него. К нему скакало несколько конных. Впереди всех мчался всадник в красном гусарском доломане. Он стоял на стременах и устрашающе вертел над головой блестящим клинком.

Генерал повернул лошадь и, пригнувшись в седле, пустил ее в полный мах к Дону...

— Дерпа, стой! Не гони! Все одно не догонишь! — закричал позади него боец в полушубке. — Ну и рванул генерал, — продолжал он, пристраиваясь к Дерпе и вкладывая клинок в ножны. — Так рванул, что, видно, и команды не подал, все бросил!

— Свинье не до поросят, когда ее палят, — отвечал Дерпа, нахмурившись. Он посмотрел в глубину балки, откуда слышался шум. Там рубились какие-то всадники. Оттуда группами и поодиночке вырывались бородатые казаки и скакали в степь, ища спасения в бегстве.

— Ребята, гляди, поп с крестом! — крикнул боец в полушубке.

— Где? — Дерпа оглянулся.

— Да вон-вон, гляди, как нажимает! — показывал боец.

Вдоль балки скакал отец Терентий.

— Руби его! — крикнул, подъезжая к ним, пожилой казак с алым бантом на груди.

— Не надо, Назаров, — сказал Дерпа. — Может, он не по своей воле. Возьмем в плен.

Они подскакали к монаху.

— Эй, батя, сдавайся! — крикнул Дерпа.

Отец Терентий остановил тяжело дышащую лошадь. Его маленькие глаза забегали по лицам бойцов, рот приоткрылся, обнажив черные пеньки сгнивших зубов, острый маленький нос собрался морщинами.

— Не подходи, антихрист, убью! — закричал он, ощерившись. — Анафема вам!

Монах рванул из-за спины карабин и щелкнул затвором, но перекосившийся патрон не подавался в патронник.

Дерпа молча подъехал, мощной рукой схватил монаха за грудь и швырнул его наземь.

Чернорizец вскочил и, размахнувшись карабином, бросился на Назарова. Тот нагнулся и быстрым движением шашки проткнул монаха насквозь.

— Смотри, какой вредный поп, — произнес Дерпа. — Есть же такие люди на свете...

— Гляди! — крикнул Назаров.

Прямо на них выходила шагом из балки большая колонна, окруженная дозорными. Мягко колыхались распущенные знамена. Густой пар валил от лошадей, и они шли, как в тумане. Впереди ехал Буденный в чуть заломанной на затылок черной кубанке. Он оживленно говорил что-то ехавшему рядом Бахтурову, и тот кивал красивой головой.

— Наши идут! — весело сказал Дерпа. Он кинул в ножны клинок и, тронув лошадь шпорами, поскакал к своему эскадрону.

Еще в ночь на 27 октября большой конный отряд князя Тундутова ворвался в село Ремонтное. Белогвардейцы повесили председателя Совета, ограбили жителей, забрали скот и хлеб.

Бригада Буденного, стоявшая несколько дней под Царицыном, получила приказ командующего Ворошилова разгромить отряд князя Тундутова, который, по только что полученным сведениям, находился в районе Абаганерова. Полки готовились к выступлению. Поход был назначен на завтра.

Ока Иванович Городовиков сидел у себя в хате и штопал бекешу. Работа явно не ладилась. Тонкая иголка сломалась. Он поколол себе пальцы и ворчал что-то, поминая шайтана. Поэтому Городовиков не совсем дружелюбно взглянул на вошедшего в комнату незнакомого, очень рослого человека с такими же, как у Ворошилова, короткими усиками.

«Кто такой? — хмуро подумал Городовиков. — Ишь, каким нарядным явился. Хоть сейчас на парад!»

Действительно, плечистый, подтянутый человек, по виду командир, был одет настолько хорошо по тому времени, что его появление могло вызвать удивление. На нем были щегольские, начищенные до блеска сапоги со шпорами, красные бриджи и опушенная белой мерлушкой синяя венгерка.

— Командир полка Тимошенко, — грудным баритоном представился вошедший. — Не вы ли будете товарищ Городовиков? — вежливо справился он.

Получив утвердительный ответ, Тимошенко присел на лавку, с любопытством в глазах оглядел своего собеседника и предложил ему папиросу.

— Очень рад познакомиться с вами, товарищ, — продолжал Тимошенко, несколько недоумевая, почему Городовиков так мрачно глядит на него.

«Папиросы! — думал тот. — Ишь, барин какой! И откуда он взялся?»

Собственно, Городовиков знал, что несколько дней тому назад из Сальской степи подошел новый полк. «Не командир ли этого полка?» — подумал он и умышленно грубовато спросил:

— Ты что — офицер?

— Нет. Бывший унтер-офицер Мариупольского гу-

сарского, — с легкой улыбкой отвечал Тимошенко, догадываясь, почему Городовиков так угрюмо смотрел на него. — Я вижу, дружище, тебя моя одежда смущает? Ничего. У меня весь полк одет хорошо.

— А с дисциплиной как?

— И с дисциплиной хорошо.

— Иди ты? — удивился Городовиков.

— А как же! Я строгий. Конечно, в полку бузотеров хватает. Не без этого. Но у меня с ними разговор короткий. Не хочешь служить, как полагается, уходи из полка.

— Иди ты?

— А как же! Поганую овцу из стада вон... Конечно, это не выход. Надо перевоспитывать. Но на всех меня с комиссаром не хватит. Вот товарищ Ворошилов обещает дать рабочих-коммунистов. Тогда будет полегче.

— Да-а... — Городовиков с досадой поморщился. — Вот и Семен Михайлович требует: «подай дисциплину».

— Ну и что? Не совсем получается? — догадался Тимошенко.

В дверь постучали. Вошел Дерпа. Он только что был назначен старшиной эскадрона и теперь держался чрезвычайно степенно. Приложив руку к фуражке, Дерпа доложил о прибытии.

— Оглоблей дрался? — коротко спросил Городовиков.

— Оглоблей? — Дерпа отрицательно покачал головой. — Извиняемось, товарищ комполка, никакой драки не было. Так, постращал малость. А не возьмись я за оглоблю, так их по другому разу расстрелять бы пришлось.

— А ну расскажи, — потребовал Городовиков.

Дерпа сказал, что по случаю стоянки он отпустил погулять несколько человек. Двое из них поймали поросенка и трех гусей.

Он решил на первый раз поучить безобразников и собрал их вместе с товарищами в сарае. Крикуны, как обычно, начали требовать митинг. Тогда он взял оглоблю от повозки и объявил митинг открытым. Увидя это, виновные стали просить прощения и обещали больше не безобразничать.

— Вот и всего дела, — говорил Дерпа. — Разве я несознательный элемент, товарищ комполка, чтобы оглоблей драться? Сами очень даже хорошо понимаем что к чему. Ничего. Теперь будут бояться... Что же касается до боя, то ребята отчаянные...

Городовиков в раздумье смотрел на него.

— Ну ладно, ступай. Да смотри у меня! — сказал он сердито.

Дерпа вышел.

Тимошенко чувствовал, что Городовикову был неприятен весь этот разговор при новом человеке, и хотя его подмывало спросить, что представляет собой так понравившийся ему богатырь, он воздержался.

— Товарищ Городовиков, — заговорил он, помолчав, — ведь я к тебе по важному делу. — И он рассказал, как во время движения к Царицыну под ним убили лошадь. Это был замечательный конь, которого он вел с германского фронта. Теперь ему не на чем ездить. А вот у Городовикова, как он слышал, целых три лошади, одна лучше другой. Не уступит ли он одну из них временно?

У Городовикова действительно было три лошади. Последнюю, большую гнедую, как раз под рост Тимошенко, он взял в бою под Аксайском и, конечно, никому бы ее не отдал. Но сидевший перед ним спокойный, рассудительный командир начал ему положительно нравиться, и он тут же решил отдать ему лошадь. «Ну что ж, — думал он, — пусть себе пользуется. А если хорошо себя покажет в бою, то и совсем отдам».

— Ладно, бери гнедую, — сказал он добродушно. И от этих слов ему вдруг стало приятно и радостно. — Хороша лошадка. Шесть вершков. Акурат под тебя. Спасибо скажешь.

И уже не отказываясь от вновь предложенной ему папиросы, он заявил, что бойцы очень долгое время не видели не только папирос, но и махорки. Курят они самосад, употребляемый жителями для мытья овец. Табак, конечно, ничего, курить можно. Только от одной затяжки глаза уходят под лоб...

Было около шести часов утра. На дворе в предрассветном мраке копошились какие-то люди. Слышались приглушенные голоса, постукивание копыт, звуки воды, льющейся в колодезное корыто. Неяркий свет из углового окна широкой полоской падал на телегу с привязанными к ней лошадьми.

Иона Фролов подкинул сена в телегу и, придерживая шашку, приоткрыл дверь в хату. Казаки пили чай вокруг шумевшего самовара. Один из них, худощавый, рассказывал:

— ...Вот, значит, тут мы в атаку пошли. Скачу, вижу, юнак, мальчишка. Ну, я его пожалел и плашмя по шее. А он, видно, подумал, что я промазал, и на меня сзади. «Дурак, — думаю, — мне надо, чтобы ты тикал, а не рубить». Ну, раз дело такое — я развернулся и... — Рассказчик быстро переменил разговор при виде урядника. — Вот едем мы, значит, едем кустарником. Урочище Корочихин Кут — то место называется. Это аж за широкой балкой. Да. Только глядим, навстречу бабка верхом. Старая такая бабка. Лет семьдесят, а может, и больше. А конь у ней — прямо картина. Сразу видно — самых чистых донских кровей. Весь, скажи, золотой. Шею выгнул. Хвост дудкой.

— А ну подвиньтесь! — грубо сказал Иона Фролов. — Ну, кому говорю? — Он присел к столу и, потянувшись, налил кипятку в железную кружку.

— Да, — продолжал рассказчик. — Ну тут Семушкин, который под Кагальником убитый, и говорит: «Давай, ребята, сменяем коня». Мы до бабки. А она повернула — и ходу. Птицей летит! Мы за ней. А она свернула в огороды да как махнет через плетень! А в нем больше сажени. Только ее и видали. И скажи, какая окаянная бабка. Уже совсем старая, а на коне сидит, как казак!

— А у нас как девчата ездили! — подхватил совсем молодой казачок с румяным лицом. — Бывало, в германскую войну с поля едут, построятся баб шестьдесят, да с песнями. А потом как рванут наметом! Аж дым идет.

— У кого, ребята, сахар есть? — спросил Иона Фролов.

Казаки переглянулись.

— Да вроде весь вышел, господин старший урядник, — сказал худощавый казак, тая насмешливую искру в карих глазах.

— Тогда и чай пить не стоит! — Фролов потеребил черную бороду, огляделся и, приметив на лежанке спавшего кота, плеснул на него кипятком. Кот с диким воем метнулся под лавку.

— Ишь, чертова собака! — зло сказал Фролов. Он поднялся, поправил висевший сбоку револьвер и, сильно хлопнув дверью, вышел из хаты.

— Сам себя и обругал, змей, — сказал худощавый казак. — Ишь ты! Сахару ему дай, кожелупу. Привык в станице с людей шкуру снимать. Жила чертова. Он, как

милиционера Долгополова в Платовской убили, все его добро себе забрал. — Казак пошарил в кармане и достал кусок сахару. — Да я лучше этот сахар коню скормлю, чем ему дам.

— Энтот дюже хорошо знает, за что воюет, — сказал молодой казак. — Воевать-то против народа...

Худощавый строго посмотрел на него.

— Ты, Аниська, не дури. Попридержи язык-то, — произнес он, нахмурившись. — Знаешь, что полагается за такие твои слова?

— А ты что, дядя Осип, уряднику скажешь? Ну?

— Я не доносчик. Я так говорю. Упреждаю. Знаешь, сколько наших пропало за такие подобные речи?

— Кабы знать... — с неопределенным видом тихо сказал сидевший под образами пожилой казак с серьгой в ухе.

Эх, каб Волга-матушка
Да вспять побежала.
Эх, каб можно, братцы,
Жить начать сначала, —

проговорил он при общем молчании, словно подытоживая свои мрачные мысли...

Проделав ночной марш при резком встречном ветре, князь Тундутов был сильно не в духе. Это сразу же почувствовали штабные, заметив, что в голосе князя начали проскальзывать высокие нотки. Вдобавок Тундутову надуло в уши. Все это привело к тому, что князь зря избил денщика, изругал своего любимого адъютанта Красавина, переведенного к нему от генерала Попова, и пообещал всем показать, где раки зимуют.

Однако, когда он вошел в отведенный ему дом станичного атамана, в котором квартирьеры постарались как следует накалить печи, плохое настроение оставило его.

Благодушествуя, Тундутов ходил по жарко натопленной комнате. Сотник Красавин, наблюдавший в замочную скважину за поведением князя, подал знак стоявшей в коридоре толстой бабе, и та с поклоном внесла в комнату яичницу с салом, шипящую на горячей сковороде.

Позавтракав, Тундутов вспомнил, что еще вечером, перед самым выступлением в поход, ему передали свежие газеты. Теперь их можно было прочесть. Но ему не повезло. Едва он вместе с газетами забрался в постель и, предвкушая удовольствие, закурил папиросу, в дверь постучали.

— Да! — сказал Тундутов, вкладывая в это слово все свое неудовольствие.

Вошедший сотник Красавин доложил, что в станицу прибыли квартирьеры кавалерийской дивизии генерала Фицхалаурова и что сам генерал будет здесь минут через двадцать. Тундутов входил в подчинение Фицхалаурову, и ему волей-неволей приходилось теперь вылезать из-под теплого одеяла.

— Парбле! — князь присел на кровати и взял бриджи со стула. — И выспаться не дадут! Ну на что это похоже? Нет, так нельзя воевать, — продолжал он, одеваясь. — Надо кончать. Уеду к черту в Париж, — решил он неожиданно. — Посмотрим, как они тут без меня! — Он поднял голову, чтобы отдать распоряжение Красавину, но того уже не было в комнате.

— Сотник! — крикнул князь.

Красавин появился в дверях.

— Что прикажете, господин полковник? — спросил он.

— Попросите ко мне есаула Буренова, — приказал князь.

Вошедший есаул внешностью своей убедительно подтверждал теорию Дарвина о происхождении человека от обезьяны. Особенно подчеркивали это сходство вытянутые в трубку толстые губы. Этот звероподобный человек с длинными цепкими руками выполнял у Тундутова самые деликатные поручения.

— Вот что, Буренов, — начал князь, — Фицхалауров едет. Вы понимаете?

— Понимаем, — отвечал Буренов с готовностью.

— Так вы поищите по станице. Смотрите не подведите — старик молодых любит.

— В школа идем, — предложил Буренов.

— Ну, можно и в школу, если там найдется что-нибудь подходящее, — согласился Тундутов. — А вы, сотник, потрудитесь предварительно поговорить с ней.

— Слушаю, — Красавин звякнул шпорами. — В таком случае разрешите нам вместе отправиться?

— Идите...

15

Буденный спешил к станице Аксайской. Бригада шла рысью. Мягко постукивали колеса пулеметных тачанок, с глухим гулом катились орудия. Прошли уже бóльшую

половину пути, и приуставшие лошади звонко щелкали — «забивали» подковами. Бойцы поглядывали вперед в ожидании большого привала. Холодный ветер, с утра бивший в лицо, несколько стих, и в воздухе закружились первые в этом году легкие снежинки.

— Ну авось и потеплеет, — сказал Дерпа, ехавший позади эскадрона вместе с Иваном Колыхайло и Хабзой.

— Плохое дело, когда мороз, а снегу нету, — подтвердил Иван Колыхайло. — И коням плохо бежать.

— Наш маленько нос морозил, — сказал Хабза. Он снял варежку и потрогал кончик горбатого носа.

Солнце садилось. В темнеющем небе начали проглядывать звезды. Они поблескивали то тут, то там, словно постепенно утверждались на небосводе. Вновь подул резкий ветер. Дерпа достал из кармана какую-то ветошку и обмотал шею.

— Холодно, брат? — спросил Иван Колыхайло.

— А то? У тебя полушубок, а у меня шинель на рыбьем меху, — пошутил Дерпа. — Эх, привала долго нет! Погреться бы!

— Да-а! Я бы сейчас за бутылку самогона босиком с крыши на борону прыгнул, — сказал любивший выпить кузнец.

— Нет, я не про то. Мне бы чайку, да погорячей.

Впереди, на фоне совсем почерневшего неба, ярко загорелась Полярная звезда. Послышался собачий лай. Вскоре из мрака возникли строения. Замелькали огни. По колонне передали приказание — на квартиры становиться повзводно. Заскрипели ворота. Бойцы развели лошадей по дворам.

Катя распоряжалась у санитарных линеек, расставляя их на большом базу казачьего куреня. Ездовой Макогон, за последнее время очень привязавшийся к девушке, сбегал в дом, договорился с хозяевами и приготовил для Кати горницу. Хозяин, старый казак, узнав, что у него будет стоять санитарная часть, начал тут же сильно прихрамывать в надежде выпросить какого-нибудь средства от ревматизма.

Катя уже собралась было направиться на квартиру, когда услышала знакомые шаги и оглянулась.

— Олеко! — радостно вскрикнула девушка. — Как хорошо, что вы пришли!

— Я принес вам обещанное, — сказал Дундич, доставая из-за пазухи небольшой сверток полотна. — Вот,

пожалуйста. Только здесь всего четыре аршина. Это все, что я мог достать.

— Я вам очень признательна, — благодарила Катя. — У нас совершенно кончились перевязочные материалы. Приходится бог знает чем бинтовать... Ну, пойдемте ко мне, — пригласила она.

— Нет, простите, сейчас я не могу.— Дундич нерешительно кашлянул. — Я на минутку. Комбриг дал мне поручение. Я зашел проститься.

«Значит, что-то очень серьезное», — подумала Катя, испытывая какое-то неотчетливое чувство тревоги.

— И надолго? — спросила она.

— Право, не знаю. Все будет зависеть от обстоятельств.

— Да-да, конечно, кто может знать.

— Вы чем-то взволнованы? — спросил Дундич, улавливая в голосе девушки тревожные нотки.

Катя вскинула на него глаза.

— У меня сегодня какое-то странное состояние, — помолчав, заговорила она. — Как-то тоскливо. Отчего бы это? Со мной так еще никогда не бывало.

— Опять о доме? — Дундич подвинулся к Кате. — Я же говорил вам, что ничего нехорошего не может случиться, — успокаивал он с радостным сознанием того, что эта чудесная девушка любит его. — Однако мне пора.

— Подождите. — Катя удержала его мягкой теплой рукой. — Я хотела вам сказать...

— Да?

Кате хотелось сказать, чтобы он берег себя, но, хорошо зная его пылкую, порывистую и стремительную натуру, она тут же решила, что говорить это было напрасно.

— Вы очень храбрый человек, Олеко.

— Это я-то храбрый? — Дундич усмехнулся. — Я отчаянный трус, Катя. Это у меня еще с детства... Кстати, вы читали рассказ Эдгара По «Черная кошка»?.. Нет? Очень страшный рассказ. Мне бабушка читала, удивительно хорошая была старушка. Так к концу рассказа я забрался с ногами на стул. Мне тогда лет десять было. И вот до сих пор хорошо помню... Нет, не смейтесь, я серьезно говорю. А что такое храбрость? Это умение держать себя в руках. Это, кажется, я немного умею.

— Товарищ командир! — позвал от ворот голос. — Лошади поданы.

— Иду! — откликнулся Дундич. — Ну, прощайте,

Катюша. — Он взял ее руки в свои. — Скоро увидимся. — Тряхнув выбившимися из-под кубанки вьющимися волосами, Дундич пошел со двора.

А она все стояла и, ощущая, как предчувствие чего-то недоброго щемило ей сердце, оглядывала свои руки, которые он так крепко пожал...

Сильно морозило. Молодой казак Аниська, высказывавший суждение, что уряднику Фролову есть за что воевать, ходил патрульным вместе с товарищем у дома станичного атамана и, поеживаясь от холода, прислушивался к доносившимся сквозь ставни звукам. Шел четвертый час утра. Только что взошедший месяц ярко светил среди разорванных туч.

— Аниська, пусти меня погреться! Совсем к черту замерз, — постукивая каблуками, просил второй патрульный, такой же молодой сутуловатый казак.

— А ежели урядник выйдет?

— Да он спать горазд. Пушкой не разбудишь.

— Ну ладно. Иди. Только недолго, смотри... Табачку там расстарайся!

Отпустив товарища, Аниська вскинул винтовку на ремень и медленно пошел вниз по улице. Под ногами поскрипывал обильно выпавший снег. «Да, — думал он, — и когда войне этой конец? И не поймешь, за что воюешь... Ну, Иона Фролов, конечно... Кожелуп добрый. Одних ко́ней тридцать штук было... А мне что? На кой мне эта война?.. Нет, хватит. Перейду до красных — и точка!»

Аниська поднял голову и прислушался. Из школы доносились приглушенные ставнями крики. Он оглядел окна. Сквозь щели в ставне пробивался неясный свет. Аниська вскочил на завалинку, прильнул к щели и задрожал. Два урядника сидели на спине и ногах разложенной на полу обнаженной женщины. Два других, взмахивая руками, секли ее шомполами. Тут же находились и офицеры. В одном из них, с перевязанным глазом, Аниська признал сотника Красавина. Другой офицер, с вытянутыми в трубку толстыми губами, был ему незнаком. Аниське захотелось закричать, ударить прикладом в окно, но он удержался, зная, что расправа могла постигнуть и его самого. Он спрыгнул с завалинки и, весь дрожа, направился к дому станичного атамана. В его ушах все еще стояли страшные крики учительницы.

«Да что же это делается? — думал он. — Разве есть такой закон девок тиранить? Пойду доложу генералу. А может, прогонит? Не по команде. Нельзя... А, да уж все равно!»

Месяц зашел за тучи. Станица окуталась мраком, и лишь кое-где мерцали огни. Аниська подходил к дому атамана. В эту минуту из-за угла метнулась фигура, и сильный удар по голове сбил его с ног. Потом чей-то голос тихо сказал:

— Тащи, ребята, его...

— Казак?

— Так точно. Казак станицы Семикаракорской Анисим Конкин, — придерживая рукой ушибленное темя, быстро отвечал Аниська с бодрой готовностью, словно хотел поскорее высказать то, о чем ему так долго приходилось молчать. — А вы кто такие будете? Красные? Очень даже приятно.

— Сомневаюсь! — усмехнулся усатый командир в плечистой бурке, сверкнув на него зеленоватыми глазами. — Ну вот что, приятель: прямо сказать, если хочешь жить, то говори правду. Первое дело, скажи нам, какие части тут стоят. Только не ври. А то разговор будет короткий.

Аниська огляделся. Вокруг тесными рядами стояли подседланные лошади. Бойцы в черных бурках, шинелях и в полушубках молча держали их под уздцы. Увидев такое большое скопление конницы, Аниська решил, что попал в плен к буденновцам, и это нисколько не испугало, а порадовало его. Он хорошо знал, что среди буденновских всадников, состоявших в основном из иногородних, было немало и казаков.

— Все, как есть, братцы, скажу, — заговорил он, глядя на придвинувшихся к нему суровых кавалеристов. — И за части скажу, и за учительницу, как ее били, скажу. Только как бы мне самого Буденного повидать? Я бы ему все начистоту рассказал.

— Я Буденный. Говори, — произнес усатый командир.

Аниська вытянулся до хруста в костях. Все внутри его задрожало. Остановившимися глазами он смотрел на Буденного.

— Ваше.... Господин генерал, — поправился он. — Ой, извиняюсь, товарищ главнокомандующий... — Чувствуя, что задыхается, Аниська хватался за воздух руками.

— Да ты не бойся! Ну чего испугался? Я ж тебя не съем! — сказал Буденный спокойно.

— Да я... — Казак закрутил головой, прижал руку к груди. — Вот вам крест святой! Матерью клянусь, что давно хотел до вас перейти, — божился Аниська.

— Ладно. Верю. Рассказывай. Дайте ему закурить...

Генерал Фицхалауров и князь Тундутов сидели за уставленным бутылками столом в жарко натопленной комнате. Разговор шел о предполагаемой операции против бригады Буденного. За последнее время белые генералы, неоднократно битые буденновцами, стали тянуть жребий, кому из них выступать против Буденного. На этот раз жребий вытянул Фицхалауров, и теперь генерал ждал подхода второй бригады своей дивизии, с тем чтобы наутро выступить на Абаганерово, где, по сведениям разведки, находилась бригада Буденного.

Князь Тундутов предлагал держать в резерве его отряд как наиболее стойкий и уверял, что он сможет завершить бой полной победой.

— Только я очень прошу, ваше превосходительство, — говорил он, — исходатайствуйте для моих офицеров право ношения на погонах именных трафаретов. Уверяю вас, это еще больше поднимет их дух.

— И только-то? — сказал Фицхалауров, выслушав просьбу князя. — Да сделайте одолжение! Нашейте им на погоны хоть черта с рогами. Только бы дрались хорошо. — На его крупном, в глубоких морщинах лице появилось выражение досады. — Нет, господа, я отказываюсь вас понимать! Дело стоит о том, быть или не быть, а вы с какими-то трафаретами! И так везде. И вот эти-то дурацкие мелочи смогут погубить нас окончательно. — Он провел носовым платком по голой, как яйцо, голове. — Неужели вы не понимаете, князь, что сейчас решаются дела более важные?.. Подумайте, что будет с нами, если большевики укрепятся у власти?

— Пойду к ним табунщиком, — насмешливо сказал Тундутов, а сам подумал: «Нет, пока не поздно, надо убираться отсюда подобру-поздорову».

— Табунщиком! — Фицхалауров расхохотался: какой дурак этот князь. — Да они вас и пастухом не возьмут! На что вы им?.. Нет, вам остается одно: драться, драться и еще раз драться! — Он поднялся со стула, чуть не достав

головой потолка, но сильно покачнулся и снова присел. — Я вам скажу строго конфиденциально. Наши неуспехи на фронте объясняются нераспорядительностью атамана Краснова. На днях он будет сменен Богáевским. А верховное командование примет генерал-лейтенант Деникин.

— Деникин?

— Да. Очень способный генерал. Мне с ним приходилось встречаться... И вот после всей этой пертурбации, — нет, извините, я не так сказал, — после всех этих перемен, я уверен, нам будет обеспечен успех. — Фицхалауров налил стакан вина и залпом выпил его.

— Ваше превосходительство, скажите, пожалуйста, что слышно о генерале Попове? — поинтересовался Тундутов.

— Смещен и отчислен в резерв. Его песенка спета... Вас зовут, князь, — Фицхалауров показал глазами на открытую дверь. Там стоял сотник Красавин. Тундутов грузно поднялся и, нетвердо ступая, подошел к сотнику.

— Ну, привели? — спросил он вполголоса.

— Никак нет, господин полковник, — зашептал Красавин, с виноватым видом пожимая плечами.

— Почему? — Князь грозно нахмурился.

— Удивительно упрямая барышня. Она оскорбила всю нашу армию. Я был вынужден ее наказать... Да она и вообще не нужна.

— Почему?

— Посмотрите.

Тундутов оглянулся. Фицхалауров спал, подперев рукой полную щеку. С уголка полуоткрытого рта тонко стекала слюна. Князь распорядился позвать денщиков и уложить генерала.

Спустя некоторое время он и сам растянулся в постели. Красавин привернул свет, огляделся, осторожно снял со стола две оставшиеся бутылки вина и, ступая на носках, вышел из комнаты...

Тундутов стонал и ворочался. Его мучил кошмар. Ему снилось, что он очутился в паноптикуме *... Тусклый свет месяца, пробиваясь сквозь пыльные окна, наполнял помещение. Князь огляделся. Заспиртованные в банках уроды потухшими глазами смотрели на него из стеклянных шкафов. Тут же находились восковые фигуры людей. Опира-

* Паноптикум — музей восковых фигур и всяких редкостей.

лись на мечи древние воины. В углу застыл горбун Квазимодо с искаженным гримасой лицом. В большом хрустальном гробу покоилась Семирамида. И странное дело — она была мертва уже не одну тысячу лет и вместе с тем улыбалась ему живой и страшной улыбкой... У стола, опустив голову, сидел человек. Князь подошел. За столом сидел труп!.. Ужас объял Тундутова. Он отвернулся и увидел, что вдоль противоположной стены стояли чучела диких зверей. Среди них на особом постаменте помещалась исполинская фигура питекантропа * с могучими руками ниже колен и низеньким лбом. В углу послышался шорох. Князь посмотрел. Голубоватый луч месяца отсвечивал на острых, как кинжалы, рогах огромного чучела зубра. «Какие рога, — подумал Тундутов, — я таких еще не встречал!..» Вдруг чучело повернуло мохнатую голову и загоревшимися, как пламя, глазами посмотрело на него. И вот князь услышал отчетливый стук копыт по паркету. Чудовище, опустив голову, медленно шло на него. Князь бросился к двери, споткнулся и упал. Он хотел встать, но какая-то непреодолимая сила держала его. Наконец он сделал движение, но тут питекантроп сорвался с места и цепкими руками схватил его ноги. Князь рванулся, закричал и проснулся весь в холодном поту. Сотник Красавин тянул его за ноги.

— Господин полковник, вставайте! Скорее, — говорил он.

— Что такое? В чем дело? — недовольно спросил Тундутов.

— Красные! Буденный!

— А где генерал?

— При первой бригаде. Я никак не мог вас добудиться. Вставайте, лошадь у крыльца.

Шумно сопя, Тундутов быстро одевался.

— А где моя шашка?

— Вот она. Позвольте, я вам помогу.

Тундутов торопливо застегивал портупею. Слышно было, что за станицей идет сильный бой. Князь бросил взгляд на стол.

— Выпить ничего не осталось? — спросил он сердито.

— Никак нет, — сказал сотник, отводя глаза в сторону.

* Питекантроп — самый древний тип человека.

Князь выругался, схватил со стула папаху и грузно вышел из комнаты.

Внезапному нападению буденновцев помешала вторая бригада дивизии Фицхалаурова, которая под командой князя Султан-Гирея яростно обрушилась на фланг красных и потеснила полк Литунова. Но тут в дело ввязался Городовиков, подоспел Тимошенко. Это дало возможность Литунову привести полк в порядок.

Используя верное правило — быстро маневрировать и бить противника сосредоточенным кулаком по частям, Буденный всеми силами атаковал вражескую бригаду. Не выдержав атаки, Султан-Гирей повернул полки вспять. Буденновцы ударили в тыл отступающим и, рубя, погнали их в степь. Белые рассеялись. На поле боя осталось брошенное ими орудие.

Тем временем ночевавшие в слободе белогвардейские полки изготовились к бою и вышли в степь. Генералу Фицхалаурову хорошо было видно, как вдали, то появляясь, то пропадая среди холмов, скакали всадники. Он развернул полки, но пока оставался на месте, выжидая, что предпримет противник. Подъехавший к нему князь Султан-Гирей доложил о прибытии.

— Каким образом вы потеряли орудие, полковник? — строго спросил Фицхалауров.

— Что же прикажете делать, ваше превосходительство? Что с возу упало, тому глаз вон! — невозмутимо отвечал Султан-Гирей, постоянно путавший русские поговорки. Он подправил торчащие под горбатым носом черные усы. — Что я мог сделать, будучи атакованным превосходящими силами?

«Болван!» — подумал Фицхалауров, делая нетерпеливое движение рукой, держащей бинокль. За холмами показался вьющийся по ветру красный значок.

— Вы мне пока не нужны, — сказал генерал.

Султан-Гирей отъехал к выстроившейся неподалеку бригаде.

— Что, ругается? — вполголоса спросил его командир полка князь Дадиани — невысокий черноволосый человек с острой бородкой, делая жест в сторону Фицхалаурова.

— А что же, хвалить, что пушку потеряли?

— Да, конечно, нехорошо получилось, — согласился Дадиани. — А у меня беда, князь.

— Что такое?

— Клинок в атаке сломал.

— Ваш клинок — дерьмо. Вот у меня шашка: деду пол-Кавказа давали — не взял! Настоящая гурда, — сказал Султан-Гирей, опуская маленькую, но сильную руку на эфес богатой шашки в серебряных ножнах.

Дадиани хорошо знал, что в ножнах этой шашки лежал самый обыкновенный золингеновский клинок, но спорить с начальством не стал. Он только молча показал в сторону холмов. Оттуда с двух направлений показались идущие рысью взводные колонны буденновцев. Это были полки Тимошенко и Литунова. Полк Городовикова Буденный оставил в резерве. Силы были явно неравные, но это не смущало Буденного. Он имел под рукой хорошо закаленных, испытанных бойцов, глубоко уверенных в том, что они бьются за правое дело, тогда как у большинства белогвардейцев чувство это отсутствовало.

Буденный подал знак шашкой. По фронту прозвучала команда. Полки двинулись рысью. По земле покатился конский топот. Накрытые артиллерийским огнем белые поспешно выстраивали развернутый фронт. Было видно, как сотни расходились из колонны вправо и влево, заливая бурой массой всадников заснеженную степь...

Тимошенко скакал, чувствуя под собой сильную, ловкую, понятливую лошадь, которая понимала не только каждое легкое движение повода, корпуса или ноги всадника, но словно сама бросалась туда, куда посылал ее всадник.

«Прекрасный конь! Спасибо Оке Ивановичу!» — подумал Тимошенко, выпуская лошадь во весь мах.

Красные и белые со страшной быстротой шли на сближение. Неожиданно строй белых сломался. Сотни стремительно хлынули в стороны. В образовавшиеся ворота ударили навстречу буденновцам ружейные залпы. Тимошенко не сразу понял, что падает. Это увидел Буденный. Гнедая кобылица Тимошенко взвилась на дыбы, прошла шага два на задних ногах и с размаху вместе с всадником рухнула на землю. Мимо него с грохочущим топотом пронеслись эскадроны. Тимошенко вскочил и дернул поводья, но лошадь, не двигаясь, косила на него быстро гаснущий глаз. Предсмертная дрожь проходила волной по животу и ногам. Пуля ударила ей в лоб над белой звездой.

— Спасибо, милая, ты спасла мне жизнь! — прошептал Тимошенко, оглядываясь на быстрый конский топот. К нему подскакал Федя с подседланной лошадью. Коман-

дир прыгнул в седло и помчался вслед за полком. Он нагнал его в ту минуту, когда послышался дикий крик казаков, ударивших с фланга. Тимошенко, рубя встречных, вбился в ряды головной сотни.

«Молодец! — подумал Буденный, не терявший из глаз нового командира полка. — Прямо сказать, командир подходящий». Он хотел подскакать к Тимошенко, но тут его внимание привлекло появившееся справа большое построение всадников. По белым башлыкам поверх бурок Буденный понял, что это бригада Султан-Гирея, и, подумав это, решил, что настала минута двинуть в бой свой резерв. Связные, пригнувшись в седлах, помчались к Городовикову, укрывшемуся в балке. Там уже заметили их. Бойцы садились в седла.

— Ну, ребята, гляди, — говорил Дерпа двум молодым бойцам, недавно вступившим в полк, — ваше дело меня охранять, а я за всех трех порубаю.

Такой порядок был заведен еще в партизанском отряде. Впереди шли в атаку лучшие рубаки, за ними телохранители, оберегающие их от нападения со стороны. Следуя этому правилу, буденновцы несли сравнительно небольшие потери, а сами производили невероятное опустошение в рядах противника.

Тем временем Буденный нацеливал Городовикова для удара во фланг бригады Султан-Гирея.

— Ну, давай, Ока, — сказал он, оглаживая широкой ладонью свою буланую лошадь. — Без победы не возвращайся!

Городовиков крикнул команду. Стремительно расширяясь в обе стороны по фронту, полк развернулся в лаву. Грохоча копытами, конная лава покатилась по пологому склону.

— Ну наш пошел, — сказал Хабза, любивший биться в одиночку. — Кыссым башка!* Каллым жывота!!. — яростно крикнул он, выхватывая шашку из ножен.

Буденному было хорошо видно, как обе массы всадников ударились и раскололись на группы. Красные стали одерживать верх. Это было заметно по тому, что бой отдалялся. Однако это еще не было победой. У Фицхалаурова могли остаться не введенные в бой свежие части. Поэтому Буденный распорядился, чтобы Тимошенко, рас-

* «Кыссым башка!» — дословно: «Я рублю голову!» Отсюда испорченное — «Секим башка!».

севший казачью бригаду, отошел в резерв. Это решение в дальнейшем целиком оправдало себя...

Хабза одним из первых врубился в ряды белых. Он вьюном вертелся в седле, рубил и колол.

— Что ты?! Что ты делаешь?! — крикнул на него Султан-Гирей, принимая Хабзу за своего. — Ты что, мерзавец, ошалел?!

Хабза тут же направил своего коня на него. Но полковник, видимо догадавшись, ударился в степь. Хабза, вереща диким голосом, погнался за ним. Тут бы и пришел конец Султан-Гирею, если бы не сурчиная нора. Лошадь Хабзы на всем скаку попала в нее ногой и покатилась через голову.

Дерпа видел, как упал молодой осетин, и бросился к нему на помощь. Но помощь была уже не нужна. Белые, сбитые буденновцами, бешеным карьером покидали место схватки. Все же Дерпа подъехал, думая, что товарищ сильно ушибся.

— Наш маленько нога ломал, — отвечал Хабза на вопрос Дерпы. Он, прихрамывая, подошел к покорно стоявшей лошади, осмотрел ее и легко сел в седло.

— Ну, нога это еще ничего, — сказал Дерпа. — Ведь через голову перекатился. Так и шею можно сломать.

— Ну, шея! Зачем шея ломал? Будет и нога, — глубокомысленно заметил Хабза.

Неподалеку от них послышались громкие крики. Дерпа посмотрел. Из балки развертывалась в степь колонна конницы. По белым заячьим шапкам Дерпа узнал отряд князя Тундутова, выделенный в резерв Фицхалауровым. Белые скакали в степь. Навстречу им развертывался полк Тимошенко. Впереди полка, выставив вперед обнаженную шашку, весь стремительный в этом движении, мчался всадник, показавшийся издали Дерпе странно знакомым. Под ним летела птицей крупная буланая лошадь. Дерпа не успел рассмотреть всадника. Трубач заиграл сбор. Рассыпавшийся по степи полк собирался к Городовикову. Дерпа занял свое место в строю как раз в ту минуту, когда Городовиков повел бойцов в тыл князю Тундутову. Там, на месте схватки, уже высоко взлетали и падали шашки.

Дерпа вместе с бойцами яростно врубился в скопище белых. Перед ним замелькали озверелые лица, кривые лезвия шашек, оскаленные морды лошадей. С глухим гулом сшибались противники. Слышались лишь негромкие

восклицания, вскрики и стоны. Дерпа рубил и отбивался. Есаул с вытянутыми в трубку губами бросился па него со спины. Но случившийся тут всадник на буланом коне высоко взмахнул шашкой и мощным ударом развалил есаула от ключицы до пояса. Дерпа оглянулся на крик и увидел Буденного. Радостная спазма сжала ему горло, и он с новой силой бросился в бой. В нескольких шагах от него рубился Иван Колыхайло. Вокруг него падали люди и лошади.

— Иван, ко мне! — крикнул Дерпа. Он заметил, что тучный офицер с висячими усами пробивался из сечи, и погнал свою лошадь за ним. Но тот уже успел выбраться в степь и хлестал серого жеребца плетью с боку на бок, норовя уйти от погони.

«Врешь — не уйдешь!» — думал Дерпа. Встречный ветер раздувал полы его шинели, стужа прожигала до костей, глаза слепили слезы, но он словно не чувствовал этого и продолжал мчаться за офицером. Позади него скакали Иван Колыхайло, Хабза и боец из первого взвода.

По хриплому дыханию лошади Дерпа чувствовал, что она отдает последние силы. Серый в яблоках красавец жеребец офицера шел легким скоком, бросая из-под копыт комья снега. Расстояние между беглецом и преследователями стало увеличиваться. Видя, что ему не догнать, Дерпа перехватил шашку в зубы и выхватил револьвер из кобуры.

Треснул выстрел, второй...

Беглец вильнул в сторону и со всего маху вскочил в занесенную снегом лощину. Лошадь провалилась по брюхо. Она сделала судорожное движение, чтобы выбраться, но ушла в снег еще глубже и остановилась, шумно раздувая красные ноздри и покачиваясь всем корпусом взад и вперед.

Офицер повернул к Дерпе искаженное страхом лицо. Глаза его побелели от ужаса. Тучное тело била мелкая дрожь.

— Не руби меня! Не руби! — прохрипел он прерывистым голосом. — Я князь Тундутов. Отведи меня к своему командиру. Я дам ценные сведения...

Бой постепенно откатывался. В степь вышли санитары с носилками. Катя торопилась к тому месту, где произошла первая схватка. Это было, как она видела издали, неподалеку от кургана. Она не ошиблась. Впереди, где редевший туман цеплялся за оголенные ветви вербы, на

снегу что-то темнело. Приглядевшись, она увидела людей. Они лежали, кто ткнувшись боком, кто навзничь. Тут же билась лошадь. У сурчиной норы лежал первый убитый. Сабельный удар развалил его почти пополам. На его круглом, с толстыми губами, желтом лице застыло выражение ужаса. Катя невольно подумала, что тут дрался Дерпа. Она отвернулась, прошла шага два и наткнулась на другой труп. Это был красноармеец. У нее вырвалось восклицание жалости. Она узнала в нем Яноша Береная, которому ей пришлось делать операцию в тот памятный день, когда Дундич привез ее к красным. Катя нагнулась, приподняла и тут же опустила мертво упавшую холодную руку. «Бедный Янош, — подумала девушка, — такой молодой и погиб!» Она подняла голову и увидела другого человека. Он лежал вверх бородой и, кося глазами, смотрел на нее. Катя не узнала его — так он осунулся и побледнел. Но Иона Фролов узнал ее с первого взгляда. Перед ним была та самая сестра, которую он арестовал в Платовской.

Катя подошла и нерешительно посмотрела на раненого.

— Пить! — попросил Иона Фролов, видя, что Катя собирается покинуть его. Поколебавшись, она сняла флягу и подала раненому. Урядник стал жадно тянуть холодную воду.

— Хватит! Довольно! — сурово сказала она. — Ведь еще люди есть!

В нескольких шагах от нее послышался стон. Она оглянулась.

Под кустом боярышника лежал вихрастый боец в рыжей кубанке.

Она подбежала к нему и опустилась подле него на колени, в то время как Иона Фролов, достав револьвер из кобуры и опираясь на локоть, старательно целил ей в спину.

После первого выстрела он увидел, как дрогнули плечи девушки. После второго она, вся трепеща, прильнула к земле и затихла. Но он, шепча что-то, все стрелял и стрелял в ее спину и опустил руку только тогда, когда послышался сухой треск курка...

Урядник поднял голову и напряженно прислушался. Вокруг стояла тишина. Только где-то вдали чуть слышно постукивали ружейные выстрелы. На снегу мелькнула быстрая тень. Старый ворон присел подле Фролова и,

склонив голову набок, по-хозяйски посмотрел на него. «Смерть моя», — подумал урядник. Однако Иона Фролов не хотел умирать. Он приподнялся и шикнул на ворона. Но тот спокойно чистил-точил клюв о крыло.

Вблизи послышались голоса. Фролов прижался к земле. В сизом тумане показались фигуры людей.

— Вот еще лежит, — сказал чей-то голос.

— Белый...

Шаги замерли подле Фролова. Кто-то подошел и пнул его ногой. Урядник застонал.

— Живой!

— Добей его, Макогон! — сказал молодой боец в полушубке.

— Что ты! Разве можно раненого бить? — возразил ездовой.

— А почему они наших бьют?

— Ну то они, а то мы. Нехай умрет по-христиански.

— Да бросьте, ребята, тень наводить! — сердито сказал подошедший к ним старый трубач. — Разве вы не видите, кто перед вами? Это ж шкура! Урядник! Думаете, мало он наших смерти предал? А ну, Макогон, дай винтовку!

Преодолевая страшную боль, урядник присел.

— Братцы, не бейте! — заговорил он, прижимая руки к груди. — Не предавайте смерти, товарищи дорогие! Не виноватый я... Не по своей воле пошел. Мобилизованный я... Жена у меня. Трое детишек.. Пожалейте, товарищи красные казачки! — просил он, хватаясь за ноги окружавших его санитаров — Возьмите к себе. Верой-правдой буду служить?..

— А может, и верно он не виноватый? — предположил Макогон.

— Ну ладно, — сказал старый трубач. — Санитары, тащите его в штаб. Там разберутся...

Вдали послышались тонкие звуки сигнальной трубы. Туман совсем разошелся, и теперь было видно, как по заснеженной степи всюду ехали всадники. Они рысью съезжались в колонну, извивавшуюся между холмами большой черной змеей. Стороной гнали толпу пленных. Среди них, опустив голову, шагал князь Тундутов...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Двое — невысокий старик с морщинистым лицом в ветхой войлочной шляпе и широкоскулый мальчик с выгоревшими добела волосами — медленно брели обочиной пыльной дороги. Большой рыжий пес, высунув язык и деловито перебирая лохматыми лапами, шел рядом с ними.

Перед путниками расстилалась желтоватая степь, отливавшая золотым дрожащим блеском. Раскаленный воздух был неподвижен. Вокруг ни тени, ни облачка. В чахлой траве с поникшими чашечками белых, желтых и лиловых цветов трещали кузнечики.

Временами старик останавливался, оттыкал тыкву-баклажку, висевшую на ремешке через плечо, и, к явной зависти собаки, давал мальчику глоточек воды. Потом старик отирал пот с лица и из-под руки посматривал вдаль. Степь бесконечная, сухая и ровная, казалось, убегала от взгляда. Было знойно и душно.

— Дедунь, скоро? — спросил мальчик.

— Да уж скоро, скоро, потерпи, мил человек, — отвечал старик глухим голосом, бросая на внука ласковый взгляд. Он снял шапку и вытер лысую голову рукавом длинной, подпоясанной веревкой рубахи. — Вот ужо до Волги дойдем, соли достанем, бабуне принесем. То-то возрадуется! — продолжал он с выражением чрезвычайного благодушия на бородатом лице. — Какой же ты мужик, коли спрашиваешь? Аль занемог?

— Нет, я ничего, — сказал мальчик, посмотрев на деда большими круглыми глазами.

— Ну а раз ничего, то и шагай бодрей, мил человек!

Мальчик тут же прибавил шагу, но старик тронул его за плечо, словно бы говоря этим движением, что силы надо беречь и особенно торопиться не нужно...

Солнце стояло теперь над самой головой, изливая на землю целые потоки горячего света. Вокруг наступила тишина. Даже смолкли кузнечики. Птицы забились в траву. Все живое притаилось и замерло, задыхаясь от зноя, и старик все чаще посматривал вдаль, где струилось над холмами туманное марево.

— Гляди, никак родничок? — произнес он с надеждой, приметив вблизи небольшую лощину, заросшую зеленой осокой.

Мальчик выбежал вперед. Из-под его ног шарахнулось что-то. Он вскрикнул и тут же улыбнулся своему испугу. Широко разинув клюв, в траве сидел коростель. Буровато-серые перышки стояли дыбом вокруг его большой головы.

— Дергач, — сказал старик. — Пить хочет. Ишь как его разморило, сердешного!

— Дед, а чего он не летит? — спросил мальчик, с любопытством глядя на птичку, которую ему впервые приходилось видеть так близко.

— Не мастак. А бегает шибко. Тебе не угнаться.

Старик присел и почти черными от загара, жилистыми руками раздвинул траву. От земли пахну́ло жаром. Пес попробовал было лизнуть горячую грязь, но заскулил, отошел и прилег в стороне, поглядывая на людей печальными глазами.

— Вот и не пришлось нам напиться хорошей водички, — сказал беззлобно старик. — Ну что ж, Миша, пошабашим, привал исделаем. Ишь парит как! Аж к земле прижимает. — Он снял и осмотрел разбитые чирики. — Да, вот так-то мы под Геок-Тепе, как Хиву воевали, в песках наткнулись на родничок, — заговорил он, вспоминая. — Тогда мы четыре дня были не пивши. Кони не идут, становятся, солдатики падают. Тяжелое положение. Нет никакой мочи дальше идти. И вот глядим — родничок. Как кинулись все! Давай пить. Сразу-то и не разобрали, что вода-то горькая и соленая. Только бежит наш командир. Бежит, шумит: «Что вы, братцы, делаете? Эту воду нельзя пить!» И вот пошли дальше. А кругом, куда ни поглядишь, пески и пески. Много тогда наших солдатиков в тех песках полегло. Теперича, поди, и костей не осталось... — Старик снял баклажку и

протянул ее внуку. — На-ка, попей. Да, гляди, немного, нам еще далеко.

— А ты, дедунь? — спросил мальчик, нерешительно принимая баклажку из рук старика.

— Пей. Я не хочу. Я привыкши. Я по этой Хиве да по Бухаре сколько лет походами ходил, воды совсем мало пил.

— Там, значит, и воды хорошей нет?

— Почему нет? Есть хорошая вода, но не очень чтоб сладкая. А плохой водой, соленой, жители плохих людей учат.

— Учат? А как?

— Очень просто. Как поймают какого вора, а особливо конокрада, так, первое дело, руки ему крутят назад. Потом берут чашку и сыплют в нее много соли и водой разбавляют. Вот этак размешают все и в рот ему вливают. А потом в пески его пускают. Вот он идет, качается. Пить-то охота. А заместо воды — соль. Грудь, скажи, когтями дерет. А сверху его солнце печет, а изнутри соль припекает. Вот он загорается, падает — и дух вон!..

Собака вдруг вскочила и, поставив уши торчком, уставилась в степь.

— Чует кого-то, — определил старик. Он поднялся и поглядел из-под руки.

Неподалеку клубилась пыль. Среди нее чернело что-то. Теперь уже ясно доносился приближающийся гул, окрики ездовых, стук и тарахтенье колес. Равнина наполнялась невиданным скопищем обозов. Они шли сплошной стеной, все расширяясь по фронту, как река, вышедшая из берегов, и, казалось, затопляли всю степь.

Тысячи телег, бричек, парных повозок, двуколок, больших арб с впряженными в них лошадьми, волами и верблюдами накатывались огромным шумным потоком.

Мальчик зорко смотрел на проходивший мимо обоз, ища глазами дядю Никифора, который, как говорили в станице, уже год как воевал под Царицыном в армии Ворошилова. Но дяди Никифора не было, а только катились повозки, можары и брички с мешками и какими-то ящиками. Потом потянулись лазаретные фуры. В них лежали раненые. Головы некоторых были обмотаны окровавленными бинтами и тряпками. Тут же шли легко раненные, кто придерживаясь здоровой рукой за повозку,

кто под руку с товарищем. Потом опять потянулись телеги, груженные каким-то военным имуществом...

С каждой минутой духота становилась сильнее. Небо затянуло пылью, и на том месте, где раньше стояло солнце, чуть виднелась светлая полоса. А обозы все шли, и казалось, им не будет конца.

Но вот показалась пехота. Крайние красноармейцы проходили совсем близко от того места, где стоял мальчик, и он видел покрытую пылью одежду бойцов с затвердевшими на костистых спинах темными пятнами засохшего пота; одежду, каждая складка которой таила в себе палящий тело зной; видел их опущенные, сожженные солнцем, обугленные лица и шеи, расстегнутые воротники бязевых и защитных рубах; обвязанные тряпками затворы винтовок. Они проходили, а за ними с глухим топотом, подавленные духотой и усталостью, шли все новые и новые люди — роты, батальоны, полки. И все же, несмотря на измученный вид, в них чувствовалась какая-то крепкая и грозная сила.

Держась за руку деда, мальчик, весь охваченный тревожным волнением, следил за движением пехотных колонн. Совсем рядом проехало несколько конных. Один из них, ехавший впереди, с жесткими щеточками усов под коротким, чуть приподнятым носом, одетый, несмотря на жару, во все кожаное, с шашкой и маузером в деревянной лакированной кобуре, нагнув голову и бросив поводья, смотрел в карту, развернутую на передней луке. Задние разговаривали между собой тихими голосами. Потом передний всадник подал знак рукой, и все тронулись рысью.

Пехота прошла. Теперь двигалась полевая артиллерия. Худые лошади с проступавшими ребрами с трудом тащили пушки. Ездовые, взмахивая руками, секли их плетьми. От раскаленных под солнцем орудий палило жаром, и номера с красными, потными лицами шли стороной.

За артиллерией вновь потянулась пехота.

Старик и мальчик продолжали стоять до тех пор, пока последние ряды не скрылись в клубящейся пыли. Только тогда старик увидел, как долго они стояли. Солнце было не в зените, как раньше, а далеко опустилось на запад. Путники уже собрались продолжать свой путь, когда в той стороне, откуда пришли войска, послышался раскатистый гром. Старик оглядел горизонт. Он был чист

сух и безветрен. Вновь и уже ближе прокатился двойной тяжелый грохот.

— Ай-яй-яй... — Старик с настороженным видом покачал головой. — Неладно мы с тобой попали, Мишутка. В самую центру угадали. Это ж арьергард бой ведет!

— А что это, дедушка?

— Арьергард-то? Это так у нас, по-военному, такие войска называются, которые и сзади идут. Ну, как бы это сказать, неприятеля сдерживают. Да. Держат, значит, его, покуда главные силы отходят. Вот пехота шла — так это и есть самые главные силы. А арьергард — слышь, бьется? — старик кивнул в направлении орудийного гуда. — Не пущает неприятеля. Понимаешь, мил человек?.. Сколько мне приходилось так-то воевать! Бывало, начальство прикажет: «Стой тут до последнего. Голову положи, только дай своим спокойно отойти». И стояли...

— Дедуня, гляди! — вскрикнул мальчик.

Но старик сам уже видел, как целый вихрь черных точек, стремительно приближаясь, принимал очертания скачущих всадников. За ними показались артиллерийские запряжки с пушками и зарядными ящиками. Старик, бывший фейерверкер, сразу понял, что конные батареи меняют позицию. Орудия выстраивались в линию, передки отъезжали и точно, как на батарейном ученье, развертывались галопом налево кругом. Ездовые, повернутые лицом к фронту, словно окаменев, застывали на месте.

Теперь пушки гремели так близко, что мальчик вздрагивал и все крепче сжимал руку деда.

Со стороны послышался быстрый конский топот.

— Что за народ? — сурово спросил, подъезжая к ним, молодой светлоусый казак с приколотым на груди алым бантом.

Старик объяснил, сказав, что у него уже не раз спрашивали об этом пехотные.

— Стало быть, за солью идете? Ну и чудак, дед! В этакое время тебе только дома сидеть, — сказал казак, придерживая разгоряченную скачкой, часто переступавшую лошадь. — Зараз же уходите отсюда! Тут бой начнется!

— Куды ж нам идти, мил человек?

Казак огляделся. Действительно, идти вроде было и некуда. Всюду двигалась конница. Позади них спеши-

вался полк, и бойцы, снимая через голову висевшие за спиной винтовки, разбегались и ложились вдоль едва заметной возвышенности.

— Туда, в тыл, идите! — казак махнул рукой в сторону коноводов, которые, держа в поводьях по две лошади, рысью скрывались в балке. — Идите скорей, а то тут голову могут сшибить... Постой, дед, а чей же это хлопчик такой?.. Внучонок?.. Может, пить хочет? — Он взялся за флягу. — Есть вода?.. Ну ладно, уходите отсюда скорей!

Мальчик хотел было спросить, не видел ли казак дядю Никифора, но постеснялся, да и было поздно. Казак, пригнувшись к луке, уже скакал к своей сотне.

— Ишь пожалел! Хороший, видать, человек, — сказал старик, глядя ему вслед. — Ну, Миша, давай хорониться, а то, и верно, как бы плохо не вышло.

Они направились к балке. Пес, все время лежавший в стороне, лениво поднялся и, опустив голову, затрусил следом за ними. Но не прошли они и сотни шагов, как по всей линии спешенных кавалеристов стали рваться снаряды.

Старик и мальчик прильнули к земле.

Воздух сотрясался от почти беспрерывных пушечных выстрелов. Теперь стреляли и с той и с другой стороны. Снаряды с визгом проносились над степью, лопались в вышине, оставляя веер белого дыма, и вгрызались в землю, взметая фонтаны бурого праха.

Вдруг звенящая тишина ударила в уши — обстрел прекратился. И тут же издали, где все тонуло в сплошном мареве зноя, донесся неясный гул. Потом мелко затряслась и застонала земля. Послышались странные заунывные звуки, переходившие в какой-то болезненный вопль, похожий на вой стаи голодных волков.

Залегшие бойцы зашевелились. Многие подняли головы.

— Белые, братва! — сказал лежавший в цепи красноармеец.

Пыль, поднятая сотнями скачущих лошадей, приближалась, уходя в рыжее небо высоким дымящимся валом. Пробившийся сквозь марево солнечный луч скользнул вдоль лавины мчащихся всадников.

На миг блеснуло серебро газырей на черкесках, сверкнули кривые шашки, медные бляхи конских подперсий, и вновь все потонуло в пыли.

Грохочущий конский топот все приближался.

И как раз в ту минуту, когда, казалось, еще немного, и конница, налетев ураганом, втопчет цепь в землю, лежавший тут же большой кряжистый человек привстал на колени и крепким голосом крикнул:

— По кавалерии! Прицел постоянный! Пальба эскадроном! Эскадро-о-н, пли!.. Пли!.. Пли!

Залпы рванули воздух. Частой скороговоркой ударили пулеметы. Всадники, иные вместе с лошадьми, падали кувырком через голову, другие кинулись в стороны, третьи повертывали и скакали назад. Лишь один, кубанский сотник, уже мертвый, с раскинутыми в стороны руками и померкшими глазами на запрокинутой голове, держась в седле одной силой движения, проскочил через цепь и уже там опрокинулся навзничь.

Множество лошадей носилось в степи, усеянной телами всадников.

Стрельба стихала. Только кое-где хлопали отдельные выстрелы. Наконец они смолкли, и тревожная тишина вновь опустилась над степью.

Бойцы поднимались.

— Ну и добре дали. Сегодня навряд ли еще полезут!

— Куда еще!.. Уж и то раз двадцать в атаку кидались.

— А ну, граждане, как у вас и что у вас? — спросил, подходя к ним, вихрастый, веснушчатый парень лет восемнадцати с карабином в руке.

— У нас-то ничего, а у вас как, Лопатин? — отвечал в тон ему такой же молодой красноармеец в буденовке.

— У нас на левом фланге шибко хорошо получилось. Такого жару дали! Они наверняка и сейчас бегут, озираются. Мы там двух ка́детов в плен забрали.

— Харламов едет, — сказал один из бойцов.

Лопатин оглянулся на приятеля, который, сидя в высоком казачьем седле, ехал шагом на золотисто-рыжем коне, убранном нарядной уздечкой с блестящими медными бляхами.

Казак подъехал и слез с лошади, звякнув шашкой о стремя.

— Ребята, вы тут не видали деда с мальчонкой? — спросил он, оглядываясь.

— Знакомые, что ль? — поинтересовался боец в буденовке.

— Нет. Странники. Я, стало быть, дал им направление до коноводов схорониться от боя, а их там нет.

— Постой, Харламов, это с собакой которые?

— Они самые.

— Эвон лежат... Эй, дед! Дедок! Слышь? Сыпь сюда! — крикнул боец.

— Никак, убило их? — предположил Лопатин.

— А что же? Такой бой был.

— Нет, гляди, вроде шевелятся.

Старик привстал, огляделся и, взяв за руку мальчика, нетвердыми шагами направился к красноармейцам.

— Что, напугался, папаша? — спросил боец в буденовке, когда старик подошел.

Старик посмотрел на него и покачал головой с таким видом, словно сам не верил, что остался живой.

— Да как тебе сказать, мил человек, — заговорил он с расстановкой. — Конечно, в наше время такой скорострельной артиллерии не было. Нет. Как даст! Как даст! Прямо громы небесные. Я уж думал — преставился.

— Ты бы там, на том свете, у святых угодников справился, скоро ли всем буржуям будет конец,— сказал Лопатин, смеясь и подмигивая товарищам.

Старик укоризненно посмотрел на него, но ничего не ответил.

— Дедунь, а игде же наш Рыжик? — спросил мальчик.

— Он, видать, со страху до самого Царицына драпанул, к белым в плен попал, — сказал боец в буденовке.

Старик недоуменно взглянул на него. В его помутневших глазах промелькнуло тревожное выражение. Увидев, что бойцы потупили головы, он со все возрастающим чувством тревоги тихо спросил:

— Это как же понимать, товарищ, такие слова? Вы что, Царицын, стало быть, отдали?

— Отдали...

— Скажи, пожалуйста, горе какое... — Старик вновь покачал головой. — Ай-яй-яй... У меня ж там, в Царицыне, в армии Ворошилова сродственник был. Живой ли он?

— Кто такой?

— Взводный. Никифор Голуба. Не слыхали такого?

Бойцы переглянулись и пожали плечами.

— Значит, армии Ворошилова больше в Царицыне нет, — заключил старик в глубоком раздумье.

— А вот пехота шла. Это и есть армия Ворошилова, — сказал Лопатин.

— А вы кто же будете?

— Мы-то? Буденновцы мы... Армию охраняем...

Царицын был оставлен красными войсками и занят кавказской армией Врангеля еще 30 июня 1919 года. Но к этому времени город уже потерял стратегическое значение, так как Колчак был разбит, беспорядочно отступал в глубь Сибири, и угроза соединения его с Деникиным для организации общего фронта отпала. Теперь 10-я армия Ворошилова отходила на левый фланг Южного фронта, прикрываясь находящимся в арьергарде конным корпусом Буденного, состоявшим из 4-й и 6-й кавалерийских дивизий, причем последняя, то есть 6-я дивизия, была сформирована еще в апреле из отрядов ставропольских партизан.

После разгрома кавалерией Буденного группы войск генерала Фицхалаурова, отряда князя Тундутова и целого ряда других генералов прошло около года. За это время произошли большие события. Революция в Германии лишила поддержки атамана Краснова. Общее командование контрреволюционными силами перешло к генералу Деникину, получавшему широкую поддержку Антанты, которая, разгромив Германию, сосредоточила все свое внимание на борьбе с революционной Россией.

В то время как 10-я армия отходила на левый фланг Южного фронта, Деникин накапливал силы для перехода в общее наступление...

Хотя Харламов и остальные бойцы и были уверены в том, что Царицын оставлен временно, все же это обстоятельство действовало на них угнетающе. Дрались они, не щадя живота, и только огромное превосходство в живой силе противника вынудило их к отступлению. И вот они стояли, опустив головы, в то время как старик и мальчик с тревожным выражением смотрели на них.

Громкий голос, раздавшийся неподалеку, заставил всех встрепенуться.

— Какие могут быть разговоры?! — кричал тот самый кряжистый человек, который раньше командовал цепью. — Второй взвод, выделяйте полевой караул!..

Что? Кто там заругался?.. Назаров? Сапоги плохие? А у меня разве лучше? Какой же ты есть сознательный боец революции? А ну, собирайся! Да смотри у меня...

— Это кто ж такой шумит? — поинтересовался старик.

— Наш эскадронный командир. Товарищ Еременко, — сказал боец в буденовке.

— Строгий, видать?

— Наши ребята тихих не любят.

— Чего ж мы стоим? — спохватился Харламов. — В ногах правды нет. Давайте сядем. — Он отпустил подпруги у седла и присел к остальным, придерживая поводья в руке.

Солнце садилось. С юга протянулось длинное белое облако. Зной давно спал, и поднявшийся ветерок ласкал почерневшие лица бойцов.

— Эх, чаю бы зараз напиться, да с топленым молоком! — вслух подумал Харламов. — Один бы самовар выпил.

Старик вздохнул и сожалеюще покачал головой.

— И что бы мне пораньше пойти, — произнес он раздумчиво. — Придется теперича с пустыми руками домой ворочаться.

— И Рыжик наш убежал, — подхватил мальчик.

Но тут со стороны что-то шарахнулось, и пес с радостным визгом бросился к мальчику. Он облизал ему руки, губы и кинулся к старику.

— Дедунь, гляди, Рыжик пораненный! — вскрикнул мальчик.

Пес жалобно заскулил, поджимая залитую кровью заднюю ногу. Потом он присел и, изогнувшись, стал зализывать рану.

— Ничего, залижет, — успокоил Харламов. — У нас в станице один пацан, стало быть, на гвоздь наступил. Так пятку вот как раздуло, и кость загнила. Вот бабка одна говорит: «Дай кобелю полизать». И что же? Дня через три как не было раны. Слюна у них такая.

— Комбриг! — предупредил боец в буденовке.

Из степи ехал всадник. Он останавливался у сидевших и стоявших бойцов, говорил с ними что-то и ехал дальше. По мере того как он приближался, можно было разглядеть его круглое бритое лицо с широко поставленными небольшими светлыми глазами. От всей его горделивой осанки, небрежной, какой-то скифской посадки

так и веяло Запорожьем и бескрайними просторами Дикого Поля. Он был в кубанке и в чекмене, поверх которого тянулась наискось через всю грудь широкая красная лента.

«Генерал! — с душевным трепетом подумал старик. — Скажи, пожалуйста! И у них, значит, есть генералы. Энтот, видать, не иначе как был царем обиженный чем-то».

— Ну як дила, хлопцы? — спросил комбриг, подъезжая к ним и останавливая лошадь.

— Ничего, живем себе помаленьку, — отвечал за всех Лопатин.

— Добре... А ты кто такой, диду? Казак?

— Никак нет. Иногородний, ваше превосходительство! — бодро ответил старик, весь вытягиваясь и прикладывая руку к войлочной шляпе.

— Чего?! — всадник, багровея, гневно посмотрел на него. — Ты шо, дед, дурный? Якое это «превосходительство»?!

— А как же! — оторопел дед. — Вот и знаки у вас генеральские, он показал на красную ленту.

Комбриг бросил поводья, взялся за бока и захохотал на всю степь.

— Ото ж дурный! — заговорил он, насмеявшись досыта. — Это ж я для отлички ленту нацепил. Шоб можно было побачить, кто боец, кто комбриг. Понимаешь? — Он еще посмеялся, покачал головой и тронул лошадь шагом.

— Эх! — старик досадливо крякнул. — Промашка вышла!

— Промахнулся, дед. Подкачал, — подтвердил, смеясь, Лопатин. — Скажи, еще хорошо, что не обиделся. Он у нас шибко обидчивый.

— Обидчивый?

— Еще как! Раз так обиделся, что со службы было ушел. Помнишь, Харламов?

— Как это? — поинтересовался старик.

— Да так. Назначили к нам комиссаров. Мы тогда еще дивизией были, — начал Лопатин. — Ну комиссар Мусин, хороший человек, печать у него взял. Порядок такой. Вот он приходит на квартиру, а мы акурат на завалинке сидели, приходит и говорит своему коноводу: «Василь, давай мой мешок». — «Куда, товарищ комбриг?» — «Ухожу. Не доверяют мне больше. Комиссар

печать отобрал. Был пастухом и опять пойду в пастухи». Взял свой мешок, взвалил на плечо и подался.

— Он тогда еще коноводу новую гимнастерку подарил, — вставил Харламов.

— Правильно. Было дело такое. Да, только он ушел — комиссар Бахтуров едет. «Где комбриг?» — спрашивает. А мы говорим: «Вон пошел». — «Куда пошел?» — «А он совсем пошел и вещи забрал». Ну тут Бахтуров за ним поднажал. Не знаю, какой там у них был разговор, только не прошло полчаса, смотрим — комбриг обратно идет, мешок несет. А потом... — Лопатин оборвал на полуслове: в степи прокатился выстрел.

— По ко́ням!.. По ко́ням! — закричали вразнобой голоса.

— Эх, отец, не знаю, как теперь с вами и быть, — сказал Харламов. — Давайте хоронитесь в балке. Да и уходите вы отсюда, пока вам головы не поснимали! — Он подтянул подпруги, вскочил в седло и умчался.

На этот раз старик с мальчиком успели добежать до балки. Но тут любопытство превозмогло страх, и они остановились на невысоком холме посмотреть, что будет дальше.

Солнце садилось, но им было еще хорошо видно, как конные полки выстраивали развернутый фронт.

Прозвучала команда. Клинки блеснули, отразив в себе кровавые блики заката. Потом строй колыхнулся, и полки широкой волной, все ускоряя движение, помчались в степь, откуда навстречу им с гулом и топотом надвигалась какая-то черная масса.

Старик шептал молитву, слыша, как до него доносились так хорошо знакомые ему звуки конного боя...

«А что, как наши не одолеют? — подумал он. — Что нам тогда будет?»

Позади него послышался шорох. Он оглянулся. На том самом месте, откуда двинулись в атаку буденновцы, в величественном и грозном молчании стояла новая стена развернутых к бою свежих полков. Солнце село, и всадники вырисовывались черными силуэтами на громадном красном облаке, нависшем на горизонте. Тихо реяли по ветру значки и знамена.

Шум боя все удалялся и наконец исчез, растворился вдали.

Сумерки опустились на землю...

2

Третьего июля 1919 года белые армии перешли в решительное наступление и тремя колоннами двинулись на Москву.

Весь июль и август на юге кипели бои. К середине сентября противник сильно потеснил 8, 9 и 13-ю армии в северном направлении, заняв Воронеж и Курск. Передовые части деникинцев подходили к Орлу. Одновременно рейдирующая конница генерала Мамонтова, рыская по тылам Южного фронта, уничтожала армейские базы и артиллерийские склады.

Общее положение на Южном фронте становилось крайне тяжелым. Наступал решающий переломный момент гражданской войны.

В это время 10-я армия, вышедшая из-под Царицына на левый фланг Южного фронта, начала перегруппировку частей для нанесения контрудара по правому флангу противника. Конный корпус Буденного, находившийся в авангарде армии, получил приказ сосредоточиться в районе станицы Усть-Медведицкой...

Старый казак Петр Лукич, участник турецкой войны, помнивший Плевну, Шипку и Горный Дубняк, похлебал из чашки куриной лапши, утер шершавой ладонью усы и пересел на лавку, поближе к окну.

«Скажи на милость, как размокропогодилось, — думал он, доставая из кисета табак и ловко свертывая папироску. — Который день льет... А как там моя старая? Поди, промокла, и обсушиться негде», — вспоминал он жену, с которой прожил без малого лет пятьдесят...

За окнами, где в мглистых сумерках моросил мелкий дождь, послышался конский топот, звуки перекликающихся голосов, стук, дребезжанье колес.

Старик посмотрел в окно. По улице колонной шла конница. Во двор въезжала тачанка, запряженная четверкой вороных лошадей. Боец в бурке прилаживал у палисада надетый на пику поникший кумачовый значок.

Дверь скрипнула. Легкой уверенной походкой в хату вошел незнакомый ему военный.

— Здорово, хозяин! — бодро сказал он, вытирая ноги о половик.

Определив с первого взгляда, что видит перед собой командира, Петр Лукич хотел было молодцевато под-

няться, но старые ноги отказали, и он только шевельнулся на лавке.

— Здравия желаем! — отвечал он отчетливо, с некоторой опаской косясь на живого и ловкого в движениях командира, который, скинув мокрую бурку, подошел к столу и быстро, но без суеты, снимал с себя маузер в деревянной лакированной кобуре и висевший на ремешке через шею бинокль.

— Ты что, отец? Испугался? — спросил командир. Он снял шинель, положил ее на лавку и, подойдя к старику, внимательно посмотрел на него. — Я вижу, кто-то тебя напугал. А? Правильно я говорю?

Петр Лукич нерешительно повел худыми плечами.

— Да ведь как сказать... — засипел он уклончиво. — Ноне время такое — хоть кого опасайся. Не знаешь, какое с кем обращение иметь. — Старик замолчал и пристально посмотрел на командира мутноватыми, со слезинкой глазами. — Вы, начальник, разрешите спросить, кто будете: красные аль белые? Вы извиняйте, что спрашиваю, а то бывает, иного не так обзовешь, а он зараз до морды кидается. Да, старики-то ноне не дюже в почете.

— Красные мы, красные, отец, — улыбаясь, сказал командир. — Ты не бойся, я правду говорю. И стариков мы очень уважаем.

— Гм... Красные, значит... Ну что ж, в час добрый, если верно толкуете, — сказал, смелея, Петр Лукич. — А тут все пехота шла. Товарищи. Красные армейцы. Вот и старуху мою взяли снаряды возить... А вчера тоже конные заезжали, ночевали. Молодые ребята. Потом оказалось — юнкиря. А по одежде — красные. Скажи, пожалуйста! Разведка, должно? Я возьми да и обзови их товарищами. Так они давай меня терзать! И туды и сюды. Я шумлю: «Драться нельзя». А они смеются: это, мол, у красных морду отменили, а у нас нет такого приказа... Да... А начальник у них такой вредный человек. «Ты, — говорит, — дед, большевик, зараз мы тебя на базу повесим». Но это, как я понимаю, он для того погрозился, чтоб я их дюжей накормил. Да уж куды! Всех курей с базу побрали, поуничтожили.

— И сильно побили?

Петр Лукич, болезненно морща худое, в глубоких морщинах благовидное лицо, потрогал тощий затылок.

— Вот и до се шею... ох!.. довернуть до места не мо-

гу. Видать, они, нечистая сила, главную жилу у меня повредили.

— Рано уехали?

— Кто?

— Да разведчики эти?

— Так точно. Еще не светало. А ночью у них тревога произошла. Какие-то конные в станицу набегли, давай под окнами стучаться. Ну а эти-то, юнкиря, которые тут в горнице спали, повскакали и все промеж себя Буденного поминали. Видать, они его дюже боятся.

— Боятся?

— Упаси бог!.. Они ведь разобравшись спали. Так один со страху заместо шаровар гимнастерку надел. А другой в окно вдарился бечь. Так всю морду окровянил. Пришлось вот окно подушкой заткнуть.

— А ты, отец, Буденного знаешь?

— Никак нет. Видать не видал, а дюже интересуюсь, — заговорил старик, оживившись. — Много про него наслышан. Семен Михайловичем звать. Из генералов. А только при старом режиме служба ему не везла. Обратно сказать, ходу ему не давали. Потому что за простой народ крепко стоял. Он, видишь, дело какое, в Петрограде полком командовал и в пятом году отказался на усмиренье выступить. По такому случаю царь с им поругался. Было у них до драки дошло. Ну и...

Командир громко расхохотался.

— Ну и ну! — сказал он, утирая ребром ладони проступившие слезы и подправив усы. — Да-а... Это кто же тебе такое сбрехал?

— Старики промеж собой толковали... Да и наши усть-медведицкие казаки, которые у него служат...

— Ну старики-то еще куда не шло, а служилые казаки вряд ли. Они его хорошо знают. Скорей всего эти слухи сам Мамонтов распустил. Ему-то неловко, что его красные бьют, — твердо сказал командир с видимым неудовольствием, хмуря широкие черные брови. — Прямо сказать, все это врут, отец, про Буденного. Никакой он не генерал, а самый обыкновенный человек. Станицы Платовской. А служил он в драгунском полку унтер-офицером.

— Ну да! — обиделся старик. — Он, видать, где-сь тебе дорогу переступил, что ты такие слова выражаешь. Унтер-офицером! Да я сам когда-сь вахмистром * был.

* Вахмистр — чин, соответствующий званию старшины.

— Да ну!

— Вот те и ну! — Старик неожиданно поднялся и распрямил спину, причем оказалось, что он высок ростом и широк в костях. — Вахмистр первой сотни Третьего донского имени Ермака Тимофеевича казачьего полка Харламов Петр Лукич! — лихо просипел он, весь подтянувшись и выкатывая мутные глаза с красными прожилками. — Ты, товарищ командир, не гляди, что у меня один шкилет и шкура остались, — продолжал он с азартом. — Я, как был молодой, пять с половиной пудов весил. Как тот бугай! Эх, ну и лихой казак был! Геройский. Под Старой Загорой, под Лариссой воевал. Шипку оборонял! Плевну брал! Сколько крестов-медалей имел. На весь полк разведчик и рубака был. Меня сам турецкий главнокомандующий Осман-паша знал, грозился: я, мол, Петрушку Харламова поймаю, с его шкуры барабанов понаделаю... — Петр Лукич задумался и поник головой. — Да, было делов... Лихую жизнь прожил. Есть чего вспомнить. А теперь и помирать пора. Девятый десяток пошел. В чужой век зажился. Мне на том свете черти небось давно аппель * трубят. Я ведь, товарищ командир, на всю станицу один такой остался. За прошлый, семнадцатый, год последний мой односум ** помер. Вместе Осман-пашу воевали... Эх, товарищ командир.

Старик замолчал и тяжко вздохнул.

Командир с ласковой улыбкой смотрел на него.

— Ничего, Петр Лукич, еще поживем, — сказал он задушевно. — Ты вот что... Да, а где твоя хозяйка?

— Нема хозяйки. В подводах. А чего тебе хозяйка занадобилась?

— Самовар бы поставить.

Петр Лукич с пренебрежением пожал плечами:

— А зачем нам хозяйка? Разве мы без нее не управимся? Эка делов!

Он отошел к печке, нагнулся и дрожащей рукой взял пустое ведро.

В сенцах послышались шаги, дверь приоткрылась, и появился Федя. Он остановился у порога и стал зябко потирать большие красные руки.

---

* Аппель — в коннице отзывной из атаки сигнал.

** Односум — у казаков товарищ одного года рождения, присяги и службы. Когда-то казаки шли к месту службы походным порядком. На двух казаков была лошадь, на которой везли сумы с имуществом. Отсюда односум.

— Ну как кони? — спросил командир.

— В полном порядке, Семен Михайлович. Соломы наложил — как на перине спят. А седла...

Буденный быстро оглянулся. Дребезжа и подпрыгивая, по полу катилось пустое ведро.

Петр Лукич, раскрыв рот, глядел на него.

— Бо-оже ж мой! — вдруг воскликнул он, всплеснув худыми руками. — Семен Михайлович! Так как же это? — Он поглядел на Федю и покачал головой. — Как я, старый хрен, сразу не признал?!

Буденный подошел к старику и дружески похлопал его по плечу.

— Ничего, Петр Лукич, всяко бывает.

— Ну, покорнейше благодарим... А я ведь зараз всего вам и не сказал, все сомневался: сынок мой у вас служит в девятнадцатом полку, в четвертой дивизии. Младшенький. Степкой звать. С той войны его не видал. Точь-в-точь на меня похожий, как я смолоду был... Старших-то у меня еще в германскую поубивали... Ах, Семен Михайлович, и как это я сразу... — Петр Лукич покачал головой, потом нагнулся и поднял ведро. — Слышь, сынок! — обратился он к ординарцу. — Тебя, кажись, Федором, звать? Добежи, Федя, до колодца, воды почерпни. У тебя ноги-то молодые. Зараз самоварчик поставим. Я пока в печи пошукаю. У меня там рыбка есть. Ну, и еще найдем кое-чего...

Петр Лукич засуетился, хлопоча по хозяйству, молодо заходил по хате, слазил в печь, в чулан и уже хотел было просить дорогого гостя за стол, как в дверь постучали и чей-то басистый голос спросил разрешения войти.

Держа под мышкой папку с бумагами, вошел начальник полевого штаба Зотов — невысокий, плотный человек. Остро подкрученные рыжеватого оттенка усы придавали его худощавому лицу строгий вид. Зотов бросил по сторонам быстрый взгляд и, подойдя к Буденному, спросил густым басом, чуть напирая на «о»:

— Доклад примете, товарищ комкор?

— Приму. Пройдем туда. — Буденный показал на соседнюю комнату.

Он перекинул через плечо ремешок маузера, толкнул дверь и вошел в прохладную, пахнущую нежилым горницу. Осторожно, чтобы не натоптать до блеска намытый пол, он прошел мимо большой, с целой горкой подушек

кровати в глубину горницы, где под образами стояли покрытый скатертью стол, лавки и два табурета.

— Садись, Степан Андреевич, — предложил он Зотову, подвигая к себе табурет и присаживаясь к столу.

Зотов не спеша опустился на лавку, снял фуражку и, вынув из нагрудного карман френча гребень, привычным движением провел им несколько раз по зачесанным назад волосам.

— Так что разрешите доложить, товарищ комкор: связи со штабом армии нет вторые сутки, — начал он, как всегда, обстоятельно и неторопливо докладывать. — Прямой провод не работает — повреждение.

— Надо будет попробовать связаться через штаб Девятой армии, — сказал Буденный.

— Так точно. Я дал указание. Разрешите доложить обстановку?

— Давай.

Зотов зашелестел картой, вынимая ее из папки и раскладывая на столе.

— По сведениям, полученным от разведки, — заговорил он, густо покашляв, — конные части противника неизвестного наименования вчера днем вели бои с нашей пехотой северо-восточнее нас в районе станицы Казанской. Вот в этом районе, — показал он. — Можно полагать, что связь разрушена этими самыми конными частями противника... С остальных участков фронта никаких сведений не имеем. В направлении Анненская выслана усиленная разведка — два эскадрона с пулеметами под командой Дундича.

— Охранение выставлено? — спросил Буденный.

— Так точно.

Докладывая обстановку на фронте, Зотов не мог еще знать, что вчера, 7 сентября 1919 года, Деникин занял Новый Оскол и усилил наступление по всему фронту. Те конные части, о которых доносила разведка, были кавалерийским корпусом Мамонтова, брошенным Деникиным в тыл 8-й и 9-й красным армиям Южного фронта.

— Как только установится связь, Степан Андреевич, нужно будет потребовать срочной присылки огневых летучек, — говорил Буденный начальнику штаба. — В шестой дивизии по двадцати патронов на бойца, а в четвертой и того меньше.

— Слушаю, товарищ комкор. Будет исполнено. — Зотов звякнул шпорами и, раскрыв папку, спросил: —

Разрешите доложить по текущим делам?.. Штаб армии запрашивает потребность корпуса в красных офицерах. У нас пока таковых нет, и что они собой представляют, мы не знаем. — Он положил перед Буденным какую-то бумагу. — Если б знать, Семен Михайлович, что они за народ... — продолжал Зотов, так как Буденный молчал.— А то попадут мальчишки, с которыми только наплачешься. Я так думаю, что своими командирами лучше управимся.

— Тут пишут, что о потребности нужно сообщить на Петроградские кавалерийские курсы, — сказал Буденный, поднимая голову и откладывая бумагу.

— Так точно, на петроградские.

— Да-а... — Буденный в раздумье постучал пальцами по столу. — Попробуем, — сказал он решительно. — Петроградские должны быть ребята хорошие.

Зотов снова вынул гребень, подержал его в руке и сунул в карман.

— Слушаю, — сказал он с явным неудовольствием в голосе. — На сколько человек будем писать, товарищ комкор?

— Возьмем пока человек двадцать, а там видно будет. Надо бы Дерпу направить на командные курсы. Я давно хотел. Старшина в девятнадцатом полку. Возьми его на заметку. При первом требовании и пошлем... Ну, что еще?

— Есть сообщение, товарищ комкор, что банда неизвестного наименования произвела налет на тылы Четырнадцатой армии. Предполагают, что это Махно.

— Махно? — Буденный бросил быстрый взгляд на Зотова.

— Так точно. Они подошли под видом своих и начали бить из пулеметов в упор.

— Потери есть?

— Большие. Захватили дивизионный обоз, два орудия, перебита штабная команда.

Зотов замолчал и стал перебирать лежавшие в папке бумаги. За окнами слышались в густеющих сумерках слабые звуки дождя. Чей-то голос лениво покрикивал на шлепающих по грязи лошадей.

— Ничего, скоро мы и до Махно доберемся, — проговорил Буденный, нахмурившись.

Дверь скрипнула. Прикрывая ладонью колеблющееся пламя воткнутой в бутылку свечи, без стука, как свой

человек, тихо вошел Федя. Он поставил свечу на стол и так же тихо вышел из горницы.

На улице послышался конский топот.

Буденный встал из-за стола и подошел к окну. Во всю ширь раскисшей дороги двигались какие-то тени. На фоне мутневшей на горизонте полосы неба мелькали темные силуэты всадников в бурках, косматых папахах, в шинелях, полушубках, брезентовых плащах и фуражках. В полумгле были видны молодые и пожилые, суровые и веселые лица. Изредка проплывали знамена в чехлах и намокшие на дожде значки эскадронов.

— Четвертая дивизия подошла, — негромко сказал позади Буденного Зотов.

Буденный оглянулся.

— У тебя еще что-нибудь есть? — спросил он, кивнув на папку с бумагами.

— Вопросы все, — сказал Зотов. — Так что разрешите мне покуда идти?

— Подожди. Чай будем пить.

— У меня дела, товарищ комкор, приказ надо писать.

— А-а... Ну хорошо. Тогда иди.

Зотов надел фуражку, собрал бумаги и, по привычке ставя ноги несколько носками внутрь, с солидным достоинством удалился.

Из соседней комнаты доносился смутный гул голосов. Там, видно, набралось много народу.

Федя в третий раз подогревал самовар. Поминутно хлопала дверь, и, звякая шпорами, в горницу проходили вооруженные люди...

Буденный, поужинав, пил чай и с интересом слушал Петра Лукича, сидевшего напротив него, рядом с Федей. Держа блюдце на растопыренных пальцах, старик рассказывал о турецкой войне. Буденный часть мировой войны провел на Кавказском фронте и воевал в тех самых местах, где пятьдесят лет тому назад часть русской армии вела бои с Мухтар-пашой, штурмовала Карс и брала Эрзерум. Другая часть русской армии одновременно дралась против Осман-паши на Балканском фронте, освобождая болгар от турецкого ига. Там в казачьем полку и служил когда-то Петр Лукич.

— И вот подходим мы под Плевну, — рассказывал Петр Лукич, молодо сверкая глазами. — Подходим, а турки на крыши высыпали, смотрят. Было нас пять казачьих полков: третий, десятый, двенадцатый, два-

дцать восьмой и лейб-гвардейский. Да, едем себе по шестеро в ряд, песни играем.

Весна, веснушка, весна!
Весна воздухом полна.
Очень хороша, очень хороша!

пропел Петр Лукич старческим тенорком старинную песню. — А запевала наш Евдокимов — как соловей! Бывало, зальется, заведет плясовую — хоть на седло вставай и пляши. Куда там! Душа радуется, играет... Да, прошли мы по той горе и остановились в укрытии. А тут команда подается: «Снимай шинеля!» — «Что такое? Зачем раздеваться?» А потом все и объяснилось. Генерал наш Лошкарев, командующий кавалерией, провел нас по горе, по одному и тому месту три раза подряд. И все разы в разной одежде. То в шинелях, то в мундирах, а в последний раз знамена пораспустили. Турки снизу смотрят, аллу своего поминают, боятся: великая сила русских под Плевну идет. А мы идем себе, песни поем. И вот собрались опять в том ущелье. А тут и генерал Гурко подходит с гвардией да с гренадерским корпусом. То-то хорошо! И оружие у них хорошее — берданки *.

— А разве у вас, дед, не берданки были? — спросил Федя.

— Какой там! У нас, казаков, в ту пору были больше фитильные ружья. Кремень и кресало огонь высекать. Морока одна. Да. Ну, приготовились к наступлению. Правей нас, как сейчас помню, была пехота — Суздальский и Либавский геройские полки. Левей — конная гвардия. Тут наша артиллерия как ударит! Как загремит! Над Плевной все как есть дымом позатянуло. И мы пошли на штурм, а Осман-паша акурат в это самое время захотел прорываться. Он в Плевне со всей своей армией сидел. Да. Ну вот, глядим, повысыпало их многие тысячи. И пехота, и янычары, и какие-то в чалмах, а потом еще в красных шапках. А за ними в синих мундирах колоннами. Эти, видать, не иначе, как сама султанская гвардия. Стройно идут. А те, что напротив нас, казаков, оказались, так те в окопы да за камни засели... Глядим, и

* Берданка — ружье со скользящим затвором, состоявшее на вооружении гренадерских полков и гвардии в кампанию 1877—1878 годов.

сам Осман-паша выезжает. Флаги выкинул, в барабаны ударил, в трубы затрубил. У него, как у Скобелева, был белый верховой конь. А за ним бунчуки везут, знамена, значки. И такой тут бой начался — умру, не забуду! Только мы спешились, глядим: конные янычары из балки выходят. Кричат: «Гяур! Алла!», а сами саблями — ятаганами машут, прут напролом. Тут наши навстречу ударили, сбили, погнали. Какой-то наш полк там отличился — с фланга зашел. Драгунский? Нет, из ума вышибло, никак не упомню.

— Это, Петр Лукич, не имеет значения, — сказал Буденный. — А много в том бою наших побило?

— Много... Ведь целый день бой шел. Тринадцать тысяч наших солдатиков положили. Мы потом хоронили их в братских могилах. А вскорости, как война кончилась, на Дону слушок прошел, что болгары на том месте сад разбили, большущий памятник поставили и надпись на нем выбили. Только что там написано — мне неизвестно *.

— А турок много побили? — спросил Федя.

— Известно, много. Под вечер Осман-паша белый флаг выкинул. Так с ним сдалось еще одиннадцать других пашей, офицеров и солдат — тех тысяч триддать. Акурат половина всей армии. Остальные остались лежать.

— Вы, дед, на конях атаковали?

— Зачем? Нет. Наступление сделали как полагается. Пешим порядком. Там у меня случай произошел. Вот я, значит, лежу, крешу затравку, ружье-то фитильное, а сажня полтора от меня за камнем турок лежит и тоже крешит. Кто, значит, первый выбьет огня, тот и пальнет. «Ну, — думаю, — креши, креши, окаянная душа, а я тебя покуда шашкой зарублю». И только выхватил шашку, а у него получилось — выпалил! — Петр Лукич закатал рукав и показал белый шрам повыше локтя. — Вот он стрелил мне в это самое место. Тут я перехватил шашку в левую руку и давай его рубить. И все никак по башке не подлажу, а по плечам. С левой-то руки неудобно. Потом все же вывернулся, и аминь ему, значит. — Старик смолк и задумался...

— А чего ж ты, дед, штыком его не заколол? — спросил Федя.

* На месте братского кладбища русских воинов разбит Скобелевский парк. Надпись на мавзолее гласит: «Герои, вашими костьми создана наша свобода».

Петр Лукич поставил блюдце на стол и недоуменно посмотрел на ординардца.

— Штыком? — переспросил он с явной обидой. — А когда у казаков водились штыки? Их и зараз не имеется. Нам такое оружие не принадлежит по уставу. Только одним пластунам *, а мы и в пешей атаке шашками рубим. Разве не знаешь?

Федя покраснел и, чтобы скрыть смущение, быстро сказал:

— А ты, дед, видать, смолоду лихой был!

— Как и другие протчие... Всяко бывало, — согласился старик, вновь погружаясь в воспоминания.

В ту минуту, когда он рассказывал, как в сражении под Горным Дубняком сам Скобелев водил полки в конную атаку, в ставню постучали, и молодой низкий голос спросил под окном:

— Хозяин!.. Батя! Не спишь?

Старик оборвал свой рассказ на полуслове, изменился в лице и, поставив на стол недопитое блюдце, проговорил дрогнувшим от радости голосом:

— А ведь это мой Степка! — Он вопросительно посмотрел на Буденного. — Семен Михайлович, дозвольте сынка позвать в куреня?

— Зови, Петр Лукич. Посмотрим, что у тебя за сынок! — весело сказал Буденный.

Старик с неожиданной для его возраста живостью вскочил с лавки и, позабыв закрыть за собой дверь, поспешно вышел из хаты.

— Ишь как папаша сынку-то возрадовался! — сказал Федя.

Буденный улыбнулся. Он хорошо понимал, что происходит в душе старика, и с любопытством прислушивался к разговору и шуму шагов в сенях. Шаги приблизились. В открытых дверях остановился молодой казак большого роста, со светлыми усами на красивом загорелом лице. Из-под околыша ухарски сдвинутой набок казачьей фуражки торчал заботливо расчесанный чуб. Казак был одет в туго перехваченный кавказским ремешком короткий полушубок и синие, обшитые кожаными желтыми леями шаровары, заправленные в высокие сапоги. Поверх полушубка висели шашка и револьвер в изношен-

* Пластуны — в русской армии пешие батальоны казачьего войска.

ной кобуре. На левой стороне груди был приколот большой алый бант.

— Разрешите войти, товарищ комкор? — спросил он отчетливо.

Буденный приветливо взглянул на него:

— А-а, знакомый! Заходи... Постой, это ты под Ляпичевом батарею забрал?

— Стало быть, я, товарищ комкор.

— То-то я помню. Садись.

— Спасибочка. Постоим, товарищ комкор.

— Садись, садись. Поговорим.

Харламов осторожно присел на лавку, поставив шашку меж колен.

— Тебя в том бою ранили? — спросил Буденный.

— Нет. Под Иловлей. Вместе с вами, товарищ комкор. Вас, стало быть, там в ногу поранили.

— Помнишь? — удивился Буденный.

Харламов изумленно поднял угловатые брови.

— Как же такое дело забыть?

Петр Лукич, стоя в стороне, переводил восторженный взгляд с сына на Буденного и, когда сын отвечал, невольно шевелил губами, словно подсказывал.

«Экая здоровенная порода! — думал Буденный, с удовольствием оглядывая могучее тело сидевшего перед ним казака. — Добрый казачина. Такой один пятерых стоит».

— Женат? — спросил он Харламова.

— Еще нет, Семен Михайлович, — заговорил Петр Лукич, подвигаясь поближе. — Вот войну кончим — оженим. У меня уже и любушка есть на примете. Очень хорошая девка, — словоохотливо, как все старики, говорил он. В голосе его прорывались радостные нотки, словно ему, а не сыну предстояло жениться.

Харламов густо покраснел, шевельнув бровью, с досадой взглянул на отца и открыл было рот, но ничего не сказал.

— А сколько тебе лет? — спросил Буденный.

— Двадцать шесть, товарищ комкор, — ответил Харламов.

Буденный внимательно посмотрел на него, поморщив лоб, что-то прикинул в уме и повернулся к Петру Лукичу.

— Сынок-то тебе во внуки годится, — сказал он старику.

— Мне, Семен Михайлович, пятьдесят семь годов было, когда Степка родился, — качнув головой, сказал Петр Лу-

кич. — Я в шестьдесят пять бугая кулаком на коленки ставил. Мешки по шести пудов таскал. Да я и до се еще ничего.

— Силен! — Буденный усмехнулся. — В третьем донском служил? — спросил он Харламова.

— В лейб-гвардии казачьем.

— В гвардии?

— Только за красоту да за рост в гвардию взяли, — пояснил Петр Лукич. — Пара быков да ко́ней — вот и все наше хозяйство.

— Так, так... А ведь ты прав, Петр Лукич, сынок-то похож на тебя.

Старик встрепенулся, выгнул грудь и словно сразу помолодел.

— Чистый портрет, Семен Михайлович, и личностью и выходкой, только што подюжей ростом и в плечах пошире. — Он с гордостью взглянул на сына и, отворотясь, украдкой, что все же не ускользнуло от зоркого глаза Буденного, смахнул вдруг набежавшую слезу.

— Ну ладно! — Буденный встал из-за стола. — Пойду отдохну. Я ведь двое суток не спал. Спасибо за угощенье, Петр Лукич.

— На доброе здоровье... Семен Михайлович, я вам постелю, — с готовностью предложил старик.

— Не надо, я сам. — Буденный дружески кивнул казакам и, с многозначительной улыбкой взглянув на Федю, ушел в горницу.

— Пойду и я коней посмотрю, да и поить время, — сказал Федя.

Он поднялся с лавки, надел кубанку и, прихватив ведро, вышел из хаты.

Петр Лукич подошел к сыну и обнял его.

— Ах, Степушка, не думал я тебя живого увидеть! — сказал он, всхлипнув и часто моргая красными веками.

— А маманя где, батя?

— В подводах наша маманя, — ответил Петр Лукич. — По наряду назначили снаряды возить.

Он оторвался от сына и, нетвердо ступая, направился к печке.

«Как его за эти годы согнуло! — с тоской подумал Харламов, провожая взглядом отца. — А был совсем ничего».

— Поешь, сынок! Голодный небось, — сказал Петр Лукич, поставив на стол миску с лапшой.

— В подводах, стало быть, — сказал Харламов, нахмурившись. — А я ей гостинца привез.

Он вытащил из кармана увесистый мешочек и вытряхнул из него сахар.

— Хороший гостинец, — похвалил Петр Лукич. — Мы этого сахару уже года два не едали. И что ж, много вам его дают?

Харламов улыбнулся, блеснув чистым оскалом ровных зубов:

— А мы, батя, сами его берем.

— Как, тоись, сами? — удивился старик.

— А мы, как бы сказать, у Деникина на довольствии состоим. Он, стало быть, у нас вроде главного интенданта.

— Что-то ты чудное толкуешь, Степка. Ты не смейся, покуда не осерчал. А то я тебя зараз... — погрозился старик.

— А я и не смеюсь, батя, — сказал Харламов, пряча улыбку. — Ты слушай: Антанта — это, стало быть, английские и французские буржуи — шлет Деникину всякое барахло. Ну, как бы сказать, обмундирование, снаряды, сахар, какаву. А мы налетим и отнимем. — Он снял поясок и распахнул полушубок. — Гляди, какой френч отхватил.

— Важнецкое сукнецо! — Петр Лукич даже пощелкал языком, пощупав материал. — Видать, офицерское. А ты, часом, не командир?

— Нет, боец.

— Та-ак... Ты б разделся, сынок. Упаришься в полушубке.

Харламов отрицательно качнул головой.

— Мне, батя, зараз нужно идти...

Жалкая морщинка скользнула в углу рта старика.

Он ревниво посмотрел на сына.

— К девкам, что ль?

— Нет. Так, по делу.

— Дело, значит, завелось...

Харламов быстро доел лапшу, вытер ладонью губы и отложил ложку.

— Степа, а за какую батарею Семен Михайлович поминал? — помолчав, спросил Петр Лукич с тайной надеждой подольше удержать сына.

— Да там не одну батарею, там девятнадцать орудий забрали. Целый корпус разбили.

— А ты, сынок, давай расскажи.

— Про все боя-походы до утра не управишься рассказать. Длинная музыка.

— А ты покороче.

— Я закурю, батя, можно?

Харламов вытащил кисет с махоркой, скрутил папироску и вставил ее в самодельный камышовый мундштучок.

— Я, батя, за это время весь Дон с боями прошел, — начал он, закурив. — Прошлый год Царицын обороняли. Краснова, Улагая, Мамонтова и других прочих генералов били. Каждый день бои, а то на одном дню несколько раз в атаку кидаешься. В рейды ходили. Поперва́м под Иловлинскую. Там меня в руку поранили. Потом под Качалинскую. Порубаем, переднюем — и дальше, а то и без отдыха. Мы тогда еще не корпусом, а бригадой, потом дивизией были. Верст пятьсот с боями прошли, кадетов гнали. Зима. Дорога тяжелая. Бывало, и нам попадало. У ка́детов тоже есть отчаянные. Разный у них народ — кто по доброй воле, кто мобилизованные. Ну, эти-то много к нам перебегают, а добровольцы бьются до последнего. И вот, скажи, у ка́детов в пять-шесть раз побольше нашего конных полков, а мы их бьем.

— А почему так, сынок? — спросил Петр Лукич.

Харламов помедлил с ответом. Между его угловатыми бровями легла морщинка.

— А потому, батя, — заговорил он, помолчав, — что мы бьемся, стало быть, за народное дело, как то товарищ Ленин указывает. А они, ка́деты, хвалятся, мораль пущают, что за единую, неделимую Россию воюют. А кто ее хочет делить, Россию-то? Мы, что ли! Нет! Они сами. Генерал Краснов какую программу объявлял? Дон, Кубань отделить. Верно? А мы ничего не хотим делить. Свое государство строим — рабоче-крестьянское. Нет, они не за Россию воюют, а за то, чтобы обратно посадить буржуев на шею трудовому народу. Чтоб обратно одним было все, а другим ничего. А разве это справедливо? Нам, батя, наши комиссары всю эту политику вот как объяснили. Потому нам и в бой идти весело. Потому мы со всей контрой вот чего сделаем! — Сильно хлопнув ладонью, он выбил из мундштука брызнувший искрами окурок па-

пироски и растер его ногой. — Нехай не становятся на пути.

— А ты, сынок, часом, не большевик? — помолчав, спросил Петр Лукич.

— У нас, батя, все большевики.

— Партейные, значит?

— Нет. Партийные у нас в корпусе, руководители наши.

— Чтой-то я, Степка, не пойму. То ты толкуешь, что все у вас большевики, а то непартийные. Как же это так понимать?

Харламов поежился.

— Видишь, батя, тут... как бы сказать... такое дело: мы еще не успели фактически записаться, а вот как позапишемся, то все будем партийные.

Петр Лукич пожал плечами.

— А все-таки чудно получается. Одни с большевиками пошли, другие против. Надо б всем в одну точку бить.

Харламов помолчал и сказал:

— Народ у нас еще темный встречается. Если бы все товарища Ленина послушали, как он говорит, то, по моему рассуждению мыслей, не было бы такой гражданской войны... Конечно, есть, которые беспощадные контрики. Но их не так уж и много. Мы бы с ними быстро управились... Я вот тоже был совсем темный человек. Как слепой ходил, покуда товарища Ленина не послушал, как он говорит.

— Ну? — Петр Лукич весь встрепенулся. — Ты, стало быть, самого товарища Ленина видел?

— И видел и слышал. Мы при Керенском в Питере охрану несли. И вот раз едем по Каменноостровскому — я, Рева Иван, Мингалев Зиновий и еще один казачок с первой сотни, фамилию его позабыл. Вдруг видим — народу!.. А с балкона человек говорит. Это и был он самый, Владимир Ильич. Мы еще в личность не видели его. А тут какой-то старичок, по виду рабочий, увидел нас и шумит: «А ну, казачки, давайте поближе. Послушайте нашего товарища Ленина». Хорошо. Завернули коней. Подъезжаем под самый балкон. А он, Ленин, оттуда выступает. «Мир, — говорит, — хижинам, война — дворцам», и так и дальше... Как скажет слово, так будто в сердце вкладывает. Слушаю его и вижу, что он правильную линию ведет. И говорю ребятам: «Вот это, видать, хороший человек». Ну те двое были со мной впол-

не согласные, а Мингалев: «Нет, — говорит, — мне с большевиками не по пути».

Петр Лукич помолодевшими глазами быстро взглянул на сына. По его морщинистому лицу прошло выражение догадки.

— Постой, — сказал он. — Энто какой Мингалев? Не с Казанской атаманов сынок?

— Он самый. Зараз у Мамонтова взводом командует... И вот я стал почаще ездить туда. Как в наряд — я на Каменноостровский. И ребят с собой приводил. А Мингалев, видать, есаулу шепнул. Тот меня вызывает. «Ты, — говорит, — большевик? Я тебя, такого-сякого, под военный полевой суд подведу...» Да. А тут и Октябрьская революция вскоре. Сначала я в Красной гвардии служил, а потом до Семена Михайловича перешел...

— Стало быть, ты, сынок, крепко веруешь, что за правое дело бьешься? — спросил Петр Лукич, помолчав.

— Крепко, — твердо сказал Харламов.

— Гляди не пошатнись. Я слыхал, старики промеж себя толковали — казаков-то с мужиками поравняют.

— Ну и нехай. Все должны быть равные. Я, батя, не пошатнусь. У меня линия верная.

— Ну в час добрый... Ты, Степа, расскажи, как батарею забрал, — попросил старик.

Дверь скрипнула. В хату вошел Федя, нагруженный седлами. Он сложил их в угол и молча присел на лавку. Харламов посмотрел на него и начал рассказывать.

— ...И вот, стало быть, несут приказ от командующего армией товарища Ворошилова разбить генерала Толкушкина.

— А у Толкушкина, сынок, большая сила была? — спросил Петр Лукич.

— Пехотный корпус и два полка кавалерии.

Старик с удивлением покачал головой.

— Ты, Степка, часом, не брешешь, сынок? Конной дивизией да на корпус пехоты? Чудно!..

Харламов усмехнулся.

— А нам, батя, не впервой. Попривыкли. Да... И все бы ничего, да погода переменилась. Такая мокреть пошла... Дело-то к весне. Заквасило, поплыло. Снег тает. Ручьи бегут. Балки водой заливает. А грязюка! Как пеший ступишь, нога вынается, а сапог остается. Вязко. Под орудиями кони становятся. Короче сказать, тяжелое положение. Семен Михайлович над картой смекает, как

быть. Потом построил дивизию и говорит: «Товарищи бойцы! Много мы с вами белых гадов поуничтожили за народное дело. Теперь имеем приказ разбить генерала Толкушкина. Он, вражина, окопался. В Ляпичеве за колючей проволокой сидит и смеется над нами. Стало быть, без артиллерии его не выбить: проволока и сила большая. Но по такой дороге нашим коням пушек не вытянуть. Приказываю: батареи и тачанки с пулеметами оставить на месте. К ним — полк прикрытия. Батарейцам на коней сесть. С нами поедут. А как дойдем до Толкушкина, навалиться на него тремя полками внезапно, а первое дело — батареи у него отнять и с тех батарей смертным боем беспощадно крыть белого гада».

— Ловко! Хи-хи-хи-хи! — залился Петр Лукич. — Вот это расплановал! В самую точку попал. Славно! Так и сказал?

— Ну, может, что и не так. Я, батя, в общем рассуждении мыслей рассказываю. Много он еще чего тут говорил и так ладно распорядился, что не успел Толкушкин чаю напиться, а мы уж полком достигли его. Рубим. бьем, батареи у врага берем и с них его кроем... Я сам в разъезде шел, в головном дозоре, за старшего. Со мной ребята бойцовские. Меркулов, атаманец, и мой дружок Митька Лопатин — шахтер. Только мы с балочки — и вот она, батарея. С тыла зашли. Мать честная! Зараз, думаю, кадеты нас обнаружат. А разъезд поотстал. Что делать? Только, помню, Семен Михайлович все про внезапность наказывал. Я и шумнул ребятам: «Даешь атаку!» Как мы вдарили с тыла! Митька мой было тут пропал. Командир батареи в него два раза с нагана ударил. Ну а тут и взвод подоспел с батарейцами. Завернули орудия и ахнули с прямой наводки... Вот, стало быть, какие дела! Корпус разбили, взяли в плен две тыщи пехоты, шестьсот сабель кавалерии, девятнадцать орудий и пулеметов сколько-то, а нас в трех полках и двух тысяч не было...

Харламов замолчал и потянул из кармана кисет с махоркой.

— Ты что же, друг, до конца не говоришь? — заметил Федя.

— А что?

— Он, дед, в этом бою Митьке Лопатину жизнь спас, как коня под ним подвалили, — пояснил Федя, обращаясь к Петру Лукичу. — Сам было пропал, а Митьку от смерти отвел.

— Молодец! По-нашенски сделал, сынок, — заулыбался Петр Лукич. — И у нас в турецкую кампанию всё, бывало, командиры говаривали: «Товарища люби больше себя». Так-то, сынок...

— Ну, батя, ты не серчай, а мне время идти, — сказал Харламов, поднимаясь и расправляя широкую грудь.

— Я не неволю... Ты навовсе, сынок? — спросил старик дрогнувшим голосом.

— Да нет, завтра приду. Мы, стало быть, много тут простоим. Так что еще повидаемся.

Проводив сына, Петр Лукич убрал со стола, потом принес зипун и подушку.

— Ну, Федя, и нам пора спать, — сказал он. — Ты ложись тут, а я уж на стариковское место.

Старик постелил на лавке и, кряхтя, забрался на печку.

— Дед, а сынок у тебя, видать, уважительный, — сказал Федя.

— Степка? А как же! У нас, Федя, все уважительные, — засипел Петр Лукич, глухо покашливая. — Конешно, война пошатнула это уважение... Ну, сам скажи, разве можно старому человеку да без ласки? Он жизнь прожил. Скоро ему помирать. Как же его не приветить?.. У нас, на Дону, стариков уважают. Как, бывало, казак возвернется с похода, так мать-отец встречают с иконами. А он скачет в полный намет, в воздух с винтовки палит. Ну а потом, первое дело, отцу и матери три земных поклона кладет. Потом старшим братьям. Да. А жена его три раза коню в пояс кланяется за то, что хозяина живым до дому принес. Ну, обыкновенно, отец снимает с него шашку. Приводит, как бы сказать, в гражданское состояние. Потом он входит в курень, а конь дерется за ним в самую комнату. Ну, конечно, его не пущают, а жена ведет на конюшню... У нас, Федя, кругом уважение. Редкий случай, коли муж, жена на людях поругаются. Да нет, не помню. Кажись, за мой век такого и не бывало... А вот после первого октября друг дружке подарки дарят.

— Это почему после первого октября? — спросил Федя.

— Обычай такой. Как всю работу закончат, соберутся семьей, и хозяин первым одаривать начинает. Вот ты, Анюта, или как ее там, хорошая мать и хорошо вела хозяйство — на, получай, кашемиру на платье. Да... А ты,

Митя, хорошо работал, да ругался, да пьяным напивался. Нехорошо это. Ну тот, конечно, проситься начинает: простите, мол, батя, больше не буду...

— Подумаешь, грех — ругался! — заметил Федя. — Иной раз без крепкого слова нельзя.

— Как же не грех? — удивился Петр Лукич. — Насчет этаких слов у нас не дай и не приведи... Нет, правду сказать, стариков у нас уважали. Бывало, входишь в пивную — все молодые встают и уходят. А если который не поздравствуется со стариком — беда! Камнями изобьют поганца!

— В общем, надо понимать, что у вас была тишь, да гладь, да божья благодать. Так, что ли? — спросил Федя с иронией.

— Ну? — Петр Лукич выжидающе посмотрел на него.

— А кто при старом режиме на усмиренья ходил, рабочих плетями порол?

Старик пожал худыми плечами.

— Ну-к что же! Темные мы были, — виновато заговорил он, почесывая в голове. — Это, конечно, правду сказать, наша вина. Зато теперь, в революцию, почти все казаки — фронтовики, с верхнедонских, с товарищами пошли. Стало быть, вину свою искупили.

— Искупили? А кто у Мамонтова воюет?

— Ну, это атаманы-богачи да которые несознательные. Да ведь больше у них старики, приверженные к старому порядку. А молодые казаки больше в красных. Вот и Степка мой...

— Тшш! — Федя привстал и прислушался.

— Ты што? — спросил старик.

— Семен Михайлович никак меня звал, — сказал Федя.

Он встал с лавки, прошел через хату и, тихонько открыв дверь в горницу, прислушался.

Постояв некоторое время, Федя, шлепая босыми ногами, вернулся на лавку.

— Спит? — спросил старик.

— Спит. Видать, поблазнило мне. А может, застонал. У него ведь и руки и ноги пораненные.

— Видать, большой душевности человек, — помолчав, сказал Петр Лукич.

— Очень хороший... с хорошими. Ну а лодырь лучше ему не попадайся. Лучше сам уходи, пока цел.

— Значит, лодырям не потатчик?

— Боже избавь! У нас один командир полка было заленился. Кони и бойцы целый день оставались голодные. Так Семен Михайлович поучил его малым делом. Ужас как осерчал! Изругал его беспощадными словами и в бойцы разжаловал. Произвел, значит, его в лучшем виде. А так даже очень простой человек. Всегда по человечеству рассудит. И поговорит обо всем и спляшет с нами. Не гордый.

— Значит, настоящий командир. Справедливый. А это самое первое дело. Да... А я было-к в генералы его произвел.

— Да ну?!

— Ага! Стариков послушал. Они промеж собой толковали. А он, выходит, был драгунский унтер-офицер.

Петр Лукич замолчал и, укладываясь поудобнее, завозился на печке.

За окнами слышались негромкие голоса бодрствующих патрулей.

Федя прислушался и ясно различил густой низкий голос Харламова. Видимо, бойцы разговаривали, сидя на завалинке хаты. На улице прояснилось. Пробившись сквозь запыленные окна, на пол упал голубоватый отблеск луны. Петр Лукич, вздыхая и бормоча что-то, ворочался на печке.

— Не спится? — спросил Федя.

— Не спится... Слышь, Федя, я уж тебе скажу, — доверительно зашептал сверху старик. — Не могу молчать, и только. Видно, много я нагрешил. — Он присел, спустив ноги. — Понимаешь, какое дело... все шутов по ночам вижу.

— Шутов? Каких шутов? — удивился Федя.

— Самых обыкновенных. Сидит в углу, молчит. Не то корень, не то человек. Приглядишься, а это он, шут, и есть.

— Черт, что ли?

— Ну да, будь он, нечистый, не к ночи помянутый! Только он, как бы сказать, не такой, как другие прочие черти. Комолый. Обратно сказать — безрогий. Вроде бы корешок али старый-старый такой человек. Я ему шумлю: «Кш! Сгинь, нечистая сила!» А он хоть бы что. Сидит нога на ногу и молчит. Кабы знать, что б это такое?

— Пустое это, — сказал Федя с твердой уверенностью. — Блазнит тебе. Кажется.

Старик с сомнением покачал головой.

— Блазнит? Кхм... Нет... Я его каждую ночь вижу. Видать, за мной... Да... — Он замолк, тяжко вздохнув. Потом долго еще кряхтел и ворочался и наконец, шепча что-то, заснул.

3

Поезд круто затормозил. Заскрежетали тормоза. Послышался звон буферов.

Сашенька вздрогнула и проснулась.

В стороне от паровоза бухнул выстрел. Вслед ему пронесся отчаянный крик:

— Стой! Стой! Держи-и!

Поезд остановился. Сквозь щель в забитом фанерой окне чуть брезжил рассвет. На платформе кричали и, слышно было, бегали люди.

Пассажиры зашевелились.

— Дело табак! — сказал в темноте Митька Лопатин, молодой, лет двадцати, вихрастый парень, буденновец.

Это был балагур и насмешник. Он сел в поезд еще под Саратовом и всю дорогу смешил пассажиров. На этот раз никто не поддержал разговора. Всем и так было ясно, что случилось что-то серьезное.

И теперь, притаившись в темноте вагона и почти не дыша, пассажиры молча ждали, что будет дальше.

— Пойти посмотреть, — решил Митька.

Он, стуча сапогами, завозился где-то вверху, собираясь спуститься. Но в эту минуту в глубине вагона мелькнул желтый свет фонаря, и в дверь просунулась голова в фуражке с кокардой. Голова подозрительно повела по сторонам, пошевелила большими усами и повелительно крикнула:

— А ну, выходи!.. Куда с вещами? Вещи оставь!

Сашенька, чувствуя, как у нее по всему телу побежали мурашки, пошла вслед за другими к выходу из вагона. Митька Лопатин оказался возле нее.

— А ты не бойсь! Не робей! — подбадривал он, с участием заглядывая в лицо девушке. — И не в таких переплетах бывали.

Пассажиры толпой выходили на платформу. И странное дело: не успела Сашенька ахнуть и удивиться, как

Митька словно в землю провалился — вильнул под вагон.

В конце поезда мелькали фонари. Оттуда доносились крики и звон разбиваемых стекол. Топоча сапогами и хрипло дыша, пробежали в темноте какие-то люди.

— Держи его! Бей! — крикнул злой, задыхающийся голос.

Послышался шум борьбы. Кто-то, охнув, упал и забился.

— Врешь, не уйдешь! — злобно кричал тот же голос, прерываемый тупыми ударами по мягкому телу. — Так ты бежать, сволочь?!. Ковалев, вяжи ему руки!

— А-а-а-а! — пронесся полный боли и ярости крик.

— Молчи! Убью, жаба!

Вновь послышался тяжелый удар.

— Господи, да что же они делают? За что мучают людей? — тихо сказала Сашенька.

— Молчи, молчи, — прошептала стоявшая рядом старушка в очках. — Молчи, а не то и нам то же будет.

По платформе, звеня шпорами и громко разговаривая сердитыми голосами, быстро прошли два офицера. На левом рукаве у каждого из них был изображен череп с костями.

— Чего столпились? А ну, становись! Разберись в две шеренги! — закричал вахмистр, тот самый усатый человек, что выгонял из вагона. — Кому говорю, дура! — напустился он на толстую бабу в платке, которая металась, размахивая руками и не находя себе места. — Встань здесь и замри!

Пассажиры, зябко поеживаясь, неумело выстраивались. Вахмистр в сопровождении казаков обходил ряды, пытливо вглядываясь в испуганные, бледные лица и, тыча пальцем в грудь пассажирам, коротко приказывал:

— Выходи на правый фланг! И ты выходи! Эй, морда, кому говорю?.. Ковалев, веди их до сборного места да гляди дюжей, чтоб не убегли.

Рассветало. Накрапывал дождь. Вокруг поднимался сырой, осенний туман. Темные рваные тучи ползли в пасмурном небе. Сквозь серую муть постепенно протаивали очертания станции и черневшие за ней клены и липы. Холодный ветер порывами налетал из степи и гнал по платформе желтые листья.

У соседних вагонов шла проверка документов, слышались громкие голоса. Двое солдат с потными, красными

лицами тащили под руки рослого мужчину в кожаной куртке. Мужчина — у него была в кровь разбита щека — упирался и что-то гневно кричал.

— Достукался! — злорадно сказал кто-то позади Сашеньки.

Она оглянулась. Заросший по самые глаза человек, улыбаясь маленькими злобными глазками, весело смотрел на нее.

— Вы, барышня, не бойтесь, — сказал он, по-своему истолковав ее испуганный взгляд. — Вам нечего опасаться. — Он бегло оглядел отороченную мехом Сашенькину жакетку и высокие шнурованные желтые ботинки, плотно облегавшие ее полные стройные ноги. — Вас не тронут. А этому, что повели, веревочки не миновать.

У Сашеньки дрогнули брови.

— А вам что, от этого легче? — краснея, спросила она.

— А как же! Они ж меня по миру пустили, злодеи эти... А вам вроде жалко его? — рыжебородый с хитринкой выжидающе смотрел на нее.

Сашенька не успела ответить.

— Коммунисты, жиды и китайцы — вперед! — с барской властностью сказал вблизи чей-то голос, и по тону, каким были сказаны эти слова, многим сразу стало понятно, что этот голос говаривал их уже не один раз.

Сашенька подняла голову. В нескольких шагах от нее стоял сотник Красавин с перевязанным глазом. Из-за его плеча выглядывал вахмистр.

Толпа молчала. Пассажиры искоса переглядывались. Китайцев и евреев вроде и не было, а коммунистов — кто их знает! Поди сыщи чудака, чтоб добровольно сдался белогвардейцам.

Сотник иронически усмехнулся.

— Таковых не оказалось. Кхм... Ну что ж, господа, хуже будет, когда сами найдем, — произнес он угрожающе.

— Господин сотник, — зашептал вахмистр, — обратите ваше внимание, во-он во втором ряду, черненький. Надо б его проверить.

— Проверь, — тихо сказал Красавин.

Вахмистр бросился в ряды и положил большую волосатую руку на плечо чернявого человека в четырехугольном пенсне.

— А ну, пройдемтесь, господин! — сказал он, выталкивая его из толпы.

— Куда? Зачем? Куда вы меня ведете? — беспокойно заговорил человек, пытаясь освободиться. — Я присяжный поверенный. Я предъявлю документы. Я...

— Иди, иди! Нечего тут! За водокачкой предъявишь. При народе-то срам!

Вахмистр крепко взял человека под руку и повел его из толпы.

— Потрудитесь предъявить документы, — сказал сотник Красавин.

Сашенька не сразу поняла, что обращаются к ней.

Красавин смотрел на нее сбоку и видел лишь ее тонкий профиль, но вот она повернула голову, и ему стало видно все ее лицо с пухлыми по-детски губами и вопросительно устремленными на него синими глазами.

— Да, да. Я вам говорю, — повторил он.

Сашенька, досадуя на себя за то, что покраснела, поспешно вынула из жакета кошелек, достала из него вчетверо сложенную бумажку и, развернув ее, молча подала офицеру.

— «Александра Ивановна Веретенникова», — вполголоса прочел сотник. Он дотронулся до козырька, звякнув шпорами. На его нагловато-красивом лице разлилось выражение доброжелательства. — Простите, это ваш отец был в Оренбурге городским головой? — спросил он, улыбаясь.

— Нет. Мой отец учитель, — ответила Сашенька.

— А-а-а... — разочарованно выговорил сотник, вдруг помрачнев. — Возьмите, — он протянул Сашеньке ее документы.

— Господин сотник! Извиняюсь за беспокойство... — суетливо заговорил человек с рыжей бородой, который жаловался Сашеньке, что его по́ миру пустили. Он молча растолкал пассажиров и пробрался вперед. — Вот привел бог!

— Кто такой? — коротко спросил Красавин, холодно взглянув на него.

— Купцы мы, господин сотник. В Оренбурге овсом торговали. «Колупаев и сыновья», лабаз. Разве не помните? А я вашего папашу господина Красавина вот как знал! Я и есть сам Колупаев. — Он пошарил за пазухой. — Документы пожалуйте.

— Очень хорошо-с, — сказал сотник Красавин. —

А что вы хотите от меня, господин Колупаев? Только прошу короче, я тороплюсь.

— Во-первых, как вы наши освободители... а я сам как есть пострадавший и вообче... и, во-вторых, желаю с вами остаться, — проговорил купец, снимая шапку и прижимая ее к груди.

— Хорошо. Можете взять свои вещи... Омельченко, дай им казака.

Сотник внимательно оглядел стоявшую перед ним толпу. Его взгляд задержался на небритом человеке в солдатской шинели.

— А ты кто такой? А ну, выйди вперед! — приказал он.

Человек, прихрамывая, вышел из рядов и подошел к офицеру.

— Где шинель взял? Красноармеец?

— Шинель у меня от старой службы осталась, — нехотя сказал человек, отставляя правую ногу.

— Какого полка?

— Фанагорийского гренадерного имени фельдмаршала князя Суворова.

— Солдат?

— Так точно.

— Как же ты, мерзавец, стоишь? — бешено закричал Красавин. — Распустился в совдепии! Службу забыл!

Солдат неловко переступил с ноги на ногу.

Сотник поднял руку и коротко двинул его в подбородок. Солдат покачнулся и побледнел. Тонкая струйка крови потекла по краю дрожащих от негодования, губ.

— Большевик?

— Какой я большевик? Я...

— Омельченко, взять! — крикнул Красавин подбежавшему вахмистру.

Вахмистр мигнул казакам.

— Пустите, я и так пойду, — хмуро сказал солдат схватившим его казакам. — Куда я на одной ноге убегу?

— Врет он, — недоверчиво протянул вахмистр.

— Да нет, и вправди нога вроде деревянная, — сказал пожилой казак, нагибаясь и ощупывая ноги солдата.

— Ладно, пустите его, — с досадой приказал сотник.

Он вынул из кармана носовой платок и, брезгливо морщась, стал смахивать с шинели мелкие капельки крови.

— Господин сотник, господин полковник идут, — по-

чтительно проговорил вахмистр, показывая в глубину платформы, откуда торопливо шагал тучный человек в офицерской шинели.

— Ну, как дела, сотник? — спросил мягким баском полковник, подходя и оглядывая притихшую толпу круглыми, навыкате глазами.

— Человек двадцать выловили, господин полковник.

— Очень хорошо... Ну, кончайте скорей. Корпус подходит, и генерал будет недоволен задержкой.

Вдали послышался заливистый гудок паровоза и нараставший грохот. В густом облаке дыма на станцию влетел бронепоезд. Замелькали покрытые защитной броней вагоны с пушками и пулеметами в амбразурах. На вагонах большими белыми буквами было что-то написано. Сашенька успела прочесть: «На Москву». Прогремев мимо платформы, поезд остановился. Паровоз, набирая пары, задышал быстро и тяжело, как человек после долгого бега...

— Ах, доченька! — говорила Сашеньке подсевшая к ней старушка в очках, после того как оставшимся пассажирам было приказано возвратиться в вагоны. — Скажи, какие вредные люди!.. Надругались-то, поди, как?

Сашенька улыбнулась, собрав на переносье мелкие морщинки.

— Что вы, бабуся! Ну ни капельки, — храбро сказала она, тряхнув светлыми вьющимися волосами. — А вот за вас я напугалась, — кивнула она на сидевшего напротив безногого солдата.

Поезд неожиданно дернулся. Вдоль вагонов пробежал перезвон буферов.

— Ну, кажись, поехали, — сказал солдат. — Наконец-то!..

Он озабоченно прищурился, глядя в окно. Там, над белым фасадом вокзала, поднимался столб дыма.

— Гляди, что делают! А? Станцию запалили!.. Постой, а это что? — Он привстал и оторвал фанеру.

Сашенька поднялась и тоже взглянула в окно. По степи, задернутой на горизонте мглистой дымкой дождя, двигалась навстречу медленно ползущему поезду длинная черная лента. Извиваясь между холмами, она приближалась, росла. Теперь уже простым глазом было видно, как по степи в облаке пара сплошной колонной дви-

галась конница. Вдоль колонны пестрели околыши фуражек донских казаков. Их поджарые лошади с подвязанными в узел хвостами шли ходкой рысью. Впереди ехал осанистый генерал в серой папахе. На его смуглом горбоносом лице вились длинные усы с густыми подусниками. Ветер рвал и завертывал на седло полы шинели на красной подкладке. Под генералом, высоко выкидывая передние ноги, плавно вымахивал рысью светло-рыжий красавец жеребец с белыми бабками.

— Братцы мои! — ахнул солдат. — Так это ж Мамонтов!

— Мамонтов? А кто он такой? — быстро спросила Сашенька.

— Главный вешатель у Деникина. Кавалерией у них командует, — ответил солдат. — Гляди, дочка, еще едут.

На Воронежском тракте показалась другая колонна. Она вскоре приблизилась, и Сашенька увидела почти рядом лица всадников. На всадниках были бурки с белыми башлыками и лохматые папахи. Крайняя лошадь, увидя поезд, в испуге шарахнулась. Всадник взмахнул плетью и злобно оскалился. Его гнедой жеребец взвился на дыбы, пробежал несколько шагов на задних ногах и, опустившись, вновь пошел ритмично выписывать размашистой рысью.

Теперь, казалось, вся степь шевелилась. Всюду, куда хватал глаз, сплошными колоннами двигалась конница.

— Не пойму я, что делается, — сказал солдат, недоуменно пожимая плечами. — И как, скажи, этот Мамонтов в Таловую попал? Вчера еще говорили, что наши держат фронт под Усть-Медведицей... Это сколько же отсюда верст? — он потер лоб. — Ну да, верст побольше сотни... Значит, опять в рейду * пошел, в тыл к нашим прорвался. — Солдат повернулся к Сашеньке и пояснил: — Прошлый раз, летом, он до самого Тамбова дошел. Сколько народу побил, повешал! Поезда под откос пускал. Все церкви ограбил.

— А откуда вы его знаете? — спросила Сашенька.

Солдат мрачно усмехнулся. В его глазах загорелись недобрые огоньки.

— Как же мне его, вражину, не знать! — заговорил он, понизив голос и оглядываясь, но в купе, кроме них и

* Рейд — движение больших масс конницы по тылам противника.

спящей бабы, никого не было. — Я ж у него в плену был... Ногу-то я под Царицыном прошлый год потерял...

— Ох, господи милостливый, — вздохнула старушка, — и когда этому конец будет? Тут с одной дорогой страху на всю жизнь натерпишься... И как это, доченька, тебя одну в этакое время отпустили, красавицу такую? — обратилась она к Сашеньке, которая, склонив набок голову и перебирая перекинутую через плечо косу, смотрела на солдата. — Вот, поди, у матери твоей сердце-то ноет! В этакий-то путь — и одна!

Легкая тень прошла по лицу девушки.

— А у меня мамы нет. Я с трех лет без мамы, — тихо сказала она.

— Ах ты, родненькая моя сиротинка, с кем же ты росла-то? — растроганно моргая, спросила старушка.

— Отец, брат у меня.

— Младшенький?

— Нет. Ему уже двадцать. Он на два года старше меня.

— А далеко ли едешь?

— К бабушке. В Чернигов.

— В Чернигов? Как же ты туда доберешься? Поездто наш до Воронежа.

— Пересяду. А то и товарным.

— А там фронт никак?

— Ну и что же? — заговорил солдат. — Это не германская война — сплошные окопы... Сейчас где хошь переходи. Никто тебя и не спросит, раз ты не мужчинского звания...

— Да как же папаша отпустил-то тебя? — спросила старушка.

— Бабушка больная. — Сашенька вздохнула. — Одна живет, и воды некому подать напиться. Дедушка-то в прошлом году умер... А я привыкла. Я год в коммуне работала: и косила, и пахала, и коров доила.

Старушка с удивлением развела руками.

— Ах ты, моя желанная, а я думала, какая холеная барышня едет.

Сашенька отрицательно покачала головой.

— Нет, бабуся, я словно спичка была, а как пошла работать, так и растолстела... Молочных продуктов было вволю — молоко, сметана... А сливки! — Сашенька даже зажмурилась. — Да я каждый день сколько хотела, столько и пила.

Сашенька замолчала и посмотрела в окно. Смеркалось. Поезд, притормаживая, медленно подходил к полустанку.

— Батюшки! — всплеснув руками, вдруг вскрикнула Сашенька. — А где же тот парень девался, который все смешил нас?

— Да я и на станции его не видал, — сказал солдат. — Но, кажи́сь, пропасть не должен. Не из таких он.

— А я видела. Как мы в поезд садились, солдатики его повели. Руки назад скрутили, а он кричит, знай, — быстро проговорила сидевшая в углу толстая баба в платке.

— Будет врать-то! — рассердился солдат. — Экий народ! Не зря тебя вахмистр дурой обозвал. Дура и есть!

— От дурака и слышу, — равнодушно сказала баба, протяжно зевнув.

Она мелко покрестила рот, прикрылась платком, пробормотала что-то и притихла.

— А ну, граждане, как у вас и что у вас? — послышался в дверях веселый Митькин голос.

— Вот легок на помине! Долго проживешь, — с довольным видом сказала старушка.

— Я, мамаша, и тонул и в огне горел, мало на том свете не был, а все живой! — Митька усмехнулся, сморщив курносый, усыпанный веснушками нос.

— Где пропадал? — спросил солдат.

— В разведку ходил.

— Чего?

— В разведку, говорю, ходил.

Солдат с восхищением оглядел широкоплечую, еще не развитую, но обещающую стать богатырской Митькину фигуру.

— Ну и орел! — сказал он, улыбаясь.

— У нас все орлы. Ворон мы не держим. Они нам без надобности.

— Да ты садись давай. — Солдат подвинулся, уступил место Митьке. — Как звать-то тебя?

— Митькой. А что?

— Дмитрием, значит?

— Нет, меня больше Митькой зовут. Это у меня вроде кличка. В этом, как бы сказать, братишка мой виноватый.

Солдат удивленно посмотрел на него.

— А почему братишка? — спросил он.

— Да, видишь, дело какое. У меня братишка есть, маленький. Прислал мне письмо, а пишет плохо. Ну, мы всем взводом разбирали, хоть и сами не шибко грамотные. С тех пор все меня Митькой и зовут. Да вот я покажу.

Митька полез за пазуху и вытащил небольшой, желтой кожи, потрепанный бумажник. Порывшись в нем, он достал сложенный вдвое замусоленный и надорванный по краям лист серой бумаги и подал его Сашеньке.

— Нехай барышня прочтет, — сказал он. — Она, видать, хорошо грамотная.

Сашенька взяла письмо, быстро пробежала его глазами и, сдерживая улыбку, принялась читать вслух:

— «Митька, а Митька, здравствуй!

Митька, а ты ничего не знаешь? Колька-то, с которым яблоки-то воровали, убили его. Наших ребят многих поубивали. Митька, а ты еще живой? Пиши нам. Митька, а Митька, а ты ничего не знаешь? А у нас в огороде огурцы поворовали и морковку повыдергали. А я их догнал, и не давал, и говорю: вернется, мол, Митька, тогда даст вам жару. Митька, а Митька, а ты ничего не знаешь? Аленка-то Ермашова до нас часто в гости заходит, за тебя спрашивает. А как там наш батя, живой или нет? А мамка говорит, что письмо все одно не дойдет, потому все дороги Деникин занял. Эх бы, мне на войну, Митька! Я б всех бандюков порубал и дороги освободил!

Остаюсь твой братишка *Алешка.*
Письмо пущено 8 августа 1919 года».

Пока Сашенька читала, Митька, подперев щеку рукой, слушал, потихоньку вздыхал и покачивал головой. Уж очень живо представлялся ему и восьмилетний Алешка, пишущий это письмо, и заплаканные, потемневшие от волнения красивые глаза матери, когда она прошлый год прощалась с ним и отцом. И он думал о том, как им сейчас трудно одним. Да и живы ли они? Еще с весны Деникин занял Донбасс, и сообщение с домом прервалось. Письмо это привез через фронт товарищ. Неизвестно, как еще и жизнь повернется. Может, он и дома своего больше никогда не увидит... Он так задумался, что Сашеньке пришлось тронуть его за плечо.

— Ну что ж, раз дело такое, придется теперь и нам

тебя Митькой звать, — усмехнулся солдат. — А фамилия твоя как?

— Лопатин мое фамилие. А у дедов было другое, — сказал Митька. — В пятом году батя новую фамилию купил.

— Зачем это? — удивился солдат.

— Видать, надо было.

— А как дедов твоих фамилия?

— Рубайло.

— Как?

— Рубайло... Чего скалишься? — Митька нахмурился. — Я верно говорю. Я и сам сознаю, что чудное фамилие: Рубайло! Гм... Видать, кто-то с моих дедов-сечевиков здорово рубал. Факт, а не реклама! У нас на Донбассе многие обитают с такими фамилиями: Рубайло, Догоняйло, Перебийнос, Белокрыс, Торба, Сова, Ручка, — загибая пальцы, начал перечислять он. — Ну и так и дальше. Все эти люди, как я понимаю, от сечевиков произошли.

— Это кто же такие сечевики? — спросил солдат.

— Было такое вольное войско. Запорожцы, или сечевики, назывались. Турков, татар воевали, польских панов рубали, — пояснил Митька.

— Да ты видал их, что ль?

— Видать не видал... Дед мне сказывал. Давно это было. А потом Екатерина, царица, может, слыхал? — осерчала чего-сь на тех запорожцев да и повыселяла их на Кубань. Еще в песне:

> Катерина, вражья баба,
> Що ты наробила?
> Край широкий, край веселый
> Тай занапастила... —

неожиданно пропел он таким густым басом, что солдат невольно подвинулся, а толстая баба снова проснулась, разиня рот уставилась на него, а потом, перекрестившись, плюнула и сказала:

— Тьфу! Нечистая сила! Ну и ревет! Чисто бугай!

— Не слыхал? Есть такая песня, — сказал Митька, пропустив замечание бабы мимо ушей. — Наши хлопцы эту песню до се спевают. Да. Часть запорожцев на Донбассе села, а остальные ушли на Кубань. Вот с тех пор и пошли от них кубанские казаки. Ну а наши, которые по эту сторону Дона пооставались, те теперь больше

шахтеры. Вот и мы с батей тоже шахтеры. Вместе с ним служили в четвертой дивизии у геройского начдива товарища Городовикова Оки Ивановича. Батю-то убили под Черным Яром. Я один остался. И дома не знают, что батя убитый. У Оки Ивановича много наших шахтеров, ну и калмыков и казаков тоже.

— А разве казаки у красных служат? — удивился солдат.

— А как же! Которые сознательные, те все у Семена Михайловича. У меня среди них дружок есть, Харламов. Вот рубает! Как секанет, так до самого седла развалит. Он мне жизнь спас, как под Ляпичевом бились с генералом Толкушкиным. Меня в том бою поранили. Вот сюда и сюда, — Митька показал на грудь и на ногу. — Сколько время в госпитале лежал... Ну, теперь скоро повидаю ребят.

— Соскучился, значит, по своим?

— Три месяца не видался.

— Та-ак... А седло зачем?

— У нас так уж заведено: как в госпиталь, так и седло с собой берешь, чтобы не пропало, а легко раненный и оружие берет. Другой такой буденновец лежит, а у него под койкой и седло и шашка с винтовкой, а под подушкой гранаты, ну и другая всякая разная мелочь, — пояснил Митька.

— Непорядок это, — строго заметил солдат. — А врачи чего смотрят?

Митька усмехнулся и подправил под кубанку упавший на нос задорный вихор.

— Что врачи! Врачи нашего брата шибко уважают. Один меня все порошками кормил. Горькими. Надоедал, покуда я ему шутя гранатой не погрозился, ну, а... — Митька не договорил.

За окнами полыхнула яркая зарница. Заглушая звуки идущего поезда, прокатился тяжелый грохот.

Они переглянулись и посмотрели в окно. В мутной мгле трепетало огромное зарево.

— Это он, гад, Мамонтов, — скрипнув зубами, сказал солдат.

Митька с удивлением посмотрел на него:

— Ну? Откуда ему здесь быть?

— Да я его вот как видел, — солдат показал рукой. — Совсем рядом проехал. А разве ты его не видел?

— Я ж под вагоном лежал. Да нет, может, ты обознался?

— Я его знаю.

Митька в раздумье покачал головой:

— А я думал — Шкуро. Там, на станции, шкуровцы были. Волчья сотня. У них на рукавах знаки такие... Ну, раз Мамонтов здесь, то, как пить дать, Семен Михайлович где-то поблизости. Эх, кабы знать!

— А кто такой Семен Михайлович, Митя? — спросила Сашенька.

У Митьки брови полезли на лоб.

— Эва! Старое дело — новый протокол! А? Семена Михайловича не знает! Чудно́! Да ты что, с неба свалилась?

— А откуда ей знать? — резонно заметил солдат.

— Семен Михайлович Буденный есть командир нашего конного корпуса! — бойко отчеканил Митька. — Да мы с ним, с Семеном Михайловичем, сколько уж раз этого Мамонтова гоняли и били. И того, что меня поранил, генерала Толкушкина, тоже лупили. — Он провел рукой по верхней губе, на которой усов еще не было. — Семен Михайлович тогда самолично Толкушкина в речку загнал. Толкушкин-то коня бросил и в камыши убежал. А Семен Михайлович коня его словил и себе взял. Добрый конь! Казбеком звать. Так теперь и ездит на нем... А меня акурат в том бою и поранили.

Митька замолчал, вытащил из кармана кисет с махоркой и, сильно волнуясь, чего почти никогда с ним не случалось, стал крутить папироску.

— А я, товарищ, пожалуй, на следующей остановке сойду, — сказал он солдату.

— Зачем?

— Чую, что Семен Михайлович где-то поблизости.

— Уверен?

— А как же!

— Смотри, к Мамонтову не попади.

— Не таковский.

Зарево за окном разгоралось все шире, колыхаясь и охватывая горизонт. Временами ослепительным фейерверком взлетали в небо яркие брызги огня, и тогда раскатывался глухой, потрясающий окрестности грохот.

4

В окно настойчиво постучали. Федя — он всегда спал одним глазом — проснулся и, вскочив с лавки, подбежал к окну.

— Кто? — спросил он.

— Я. Открой, Федя! — послышался голос Зотова. — Будите Семена Михайловича.

Хлопнув дверью, Федя выскочил в сенцы. В хате было темно. Адъютант торопливо чиркнул спичкой. Спичка зашипела, распространяя едкий смрад, загорелась синеньким огоньком. Адъютант зажег свечку и, быстро натянув сапоги, побежал будить командующего.

Следом за ним в горницу вошел Зотов.

Буденный, одетый, стоял у стола.

— Разрешите?.. Товарищ комкор, получен приказ, — сказал Зотов. — Мамонтов прорвался на Таловую. Корпусу приказано войти в преследование.

Буденный быстро взглянул на него.

— Вызови ко мне начдивов и комбригов, — сказал он спокойно.

— Уже послано, товарищ комкор.

Буденный посмотрел на часы. Было без четверти шесть. За окном начало светать.

В горницу входили командиры. Первыми в сопровождении комбригов пришли Тимошенко, начальник 6-й кавалерийской дивизии, и его комиссар Бахтуров. Следом за ними появился Городовиков с плетью в руке. Он был в серой смушковой папахе и кожаной куртке, перехваченной боевыми ремнями. Несколько позже вошли комбриги: толстый Маслак, с опухшим, хитроватым красным лицом, и Мироненко — донецкий шахтер, в прошлом уланский унтер-офицер, обладавший отменной дисциплинированностью и гвардейской выправкой. Маслак медведем пролез в уголок, тяжело сел на скрипнувший под ним табурет, сложил пухлые руки на большом животе и, помаргивая заплывшими глазками, приготовился слушать.

На совещании был вынесен один вопрос: приказ разбить Мамонтова.

Еще до совещания, когда Буденный прочел приказ, он сразу почувствовал, что на Центральном фронте назревают большие события и что уничтожение Мамонтова — это только начало широкой операции, задуманной командованием фронта. Вот почему, несмотря на то, что

корпус не успел пополниться боевыми припасами, Буденный все же решил немедленно выступить.

— Я думаю, товарищи, — говорил он, ознакомив собравшихся с задачей, возложенной на корпус, — я думаю, что с Мамонтовым мы быстро управимся. Били мы его под Царицыном, под Ольховкой и Дубовкой. В Дону купали. А теперь надо будет так его искупать, чтоб, как говорится, два раза окунуть, а один раз вытащить.

— Шоб душа с него вон! — пояснил с места Маслак.

— Плохо только, что мы остались без боеприпасов,— продолжал Буденный. — Семен Константинович, как у тебя со снарядами? — спросил он Тимошенко.

— На круг по десяти штук на орудие, Семен Михайлович, — сказал Тимошенко. — А что? Не в первый раз. Только бы до Мамонтова добраться, а там все найдем — и снаряды и патроны.

— И какава, — подхватил Маслак.

«Спирту тебе, а не какао!» — сердито подумал Зотов, вынимая гребень и неторопливо причесываясь.

— А у тебя, Городовиков? — спросил Буденный.

Начдив доложил, что у него во второй и третьей бригадах имеется по половине боевого комплекта на пушку, а в первой бригаде, у Маслака, почти все снаряды расстреляны.

— А патроны?

— Плохие дела с патронами, Семен Михайлович, — сказал Городовиков. — По пять-шесть штук на винтовку.

— А на шо нам патроны? Чи мы пехота? Шашками порубаемо, — заметил Маслак.

— Помолчи, Маслак, — сердито сказал Буденный.— Будешь говорить, когда спросят... Ну, для меня картина ясна, — продолжал он, помолчав. — Городовиков, передай Тимошенко сотню снарядов... Помогать товарищу надо, — сказал он, заметив на лице Городовикова выражение неудовольствия. — Сегодня ты ему снарядов, а завтра он тебе чем другим поможет. Да... Ну, вот как будто и все. Кто хочет сказать?

— Я хочу сказать не по существу поставленной корпусу задачи — этот вопрос абсолютно ясен, — начал Бахтуров, — а по поводу некоторых замеченных мною дефектов.

— Ну, ну! — сказал Буденный.

— Так вот, некоторые из нас забывают о том высоком назначении, которое выполняет Рабоче-Крестьянская

Красная Армия, — продолжал Бахтуров. Его красивое, чисто выбритое, сильное лицо покраснело от гнева. — Забывают об этом высоком назначении и позорят свое звание.

— Ты говори прямо — кто? — спросил Буденный.

— Я имею в виду Маслака. Вчера почти всю бригаду напоил.

— Ну и шо? Погуляли хлопцы — и баста! Хиба ж это плохо? — заметил Маслак, пожимая плечами.

— Погуляли? А две скирды сена кто растащил?

— Так коням скормили. Все одно народное достояние!

— Странная у тебя логика, Маслак... А потом вот старики приходили, жаловались. Кто у тебя к попу в постель забрался?

— Ну боец один. Так он не виноватый! На той койке, у колидори, раньше дивчина спала. А он, боец, прийшов ночью. Темно. Пошукал рукой, видит — волос длинный. Ну и забрався. Я это дило добре расследував. Знаю. Поп сам виноватый, шо у колидори лег спать!

— Следовательно, ты считаешь, что у тебя все в порядке?

— А шо?

— А то, друг, что у тебя, куда ни посмотришь, дефекты!

Маслак поднялся с табурета. Его полная шея покраснела, налилась кровью.

— И чего до мене уси чипляются? — захрипел он, багровея. — Дехвекты! Я и сам знаю, что у бригади есть отрицательные дехвекты. А ты за положительные дехвекты скажи! Хто у Попова батарею забрав? Я! Хто охвицерский полк порубав? Я!

— Я вижу, что ты не хочешь меня понять, Маслак, — спокойно продолжал Бахтуров. — Я замещаю заболевшего политкома корпуса. Следовательно, ты обязан принять к немедленному исполнению все то, что я тебе сказал. Запомни, что при первом же замечании я поставлю вопрос о снятии тебя с бригады. Говорю это тебе как представитель партии большевиков. Так что имей это в виду.

— Так! Все понятно! — Буденный, нахмурившись, постучал по столу. — Садись, Маслак, и помни, что если только допустишь еще подобное безобразие, то трибунал. Два раза я не люблю говорить. Ты меня знаешь.

Маслак засопел и, ворча что-то, уселся на табурет.

Дверь скрипнула. В горницу вошел адъютант.

— Товарищ комкор, — обратился он к Буденному.— Дундич прибыл из разведки. Просил принять.

— Дундич? — Буденный весело взглянул на Бахтурова. — Гляди-ка! А? Как по заказу! Ловок! Зови его скорей!

Адъютант открыл дверь и пропустил быстро вошедшего Дундича, который, храня строгое выражение на загорелом лице, остановился у стола напротив Буденного. На нем была сдвинутая набок серая кубанка, открывавшая высокий чистый лоб с падавшими на него потными завитками темных волос, забрызганная грязью кожаная куртка и краповые * бриджи, туго перехваченные ниже колен высокими сапогами со шпорами.

Собравшиеся, умолкнув, приветливо смотрели на Дундича. Лишь завистливый Маслак со скрытой враждой исподлобья глядел на него.

— Ну, рассказывай, Иван Антонович, — обратился к Дундичу Буденный, величая его по-конармейски.

При общем молчании Дундич доложил об исполнении возложенной на него задачи. Обнаружив у хутора Зимняцкого движение больших конных масс противника в северном направлении, он увязался за ним и установил, что имеет дело с корпусом Мамонтова. В корпусе до шести тысяч сабель при восьми четырехорудийных батареях. Но — и это самое главное — несколько дней тому назад в этом же направлении прошли какие-то другие конные части противника еще большей численности.

«Кто бы это мог быть?» — подумал Буденный. Он с немым вопросом посмотрел на Дундича.

Дундич пожал плечами.

— А откуда ты узнал, что видел Мамонтова? — спросил Буденный.

— От зороблянника... От пленного! — быстро поправился Дундич.

— Где он?

— Не хотел пойти. Понимаете?

— У тебя потери есть?

— Нет, товарищ комкор. Только трофеи.

— Ну, ловок! — сказал Буденный.

Он, перегнувшись через стол, пошептался о чем-то

* Краповые — темно-красные.

с Бахтуровым, потом поднялся, объявил совещание закрытым и приказал начдивам приготовиться к выступлению.

5

Застилая даль мокрым туманом, сеял мелкий надоедливый дождь. Лошади скользили по раскисшей дороге, спотыкались, месили копытами вязкую глину. Медленно тянулись залепленные грязью по ступицы пулеметные тачанки и пушки. Ездовые скрепя сердце секли плетьми выбившихся из сил лошадей.

Подойдя к месту ночлега, Харламов, мокрый до нитки, приглядывал хату. К нему подошел казачонок в нахлобученной на уши старой фуражке.

— Вы что, дядька, красные? — спросил он, поддернув длинные, не по росту, подвернутые и замызганные снизу штаны.

— Красные. — Харламов выжидающе посмотрел на него. — А что тебе надо?

— Бандюк у нас. Тетку ограбил и к нам забежал.

— А где ваша халупа?

— Эвон, с краю.

Харламов крикнул Меркулова, того самого, с которым брал батарею, немолодого, степенного на вид казака, и они, предводимые казачонком, ведя лошадей в поводу, пошли по улице.

Когда они вошли в хату, там уже полно набилось народу.

Толстый, как кабан, рыжий детина в новенькой генеральской шинели на красной подкладке, которая была почти одного цвета с его широким потным лицом, ощерясь и бегая мышиными глазками, тянул из рук молодого бойца в рваной шинели брезентовый патронташ. Несколько бойцов с любопытством смотрели на эту картину.

— Давай пусти! — хрипел мироновец. — Я ж говорю: ничего тута нет. — Он с усилием тряхнул головой, отчего щегольская кубанка сдвинулась на затылок, открыв ловко зачесанный чубик.

— Чего ты с ним канителишься? — крикнул Харламов красноармейцу в рваной шинели. — Вдарь ему по-бойцовски! Ишь мурло наел! Барахольщик!

— Какой я такой барахольщик! Я в жись ничего чу-

жого не брал! — со слезами крикнул мироновец, продолжая изо всех сил тянуть к себе патронташ.

— А ну, граждане, как у вас? И что у вас? — послышался в хате знакомый насмешливый голос.

Харламов оглянулся.

В дверях стоял Митька Лопатин с осунувшимся, но, как всегда, веселым лицом. На плече у него лежало перевязанное веревкой седло.

— Тю-ю! Митька!

— Лопатин!

— Здорово, дружок!

— Здорово, ребята, — важно сказал Митька. Он бережно положил седло на лавку. — Ух, упарился! Я ее, окаянную силу, — кивнул он на седло, — на себе пеший пер. Пятьдесят верст отшлепал по этакой-то грязи. Все копыта отбил. Было пропал за нее.

— Ты как попал сюда, Митька? — спросил Меркулов.

— Ехал поездом с госпиталя. Крестника видел.

— Какого?

— Мамонтова.

— Ну?

— Ага! Он, гадюка, Таловую спалил... Ну, думаю, раз он здесь, так и Семен Михайлович где-то поблизости. И вот, как в воду смотрел, не ошибся. А вы, ребята, чего тут делаете?

— А вот мироновского барахольщика поймали, — сказал боец в рваной шинели.

Митька подмигнул Харламову, придвинулся к мироновцу и в упор взглянул на него.

— А-а, знаем мы вас, были вы у нас — самовара не стало, — сказал он насмешливо.

— Ты, и верно, знаешь его? — поинтересовался Харламов.

— Встречались... — пояснил Митька. — Давайте-ка я его потрясу. А ну, ребята, держите его.

Митька ловко стал шарить по глубоким карманам бандита, выкладывая на стол золотые часы, браслеты и кольца. Потом он раскрыл патронташ и вытряхнул из него какие-то золотые комочки.

— Эге!.. А ты, видать, парень запасливый, — сказал он, усмехнувшись. — Эвон сколько на старость зубов приберег! Да тут их на целый взвод хватит.

— Это ты где, гад, награбил? — спросил Харламов, с

искаженным лицом подступая к мироновцу. — Ну? Говори!

— А чего говорить? Так и вовек не забогатеешь, ежели временем этим не пользоваться, — сказал бандит, не глядя на него.

— Не забогатеешь? Так ты, стало быть, шел в Красную Армию за богачеством?

— Вы вот что, ребята, берите себе половину и пустите меня, — сказал мироновец таким тоном, словно этот вопрос был уже твердо решен между ними.

Харламов подвинулся к нему. Ноздри его гневно вздрогнули.

— Да ты что, по себе всех меряешь? — заговорил он, багровея. — Ты думаешь, всех можно купить? Мы жизнью для победы рискуем и даже вовсе об этом не помышляем, а ты, гад, что нам предлагаешь? Эх, не привык я лежачего бить. Да и рук не хочу марать о такую заразу. А ну, братва, пошли до сборного места. Там ужо разберутся.

— Стойте, ребята, — сказал Митька. — У меня есть предложение. Вон у Черняка шинель вовсе худая. Надо бы ему заменить. А? Как с вашей точки?

— Да ты, Митька, сам бы сменял. Гляди, какой рваный, — сказал Меркулов.

— Ничего, я покуда так похожу.

— Ну что ж, нехай Черняк берет, — сказал один из бойцов. — Бери все. Вон галифе какие, да и сапоги хорошие.

— Бери, бери, Черняк. Носи на здоровье, — поддержали голоса.

— А ну, раздевайся! — твердо сказал Митька мироновцу.

Бандит, бешено взглянув на него, хрипло спросил:

— А я как же буду?

— На том свете ты и так походишь, — успокоил Митька. — Там, говорят, одежда без надобности...

Спустя некоторое время они гурьбой вышли из хаты. Дождь перестал. Тучи рассеялись, и в чистом небе светило осеннее, но еще яркое солнце. Быстро подсыхала дорога. На окраине хутора штаб-трубач играл сбор. Звуки сигнальной трубы все настойчивее неслись над станицей. Оказалось, что в конный корпус примчались два разведчика из 56-й стрелковой дивизии, подвергшейся внезапному нападению со стороны крупной группы войск генерала Савельева. Дивизия, потерявшая ранеными

командира и комиссара, оставила город Калач, что под Бутурлиновкой, и с боем отходит на север.

Прикинув на карте, Буденный увидел, что дальнейшее продвижение белых поставит под угрозу правый фланг 9-й красной армии. Поэтому он решил временно сойти со своего направления и спешно двинуться на помощь отходившей пехоте.

Покормив лошадей, конный корпус направился к Калачу. Впереди двигалась 4-я дивизия.

Солнце начинало садиться. Нанося горьковатый запах полыни, с юга поддувал теплый ветер. По обе стороны раскинулась почерневшая степь с холмами и балками. В них, издали и не заметишь, можно было упрятать дивизию.

Дундич ехал рядом со своим помощником Северьяновым, только что прибывшим с командных курсов молодым рослым командиром, и рассказывал ему о том, как весной этого года Буденный, командуя тогда еще дивизией, разбил в одном бою крупную конную группу противника в составе семнадцати полков. Это произошло в первых числах мая, когда Буденный, отходя из-под Батайска, переправился через Маныч и остановился на ночлег в хуторе Веселом. Едва успели расположиться, как поступило сообщение, что со стороны хутора Хомутовского, что на Маныче, движутся большие массы белой конницы.

— Тогда Семен Михайлович собрал нас, командиров, — рассказывал Дундич, — и говорит: «Если они, то есть белые, не дураки, то будут наступать на нас в лоб с одновременным обходом нашего левого фланга. Ждать их мы не будем, а выйдем навстречу и разобьем по частям. В колонне не курить и не разговаривать».

По рассказу Дундича, все произошло так, как и предполагал Буденный. Вскоре мимо укрывшейся в балке 4-й дивизии резво пронеслась разведка белых, потом солидно прошел авангард, и, наконец, показались главные силы. Это были части генерала Улагая, обходившие хутор. Всадники ехали, как сонные куры, и, опустив головы, спали в седлах. Тогда и последовала та стремительная атака, после которой белые вынуждены были отказаться от обхода тыла 10-й красной армии. Буденновцы гнали их и рубили почти до самого Маныча. В это время сперва послышалась сильная артиллерийская канонада. Это генерал Шатилло, наступавший в лоб на хутор Веселый, открыл беглый огонь по уже пустому месту. Буден-

ный повернул полки левым плечом и обрушил их с тыла на генерала Шатилло. У белых произошла невероятная паника. Они шарахнулись в степь и в рассветных сумерках наскочили на части 30-й стрелковой дивизии красных, встретившей их пулеметным огнем. Получился полный разгром.

— А почему Шатилло не оказал вам противодействия? — спросил Северьянов, все время внимательно слушавший Дундича.

Дундич быстро взглянул на него, а сам подумал: «Молодой. Зелен еще».

— Пройдет несколько дней, и вы не зададите мне такого вопроса, — сказал он с улыбкой. — Вы еще не знаете, что такое внезапная кавалерийская атака. Это смерч, ураган, сметающий все на пути... Конечно, если атаковать изготовившуюся к бою стойкую пехоту с пулеметами, то от этого смерча, пожалуй, ничего не останется. Но вряд ли найдется сумасброд, способный на это...

Некоторое время они ехали молча. Дундич хмурил лоб, вспоминая погибших товарищей.

Словно читая его мысли, Северьянов спросил:

— Товарищ командир, скажите, пожалуйста, много ли у вас осталось старых бойцов?

— Кого вы имеете в виду? — спросил Дундич, несколько пораженный вопросом.

— Тех, которых, говорят, вы привели из Одессы.

— Четырнадцать человек.

— А сколько их было?

— Сто пятьдесят.

На круглом лице Северьянова появилось удивленное выражение.

— Неужели такие потери? — спросил он, словно не веря.

— А что вы хотите? Второй год мы находимся в почти беспрерывных боях. Кто убит, кто ранен, — сказал Дундич, оглядываясь на Хабзу, громко спорившего о чем-то с Харламовым.

Издали донесся колеблющий воздух басистый грохот. Колонна тронулась рысью. Послышались чавкающие звуки месивших грязь конских копыт. Ехавший стороной курносый парнишка, недавно поступивший учеником в трубачи, неумело заболтался, запрыгал в седле.

— Эй, пацан, спину коню набьешь! — крикнул Харламов. — Сидишь, как кот на заборе!

Трубачонок, видимо не понимая, что ему говорили, повернулся к рядам.

— Што твоя сидим на забора?! — закричал Хабза. — Спина мало-мало ломал!

Впереди послышались частые звуки пушечных выстрелов, и Дундич увидел, как голова колонны, свертывая с дороги, скрывалась в балке. Он успел также заметить, что ехавший впереди Буденный поднялся на пригорок и стал смотреть в бинокль.

Буденному было хорошо видно, как по омытой дождями бурой равнине темными пятнами передвигались войска. Там, где золотилось, отражая последние лучи, колено извилистой речки, скакали галопом батарейные запряжки, казавшиеся отсюда совсем крошечными. Правее и верстах в двух впереди от того места, на котором остановился Буденный, по узкой балке скрытно двигалась конница. Это была шедшая в авангарде первая бригада 4-й дивизии. Еще дальше виднелись черные цепи отходившей пехоты.

«Молодцы!» — думал Буденный, видя, как пехотинцы спокойно, без суеты ложились, отстреливались, вновь поднимались и отходили поротно.

— Ну, как там, Семен Михайлович? — спросил позади подъехавший Городовиков.

Буденный, не отвечая, следил за боем. Его внимание привлекла появившаяся влево у реки большая колонна конницы. Это были белогвардейцы. Они шли рысью, свертывая в степь. Этого момента и ждал Буденный. Теперь он ясно видел, что противник хочет нанести главный удар во фланг пехоты. Городовиков, получивший приказ атаковать конницу противника, помчался к дивизии.

Вскоре полки, развертываясь в лаву, скрытно вышли на равнину. Белые заметили их слишком поздно. Ничто не могло остановить внезапной атаки. Вихревым веером выскочили в сторону тачанки. Выкатились вперед броневики автоотряда. Под бодрый перестук пулеметов буденновцы с ходу врубились в колонну белогвардейцев и на их плечах ворвались в Калач. Но тут стоявший в резерве офицерский полк открыл залповый огонь по атакующим. Завязался уличный бой.

Дундич в пылу схватки оторвался от своих. Он скакал в глубину улицы, где рубились какие-то всадники. Мимо него промчались туда же Харламов и Митька Лопатин. Подскакав ближе, Дундич увидел мелькнувшее перед ним

знакомое лицо белого офицера с черной наглазной повязкой. Он послал своего коня на Красавина, но тот при виде Дундича направил лошадь через плетень и погнал ее огородами. Дундич не отставал от него. Занося шашку и клонясь на стремя, он с поразительной ясностью видел крупную родинку на щеке сотника и уже примеривался к удару.

— Сдавайся! — крикнул Дундич.

Красавин оглянулся. В эту минуту позади грянул выстрел, и Дундич вместе с лошадью рухнул на землю. Мимо него пронеслись белогвардейцы с желтыми наискось лентами на черных кубанках. Дундич вскочил. Белые повертывали лошадей и подъезжали к нему. Первого он тут же свалил выстрелом из револьвера. Другой, горбоносый, взмахнув шашкой, бросился на него, но, получив пулю в грудь, вывалился из седла. Остальные — их было пять-шесть человек — спешились и спрятались за копной. Дундич прилег за убитую лошадь.

— Сдавайтесь, князь Шурихан! — насмешливо крикнул ему сотник Красавин.

— Сейчас! — хрипло сказал Дундич. — Сейчас... — он осмотрел револьвер. В барабане оставалось два патрона. Больше у него не было. Он мог сделать один выстрел. Последний патрон он оставлял для себя. Белые притихли. Дундич приподнялся, и тут же выстрел сбил шапку с его головы. Из рассеченного лба брызнула кровь. Он зажал рукой рану и вдруг услышал громкие, полные ярости крики. С поля бежали какие-то пестро одетые люди. Плечистый парень без шапки, тяжело дыша, набежал на него и замахнулся дубиной.

— Белый, гад?! — спросил он, готовясь обрушить страшный удар.

— Красный! — спокойно отвечал Дундич. — Вон они, белые, — он показал в сторону копны. Из-за нее появлялись по одному всадники в бурках. Пригнувшись в седлах, они мчались в степь.

— Тишка! Ты чего там? — крикнул плечистому парню старик с вилами.

— Тут, дядя Яков, товарищ пораненный, — отвечал парень. Он поднял кубанку Дундича с красной звездой и вертел ее в руках. Видимо, ему очень хотелось напялить ее на себя.

Старик подошел и посмотрел на Дундича с невольным почтением.

— Здравствуйте, — сказал он, перекладывая вилы в левую руку и снимая меховой малахай.

— Кто вы, добрые люди? — спросил Дундич.

— Мы-то? — старик усмехнулся. — А хрестьяне тутошние. Мужики... Вот теперича, значит, товарищам помогаем, красным армейцам. Я, значит, за командира.

— Что, видно, белые здорово вам насолили? — спросил Дундич.

— Они тут покомандовали... Всех наших баб, девчат перепортили. Зерно коням стравили. Всех курей порезали. Все как есть перетрясли... А, да что толковать! Белый, он белый и есть... Ты что, товарищ? Гляди, как кровь бежит! Тебе бы пособие оказать?

— Ничего не надо, — сказал Дундич. — Пустяки. Немного царапнуло. Так подсохнет.

— Ну, в таком случае бывайте здоровы! Нам воевать надо... Эй, робяты! Айда-те за мной! — крикнул старик, повернувшись к толпе.

Парни, бородатые мужики и подростки, кто с вилами, кто с дробовиком, кто с дубиной, повалили за дядей Яковом, который стариковской побежкой повел их к городской площади, откуда доносилась ружейная перестрелка...

Темнело. Где-то на окраине все реже постукивали отдельные выстрелы. Скоротечный бой заканчивался. Дундич стоял, привалившись к копне, и ругал себя за то, что увлекся преследованием Красавина и оставил бойцов. Да, собственно, был ли он виноват? Схватка раскололась на мелкие поединки, и бойцы дрались один на один, как это часто бывает в кавалерийском бою. Но Дундича беспокоила мысль — куда делся его ординарец Алеша, молодой терский казак, никогда не покидавший его? На этот раз он где-то отстал...

В темневшем небе загорелась, замерцала, как искорка, золотистая звездочка. Дундич смотрел на нее, а сам думал о том, как Катя сравнивала жизнь с горевшей звездой... Одна горит ярко, другая тускло, третья гаснет, не догорев до конца. «Вот и Катина звездочка угасла без времени, — думал Дундич. — А долго ли еще гореть моей? Долго, — тут же сказал он себе. — Я должен еще описать все эти события», — решил он, вновь вспоминая погибших товарищей.

Вблизи послышались звуки перекликающихся голосов. Дундичу показалось, что он слышит голос Дерпы. Он не ошибся.

— Вот он, наш командир! — весело объявил Дерпа, подъезжая к нему и слезая с лошади. — Как живы-здоровы?

— Алешу не видели? — спросил Дундич.

— Живой... Коня под ним подвалили, — отвечал Дерпа, не замечая еще, что в нескольких шагах лежит лошадь Дундича. — Товарищ командир, — продолжал он, — мы тут генерала поймали. Только какой-то он квелый. Вроде и не похожий на генерала. И старый совсем.

— Где он? — спросил Дундич, оглядываясь.

— А вон ведут, — показал Дерпа.

Харламов и Митька Лопатин конвоировали генерала с окладистой седой бородой.

— Кто вы? — спросил Дундич, когда пленного поставили перед ним.

— Генерал-лейтенант Хельмицкий, — ответил старик, делая слабую попытку поднять руку к фуражке. — Интендант группы войск генерала Савельева.

— Хельмицкий? — Дундич с любопытством смотрел на него.— Постойте, это вы командовали третьей донской дивизией на германском фронте в шестнадцатом году?

— Я... Послушайте, молодой человек,— продолжал генерал. — Я даю вам честное слово русского офицера, что нахожусь в этой кампании по принуждению. Я мобилизован, несмотря на все мое нежелание. И поверьте, что вся эта история мне не по душе. Да. Хотите — верьте, хотите — нет. Ваше дело. Можете меня расстрелять. Я готов.

Дундич пожал плечами.

— Я не волен расстреливать пленного, генерал, — сказал он. — Мне придется отправить вас в штаб. И если вы дадите мне слово не пытаться бежать, то я дам вам лошадь.

— Мне? Бежать? — Хельмицкий усмехнулся. — Нет, я уже давно отбегался. А слово я даю. Оно у меня крепкое... Кстати, как приятно иметь дело с благородным человеком. Вы офицер?

— Я красный командир, генерал, — холодно сказал Дундич. — Извольте отправляться. — Он подозвал Дерпу и приказал ему сопровождать Хельмицкого в штаб.

Если Буденный был доволен боевыми действиями рядовых бойцов и командиров 56-й стрелковой дивизии, то

нельзя было сказать, что он доволен высшим командованием. Верно, командир и комиссар дивизии выбыли из строя еще в самом начале боя, но оставался начальник штаба. И теперь он стоял перед столом, за которым сидел Буденный, и, при каждом слове пощелкивая каблуками, старался доказать, что отступление с занимаемого дивизией участка явилось прямой необходимостью.

— Да бросьте вы мне голову морочить! — сердито возражал Буденный, похлопывая по столу широкой ладонью. — Я бы, прямо сказать, на такой позиции сидел до второго пришествия! А вы что сделали? Побежали! Отступили! А что, если б мы вас не выручили? Чем это могло кончиться? А? Я вас спрашиваю?!

— Катастрофой, — вставил Бахтуров.

— Правильно. Катастрофой, — подтвердил Буденный. — Вы бы открыли фронт и дали возможность генералу Савельеву соединиться с Мамонтовым. Правильно я говорю? Эх вы, вояки! — Буденный сердито посмотрел на начштаба, который, молча клонясь вперед, с виноватым видом придерживал руки по швам. — Ну, вот что, друзья, мы помогли вам восстановить положение. Теперь стойте тут до последнего. А то я вернусь и поснимаю с вас головы!..

За окнами, где во мраке лил сильный дождь, послышались голоса. Кто-то спрашивал, где находится штаб. Потом в сенцах застучали шаги, и, спросив разрешения, вошел пожилой казак в мокром брезентовом плаще с капюшоном.

— Ваше превосходительство... — он осекся и побледнел, увидев красную звезду на папахе Буденного.

— Ты кто? Откуда? — спокойно спросил Буденный, делая знак Зотову.

Тот подошел и встал позади казака.

— Погоди... Так что же это, братцы? — казак пошатнулся. — Красные, значица?.. Мать моя, царица небесная, — прошептал он с растерянным видом.

— Ты что, с донесением? — спросил Зотов.

— Так точно, — неуверенно ответил казак.

— Давай его сюда, — сказал твердо Буденный.

Казак откинул капюшон, снял фуражку и вынул из нее донесение.

— Прочти, Степан Андреевич, что они там пишут,— сказал Буденный Зотову, который вместе с Бахтуровым быстро разоружил казака.

В донесении, адресованном на имя генерала Савельева, сообщалось, что части конного корпуса Мамонтова в восемь часов вечера прошли через расположение 8-й гундоровской дивизии генерала Гусельщикова и двинулись в общем направлении на станцию Таловая.

— Ну, спасибо за сообщение, — сказал Буденный, посмеиваясь. — У нас это давно известно.

Бахтуров сделал движение. По его красивому лицу прошло выражение догадки.

— Семен Михайлович, — сказал он, — знаете что? Мне кажется, мы так неожиданно попали сюда, что они еще долго будут поддерживать связь с Калачом?

— А что? Конечно, будут! — Буденный повернулся к Зотову. — Степан Андреевич, организуй прием донесений. И так организуй, чтобы ни один связной не ушел...

— Слушаю, товарищ комкор, — Зотов звякнул шпорами. — А что прикажете делать с генералом?

— Так я же сказал — отправить его в штаб фронта, когда наладится связь.

— Хорошо сказать — отправить, — тихо заворчал Зотов. — Он же по дороге дуба даст. Помрет.

— Чего ты бурчишь? — спросил Буденный.

— Не доживет он до отправки, — сказал Зотов, нахмурившись. — Заболел. Лихорадка трясет.

— Ну и что же ты предлагаешь?

— Да я бы пустил его к богу в рай... Пусть идет куда хочет.

— Гм... Нет, так нельзя. — Буденный бросил взгляд на Бахтурова. — Как твое мнение, Павел Васильевич?

— Мое мнение? — Бахтуров пожал плечами. — Я бы первым долгом напоил его горячим. А там видно будет.

— Правильно, — согласился Буденный. — Пусть его накормят. А потом я с ним разберусь. — Он покряхтел, словно извинял себе слабость к старому человеку...

К рассвету было перехвачено тринадцать донесений, полностью подтверждавших предположение Буденного, что группа генерала Савельева должна была соединиться с Мамонтовым для совместных действий во фланг и тыл 9-й красной армии. Кроме того, Буденный узнал, что конный корпус Шкуро прошел город Бобров и находится в движении на Воронеж. Все это говорило о том, что белая конница готовится к сокрушительному удару в тыл

Южного фронта. Поэтому Буденный отдал приказ о немедленном выступлении на Таловую, в районе которой он надеялся перехватить Мамонтова.

Наутро конный корпус построился на северной окраине Калача и переменным аллюром двинулся в северном направлении.

6

В большом купе салон-вагона при свете свечи сидели за столом два человека. Один из них, сутуловатый, в полковничьих погонах, говорил низким уверенным голосом, положив большие волосатые руки на стол. Другой, седоватый капитан, молча слушал его с сосредоточенным выражением на старом лице.

— Сейчас мы переживаем наиболее острый момент,— веско говорил полковник. — Мы подходим к Москве и должны быть чрезвычайно осторожны в высказывании своих истинных взглядов. Мы не предрешаем ни будущего государственного устройства, ни путей и способов, коими русский народ объявит свою волю. Вот какая позиция должна быть сейчас у нашей печати, Алексей Николаевич. Это установка верховного командования, и тебе как новому начальнику Освага * надлежит руководствоваться ею. — Полковник развернул лежавшую на столе газету и, взяв красный карандаш, подчеркнул один из подзаголовков. — Тебе знакома эта статья? — спросил он, нахмурившись.

Капитан приподнялся на стуле и, прищурив глаза, заглянул в газету.

— Читал, — сказал он.

— Читал... Ты, капитан, новый человек в Осваге, поэтому на первый раз попрошу тебя передать этому прохвосту и дураку — редактору газеты, что если он еще раз осмелится без моего ведома напечатать что-либо подобное «Скорби о белом царе», то я публично выдеру его шомполами, а потом повешу на фонаре. Честное слово!.. Нет, ведь каков мерзавец! Он принес нам страшный вред. Знаешь, как господа либералы используют эту статью для своей агитации?

Полковник помолчал, выражая на своем полном лице

---

* Осведомительное агентство.

крайнее неудовольствие, потом вынул из кармана носовой платок, провел им по большому залысому лбу и продолжал:

— Будем смотреть правде в глаза: большинство — я имею в виду широкие народные массы — относится к нам с тревогой и ненавистью, меньшинство—с признанием и надеждой. Надо сделать так, чтобы все видели в нас своих избавителей. Цель оправдывает средства. Наполеон говорил, что он всегда готов был у нужного ему человека поцеловать любое место. Мне, как русскому офицеру, это, конечно, претит. Но что делать? Обстоятельства заставляют. «На войне все средства хороши», — сказал Клаузевиц. Вот именно: все для победы... Ну а когда мы возьмем и очистим Москву, — при этих словах у полковника нервически задергался живчик над глазом, — тогда мы заговорим во весь голос. Ты, Алексей Николаевич, знаешь меня не первый год. За учредилку умирать я не буду...

В коридоре послышались шаги. Кто-то шел, стуча каблуками.

— Генерал, — сказал полковник, прислушиваясь.

Шаги замерли напротив купе, дверь шумно раскрылась и вошел небольшой рыжеватый человек с щетинистыми усами, стриженный ежиком.

— Что, заняты? — спросил он отрывисто, скользя взглядом круглых и желтых, как у ястреба, глаз по вставшим перед ним офицерам.

— Никак нет, — сказал полковник. — Разрешите представить вам нового начальника Освага.

— Освага? — генерал недоброжелательно посмотрел на капитана. — Откуда прибыли?

— От генерала Сидорина, ваше превосходительство.

— Та-ак-с... Там у вас, в Осваге, капитан, собралась шайка-лейка, — сердито заговорил генерал, шевеля широкими ноздрями короткого носа. — Дамочки какие-сь там, барышни разные. Вот! По-моему, надо поразогнать эту компанию и набрать новых работников. Вы займитесь этим делом, господин капитан, а не то я сам до них доберусь, не будь я Шкурó! Вот... Полковник, вы, как освободитесь, зайдите ко мне, — неожиданно сбавив тон, произнес он общительно и, вильнув привешенным к башлыку пышным волчьим хвостом, скрылся за дверью.

— Видал, Алексей Николаевич? — тихо спросил полковник, смеясь одними глазами.

— Да-а... — протянул капитан. — А мне почему-то казалось, что он академик.

— Кто? Он? — Начштаба расхохотался. — Обыкновенный войсковой старшина. Ты, следовательно, не знаешь, как он попал в генералы.

— Нет. А как?

— Нажал на раду, погрозил кого-то повесить, ну рада и произвела его. В наши времена и не то может случиться, Алексей Николаевич.

— Да что ты говоришь! А я ведь считал... Помнится, в германскую войну был какой-то генерал Шкуро. Я думал, тот самый.

— Федот, да не тот... Но все же надо отдать ему справедливость: умеет себя держать. В Бонапарты, конечно, не годится, но есть такой, знаешь ли, оперативный полет мысли, — полковник, подняв руку, пошевелил пальцами, — и, главное, весьма авторитетен среди казаков, все же свой человек... У нас два таких лихача — он и Покровский. Тот тоже самопроизвелся.

— Позволь, а Мамонтов?

— Мамонтов? Ну, этот большого масштаба человек... Ну ладно, дорогой. Ты пока покури, а мне нужно к генералу.

Полковник взял со стола папку с бумагами и, блеснув аксельбантами, вышел в коридор.

Шкуро в позе Цезаря стоял за столом и на вопрос полковника: «Разрешите?» — сделал привычный жест, величественно махнув рукой вниз, словно допускал вошедшего к целованию ног.

Внутренне усмехнувшись, полковник подошел к столу.

— Ну, что у вас нового? — спросил Шкуро, взглянув на него снизу вверх.

— Получена директива генерала Сидорина, Андрей Григорьевич, — сказал начальник штаба.

Он неторопливо раскрыл папку и положил перед присевшим к столу генералом несколько скрепленных вместе листов с мелко напечатанным текстом.

— Чего они тут пишут? — спросил Шкуро, сдвинув рыжие брови.

— Это, изволите видеть, приказ нашему конному корпусу войти в подчинение генералу Мамонтову, который, по предположениям штаба армии, находится в движении на Воронеж... Только сначала надо его найти и вручить ему этот приказ.

— Та-ак-с... Мамонтову, значит, подчиняют, — Шкуро отложил директиву. — Ну, это я потом прочту. Тут что-то много написано...

— Андрей Григорьевич, получен приказ верховного главнокомандующего... — сказал начальник штаба.

Шкуро, насторожившись, быстро взглянул на него.

— Насчет чего?

— О запрещении расстрелов.

— Ну? Дайте сюда.

Начальник штаба вынул из папки и положил перед Шкуро напечатанный на машинке приказ.

— Вот это правильно, — заговорил генерал, читая текст. — Давно пора. Вполне одобряю и понимаю этот приказ так, как нужно. Нужно только вешать. Вот. Веревка — это, знаете... — Шкуро, не находя слов, пощелкал пальцами.

— Лучший аргумент психологического воздействия на массу, — подхватил начальник штаба.

— Вот-вот! Правильно говорите, полковник.

На столе резко зазвонил телефон.

Шкуро взял трубку.

— Да... Что, что? Как вы сказали?.. Орел? Очень хорошо... Благодарю вас, сотник.

Он положил трубку, откинулся в кресле и некоторое время молча смотрел в потолок. Потом, взглянув на начальника штаба, сказал весело:

— Всеволод Николаевич, наши войска взяли Орел!

Полное лицо начальника штаба расплылось в улыбке.

— Да что вы говорите, Андрей Григорьевич! Вот это удача! — сказал он, весь просияв.

Шкуро отодвинул кресло и, прихватив свечу, подошел к висевшей на стене карте. Взяв трехцветный флажок, он старательно переставил его на новое место.

— Ну, еще удар — и Москва, — заговорил он, помолчав. — В былое время всего восемь часов езды поездом. Да... Всеволод Николаевич, во исполнение приказа генерала Сидорина мы должны немедленно связаться с Мамонтовым. Хотел бы я знать, где он может находиться в настоящее время.

— Я докладывал вам, Андрей Григорьевич. По сведениям авиации, какие-то конные части сегодня прошли Бобров и движутся сюда, на Воронеж, — сказал начальник штаба.

— Ну да. Это Буденный. И мы как полагается встре-

тим его. А Мамонтов, я думаю, сидит где-нибудь в районе Калача или Бутурлиновки.

— А вы уверены, Андрей Григорьевич, в том, что именно Буденный идет на Воронеж?

— А кто же? Мамонтов не мог так быстро пройти в этот район. Давайте посылайте аэроплан. Скажите пилоту, пусть ищет Мамонтова в треугольнике Калач — Бутурлиновка— Таловая. Дайте ему для вручения Мамонтову копию приказа Сидорина.

— Слушаю. Когда прикажете послать аэроплан?

— Утром и посылайте. — Шкуро прошел к столу и уселся в кресло. — У вас больше ничего ко мне нет? — спросил он начальника штаба.

— Список, ваше превосходительство.

— Какой список?

— Список арестованных рабочих железнодорожных мастерских, заподозренных в симпатии к большевизму. Вы приказали вам доложить. Военно-полевой суд не принял никакого решения за недоказанностью обвинения.

— Та-ак-с! Давайте я посмотрю.

Генерал просмотрел список, обмакнул перо в чернильницу, подумав, подержал его на весу и твердым крупным почерком вывел: «Повесить. Шкуро».

Харламов и Митька Лопатин, высланные в боковой дозор, ехали рядом, стремя о стремя.

Лопатин, промерзший за последние дни до костей, грелся на солнышке, потягивался, весело посматривал по сторонам и улыбался.

— Чего ты все улыбаешься? — спросил Харламов, внимательно посмотрев на приятеля.

— Да все одного товарища вспоминаю.

— В юбке, что ль?

— Угадал... Эх, Степан, какая в поезде дивчина ехала! Умру — не забуду, — мечтательно заговорил Митька. — И до чего хороша! Волос — ну, скажи, золотой, а глаза синие-синие.

— Из каких она? — спросил Харламов.

— Учителева дочка. Ласковая да веселая такая. Вот как зажмурюсь, так и стоит перед глазами, будто живая. А потом...

Митька замолчал, поднял голову и прислушался, вгля-

дываясь в редкие курчавые облака. Там, в легкой синеве неба, раздавались тонкие звенящие звуки.

— Степан, слышишь, жужжит? — спросил он товарища.

— Ероплан! — вскрикнул Харламов.

— Где?

— А вон по-над облаком!

Высоко в небе летел биплан.

Колонна остановилась. В рядах спешно прятали красные значки и знамена.

Звенящие звуки перешли в грозный, воющий гул. Биплан, кружась над колонной, снижался.

Митька, задрав голову, следил за самолетом.

С пронзительным воем биплан летел вдоль колонны. Теперь отчетливо была видна черная голова смотревшего через борт пилота. В рядах на разные голоса что-то кричали, призывно махали фуражками, шапками и просто руками. Отлетев в сторону, биплан опустился; подпрыгивая, пробежал по степи и, чихнув мотором, остановился.

— Митька, даешь! — крикнул Харламов, послав лошадь с места в галоп.

Они поскакали к самолету.

Блеснув стеклами, пилот обеими руками снял с головы кожаный шлем.

— Касаки? — с акцентом спросил он Харламова, который, придерживая лежавшую поперек седла винтовку, настороженно смотрел на его сухое лицо.

— Казаки, — твердо сказал Харламов. — А ты кто такой?

— Олл райт! Хорошо! — Пилот осклабился, показав крупные желтые зубы, и вдруг, придав лицу смиренное выражение, осенил себя широким крестом. — Ай'м... ю... Ошен рад. Хай ду ю ду? Будьте здоровы!

— Здорово, — выжидающе сказал Харламов.

В стороне послышался быстрый конский топот.

Харламов оглянулся. В сопровождении ординарца к ним скакал Городовиков.

— Ну, в чем дело, ребята? — спросил он, подъезжая.

— Да вот какой-то прилетел, товарищ начдив. — Харламов показал винтовкой. — Вроде не русский.

— Мамонтовуесс? — спросил пилот, признав в Городовикове командира.

— Мамонтовцы, — подтвердил Ока Иванович.

— О, вери гуд! Я есть энглишь пилот, — радостно улыбаясь, заговорил англичанин. — Я имей... Как это русску говорит? Ага!.. Я имей пакет ту джонералл Мамонтов.

— А ну, бери его, ребята, — сказал Городовиков. — Абучимов! — позвал он ординарца. — Скачи к Семену Михайловичу. Передай — срочное дело!

— А ну, руки кверху! — крикнул Харламов, вскинув винтовку.

— Уай! — в ужасе ахнул пилот. — Вы буденновуесс? — Он откинулся назад, схватившись за борт кабины.

— А ну, вылазь! — грозно сказал Харламов, глядя в его побледневшее, с подрагивающими губами, сразу ставшее ему ненавистным лицо. — Оробел?.. Митька, держи моего коня. Я его так возьму.

Он быстро слез с лошади, бросился к англичанину, сгреб его в охапку и со словами: «Ну-ка! Кабы мне тебя не сломать!» — вытащил его из кабины и поставил на землю.

Весь съежившись и втянув голову в плечи, словно его охватил ледяной холод, пилот застыл с поднятыми руками.

— Митька, слазь! — распоряжался Харламов. — Обыщи его, а я постерегу. — Он угрожающе щелкнул затвором винтовки.

Митька спешился и, закинув поводья на руку, стал обыскивать летчика.

— Вот он, пакет, товарищ начдив, — сказал он, вынимая из бокового кармана комбинезона толстый пакет и подавая его Городовикову.

Пилот вдруг закричал, с остервенением сквернословил чисто по-русски так виртуозно, что видно было — потратил немало времени на изучение крепких словечек.

— Тю, чтоб ты сдох! — с радостным удивлением воскликнул подъехавший чернявый боец. — Так я ж его знаю! Это Иванов, офицер из Ставрополя... Ишь, немцем прикинулся...

Городовиков, усмехаясь, взял пакет и тронул лошадь шагом навстречу Буденному, который в сопровождении Бахтурова, Зотова и еще каких-то всадников быстро скакал к самолету.

— Пакет генералу Мамонтову. По ненахождении такового вручается вам, Семен Михайлович, — объявил Го-

родовиков, когда Буденный, придерживая лошадь, подъехал к нему.

— Ловко! На ловца и зверь бежит, — сказал Буденный. — Вот это да!

Он подъехал к самолету, бросил косой взгляд на пилота и распечатал пакет.

Перехваченный приказ командующего донской армией генерала Сидорина раскрывал карты белых. Это был почти фантастический случай. Казалось, сама судьба помогала большевикам.

Теперь, когда Буденный знал, что Шкуро занял Воронеж и ждет туда Мамонтова, он мог действовать с открытыми глазами. Против двенадцати полков его корпуса стягивалось двадцать два вражеских полка.

В это время Мамонтов, не подозревая, что его ждет уготовленный Шкуро для Буденного ураганный огонь батарей, быстрым маршем подвигался к Воронежу.

7

— Если мне не изменяет зрение, то Мамонтов лупит Шкуро, — сказал Дундич, опуская бинокль.

— А может, наоборот? — предположил Дерпа.

— От перестановки слагаемых сумма не изменяется, — заметил Дундич, вновь поднимая бинокль к глазам. — Однако там дело принимает серьезный оборот. — Он посвистел. — Смотри-ка, что делается!

Перед ними — они лежали на заросшем бурьяном кургане — как на ладони раскрывалась живописная панорама Воронежа. Желтые купы деревьев, ровные ряды уходивших в глубину улиц и высокая белая колокольня с горевшим, как факел, крестом картинно вырисовывались на багровом фоне заката. Тяжелый грохот раскатывался в темнеющем небе. Тут и там возникали белые клубочки шрапнелей. В степи, перед городом, тоже происходило движение. Правее того места, где лежали они, перебегали, нагнувшись, фигурки людей казавшиеся издалека крошечными. Позади них, в стороне Усмани, шевелилась за холмами какая-то темная масса. Оттуда вперебой стрекотали пулеметы и выходили ровные, как на ученье, длинные цепи солдат. Среди них взлетали черные вихри рвавшихся снарядов. Левее, у самой окраины города, где поднимался высокий столб пыли и откуда доносился

многоголосый сливающийся крик, кружился всадник, размахивая шашкой.

— Вот бы этого снять, — сказал Дерпа.

— Не достанет. Здесь больше трех верст... Ты знаешь, мне пришла одна мысль.

— Ну?

— Они сейчас встретятся, как следует изругают друг друга и, соединившись, войдут в город. Вот я и думаю: что, если мы под шумок войдем вместе с ними и, пользуясь темнотой, устроим им панику?

— Вот это дело! — поддержал Дерпа. — Но ведь нас только шесть человек...

— Ну и что же? Для такого дела чем меньше, тем лучше. Слушай... — Дундич подвинулся к старшине и, изредка поглядывая в степь, стал объяснять задуманный им план...

Полки корпуса Мамонтова входили в Воронеж. Конский топот, остервенелые крики ездовых и железное громыханье артиллерийских запряжек будоражили погруженные во мрак пустынные улицы.

Солдаты, удрученные сознанием неожиданно пережитого позора, вяло переговаривались, вполголоса ругали начальство и угрюмо посматривали на редко освещенные окна.

Долговязый хорунжий Табунщиков стоял на перекрестке у городского театра и, сердито покрикивая, распоряжался движением.

— Какого полка? Эй, фигура, кому говорю? — хриплым голосом спрашивал он, стараясь рассмотреть при свете месяца проходившую часть.

— Семьдесят шестого непобедимого, — грубо сказал из рядов чей-то голос.

— Как отвечаешь, мерзавец?! — крикнул Табунщиков. — Смотри! Я до тебя доберусь!

— Найди попробуй, ваше благородие, — буркнул под нос казак. — Покричал бы в степи, когда свои своих били.

К Табунщикову подъехал усатый вахмистр бравого вида. Щуря глаза на блестящие полоски погон, он спросил вежливо:

— Господин хорунжий, а двенадцатому полку куда прикажете становиться?

— Двенадцатому? Третья улица направо. Спросишь Жандармскую. Там, на углу, ждут квартирьеры. Понятно? Езжай!

Вахмистр поблагодарил и погнал лошадь рысью по улице.

Мимо хорунжего прошла последняя сотня. Он собрался было идти, как вдруг в темноте вновь послышался конский топот.

— Эй! Какой части? — окликнул Табунщиков, увидя надвигающуюся на него группу всадников.

— Штаба корпуса, — сказал в ответ молодой, бодрый голос.

— Какого корпуса?

— Генерала Мамонтова... Поручик князь Микеладзе, — представился подъехавший офицер. Он нагнулся с седла, блеснув газырями нарядной черкески. — А вы, хорунжий, что тут поделываете?

— По долгу службы... А эти, князь, с вами? — Табунщиков показал на оставшихся поодаль четырех всадников.

— Да. То мои ординарцы, — сказал Дундич. — Скажите, как нам проехать в штаб корпуса?

— А вот за углом. Четвертый или пятый дом по правой руке. Да там увидите.

— Простите, хорунжий, но я вас где-то встречал. Вы нашего корпуса?

— Нет, генерала Шкуро.

— Ах вот как! — Дундич усмехнулся. — Ну вы, признаться, основательно всыпали нам. Да. — Он, звякнув шашкой о стремя, спешился, передал лошадь ординарцу Алеше и, вынув из кармана золотой портсигар, предложил хорунжему папиросу.

— Благодарю, князь. Не курю, — отказался Табунщиков.

На улице послышался грузный топот множества ног. Бойко отбивая шаг по мостовой, к перекрестку подходил взвод солдат.

— Кто идет? — окликнул хорунжий. — Старший, ко мне!

От строя отделился урядник, подбежал к Табунщикову и, увидев офицера, сказал:

— Так что разрешите доложить, застава, господин хорунжий.

— Куда заступаете?

— А вот на перекресток.

— Ну хорошо. Ступай. Да смотри, чтоб уши не вешали.

— Слушаю, господин хорунжий. Не извольте беспокоиться.

Урядник четко повернулся и, придерживая шашку, побежал к остановившемуся взводу.

— Не понимаю все же, хорунжий, как это вы в поле сразу нас не узнали? — спросил Дундич.

— И понимать нечего, князь, — грубо ответил Табунщиков. — Мы ждали Буденного.

— То-то вы не жалели снарядов. У вас, видно, большие запасы?

— А что? — Хорунжий подвинулся и пристально посмотрел в лицо Дундича. — Так вы из штаба корпуса, князь?

— Да. Я уже вам говорил.

— И давно вы при штабе?

— С ледяного похода.

— Гм... Вот как? Давненько!

Дерпа насторожился, увидев, как хорунжий бросил на Дундича полный подозрения взгляд. Рука его тихо скользнула в карман, где лежала граната. Это движение и выражение некоторого беспокойства на лице Дерпы не ускользнули от хорунжего и укрепили возникшее у него подозрение.

— А я, князь, всех штабных в лицо знаю. И, признаться, вас там не встречал, — сказал он, пытливо глядя в лицо Дундича.

— Да что вы говорите! — Дундич громко рассмеялся. — Как же это вы меня не заметили? А? Хотя очень может быть. Ведь я после ранения долгое время отсутствовал. И вот только что на днях заступил.

— Вы не то лицо, за которое себя выдаете. И я вынужден вас задержать, — твердо проговорил хорунжий, опуская руку на кобуру.

— Да! Я вот кто! — Дундич рванулся к хорунжему и быстрым ударом хватил его в висок кулаком.

Хорунжий хрипло ахнул, качнулся и, подгибая колени, рухнул на мостовую.

— До дьявола! — сказал Дундич. — А ну, вперед! В штаб корпуса!

Он прыгнул в седло и в сопровождении своих удальцов помчался по улице.

Под освещенными окнами штаба толпились офицеры, сновали вестовые и писаря. За окном, видно было, штабные адъютанты прилаживали на стене огромную карту.

— Гранаты! — крикнул Дундич. — Бросай!

Тяжелый взрыв расколол тишину. Послышались стоны и крики.

Дундич бросился к заставе.

— Ребята! — крикнул он солдатам. — Красные в городе! Вон они за нами. Задержите их, пока мы доскачем до генерала.

Пустив во весь мах лошадей, Дундич и его спутники кинулись к выходу из города.

Позади них часто защелкали выстрелы. Застава вступила в бой с прикрытием штаба.

Навстречу Дундичу с тревожными лицами выбегали солдаты и офицеры расположившихся на отдых полков.

— Буденный! — кричал Дундич. — Спасайся кто может!

Проскакав в конец улицы, они выехали на окраину города и придержали лошадей.

— Ну вот, пошла потеха! — сказал Дундич, останавливаясь и прислушиваясь к возникшему в городе шуму. — А теперь, друзья, возьмем пленных, чтобы не возвращаться с пустыми руками.

8

— Семен Михайлович, до каких же пор мы будем на месте стоять?

— Аль мы воевать разучились?

— Шесть суток стоим!

Буденный, посмеиваясь, смотрел на обступивших его красноармейцев.

— Значит, наступать хотите, товарищи? — спросил он, улыбаясь.

— Чего же прохлаждаться, товарищ комкор!

— Та-ак... А ты как думаешь, Харламов?

— А я, стало быть, думаю так, что нам не из чего на месте стоять, товарищ комкор... А ну, как они восвояси уйдут! Когда нам такой кус достанется?

— Нет, знакомый, ты тоже не прав, — твердо сказал Буденный. — Наступать мы сейчас не можем. У них две-

надцать тысяч, а у нас меньше половины. Да к тому же они в городе сидят.

— Так мы, значит, и хвост набок? — сказал пожилой боец.

— А ты, борода, не пыхти. Ты бы лучше, пока мы на месте стоим, собой занялся. Смотри, какой рваный ходишь. Вон и пуговиц нет. Стыдно так кавалеристу.

— Да нет, я что... я ничего, Семен Михайлович, — смутился боец, — я ведь только свое мнение высказал. А пуговицы что... Сейчас вот пойду и попришиваю.

— И давно бы так.

Буденный помолчал, оглядел бойцов и сказал:

— Ну, все высказались? Давайте теперь я скажу... Наступать мы, конечно, будем. И Шкуро и Мамонтова разобьем. Не в первый раз нам, товарищи, у ка́детов котелки снимать. Только когда пойдем в наступление, этого я сказать вам не могу. Сами должны понимать.

— Ну еще бы!

— Что и говорить, товарищ комкор!

— Понимаем, не маленькие! — заговорили бойцы

— Ну то-то! А пока готовьтесь. Оружие чтоб было в исправности. Осмотритесь, на себя поглядите. А то некоторые неряхами ходят, вида бойцовского не имеют... А главное, чтобы кони были в порядке... Ну вот и все мои замечания. Действуйте. Мне тоже надо делом заняться.

Буденный дружески кивнул бойцам и взошел по ступенькам крыльца.

Он прошел в свою комнату и только успел сбросить шинель, как в дверь постучали. Вошел Зотов.

Зотов тоже был недоволен стоянкой, но, находясь в курсе событий на фронте, хорошо понимал, что сейчас наступать невыгодно. Конному корпусу до поры до времени надо было выжидать, чтобы в решительный момент нанести сокрушительный удар. Из сложившейся обстановки было видно, что под Воронежем предстоит единоборство, результат которого в значительной мере определит дальнейший ход событий на Южном фронте. А пока красная и белая конницы стояли лицом к лицу, замахнувшись друг на друга. Шкуро, стремясь держать инициативу, проявлял активность. Конный корпус Буденного, выжидая, занял оборонительное положение. Ежедневно шли бои местного значения, но до решительного сражения дело еще не дошло.

Вчера Буденный вызвал начдивов и ознакомил их со своим планом захвата Воронежа с северо-востока. Теперь Зотов принес приказ, переписанный набело, и докладывал его командиру корпуса.

Буденный слушал, одобрительно покачивал головой, все более приходя к убеждению, что он не ошибся и направление удара выбрано в наиболее выгодном месте.

Дослушав приказ, он встал, прошелся по комнате и остановился у висевшей на стене карты, что-то обдумывая. Потом повернулся к Зотову и сказал:

— Ну, Степан Андреевич, будем писать.

Прохаживаясь по комнате, Буденный стал диктовать новый приказ корпусу.

Зотов молча писал, шевелил усами и изредка с недоумением поглядывал на Буденного, чувствуя, что получается что-то несообразное. Несколько раз он порывался спросить, в чем, собственно, дело. Действительно, получалась какая-то чертовщина. Все выходило наоборот. Новый приказ в корне противоречил задуманному ранее. Хотели бить по Воронежу с севера, а теперь решили вдруг наносить удар с юга. У Зотова даже шевельнулась мысль: «Уж не спятил ли я от бессонницы? (За последнее время ему приходилось много работать ночами.) Да нет, вроде все было в порядке. И рука вот пишет ровно, словно печатает».

— Ну, написал? — спросил Буденный, останавливаясь у стола.

— Написал, — неуверенно сказал Зотов.

— Дай подпишу.

Буденный подписал, потянулся и, глядя на Зотова со скрытой улыбкой, сказал:

— А теперь надо будет сделать так, чтобы этот приказ попал в руки Шкуро.

Зотов откинулся на спинку стула, некоторое время молча смотрел на Буденного и вдруг захохотал басом...

Когда Бахтуров вошел в комнату, Буденный и Зотов сидели за столом и, покатываясь со смеху, смотрели друг на друга.

— Чего это вы, товарищи? — спросил Бахтуров, глядя на них и чувствуя, что и его лицо расплывается в веселой улыбке.

— Да вот письмо пишем... этому, как его, черт, султану турецкому, — сквозь смех сказал Зотов, вытирая проступившие слезы.

Бахтуров подошел, заглянул через плечо Зотова и, прочитав написанное, тоже засмеялся.

— Решили вот Шкуро потревожить, — пояснил Буденный. — Пусть понервничает. Может, рассердится и выйдет из города, а тут мы возьмем его в переплет. А то его так и калачом не выманишь!

— Да, ловко придумали, — согласился Бахтуров. — А знаете, я бы эту фразу, — он показал, какую именно фразу, — несколько переделал.

— Давай подсаживайся, будем вместе сочинять, — предложил Буденный.

Бахтуров подсел к столу, и они, похохатывая и хитро посматривая один на другого, принялись править «письмо».

Шкуро проснулся сильно не в духе. Ему приснилось, что его, генерала, назначили в наряд дневальным по роте, и он с раздражением думал о том, как могло случиться даже во сне такое неуважительное к его заслугам и чину обстоятельство. «Дурацкий сон! — думал он. — И к чему бы это? Гм... И даже поделиться с начальником штаба нельзя, все-таки неудобно: генерал — и вдруг дневальный. Да. Но почему именно по роте, а не по эскадрону?» В пехоте он никогда не служил, считал пехотинцев существами низшего порядка и относился к ним свысока.

Он оделся, умылся, прошел в салон и в глубоком раздумье заходил по мягкому ковру.

«Да, да! — думал он. — И приснится же подобная мерзость!» Шкуро плюнул с досады и, потрогав на курносом лице проступившую за ночь щетину, только было собрался позвать денщика, как в дверь вежливо постучали и молодой голос, по которому он узнал своего адъютанта, попросил разрешения войти.

Сверкнув припомаженным пробором, в салон вошел адъютант.

— Здравия желаю, ваше превосходительство! — поздоровался он, вытягиваясь и звякая шпорами.

— Здравствуйте, сотник! Что нового?

— Невероятное событие, ваше превосходительство.

— Что такое? — насторожился Шкуро.

— Пакет от красных. Написано — в ваши собственные руки. Я не осмелился распечатать.

— А кто доставил?

— Наши пленные. Говорят, их Буденный послал.

— Гм... Давайте сюда.

Шкуро, недоумевая, взял пакет, надорвал его с края и вынул крупно исписанный лист.

На нем было написано:

«Генералу Шкуро.

24 октября, в 6 часов утра, прибуду в Воронеж.

Приказываю вам, генерал Шкуро, построить все контрреволюционные силы на площади у Круглых рядов, где вы вешали рабочих.

Командовать парадом приказываю вам.
Буденный».

9

На рассвете следующего дня, 19 октября, в степи под Воронежем, сотрясая землю, зашевелились конные массы. Дикая дивизия корпуса генерала Шкуро внезапно атаковала 6-ю дивизию, стоявшую в Хреновом, и стала теснить ее. Третья бригада, на которую обрушился главный удар, начала беспорядочно отходить.

Но уже поднимались по боевой тревоге и летели в бой полки 4-й дивизии. По степи катился конский топот, слышались скрежет клинков, крики и стоны; красноватые отблески выстрелов прорезали туман...

Буденновцы ударили с флангов и погнали Дикую дивизию на Усть-Собакино. Из всей дивизии ушло несколько сотен. Остальные остались на месте.

Так и не удалось Шкуро напасть врасплох на красную конницу. Буденновцы нанесли ему страшный удар и захватили бронепоезд.

Потерпев поражение, Шкуро отошел с наступлением темноты под прикрытие своих батарей. Инициатива действий перешла в руки Буденного.

Ночью разведчики белых, рыская в степи, наткнулись среди убитых на труп командира с разрубленной головой. Нашитая на рукаве серебряная подкова с мечами, потрепанный алый бант на груди — все это указывало на его бесспорную принадлежность к буденновской коннице. Но что самое главное — среди бумаг командира был обнаружен оперативный приказ.

Начальник штаба группы Шкуро, которому был доставлен этот приказ вместе со всеми документами убитого, прочел его и ахнул.

— Это невиданная удача, Андрей Григорьевич! — говорил он вскоре генералу Шкуро. — Теперь мы имеем возможность нанести красным жесточайшее поражение. Вот уж действительно случай!

— Как вы взяли этот приказ? — спросил Шкуро.

— Нашли при убитом командире полка. Вот, кстати, все его документы.

Шкуро прочел приказ, провел рукой по стриженой голове и, поднявшись с кресла, в сильном волнении заходил по салону.

— Да! — сказал он с решительным видом, круто остановившись у карты. — Теперь я покажу им, как шутки шутить... Значит, Буденный решил наступать в направлении станции Лиски. Та-ак-с! Очень даже хорошо. Мы возьмем его в клещи, разобьем в междуречье и сбросим в Дон. Вот! Не будь я Шкуро! — Он сделал движение рукой вниз, словно уже потопил конный корпус, и продолжал, строго глядя на начальника штаба: — Всеволод Николаевич, прикажите командиру второй пехотной дивизии сняться с позиции и занять оборону вдоль юго-восточной окраины Воронежа... Вот... Конному корпусу сосредоточиться там же, за левым флангом... Прикажите передать по частям, что наступление Буденного ожидается с юго-востока.

— Слушаю, ваше превосходительство... Позвольте, а бронепоезда?

Шкуро досадливо поморщился.

— Ах да! Как же я упустил... Три бронепоезда перебросить на юг. Задача: курсировать по линии Отрожка — Лиски. Вот. Все. Действуйте.

Буденный приказал перейти в общее наступление на Воронеж в ночь на 24 октября. Вся артиллерия корпуса, кроме одной батареи, оставленной Городовикову, была передана Тимошенко, который с 6-й дивизией наносил главный удар по северо-восточной окраине города. Одновременно Городовиков должен был штурмовать Воронеж с севера.

Стояла глухая, непроглядная ночь. Тяжелые тучи ползли над самой землей. Во тьме что-то двигалось и шевелилось. Слышались хлюпающие звуки подков, ударяющих по раскисшей грязной дороге, тихие голоса и приглушенный стук колес.

Начдив Тимошенко, спешившись, стоял в стороне от дороги и говорил Дундичу:

— Видишь, какое дело, дружок. Хотя мост с нашей стороны и разрушен, но на том берегу у них полевой караул. Я еще днем пригляделся.

— Знаю, товарищ начдив. Как раз возле кучэ *, — сказал Дундич.

— Вот-вот, кучэ, — улыбнулся Тимошенко, уже освоивший в разговорах с Дундичем несколько сербских слов. — Домишко такой беленький. Ну как, сможешь снять?

— Могу.

— Без выстрела?

— Разумеется.

— Ну и ладно, — Тимошенко с одобрением качнул головой. — Так вот имей в виду, дружок, следующее: две бригады у меня будут действовать в пешем строю, а третья идет через брод. Так что хорошенько пошарь по берегу. Может, так у них еще кто-нибудь есть...

Тимошенко постоял, посмотрел вслед Дундичу и, плотнее закутавшись в бурку, слегка прихрамывая (вчера царапнуло пулей), стал спускаться к реке.

В темноте копошились, тащили что-то саперы.

— Ну как, товарищи? Скоро закончите? — тихо спросил Тимошенко.

— Сей минут, товарищ начдив, — так же тихо откликнулся голос, — потерпите чуток. Вот приладим последний пролет — и готово.

Тьма сгущалась. Уж немного времени оставалось до рассвета. Вода тихо бурлила, перекатываясь и разбиваясь об устои моста.

Лодку с сидевшими в ней бойцами вынесло на середину реки. Дундич уверенно направлял ее к противоположному берегу. Зябко поеживаясь от налетавшего холодного ветра, он с удовольствием думал о том, что ему сегодня удалось раздобыть у снабженцев четверку настоящего чая, до которого он был большой охотник, и о том, как он после боя всласть напьется и угостит Дерпу и товарищей.

Дундич прислушался.

Вокруг все было тихо. Слышались только всплески воды. Прошелестев в камышах, лодка мягко ткнулась в песок.

* Кучэ — усадьба *(сербск.)*.

Дундич подал знак. На берег метнулись неясные тени. Несколько человек, скользя на локтях и коленях, принялись карабкаться на крутой глинистый берег.

Наверху ветер рвал и шумел. Бились и метались ветки кустарника. Сквозь быстро бегущие тучи изредка поблескивал месяц. Небо на востоке начинало светлеть.

Прикрывшись от дождя пустыми мешками, в мокром окопчике сидели солдаты.

— Известное дело, если бы не этот черт в красных штанах, то нипочем бы им не взять бронепоезда, — говорил глухой, простуженный голос. — Я сам видел, как он рельсу рвал.

— А наши чего смотрели? — спросил другой голос.

— Что наши! Кроют по нем почем зря, а ему как с гуся вода. Подложил шашку, поджег папиросой — и был таков.

— А верно сказывали — генерал сулил за его голову тысячу рублей?

— Тыщу! Пять тысяч!

— Ого! Вот бы тебе, Ковалев, огрести.

— И огребу, я его вот как приметил. Ночью узнаю. Жизни решусь, а уж с своих рук не выпущу.

— Брось хвастать!

— Чего хвастать! Я не хвастаю. А ты разве забыл, как я прошлый год их ротного приволок?

— Ну то ротного, а то буденновцы. Они в плен не сдаются.

— Давай на что хочешь поспорим, что приведу! — с азартом сказал Ковалев.

— Тише, ребята! — шикнул старший.

Он привстал и прислушался. Солдаты, смолкнув, подняли головы.

В эту минуту из тьмы протянулась рука с гранатой, и молодой голос властно и грозно сказал:

— Только пикни, такие-сякие! Замри и не двигайся!

Ковалев скользнул взглядом по срезу окопчика. Над ним выставились силуэты людей. В руках у них чернели гранаты. Потом из тьмы надвинулось лицо с большим носом, и высокий человек, шурша осыпавшейся землей, спрыгнул в окопчик. Поведя головой, он молча посмотрел на притихших солдат (Ковалеву показалось, что у него, как у черта, зеленоватым блеском горели глаза) и так же молча, принимая винтовки из податливых рук, стал по-хозяйски передавать их наверх товарищам.

— Разрешите пачинать, товарищ комкор? — спросил Тимошенко.

Буденный посмотрел на часы. Было без пяти минут шесть.

— Все готово? — спросил он.

— Все. Ожидаем сигнала.

— Так подождем еще пять минут. Я привык выполнять обещания.

Тимошенко недоуменно взглянул на него.

— А ты разве забыл? — спросил Бахтуров.

— Ах да! — Тимошенко усмехнулся. — А мне и ни к чему, что сегодня двадцать четвертое, — сказал он, улыбаясь.

Мимо них в полумгле проходила назначенная в резерв третья бригада. Всадники спускались по пологому склону и исчезали в тумане.

— Ну давай начинай! — сказал Буденный, взглянув па часы.

Тимошенко присел на корточки к телефону, взял трубку и подал команду.

Прожигая рассветную муть, вспыхнуло пламя. Залпом ударили пушки. Задрожала земля. Все вокруг осветилось. Вторая бригада бросилась по плотам и паромам. По всему берегу, прикрывая ливнем огня переправу, застрекотали пулеметы. От станции Усмань ударили бронепоезда.

Теперь пе только против восточной окраины города, но и выше по реке в светлеющем небе мерцали зарницы. Оттуда доносились редкие звуки пушечных выстрелов. Там переправлялся Городовиков с 4-й дивизией. Только что артиллерийским огнем была рассеяна застава белых, и река кишела людьми и лошадьми.

Через наспех исправленный мост шагом переезжала батарея. На берегу в ожидании переправы скопились пулеметные тачанки. Мост скрипел, пошатывался, погружаясь под тяжестью орудий в темную, стремительно бежавшую воду. Лошади приседали на задние ноги и, пугливо всхрапывая, жались к середине. Ниже моста через броды гуськом, один за другим, переправлялась вторая бригада. Мутная ледяная вода, кружась и всплескивая, неслась поверх седел, сбивая всадников с брода. То один, то другой погружался по плечи и, ухнув, торопливо плыл вслед товарищу.

Начинало светать. Городовиков стоял на берегу и, распоряжаясь переправой, то и дело поглядывал вдаль, где

за рекой, на обсаженной тополями задонской дороге, переезжали с места на место какие-то всадники. Один из них, выехав на бугор и подняв согнутые в локтях руки, смотрел в бинокль. Правее него, у небольшой рощицы, внезапно возник белый дымок, потом с некоторым промежутком раздался глухой короткий удар. В сыром утреннем воздухе послышались приближающиеся шелестящие звуки. Снаряд ударил в реку подле моста, подняв огромный столб ржавой воды. Лошади крайней тачанки ринулись в воду. Послышались крики тонущих ездовых. Лошади закружились, поплыли. Тачанку, занося в сторону, понесло на середину реки. Вслед за первым орудийным выстрелом послышались другие. По реке запрыгали лохматые смерчи воды.

Подошедшая в эту минуту к переправе первая бригада, не ожидая команды, бросилась вплавь через реку. Первым с ходу кинулся 19-й полк. Вода вспенилась, закипела. Послышались фырканье и тяжелый храп лошадей.

Городовиков, махая рукой, кричал что-то на тот берег командиру батареи, но за шумом стрельбы голоса не было слышно. Видимо, командир батареи понял, что от него требуют: артиллеристы-разведчики вскочили в седла и карьером умчались вперед. Вслед им поорудийно двинулась батарея. Широкогрудые, сильные, как львы, артиллерийские лошади, выбрасывая лохматые ноги, тронули рысью.

Ездовые гикнули, взмахнули плетьми, и батарея с грохотом поскакала галопом, поднимаясь по пологому берегу и свертывая на задонский шлях.

Спустя некоторое время оттуда послышался один, другой выстрел, и батарея начала бить беглым огнем.

Митька Лопатин одним из первых в своем эскадроне кинулся в воду. Соскользнув с седла и крепко держась за гриву, он поплыл рядом с Харламовым к видневшейся впереди песчаной косе. Ледяная вода обожгла. У него захватило дыхание. Стиснув зубы, он подавил готовый вырваться крик. Казалось, сердце, не выдержав напряжения, лопнет. Тело, замерзая, одеревенело в суставах. Пытаясь согреться, он подгребал свободной рукой и двигал ногами, но ставшие пудовыми сапоги стесняли движения.

Артиллерийский обстрел реки прекратился. В наступившей тишине слышалось только хриплое дыхание плывущих лошадей.

Песчаная коса приближалась. Лошади, шумно отряхи-

ваясь, выходили на мокрый песок и, вновь сойдя в воду, плыли дальше.

Перейдя косу, Митька выбирался уже к середине реки, но тут его лошадь, теряя дно, заупрямилась.

— Ванькѝ, топнуть! — крикнул позади озорной голос.

— Пошла братва уху ловить!

— Пошел! Пошел! Не задерживай! — закричали бойцы.

Митька зло дернул поводья. Лошадь забила копытами. Подковы засверкали над его головой.

— Убьет! Бросай гриву! — крикнул Харламов.

Митька оглянулся. В этот короткий момент тяжелый удар в плечо опрокинул его. Он окунулся с головой.

Сильным движением Митька вынырнул па поверхность, но набухший полушубок тянул его вниз. Борясь за жизнь, он сделал отчаянную попытку схватиться за хвост плывущей рядом лошади и, зажав в кулаке клок вырванных им жестких волос, вновь окунулся в воду. Быстрое течение подхватило его, мягко перекатывая, понесло в пучину.

— Тону! — крикнул оп, вынырнув, и, взмахнув руками, скрылся под водой.

Он уже терял сознание, когда сильная рука Харламова схватила его за воротник полушубка и ровными, плавными толчками повлекла за собой.

Наконец Митька почувствовал ногами дно. Шатаясь, он вышел на берег. Меркулов подвел ему лошадь. От нее валил густой теплый пар.

— Садись! Садись! Кони застынут! — кричал взводный Ступак, старый солдат-кирасир, рыжеватый, мрачный с виду человек саженного роста.

Митька взял стремя, кое-как взобрался на лошадь и вместе с товарищами погнал ее под кручу высокого берега, где собирался 19-й полк.

— Ну как, напугался? — спросил его Харламов, когда они, согрев лошадей, спешились в ожидании выступления.

— А то! — сказал Митька.

— Ну вот! Смотри, браток, в другой раз не дергай за повод. Тебе бы надо было ее огладить, успокоить, а ты еще больше ее напугал. С конем всегда ласка нужна.

— Ну, Лопатин, ты, можно сказать, прямо из мертвых воскрес, — проговорил и Ступак, подъезжая к нему.

— Что ж, товарищ взводный, всякое бывает, — заметил Харламов.

— И не то бывает: у девки муж умирает, а у вдовы живет, — ляская зубами от холода, но улыбаясь, подхватил Митька.

Ступак взглянул на него, хотел что-то сказать, но только усмехнулся в желтые с сединкой усы.

— На-ка вот, погрейся. — Он отстегнул флягу и подал Митьке. — Да ты не все! Оставь! Ишь, присосался! — вскрикнул он, увидя, как Митька, запрокинув голову, без передышки тянул. — Ну а это уж тебе, Харламов, за геройство! — сказал Ступак, приняв от Митьки флягу и взболтнув ее. — На, допивай остатки.

— А вы, взводный?

— А мне, ребята, пока не за что...

Переправа закончилась. Последние всадники выбирались из реки и скакали галопом по отмели.

Городовиков сел на лошадь и, поправившись в седле, подал команду.

На берегу все задвигалось и зашевелилось. Бойцы оправляли седловку и подтягивали подпруги.

Первой выступала вторая бригада. Трубачи на вымытых до блеска белых лошадях выезжали в сторону, пропуская колонну.

Мимо Митьки, который, повеселев, не хотел упустить это зрелище, постукивая копытами, потянулись шагом всадники головного эскадрона. Эскадрон был назначен в охранение, и ему предстояло первому вступить в бой. Красноармейцы ехали взвод за взводом, оживленно переговариваясь между собой.

— И все б ничего, да вот гармонь подмочили, — говорил рябоватый боец ехавшему рядом товарищу.

Тот что-то ответил, и оба весело засмеялись.

До Митьки долетели обрывки разговора:

— И такая, понимаешь, девка славная...

— А у нас хлеба завсегда хороши...

— Ты не забудь, Лихачев, за тобой табаку пачка...

— Эй, архангелы! Вы бы сыграли! — крикнул трубачам боец в шахтерской блузе.

Но капельмейстер, старый человек с синеватым от озноба лицом, не успел ответить ему: эскадрон взял рысь и с частым топотом стал быстро проходить мимо. За ним потянулась шагом колонна. Вслед за командиром головного полка боец вез свернутое знамя. На клеенчатом

чехле с облупленной краской отчетливо виднелись рваные пулевые отверстия.

— А тебе что, Лопатин, отдельную команду подавать? — раздался над ним сиплый голос.

Митька оглянулся, увидел сердитое лицо Ступака и побежал к своей лошади, которую держал в поводу левофланговый боец эскадрона.

Шел десятый час утра. Ветер нес в вышине серые лохмотья разорванных туч. Сквозь синие окна прорывался солнечный свет. Степь заблестела, зацвела яркими красками.

Шкуро, вдев ногу в стремя, садился на лошадь. Злой рыжий жеребец с куцым хвостом, прижав уши, кружился на месте и мотал головой.

— Держи крепче, болван! — зло сказал Шкуро ординарцу, который с трудом сдерживал ловчившегося укусить жеребца.

Перенеся через круп толстую ногу, Шкуро грузно опустился в седло и разобрал поводья.

К нему подскакал адъютант с испуганным лицом.

— Они уже у Круглых рядов, ваше превосходительство, — доложил он, придерживая руку у фуражки и стараясь сдержать дрожание челюсти.

Шкуро повернулся в седле, воспаленными глазами взглянул на стоявшего рядом начальника штаба.

— Без ножа вы меня зарезали, полковник, — сказал он с досадой.

Начальник штаба недоуменно посмотрел на него.

— Вы понимаете, полковник, что вас надули? — повысил голос Шкуро.

— Не меня, а нас, ваше превосходительство, — холодно заметил начальник штаба.

— Вас! Нас! Черт, дьявол — не все ли равно! — закричал Шкуро. Его толстые щеки затряслись, побагровели от гнева. — Сотник! — позвал он адъютанта. — Скачите к генералу Мамонтову и доложите ему, что красные ведут наступление с северо-запада... О, черт, как они нас надули!.. Я буду при 1-й дивизии!

Шкуро всадил шпоры в бока лошади и, вильнув повольчьи хвостом, в сопровождении конвойной сотни помчался по улице...

...Подойдя к северной окраине Воронежа, Городовиков встретил у слободы Троицкой ожесточенное сопротивление окопавшейся за колючей проволокой пехоты белых. Оставив вторую бригаду вести наступление в пешем строю, он решил остальными полками обойти и штурмовать город с запада.

Было уже около десяти часов. Небо очистилось от туч. Солнце яркими лучами заливало раскинувшуюся на возвышенности панораму Воронежа с уходившими в гору кварталами маленьких домиков и блестевшими среди них куполами. Далеко вправо, за желтыми полосами жнивья, голубела извилина Дона. Там, над крутым берегом, виднелись утопавшие в садах хутора.

Выйдя в новом направлении, Городовиков увидел, что на широком пространстве между Доном и городом шевелилась бурая масса войск. Он остановил полки в низине, слез с лошади и поднялся на бугор. На холмистой равнине строилась конница. Были видны трепетавшие под ветром значки и штандарты. Над строем, переливаясь в солнечных лучах, что-то поблескивало.

Городовиков посмотрел в бинокль. Глаза его потемнели: перед фронтом выстраивающихся войск ездил тучный всадник; под ним приплясывала большая рыжая лошадь с куцым хвостом.

Вызвав к себе командиров, Городовиков коротко объяснил им план действий. Потом он послал адъютанта со словесным донесением к Буденному и повел полки рысью навстречу противнику. Там его тоже увидели. Оттуда донеслись звуки сигнала атаки, и белые, развернувшись широкой лавиной, тронулись с места. Все поле покрылось фигурками скачущих всадников.

Обе массы всадников, прибавляя ходу и пуская лошадей во весь мах, бурей неслись навстречу друг другу. Под ногами лошадей с бешеной скоростью летела земля. Уже и тем и другим были видны лица, кричащие рты, вспыхивающие на солнце лезвия шашек и блестящие наконечники пик.

Харламов, скакавший в первой шеренге, успел только заметить, как перед ним взвился белый конь трубача, и строй, ударившись, с криком и топотом прошел через строй. На месте схватки бились, мотая головами, смятые лошади с переломанными ногами, с разбитой грудью. Старались подняться упавшие всадники. Двое, схватившись,

катались по земле, били и рвали друг друга, стремясь добраться до горла.

Топот, выстрелы, скрежещущие звуки клинков, визг и ржанье лошадей слились в один общий гул. В воздухе запахло кровью и порохом.

На левом фланге, где все сбилось в кучу, сражался Харламов. Рубя сплеча и наотмашь, Харламов, бывалый солдат, не забывал поглядывать по сторонам. Он увидел, как сломавший клинок взводный Ступак, широко размахнувшись, хватил кулаком в ухо усатого есаула и как тот, покачнувшись в седле, упал под ноги коня. Конь сверкнул кровавыми глазами, подхватил и понес в поле застрявшего в стремени всадника.

Несмотря на то, что вокруг сыпались удары, падали люди и лошади и каждый неверный шаг грозил смертью, Харламов повис с седла вниз головой, схватил брошенный кем-то клинок, выпрямился и подал его Ступаку. Потом, снова кинувшись в бой, он увидел, как два молодых солдата — красный и белый, — видимо, в первый раз участвуя в рубке, нерешительно шпыняли один другого клинками.

— Руби, чего смотришь? — зло крикнул Харламов бойцу.

Тот оглянулся на крик и, набравшись храбрости, нанес противнику сильный удар.

— Молодец! Так! — Харламов, подобрав поводья, поскакал к своему эскадрону.

— Держись! Держись, Иван! — крикнул он, увидев, что Ивана Колыхайло окружили три белоказака.

Он бросился на помощь товарищу, но не успел доскакать. Здоровенный урядник рубанул кузнеца с правого боку, и Иван Колыхайло, вскинув руками, зашатался в седле. Конь его взвился на дыбы и повалился, придавив уже мертвое тело хозяина...

Митька Лопатин отбивался от наседавших на него белых. Один из них, толстый, в погонах урядника, уже достал его шашкой в больное плечо. Видя перед собой перекошенные скуластые лица, Митька чертом вертелся в седле, отражая удары. Он уже было начал сдавать, как вдруг вспомнил об обрезе. Молниеносно перехватив шашку в зубы, он поднял обрез и с громом, словно ударила пушка, вогнал заряд в грудь противника. Другой, устрашась, бросился в степь.

В это время от города подходила на рысях головная дивизия корпуса Мамонтова.

Оглядев поле боя, Городовиков решил прибегнуть к маневру и подал знак. Трубачи заиграли отбой. Теперь стало видно, как по всему полю, отходя к далеким холмам и свертываясь в колонну, скакали буденновцы.

Белые с громким криком кинулись следом за ними.

В эту минуту из-за холмов показались пулеметные тачанки. Как на крыльях, они вылетели вперед и рассыпались веером. Ездовые повернули на всем скаку, а пулеметчики ударили по белым одновременно из тридцати пулеметов.

Гром покатился в степь.

Белые шарахнулись в стороны.

Но вряд ли и пулеметные тачанки спасли бы буденновцев. Слишком велико было неравенство сил. А от Воронежа подходили все новые полки.

Городовиков решил отходить, прикрываясь огнем. Запели трубы. Во все стороны поскакали связные и ординарцы с приказом отходить.

Но тут над желтеющими вдали холмами показался трепещущий кумачовый значок. Потом появилось несколько всадников, и вслед им с вьющимися по ветру знаменами в степь широкой лавой хлынула конница.

Всадники стремительно приближались.

Все ближе накатывался грохочущий конский топот.

Впереди, клонясь над лукой и указывая шашкой направление атаки, мчался командир в черной папахе. Под ним, казалось, летела, не касаясь ногами земли, крупная буланая лошадь.

Грозный крик пронесся над полем:

— Даешь! Ура! Бей!

Налетев ураганом, бойцы опрокинули и погнали белых к Дону.

Вскочив в седло, Митька увидел, как конная лава, загибая фланги, захватывала белых в клещи.

Теперь все поле покрылось колыхающимися на галопе конскими крупами. Белые бросились к крутому берегу Дона. Задние сбивали передних и вместе с ними влетали в реку. Блестящая поверхность реки сплошь покрылась плывущими. Тут и там показывались черные за садившимся солнцем руки тонувших.

Подскакали конные батареи, снялись с передков и — трубка на картечь — ударили по реке беглым огнем...

Вдали, на той стороне Дона, показались пехотные цепи. В степь, навстречу белым, развертывались полки 12-й красной стрелковой дивизии...

— Лопатин! — позвал Митьку взводный Ступак. — Харламова не видал?

Митька оглянулся:

— Да нет, товарищ взводный. Я думал, вы куда послали.

— Поищите его с Федоренкой. Может, его где поранили.

— В таком случае, товарищ взводный, мы на хутора слетаем. Там перевязочный пункт, — сказал Федоренко, такой же, как и Митька, молодой бойкий парень.

— Правильно, — согласился Ступак. — Ну а если там нет, то в поле поищите. Только быстро, а то скоро выступать. Чтобы вам не остаться.

Митька и Федоренко поскакали к хутору. В стороне лежало поле, покрытое телами убитых и раненых. Там, храпя и разбрасывая стремена, бегали лошади, потерявшие всадников. Красноармейцы ловили их и разбирали по эскадронам.

Поднявшись по пологому склону, всадники въехали в хутор и пустились в конец единственной улицы, где, как сразу приметил Митька, белел флажок с красным крестом.

— Куда? Куда, черт слепой?! — вдруг вскрикнул Митька. — Разве не видишь?

Федоренко потянул поводья. Из-под ног его лошади шарахнулись куры.

— Фу! — сказал он. — Чуток не подавил!

— То-то, что не подавил, — с укоризной заметил Митька. — Тоже мне — хозяин.

На перевязочном пункте Харламова не оказалось, и они, попросив закурить у полкового врача, поскакали в поле.

Навстречу им брели раненые с забинтованными головами, с подвязанными руками. Следом за ними вели их лошадей. Двое легко раненных поддерживали высокого худого бойца. Голова его была сплошь замотана бинтами с густо проступавшей кровью. Он шел, часто спотыкаясь, положив руки на плечи товарищей.

— Какого полка? — спросил Митька, останавливая лошадь.

— Двадцатого, — отозвался боец с подвязанной рукой. — А вы чего тут, ребята?

— Товарища ищем.

Раненый кивнул головой через плечо:

— Там ищите. Там их много лежит.

В поле подле раненых копошились санитары и помогавшие им трубачи.

Митька Лопатин глянул вокруг. Два трубача ловили лошадь под казачьим седлом. Она не давалась, била задом и хищно скалила зубы, норовя укусить.

— Гляди, — сказал Митька, — это ж Харламова конь.

— Эй! Эй! Чего вы нашего коня гоняете? — крикнул Федоренко, подъезжая к трубачам.

— Ваш, значит, конь? — спросил старый трубач.

— С нашего взвода, — отвечал Митька Лопатин.

— Скажи, какое дело! — удивился трубач. — До старости дожил, а не видел, чтобы конь, как собака, не допускал до хозяина.

Митька слез с лошади.

— А где хозяин? — спросил Митька, чувствуя, как у него тревожно забилось сердце.

— А вон лежит, — показал трубач. — Ты поосторожнее, парень, а то как бы конь тебя не убил.

Но Митька Лопатин храбро подбежал к лошади, которая, узнав его, доверчиво ткнула ему в плечо головой, и склонился над Харламовым.

Харламов лежал на спине, широко раскинув руки. Видимо, тут произошла страшная схватка. Вокруг лежало несколько изрубленных тел.

Красивое лицо Харламова было обезображено глубокой сабельной раной. Тут же валялась перерубленная фуражка.

— Санитара! — сдавленным голосом сказал Митька.

— Санитар тут без надобности, — заметил старый трубач. Он поднял и опустил безжизненно упавшую руку Харламова.

— Какого человека убили... — тихо сказал Федоренко. — Лучшего бойца в эскадроне.

Вдали послышались звуки сигнальной трубы.

Митька нагнулся к Харламову, поцеловал его в губы и, сложив ему руки, выпрямился.

— Вы уж, товарищи, как полагается, схороните его, — просительно сказал он трубачам. — Это был такой парень... такой...

Митька не договорил. Нижняя челюсть его задрожала. Он сжал зубы, нахмурился. Только теперь, в эту минуту,

он почувствовал, какого друга потерял. К его горлу подкатился колючий клубок. Не желая показать душевную слабость, он отвернулся, сел в седло и, ведя в поводу лошадь Харламова, поскакал к полку, откуда все настойчивее доносились звуки трубы, игравшей сбор.

Он скакал и не видел, как Харламов пошевелился и, чуть приподнявшись, молча посмотрел ему вслед...

В степи разливались холодные тени. Быстро темнело. На землю опускалась безлунная ночь. Постепенно все затихло вокруг, и только одинокая лошадь, потерявшая всадника, еще бегала под тихо мерцавшими звездами. Она останавливалась, призывно ржала и, не получая ответа, снова с глухим топотом мчалась в степи...

10

Разгром белых конным корпусом под Воронежем и решительные действия ударной группы Эйдемана под Орлом остановили наступление Деникина на Москву.

Теперь во исполнение директивы командования фронтом конному корпусу с приданными ему двумя пехотными дивизиями и туркестанской бригадой предстояло разбить сильную группировку белых в районе станции Касторной. В штабе конного корпуса была только что получена эта директива, и Буденный внимательно ее перечитывал:

«...Конному корпусу Буденного по овладении г. Воронеж нанести удар в общем направлении на Курск с целью отрезать части противника, действующие к северу от железной дороги Воронеж — Курск. Ближайшей задачей ставлю овладение железной дорогой Касторная — Мармыжи...»

Под Касторной Деникин сосредоточил, кроме отборной пехоты, более двадцати конных полков с бронепоездами. Соотношение сил опять было неравное, и Буденный решал, как лучше разбить противника с малыми силами.

Он сидел над картой и, разговаривая с Бахтуровым, намечал предварительный план действий по овладению касторненским узлом, когда вошел Зотов и доложил, что по степи движется большая колонна конницы.

Буденный вместе с Бахтуровым вышел на улицу. Там, поглядывая в степь и коротко переговариваясь, толпились бойцы.

Последние дни шли дожди. Сегодня выпал первый снежок. На нем мириадами блесток сверкали лучи яркого солнца. И вот из степи, горевшей под солнцем, извиваясь на поворотах дороги, надвигалась огромная масса всадников. Колыхались распущенные знамена. Шевелился целый лес пик.

«Хорошо, славно идут», — думал Буденный, глядя в бинокль. Всадники ехали колонной по три. Встречный ветер раскидывал полы их длинных зеленых шинелей, открывая ярко-красные брюки. Зимние шлемы с нашитыми на них большими синими звездами придавали всадникам богатырский вид.

Буденный увидел, как высланный с разъездом Дундич подскакал к командиру, ведущему колонну, и, переговорив с ним, послал бойца с донесением.

Боец пустил лошадь во весь мах и с веселым, возбужденным лицом подскакал к Буденному.

— Наши, товарищ комкор! — весело доложил он, сдерживая на скаку лошадь.

— Какие наши? Откуда? — быстро спросил Бахтуров.

— Одиннадцатая дивизия. К нам на помощь идут.

Дивизия входила в село. Трубачи, качнув сверкнувшими трубами, заиграли марш «Прощание славянки».

От колонны отделился всадник. В сопровождении Дундича он поскакал коротким галопом вперед.

Не доезжая до Буденного, он слез с лошади и передал ее ординарцу. Затем подошел к Буденному и отчетливо доложил:

— Товарищ комкор, одиннадцатая кавалерийская дивизия прибыла в ваше распоряжение.

Буденный внимательно посмотрел на полное лицо начдива.

— Очень рад, товарищ...

— Матузенко, — подхватил начдив.

— Очень рад, товарищ Матузенко, — повторил Буденный, подавая руку начдиву. — Знакомьтесь, товарищи, — продолжал он, показывая на Бахтурова и Зотова. — Военком нашего корпуса и начальник полевого штаба.

— Нашего, — значительно подчеркнул Матузенко. — Вот, значит, и мы стали буденновцами.

— Э, нет, товарищ начдив! — улыбнулся Бахтуров. — Это звание надо еще в бою заслужить.

— Заслужим, товарищ Бахтуров, — сказал Матузен-

ко с уверенностью. Он показал на подходившую колонну: — Смотрите, каких молодцов мы вам привели.

— Да, ребята как будто неплохие.

— Рабочие. Добровольцы. Под Тулой формировались. И почти все старые кавалеристы. У меня в первой бригаде целый эскадрон павлоградских гусар.

— То-то вы в красные штаны всех одели, — заметил Буденный. — И вообще вид хороший. Где только такое достали?

— Товарищу Ленину спасибо. Он, говорят, приказал, — пояснил Матузенко.

— Укомплектованы полностью? — спросил Буденный.

— Никак нет, товарищ комкор, — отвечал Матузенко с таким выражением на полном лице, словно он сам был повинен в некомплекте дивизии. — Командиров недостаточно. Обещали дать с Петроградских курсов, а они на фронт ушли. Пришлось поставить на взводы старых солдат.

— Вы-то сами в каком чине были? — поинтересовался Буденный, бросая на начдива изучающий взгляд.

— Старший унтер-офицер тринадцатого драгунского Военного ордена полка, — сказал Матузенко, по привычке беря руки по швам. — Вот из головы вон! Чуть не запамятовал! — спохватился Матузенко. — Слышно, из вашего корпуса организуют Конную армию. Товарища Ворошилова назначают членом Военного совета.

Мимо них в полном молчании проходили ряды головного полка.

Под копытами лошадей гудела скованная морозом земля. Колыхались бархатные полотнища знамен, обшитые по краям золотой бахромой. Всадники ехали в строгом порядке.

Высыпавшие на улицу бойцы, обмениваясь впечатлениями, с любопытством смотрели на проходящих. Только что проехали усатые трубачи. Никто самовольно не спешивался и не забегал в хату попить молочка. А это — что греха таить, дело прошлое — случалось в те времена. И такой у них был подтянутый вид, что некоторые из смотревших сами стали подтягиваться: кто поправлял съехавшую на нос папаху, кто застегивал полушубок.

— Вот какое подкрепление товарищ Ленин нам прислал, — сказал чей-то голос.

— Хороши, что говорить. Посмотрим, как в бою себя покажут.

— И кони одинаковые....

— Смотри-ка, братва, без обрезиков. Как есть все с винтовками.

— Ничего, как она спину-то понатолкает — живо попилят, — успокоил какой-то любитель обрезов, из которых в атаке можно было палить, как из пистолетов, в упор.

— Братва, глядите, какой хлопчик молоденький! — сказал один из бойцов.

— Где?

— А вон с краю едет. Красивенький.

Молодой всадник с горбинкой на тонком носу, ловко сидевший на крупной игреневой лошади, видя, что на него обратили внимание, обнажил мелкие ровные зубы и весело крикнул:

— Здорово, орлы!

Бойцы с любопытством смотрели вслед красивому всаднику, а он, оглядываясь назад, приветливо махал им рукой в белой вязаной варежке.

— Братва, никак, генерал? — изумленно вскрикнул боец в белой папахе, показывая на толстого всадника с пышными баками, который, важно подбоченясь и умышленно выставляя из-под шинели ярко-красные брюки, с деланно-свирепым выражением на румяном до блеска лице надменно поглядывал на пешестоящих.

— Ребята! Зачем это вы генерала возите? — спросил другой боец, обращаясь к рядам проходившего мимо эскадрона.

— Какого генерала? — удивленно спросил чей-то голос.

— А эвот, толстый.

— Угадал! — боец усмехнулся. — Это ж лекпом...

— Фу ты! Лекпом. А я думал, и вправду генерал...

Стоявшие расхохотались. Смех перекинулся и в колонну, где какой-то боец сказал улыбаясь:

— Товарищи, слышите, нашего Кузьмича за генерала признали!

Ехавший рядом с лекпомом пожилой трубач, толкнув локтем товарища, что-то шепнул ему и кивнул головой на улыбавшихся бойцов. Лекпом сурово посмотрел на них, с солидным достоинством расправляя горстью усы.

Буденный крикнул приветствие.

— Урра-а!.. — подхватили бойцы.

Крик покатился по рядам и, подхваченный сотнями голосов, все усиливаясь, пошел взад и вперед гулять по колонне.

11

По широкой улице большого села с высокими шапками снега на крышах ехал всадник в буденовке. Рослая кобыла игреневой масти, покачиваясь на тонких ногах, шла бодрым шагом. Под копытами мягко похрустывал притоптанный снег.

У перекрестка всадник остановился и оглянулся по сторонам. Из боковой улицы выехали сани, запряженные парой вороных лошадей.

— Эй, орел! — окликнул всадник важно развалившегося в кошеве ездового, молодого белобрысого парня с невозмутимым лицом. — Это Велико-Михайловка?

— Ну? — ездовой с выжидающим видом посмотрел на него.

— Как мне до штаба проехать?

— Езжай прямо. Доедешь до площади — возле церкви белый дом.

Всадник поблагодарил и тронул лошадь рысью.

Проехав в конец улицы, он свернул на площадь. На завалинке большого белого дома с приткнутым у палисадника кумачовым значком сидели красноармейцы.

— Здорово, орлы! — весело поздоровался всадник, останавливаясь у завалинки. — Здесь, что ли, штаб Первой Конной? — Он нагнулся в седле и, ласково оглаживая нетерпеливо переступавшую лошадь, быстрыми черными глазами смотрел на сидевших.

— А ты откуда, милок? — спросил боец в косматой папахе.

— С одиннадцатой дивизии.

— Зараз в штабе совещание. Никого пускать не приказано. Слазь, милок. Отдохни.

— Вот еще!.. Есть мне время отдыхать... — насмешливо сказал всадник. — Некогда мне! Давайте принимайте пакет.

Всадник легко перенес ногу через широкий круп лошади и спешился, звякнув шашкой о стремя. Тогда только

бойцы разглядели, что перед ними девушка. Была она повыше среднего роста, тонка и стройна.

— Ну? Долго я буду ждать? — нетерпеливо спросила она, поиграв надетой на руку плетью. — Кто у вас старший?

— Я за него! — сказал сидевший с краю Митька Лопатин.

Он поднялся с завалинки и, развалисто ступая, подошел к девушке. Недоверчиво улыбаясь, он пристально вглядывался в задорное лицо девушки со свежеобожженной припухшей щекой.

— Это кто ж тебя так разукрасил-то? — спросил он, усмехаясь.

— Так это ты старший? — не отвечая на вопрос, с большим сомнением спросила она.

— А что?

— А чего скалишься?

— А что мне, плакать? — резонно заметил Митька Лопатин, берясь за бока и выставляя ногу вперед.

— Я приехала не шутки шутить!

— Братва! А ведь и верно, баба! — вскрикнул Митька с таким радостным удивлением в голосе, словно в первый раз видел женщину.

У девушки дрогнули брови.

— Бабами сваи забивают, — сердито сказала она.

— Но? А кто ж ты есть?

— Я? Боец!

— Боец? Гм... Как же ваше фамилие, извиняюсь, товарищ боец? — спросил Митька.

— Ворона, — сдерживая улыбку, сказала девушка.

— Ворона?.. — Митька прищурился и, положив руку на тонкий стан девушки, живо спросил: — Взводный с девятнадцатого полка родственник вам?

— Как же! На одном заборе онучи сушили... А ну, пусти!

— Не пущу.

— Пусти! Ну? Кому говорю! — девушка высвободила руку и подняла плеть.

— Тише! Чего шумите, ребята? — раздался со стороны суровый начальственный голос.

— Вот он, старший, — сказал Митька Лопатин.

Девушка оглянулась. С крыльца, звякая шпорами, спускался пожилой человек саженного роста.

— Так бы и говорил, шляпа! — сердито сказала она.

— От шляпы слышу.

— Кто тут шумит? — спросил Ступак, подходя.

Митька презрительно повел плечами:

— А вот какая-то ворона с пакетом приехала.

— Я и то слыхал, что вы уж познакомились, — усмехнулся Ступак. Он подошел к девушке и сверху вниз взглянул на нее. — Маринка?! Откуда ты взялась?! — спросил он обрадованно.

— Ой, товарищ взводный! — Маринка всплеснула руками, обнажая ровные белые зубы. — А я вас с усами и не узнала. То-то вы изменились!

— Ты где сейчас служишь? — спросил Ступак.

— В одиннадцатой дивизии.

— А к нам зачем приехала?

— Пакет привезла.

— Срочный?

— Ну, что вы! Стала бы я тогда с этим стрюком * растабаривать, — кивнула она на Митьку, который при этом слове весь насторожился и подвинулся к ней. — Сведения из санитарной части привезла. — Маринка пошарила за пазухой и, подавая взводному пакет, сказала: — Нате вот, передайте дежурному.

— А как ты от Жлобы в одиннадцатую попала? — спросил Ступак, пряча пакет в карман полушубка.

— Из госпиталя. Теперь всех кавалеристов из госпиталей в одиннадцатую направляют. У нас народу не хватает... Слушайте, взводный, переходите к нам! У нас ребята хорошие.

— А разве у нас плохие? Не-ет... Да и дивизия ваша молодая.

— Молодая! А разве под Касторной мы себя не показали? Ого! Станцию захватили, Улагая разбили! Сам начдив Матузенко сказал, что теперь мы буденновцы... Верно, переходите! Состав у нас хороший. Много наших, донбассовских...

Митька сделал быстрое движение к девушке и в упор взглянул на нее.

Маринка смерила его уничтожающим взглядом и, сердито шевельнув бровью, спросила:

— Ну, чего вытаращился?

— Так ты, значит, копченка **? — Митька, не моргая,

* Стрюк — незадачливый кавалер (шахтерское словечко).
** Копченка — девушка, работающая в шахте.

смотрел на нее.

— С Макеевки.

— Ну?.. А я с Никитовки... Так мы с тобой земляки?

— Всю жизнь мечтала заиметь земляка, — сказала Маринка.

— Постой, постой! — заговорил Митька, вдруг помрачнев. — Как, ты говорила, твое фамилие? Ворона? Брешешь, товарищ боец! — произнес он с ударением. — Я ваших, макеевских, вот как знаю! Нет такой фамилии в вашем поселке.

Ступак рассмеялся.

— А откуда ты взял, Лопатин, что ее фамилия Ворона?

— Она сама говорила.

— Белоконь — ее фамилия.

— Семена Назаровича дочка? — быстро спросил Митька, весь просияв.

— Ага! А разве ты знал его? — живо спросила Маринка.

— Как же такого человека не знать! — ахнул Митька. — На весь Донбасс штегерь был... Все знают. Прошлый год немцы его расстреляли.

— И до чего, ребята, вы друг па дружку похожи! — насмешливо заметил Ступак, переводя взгляд с Маринки на Митьку. — Ну, прямо родные брат и сестра!

Девушка внимательно посмотрела на засеянное веснушками скуластое Митькино лицо. Уголки губ ее дрогнули.

— А тебя как зовут-то? — спросила она.

— Меня? Митькой... Дмитрием, — твердо поправился он, перехватив взгляд ее черных насмешливых глаз.

— Ну ладно, — помолчав, сказала она. — Я заболталась, а мне еще нужно по делу. Бывайте здоровы, гуляйте до нас!

Она ловко вскочила в седло, приветственно махнула рукой и, поднимая за собой снежную пыль, помчалась по улице.

— Ишь черноглазая! А? — качнув головой и глядя ей вслед, сказал Митька. — Лихая, видать, девка-то!

— И бойцу не уступит, — заметил Ступак. — Мы с ней прошлый год вместе в колесовской бригаде служили. Наши ребята очень даже уважали ее. Да что говорить! И хороша и строга.

— Н-но-о?

— А ты что думал? Она и плеть-то для этого дела возит с собой. Всякие ведь люди бывают...

Проскакав площадь, Маринка свернула на знакомую уже ей пустынную улицу и поехала шагом вдоль занесенных снегом маленьких домиков. Короткий день кончался. Воздух синел. В степи под серым пологом снеговых туч горела розовая полоска заката.

Маринка ехала в глубоком раздумье. С ее загорелого лица не сходила улыбка. «Славный парень, — отвечая на свою мысль, вслух подумала девушка. — Митя, Дмитрий! Хорошее имя...» Она нагнулась и потрепала лошадь по упитанной шее. Кобыла шумно вздохнула, вильнув хвостом, прибавила шагу.

В просторной комнате было тепло и уютно. На столе, фыркая паром, шумно кипел самовар. Федя, сняв крышечку с небольшого белого чайника, заваривал чай.

Буденный сидел с краю стола и старательно чистил разобранный маузер.

Сквозь приоткрытую дверь доносился вкусный запах свежеиспеченного хлеба. На стене между окнами отчетливо тикали ходики.

— Семен Михайлович! — сказал Федя.

— Ну?

— Тут Дерпа заходил. Хотел с вами проститься. Он на курсы едет в Петроград.

— Знаю. Что же ты мне не сказал?

— Спали. Пожалел будить.

— Напрасно... — Буденный с укоризненным видом покачал головой.

— Уж больно у нас хозяйка хорошая, — вспомнил Федя.

— А что?

— Молодая да ласковая. Глядите, каких пирогов напекла. «Это, — говорит, — специально для товарища командира».

— Ну что же, хорошо.

— Я, между прочим, тоже ей внимание оказал.

— Что? — Буденный поднял голову. Его широкие черные брови чуть дрогнули. Он внимательно посмотрел на ординарца.

— Дров вот наколол, дверь у сарая поправил, — сказал Федя.

— А-а... Ну-ну... Это хорошо. Хозяевам помогать надо...

Федя погляделся в ярко начищенный самовар, обеими руками пригладил торчавшие волосы и вышел в соседнюю комнату.

Пошептавшись о чем-то с хозяйкой, он принес и поставил на стол кринку топленого молока с коричневой поджаристой пенкой.

— Семен Михайлович, пожалуйте кушать, — пригласил он, ловко вскрывая банку с консервами.

— Сейчас. — Буденный макнул навернутую на шомпол тряпочку в банку с ружейным маслом и осторожно, чтобы не капнуть на френч, смазал ствол пистолета. — Ну, вот и готово.

Вдруг он поднял голову и прислушался. По крыльцу кто-то взбежал, стуча сапогами; потом послышались шаги ближе, и в комнату, не спросясь, вошел Зотов.

— Разрешите, товарищ комкор?

— Что такое?

— Вас к прямому проводу.

— Кто?

— Командующий фронтом...

Буденный быстрыми, ловкими движениями собрал маузер, сунул его в кобуру и в сопровождении Зотова вышел на улицу.

В помещении полевого штаба сухо пощелкивал телеграфный аппарат. Зотов следил за бежавшей из-под ролика узенькой лентой, в то время как телеграфист, изредка взглядывая на Буденного, продолжал читать вслух:

— «...Ваш корпус переименован в Конную армию. Командарм — вы, члены Реввоенсовета — Ворошилов и Щаденко... Реввоенсовет Южфронта приветствует образование первой в истории Конной армии во главе с героем красной конницы товарищем Буденным и могучими борцами за рабочий класс товарищами Ворошиловым и Щаденко... Ожидаю занятия Старого Оскола, а за ним и дальнейшего успеха...»

Аппарат смолк.

— Все? — спросил Буденный.

— Молчит. Ждет ответа, — сказал телеграфист.

— Хорошо, передавайте... Первое. Сердечно благодарю за высокое назначение. Приложу все свои силы, чтобы оправдать свой пост. Второе. Полагаю завтра к восемна-

дцати часам прислать вам донесение о взятии Старого Оскола...

Аппарат начал вновь тихонько постукивать. Тонкая белая лента, извиваясь и закручиваясь, падала на пол.

— «Привет всем товарищам доблестной Конной армии. До свидания. Егоров», — прочел телеграфист.

Прошло несколько дней с тех пор, как Конармия, взяв Старый Оскол, расположилась в районе Велико-Михайловской. 5 декабря стало известно, что командующий фронтом Егоров во главе Реввоенсовета Южфронта специальным поездом выехал в Велико-Михайловскую. Попытка выяснить, где находится поезд командующего и когда примерно его можно ждать на ближайшей станции Новый Оскол, из-за неисправности провода не привела ни к чему. Ограничились высылкой на станцию парных саней с полуэскадроном прикрытия.

В тот день у Буденного долго засиделись Зотов и новый начдив Матузенко, грузный человек с большой стриженой головой. Он рассказывал о формировании под Тулой 11-й кавалерийской дивизии, только что вступившей в состав Конной армии. Матузенко рассказывал, что по личному распоряжению товарища Ленина для вновь формируемой дивизии было выдано со складов все самое лучшее.

На дворе уже давно стемнело. Федя зажег лампу «молнию», висевшую под потолком. Осветилась большая комната в четыре окна со столом посредине, с зеркалом, фикусами в простенках и наискось через весь пол домотканой дорожкой.

— Ну как у тебя на случай, если кто нагрянет? — спросил Буденный ординарца.

— Все решительно, товарищ командарм, — отвечал ординарец, с видимым удовольствием величая Буденного по новой должности. — Я ж говорил: хозяйка у нас больно хороша. Уважительная. А уж стряпуха! И сейчас всего припасла. И самовар у нее на ходу. Прикажете — тут и готово.

— Ну и отлично...

Буденный, задумавшись, выбил на столе пальцами барабанную дробь.

— Да, я все собираюсь спросить, — обратился он

к Матузенко, — это вы прошлый год под Волоконовкой Семилетова разбили?

— Нет, то другой Матузенко. Я в это время под Ольховаткой воевал. Там у меня случай вышел.

— Какой случай? — спросил Зотов.

— И смех и грех, как говорится. Одним словом, наносил удар левым флангом по правому.

— Как это?

— Обыкновенно. Я в ту пору командовал небольшим отрядом. Сто пятьдесят штыков и две трехдюймовки. Ну и окружили меня красновцы. А связь, представьте, поддерживал. Там был телеграф. Белые не догадались провода перерезать. Вот я и постучал — точки-тире — в Горловку. Там на проводе командующий группой сидел. Нестерович фамилия. Я согласно приказу входил к нему в подчинение. А лично встречаться не приходилось. Говорили, очень строгий командир. Вот я ему и докладываю. Так, мол, и так, окружен. Противник наступает с трех фронтов, имея преимущество в кавалерии (у меня ни одного кавалериста не было), а также и в пехоте и артиллерии. А он, командующий, представьте, спрашивает: «А игде цей абьехт?»

— Это командующий-то? — удивился Зотов.

— А вот послушайте, — Матузенко обещающе улыбнулся и продолжал: — Спрашиваю его: «Какой объект вы имеете в виду?» А он: «Игде вы сидите». Я говорю: «В Ольховатке». А он: «А у вас пушек немае?» — «Есть, — говорю, — две трехдюймовки. Только их красновцы захватили. Надо будет сначала обратно отбить. Что прикажете делать?» А он помолчал и стучит: «Вдарьте своим левым флангом по пхнему правому».

«Хорошенькое дело, — думаю, — левым по правому! А где они, эти фланги, если я окружен?! Да и чем ударять, когда у меня всего-то сто пятьдесят человек!..»

— И как же вы вышли из положения? — поинтересовался Буденный.

— Случай помог. Подошел на выстрелы какой-то полк Богучарской стрелковой дивизии. Ну я, конечно, духом воспрянул, прорвался и свои пушки отбил, и еще трофейные взял.

— С таким командующим много не навоюешь, — сказал строго Зотов. — А кто он, этот Нестерович?

Матузенко рассмеялся.

— В том-то и дело, что это вовсе был не командую-

щий, а его коновод, ординарец. Нестерович вышел по нужде, а коновода на проводе оставил — в случае чего, мол, доложи. А тот решил сам покомандовать, за что, видно, и получил нахлобучку. Вот и вся штука.

— Значит, левым флангом по правому? — смеялся Буденный. — Вот это да! Прямо сказать, стратегия!

— Слушайте! — Зотов настороженно повернулся.

Под окнами замер конский топот.

В ту же минуту послышались шаги, и быстро вошедший связной доложил о приезде командующего.

— Где он? — спросил Буденный.

— Сюда идут... Да вот они, — кивнул связной в сторону улицы, откуда уже доносились перекликающиеся голоса и скрип саней.

Буденный поднялся, сказал Зотову остаться и вместе с Матузенко, заспешившим на всякий случай к себе в штаб дивизии, вышел на улицу.

Под неясным светом месяца шевелились угловатые фигуры людей, мигали фонари, то выхватывая из тьмы конскую голову во взмыленных удилах, то широкие парные сани, то окутанных паром всадников, сидевших на разгоряченных быстрой ездой лошадях.

Увидев командующего, Буденный пошел навстречу ему...

Зотову еще не приходилось близко встречаться с Егоровым, но, когда он увидел входившего в комнату вместе с Буденным высокого человека могучего склада, с крупными чертами хорошо выбритого лица, он сразу понял, что этот человек и есть командующий фронтом.

— Здравия желаем! — сказал громко Зотов.

— Здравствуйте, товарищ! — Егоров снял папаху, положил ее на подоконник и, шагнув вперед, пожал руку Зотову.

За командующим вошел человек среднего роста с густыми усами на смугловатом лице. С первого взгляда Зотов узнал в нем члена Реввоенсовета фронта Сталина, с которым встречался при обороне Царицына.

Буденный начал было докладывать, но Сталин, широко раскрыв руки, запросто обнял его.

— Ну вот мы и приехали, — сказал он, глядя на входивших в комнату Щаденко и Ворошилова.

— И, кажется, в самый раз, — подхватил Ворошилов, увидев, как молодая хозяйка сноровисто накрывала на стол, где уже кипел самовар.

— За угощенье не взыщите, товарищи, — извинился Буденный. — У нас по-походному.

— Вот это замечательно — с дороги чайку, — весело произнес Егоров, потирая озябшие руки.

— Э, братцы, так можно, понимаете, и не по-походному жить, — сказал Ворошилов, оглядывая стол. — А чего понаставили! Только хлеба что-то маловато у вас.

— А мы люди негордые — хлеба нет, так пирогов можем поесть! — усмехнулся Щаденко.

Все, шумно двигая стульями, сели к столу.

Степан Андреевич Зотов по скромности поместился за самоваром. Отсюда он хорошо видел, как Сталин, нагнувшись, тихо говорил что-то Щаденко и как тот, соглашаясь, кивал головой. Зотова мучила мысль, как бы гости не обиделись, что их не встретили как следует быть. Однако приехавшие и не думали сердиться, наоборот, разговор за столом принимал все более задушевный характер.

Егоров рассказывал о своей недавней встрече с Лениным.

— Признаться, товарищи, когда я шел к Владимиру Ильичу, то волновался, — говорил Егоров, закуривая. — Но он расположил меня к себе с первого слова, ибо прост он чрезвычайно. Повел разговор со мной так, будто мы старые друзья, и, знаете, засыпал меня вопросами. Его интересовало буквально все: и настроение войск, и питание, и снаряжение, и дисциплина, и то, и другое...

— Товарищ командующий, скажите, как чувствует себя Владимир Ильич? — спросил Щаденко.

— Великолепно! Вы бы послушали, как он смеется. Я рассказал ему один смешной случай, в разговоре пришлось, так он так и закатился от смеха. Это замечательной души человек...

На следующий же день на квартире Буденного состоялось объединенное заседание Реввоенсовета Южного фронта и Конной армии. Сталин выступил на этом заседании с докладом о международном положении. Потом он познакомил собравшихся с обстановкой на фронте.

Разгром конным корпусом Буденного белых под Воронежем и Касторной и удачные действия группы Орджоникидзе под Кромами не только остановили движение

Деникина на Москву, но передали инициативу действий в руки красного командования, вбив клин между донской и добровольческой армиями белых.

Большая комната, где происходило заседание, была полна народу. Места за столом всем не хватило, и многие разместились на лавках, табуретках и даже на стоявшем у стены сундуке.

...Прения подходили к концу.

Слушали выступавшего начштаба одной из дивизий.

— По моему мнению, — бойко говорил он, молодой худощавый человек, — не следует немедленно наступать на Донбасс. Донбасс — наша опора, и оттого, как скоро мы туда придем, положение вряд ли изменится... Перед операциями в Донбассе следует несколько задержаться, подтянуть тылы, пополниться и уж потом бить сосредоточенными силами. А то так будет трудно...

— Вы, дорогой мой, извините, но ни черта не понимаете, — заговорил Ворошилов, с убийственной иронией глядя на начштаба. — Трудно, трудно... Конечно, трудно! Но если мы не будем сейчас неотступно бить белых, а лишь подтягиваться и организовываться, то они покажут нам тогда трудности в Донбассе. Нам надо молниеносно проскочить Донбасс. Люди там наши, а есть там нечего. Вот когда Донбасс станет свободным и останется за нашим тылом, тогда он действительно станет нашей опорой и даст нам десятки тысяч новых бойцов.

— А как же мы пойдем туда, когда там есть нечего? — спросил начальник штаба.

Ворошилов карими прищуренными глазами насмешливо посмотрел на него.

— Не беспокойтесь, товарищ, — сказал он с твердой уверенностью. — На моей родине ребята хорошие. Они последнее отдадут и нас как-нибудь накормят.

— Разрешите мне? — спросил Тимошенко, поднимаясь над столом всей своей огромной фигурой. — Вот тут товарищи говорили о старом и новом планах разгрома Деникина. Прошу пояснить: какая разница между этими планами? — попросил он, взглянув на Буденного.

— Я отвечу на этот вопрос, — сказал Сталин.

Он склонил голову набок, закурил трубку и подошел к большой карте, лежавшей на столе.

— Старый план, товарищи, предусматривал контрнаступление на Деникина от Царицына на Новороссийск через Донские степи, — начал он, наклоняясь к карте и

концом мундштука показывая направление наступления. — Нечего и доказывать, — продолжал он, выпрямляясь, — что этот сумасбродный план, предполагаемый поход в среде, вражеской нам, в условиях абсолютного бездорожья грозил нам полным крахом. Этот поход на казачьи станицы, как это показала недавняя практика, мог сплотить казаков против нас вокруг Деникина для защиты своих станиц, мог лишь создать армию казаков для Деникина.

Сталин прошелся по комнате, вновь остановился у карты и продолжал при общем молчании:

— Именно поэтому решено старый план заменить планом основного удара через Харьков, Донецкий бассейн на Ростов. Какие он дает преимущества? — Сталин помолчал. — Во-первых, — заговорил он, — здесь мы имеем среду, не враждебную нам — наоборот, симпатизирующую нам, что облегчит наше продвижение; во-вторых, мы получаем важнейшую железнодорожную сеть, донецкую, и основную артерию, питающую армию Деникина: линию Воронеж — Ростов; в-третьих, этим продвижением мы рассекаем армию Деникина на две части, из коих добровольческую оставляем на съедение Махно, а казачьи армии ставим под угрозу захода им в тыл; в-четвертых, мы получаем возможность поссорить казаков с Деникиным, который в случае нашего успешного продвижения постарается передвинуть казачьи армии на запад, на что большинство казаков не пойдет; в-пятых, мы получаем уголь, а Деникин остается без угля... Вот каковы в основном преимущества нового плана, товарищи...

По комнате пронесся одобрительный говор.

Командующий фронтом Егоров поднял руку.

— Товарищи! — заговорил он. — Наша задача сейчас заключается в том, чтобы разорвать фронт противника на две части и не дать Деникину отойти на Северный Кавказ. В этом залог успеха. И эту задачу мы возлагаем на Первую Конную армию. — Он взглянул на Буденного. — А когда мы, разбив противника на две части, дойдем до Азовского моря, тогда будет видно, куда следует бросить Конную армию — на Украину или на Северный Кавказ...

Светало. В морозном тумане поднималось над степью красное солнце.

Визжа колесами, по селу проезжали тачанки. Скрипели ворота. Бойцы выводили из дворов лошадей и, переговариваясь, выстраивались колонной по три.

— Са-дись! — донеслась команда начдива.

Бойцы закидывали поводья и поспешно садились. Полки с места рысью вытягивались в сторону площади. Оттуда доносились звуки оркестра. Там, на фоне вьющихся под ветром знамен, стояли Сталин, Ворошилов, Буденный и еще какие-то люди, по виду рабочие. Колонна с быстрым топотом хлынула на площадь.

— Что? Что он говорит? — заговорили в рядах, услышав, что Ворошилов крикнул что-то скакавшим мимо бойцам.

— К победе зовет! За Донбасс, говорит! — крикнул ехавший на фланге Ступак.

Громкий крик покатился вдоль колонны:

— Урра-а! Даешь Донбасс! Урра!!

Над рядами взметнулись блестящие в лучах солнца клинки.

Мимо Маринки, как в тумане, мелькнули знамена, знакомые лица, и она оглянулась, чтобы еще раз посмотреть. Но впереди поскакали галопом, взвихрилась снежная пыль, и она, оглянувшись, успела заметить только маленького парнишку в коротеньком полушубке, заячьей шапке и валенках, который в стремительном движении, весь подавшись вперед и раскинув руки, словно хотел кого-то обнять, горящими неизъяснимым восторгом глазами смотрел на скачущих мимо буденновцев...

Впереди черной лентой извивалась колонна головного полка.

12

В большой светлой комнате сидело на лавках десятка два человек, по виду рабочие, в кожаных тужурках, полушубках, в видавших виды солдатских шинелях, крепко перехваченных поясными ремнями. Все слушали Ворошилова, который, стоя за столом, говорил:

— Нам мало одной лихости. С партизанщиной надо кончать. Нужно воспитывать людей. Из неграмотного делать грамотного, из несознательного — сознательного, из преданного — активного бойца и коммуниста.

Он, двинув стулом, прошелся по комнате и, вновь остановившись у стола, заключил:

— Нам нужны люди, которые хорошо разбираются, с кем и за что они сражаются...

— Разрешите два слова, товарищ Ворошилов? — спросил, поднимая руку, пожилой рабочий в артиллерийской шинели.

— Я вот по поводу чего, — заговорил он, получив разрешение, — я хочу сказать, что хотя все мы, прибывшие в Конную армию, молодые политработники, не по летам, конечно, но все ваши указания, товарищ Ворошилов, выполним, как полагается... Тут другой вопрос: мы, путиловцы, к лошадям непривычны. Некоторые даже не знают, с какого боку на нее садиться. Так вот, чтобы не получилось какой насмешки от бойцов...

Добродушная усталая улыбка прошла по лицу Ворошилова.

— Об этом не беспокойтесь, товарищи, — сказал он, подавляя улыбку. — Ребята у нас хорошие, быстро научат. И никто, конечно, смеяться не будет... Тут, понимаете, все зависит только от вас. Поставьте себя авторитетно с первого раза, расположите к себе бойцов, и тогда все будет отлично.

Послышались быстрые шаги. В комнату вошел сутулый человек в очках на длинном лице — секретарь Реввоенсовета Орловский.

— Вас к проводу, Климент Ефремович, — тихо сказал он, подойдя к Ворошилову.

Ворошилов поспешно вышел из комнаты.

Разговор с прибывшими в Конную армию путиловцами происходил в Валуйках, где после тяжелого, но удачного боя Ворошилов и Буденный несколько задержались, развернув работу по оформлению армейского аппарата. Во вновь созданной армии не было ни штаба, ни политотдела, ни тыловых учреждений, ни служб. Все это надо было создать, и Ворошилов, принесший в Конную армию свой богатейший политический и военный опыт, деятельно подбирал кадры и расставлял их по местам.

Тем временем 4-я и 11-я дивизии были двинуты в глубокий обходный маневр. Дивизиям под общей командой Городовикова предстояло обойти купянскую группу Деникина и занять в тылу белых станцию Сватово, перехватив единственную железнодорожную магистраль, ведущую из Купянска на юг.

Дивизии третий день шли походом. Рассветало. Стоявшие последнее время морозы сменились теплой погодой. Снег стаял, дороги размокли. В сизом тумане слышались чавкающие звуки подков.

Городовиков ехал при второй бригаде. Перед ним ползла, извиваясь на поворотах, колонна головного отряда. Прикидывая в уме, много ли осталось до Сватова, он зорко посматривал вперед. Там, в тумане, словно протаивали темные очертания станционных построек.

— Мироненко! — позвал Городовиков ехавшего позади командира бригады. — Сейчас будешь делать атаку...

Голос его заглушило взрывом снаряда. Вспыхнуло пламя. Над степью пронесся грохот. Накрывая эскадроны, в небе с треском рвалась шрапнель. В промежутки между разрывами доносился со стороны станции захлебывающийся треск пулеметов.

— В балку! В балку давай! — закричал Городовиков.

Полки, пластаясь в карьере, скрывались в низинах.

К Городовикову подскакал командир 19-го полка Стрепухов. Его мужественное, тронутое оспой лицо выражало досаду.

— Докладываю, товарищ начдив, — произнес он глухим хриплым голосом. — На станции три бронепоезда. Кроют — нет спасу. А эшелонов! Все пути забиты.

— С войсками?

Стрепухов отрицательно качнул чубатой головой.

— Никак нет. Вагоны пломбированные. Разведка доносит, что тут, за переездом, — он показал, — большое село. Так там противника нет. Что прикажете делать головному отряду?

— Эк жарят, черти! — насторожился Городовиков, прислушиваясь к грохоту артиллерийской стрельбы. — Погодим делать атаку... Постой, кто это? — спросил он, увидев скачущую вдали батарею.

— Шаповалов пошел, — показал рукой Стрепухов, приглядываясь. — Что-нибудь придумал. Зря не поедет.

Батарея во весь мах неслась к переезду. Пушки, зарядные ящики, переваливаясь на выбоинах с боку на бок, быстро исчезали в тумане.

Узнав, что в расположенном близ станции большом селе Ново-Екатеринославле противника нет, командир батареи Шаповалов, за которым упрочилась слава бесстрашного человека, решил разбить головной бронепоезд. С мол-

неносной быстротой батарея снялась с передков и — «бац! бац! бац!» — ударила по бронепоезду беглым огнем. Паровоз привскочил, как живой, и, хрястнув, опрокинулся набок. Стрельба смолкла. Лишь стоявший за стрелкой другой бронепоезд, яростно отстреливаясь из пушек и пулеметов, на всех парах покатил на юг. Послышались громкие крики. 4-я дивизия полк за полком хлынула к станции. Бойцы слезали с лошадей и бесстрашно лезли на бронированные вагоны.

Взводный Ступак бухнул прикладом по крыше.

— Выходи, гады! Сдавайся!

В вагоне притихли.

— Слышьте, вылазь! — крикнул Ступак в амбразуру. — А не то всем концы наведем!

Под крышей послышался гул голосов. Потом сухо треснул револьверный выстрел. Бронированная дверь задней площадки раскрылась, и на путь вывалился труп офицера. Вслед ему показались солдаты с поднятыми руками. Из другого вагона загрохотал пулемет. Но тут один из бойцов, изловчившись, ловко сунул в амбразуру гранату. Глухой взрыв потряс вагон. Обе двери раскрылись, и солдаты, как зайцы, стали выпрыгивать из вагона.

В несколько минут все было кончено. Вдоль платформы выстраивали большую толпу пленных. Двое бойцов подталкивали прикладами снятого с паровоза офицера в очках.

Городовиков прошел на телеграф.

Митька Лопатин при виде начдива вскочил с лавочки, взяв винтовку к ноге.

— Ты что тут делаешь? — спросил Городовиков.

— Стерегу, товарищ начдив! — бойко отвечал Митька Лопатин, показывая на стоявшего у стола молоденького телеграфиста в форменной фуражке с желтыми кантами.

— Связь с Купянском есть?

— Связь в полном порядке, товарищ начальник, — ответил телеграфист с бодрой готовностью. — Купянск уже два раза запрашивал. Да я не отвечал. Не приказано.

— Кем не приказано?

— А вот товарищ не велел, — сказал телеграфист, показывая на Митьку Лопатина.

— Молодец! Хорошо, догадался, — похвалил Городовиков. — Сейчас мы кадетам хорошую панику устроим.

— Купянск сообщал, что час тому назад сюда вышел эшелон с боеприпасами, — продолжал телеграфист.

— У нас как раз их не хватает. Так что, будете передавать Купянску, что скажу я. Головой отвечаете.

Телеграфист усмехнулся.

— Не беспокойтесь, товарищ начальник, — проговорил он, краснея. — У меня с белыми свои счеты. Эх, жаль, здешний комендант успел убежать. Он здесь покомандовал...

Аппарат застучал.

— Читай, чего он там пишет, — приказал Городовиков.

Телеграфист присел к столу.

«У провода военный комендант станции Купянск сотник Красавин, — стал читать он. — Сватово, почему не отвечаете? Позовите коменданта».

— Как фамилия здешнего коменданта? — быстро спросил Городовиков.

— Ротмистр Донец Евгений Петрович. Они с Красавиным старые приятели. В гости ездили.

— Гм... — Городовиков помолчал. — Передавай ему так: у провода ротмистр Донец. У нас, как это... — Он кивнул на аппарат.

— Я передам, что задержка была вызвана поломкой аппарата. Хорошо? — предложил телеграфист.

— Правильно. Так и давай.

Аппарат тихо постукивал. Митька Лопатин, вытянув шею, следил за передачей. Узкая белая лента ползла изпод ключа и, свертываясь кольцами, падала на пол.

— Сотник Красавин спрашивает, с кем вели бой, — сказал телеграфист.

— Передавай: никакого боя не вели. Здесь спокойно... Ну, что он?

— Молчит.

Аппарат вновь застучал.

— Спрашивает: «Если вы действительно ротмистр Донец, то скажите, пожалуйста, как имя и отчество моей тетушки?»

— Что?! — Городовиков побагровел. — Тетушки?! Ах он такой-сякой... А ну, передавай ему такие слова, — гневно проговорил он, произнося несколько крепких словечек, имеющих прямое отношение к тетушке сотника.

— Так и передать?

— Давай быстрей.

В комнате вновь наступила тишина. Только под рукой телеграфиста мягко постукивал ключ.

— Ну и что? — спросил Городовиков.

— Ругается... — ответил телеграфист, усмехнувшись.

Дверь сильно хлопнула. В комнату вошел Мироненко.

— Товарищ начдив, от Купянска подходит эшелон, — доложил он, прикладывая руку к серой папахе.

Городовиков быстро взглянул на него.

— Знаю, — подхватил он. — Это Деникин шлет нам снаряды. Иди. Принимай эшелон.

В то время как полки 4-й дивизии, захватив станцию Сватово, располагались на отдых в лежавшем под горой большом селе Ново-Екатеринославле, в Купянске, где находился штаб белых, было крайне неспокойно.

— Позвольте, как они могли нас обойти? — удивлялся Деникин, разглядывая карту сквозь лупу и одним ухом прислушиваясь к тревожному гулу голосов нервно шагавших за дверью штабных офицеров.

— Да, нехорошо... Ай-яй-яй, как нехорошо получается! — Он положил лупу, потеребил седоватую бородку и покачал головой. — Да, да, это почти катастрофа!

Действительно, положение для деникинской армии было угрожающим. От Харькова стремительно наступали латыши, от Валуек нависли 3-я и 9-я стрелковые дивизии красных, а единственный путь отхода на юг перерезали части Конной армии...

— Спасайте положение, генерал, — говорил Деникин вызванному в штаб Мамонтову. — Надо любой ценой пробить пробку у Сватова.

— Интересно знать, ваше превосходительство, какими силами располагают большевики на юге. И что сможем мы противопоставить им? — спрашивал Мамонтов, медленно поглаживая замерзшие руки.

— Мы имеем абсолютно точные сведения, генерал. — Деникин взял стакан с остывшим кофе и сделал торопливый глоток. — В районе Сватова две конные дивизии противника. Это не так много. Уж вы постарайтесь, голубчик. Извините, по-стариковски величаю. На вас вся надежда... Ну а наши силы? Вы сами, очевидно, знаете, что у нас под рукой. Остатки конных корпусов Шкуро и Улагая. Ну, ваши еще... гм!.. орлы, — заключил он с неловкой заминкой, бросив косой взгляд на Мамонтова.

— Маловато, ваше превосходительство.

— Маловато?.. Позвольте! — вспомнил Деникин. —

В районе Боровой находится конная бригада дивизии Гусельщикова. Девятнадцатый и двадцатый полки. Связи с ними мы не имеем. Разыщите их и подчините себе.

— И все же маловато, ваше превосходительство. Не исключено, что мне придется встретиться с Буденным.

— Да, да, разумеется... Возможно, весьма возможно, — сказал Деникин в раздумье, с сочувственной ноткой, словно бы Мамонтов делал ему большое одолжение, выступая против Буденного. — Позвольте, вот из головы вон! Я дам вам еще офицерский полк.

Мамонтов с неудовольствием пожал плечами.

— Свяжет меня пехота, ваше превосходительство.

— Почему свяжет? Мы посадим полк на подводы.

— Ну, если так, то это дело другое, — согласился Мамонтов, что-то соображая. На его горбоносом лице промелькнуло хитрое выражение. — Когда прикажете выступить?

— А сколько вам надо на сборы?

— Меня могут задержать только подводы, ваше превосходительство. Во всяком случае, часа через три я буду готов.

— Ну и прекрасно, голубчик. Выступайте с богом. Заранее уверен в успехе...

Расположив дивизию в Ново-Екатеринославле, Городовиков вызвал командира 19-го полка Стрепухова и приказал ему занять двумя эскадронами высоты над селом. Высоты эти надежно запирали подступ с горного хребта, по которому могли наступать белые от Купянска. Но Стрепухов распорядился иначе и ограничился лишь высылкой мелких разъездов. «Ничего ночью не будет, — думал он, — пусть ребята поспят, а утром пошлем...»

Ворошилов еще на первом совещании командиров частей поставил вопрос о поднятии ответственности командного состава и потребовал обязательной проверки исполнения отдаваемых приказов, но Городовиков был на этот раз настолько утомлен, что как-то упустил проверить, выполнены ли его распоряжения. Усталость сломила его, и он, как был в бурке, прилег на кровать и тут же крепко заснул.

Тускло горела лампа с закопченным, разбитым сверху стеклом. Трещал за печкой сверчок. Изредка слышалось, как во дворе глухо топали лошади. На лавке у темного

окна сидели ординарец Городовикова — молодой казак и друживший с ним Митька Лопатин. Они тихо беседовали.

— Как мы еще с прошлого года стали регулярная кавалерия, так с нас и спрос другой, — говорил Митька. — Слышал, как товарищ Ворошилов на митинге сказал: «Без дисциплины нет армии». Правильно партия указывает. А то что же получится, если каждый будет делать по-своему?.. Ты Пархома помнишь? В 20-м полку эскадроном командовал.

— Помню. А что?

— А помнишь, как его с эскадрона снимали?

— Вот этого не помню. Я тогда, видно, в госпитале лежал.

— Так вот этот Пархом раз шибко выпил, ну и набузил чего-то там. Командир полка решил его сменить. Да. А я аккурат ехал в штаб. Смотрю, чего-то наши ребята шибко шумят. Я сначала думал — митинг. Подъезжаю. Нет, просто так кричат. Спрашиваю: «Чего шумите, братва?» А один отвечает: «А что? Приехал какой-то черный с курсов нашего Пархома сменять. Ну и дали же мы ему эскадрон. Верст двадцать гнались! Еле ушел...» Ну, скажи, разве это порядок? По-моему, так: раз дан приказ — умри, а выполни!

Дверь приоткрылась. В хату просунулась голова молодого бойца.

— Ребята, чего вы тут сидите? — спросил он вполголоса, оглядываясь по сторонам. — Там девчата на посиделки пошли. Пойдем?

— А далеко? — спросил Митька Лопатин.

— Да нет. Через две хаты. Пошли!

Бойцы поднялись с лавки и, ступая на носках, потихоньку вышли из комнаты.

Городовиков застонал во сне и повернулся на бок. Ему снилось, что дивизия двинута в глубокий рейд по тылам белых. Бойцам было приказано надеть погоны. Сам он был в генеральской форме, и комбриг Мироненко, докладывая, величал его превосходительством. Но вдруг, как это часто бывает во сне, оказалось, что докладывает не Мироненко, а кто-то другой.

— ...Ваше превосходительство... Ваше превосходительство, — нудно сипел над его ухом чей-то простуженный голос. — Ваше превосходительство...

Городовиков приоткрыл глаза. Над ним склонилось пе-

знакомое лицо, обвязанное по самые усы башлыком, засыпанным снегом.

— Ваше превосходительство... — говорил незнакомый человек с грубоватой настойчивостью.

— А? Что такое? — спросил Городовиков, не совсем еще понимая, что происходит.

— Разрешите доложить, квартирьеры мы, ваше превосходительство. От девятнадцатого полка. Нам приказано на энтой улице становиться, а усе занято. Как прикажете быть?

— Как?.. Почему девятнадцатого? — начиная просыпаться, спросил Городовиков. — Девятнадцатый полк давно размещен по квартирам. И почему вы ко мне обращаетесь? Квартирами ведает начальник штаба...

Дальнейшее произошло как в тумане. Свет в хате погас. Послышался шум борьбы, крики. Вбежавший ординарец зажигал лампу. В сенцах тащили кого-то.

— Что случилось? — недоумевая, спросил Городовиков. Он окончательно проснулся и сидел на кровати.

— Да ка́деты, товарищ начдив, — с явным пренебрежением отвечал ординарец. — Квартирьеры.

— Квартирьеры? Как они сюда попали?

— Да ночью-то не видать. Они едут по селу, а наши патрули спрашивают: «Какого полка?» Они говорят: «Девятнадцатого». Ну и у нас девятнадцатый. Так и получилось. А потом Митька Лопатин посмотрел — погоны! Ну и поднял тревогу.

Однако не все было так спокойно, как говорил ординарец. На западной окраине села постукивали редкие ружейные выстрелы. Где-то глухо рвались ручные гранаты.

— Седлай! — приказал Городовиков. Он поправил бурку и вышел на улицу. Валил густой снег. Во мраке ехали какие-то всадники.

— Какого полка? — окликнул Городовиков.

Всадники остановились.

— Девятнадцатого, — сказал в ответ голос.

— Какой дивизии? — Начдив опустил руку на кобуру.

— Четвертой!.. Это вы, товарищ начдив? — спросил Стрепухов, подъезжая к нему и легко слезая с лошади. По тому тону, каким были сказаны эти слова, Городовиков сразу же понял, что командир полка чем-то смущен: в его обычно грубоватом голосе проскальзывали виноватые нотки.

— Ты высоты занял? — спросил Городовиков, начиная смутно догадываться.

— Занимаю, товарищ начдив.

— Что? — тихо спросил Городовиков, с трудом сдерживая готовый вырваться яростный крик. — Занимаешь? А я тебе когда велел? А? Я с вечера велел! А что, если белые будут делать атаку?

— Ничего не будет, товарищ начдив, — заговорил Стрепухов, виновато покашливая. — Ребята устали. С ног валятся. Я дал им отдохнуть. А высоты зараз займу, и точка!

— Подожди, я тебе такую точку поставлю! — значительно пообещал Городовиков.

Он задыхался от бешенства. Руки его судорожно вздрагивали. Все же он сдержал гнев и спокойно сказал:

— Тут какие-то белогвардейские квартирьеры болтаются. Надо их вышибить вон! — Говоря это, он, конечно, не знал, что это были квартирьеры той самой заблудшей бригады генерала Гусельщикова, о которой вспоминал Деникин в разговоре с Мамонтовым.

Вблизи послышался быстрый конский топот. По улице скакал всадник, на ходу спрашивая, не видал ли кто начдива.

— Давай сюда! Я здесь! — крикнул Городовиков.

Подъехавший связной доложил, что по хребту движется обоз белых с каким-то имуществом. Обоз очень большой, охраны почти никакой.

— Вот это дело! — сказал Стрепухов. — Сами к нам в руки идут. Разрешите забрать обоз, товарищ начдив? Я в момент с ним управлюсь!

— Что ж, бери! — согласился Городовиков. — Но только смотри, действуй осторожно. Как бы там не оказалось большой охраны. Я пойду за тобой со второй бригадой.

Стрепухов подхватил подошедший 19-й полк и вместе с ним умчался вперед.

К рассвету сильно похолодало. В морозном воздухе лениво кружились снежинки, словно не зная, куда им опуститься. Сотни повозок, скрипя обмерзлыми колесами, нескончаемой вереницей ползли в синеватом тумане. Среди них виднелись редкими одиночками согнувшиеся укутанные попонами фигуры солдат.

«Ну, с такой охраной я разом управлюсь, — подумал Стрепухов. — Говорил же я, что не стоит задаром беспокоить людей. А обоз — это хорошо. Теперь приоденем бойцов». Подумав все это, он подал команду.

Но не достиг полк и половины обледенелой изрытой горы, как с повозок стали соскакивать черные фигурки людей. Сноровисто развертывались пехотные цепи. Рванули воздух резкие залпы. Яростно ударили пулеметы. Из-за хребта загремели орудия.

«Обманул, старый лис!» — подумал Городовиков, нехорошо поминая Деникина. Он видел, что полк расстроен, отступает, и спешил ему на помощь.

Спустя полчаса вся дивизия ввязалась в бой. Рискуя каждый миг головой, Городовиков носился под пулями, останавливал отходивших, вводил в дело резерв. Но белые нависли на флангах большими конными массами, и полки шаг за шагом сползали с горы под перекрестным огнем.

Бой гремел не переставая. С наступлением сумерек дивизия окончательно спустилась в село. Туда же ввалились и пехотные цепи противника. Пришлось волей-неволей поделиться с ними квартирами. Ни красные, ни белые, утомленные беспрерывными действиями, не имели сил развить ночной уличный бой. Так без большой драки и ночевали противники по разным концам большого села.

К утру подошла первая бригада 11-й дивизии, вся в облаках морозного пара. Городовиков тут же нацелил ее в обход селения, а сам повел наступление в лоб. Дружным ударом конармейцы вышибли белых из Ново-Екатеринославля. Противник отскочил к югу, в село Меловатку. Туда, постукивая на рельсовых стыках, тревожно завывая и застилая дымом окрестности, неслись на всех парах из Донбасса белогвардейские бронепоезда. Прикрываясь ими, Мамонтов начал перегруппировку частей.

Городовиков был недоволен создавшимся положением. Конечно, он сумел сдержать наступление белых, не отдал им станции с захваченным бронепоездом и другими трофеями, но окончательно разгромить противника ему не пришлось.

Он сидел поздним вечером при свете лампы и думал, как поступить ему дальше. Слишком неравное было количество сил, а к белым, как было слышно, подходили какие-то новые части. Следовало бы организовать дерзкую разведку. Он думал, кому бы поручить это опасное дело, и жалел, что при нем нет Дундича, недавно назначенного

командиром полка в 6-ю дивизию. От этих размышлений его оторвало появление начальника штаба, который доложил о прибытии Реввоенсовета. И точно. Не успел он доложить, как в комнату вошли Буденный и Ворошилов.

— Ну, рассказывай, начдив, что тут у тебя происходит? — сказал Буденный, когда Городовиков при виде входивших встал из-за стола и представился.

Городовиков развернул карту и, хотя в те времена еще не совсем хорошо ладил с ней, стал докладывать обстановку. После неудачной попытки захватить «обоз» белых два следующих дня, 17 и 18 декабря, красные и белые выходили на хребет меряться силами, но расходились каждый раз без каких-либо существенных результатов. Захвачены пленные. По их сообщениям, группу белых возглавляет Мамонтов. Городовиков доложил также о том, что ему очень мешал бронепоезд противника, который подходил совсем близко и обстреливал станцию прямой наводкой. Тогда он пустил навстречу ему пустой паровоз под парами, и бронепоезд бежал. Вот и все, что он мог доложить.

— Вяло! Вяло действуете, товарищи! — энергично заговорил Ворошилов. — И как вы могли с такими силами пропустить белых от Купянска! Чуть станцию не отдали обратно.

— И вторую бригаду одиннадцатой дивизии зря все время держал в резерве, — подхватил Буденный, — надо было маневрировать.

Городовиков хотел было сказать на это, что вина ложится на Стрепухова, не точно выполнившего приказ, но он уже изрядно поругал командира полка и поэтому смолчал, приняв всю вину на себя. Он стоял и, опустив голову, слушал замечания Ворошилова... Но резкие суждения Ворошилова отнюдь не порождали в нем чувства досады. Нет, слушая его, он только поражался, что этот человек, в котором он видел вначале только крупного политического работника, высказывал такие предположения и так быстро ориентировался в обстановке, словно всю жизнь только и занимался тем, что командовал войсковыми соединениями или руководил высшими штабами. И все это внушало ему чувство глубочайшего уважения к Ворошилову. Ранее Городовиков испытывал это чувство только к Буденному, считая его человеком исключительной смелости. Сейчас, хотя Ворошилов уже дважды предлагал ему сесть, он все стоял и удивлялся.

— Ведь вас зовут Окой Ивановичем? — вдруг меняя тон, мягко спросил Ворошилов.

— Так точно, товарищ член Реввоенсовета, — отвечал Городовиков, звякая шпорами.

— Я думаю, Ока Иванович, что этому больше не бывать? А? Не повторится? — дружелюбно сказал Ворошилов, потеплевшими глазами посмотрев на начдива.

Городовиков отрицательно затряс головой, всем своим видом показывая, что никаких недоразумений больше не будет.

— Ну вот, и я такого же мнения. — Ворошилов положил руку на плечо начдива и почти насильно усадил его на скамью. — Да, — сказал он, беря стул и присаживаясь рядом. — Понимаете, ведь мы освобождаем человечество от векового рабства. Это великое дело. Так и будем всегда достойны звания бойцов революции... Нет, нет, я не хочу этим сказать, что вы плохо дрались, — продолжал он, заметив, что Городовиков покраснел. — Воевали вы хорошо, но только забыли проверить выполнение отданного вами приказа... Не удивляйтесь. Мы с Семеном Михайловичем уже все знаем. Командир полка Стрепухов подлежит суду военного трибунала. Но...

— Очень хороший командир! — не утерпел Городовиков.

— Это нам известно. Поэтому мы решили ограничиться внушением. Но в первый и последний раз. Командир части должен всемерно проявлять заботу о бойцах. Это верно. Но когда такая забота идет во вред выполнению боевого приказа, то это уже преступление. Понимаете?

— Очень хорошо понимаем, — подтвердил Городовиков.

— Я сам поговорю со Стрепуховым, — сказал Буденный. — Командир он толковый, слов нет, но надо будет дать ему нагоняй... Так вот, Ока, — продолжал он, помолчав, — там с нами пришли бронепоезда. Распорядись, чтобы полки получили патроны. Наступаем с рассветом. А пока обсудим обстановку.

Они подсели поближе к столу и, развернув карту, стали намечать план дальнейших действий. Тут Городовиков узнал, что 6-я дивизия под командованием Тимошенко уже получила приказ за эту ночь выдвинуться в тыл группе Мамонтова. 4-й и 11-й дивизиям при поддержке четырех бронепоездов, автоотряда, а также 3-й и

9-й стрелковых дивизий надлежало сбить Мамонтова и гнать его из Донбасса.

Но Мамонтов сам отдал приказ на наступление. Едва забрезжил рассвет, как на улицах Ново-Екатеринославля начали рваться снаряды. То подошедшие из Донбасса два бронепоезда белых открыли огонь по селу.

Орудийные выстрелы подняли задремавшего под утро Городовикова. Первой его мыслью была забота о Ворошилове и Буденном, ночевавших в соседней комнате. Он застал их сидящими за столом. Буденный не сразу понял, что говорил взволнованный и встревоженный за них Городовиков. Снаряды рвались чуть ли не под самыми окнами, и начдив намекал, что не лучше ли будет, если Реввоенсовет переедет на другую окраину села. Наконец Ворошилов понял, о чем хлопочет Городовиков.

— Вы вот что, дорогой, — сказал он спокойно, — вы лучше займитесь своим делом, а нам пусть дадут чайку.

Городовиков в душе попенял на себя за чрезмерную нервозность, чувствуя, как спокойная уверенность Ворошилова тут же сообщилась ему, и, распорядившись о чае, быстро вышел на улицу. Вспышки разрывов освещали скачущих всадников. Садясь на лошадь, Ока Иванович получил сообщение, что белые выходят на хребет. Приказав двигаться туда всем бригадам, он направился на наблюдательный пункт, находившийся на поросшем кустарником древнем кургане, откуда было хорошо видно лежавшее под горой село Меловатку с белой колокольней посредине. Городовиков посмотрел в бинокль. Там, где за невысокой грядой заснеженных холмов поднималось холодное солнце, двигалась конница. Расходясь в стороны от большой дороги, белые выстраивали фронт целыми полками.

«Смотри-ка, какой массой думает делать атаку, — подумал Городовиков. — Вот бы артиллерией по ним ударить!» Он приказал трубачу вызвать комбригов и, оглянувшись, увидел незнакомого молодого командира в кожаной куртке, который говорил что-то красноармейцу, устанавливающему в кустах телефонный аппарат.

— Кто вы, товарищи? — спросил Городовиков.

Молодой командир оглядел его быстрым взглядом и, видимо узнав, сказал с бодрой готовностью:

— Наблюдательный пункт от группы бронепоезда, товарищ начдив!

— Почему же вы не стреляете?

— Не приказано.

— Почему?

— Командующий приказал открывать огонь только по его распоряжению.

Городовиков с досадой поморщился, но тут же решил, что Буденный прав, не желая до решительного момента обнаруживать подошедшие с ним четыре бронепоезда.

Подъехали комбриги Мироненко, Маслак и рыжеватый Алаухов. Последним явился вызванный вместе с ними командир батареи Шаповалов. Он острыми и, как всегда, смешливыми глазами выжидающе посматривал на начдива, чувствуя, что потребовали его неспроста. Он не ошибся. Городовиков приказал ему объединить бригадные батареи в артиллерийскую группу.

— А вы, товарищи Мироненко и Алаухов, — говорил Городовиков, — как батареи устроят белым панику, будьте готовы ударить в атаку.

— Командующий, — предупредил Мироненко.

Городовиков оглянулся. Буденный и Ворошилов рысью подъезжали к нему.

— Ну, что тут у вас? — спросил Буденный, останавливая чуть припотевшего буланого жеребца, который сбросил поводья и нетерпеливо мотал породистой головой с вспененными в уголках губ удилами.

— Да вот, Семен Михайлович, сами видите, какие дела, — показал Городовиков в сторону холмов, откуда, развернувшись эшелонами, белые шли на сближение. — Смотрите, какой массой думают делать атаку.

— Ну а ты сам что думаешь делать?

— Сейчас встречу их батареями.

— Подождем открывать огонь. Подпустим поближе, — сказал Буденный.

Мимо них с частым топотом проходили полки второй и третьей бригад, назначенных для атаки во фланг.

— А, доно-ставропольцы! Здорово, друзья! — весело говорил Ворошилов, оглядывая знакомые ему еще по Царицыну лица бойцов и называя некоторых из них по фамилии.

Красноармейцы радостно отвечали, переговаривались между собой, видимо очень довольные тем, что их узнал сам Ворошилов.

Налево послышались далекие раскаты пушечных выстрелов.

— Наши, — сказал Ворошилов. — Пехота вступила в бой. Пора и нам начинать.

Действительно, это были части 9-й стрелковой дивизии. Она вела наступление от Старобельска и вот, только что встретившись с белыми, теснила фланговое охранение противника на главные силы.

Мамонтовская конница стремительно приближалась. Простым глазом было видно, как волна за волной появлялись из-за холмов черные массы скачущих всадников. До них оставалось не многим больше версты. Видимо, расценивая бездействие красных как нерешительность, белые для большего устрашения начали сильный артиллерийский обстрел.

Выпущенные по приказу Буденного пристрелочные снаряды накрыли цель.

— Хорошо! — сказал Буденный. — А теперь всем бронепоездам и батареям открыть беглый огонь! — Он повернулся и подал знак артиллеристам.

— По кавалерии! — рявкнул Шаповалов.

— По кавалерии! — повторил в трубку сразу вспотевший телефонист.

— Шрапнелью!.. Прицел двадцать пять!.. Трубка двадцать пять!.. Беглым!.. Огонь!..

За горой все содрогнулось. Грянул залп. Вслед ему батареи загремели беглым огнем. Шквал за шквалом неслись снаряды, наполняя воздух свистом и клекотом.

Ворошилов, привстав на стременах, смотрел из-под руки навстречу солнцу, где гремел огненный вал. Он видел, как атакующая кавалерия внезапно остановилась и начала медленно осаживать. На его глазах только что стройный боевой порядок превращался в метавшееся месиво всадников. А во фланг белым уже выходили из балки бригады 4-й дивизии. Левее замелькали шлемы-богатырки 11-й. Сверкнули шашки. Полки пошли в атаку. Стрельба смолкла. В наступившей тишине слышался только конский топот.

Городовиков весело посмотрел на Буденного.

— Вот, Семен Михайлович, какой паник получился кадетам! — сказал он, посмеиваясь. — Разрешите и мне пойти в атак? Мне тут делать нечего.

— И нам тут делать нечего. Едем и мы, — подхватил Ворошилов.

Он поправился в седле и пустил лошадь в галоп. В ушах завыл ветер. Ломило шапку назад. Перед глазами Ворошилова рубились отдельные всадники, группы. Всюду валялись люди и лошади. Но догнать главные силы

мамонтовской кавалерии было трудно. Она с размаху бросилась вниз по крутому склону горы и, не задерживаясь, неудержимо катилась все дальше и дальше на юг...

13

Тимошенко и Бахтуров стояли на высоком кургане и молча смотрели в ту сторону горизонта, где колыхалось огромное зарево. Пламя то замирало, то, ярко вспыхивая, освещало низко нависшие тучи.

Потом и вправо от того места, где стояли они, сверкнула зарница, и в темном небе стал, трепеща, разливаться красноватый отблеск огня. Налетевший ветер принес с собой тревожный гул канонады.

— Жгут, злодеи, Донбасс! — хмуро сказал Тимошенко. — Гляди, кругом пожар.

— Как, как ты сказал? — спросил Бахтуров, быстро взглянув на начдива.

— Я говорю: пожар кругом, — повторил Тимошенко. — Эх, и в такое время в резерве стоять!

Но Бахтуров уже не слушал его. Вынув записную книжку, он что-то торопливо записывал.

Тимошенко молча посмотрел на комиссара.

— А ведь это Горловка горит, — сказал он.

— Ты думаешь?

— Она самая. Я хорошо знаю эти места.

Пожар разгорался. По степи сполохами ходили огненные блики. Теперь стало видно, что влево, почти у самого горизонта, двигалась какая-то масса.

— Посмотри, посмотри, Семен Константинович, что там чернеется? — показывал Бахтуров.

— Наши пошли, — сказал Тимошенко, зная, что в той стороне должна была двигаться 4-я дивизия, получившая приказ Буденного занять Горловку ударом с северо-востока.

Он не ошибся. Это была действовавшая отдельно первая бригада 4-й дивизии, только что опрокинувшая заслон белых.

Митька Лопатин ехал в своем обычном месте, позади Ступака, и думал о том, что еще немного — и он увидит родные места. Все эти дни Конная армия с жестокими боями шла по Донбассу, и он почти не смыкал глаз, находясь то в разведке, то участвуя в боях вместе с полком.

Сейчас, пользуясь тем, что бригада шла шагом, он дремал, сутулясь в седле.

Начинало светать. Впереди, на сероватом фоне восхода, чернели высокие трубы поселка, сожженного орудийным огнем.

Митька вздрогнул и выпрямился.

Позади себя он услышал знакомый сипловатый голос Меркулова.

— Есть у них, понимаешь, один капитан или подполковник. Туркул — фамилия, — говорил Меркулов, покашливая. — Начальник контрразведки. Родной брат генерала Туркула. С ученой собакой ходит. Ребята сказывали: страшила, каких свет не видывал. Глаза кровью налитые, как пламя, горят. Шерсть дыбом... Ну, и как Туркул какого из наших в плен поймает, так зараз голым разденет и к дереву либо к столбу привяжет, а сам на собаку: «Бери!» Ну и та, значит, терзает его. Она у него так уж приученная... Очень я желаю этого капитана поймать, — заключил Меркулов, оглядываясь.

Полк втягивался в поселок. По обе стороны дороги дымились развалины.

— Гляди, еще висят! — показал Меркулов.

Вправо от дороги на перекладине качелей висело несколько трупов, по виду шахтеры.

Вдали стукнул одинокий выстрел. Лошади встрепенулись и запрядали ушами, прислушиваясь.

Колонна взяла рысью. Получив приказ Ступака сменить с Федоренко головной дозор, Митька Лопатин снял винтовку и пустил лошадь галопом навстречу налетавшему порывами холодному ветру.

Близ поселковой рощи шумела толпа. Со всех сторон подбегали все новые люди. В толпе виднелись засаленные фуражки и шапки шахтеров. Слышался говор. Возбужденно размахивая руками, люди смотрели в степь, где за косой сеткой летящего снега виднелись какие-то всадники.

— Наши! Наши идут!

— Дождались, ребята. Ура!

— Гляди, гляди, еще едут!

— Наши? А может, не наши? — опасливо говорил старый шахтер, прижмуривая подслеповатые глаза. — Гляди, сынки, чтоб плохо не вышло.

— Да нет, дедуся, верно ведь наши! — радостно

вскрикнула стоявшая с ним румяная девушка. — Вон и шапки-то другие.

Вблизи послышался быстрый конский топот. Из-за крайнего дома во весь мах выскочили один за другим два всадника. Передний, Митька Лопатин, лихо подскакал к радостно гудевшей толпе и, с ходу остановив запотевшую лошадь, весело крикнул:

— Здорово, братва!.. Ну, вот и мы!

Громовой крик «ура» потряс воздух. Тучи галок взвились над рощей и, кружась, стремительно понеслись на ту сторону поселка.

Бойцы спешились. Народ надвинулся, обступил их плотной стеной.

— Товарищи... милые... Спасители наши...

Старый шахтер, взяв обеими руками Митьку за плечи, с силой тянул его к себе. Митька сразу не понял зачем и, только ощутив на губах прикосновение колючей щетины, почувствовал, как сердце у него словно оборвалось и полетело куда-то...

Плача и смеясь, горняки обнимали буденновцев.

— Сынок, а сынок! — теребила Митьку старушка с кошелкой. — На-ко вот, возьми пирожка, — говорила она, дотрагиваясь до него иссохшей рукой. — Вкусный, попробуй да возьми про запас.

Митька улыбался растерянной ребячьей улыбкой.

— Спасибо, мамаша. Ну куда я с пирогами?..

А с другой стороны чьи-то руки протягивали ему кувшин молока.

«Вот народ! — думал Митька. — У самих есть нечего, а последнее отдают».

Мимо него прошел рысью эскадрон, сменивший походное охранение.

— Слышь, сынок, бери табачку, — предлагал старый шахтер, подавая ему полный кисет. — Сам садил. Крепкий. Продерет по самые шпоры... Да нет, нет, весь бери! У меня много, — говорил он, видя, что Митька берет на закурку.

Внезапно в толпе произошло движение. Здоровенный парень в шахтерской блузе, сидя на небольшом пузатом коньке и доставая длинными ногами почти до земли, пробивался к бойцам.

— Эй, братва! — кричал он. — Где тут принимают в буденную армию?

— А ты кто таков?— спросил Ступак, глядя на пар-

ня, который, сидя на подушке вместо седла и вдев ноги в веревочные стремена, норовил пробраться к нему.

— Коногоны мы, товарищ. На шахте работали.

— И много вас?

— Много... — Парень повернулся и показал рукой в сторону поселка.

Оттуда, болтая руками, подъезжали всадники.

— Ну, так становитесь, ребята, в сторонке, — спокойно распорядился Ступак. — Начальство вот приедет, разберется.

Шахтеры подъезжали, спешивались и отводили лошадей с дороги, по которой непрерывным потоком шла конница.

— Что за войско? — раздался над Ступаком знакомый голос.

Взводный оглянулся. Около него остановились Буденный и Ворошилов.

— Разрешите доложить, товарищ командующий. — Взводный вытянулся и отчетливым движением старого служаки приложил руку к косматой папахе. — Вот эти ребята желают до нас поступить.

— Ну что ж, это хорошо, — сказал Буденный.

Он слез с лошади, передал ее Феде и подошел к притихшим шахтерам, которые во все глаза смотрели на него.

— Так, значит, товарищи, хотите к нам поступить? — спросил он, прищурившись.

— Хочем!.. Желаем!.. — загудели в ответ голоса.

— Это, конечно, дело хорошее, — заговорил Буденный. — И нам хорошие бойцы нужны. Но знаете ли вы, ребята, что такое Конная армия? У нас, прямо сказать, закон такой: мы рвемся вперед. Бойцы у нас лихие, кони хорошие, а у кого плохой — умей достать у противника... Но кто пойдет назад, кто будет панику разводить, тому мы рубим голову. Так вы и знайте. И кто не выдержит такого режима, такой дисциплины, у кого гайка слаба, кто на себя не надеется, тот сматывайся сейчас же, чтобы после не было неприятностей. Нам нужны только герои...

Митька Лопатин видел Буденного, но не слышал, что он говорит, и хотел было продвинуться поближе, но тут кто-то окликнул его.

К нему подходил знакомый шахтер.

— Лопатин, здорово! — приветливо сказал он, крепко пожимая руку товарищу. — Ты как здесь?

— А я уж второй год у Семена Михайловича.

— Что это у тебя конь такой худой? — спросил шахтер, проводя рукой по острому крупу лошади.

— Чешем, брат, чихнуть некогда. Двое суток не расседлывали. Совсем кони подбились, — сказал Митька.

— Где бурку-то взял?

— Трофей.

— Ох, видно, и дали вы духу ка́детам!

— А что? — Митька сбил кубанку на затылок.

— Да тут такая паника началась, как вы на Сватово ударили! В момент ка́деты убрались. Даже спалить ничего не успели. А тут еще Луганск восстал... А вашу Никитовку, слышно, спалили.

— Что? — Митька побледнел. — Откуда слыхал?

— Не слыхал, а видел. Зарево-то всю ночь горело... А ты бы домой заскочил. Тут и восьми верст нет...

Митька и сам хотел было раньше отпроситься у взводного. Теперь это решение укрепилось у него окончательно. Он попрощался с товарищами и направился к Ступаку. Взводный поворчал для проформы, но, будучи добрым человеком и хорошо понимая душевное состояние Митьки, отпустил его.

— Ты только гляди, Лопатин, к кадетам не попади, — говорил он, сердито хмуря светлые брови. — Там, может, еще пооставались.

— Не таковский.

— Ну, гляди...

Митька вскочил в седло, поправил кубанку и помчался домой. Уже выезжая из поселка, он услышал позади себя громкие крики и оглянулся. На возвышенности около рощи колыхались красные знамена и густо чернел народ. Там возникал митинг.

Оставляя за собой степь с темными вышками давно покинутых шахт, Митька ехал знакомой дорогой. Сердце его замирало от предчувствия встречи с родными. Но радость свидания с матерью и Алешкой омрачалась тем, что он после первых слов должен был сказать им о смерти отца. «А может, не говорить?.. Нет, рано ли, поздно ли, придется сказать. Так уж лучше теперь», — решил он.

Думая так, он въехал в поселок и сразу заметил происшедшую вокруг перемену. Вон и рощи нет. На месте ее торчат обгорелые пни... Постой, а где колокольня? Колокольни тоже не было видно...

Он остановил лошадь и осмотрелся. Вокруг лежали занесенные снегом развалины, источавшие горьковатый за-

нах пожарища. Кое-где виднелись уцелевшие белые домики без окон и дверей, с израненными осколками стенами. Кругом было пустынно и тихо. И только вдали, на окраине, сиротливо вился белый дымок.

Озираясь по сторонам, Митька поехал шагом вдоль улицы. Вдруг он вздрогнул и остановился. Белая стена за полуразрушенным палисадником была сплошь забрызгана кровью.

С внезапно возникшим чувством тревоги Митька погнал лошадь галопом.

Еще издали он увидел знакомую белую мазанку. Он спешился и повел лошадь через лежавшие на земле сорванные с петель ворота. Лошадь всхрапнула, вытянув шею, осторожно простучала копытами по обледеневшим доскам.

Во дворе было пусто. У дверей валялось ржавое ведро с выбитым дном. В вырытой снарядом воронке желтела подмерзшая сверху вода. Ветер шевелил обрывком газеты, лежавшим подле скамейки. Митька нагнулся, машинально взял газету и сунул в карман — курить ребятам.

В это время сквозь щелку в дверях на него испуганно смотрел, приоткрыв рот, маленький белокурый парнишка.

Митька привязал лошадь и направился к дому. Дверь распахнулась.

С диким криком к нему метнулся какой-то мальчишка в ватной солдатской фуфайке.

— Митька! — повторял он. — Митька!..

— Алешка!.. — Митька нагнулся, поднял голову брата и взглянул в его светившиеся голодным блеском глаза. — Братишка, а я тебя и не узнал. Какой ты худой да длинный! — обнимая и целуя его, говорил Митька Лопатин.

— И я тебя, Митька, сразу не узнал.

— А мамка где?

Алешка ткнулся носом в пропахшую конским потом лохматую бурку и заплакал тихо и жалобно.

— Ну что ты? Ну что ты, дурачок? А еще шахтер, — торопливо успокаивал его Митька, а у самого в предчувствии непоправимой беды слезы уже слепили глаза. — Ну, не плачь, братишка. Мамка где? Говори!

Алешка поднял на него заплаканное лицо и, чуть шевеля губами, тихо сказал:

— Померла.

— Померла? Родная моя!..

Митька, задохнувшись, провел рукой по лицу. На его смуглых щеках проступили белые пятна.

— Болела? — спросил он дрогнувшим голосом.

— Побили ее. Кадеты у нас стояли, — всхлипывая и дыша открытым ртом, заговорил Алешка. — Они все до нее приставали. А потом дознались или кто доказал, что вы с батей в буденной армии. Били ее, проклятые... сапогами... Она сначала все кровью кашляла...

— Давно померла?

— Месяца два... У нас, Митька, кадеты много народу побили. Колькиного отца, учителя Ивана Платоновича и еще много других шомполами до смерти забили... Дядю Ермашова к стене гвоздями приколотили.

— За что?

— За Аленку. Ее кадеты сильничали. А он на них с вилами. А Аленка утопилась...

Митька, схватив брата за плечо, страшными глазами смотрел на него.

— Утопилась?

— Ага. В пруде... Ой, Митька, больно! Чего ты мое плечо жмешь? Пусти!

— Говори дальше, — приказал Митька, опустив руку. — За что поселок спалили?

Алеша всхлипнул; размазывая слезы по грязному лицу, начал тихо рассказывать:

— Как кадеты заладили отступать, наши шахтеры хотели по ним ударить. Оружие подоставали. Я тоже батину винтовку вырыл, им дал. Дядя Егор бомб понаделал. А кадеты дознались — кого саблями посекли, кого с винтовок. А потом, как убрались, давай с орудий по поселку палить. Весь народ поразбежался. А я с бабкой Дарьей — она теперь у нас живет — в погребе сидел... Ох и плохо было! — Алешка вздохнул с лихорадочной дрожью. — Митька, а ты чего один?.. Ну, чего молчишь? Где батя наш?

Страшным усилием Митька сдержал готовые брызнуть слезы. Он ласково посмотрел на Алешку и погладил его белокурую голову.

— Давай сядем. — Он сел на скамейку и посадил брата рядом с собой. — Батя, — сказал он, помолчав, — занятый сейчас. Он при Семене Михайловиче.

Алешка доверчиво посмотрел на брата. На его ввалившихся щеках вспыхнул румянец, мокрые глаза заблестели.

— При Буденном?

— Ага. Отлучаться ему никак не можно. Там первое дело быть всегда наготове, — авторитетно говорил Митька, а сам думал: «Матери нет... Никогда не увижу...»

— Он что, командиром? — спросил Алешка, тронув его за рукав.

— Командиром.

— И саблю носит?

— Носит.

— И эти... как их?.. У него тоже есть? — показал Алешка на шпоры.

— Шпоры?

— Ага.

— А как же!

Алешка слез со скамейки, присел и худой черной рукой позвенел колесиками репейков.

— Митька, а Митька!

— Чего?

— Возьми меня с собой, Митька... А? Верно, возьми. Я вам с батей помогать буду. Эти вот шпоры чистить буду. Гляди, какие они у тебя ржавые да грязные.

Митька нежно посмотрел на братишку и, поиграв вспухшими желваками на скулах, заговорил убедительно:

— У нас маленьких не принимают. Ты уж поживи пока с бабкой Дарьей. Я вернусь. Тогда заживем по-другому. Жизнь-то какая будет! Тогда всем будет дорога открыта. И я вот выучусь и тебя выучу... Ты у меня инженером будешь... А за мать я отомщу...

— Эва! — Алешка усмехнулся сквозь непросохшие слезы. — Что ты все врешь-то? Разве тебя, такого большого, в школу возьмут?

— Да разве я, глупенький, в вашу школу пойду? Я на командира учиться буду.

Алешка с сомнением посмотрел на брата.

— Чудно́, — сказал он, усмехнувшись.

— А где бабка Дарья? — спросил Митька.

— За картошкой пошла. У нас есть нечего.

— А ну иди сюда! — спохватился Митька.

Они подошли к лошади. Митька развязал торока.

— Держи!

Он стал вынимать из переметной сумы и класть на протянутые Алешкины руки хлеб, консервы и еще какие-то свертки.

— Ой, Митька, где ж ты все это набрал? — удивился

Алешка. Глаза его заблестели. — А это чего, в банке-то?

— Какава, — важно сказал Митька.

Потом он достал новую суконную гимнастерку с иностранными гербами на пуговицах и, подавая ее брату, деловито сказал:

— А это на хлеб сменяете. Меньше двух пудов не берите. Хорошая гимнастерка. У самого Деникина взял. Ну, донесешь?

Вдали ударило несколько пушечных выстрелов.

— Кто это, Митька? — спросил Алешка с опаской.

— Наши. Беглым кроют... Ну, мне пора!

Он нагнулся, крепко поцеловал братишку и, повернув его, легонько толкнул в спину.

Когда Алешка, свалив все подарки кучей на стол, выбежал на улицу, чтобы еще раз взглянуть на брата, он увидел только быстро мелькавшие конские ноги и черные крылья развевавшейся бурки.

Вот всадник проскакал в конец улицы, свернул вправо и, широким прыжком махнув через канаву, скрылся за поворотом.

14

Шли упорные бои. Белые нелегко отдавали Донбасс. Вечерами вдоль горизонта разливался красный трепещущий свет. Сотрясая воздух, катился пушечный грохот. В темном небе полыхали зарницы.

Однако Конная армия, шаг за шагом выбивая противника из пределов Донбасса, шла почти не задерживаясь. Пехота — приданные стрелковые дивизии — не отставала от конницы и бронепоездов. В облаках снежной пыли в степи двигались сотни подвод. На каждой по пять-шесть человек сидели стрелки. Все это неудержимым потоком катилось на юг.

Сломив упорное сопротивление войск Деникина сперва на Северном Донце, а потом на Ростово-Новочеркасском плацдарме, Конная армия в первых числах января вышла на подступы к Ростову.

Здесь, в районе села Султан-Сала и станицы Генеральский Мост, Деникин решил сосредоточить почти все свои силы, считая возможным дать и выиграть сражение. День и ночь шли сюда конные корпуса Топоркова и Мамонтова, пешие пластунские части, отборные офицерские полки

дроздовской и марковской дивизий. Подходили артиллерийские парки, тянулись обозы.

Сосредоточив войска, Деникин нанес сильный удар и потеснил красные части.

После этого он решил обрушиться на Конную армию.

Ворошилов и Буденный слушали Зотова, который докладывал им общую обстановку на фронте.

Зотов уже доложил о том, что ему было известно о группировках противника, и теперь перешел к освещению действий частей Конной армии. Почти все это уже было известно и Ворошилову и Буденному, обычно руководившим боем на месте, но для полного анализа обстановки они решили заслушать начальника штаба. Доложив об удачных действиях 6-й дивизии под станицей Генеральский Мост, Зотов сказал, что 11-я дивизия с приданной пехотой и бронепоездами, с боем заняв Таганрог, согласно приказу движется в район станицы Синявской. В Таганроге захвачены огромные трофеи, в том числе двенадцать тяжелых орудий, танки, автомашины, боеприпасы и медикаменты. Командир дивизии доносит, что конский состав сильно подбился и нуждается в отдыхе.

— Одиннадцатую дивизию вывести в армейский резерв, — приказал Буденный.

— Слушаю, — Зотов тихо звякнул шпорами. — Разрешите продолжать, товарищ командующий?

Буденный молча кивнул.

— Части нашей пехоты, пятнадцатая и шестнадцатая дивизии, численно весьма слабые, — продолжал Зотов, — на рассвете сего седьмого января перешли в наступление по большой дороге Аграфеновка — Нахичевань и беспрепятственно вышли на линию хуторов Щедрин — Родионов — Несветайский, где подверглись неожиданному нападению крупных масс конницы противника.

— Известно, какие именно части? — спросил Ворошилов.

— Так точно. Конные корпуса Топоркова и Мамонтова. Всего до двенадцати тысяч сабель, — Зотов откашлялся. — В результате боя, — вновь заговорил он, — пятнадцатая и шестнадцатая дивизии, упорно обороняясь, отходили до расположения четвертой кавдивизии; при ее поддержке удалось приостановить наступление противни-

ка... — Зотов замолчал и привычным движением провел рукой по зачесанным назад волосам.

— Продолжайте, Степан Андреевич, — сказал Ворошилов.

Быстро просмотрев лежавшую на столе бумажку, Зотов сказал:

— По данным разведки, противник, упоённый успехами, доносит о решительных поражениях, нанесенных нашим частям, и сообщает, что красные не только остановлены, но даже отброшены на сто верст от Ростова.

Легкая улыбка тронула тонкие губы Ворошилова.

— А ведь это вранье нам на руку, — заметил он, нагибаясь над картой.

Буденный подвинулся поближе к нему, и они принялись намечать план действий по разгрому ростовской группировки Деникина.

Ранним утром 8 января от Чистополя, где ночевала 6-я дивизия, в сторону хутора Щедрина ударили батареи: 6-я дивизия с приданной ей бригадой 33-й кубанской стрелковой дивизии пошла в наступление. Немного раньше 4-я дивизия во главе с Реввоенсоветом Конармии двинулась в глубокий обход, чтобы нанести удар с тыла по группировке Деникина у станицы Генеральский Мост.

6-я дивизия, развернувшись, быстро продвигалась вперед. Но не прошла она и трех верст, как Тимошенко получил донесение, что навстречу ему движутся крупные конные части противника. Как оказалось, у белых на утро тоже было назначено наступление. На равнине под хутором Щедриным разыгрался встречный бой. По всей линии застрекотали пулеметы, часто захлопали выстрелы. Белые спешно вводили в дело резервы. Было видно, как по давно не паханному полю быстрым шагом, развертываясь в цепи, подходили пехотные колонны. Над ними в голубом с утра небе рвалась шрапнель.

Но Тимошенко свой резерв в бой не вводил, стараясь определить группировку противника и уже тогда нанести главный удар. Пока он ограничился тем, что спешил полки и перешел к обороне.

Бой принимал затяжной характер.

После полудня погода начала портиться. Подул хо-

лодный ветер. Небо заволокло сплошными серыми тучами. В воздухе, как пух из перины, закружились снежинки.

Тимошенко и Бахтуров поднялись на курган. Перед ними лежала степь, постепенно застилавшаяся легким снежным покровом.

— Я думаю, Павел Васильевич, что время атаковать, — говорил Тимошенко, опуская бинокль. — Я хорошо высмотрел. Там у них пехота, — он показал влево, — а кавалерия в балке за хутором. Вот я и думаю... — и он, изредка поглядывая на Бахтурова, стал объяснять план намеченных действий.

По этому плану Тимошенко предполагал, оставив приданную ему пехоту на месте, произвести одной конной бригадой демонстрацию отступления, чтобы вызвать кавалерию противника на преследование. Когда же скрывшийся в балке противник выйдет в поле, атаковать его во фланг главными силами.

— Хорошо задумано, — сказал Бахтуров.

Тимошенко досадливо поморщился.

— Постой, постой, гляди, что они делают! — вскрикнул он, багровея.

— Что такое? — спросил Бахтуров.

— Пехота наша отходит! Гляди! Вон по той балке.

Но Бахтуров уже сам видел, как на левом фланге, где был участок 33-й бригады, по побелевшему полю быстро двигались черные точки. Вслед им извилистыми линиями поднимались из лощины пехотные цепи офицерских полков. Оттуда доносился дробный перестук пулеметов.

— Я остановлю их, — быстро сказал Бахтуров, — а ты действуй, как думал.

Он сбежал с кургана, вскочил в седло и погнал лошадь в карьер. Трубач и ординарец поскакали следом за ним.

Миновав лощину, Бахтуров выехал на бугристое поле. Навстречу ему, смущенно потупясь, брели группы бойцов.

— Стой! — закричал Бахтуров. — Ни шагу назад!.. Где командир?

— Вон он, командир, — сказал высокий красноармеец в лаптях, показывая на низенького бритого человека в бекеше, в котором Бахтуров узнал командира 33-й бригады.

— Почему отступаете, товарищ командир? Кто приказал? — строго спросил военкомдив, подъезжая к нему.

Комбриг тяжело перевел дух.

— Несем большие потери. Комиссар бригады убит. В первом полку выбыла половина состава, — заговорил он, оправдываясь. — Снарядов почти не осталось. Надо отходить, товарищ комиссар.

— Отходить?! — Бахтуров взглянул на него такими глазами, что комбриг пошатнулся. — Мы сейчас атакуем белых во фланг. Понимаете? Стоять здесь — и ни шагу назад!

Видя внушительную фигуру Бахтурова, слыша его решительный голос, ближние бойцы останавливались, ложились и спешно окапывались.

Бахтуров слез с лошади и передал ее ординарцу.

— Кавалерия с фланга! — не своим голосом крикнул красноармеец в лаптях.

Над гребнем лощины поднялись клинки, потом показались лохматые шапки. Задрожала земля. Послышался быстрый конский топот. Из лощины хлынули всадники.

— Казаки! Ох, посекут! — сказал чей-то голос.

— По атакующему... Огонь! — крикнул Бахтуров.

Казаки — это был резервный полк генерала Топоркова — стремительно приближались, и Бахтуров видел быстро мелькавшие конские ноги.

Прямо на него, кружа шашкой, скакал офицер на буром белоногом жеребце. Бахтуров рванул револьвер и выстрелил, почти не целясь. Жеребец взвился на дыбы. В ту же минуту по голове Бахтурова чем-то крепко ударили, и он, взмахнув руками, упал лицом вперед. Уже теряя сознание, он успел заметить, как лежавший рядом с ним красноармеец в лаптях вскочил и, размахнувшись, всадил штык в живот подбегавшего к нему офицера.

Потом где-то позади часто, вперебой ударили пушки...

Тимошенко видел, как казаки, проскочив сквозь боевой порядок пехоты, повернули и, прикрываясь лощиной, поскакали обратно к хутору, откуда навстречу им выходила шагом большая колонна конницы.

Эту колонну и решил атаковать Тимошенко.

Он уже разослал ординарцев с приказом в бригады, когда вдали, почти на линии горизонта, появилась шевелящаяся черная масса. Тимошенко посмотрел в бинокль. Было хорошо видно, как всадники рысью выстраивали развернутый фронт. Задние, пластаясь в галопе, быстро

расходились по флангам. Прикинув на глаз, Тимошенко определил, что во второй колонне, так же как и в первой, было не меньше дивизии.

«Вот это да! — подумал он. — Тут две дивизии...» Он оглянулся и встретил взгляд смотревшего на него командира резервной бригады, приземистого человека с широким вздернутым носом.

— Смотри, Василий Иванович, — сказал Тимошенко, — то никого не было, то сразу две дивизии.

— Порубим, товарищ начдив, — уверенно проговорил комбриг Книга, подкрутив вверх тонкие усики. — Разрешите мне ударить по первой колонне?

— Коня! — сказал Тимошенко, не ответив на предложение Книги.

Ординарец бегом подвел лошадь начдиву.

Тимошенко сел в седло и уже хотел было спускаться к выстроившимся в низине бригадам, но тут выражение крайнего недоумения разлилось по его покрасневшему под ветром лицу.

Шедшая на сближение с ним первая колонна белых повертывалась налево кругом, выстраивая фронт в обратную сторону, в то время как дальняя колонна, развернувшись лавой, стремительно неслась ей навстречу.

— Гляди, Василий Иванович! Так это же наши! Четвертая дивизия... И как это я сразу не догадался? — сказал Тимошенко.

Он увидел, как обе массы всадников, как две большие бурые волны, с размаху ударились одна о другую, и, расколовшись на части, закружились на месте.

Неожиданно для себя попав в окружение, белые кинулись прорываться в сторону станции Аксайской.

Тимошенко ожесточенно рубился в первых рядах.

— Ай, Дундич! Ну и молодец! — приговаривал он, врубаясь в самую гущу и видя, как Дундич, искусно управляя конем, сеял страшные удары вокруг. Видел он также, как под Книгой убили лошадь и как два белых казака бросились к нему, чтобы добить командира, и уже подумал: «Эх, пропал, пропал Василий Иванович!..» — но тут Прохор Логинов, молодой кубанский казак, поднял Книгу к себе на седло и умчал его из-под самого носа противника.

Отчаянно отбиваясь, белые группами прорывались из окружения. Пехота, не имевшая возможности быстро отступить, поголовно сдавалась. Не пожелавший сдаться

офицерский полк был изрублен до последнего человека.

Смеркалось. Белые, преследуемые по пятам, отступали на Гнилоаксайскую...

Путь на Ростов был свободен.

Тут же, на месте боя, Реввоенсовет Конной армии отдал приказ спешно идти на Ростов.

В темноте послышался сдавленный крик, шум борьбы... Потом все смолкло. По булыжнику мостовой рассыпалась мелкая дробь конских подков. Слышно было, что скакало несколько всадников. Передний, мелькнув быстрой тенью, подъехал к закрытым ставнями окнам. Сквозь щели лился электрический свет. Всадник вплотную придвинулся к дому, привстал на стременах и заглянул в окно.

— О, чтоб вам повылазило!.. — прошептал он со злобой.

Оторвавшись от окна, он повернулся и подозвал одного из стоявших поодаль всадников.

— Скачи до начдива, — тихо сказал он, — передай — охранение сняли. Офицеры по квартирам пируют... В этом доме, — он кивнул на освещенные окна, — по всей видимости, белогвардейский штаб. Я оставлю тут маяк — двух человек. Понял? Гони!

Всадник погнал лошадь вверх по Садовой, откуда с частым стуком копыт во всю ширину улицы, обсаженной двойным рядом деревьев, надвигалась неясная в сумерках колонна конницы.

Пройдя без выстрела Нахичевань, полки 4-й дивизии в восьмом часу вечера входили в Ростов. Полки шли в напряженном и грозном молчании. Лишь слышалась иногда команда вполголоса или фырканье лошади. Мерно переливчатое щелканье подков катилось по улице. Из-за освещенных окон доносились звуки музыки. В центре города гудели колокола.

— Видал? — шепнул Митька Лопатин Меркулову. — С колокольным звоном встречают. — Он усмехнулся.

— Праздник сегодня, рождество, — тихо ответил Меркулов.

На слабо освещенном тротуаре в глубине улицы появились две шатающиеся фигуры. Офицеры или юнкера — в темноте не разберешь, — обнявшись, пели пьяными голосами переделанную на русский лад «Санта Лючию».

...Ин ресторанио, ин кабинетто
Пието мадере оне монетто, —

ревел диким голосом первый.

Ель грандо скандалио,
Зубо-зуботычие,
Комен цвей полицио
Санта Лючия! —

хриплым басом подхватывал второй.

— Ишь ты, понапивались, — сказал гневно Митька Лопатин. Он отвернул от колонны и подъехал к пьяным, которые, остановившись у фонаря, покачиваясь и размахивая руками, втолковывали что-то друг другу.

Теперь Митька ясно различил серебряные полоски жандармских погон.

— Чего орете? — спросил он, нагибаясь с седла.

— Ты... Ты что, хам? Ошалел?! — покачнувшись, вскрикнул жандармский ротмистр. — Почему чести не отдаешь? Скотина! Болван!

— Поди, поди сюда, белая сволочь! Сейчас я тебе честь отдам! — зловеще сказал Митька Лопатин, выхватывая шашку из ножен...

— Самые собаки эти жандармы, — сказал он спустя некоторое время, пристраиваясь к Меркулову и вытирая шашку о гриву лошади. — Сколько побили нашего брата!

Голова колонны подходила к кинотеатру «Солей». На пустынных ранее тротуарах появились празднично одетые толпы народу. Мелькали цветные фуражки гвардейских офицеров, нарядные дамские шубки, шляпки с перьями, бобровые шапки, котелки. Слышались смех и французская речь.

Мальчишки-газетчики, стоя под фонарями, выкрикивали:

— Экстренное сообщение!.. Разгром красных под Генеральским Мостом! Большевики отогнаны на сто верст от Ростова!..

А конский топот все тек и тек вниз по улице. Свертывая с Садовой, полки 4-й дивизии расходились по боковым переулкам и улицам.

Одновременно части 6-й дивизии так же бесшумно вступали в город с другой стороны.

Где-то на окраине хлопнули два-три выстрела, коротко простучал пулемет.

Люди, снующие по тротуарам, не обратили никакого

внимания на выстрелы. Ночная стрельба была обычной в те времена. Должно быть, в контрразведке кого-то расстреливали, а возможно, кто-нибудь выпалил в воздух по случаю рождества.

Снова прокатилась короткая пулеметная очередь. Но на этот раз пули прозвенели вдоль улицы. Последнее было несколько необычным.

— Господин офицер, слышите? В городе стреляют! — тревожно сказал человек в бобровой шубе, обращаясь к поручику, стоявшему у освещенной витрины.

— И сам не пойму, откуда стреляют, — нерешительно проговорил поручик, оглядываясь.

На перекрестке спешивались какие-то всадники. Поручик, придерживая шашку, направился к ним.

— Какого полка? — спросил он, подходя.

— Первого кубанского, — сказал в ответ голос.

— Кубанского? Как вы сюда попали? Где ваш командир?

— Докука, проводи господина поручика до есаула, — с грозной усмешкой сказал тот же голос.

Раздался звон шпор. В темноте кто-то ахнул.

— Проводил?

— Проводил, товарищ взводный. Прямым сообщением до штаба Духонина.

— Ну и ладно. Давай, ребята, сюда пулемет.

Послышался стук колес. Из-за угла выехала шагом тачанка. Четверка горячих лошадей в наборных уздечках, мотая головами, круто завернула на середине улицы. Номера деловито захлопотали у пулемета, проверяя прицел...

Яркие язычки пламени вставленных в канделябры свечей искрились на толстых шнурах аксельбантов и, отсвечивая в бокалах, дрожали в золотистом вине.

Хлопали пробки, денщики разносили донское игристое. Было провозглашено уже немало тостов, и, как это обычно бывает, каждый хотел говорить и слушать только себя. В большой сводчатой комнате штаба стоял сплошной стон голосов.

— Господа офицеры, — сказал сотник Красавин, поднимая бокал. — Господа, — продолжал он, покачнувшись, — предлагаю тост за здоровье человека, благодаря которому мы имеем возможность отпраздновать в спокойной обстановке этот высокоторжественный день. Пью за здоровье верховного главнокомандующего генерал-лейтенанта Деникина. Ура!

— За полную победу! Ура! — рявкнул сидевший на почетном месте тучный курносый полковник с курчавой бородкой.

Из соседней комнаты, где помещались дежурные адъютанты, появился долговязый хорунжий. Он подошел к полковнику и, почтительно склонившись, зашептал ему что-то.

По полному лицу полковника прошло выражение неудовольствия.

Он поднялся со стула и, пожевав губами, сказал:

— Господа офицеры, нас осчастливил своим посещением начальник контрразведки.

Разговоры и смех смолкли. Все повернулись к дверям, в которые входил низенький подполковник с черными провалившимися глазами на почти квадратном бритом лице. На вошедшем был английский френч, бриджи и шнурованные до колен желтые ботинки на толстой подошве. Рядом с ним шла огромная овчарка. В ее страшных выпуклых глазах, казалось, горел дьявольский пламень.

— Я не помешал, господа? — учтиво спросил подполковник Туркул.

— Нет, отчего же! Мы всегда рады вас видеть, Эдуард Вольдемарович, — сказал любезно полковник. — Прошу вас к столу.

Туркул поклонился.

— Сейчас заходил в «Палас», — громко заговорил он, отодвигая стул и присаживаясь. — Боже, что там происходит. Весь отель ходуном. Музыка! Шампанского — разливанное море. А дамы! — Он поцеловал кончики пальцев. — Цвет России. Весь Петербург. — Он улыбнулся, показав крупные зубы.

— А мы вот без дам. Нельзя. Все-таки штаб, — заметил полковник.

— Терпеть не могу этого подлеца, — тихо сказал сидевший на противоположном конце седой есаул. — Такой, улыбаясь, застрелит и все такое прочее. А собака — сущая ведьма.

— Да. Я предпочел бы с ней не встречаться, — подхватил его сосед, молодой капитан в английском френче.

Поймав на себе взгляд есаула, овчарка глухо зарычала. Шерсть поднялась у нее на спине.

— Тубо, Диана! — прикрикнул Туркул.

Собака с подавленным рычанием присела на задние лапы.

В наступившей тишине послышался на улице конский топот.

Сотник Красавин подошел к окну посмотреть.

— Что там? — поинтересовался Туркул.

— Конница, господин подполковник.

— Казаки?

— Не видно. Но что-то много. Побольше полка.

— Хорунжий Табунщиков, потрудитесь узнать, что за часть вошла в город, — сказал курносый полковник появившемуся в дверях адъютанту.

— Слушаюсь. Только я хотел доложить...

— Что такое?

— Связь не работает, — сказал адъютант.

— Опять порыв? — Полковник быстро взглянул на него. — Ну хорошо, вы сначала узнайте, а потом распорядитесь о связи.

Адъютант вышел.

— Господа, господа, что это вы замолчали? — весело заговорил полковник, оглядываясь. — Еще успеем намолчаться в могиле, а сейчас пить, пить, господа!.. Эдуард Вольдемарович, разрешите вам водочки?.. Купец Барышников пожертвовал сорок ящиков для нашей доблестной армии, — пояснил он, наливая рюмку Туркулу. — Еще старый запас. Николаевская.

Комната наполнилась говором. Зазвенели рюмки, застучали ножи.

Подогретые вином, офицеры предались воспоминаниям.

— ...А вот у нас, господа, в шестнадцатом году завхимдив генштаба полковник Мандрыка...

— Какой это Мандрыка? Конный сапер?

— Ну да, маленький такой, с медвежьими глазками. Он еще после февральской революции из дани времени на улице яблоки ел. Так он в шестнадцатом году привез в интендантство требование на четыре ведра спирта для химслужбы.

— На четыре ведра?!

— Ну да. А что вы хотите? Привез на четыре, а получил два. Так он решил одно ведро сам выпить, а другое свезти в штаб дивизии для начальства.

— А-а! Знаю эту историю! — подхватил чернявый капитан. — Он тогда еще пьяный на третий этаж на лошади въехал?

— Не на третий, а на второй.

— Ну, это не имеет значения... Я знаю всю эту историю. Он только въехал, а тут навстречу адъютант главнокомандующего полковник Абаза́, который сапоги украл.

— Позвольте, дайте сказать! Не он украл, а у него украли в поезде.

— Ну, это неважно — кто у кого. В общем, человек чем-то замаранный.

— Так вот... — Пробка от шампанского так громко хлопнула, что рассказчик вздрогнул, посмотрел вокруг бессмысленными глазами и, как это часто бывает, потерял нить разговора, потянувшись к бутылке...

— Слушай, Мишка, верно говорят, что ты расстрелял в Старочеркасской две сотни казаков? — спрашивал Злынский сидевшего с мрачным видом сотника Красавина.

— Ну и что? Ну расстрелял!

— За что?

— Как за что?! А хотя бы за семнадцатый год... Такую возможность пропустили, сволочи, когда третий конный корпус шел на Петроград! А? Им надо было душить красных в самом начале, а они что? На агитацию поддались! Как же, товарищи, мол, долой войну, бей офицеров! — Красавин зло выругался. — А, сукиного сына! Они, только они во всем виноваты... Да все они большевики!

— Ты уверен?

— А черт их разберет, сволочей...

Действительно, сотник Красавин 20 декабря лично расстрелял в станице Старочеркасской около двухсот казаков, заподозренных в симпатиях к красным и заключенных в подвал. Это было сделано им с провокационной целью, так, словно бы расправу произвели большевики. Но расстрел получил огласку, и злодейские действия сотника обернулись против белых. На следующий день сотня казаков из гундоровской дивизии в полном составе перешла на сторону красных. Красавин уже знал, что начальство недовольно его самоуправством, и теперь в ожидании внушения мрачно хлопал рюмку за рюмкой.

В зал вошел пехотный поручик. Он отдал честь и, лавируя между столиками, подошел к есаулу.

— Разрешите? Тут свободно?

— Пожалуйста, пожалуйста, поручик, — радушно пригласил есаул, а сам подумал: «Боже мой, какой нос! Бывают же такие носы... Черт знает что такое. Не то нос, не то редька!»

Поручик втиснулся между есаулом и капитаном в английском френче и налил себе большую рюмку водки.

— Ваше здоровье, господа, — поручик умело опрокинул рюмку в рот, понюхал хлебную корочку и тут же вновь наполнил рюмку.

— Хорошо, господа! Ах, как хорошо. А тем более после окопов.

— А вы откуда, поручик? — поинтересовался капитан.

— Из-под Батайска. У меня тут брат в оперативном отделе, — отвечал тот, повторяя прием и опять не закусывая. — Мост через Кайсуг поврежден, и вот задержался... Господа, слышали новость? — спросил он, понижая голос чуть не до шепота.

— Какую? — спросил есаул.

— О генерале Станкевиче, который у большевиков служил.

— Ваша новость, поручик, с большой бородой, — сказал капитан. — Генерал Станкевич повешен еще в октябре.

— Да, да. Он повешен на телеграфном столбе станции Становой колодезь, — уточнил поручик.

— Там у них еще один есть, ну, мы и до него доберемся, — продолжал капитан.

— Вы кого имеете в виду? — спросил поручик.

— Брусилова.

— Сволочь! Берейтор! — махнул рукой поручик и вновь потянулся к бутылке.

— Нет, уж это вы оставьте, поручик! — строго сказал седой есаул. — Славу Брусилова никто не имеет права принизить! Это один из умнейших людей. Судьбы Отечества простираются далеко. Надо быть честным человеком и говорить так, как оно есть!..

— А сынка-то его мы все-таки... расстреляли, — усмехнулся поручик, щелкнув пальцами. — Командовал эскадроном у красных и попал в наши руки совершенно случайно.

Вестовые внесли на подносах груды мороженого — пожертвования ростовских купчих. Послышались восторженные восклицания. Офицеры разливали по рюмкам коньяк, догадываясь, что за мороженым, как обычно, последует черный кофе...

— Нет, есаул, вы не правы, — говорил ротмистр Злынский седому есаулу с лысой головой. — Или мы, или они. В этом неумолимая логика. Следовательно, никакой

пощады быть не может. Я пленных категорически не беру. К стенке — и без всяких эмоций.

— Но поймите, ротмистр, — есаул приложил руку к груди, — не в натуре русского человека убивать пленных. Помните: лежачего не бьют. И как можно убивать храбрых людей? Сам кровожадный Батый, и тот щадил смелых.

— Ну, то Батый, а то гражданская война... Что? Идеи? Да какие у них идеи? Им только убивать, разрушать. Никогда не поверю, что они смогут что-либо созидать... — Злынский махнул рукой. — Эх, гибнет Россия!

— Россия? — Есаул быстро взглянул на него. — А знаете, ротмистр, они ведь тоже за Россию воюют.

— Что-с? — Злынский усмехнулся.

— Да, да, представьте себе. Взяли в плен раненого буденновца. Ну, допрашивают, конечно. Я тоже пришел в штаб послушать. И что же вы думаете? «Мы, — говорит, — за Россию воюем. За справедливость», и все такое прочее. «А вы за что?» Не дал, понимаете, полковнику рта раскрыть. Смелый человек! Другой бы стал вилять, притворяться, а этот правду в глаза режет.

— Правду? — Злынский толкнул локтем Красавина.

— Ну вот, — продолжал есаул, — а тут Туркул входит. «Дайте, — говорит, — я сам его допрошу». Я вышел на минуту. Вдруг слышу крик. Вхожу. А собака уже истерзала его. Ужас!.. Нет, нет, ротмистр, так нельзя. Это позор!

— Э, нет, есаул, пустяки говорите, — перебил его сотник Красавин. — Я рад бы сам иметь такую собачку. Помнишь, Васька, — обратился он к Злынскому, — в прошлом году под Дубовкой мы взяли в плен мальчишек-курсантов? Так Дианочка отчетливо над ними сработала. Зачем зря тратить патроны?

— Нет, господа, так нельзя!

— Ого, есаул, а ведь от вас припахивает большевистским душком, — значительно проговорил сотник Красавин.

— Нет, — возразил есаул, — какой я большевик! Но это же русские люди, и я не могу...

— Русские люди! — злобно перебил сотник Красавин. — Это не русские люди, а хамы! Дерьмо!.. Нет, дайте время — мы загоним их на свое место... И лопаткой, лопаткой по заду!

— Ладно, будет спорить, — примиряюще сказал Злын-

ский. — Давайте помянем государя императора. — Он потянулся к бутылке.

Послышался быстрый стук шагов. Все подняли головы. В комнату вбежал адъютант.

— Господа! — крикнул он, задохнувшись. — Красные в городе!

Полковник побледнел.

— Что? — Он откинулся в кресле. — Что вы говорите?

— Так точно. Полно кавалерии. Очевидно, Буденный... Да вот они, слышите?

За дверью застучали шаги.

Первым, уронив стул, вскочил сотник Красавин. Он кинулся в соседнюю комнату. За ним, гремя шпорами, бросилось несколько офицеров. Послышался звон разбитого стекла, выстрелы, крики. Офицеры толпой повалили обратно.

— Конец. Окружены, — сказал курносый полковник.

Дверь распахнулась. Держа гранату над головой, в комнату спокойно вошел Дундич.

— Руки! — крикнул он резко. — Ну? Кто там в карман полез? Стоять и не двигаться!

Комната наполнилась бойцами с винтовками, с обнаженными шашками. По приказу Дундича они сноровисто обезоруживали пленных.

Грянул выстрел.

— Кто стрелял, такие-сякие? — бешено закричал Дундич, весь рванувшись вперед.

— Полковник Лобода застрелился, — глухо сказал чей-то голос.

В эту минуту перед Дундичем взвилось что-то мохнатое, послышался дикий визг, и все смолкло.

Не понимая, что случилось, Дундич оглянулся. У его ног лежала большая собака. Она еще судорожно дергалась. Кровь била черным ручьем из перерубленной шеи.

— Немножко бы — и не успел, товарищ комполка,— говорил чубатый боец, словно оправдываясь. — Она ж на вас кинулась. Вот этот гад команду ей подал. — Он показал на Туркула окровавленной шашкой. — Я слышал.

— Побить их всех, паразитов!

— Чего их в плен водить? — зашумели бойцы.

— Тихо! — сказал Дундич. Его молодое красивое лицо с падающими из-под кубанки на лоб темными волосами исказилось гневом. Он вплотную подошел к началь-

нику контрразведки и, заглянув ему в глаза, коротко спросил:

— Подполковник Туркул?

— Так точно, — ответил Туркул, отводя налитый смертным ужасом взгляд.

— Этого взять под усиленный караул, — распорядился Дундич. — А ну, товарищи, выводите их на улицу... Парад але, пожалуйста, марш! — добавил он, усмехнувшись.

Мимо него потянулись офицеры с мрачными, окаменелыми лицами. В последних рядах шел старик есаул, который с самого начала появления Дундича пристально смотрел на него. Теперь Дундич, пропускавший мимо себя офицеров, в свою очередь, почти вплотную увидел его.

— Есаул Конкин? — воскликнул Дундич, не веря глазам. — Пожалуйте, пожалуйте сюда, — говорил он, беря за руку есаула и выводя его из рядов.

— Поручик Дундич? — спросил есаул. По его старческому, в морщинах, лицу промелькнула улыбка. — То-то я стою смотрю — кто-то знакомый. Впрочем, вы здорово переменились с тех пор, как мы с вами сидели в австрийском плену.

— Скажите, есаул, как это вы с ними связались?

— Ну, знаете, я здесь совершенно ни при чем, — взволнованно заговорил есаул. — Жил себе тихо, мирно. Как говорится, век доживал и все такое прочее. У меня здесь на Садовой чувячная мастерская. Артель, так сказать. Я, жена и дочь Маша. Шили чувяки, на базаре продавали. А тут Деникин мобилизацию объявил. Я говорю — старик, сердце больное, ревматизм, склероз. Какое там! Годен, и все тут. В оперативный отдел посадили, бумажки писал всякие разные... И вот, изволите видеть... — есаул, пожав плечами, развел руки в стороны.

— Ничего, есаул, вы не волнуйтесь, — сказал Дундич с мягкой улыбкой. — Я потом разберусь с вашим делом и думаю, что вы сможете вернуться в артель.

Он оглянулся, кого бы позвать, поручил старика одному из бойцов и быстрыми шагами вышел из комнаты...

Сотник Красавин и Злынский, уйдя от облавы, бежали вниз по Таганрогскому проспекту. Там, у Дона, близ старой пристани, стояли штабные броневики. Там было спасение.

«Скорее! Скорее! Ох, не поспеть!» — думал Злынский, слыша за собой далекий топот бежавших людей. От быстрого бега спирало дыхание, под сердце подкатывало, и он уже стал задыхаться, когда впереди, на белом фоне Дона, отчетливо обозначились черные силуэты бронемашин.

Три тяжелых пушечных «фиата», видимо, никем не охранялись, потому что на оклик Красавина никто не отозвался.

— Напились, дьяволы! — заключил сотник. — Васька, ведь ты как будто знаешь машину? — спросил он Злынского.

— Откуда ты взял? Никогда не приходилось, — возразил ротмистр, отрицательно качнув длинной головой.

— А, сукиного сына!.. Постой, кто это? — Красавин направился навстречу шатающейся во мраке фигуре человека. — Кто идет? — спросил он, приглядываясь.

— Унтерцер Сизов, господин сотник! — бойко отвечал унтер-офицер, узнав Красавина по голосу. — С пр... эк!.. с прраздничком вас!

— Заводи быстро машину! — распорядился Красавин. — Ну, живей!.. Как думаешь, лед выдержит? Нам на ту сторону.

— Прр... пер... перрреедем, господин сотник.:. Хорррошее винцо!

— Ну, разговорчики! Быстрей заводи!

— Уж куда быстрей... моментом... — пьяно бормотал унтер, возясь у машины. — Не извольте беспокоиться. На тр... на трретьей скоррости пррредоставим... Не утопнем. Нет... В первый раз, что ли... Пожалуйте садиться!

Сотник полез вслед за ним в броневик.

— Васька, а ты стой и смотри в люк, — говорил он Злынскому. — А то как бы нам не попасть... Ты что, болван?! — крикнул он на Сизова, зажегшего фары. — Туши свет, идиот! Пьяная морда!

Тяжелый «фиат», стреляя газом из выхлопной трубы и весь окутываясь прогорклым дымом бензина, рванулся с места, выкатившись на хрустнувший у берега лед.

— Ну, как там дорога? — донесся до Злынского снизу глухой голос Красавина.

— Хорошо! Прямо держи! — отвечал Злынский. Он стоял над открытым люком и под неясным светом месяца вглядывался во мрак, стараясь рассмотреть, нет ли впереди полыньи.

Машина прибавила скорость. Но тут над Доном словно лопнул артиллерийский снаряд. Шагах в двадцати скользнула, как молния, черная трещина. Отчаянным прыжком Злынский выскочил из люка и, согнувшись, отбежал в сторону. Вновь послышался грохот. Злынский оглянулся. Броневик с шипеньем быстро скрывался под лед. С тихим плеском сомкнулась вода. С минуту в ней что-то бурлило, потом на поверхности всплыл масляный круг...

Покачиваясь и ухватившись за голову, Злынский побежал на тот берег реки...

В это же время с противоположной окраины в город входил длинный обоз. Вместе с ним ехали офицеры, отпущенные с фронта по случаю праздника. В пути произошла неожиданная задержка, вызванная неисправностью моста через Кайсуг, и поэтому все ехавшие находились в скверном расположении духа. Вдобавок ко всему квартиры, предназначенные для приезжих, оказались заняты. По этой причине в остановившемся обозе шли разговоры в повышенном тоне.

— Это черт знает что такое! — бушевал генерал в енотовой шубе. — Вечно у нас перепутают! И чего смотрит комендант?!

— Совершенно верно изволили заметить, ваше превосходительство, — угодливо произнес стоявший рядом штабс-капитан. — Совершенно беспардонное свинство! Люди устали, замерзли, а квартир не предвидится. А в гостиницах, говорят, все забито. Негде ступить.

Слова его подхватил нестройный хор голосов:

— Безобразие!

— Не подыхать же нам на улице!

— Перестрелять тыловую сволочь!

— Где комендант?

— Позвать сюда коменданта!

Из темноты надвинулся большой всадник в папахе и бурке.

— Кто тут шумит? — спросил он внушительным голосом. — В чем дело?

— А вы кто такой? — спросил генерал.

— Я комендант города, — отвечал всадник, нагибаясь с седла.

— Господин комендант, извините, не знаю, как вас по чину, — загремел генерал. — Потрудитесь прекратить это безобразие! Я буду жаловаться. Квартиры по этой

улице предназначены моим офицерам, а их тут заняли самовольно какие-то части.

— Не самовольно. Я приказал.

— Вы?! Позвольте, да как вы смели, милостивый государь, отменить приказ главнокомандующего?! Да вы, вы знаете, кто я?! Да я вас!..

— Не шумите! — Всадник повысил голос. — Все, кто прибыл в город, подойдите ко мне. Я распределю всех по квартирам.

Офицеры сбились толпой вокруг коменданта, в то время как какие-то всадники, появляясь из темноты, окружали их плотным кольцом.

— Позвольте, — не унимался генерал, — я не хочу никаких других квартир. Потрудитесь выполнить распоряжение штаба главнокомандующего.

— Не шумите! — повторил всадник внушительно. — Город занят красной Конной армией. Я начдив Пархоменко. Сдать оружие. Все вы арестованы...

Разоружив ошеломленных офицеров, Пархоменко слез с лошади и поднялся по ступенькам крыльца выходившего на улицу одноэтажного дома, в котором он приказал временно расположить военную комендатуру.

Спустя некоторое время адъютант начдива, недавно прибывший с курсов черноглазый командир, составлял сводку захваченных пленных.

— Ну, сколько у тебя получается? — спрашивал Пархоменко, глядя, как перо адъютанта ловко бежит по бумаге.

— Много, товарищ начдив, сотни три наберется. Сейчас подытожу.

— Погоди подытоживать, — остановил начдив, услышав топот за дверью, — еще кого-то ведут.

Конвойные ввели в комнату четырех офицеров.

— Где вы их взяли? — спросил Пархоменко.

— Да на подводе, товарищ начдив, — отвечал старший конвоя, беря винтовку к ноге. — Мы идем, а они наустречу. Из Батайска ехали. Так энтот, — он показал на безусого офицера, — энтот спрашивает: «Игде тут девочки есть?» Мы говорим: «Идемте, мы вас доведем». Ну, вот и привели. — Он усмехнулся в усы.

— Ничего не понимаю, — растерянно заговорил офицер. — Тут какое-то недоразумение... Как вы могли сюда попасть, господа?.. э... извините, товарищи?

— Тебе, гад, товарищ — волк тамбовский! — резко сказал конвоир.

— Нет, почему?.. Разве мы не понимаем?.. Гм... Конечно... Но как-то странно. А? Вы не находите?.. — путаясь и пожимая плечами, говорил офицер, в то время как его товарищи угрюмо молчали. — Фу! — он взялся за воротник. — Нельзя ли у вас воды попросить? Будьте добры.

— Принесите, — распорядился Пархоменко.

Один из конвойных сходил на кухню, принес ведро воды и железную кружку. Офицеры, столпившись вокруг ведра и тяжело отдуваясь, кружка за кружкой пили, как лошади...

С раннего утра по всему Ростову загремела стрельба. Опомнившиеся белогвардейцы дрались в домах, в подворотнях. От вокзала доносились пулеметные очереди. Там, заняв пакгаузы, отчаянно сопротивлялся офицерский полк. Но конармейцы упорно добивали противника. По улицам гнали большие толпы пленных, везли трофейные пушки. Окутываясь смрадным чадом, ползли, грохоча по булыжнику, пленные танки.

Следующий день принес в город спокойствие. Вышедший из подполья комитет большевиков возглавил ревком.

У отеля «Палас», где обосновался полевой штаб Конной армии, стояли подседланные лошади. Звеня шпорами, бойцы сновали по лестницам.

Зотов при свете лампы перечитывал донесение в центр.

За дверью послышались шаги. Зотов поднял голову. В комнату вошли Буденный и Ворошилов.

— Ну как, Степан Андреич, готово? — спросил Ворошилов, снимая бекешу и вешая ее на крючок.

— Так точно. — Зотов поднялся со стула и подал Ворошилову бумагу с мелко напечатанным текстом.

— Давайте прочтем, Семен Михайлович, — предложил Ворошилов, — может быть, что и пропустили.

Он присел к столу и стал читать вслух.

В обширном донесении, адресованном Ленину, сообщалось о взятии Конной армией городов Ростова и Нахичевани с захватом в плен десяти тысяч солдат и офи-

церов противника, танков, артиллерии и колоссального обоза.

«Противник настолько был разбит, что наше вступление в города не было даже замечено им, — читал Ворошилов, — и мы всю ночь с 8 на 9 января 1920 года ликвидировали разного рода штабы и воинские учреждения белых...»

Далее сообщалось, что только сильнейшие туманы помешали преследовать противника и дали ему возможность уничтожить переправы через реку Кайсуг у Батайска. Переправы через Дон и железнодорожный мост целы...

— Кстати, мост взят под охрану? — спросил Ворошилов, прерывая чтение и взглядывая на Буденного.

— Я еще тогда распорядился, — сказал Буденный. — Охрану несет штабной эскадрон четвертой дивизии.

— Ну и прекрасно... — Ворошилов пробежал донесение. — А ведь подробно написали. Ну, это хорошо. Владимир Ильич любит, когда пишут подробно.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал Буденный.

Дверь распахнулась. Вошел Пархоменко.

— Ну, что хорошего, комендант? — спросил Буденный, пытливо оглядывая начдива.

— Разрешите доложить, товарищ командующий, — сказал Пархоменко, прикладывая руку к папахе, — в городе наведен полный порядок. Части расквартированы.

С улицы донеслись звуки духового оркестра.

Ворошилов поднялся, прошел через комнату, раскрыл дверь и вышел на балкон. Вниз по Садовой сплошной колонной шла конница. Под светом месяца всадники, покачиваясь в седлах, ехали по шестеро в ряд.

«Да, — думал Ворошилов, любовно глядя на бойцов, — мы одержали большую победу, но еще придется, придется побиться...»

Музыка смолкла. Постукивали сотни копыт. Гремели тачанки, орудия, зарядные ящики. Поблескивая на наконечниках значков и знамен, на колонну лился тихий мерцающий свет.

Полк проходил и, как видение, таял во мраке. Все слабее становились журчащие звуки подков по булыжнику. Наконец они смолкли. Все вокруг замерло. И только месяц продолжал светить над засыпающим городом...

15

Степан Харламов не задержался в госпитале. Не прошло двух месяцев, как он вернулся в полк. И вот он сидел в небольшой хате вместе с товарищами, тут набилось не менее тридцати человек, и с улыбкой слушал Митьку Лопатина, который, потряхивая упавшим на нос рыжеватым вихром, рассказывал сидевшим и лежавшим товарищам:

— Было это, чтобы не соврать, в июне восемнадцатого года. Служил я тогда в Красной гвардии, в конном отряде товарища Сарычева.

Шибко хороший был командир. Все, бывало, говаривал: «Одно нынче лучше двух завтра». Да. И вот аккурат под Луганском у нас бой произошел. Разбили нас немцы. И товарища Сарычева убили. А у меня коня подвалили. Спешили, значит. Иду, думаю — как бы мне совсем тут не остаться. Помните, какой голод был? А я третьи сутки не евши. Это ж известно: брюхо — злодей, старого добра не помнит. И вот иду, иду, и вдруг что такое? Кругом битые лежат. Наши, немцы. «Максимка» брошенный. Пушка подбитая. И как есть ни одного живого человека. Видно, большой бой был. Даже жутко мне стало... Вдруг гляжу — конь под седлом пасется! Шибко охота было мне поймать того коня. Только я к нему, а он — хвост трубой и от меня! Все же я его обратал. «Ну, — думаю, — теперь я с конем». И только собрался на него садиться, гляжу — конный бежит. Личность строгая, в усах, весь в черную кожу одетый. На груди, вот это место, знак какой-то.

— Кто же это был? — спросил один из бойцов.

— Погоди, по порядку. — Митька Лопатин бесцеремонно затянулся самокруткой соседа и продолжал: — Подъезжает ко мне этот самый человек и спрашивает: «Откуда ты такой приблудился?» Тут я ему все как есть рассказал.

«Пулеметчик?» — спрашивает. «Нет, простой красногвардеец». — «Ну это все равно. Ложись давай за пулемет». — «Так я ж не умею». — «Ничего, сейчас научишься... Гляди, вон дырка. Видишь? Суй в нее вот эту штуку — лента называется... Засунул? Так. Теперь гляди, справа ручка. Крути ее два раза. Да не на себя, а от себя! Экий раззява!.. Ну, вот. Теперь у тебя пулемет заряжен. Понял? Берись руками вот за эти ручки, а больше

пальцы кверху держи. Так. Видишь две кнопки? Чтобы открыть огонь, жми на них большими пальцами... А ну, попробуй!»

Я «попробовал», да со страху выпустил всю ленту. Двести пятьдесят штук! Тот кричит, ругается. А откуда мне знать, как его, «максимку», остановить? Он же, проклятый, палит, трясется, как бешеный!.. Ну, ладно. Тут он мне объяснил и говорит: «Будешь прикрывать отступление. А как увидишь немцев — пали!» С тем и уехал.

Привязал я лошадь покрепче да и залег за пулемет. Сколько-то времени пролежал — вижу, немцы колонной, с музыкой. Я нажал, — Митька поднял кверху большие пальцы, — они падают. Шибко хорошо получается!.. Осмелел. Вдруг позади меня как шарахнет! С орудия ударили. Я знай палю. А они по мне снарядами кроют. «Ну, — думаю, — пора уходить, да и ленты кончаются». Оглянулся — нет коня. Убежал!.. Ну, тут я, нечего делать, поднажал верст пятнадцать пешим порядком. Догнал того всадника. Оказывается, командир полка. «Ну как?» — спрашивает. «Ничего». — «Принимай пулеметную команду, будешь начальником».

Бойцы засмеялись.

— Тише, братва, начдива разбудите! — сказал Харламов с озабоченным видом.

Городовиков, он спал на сундуке, действительно заворочался, но по другой причине: сундук был с обручами, которые впивались в тело начдива.

— Ну и как же ты, принял пулеметную команду? — тихо спросил взводный Ступак, услышав, что Городовиков опять начал мерно похрапывать.

— Воздержался, — произнес Митька с солидным достоинством. — Ну, какой с меня начальник, когда я и материальной части не знал. Теперь бы другое дело...

Все замолчали. Стало слышно, как за окнами посвистывал ветер. Закопченная лампочка отбрасывала смутные блики на обожженные непогодой лица бойцов.

Городовиков проснулся, вспомнил, что завтра идти в наступление, и, лежа на спине, под свист за окном холодного ветра стал думать о событиях последних дней.

События эти начались успешно, а для белых они были трагичными. Дело было в том, что генерал Павлов, заступивший на место умершего от тифа Мамонтова, стремясь возможно скорее сразиться с Буденным, повел свою конницу, превышавшую силой Конную армию, пря-

миком по безлюдной Сальской степи. Он надеялся найти в обозначенных на картах хуторах коннозаводчиков теплый кров, пищу, фураж. Ничего этого не оказалось. Хутора были разрушены. Запасы фуража уничтожены. Ударили сильные морозы. Свирепый ветер пронизывал измученных, голодных казаков, которые, кляня вслух начальство, шли навстречу смерти...

Четверо суток двигалась так конница Павлова, теряя боеспособность, не находя ни фуража, ни тепла, ни пристанища, ночуя под жгучим ветром в открытой степи...

Поздним вечером Павлов сбил с ходу конную группу Думенко и, пользуясь метелью, внезапно навалился на ночлег частей Конной армии.

Дважды белые с отчаянием смертников кидались в атаку, в борьбе за тепло пуская в дело, кроме оружия, зубы и кулаки, но подоспевшие полки 6, 4 и 11-й дивизий вытеснили их снова в степь, на мороз.

Несомненно, что без поддержки Конной армии ударной группой 10-й армии, находившейся в оперативном подчинении Буденного, результат боевых действий на главном направлении Кавказского фронта был бы не столь значителен. Хоть и немногочисленные, но стойкие 20, 34 и 50-я стрелковые дивизии, в особенности 20-я, являлись осью маневра Конармии.

В последних числах февраля почти все основные силы красных и белых сгруппировались на сравнительно небольшом плацдарме. По ходу часовой стрелки этот плацдарм можно обозначить следующими населенными пунктами: Ростов — Великокняжеская — Торговая — Новоалександровская — Староминская. Линия Посад Иловайский — Егорлыкская — Торговая делила этот плацдарм на две почти равные части — север и юг.

25 февраля под селом Средне-Егорлыкским произошел удачный для Конной армии встречный бой с объединенными силами белых. Крупной победе послужила хорошо организованная разведка. Едва разведчики поднялись на возвышенность, как взводный Ступак, ехавший при головном дозоре, увидел внизу, в засыпанной снегом широкой лощине, стоявшую на привале конницу белых. Тут скопилось несколько тысяч всадников. «Все было черно от конницы», — рассказывал после Ступак. Момент был исключительно выигрышный, тем более что среди белых солдат не было ни одного офицера: проявив величайшую беспечность, генерал Павлов собрал совещание командно-

го состава вблизи передовой линии фронта. Последнего обстоятельства Ступак, конечно, не знал, но и того, что он увидел, было более чем достаточно. Взводный ахнул и сломя голову помчался к начдиву. Городовиков мигом распорядился. Двигавшаяся ближе к голове колонны конная артиллерия полевым галопом выскочила на огневую позицию, молниеносно снялась с передков и прямой наводкой — бац! бац! бац! — открыла беглый огонь по скученной коннице. Произошла невероятная паника. Каждый спешил унести ноги — кто пеший, кто конный. Артиллеристы рубили постромки, вскакивали на упряжных лошадей и уносились кто куда мог...

Слева, где шла 6-я дивизия, тоже доносился шум боя. Встретившись с частями 4-го конного корпуса белых, Тимошенко энергично атаковал неприятеля, сбил его и преследовал. Но тут к белым подошли резервы. Опираясь на развернувшуюся в центре 20-ю стрелковую дивизию, буденновцы вновь перешли в наступление. Вскоре белые дрогнули и, не выдержав повторных атак, начали постепенно отходить. Командующий войсками деникинцев генерал Сидорин, следивший за ходом боя с самолета и бросавший бомбы, по слабости зрения или по другой причине никак не мог определить, где свои, где чужие, и, как оказалось, усердно бомбил своих, чем и способствовал усилению паники.

Однако 28 февраля попытка взять Атаман-Егорлыкскую силами одной конницы не удалась. Особенно пострадали приданные Конармии кавалерийские дивизии Гая и Блинова. Они встретились с хорошо организованной обороной, попали под сосредоточенный артиллерийский огонь и подверглись фланговым конным атакам. От всей Кавказской дивизии Гая осталось 300 сабель, меньше полка. Сам Гая был тяжело ранен. Пришлось отойти.

К деникинцам беспрерывно подходили подкрепления. Теперь не оставалось никакого сомнения, что именно тут, в районе Атаман-Егорлыкской, в самые ближайшие дни произойдет генеральное сражение между основными силами красных и белых и это сражение определит исход гражданской войны на Северном Кавказе.

Об этом и думал Ока Иванович, лежа на своем сундуке и краем уха прислушиваясь к разговорам бойцов.

— Ну а что тебе Тимошенко? — говорил Харламов молодому бойцу в заячьей шапке. — Строгий? А как же! С вашим братом, стало быть, иначе нельзя — забалуетесь.

Самим хуже будет... А так, в рассуждении мыслей, человек он справедливый, заботливый.

— Правильно, — подтвердил пожилой боец с забинтованной головой. — Я его хорошо знаю. Я ведь раньше в пехотной Богучарской дивизии служил, в конной разведке, на Украине формировались. Да. А под Новым Осколом в госпиталь попал. Плохо. Врачей нет, и сестер тоже. Поразбежались. Потому как продовольствия не было. Перевязать некому. В общем, тяжелое положение. И вот аккурат он в госпиталь заходит. Смотрит — непорядки.

— Это ты за кого говоришь? За Тимошенко? — спросил Митька Лопатин.

— Ну а за кого же! За него и говорю. Ты слушай. Да, заходит и спрашивает: «Ну как, ребята?» А бойцы ему в ответ: «Як воевать — так треба, а як заболели — так никому не треба: йоду немае, бинтов немае...» Тут он ужас как осерчал! Вызывает бойцов, с ним было два эскадрона, и приказывает: «Снять всем нижние рубахи, выстирать, высушить, нарезать бинтов и перевязать раненых пехотных товарищей». Потом потребовал эскадронного лекпома, назначил его главным врачом госпиталя и пообещал из него душу вытряхнуть и от мягкого места ноги оторвать, если он будет плохо лечить. Вот, братцы, как!

— Что и говорить — справедливый командир, — согласился взводный Ступак.

— Батыр*, помнишь, я достала целый сумка бинтов? — спросила Харламова сидевшая рядом с ним смуглая девушка.

— Помню. Все рубахи порвали, а тут бинты... Молодец, Нарма! И я, стало быть, твоими бинтами пользовался. — Харламов дружески положил руку на плечо сестры, шутливо обнимая ее.

— Не надо! — гневный огонек сверкнул в темно-карих глазах девушки.

Не любила Нарма Шапшугова, когда ее трогали. Даже такой батыр, как Харламов, которого она втайне очень любила, не имел права на это.

— Не сердись, — Харламов принял руку, искоса оглядывая прекрасное, словно чеканное из бронзы, лицо молодой калмычки, а сам подумал: «Ну и девка золотая!..»

* Батыр — богатырь *(калмыцк.)*.

В дверях задвигались. Вошедший штабной ординарец справился, не тут ли квартирует начдив 4-й Городовиков. На вопрос Оки Ивановича, зачем его нужно, ординарец отвечал, что командующий армией требует всех начдивов к себе.

Городовиков присел. Рядом спал на лавке начштаба. Оке Ивановичу было жаль будить начальника штаба, который, как он знал, всю прошлую ночь просидел над бумагами. Он нагнулся и тронул плечо крепко спавшего на полу человека в очках. Это был начальник оперативной части штаба дивизии Новиков, недавно прибывший с курсов командир, на вид совсем мальчик, лет девятнадцати.

— Васильич!.. Васильич!.. — тихо позвал Городовиков. — Васильич, ну-ка проснись.

Новиков поднял голову и чуть припухлыми глазами посмотрел на него сквозь очки.

— Пойдем в штаб, Васильич, — говорил Городовиков. — Семен Михайлович требует!..

Войдя в просторную избу, занимаемую полевым штабом армии, Городовиков невольно зажмурился: большие лампы-«молнии», стоявшие на пяти-шести малых столах с работающими за ними штабными писарями и машинистками, излучали ослепительный свет.

«Где они их набрали?» — подумал начдив, раскрывая глаза, и тут же решил, что лампы достали в Ростове, а до этого времени возили в обозе вместе с остальным трофейным имуществом. Он не ошибся.

Зотов стоял против самого входа. Одной рукой он опирался о стол, другой придерживал около глаз мелко исписанный лист и, привычно напирая на «о», диктовал машинистке.

Вправо, за большим столом у окна, сидели, разговаривая, Буденный, Ворошилов, начдивы и военкомдивы. Среди них Ока Иванович узнал своего военкома Детистова, который смотрел на него обычным выжидающим взглядом.

По знаку Буденного Городовиков присел на свободное место, оказавшись напротив начальника 20-й стрелковой дивизии Майстраха, совсем еще молодого человека с тонкими чертами красивого лица. Ока Иванович близко столкнулся с ним во время боя под Средне-Егорлыкским,

оценил в нем храброго командира и теперь с удовольствием дружески кивнул ему головой.

— Будем начинать, — предложил Ворошилов.

Буденный вопросительно посмотрел на Зотова, спросил глазами, готов ли приказ. Степан Андреевич молча кивнул, густо прокашлялся и положил перед командующим папку с бумагами.

— Товарищи, — начал Буденный, — мы собрали вас сюда для вручения боевого приказа. Завтра будем брать Атаман-Егорлыкскую. Давайте уточним ваши задачи...

На этот раз в операции принимали участие, кроме дивизий Конармии, все стрелковые дивизии ударной группы, причем на 34-ю и 50-ю, как на численно слабые, возлагались второстепенные задачи. Правда, сначала 50-ю дивизию хотели придать начдиву 20-й, но тот горячо стал доказывать, что обойдется одной своей дивизией.

Согласившись с начдивом двадцатой, Буденный стал излагать свои соображения на завтрашний бой. Он сказал, что противник вряд ли допустит мысль о том, что мы, после вчерашней неудачи, завтра вновь предпримем наступление на Атаман-Егорлыкскую. Более того, по показаниям офицеров, взятых в плен, командующий деникинцами генерал Сидорин сам намерен перейти в наступление. Поэтому Военный совет Конной армии решил предупредить белых своим наступлением. Короче говоря, завтра мы должны разбить атаман-егорлыкскую группировку противника.

— Товарищи! — заговорил Ворошилов, медленно оглядывая лица присутствующих. — Товарищи, знайте: белые сильны, хорошо обучены, превосходно владеют холодным оружием, победить их будет трудно... — Он поднялся со скамьи, весь кипя обычной энергией, прошелся по комнате и, остановясь у стола, продолжал: — Товарищи, вы понимаете, какая задача выпала нам? Разгром атаман-егорлыкской группировки — это конец гражданской войны на Северном Кавказе. Вы понимаете, что это значит?.. Это приказ партии! И мы должны выполнить его во что бы то ни стало...

Было около десяти часов утра. Над степью плыли белые волны тумана. Небо затянула сизая муть, и на том месте, где должно быть солнце, едва просвечивало желтоватое пятно.

Лошади дрожали, норовили встать задом к пронизыва-

ющему резкому ветру, жались, рвали поводья у спешенных всадников.

Впереди раздалась команда к движению.

Поеживаясь, ощущая, как холодная грязь, проникшая в худые сапоги, жгла ноги, Харламов вел в поводу свою лошадь. Вокруг него слышались чавкающие звуки подков: 19-й полк, двигаясь в голове дивизионной колонны, покидал хутор Грязнухинский, где полк делал первый малый привал после выступления из Средне-Егорлыкского.

Хутор Грязнухинский — меньше десятка убогих мазанок, крытых соломой, стоял на половине пути к станице Атаман-Егорлыкской, или к «белому Петрограду», как называли эту большую станицу белогвардейцы. Тут только что прошел авангард 20-й стрелковой дивизии, и ездовые, подхватывая увязавшие пушки, сами по колено в грязи вытягивали батареи из топи. Путь 20-й дивизии лежал прямо на север. 6-й же и 4-й дивизиям было приказано сосредоточиться в пяти-шести верстах юго-западнее Атаман-Егорлыкской, в широкой балке речки Верхний Егорлык. Поэтому, перейдя небольшой деревянный мост, находившийся по ту сторону хутора, 4-я дивизия свернула налево, направившись по целине.

В степи снег плотно осел и еще держался на глубине полуаршина. Лишь кое-где виднелись обнажившиеся пласты чернозема.

— Степан, гляди, земля-то какая. Шибко жирная. Палку посади — дерево вырастет! — сказал Митька Лопатин.

Харламов ничего не ответил. Его внимание привлекла ехавшая стороной группа всадников. Приглядевшись, он узнал Городовикова и Детистова. За ними ехал Новиков. Вслед ему бородатый боец вез на пике красный с синим дивизионный значок. Холодный ветер трепал полотнище. Два трубача-сигналиста на горячащихся серых лошадях и пять-шесть штабных ординарцев ехали позади. Пройдя рысью мимо полковой колонны, всадники скрылись в тумане.

В то время как части Конной армии подходили к месту сосредоточения, командир 1-го донского конного корпуса белых Абрамов, носастый генерал с большой стриженой головой, знакомил своих офицеров с положением на фронте. Тут же находился представитель ставки главнокомандующего генерала Деникина ротмистр Злынский.

По сообщениям Абрамова выходило, что ставка более

всего встревожена тем обстоятельством, что Конармия вышла в район Средне-Егорлыкского. Это угрожало «войскам юга России» разгромом их на рубеже рек Дона и Маныча.

— Поэтому, — говорил Абрамов, строго глядя на присутствующих, — главнокомандующий генерал Деникин решил разбить армии красных всеми максимальными средствами, которыми он располагает. Вникайте, господа! Главнокомандующий просит учесть вас, что если мы проиграем это сражение — мы проиграем всё. Главнокомандующий, конечно, не допускает мысли, что мы можем не выиграть сражения. Наши превосходные по своему составу части количественно превышают красных. Вникайте, господа! Это я вам говорю. Ну, а относительно боевого духа...

Генерал оборвал на полуслове: в класс станичной школы, в котором проходило собрание, вошел кривоногий поручик. Придерживая руку у кубанки, он подошел к генералу и доложил, что его срочно просит командующий группой генерал Сидорин.

— Вот у нас всегда так, — пробормотал генерал с явным неудовольствием в голосе. — Ротмистр!.. Господа офицеры, рекомендую вам генерального штаба ротмистра Злынского, — Абрамов сделал жест. — Я думаю, ротмистр, вы будете так любезны и поясните обстановку на фронте господам офицерам?

Злынский поклонился, звякнув шпорами.

Генерал надел папаху, накинул бурку и быстро вышел из класса.

— Позвольте вас спросить, ротмистр, какова боеспособность большевиков на этом участке фронта? — спросил седоватый войсковой старшина *.

Злынский с неопределенным видом пожал плечами.

— Будем смотреть фактам в лицо, — начал он. — Перед нами армия Буденного... По мнению главнокомандующего генерала Деникина, армия Буденного — это единственно реальная сила, с которой ему приходится считаться... Я беру на себя смелость сказать, что на фронте появились чрезвычайно стойкие красные пехотные части. По данным разведки, некоторые из них переброшены из Сибири. Это в первую очередь двадцатая пехотная дивизия. Она входит в состав десятой армии красных. С ней

* Казачий офицерский чин, соответствующий чину подполковника.

мы вели бой под Средне-Егорлыкским. Я бы мог назвать вам, господа, еще несколько хороших дивизий: например, девятую, шестнадцатую, но сейчас их тут нет. А с двадцатой нам придется повозиться...

Начдив двадцатой стрелковой дивизии не мог слышать эти суждения и внести в них свои поправки. Он стоял в эту минуту на своем командном пункте на вершине огромной, с трехэтажный дом, скирды сена. Отсюда ему было видно все как на ладони. Перед ним раскрывалась грандиозная, на несколько верст, панорама сражения.

Около полудня туман разошелся, и теперь была хорошо видна станица Атаман-Егорлыкская с белой колокольней, множеством ветряных мельниц и скирд сена, раскиданных по всему полю перед станицей.

Припав к биноклю, начдив медленно водил им справа налево. На крайнем правом фланге, где виднелась водонапорная башня станции Атаман, белел, курился дымок бронепоезда. Чуть левее то появлялись, то пропадали среди холмов какие-то всадники. То были остатки кавалерийских дивизий Гая и Блинова, прикрывавшие правый фланг 20-й стрелковой дивизии. Левее их были отчетливо видны перебегающие пехотные цепи. Почти в одну линию с ними, там, где поле пересекала глубокая балка, цепи шли в рост, не ложась, и начдив сразу понял, что видит свою первую бригаду. Еще левее и несколько позади того места, где он находился, он увидел черные массы кавалерии. Сплошь, куда хватал глаз, они затопляли широкую лощину. Они стояли в строгом порядке, с командирами, трубачами и знаменами на положенных местах, словно бы собирались проводить полковые учения. Это была Конная армия...

Тут же на командном пункте находился комиссар дивизии Ратнек, удивительно спокойный голубоглазый человек лет тридцати, в прошлом латышский стрелок.

— Хотелось бы знать, сколько их тут всех наберется, — говорил он, пристально оглядывая впереди лежащую местность, словно бы искал там ответа.

— Тысяч пятнадцать-восемнадцать, — отвечал начдив, что-то прикинув в уме. — Ну, считай там, товарищ Ратнек. Три конных корпуса. Так? Да Алексеевская дивизия, да корниловцы, да пластуны Чернецова... А всего здесь сразится с обеих сторон тысяч тридцать кавалерии да тысяч десять пехоты. Большой бой будет... — Говоря это, Майстрах не знал, что к Атаман-Егорлыкской только что

подошел выступивший вчера из-под Батайска конный корпус генерала Гусельщикова.

На командном пункте наступило молчание. И в этом молчании было как-то особенно слышно, как один телефонист, отвечая другому, сказал:

— А что пуля, браток? Пуля поранит — и все. Ну, другой раз убьет. А ежели умелый кавалерист рубанет — так будь здоров — если не напополам, так уж надвое развалит. Что хуже? Я вот в германскую...

Дальнейшего начдив не расслышал. Совсем рядом стали рваться снаряды, и соседняя скирда, словно нехотя поднявшись горбатой горой, рассыпалась в воздухе.

— Нас ищут, — спокойно заключил Ратнек. — Пусть попробуют — скирд много. Давай пали, коли сена не жалко...

Справа, от станции Атаман, донесся далекий сливающийся крик. То 180-й полк 20-й дивизии после ожесточенной штыковой схватки ворвался на станцию. На остальном участке дивизии полки медленно продвигались вперед. Навстречу им из-за станицы показались густые пехотные цепи: противник вводил в бой резервы.

Изредка ветер доносил отдаленный гул канонады, и бойцы, слышавшие его, гадали: то ли это 11-я кавалерийская дивизия, поставленная Буденным у села Средне-Егорлыкского, ведет бой с обходящими колоннами белых, то ли 50-я, ставшая заслоном на западе, не пускает деникинцев ударить во фланг Конной армии, то ли 34-я стрелковая дивизия бьется на тихорецком направлении.

Шел третий час дня. Начдив двадцатой Майстрах то и дело посматривал влево, недоумевая, почему Конная армия стоит без движения. Он еще не знал, что Буденный, получивший донесение о движении резервов противника, только что отдал приказ об общей атаке Атаман-Егорлыкской.

Начдив спустился со скирды, намереваясь направиться к своей третьей бригаде, но не успел он сесть на лошадь, как до его слуха донеслись какие-то странные звуки, похожие на дальние раскаты грома. Потом послышался тонкий сигнал кавалерийской атаки, подхваченный десятками труб. Потом начдив ясно ощутил, как под его ногами затряслась и мелко задрожала земля. Он вновь забрался на свой наблюдательный пункт и посмотрел туда, где стояла Конная армия. То, что он увидел, заставило его широко раскрыть глаза. Наполняя гулом окрестности, вся масса конницы тронулась с места и теперь поднималась по

широкому склону лощины. Впереди обозначилась редкая линия командиров полков с трубачами-горнистами и со значками. Вслед им на расстоянии полусотни шагов ехали эскадронные, а дальше — взводные командиры. За ними с оглушительным грохотом десятков тысяч копыт шли широкой рысью полки.

Это было не разомкнутое построение с интервалами, каким обычно конница атаковала пехоту во избежание потерь от огня, а стремя в стремя сомкнутый строй, таран, монолит, собранный для сокрушительного удара железный кулак, способный с полного хода остановить, сбить и, расколов на части, опрокинуть мчащегося навстречу противника.

Позади атакующей конницы гремели орудия. Снаряды с пружинящим воздух надрывающим свистом летели над строем. Вдоль окраины станицы взлетали рыжеватые фонтаны земли.

Полки перешли с рыси в галоп. Еще сильнее задрожала земля. Теперь это была лавина, сметающая все на пути. Фланговые эскадроны, обтекая скирду, проходили так близко от командного пункта начдива, что тому казалось — он слышит шумное дыхание этого великого скопища людей и коней. Он видел, как лошади то сжимались в клубок, то распластывались на полном скаку. Над мчащимся строем поднималась сплошная туча бурого снега, взвихренного копытами лошадей. Теперь все вокруг так гремело, что начдив не слышал телефониста, кричавшего что-то ему. Он хотел было подвинуться ближе, но тут раздались громкие крики, и его взгляд вновь обратился к атакующей коннице. 4-я дивизия двигалась развернутым фронтом полков с оглушительным криком «ура». Он видел суровые, обветренные лица бойцов; некоторые с седыми усами. Многие, вытянув руку, держали клинок устремленным вперед, другие размахивали им над головой, третьи, фланговые, готовясь рубить, держали шашку опущенной к стремени.

«Вот они, буденновцы!» — радостно подумал начдив.

Но тут за станицей Атаман-Егорлыкской раскатился пушечный грохот, и тут же среди рядов атакующей конницы стали рваться снаряды. Послышался лихорадочный перестук пулеметов. Они били с окраины станицы косоприцельным огнем. Рванули воздух ружейные залпы. Атаковавший впереди 19-й полк постепенно остановился, начал осаживать и, не выдержав огня, повернул. Остальные

полки повторили это движение. И тогда из-за станицы выскочили полным наметом свежие полки конницы Павлова. Опустив пики, казаки с диким визгом и свистом ринулись в контратаку...

Городовиков на своем любимом гнедом стоял на кургане. Он стоял так крепко, что казалось, гнедой врос копытами в землю и нет такой силы, какая могла бы сдвинуть всадника с места. Так, по крайней мере, чудилось Новикову, подъехавшему к начдиву с сообщением о ранении военкома Детистова. Это сообщение встревожило Городовикова, любившего своего смелого комиссара, однако он ничем не выдал волнения.

Мимо них неслись отдельные бойцы, целые группы, лошади, потерявшие всадников.

— Бежит дивизия, товарищ начдив, — сказал Новиков.

— Что ты врешь, Васильич! — сердито возразил Городовиков. — Зачем бежит?.. Маневр делает. Обратно заходит. Море видал? Одна волна — туда, другая — сюда. Сейчас будет девятый вал. Смотри! — показал он назад.

Новиков оглянулся. Действительно, командир бригады Тюленев быстро перестраивал к контратаке вышедшую из боя вторую бригаду. Но еще неизвестно, чем бы это кончилось, не появись слева большая конная масса. С громким криком она ударила во фланг белогвардейцам, сбила их и погнала в степь. Это был начдив Тимошенко с полками, подоспевшими на выручку попавшей в беду 4-й дивизии.

Харламов, как всегда оказавшийся в самом центре боя, поспевал всюду. Видел он, как некоторые молодые бойцы, еще не веря в клинок, вместо того чтобы рубить, перехватывали шашку под локоть, а сами хватали винтовку. Видел, как Детистов, увлекавший бойцов, упал на шею коня, а взводный Ступак подхватил его на седло.

Харламов тронул лошадь вперед. Мимо него, держа шашку в зубах и выкинув перед собой правую руку с револьвером, промчался Дундич. За ним с шумом и топотом прошел эскадрон. Харламов посмотрел вслед ему, но тут крик: «Батыр, берегись!» — заставил его оглянуться. Сильным ударом он свалил казака, ловчившегося зарубить его сзади, и, поймав на себе быстрый взгляд карих глаз, огляделся вокруг. «И до чего же боевая!» — подумал он, увидев, как Нарма, несмотря на то, что кругом шла рукопашная, слезла с лошади и нагнулась над раненым.

Неподалеку в жестокой схватке рубились с белыми 4-я и 6-я дивизии. Оттуда по одному, по двое ехали раненые. Два бойца поддерживали с боков командира на караковой лошади, который с залитым кровью лицом то выпрямлялся в седле, то падал головой на гриву коня. Это был комбриг Тюленев. Проезжая мимо Харламова, один из бойцов, обращаясь к другому, сказал возбужденно:

— Гляжу, летит четвертая дивизия, да раненые, да без голов, а за ними белые тучи. Большая сила их тут собралась... Смотри, еще!

Из-за дальней скирды показалась казачья сотня. Очевидно, остатки одного из разбитых полков. Вел сотню есаул с курчавой, на стороны, черной бородкой.

Сотню эту тут же атаковал подходивший из резерва штабной эскадрон во главе с молодым командиром, но уже старым буденновцем. Он выхватил шашку и храбро пошел на врага. Но тот, видимо, не последний в фехтовальном искусстве, легким движением шашки выбил клинок из руки командира. Да еще усмехнулся, подлец, бросив ему самое последнее обидное слово. Задохнувшись от гнева, командир кинулся: «Живого съем! Загрызу!» Тут бы ему и конец, если б не Маркозашвили, кузнец из Баку, громадный человек чудовищной силы. Обыкновенная шашка была ему не с руки, и выковал себе кузнец саблю без малого фунтов двенадцати весом. «Дамоклов меч» — так прозвали ее в эскадроне. Маркозашвили подскочил к есаулу, обеими руками поднял меч над головой и, шумно выдохнув, разрубил противника надвое.

Гибель есаула решила дело. Сотня ужаснулась, повернула лошадей и, рассыпаясь, пустилась уходить в сторону Атаман-Егорлыкской.

Туда же отходили все основные силы белогвардейцев. Их не преследовали, опасаясь засады. И правильно: конный корпус генерала Гусельщикова еще не вошел в дело. Ожидая момента, корпус стоял в резерве на западной окраине станицы.

Смеркалось. Короткий зимний день кончался. К этому времени 20-я дивизия овладела южной окраиной станицы. Бой принимал ожесточенный характер. Белая пехота упорно обороняла каждый дом, каждую улицу. Дрались штыками, гранатами, прикладами, кулаками. Выбивая деникинцев, третья бригада, наконец прорвалась к центру Атаман-Егорлыкской. Начдив Майстрах сел на лошадь и

направился к третьей бригаде. Не отъехал он и сотни шагов, как встретился с Городовиковым.

— Ну, начдив, как дела? — хмуро спросил Городовиков.

— Мои уже в станицу забрались, — отвечал тот, хорошо понимая, что Ока Иванович очень расстроен большими потерями, понесенными 4-й дивизией. — Вот еду к третьей бригаде. Хочу посмотреть, как они там.

Справа возникла тень огромного всадника, и знакомый голос басовито спросил:

— Что тут происходит?

Городовиков сразу же узнал Тимошенко. Рядом с ним ехал всадник в бурке и серой кубанке, сидевший на большой вороной лошади, — комиссар дивизии Берлов.

— Ну, братцы, еще один хороший удар — и наша взяла! — бодро заговорил Тимошенко. — Я сейчас опрашивал пленного офицера. У них колоссальные потери. Еле держатся. Сейчас ударим в атаку!

— Прошу не покидать меня, товарищ начдив, и оказать поддержку моей дивизии, — попросил Майстрах.

— Тоже сказал! — комиссар Берлов с укором посмотрел на него. — Да разве можно покинуть таких героев!

— Нет, верно, я и не думал, что у тебя такая пехота, — подхватил Тимошенко. — Я с того края видел, как она дралась. Страшная сила! — говоря это, он все время хватался за бок.

— Чего хватаешься? — спросил Городовиков.

— Да полушубок порвали, черти окаянные! Целый бок вырвали!

— Кто?

— Черт его душу знает... Казак какой-нибудь пикой. Хотел в живот, да промазал, по боку задел. Саднит...

В стороне станицы что-то сверкнуло во тьме, и тут же, все разгораясь, зашевелились яркие языки пламени.

— Мельницу, сволочи, подожгли, — определил Городовиков. — А вон другую. Гляди, как занялось!.. Это они нарочно, чтоб видно было.

Теперь все вокруг осветилось. Между холмами показались стоящие в колоннах полки. Ближе к лощине обозначились санитарные линейки перевязочного пункта 4-й дивизии с поставленными возле них лошадьми.

Со стороны появился быстро скачущий всадник. Видимо приметив начдивов, он придержал лошадь, подъехал к ним и громко сказал:

— Приказ командующего!

Тимошенко, оказавшийся ближе, принял пакет, распечатал и, приблизив бумагу к глазам, при свете пожара прочел содержание.

— Ясно, — произнес он, опуская бумагу. — Атаман-Егорлыкскую взять во что бы то ни стало!..

Как раз в это время Зотов доложил Военному совету армии, что согласно показаниям пленных к Сидорину только что подошел свежий конный корпус генерала Гусельщикова.

— Надо вызвать из резерва 11-ю дивизию, — сказал Буденный.

— Да. Я тоже так думаю, — подхватил Ворошилов.

И снова запели трубы. И снова задрожало все поле. Со страшной силой сталкивались в жестокой сече сотни, эскадроны, полки, рубя шашками в полный размах сплеча и наотмашь, сшибая живых, втаптывая в землю убитых и раненых. Лошади без всадников пристраивались на знакомые места и вместе со всеми мчались в атаку.

И вот, наконец, дрогнули белые. Тогда командующий ими генерал Сидорин ввел в бой конный корпус генерала Гусельщикова, до этой минуты стоявший скрыто.

И опять 4-я дивизия внезапно попала под сильный фланговый удар.

«Спасай артиллерию! Переходи на другую позицию!» — успел крикнуть Городовиков Шаповалову, а сам помчался за стоявшей в резерве третьей бригадой, чтобы лично повести ее в бой.

Нарма искала в степи раненых. Она только что встретилась со Стасей, сестрой из 6-й дивизии, такой хрупкой на вид девушкой, что иной пожал бы плечами, недоумевая, как она могла попасть к таким отчаянным рубакам — буденновцам. Однако хрупкая Стася везла перекинутого через седло Маркозашвили с рассеченной и уже перевязанной головой. Видимо, меч не помог на этот раз великану. Сестры-подруги обменялись приветствиями и разъехались.

Вблизи послышался стон. Нарма придержала лошадь. Неподалеку лежал человек — не поймешь, свой или белый. Девушка быстро спешилась и, накинув поводья на руку, склонилась над раненым. Это был каза-

чонок, на вид лет пятнадцати, в фуражке с солдатской кокардой.

«Тоже мне вояка! — подумала Нарма. — Сам не знаешь, за что воюешь, чудак!..»

— А ну-ка позволь... — Она хотела повернуть раненого на бок, но тут послышался быстро приближающийся конский топот.

Нарма подняла голову. Прямо на нее, всплывая темными громадами на ярком фоне пожара, мчались огромные артиллерийские лошади... Запряженные по восемь коней в каждую пушку, в тучах пара и брызг талого снега, с раздувающимися ноздрями и гривами, с тяжелым храпом и топотом, сотрясающим землю, они казались огненными конями апокалипсиса, могущими смести все преграды... А там, в глубине, в погоню за ними развертывались из колонн казачьи полки.

«Порубят! Как есть порубят!!!» — ахнула девушка.

Артиллерия стремительно приближалась. Нарма видела часто мелькавшие, черные на снегу мохнатые ноги, запряжки орудий, надвигающиеся с невероятной быстротой. И вот, подсознательно ловя в их появлении победу, она вскочила в седло, поскакала навстречу и грудью встала на пути бешено мчащихся батарей, которые широким фронтом, с дробным гулом окованных железом колес и криками ездовых, рассыпавших по бокам подручных лошадей хлесткие удары плетей, страшной бурей во весь дух неслись на нее.

Впереди на рослом коне скакал широколицый всадник. Девушка узнала в нем Шаповалова.

— Стой! Стой! Куда? — отчаянным голосом закричала она.

— Позицию... Позицию меняю! — отвечал Шаповалов, дикими глазами посмотрев на нее.

— Смотри, целыми полками выходят! Порубят!

Шаповалов оглянулся. Лицо его исказилось. Он понял, что ему угрожало.

— Стой! Стой! Сто-ой!! С передков! К бою! — загремел он таким голосом, что вся эта огромная масса из сотен упряжных и верховых лошадей, пробежав еще немного и все уменьшая аллюр, остановилась как вкопанная, словно какой-то великан могучей рукой разом схватил ее под уздцы.

Дивизион быстро развернулся налево кругом.

— По кавалерии! Прямой наводкой! Картечью! Беглый огонь!!!

Громовой грохот ударил в степь сразу из двенадцати пушек...

Было видно, как лошади атакующих шарахались в стороны, поднимались на дыбы, падали навзничь, давя под собой седоков. Падали люди, контуженные, разорванные на куски. Иные мертвые силой инерции продолжали еще мчаться вперед....

Влево сквозь ползущий дым замелькали черные на фоне пожара значки 11-й кавалерийской дивизии. Оттуда, пригнувшись к луке, веером метнулись связные. Вправо выстраивала развернутый фронт конная бригада 20-й дивизии. Подходили еще какие-то конные части.

Но атака белых уже начинала захлебываться. Шаповаловские пушки, не переставая, гремели картечью. Сюда же перенесла весь свой огонь артиллерия 20-й стрелковой дивизии. Затем подоспел и 6-й конартдив. Огненный шквал, клубясь и кипя, покатился в сторону Атаман-Егорлыкской. Там уже все находилось в смятении. Сидорин бросил в бой свой последний резерв — образцовый офицерский полк, стоивший, по крайней мере, дивизии. На него и ударил Буденный с резервной бригадой. Это решило исход сражения. Растрепанные конные корпуса белых побежали на Посад Иловайский. Началось преследование разбитых армий Деникина к берегам Черного моря...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

На Петроградских кавалерийских курсах ждали приезда инспекции. Первым эту новость принес еще третьего дня курсант Тюрин. С мальчишески возбужденным лицом он вбежал в эскадрон и, споткнувшись на ровном месте, крикнул:

— Ребята, Брусилов к нам едет!

Курсанты — многие уже спали — зашевелились. Дортуар — так по старому называли помещение эскадрона — наполнился гулом голосов.

Курсант Дерпа, прозванный Копченым за смуглый цвет кожи, приподнялся на локте и спросил у соседа по койке:

— Это кто ж такой Брусилов, браток?

— А ты разве не знаешь, Копченый? — удивился сосед. — В германскую войну фронтом командовал. Он в прошлом году к нам приезжал... Сейчас инспектор кавалерии. В германскую войну фронт прорвал. Одних пленных полмиллиона взял...

Дерпа хотел еще что-то спросить у товарища, но тот быстро вскочил и, накинув на плечи одеяло, побежал к Тюрину.

Тот, стоя у койки, над которой висела табличка с надписью: «Тут спал М. Ю. Лермонтов», рассказывал обступившим его курсантам.

— Ну да, я стоял как раз возле начальника курсов, когда дежурный принес телеграмму... Вру? Да с места мне не сойти, если вру! Какие вы чудаки, право, ребята... Есть еще новость, — говорил маленький Тюрин. — Получен приказ выдать всем курсам старую форму гвар-

дейских полков. Мы получаем гусарскую. Завтра едут на склад.

Курсанты, в основном петроградская рабочая и учащаяся молодежь, с интересом приняли оба известия. О Брусилове многие были наслышаны, и всем хотелось увидеть его. Множество разговоров и толков породило также сообщение о новой форме. Большинство видело такую форму лишь на портрете Лермонтова, который окончил эту самую кавалерийскую школу в 1834 году и служил в гвардейских гусарах. Поэтому курсанты, накинув шинели, пошли в вестибюль смотреть на портрет, чтобы на месте разрешить возникшие споры. Оставшиеся пустились в разговоры о Брусилове.

Тюрин, маленький черноглазый курсант, на вид совсем мальчик, стоя посредине толпы, говорил одному из товарищей:

— Все же я никак не пойму, что заставило Брусилова пойти вместе с нами?

— А что?

— Так ведь он был генералом при старом режиме.

— Что же из этого, раз он честный человек, патриот.

Тюрин с сомнением пожал плечами:

— Так-то оно так, понимаешь, но все ж таки он генерал.

— А Николаев?

— Какой Николаев?

— А ты разве не знаешь?

— Н-е-ет.

— Тоже ведь боевой генерал. Он командовал у нас бригадой в 7-й стрелковой дивизии. Попал к Юденичу в плен, когда мы отступали на Петроград. Тот ему дивизию предложил. А Николаев говорит: «Нет. Я сознательно с большевиками пошел». Ну и повесил его Юденич в Ямбурге. А как вешали, он и говорит: «Вы отнимаете у меня жизнь, но не отнимете веры в грядущее счастье людей».

— Ну? Так и сказал?

— Слово в слово... Так что разные среди них есть. Я бы такому памятник во какой поставил.

— А что? И поставят, — подумав, заключил Тюрин.— Да-а. Есть же такие люди на свете...

— По местам! — крикнул дневальный.

В открытых дверях показалась высокая сухощавая фигура дежурного командира Миловзорова, любимца

курсантов. Он молча постоял некоторое время, выжидая, пока курсанты улягутся, потом притушил свет, оставив одну лампочку, и вышел в коридор.

— Копченый! — шепотом позвал Тюрин товарища.

— А? — откликнулся Дерпа.

— Ты спишь?

— Сплю. А что?

— Ты понимаешь, какое дело... — быстро зашептал Тюрин, подтягиваясь к изголовью соседней койки. — Я все думаю, ведь войне-то скоро конец. Что же мы будем делать?

— Как то есть конец? Кто говорил? — спросил Дерпа, приподнимаясь на локте.

— Ты сегодня газету читал? — спросил Тюрин.

— Не успел. А что?

— Пишут, что конец гражданской войне.

— Да ты что, браток, сказился? А Деникин? А бандюки?

— Ну, эти не в счет. А у Деникина дела плохи — лапти складывает. Да вот слушай. — Тюрин зашелестел газетой, достав ее из-под подушки. Он приблизил ее к глазам и начал читать: — «...Взятие Екатеринодара венчает наши победы на Северном Кавказе, о размерах которых можно судить по тому, что в результате последних операций мы взяли в плен до семидесяти тысяч солдат и офицеров противника. Остается только рассеять остатки белогвардейских банд на восточном побережье Черного моря. Скоро в наши руки перейдут Майкоп и Грозный с их запасами нефти. Доблестная Красная Армия гонит и громит противника...»

А вот еще: «Трудящиеся России готовятся перекинуть все силы с фронта военного на хозяйственный, чтобы посвятить себя мирному труду...» Ну вот, слыхал? — спросил Тюрин, отрываясь от газеты и с глубокомысленным видом глядя на товарища. — Мирному труду, — повторил он.

Дерпа с насмешливым удивлением смотрел на него.

— Ну и чудной же ты, Мишка! — заговорил он, помолчав. — Треба, браток, знать, что говорит товарищ Ленин о капиталистическом окружении. Красная Армия будет существовать до самой мировой революции. Так что еще повоюемо... Ну, чего там еще пишут в газете?

— Ребята, да замолчите вы наконец! — сердито сказал чей-то голос. — И сами не спите и другим не даете.

Тюрин повернулся на бок, вздохнул и потянул на себя одеяло...

Когда все уснули, Дерпа завозился на койке, достал из-под подушки несколько книг и погрузился в чтение.

* * *

Прошло несколько дней.

Помощник дежурного командира курсант Алеша Вихров, высокий юноша лет восемнадцати, сидел за столом в дежурной комнате и читал «Героя нашего времени». Шел третий час ночи. Вокруг было тихо. Только отчетливо тикали над дверью часы, да ветер, налетая порывами, стучался в плохо закрытую форточку.

Вихров закрыл книгу. Он только что прочел «Бэлу» и теперь, подперев рукой голову, задумался над прочитанным. Внутренне переживая за обиженного Печориным Максима Максимовича, он сразу решил, что на месте Печорина обласкал бы доброго старика. «А правда ли, говорят, что в Печорине Лермонтов вывел себя? — думал Вихров. — Вряд ли, конечно... Хотя все может быть». Ему вдруг захотелось взглянуть на портрет поэта. Он поднялся из-за стола и, придерживая саблю, вышел в вестибюль. Здесь было темно. В эту холодную весну 1920 года улицы не освещались. Топлива было в обрез. Над Лермонтовским проспектом, как и над всем Петроградом, лежал густой мрак. И лишь над дальними крышами поднималась луна, бросая неясный, матовый отблеск на большой бронзовый памятник, стоявший в школьном сквере меж голыми липами.

Вихров отошел от окна и включил люстру. Вдоль потемневших стен проступили тускло отсвечивающие золотые рамы картин и портретов, кирасы с перекрещенными под ними прямыми палашами и чуть искривленными саблями, полуистлевшие штандарты полков — свидетели побед русской конницы, видавшие Бородино, Берлин и стены Парижа... Пройдя мимо картины, изображавшей штурм Шипки, Вихров подошел к портрету Лермонтова. Как хорошо было знакомо ему это большелобое лицо с темными усиками! Но теперь он смотрел на него не так, как обычно, а с чувством какого-то тревожного любопытства, словно хотел прочесть ответ на те мысли, которые так волновали его.

Часы гулко пробили три. Пора было делать обход. Вихров отошел от портрета.

«А сколько раз он смотрелся в это самое зеркало!» — подумал Вихров, задерживаясь у большого стенного зеркала, вделанного в старинную черную раму. На этот раз зеркало отразило совсем юное, с розовым оттенком красивое лицо с прямым носом и синими глазами. Оглядывая надетую парадную гусарскую форму, он еще раз взглянул на портрет и, внутренне ощущая приятную близость к поэту, направился в свой эскадрон.

Пройдя длинным коридором, он остановился у одной из наполовину застекленных дверей и посмотрел через нее. На стуле около двери подремывал — клевал носом— дневальный. Неладно подогнанный меховой кивер с высоким тонким, как свеча, белым султаном съезжал ему на нос. Дневальный поправлял его сонным движением и вновь принимался кивать, словно с кем-то здоровался.

Вихров толкнул дверь и вошел в дортуар. Дневальный вскочил.

— А где дежурный по эскадрону? — спросил Вихров, оглядывая койки и узнавая на них знакомые лица спящих товарищей.

— У пирамиды, — показал дневальный, с трудом превозмогая одолевшую его зевоту и стараясь всем своим видом показать, что он даже и не думал дремать.

Вихров узнал маленькую фигуру Тюрина, который, увидя его, подхватил гремевшую саблю и заспешил к нему навстречу.

— Ну как у тебя? — спросил Вихров, когда Тюрин подошел и представился.

— На Шипке все спокойно! — бодро сказал Тюрин.

— А кто это не спит? — Вихров показал в дальний угол, где, обложившись книгами, спиной к ним сидел за прикроватной тумбочкой широкоплечий человек.

— Копченый. Я ему уже сколько раз говорил, чтобы спать ложился, а он, понимаешь, и слушать не хочет. Да еще грозится.

Вихров знал, что Дерпа имел только начальное образование, но, обладая огромной старательностью и большим самолюбием, он не хотел отставать от товарищей и просиживал ночи над книгами.

Вихров подошел к Дерпе и присел подле него на свободную койку.

— Ну, как дела? — спросил он участливо.

Сердито засопев большим носом, Дерпа взъерошил волосы.

— А чтоб она сказилась, чертова гипотенуза! — проговорил он с такой злобой в голосе, что, казалось, превратись сейчас гипотенуза в живое существо, он тут же изрубил бы ее на куски.

— Давай я тебе помогу, — с готовностью предложил Вихров.

Он взял табуретку, подсел к тумбочке и принялся втолковывать товарищу теорему...

— А ведь понял! Ей-богу, понял! — радостно заговорил Дерпа, когда Вихров закончил объяснение и отложил карандаш в сторону. — Как же ты, браток, все понятно объяснил! Вот спасибо, так уж спасибо... Слышь-ка, я тебе за такое одолжение полпайки хлеба дам! — объявил он решительно.

— Да ты что, смеешься? — сказал Вихров, улыбаясь и ласково глядя на товарища, которого очень любил за смелость и силу. — Тебе одному надо десять таких пайков. Ишь удивил!

— Я читал в газете сообщение Петрокоммуны: завтра всем рабочим будет выдано по ползайца, — вспомнил Тюрин. — Может быть, и нам перепадет?

— Ползайца! — подхватил Дерпа. — Да я бы, братцы, сейчас один полкоровы съел! У меня от воблы уж ноги не ходят.

— Ничего, — успокоил Вихров, — скоро выпуск. Поедем по частям. Там будет лучше... Ну, ложись спать, Дерпа. До подъема три часа.

Он пошел из дортуара. Всюду на тумбочках и табуретах лежали аккуратно сложенные алые доломаны, ментики, рейтузы, медвежьи кивера с белыми султанами и красными шлыками. Вихров знал, что с обмундированием вообще было плохо, поэтому петроградскому гарнизону и была выдана как выходная парадная форма гвардейских полков, ранее хранившаяся на окружных складах.

Возвратясь в дежурную комнату, он прилег на продавленный с потертой кожей диван и начал думать, что скоро выпуск. Ему, как и многим его товарищам, хотелось получить назначение в Первую Конную армию, но не так давно произошли события, ставившие под сомнение подобное назначение. Газеты писали о новом походе Антанты, использовавшей для этой цели буржуазную Польшу. На западной границе уже шли бои. Поэтому,

как думал Вихров, курсанты, подлежащие производству в красные офицеры, могли надеяться лишь на назначение в части Западного фронта. Первая же Конная стояла на далеком отсюда Северном Кавказе. Кроме того, он знал, что из прошлого выпуска лучших командиров направили в запасной полк для подготовки маршевых эскадронов, и теперь опасался, что и его ждет подобное назначение. Нет, в тылу он не останется. «А что, если самому Ленину написать?» — думал он, вспоминая о своей встрече с таким близким и простым человеком. Вихров стоял тогда в карауле в Смольном. Пост его находился у самого входа в актовый зал.

Теперь, вновь переживая эту встречу, он вспомнил, что Ленин прошел всего в двух шагах от него.

«Нет, нельзя Ленина беспокоить по таким пустякам, лучше напишу комиссару». Он поднялся с дивана, сел за стол и, найдя в одном из ящиков лист чистой бумаги, собрался было писать, но тут в дверь постучали, и чей-то глуховатый голос спросил разрешения войти. Вихров поднял голову. В комнату вошел тонкий, молодцеватый старик с расчесанной на стороны курчавой седеющей бородой. На нем был алый с желтыми шнурами гусарский доломан, синие рейтузы и сапоги с розетками. Медвежий кивер сидел чуть набекрень. В левой руке вошедший держал сигнальную трубу со шнуром и кистями. Это был трубач Гетман, старый служака, горячо любивший молодежь, старавшийся при каждом удобном случае рассказать что-нибудь поучительное.

Вместе с ним вошла пушистая сибирская лайка дымчатой масти. На шее у нее был синий суконный ошейник с золотым галуном. Собака вильнула хвостом и, подойдя к Вихрову, ткнула носом в его сапог.

— Здравия желаем, товарищ дежурный! — бодро поздоровался Гетман с добродушным выражением на лице и вытягиваясь так, словно ему было не семьдесят с лишним лет, а вдвое меньше.

Вихров предложил трубачу садиться.

— Приедет, значит, да... Давненько я его не видал, — вздохнув, сказал Гетман, присаживаясь на краешек стула и придерживая трубу меж колен.

Вихров насторожился. На его лице появилось живейшее любопытство.

— Родион Потапыч, а разве вы Брусилова знаете?

Гетман поднял голову. Глаза его заблестели.

— А как же! — воскликнул он. — Да мы с Ликсей Ликсеичем сколько лет вместе служили. Попервам в турецкую кампанию в тридцатом Тверском драгунском полку. Он в эту пору был полковым адъютантом *. А потом в офицерской школе. Я при нем состоял в штаб-трубачах.

— Ну и какой он человек?

— Орел... Строг, но и добр. О солдате большую заботу имеет. Одним словом — отец. Бывало, на крещенье, шестого января, парад — императорский смотр. Мороз градусов на тридцать, а мы в одних мундирах. Холодно. Только что душа не замерзнет. Так он перед парадом почти всех солдат осмотрит, чтоб снизу был одет потеплее. Навыборку, конечно. Где же всех-то осмотреть. Он, как прошлый год приезжал, я в лагерях был. Так и не повстречались. А может, и не узнает?.. Ведь сколько время прошло...

Гетман замолчал, вынул из кармана чистую тряпочку и начал бережно протирать запотевшую трубу. Яркие блики электрического света заскользили по металлу, отражаясь на лице трубача, и тогда стал отчетливо виден белый шрам — знак турецкой пули, наполовину скрытый седыми усами.

— Видимо, Брусилов простой человек, — заметил Вихров.

— Да уж куда проще. Денщик у него был. Иван Чернов. Вовсе неграмотный. Так Ликсей Ликсеич сам его грамоте выучил.

Трубач прокашлялся, не спеша сложил тряпочку и убрал ее в карман.

— Родион Потапыч, расскажите что-нибудь о турецкой войне, — попросил Вихров. — Ведь вы под Шипкой воевали?

Гетман отрицательно покачал головой.

— Нет, мы с Ликсей Ликсеичем на Кавказском фронте сражались. Ведь наш полк в Тифлисе стоял. Вот мы, значит, Мухтар-пашу и гоняли. Крепость Карс брали.

— И большие были бои?

— Большие... Сам Ликсей Ликсеич под Карсом было пропал.

— Что, ранило?

— Нет, там вышла такая история... Разрешите закурить, товарищ дежурный?

* Начальник штаба полка.

— Курите, пожалуйста.

— Покорнейше благодарю.

Гетман вынул из кармана небольшую обкуренную трубочку и с тем чувством собственного достоинства, каким отличаются поседевшие на службе старые служаки, принялся не спеша набивать ее табаком.

— Так вот как было это дело, — начал он, закурив. — Мы аккурат наступали на Карс. Наш полк и еще другие. Эриванский отряд назывались. Да. Командовал отрядом генерал-лейтенант Гейман. Из кантонистов был. Сын полкового барабанщика. Очень, говорили, умный человек. Ликсей Ликсеич в ту пору был молодой, лет двадцать. Ну вот, послал его полковой командир посмотреть, можно ли по тому месту полку наступать. Он меня кликнул. Поехали. Сначала по ровному месту, а потом пошли овраги да балочки. И только это мы в балочку спустились, а турок ка-ак полыхнет по нас залпом. Ликсей Ликсеич вместе с конем на землю пал. Ну, думаю, убили злодеи нашего сокола. Подъезжаю. Нет, гляжу, — живой. Только коня под ним подвалили. «Пожалуйте, — говорю, — садитесь на моего, а уж я как-нибудь пеший до своих доберусь...» Хорошо. Уехал Ликсей Ликсеич. А я седло с убитого коня снял да потихоньку подался к своим. Только слышу — топот. Оглянулся — турки. Двое. Кричат, ятаганами машут. Ну, хотя они и отчаянный народ, да куда им двоим против русского солдата! Я саблю вынул, жду. И только они подскочили, я — раз! — и одного смаху ссадил. Другой все ж изловчился, по руке мне зацепил, но я и его вскорости спешил. А тут, глядь, еще четверо скачут. Вижу: вот она, погибель моя. Однако решил биться до последнего. Конечно, тут бы мне и конец, если б не Ликсей Ликсеич. Он аккурат на горку взъехал и турок увидел. Как кинется! Одного срубил, другого. Остальные бежать... Вот какой он орел, наш Ликсей Ликсеич. Да у нас и завсегда было так: сам погибай, а товарища выручай...

Гетман замолчал и стал выколачивать трубку.

— А ведь как давно это было, — тихо заметил Вихров.

— Да... Без малого годов пятьдесят, — тяжело вздохнул Гетман... — Ну что ж, товарищ дежурный, скоро поздравим вас с производством, — продолжал старик, поднимая глаза на Вихрова.

— Скоро, Родион Потапыч, два дня осталось.

— Дело хорошее, но не всякому оно удается.

— Это вы о чем, Родион Потапыч?

— А я к тому говорю, как вот давеча комиссар курсов Дгебладзе на митинге выступал, говорил, что офицер не только командир, но и воспитатель. Правильно он говорил. Я сам старый солдат, знаю. За свой век всего нагляделся.

Трубач помолчал, поднял руку и, словно грозя кому-то указательным пальцем, продолжал:

— Командир! Это слово понимать надо. Вот вы сейчас курсанты, друзья мои молодые, а через два дня будете командирами, и я согласно присяге должен перед вами навытяжку стоять. А почему? Вот вы послушайте меня, старика, я правду говорю. Командир — воспитатель. Правильно. Так вот, как я понимаю, перво-наперво командир должен заслужить любовь солдата. Да. Чтобы он вас не боялся, а уважал и любил. Вот тогда вы будете настоящий командир. Я старый уже. Всего нагляделся. Разные были офицеры, и плохие и хорошие. Вот и с этого училища выходили всякие.

— А давно вы здесь служите?

— Как турецкая война кончилась, я в высшую офицерскую школу попал, а потом сюда. Годов тридцать будет.

— Тридцать восемь, Родион Потапыч, — поправил Вихров, быстро прикинув в уме.

— Тридцать восемь! — Трубач покачал головой. — Эко время бежит!

— Ну, как тут у вас, большие строгости были? — поинтересовался Вихров.

— Дисциплина была как полагается. Вот за выпивку, правду сказать, здорово требовали.

— Ну? А я думал, это не возбранялось.

— Что вы! Если какой юнкер с отпуска явится, а от него винищем несет, так его тут же под арест, погоны долой и вольноопределяющимся в полк... И за честь строго требовали.

— Строго?

— А как же! — Трубач значительно посмотрел на Вихрова. — Да вот, к примеру, случай. Я тогда еще на Кавказе служил. Прибывает к нам молодой корнет. Он эту самую школу кончал. Как его фамилия?.. Нет, позабыл. Ну, представляется, конечно, командиру полка. Тот направляет его в эскадрон с приказом через две недели явиться к нему.

— Это что же, испытательный срок?

— Вроде того. Ну, прошло две недели. Тот является, а командир: «Идите к полковому адъютанту, получите документы, поедете в главный штаб, в Петербург». — «Как? Что? Почему?» Оказывается, он у кого-то под слово деньги взял, да в срок не отдал.

— И за это из полка?

— А как же! На этот счет строгости были большие. И на нашем полковом знамени было написано: «Честь дороже жизни». А не пора ли нам, товарищ дежурный? — спросил трубач, с озабоченным видом взглядывая на стенные часы.

— Да, да, можно играть, — спохватился Вихров, увидев, что стрелка подходит к шести.

— Пошли, Пушок! — окликнул старик задремавшую было собаку.

Пес вскочил и, виляя хвостом, выбежал за трубачом. Спустя минуту бодрые звуки зори понеслись под высоким потолком вестибюля...

Начальник курсов, тучный пожилой человек с пышными седыми усами, медленно прохаживался по большой сводчатой комнате нижнего этажа, носившей название приемной, и говорил находившемуся тут же дежурному командиру Миловзорову:

— В общем, так и сделайте, Алексей Федорович, как только приедет, сейчас играть сбор и строиться. Смотрите, чтобы все было в порядке.

Говоря это, он искоса посматривал строгими навыкате глазами в сторону дверей, откуда каждую минуту мог появиться Брусилов и где маячила за стеклом фигура выставленного сторожить курсанта.

— Да так и сделаем: трубить сбор, и баста, — повторил он внушительно, повертывая к Миловзорову свое старое, с отвисшими щеками лицо и хмуря густые серые брови.

— Да вот еще что потрудитесь, пожалуйста, передать адъютанту...

Он не закончил. Парадная дверь громко хлопнула, и в приемную вбежал курсант.

— Приехал, товарищ начальник! — доложил он веселым и несколько встревоженным голосом.

Вихров, все время стороживший на лестнице, услышав

голос курсанта, быстро спустился в приемную и, ожидая распоряжений, встал позади Миловзорова. Он никогда не видел Брусилова, но теперь, увидев входившего в приемную стройного старика с резкоочерченным свежим лицом и вытянутыми в ниточку длинными седыми усами, сразу понял, что это и есть Брусилов. Упруго ступая, вошедший направился к заспешившему навстречу ему начальнику курсов. Пока тот представлялся и здоровался с ним и с сопровождающим его комиссаром курсов Дгебладзе, горбоносым средних лет человеком, Вихров успел рассмотреть, что на Брусилове была фуражка с желтым околышем и выгоревшая офицерская шинель с темными следами погон. Пристально вглядываясь в лицо старика, он не сразу услышал, как Миловзоров шептал ему: «Что ж вы стоите, батенька мой? Бегите, передайте Гетману играть сбор». Прыгая через ступеньку, Вихров быстро взбежал вверх по лестнице.

Огромный Белый зал с высокими мраморными колоннами и хорами для музыкантов был залит ярким солнечным светом.

Курсанты, твердо отбивая шаг и в такт звеня шпорами, по три в ряд входили в широко раскрытые двери. Лучи солнца играли на расшитом желтыми шнурами сукне доломанов, на белых ментиках и синих рейтузах. Над рядами плыли султаны меховых киверов с алыми шлыками. Сверкала до блеска начищенная медная чешуя подбородных ремней.

Эскадроны выстраивались.

Командир учебного дивизиона, полный человек среднего роста, с торжественным выражением на бритом лице, картинно изгибаясь назад и, видимо, упиваясь собственным голосом, покрывавшим все звуки, залился протяжной командой:

— Дивизио-о-он!

Выдержав паузу, во время которой слышался только дружный, в два темпа, стук ног по паркету, он, быстро опустив поднятую над головой руку, отрывисто оборвал:

— ...Стой!

Строй, дрогнув, замер. Наступила мертвая тишина. И как раз в эту минуту в глубине выходящего в зал коридора послышались быстрые шаги. Несколько сот глаз

без команды повернулись направо: в открытых дверях появилось командование.

Стоявший неподалеку от правого фланга Вихров оказался в нескольких шагах от Брусилова и теперь с любопытством смотрел на него, живо представляя себе рассказанный Гетманом случай под Карсом.

«В критическую минуту придти на помощь солдату и спасти ему жизнь. Как это хорошо!..» — думал он, во все глаза глядя на инспектора кавалерии.

Брусилов вынул из кармана носовой платок и вытер усы.

— Товарищи курсанты, — заговорил он негромким и уже старческим голосом, — мой приезд к вам совпал с событием чрезвычайной важности. По только что полученным сведениям коварный враг без формального объявления войны вчера вторгся в пределы нашей дорогой Родины... Сейчас где-то кипит бой, и наши герои самоотверженно дерутся на фронте...

Возбужденный гул голосов прокатился по залу. Курсанты, переглядываясь, подталкивали друг друга локтями, задние подступали к товарищам, стоящим впереди.

Тюрин прокрался в это время к дверям зала (благо от эскадрона было не более сотни шагов) и заметил движение в зале, но что там говорили, он не мог разобрать. Он только видел встревоженные лица товарищей и слышал изредка долетавшие до него слова Брусилова, который, судя по его жестам, что-то горячо говорил курсантам. Но вот Брусилов сделал несколько шагов к правому флангу, и голос его стал слышен отчетливее.

— ...Через несколько дней многие из вас будут удостоены высокого звания командира, — говорил он. — Носите это звание с честью. Помните, что командир — воспитатель широких народных масс. В первую очередь он должен любить Родину, быть честным человеком и обладать высоким чувством товарищества... Карьеризм, личные интересы, зависть, интриги не должны быть свойственны нашему командиру...

Вот все, что я хотел вам сказать.

Прозвучала команда по эскадронам.

Разговаривая между собой возбужденными голосами, курсанты расходились.

— Да, да, Петр Евгеньевич, — говорил Брусилов начальнику курсов — Пилсудский умышленно затягивал

переговоры, чтобы успеть собрать силы и нанести внезапный удар...

Он вдруг остановился и, видимо чувствуя на себе чей-то взгляд, поднял голову. Поодаль у дверей стоял старик и пристально смотрел на него. Удивление и радость появились на лице Брусилова.

— Позвольте, да ведь это Гетман? — проговорил он не совсем еще уверенным голосом, вглядываясь в лицо старика. — Гетман! — позвал он.

— Здравия желаю, ваш... — старик запнулся, — товарищ инспектор! — бодро отчеканил он, выступая вперед.

Брусилов подошел к трубачу и обнял его.

— Гетман! Здорово, старик... Ну как же я рад тебя видеть! — заговорил он, дружески похлопывая его по плечу. — Что же сразу не подошел? Не узнал, что ли, меня?

— Как не узнать, Ликсей Ликсеич, — весь дрожа от волнения и радостно моргая сверкающими влагой глазами, ответил старик. — Сразу узнал. Да только подойти не осмеливался...

На следующее утро не успели курсанты убрать лошадей и позавтракать, как разнесся слух о прибытии пополнения из частей Конной армии и бригады Котовского. День был воскресный, и многие побежали в приемную посмотреть на прибывших.

Десятка три молодых людей в самой разнообразной одежде, среди которой английский френч с двойными британскими львами на пуговицах мирно уживался рядом с казачьими шароварами или красными бриджами, а блестящий кирасирский палаш соседствовал с кривой чеченской шашкой, молча стояли у парадного входа. Тут же находились их сундучки, баулы и еще какие-то свертки.

Курсанты с любопытством смотрели на суровые, обветренные лица прибывших, которые всем своим видом старались показать, что их ничуть не удивляет ни само монументальное помещение школы, ни парадные мундиры курсантов.

Дерпа сразу же узнал среди прибывших своего однополчанина Гайдабуру, вытащил его из толпы и, усадив на скамейку, принялся расспрашивать о старых товарищах. Потом разговор перешел на курсовые порядки.

— Комиссар наш — очень хороший человек, — говорил Дерпа. — В любое время, братко, к нему заходи, и потолкует по душе, и совет даст. Дивизионного командира тоже не бойся. Он только страшный на вид. Усы — во! — Дерпа, примерившись, развел руки на аршин от своего большого носа. — А вот эскадронного командира побаивайся. Упаси бог, если шпоры не чищены или родня распущена.

— А что это — родня? — шепотом спросил Гайдабура с беспокойством на молодом сухощавом лице.

— Родня? Складки на брюхе, — пояснил Дерпа. — У нас заправка по всей форме. Ремень потуже, ходи веселей... И вот еще Пушка́ бойся, — продолжал он, кинув дружеский взгляд на Вихрова, который подошел и присел подле него.

— А кто это, Пушок? — спросил Гайдабура.

— Собака. Кобель, одним словом. От юнкеров нам по наследству достался. Они его в вахмистры, в старшины произвели. У него и ошейник с золотым галуном.

— Кусается?

— Нет, зачем? Службу требует...

— Как это?

— Его у нас боятся, задабривают, — подхватил Вихров. — Умный чертяка! Только что говорить не умеет.

— И подлиза большая, — вставил Дерпа.

— Нет, почему подлиза? — возразил Вихров. — Дисциплину хорошо понимает... Он, видишь ли, постоянно спит у ног трубача здесь, в приемной, и когда входит кто-нибудь из нас, курсантов, он только ухом поведет и глаз приоткроет. Но стоит войти какому-нибудь командиру, пес мигом вскакивает и садится на задние лапы. Да вот сам увидишь... А службу, верно, требует.

И Вихров, отвечая на молчаливый вопрос Гайдабуры, рассказал, что ежедневно перед верховой ездой курсантов разбивают на смены по числу манежей. Бывает, что какая-нибудь смена перепутает манеж, а потом пускается бегом, чтобы не опоздать к началу занятий. Тут как из-под земли появляется Пушок и поднимает страшный шум, лает, мечется. Курсанты бросают ему сахар, чтобы пес замолчал. А он жрет, давится, перхает и все-таки лает до тех пор, пока не появится дежурный по курсам командир и не наведет порядок.

— Ты расскажи Гайдабуре, как он Тюрина облаял, когда тот пику поломал, — вмешался Дерпа.

— Да вот он сам пожаловал, — Вихров показал на вышедшего из-за угла пса.

Пушок подошел к сидевшим и уставился на них, поставив уши торчком.

— Проверяет, злодей, все ли в порядке, — мрачно сказал Дерпа.

— А шерсть какая пушистая! — заметил Гайдабура.— Ну просто ковыль.

— Видите, как часто наружность бывает обманчива,— подхватил Вихров. — Как умильно смотрит, подлец, а сам что-нибудь ехидное думает!

Пес постоял, посмотрел, вильнул хвостом и направился по коридору.

— Так как же он этого Тюрина облаял? — спросил Гайдабура Вихрова.

— Напакостил он ему — лучше не надо, — сказал Вихров, усмехнувшись. — У него, видишь ли, был конь по кличке Зуав. Так, ничего себе конь, только с придурью. Перед атакой его надо было раскачивать. У него уши большие, как у осла. Вот их покачаешь туда-сюда, как рычаги, он и пойдет в галоп. Да так пойдет, что только держи, — все сокрушит. Сквозь впереди идущий эскадрон прорвется, всех разгонит. И задом бил... — И Вихров стал рассказывать о том, как Зуав занес Тюрина в первый эскадрон и вбился во вторую шеренгу. Пика Тюрина оказалась поперек спин чужих лошадей. Зуав оборвал поводья, выбежал из-под него и умчался, а Тюрин повис на пике между двух всадников. Пика переломилась, не выдержав тяжести. А тут вдруг Пушок обрушился на Тюрина с яростным лаем. Пушок постоянно бежал позади эскадрона и словно бы наблюдал за порядком. Тюрин уговаривал его, величая и Пушочком и сволочью проклятой, и сахар кидал. Пес жрал сахар, но все-таки лаял до тех пор, пока не подъехал командир взвода... Так Тюрин и получил три наряда вне очереди, — закончил Вихров.

— А ведь умная собака, — сказал Гайдабура.

— Никто с этим не спорит, — согласился Вихров. — Только ее ум часто нам боком выходит.

Мимо них прошел низенький старичок с длинными седыми усами. В руках у него был разбухший портфель с торчавшим из него хвостом селедки.

— Кто это? — спросил Гайдабура.

— Любомиров. Бывший генерал. Командовал Дикой

дивизией. Он у нас тактику преподает. Видишь, паек получил, — пояснил Дерпа.

— А как у вас, ребята, с продовольствием?

— Плохо, — сказал Вихров. — Суп из селедки. Ну воблу еще дают. Все время есть хочется.

— Чего ж вы молчали? — удивился Гайдабура.—Дерпа, ты что же? Забыл буденновский закон — сам останься голодный, а товарища накорми? А ну, пошли! У меня там в сундучке есть сало, хлеб. Пошли, братцы, пошли!

Они поднялись со скамейки, но тут навстречу им выбежал из-за колонны маленький Тюрин с красным, взволнованным лицом.

— Ребята, новость слыхали? — спросил он, задохнувшись.

— Что-нибудь соврешь? — спросил Дерпа.

— Совру?! Да с места не сойти, если я вру! Сам, своими ушами слыхал... Только сейчас принесли телеграмму. Начальник курсов читал, а я слышал, рядом стоял. Все, всем выпуском едем в Конную армию!..

2

В вагоне стоял густой храп. На полках, в тесных проходах и между скамейками лежали люди. Мешки, баулы, узлы, фанерные чемоданы и сундучки с подвязанными к ним дочерна закопченными котелками и чайниками — верными дорожными спутниками в те суровые времена разрухи и голода — загромождали вагон, и без того забитый людьми. Поезд еле тащился.

Начинало светать. Вихров сидел на угловой скамейке у окна и глубоко вдыхал свежий воздух, проникавший сквозь разбитое окно. Добраться до Майкопа, где стоял штаб Конной армии, оказалось делом более трудным, чем предполагали он и его товарищи (с ним ехали Дерпа и Тюрин) две недели тому назад, когда они выехали из Петрограда. Поезда были переполнены так, словно вся Россия погрузилась в вагоны и катила куда-то искать сытой жизни. Однако после нескольких пересадок им повезло. В день их прибытия в Воронеж здесь был сформирован прямой поезд до Ростова. С волной других пассажиров их внесло в вагон, закружило и разбросало по лавкам. Этим поездом они ехали уже третьи сутки, то лежа, то сидя. Пустив в дело руки, Дерпа успел завладеть верх-

ней полкой и с комфортом расположился на ней, резонно заметив, что спекулянты-мешочники могут и постоять. Теперь, чередуясь с Вихровым, он отсыпался, наполняя купе громким храпом.

Замедляя ход, поезд подходил к станции. За окном проплывало паровозное кладбище. На сереющем фоне рассвета отчетливо вырисовывались проржавленные корпуса паровозов с давно потухшими топками. Протащившись мимо полуразрушенной станции с черными глазницами окон, поезд круто остановился. Со стен и полок посыпались вещи.

— Ух ты, окаянная сила! — плачущим голосом вскрикнул сидевший на полу человек с острой бородкой, охая и потирая затылок.

В вагоне зашевелились, послышались голоса и глухое покряхтывание.

Дерпа тяжело перевалился на другой бок и, с трудом раскрывая припухшие веки, посмотрел в окно.

— Слышь, братко! — позвал он, свешиваясь с полки и трогая за плечо сидевшего внизу Вихрова.

— Чего тебе? — поднимая голову, спросил Вихров.

— Какая станция? Не знаешь?

— А черт ее знает... Не видно, — сказал Вихров.

— Александро-Грушевск это, товарищ, — сказал чей-то голос.

— Ну?! — Дерпа с радостным воплем обрушился с полки.

— Ты что, ошалел?! — сердито крикнул Вихров, поджимая ушибленную ногу.

— Это ж моя станция! Я здесь почти пять лет в шахте работал... Пойти, может, своих ребят увижу... — говорил Дерпа, протискиваясь к выходу из вагона и шагая через узлы.

Поезд долго стоял. Вихров тоже хотел выбраться подышать свежим воздухом, но в тамбуре набилось столько народу, что он только досадливо махнул рукой и, с трудом перелезая через узлы и ноги сидевших, возвратился на место.

В дверях задвигались. В вагон пробирались два человека. Передний, с бородой веником, стриженный в скобку, остановился, держа шапку в руках, оглядел пассажиров и сказал бодрым голосом:

— Граждане, пожертвуйте в пользу машиниста, кто сколько может, а то до ночи будем стоять!

— И что же это, граждане, делается? — запальчиво заговорил пассажир, ушибленный сундучком, с видом крайнего возмущения посматривая на окружающих. — В Лисках давали, в этом... как его?.. тоже, а здесь, значит, обратно платить? — Он пошарил за пазухой, вытащил туго набитый бумажник, достал из него билет и, тыча в грудь бородатому, продолжал: — У нас билеты купленные. Да рази можно, чтобы пассажирам по три раза платить?!

Бородатый развел руками и, склонив голову набок, сказал вразумительно:

— Экий же ты, гражданин, несознательный! А разве машинист обязан без смены везти? Скажи спасибо, что он в наше положение входит — третьи сутки везет!.. Давай, давай, граждане, не скупись! Скорее доедем...

— Непорядок это, — строго заметил пожилой человек, по виду рабочий.

Он сердито отвернулся, взял свой сундучок и пошел из вагона. Остальные полезли кто в карман, кто за пазуху. В шапку щедро посыпались деньги.

Внезапно за стеной вагона послышались встревоженные голоса, крики.

— Полно здесь! Полно!.. Куда лезешь? — зло кричал чей-то голос. — Не пущай ее, Петька! Нашли время с ребятами ездить. Не пущай, говорю!

Послышался звон разбитого стекла и вслед ему отчаянный женский вопль.

— Ты как смеешь, гад, бабу бить?! — вдруг зазвучал другой голос. — Ишь, паразиты! Зараз всех расшибу! А ну дай дорогу!..

В тамбуре зашевелились. В дверях появился высокий плечистый человек с глубоким сабельным шрамом на красивом лице. На вошедшем была казачья фуражка и туго перехваченный кавказским ремешком коротенький полушубок, поверх которого висели шашка и револьвер в изношенной кобуре. Одной рукой он придерживал на плече связанное веревкой седло, другая была занята переметными сумами. Из-за его плеча несмело выглядывало заплаканное лицо молодой женщины.

— Здорово ночевали, товарищи! — неожиданно весело поздоровался он, улыбаясь и показывая белые и ровные зубы.

Никто из близсидевших не ответил.

— А ну, граждане, уступите кто место гражданочке,— продолжал он, вдруг помрачнев.

В ответ послышалось глухое ворчание.

— Эх, граждане, стало быть, вы несознательные! — сказал с укором вошедший, сердито сдвинув угловатые брови. — Ну, ежели так, то я вас зараз в порядок произведу, не будь я боец буденновской армии... А ну, встань живком! — крикнул он сидевшему у дверей парню. — Что?.. Я те вдарю!.. Сидайте, гражданочка...

— Посмотреть бы, что у нее за дите, — мрачно заметил ушибленный сундучком. — А то теперь всякие ездиют. Другая полено тряпками обвернет — вот оно и дите: и не шумит и есть не просит.

— Я проверял, — успокоил буденновец. — Меня не обманешь... А ну, гражданин, подвинься чуток... — Он перешагнул через узлы и протискался к пассажиру в четырехугольном пенсне, соседу Вихрова, который, разложив на коленях бумажку с цыпленком, аккуратно ел, брезгливо оттопырив мизинцы.

Пассажир, блеснув стеклышками, быстро взглянул на бойца, хотел что-то сказать, но, встретив устремленный на него пристальный взгляд лихих серых глаз, поспешно подвинулся.

Боец положил седло и переметные сумы и, с трудом втиснувшись между сидевшими, потащил из кармана кисет с махоркой.

Вихров все время с любопытством смотрел на вошедшего. Этот решительный, полный энергии человек начинал ему положительно нравиться.

— Так вы, товарищ, из Первой Конной? — спросил он, со сдержанной улыбкой глядя на буденновца.

— А вы откель? — спросил боец, всматриваясь в Вихрова и с некоторым подозрением оглядывая его новую обмундировку.

Вихров пояснил ему, что вместе с товарищами едет в Конную армию, о которой они уже много наслышаны и хорошо знают о ее боевых действиях против Деникина.

Его простота и товарищеское отношение, по-видимому, понравились бойцу, и тот, проникнувшись доверием к нему, в свою очередь рассказал, что сам он с верхнего Дона, из станицы Усть-Медведицкой, служит с Семеном Михайловичем с восемнадцатого года и теперь едет в часть из госпиталя.

— Вот так встреча! — говорил он вполголоса. — Значица, к нам. Ну, в час добрый... Хоть, правду сказать, наша братва не дюже привечает вашего брата.

— Почему так? — удивился Вихров.

— Обижаются: своего разве мало народу!

— А может быть, другая причина?

Боец пожал плечами.

— Да ведь всяко бывает. Народ-то с курсов едет больше молодой, необстрелянный. Случается, который и сдрейфит с непривычки. А у нас на этот счет строго.

— Ну, наши-то, петроградские, все побывали в боях,— заметил Вихров. — Юденича били.

— А-а-а! Стало быть, вы петроградские, — сказал буденновец со значительным видом. — Та-ак... Был у нас один петроградский в четвертой дивизии, я там раньше служил, — пояснил он, — а после ранения в одиннадцатую попал. В одиннадцатой-то еще нет красных офицеров. Не присылали. Вы первые будете... Так этот, петроградский, у нас в полковом штабе служил. Северьянов ему фамилия.

— Да, кстати, — сказал Вихров, — а как ваша фамилия?

— Моя? Харламов.

— Так вы говорите, товарищ Харламов, что того командира была фамилия Северьянов?

Вихров задумался, перебирая в памяти знакомых ему по прошлому выпуску товарищей.

— Нет, что-то не помню такого, — протянул он с нерешительным видом, — но возможно, что и встречались.

— А я с ним на карточку снятый. Может, припомните?

Харламов раскрыл переметные сумы, которые оказались наполненными доверху самым различным имуществом. Тут были чайник, уздечка с трензелями, пара подков, начатая буханка хлеба, большой кусок пожелтевшего от времени сала и еще какие-то свертки. Доставая один за другим все эти предметы, Харламов без стеснения раскладывал их на колени соседям. Потом он вынул из переметной сумы большую, в рубчатой чугунной сетке ручную гранату и, повертев ее в руках, положил на колени сидевшему рядом человеку в пенсне.

— Что это? — спросил тот, опасливо косясь на гранату.

— Не знаешь? — удивился Харламов. — Чудно! Гранаты не видел?

Пассажира качнуло в сторону.

— Что, граната? Заряженная? — меняясь в лице, быстро спросил он испуганным шепотом.

— А как же!.. Да ты, гражданин, не бойся, — успокоил Харламов, чувствуя, как плотно прижатая к нему нога пассажира начала мелко дрожать. — Ты не бойся. Она хоть и заряженная, но сама не взорвется... Нет. Вот ежели ее уронить... — Он подхватил готовую скатиться на пол гранату и продолжал, с беспечным видом перекатывая ее на ладонях: — Конечно, ежли эта граната попадется в руки дураку, то, будьте уверены... Да.

Наступило молчание.

— Пойти, что ль, покурить, — как бы про себя сказал мешочник, ушибленный сундучком.

Он поднялся, подхватил свой мешок и, ступая на ноги сидевшим, быстро выбрался из вагона. Два-три пассажира, завозившись, поспешили следом за ним.

— Дурак ведь без понятия, — продолжал Харламов, обращаясь к человеку в пенсне и глядя на него со скрытой враждебностью. — Мало ли чего ему в голову влезет! Вот, к примеру, был у нас в сотне, еще в германскую, один казачок. Ну, не так чтобы очень дурной, а, как говорится, с-под угла мешком вдаренный. Да. И вот попадись ему точь-в-точь такая граната. У немца взял. Так он, стало быть, надумал ее в хате разряжать. Так от хаты одна труба осталась, и петух почему-то живой: видать, в трубу вылетел. Был белый, а стал черным, как грач. Да... А за так она нипочем не взорвется. Как хошь ее верти... Вот. Только с рук не роняй.

Харламов высоко подбросил гранату и ловко поймал ее в руки.

Пассажир в четырехугольном пенсне схватил свой саквояж. Бормоча, что ему нужно дать телеграмму, и часто оглядываясь, он поспешно направился к выходу.

В купе стало пусто. Только сидевшая в уголке женщина, прижав ребенка к груди и уронив голову, сладко спала.

— А вы бы, товарищ Харламов, все же поосторожнее с ней, — опасливо сказал Вихров, показывая на гранату. — Долго ли ее уронить!

Харламов откинулся назад и захохотал.

— Так она ж без запала!.. Гляжу, одни спекулянты по лавкам сидят. Ха-ха-ха!.. «Ну, — думаю, — нехай отсель выгребутся». А этот-то в очках... ха-ха-ха!.. телеграмму схватился давать... Я ж, товарищ командир, этих буржуев насквозь вижу. Я вот к нему боком сидел, а видел, как он на меня змеем глядел... И чтой-то мне его личность показалась знакомая! Видать, где-то встречались. И до чего ж некоторые смерти боятся!

Говоря это, Харламов достал с самого дна переметной сумы небольшую шкатулочку и поставил ее себе на колени. Поискав в ней, он нашел фотографию и, мельком взглянув на нее, подал Вихрову.

На фотографии была изображена группа бойцов. Впереди стоял сам Харламов с обнаженной шашкой в руках. Рядом с ним снялся высокий молодой командир с широким, полным лицом.

Вихров сразу же узнал его и вспомнил, как этот командир, тогда еще курсант, помог ему однажды оседлать строптивую лошадь.

— Ну как же, я его знаю, — сказал он. — Только фамилии не помню. Он пятого выпуска. В прошлом году кончил курсы. А где он сейчас? В четвертой дивизии?

Харламов отрицательно покачал головой.

— Нет... Убили его под Ростовом. Пикой в живот... Я, товарищ командир, тоже весь побитый. Пять ранений имею, а доси живой. — Он снял фуражку и показал глубокий малиновый шрам. — Вот под Воронежем получил. Меня было уж и хоронить собрались. Ничего, отошел. В госпитале, конечно, полежал... Стало быть, ни шашка, ни пуля меня не берут. Ну а если и убьют, так за народное дело. Не я первый, не я последний.

Вихров некоторое время смотрел на фотографию, потом молча подал ее Харламову.

— Так вы, значит, сейчас из госпиталя? — после некоторого молчания спросил Вихров.

— С госпиталя. Еще оставляли. Да я не схотел.

— А седло зачем?

Харламов усмехнулся.

— У нас завсегда так... Я его под койкой держал. Врач вначале шумел на меня, а потом ничего, успокоился. Так что ж, товарищ командир, давайте, что ль, места занимать, а то народ найдет.

— Я товарища позову, — сказал Вихров.
— А где ваш товарищ?
— В том конце вагона.
Вихров ушел и вскоре вернулся в сопровождении Тюрина.
— Здорово, товарищ! — бойко заговорил Тюрин, подходя к Харламову и оглядывая его черными быстрыми глазами. — Так вы из Конной армии? Вот это хорошо! Ну в таком случае будем знакомы... Ты что ж, понимаешь, раньше мне не сказал? — напустился он на Вихрова. — Тут товарищ едет, а я лежу и ничего не знаю... А почему, братцы, у вас так свободно? Позволь, а куда делся Копченый? — сыпал Тюрин вопросами.
— Дерпа пошел своих ребят посмотреть. Он здесь в шахте работал, — сказал Вихров.
«Командирик-то дюже молодой, а, видать, бедовый, — думал Харламов, глядя на Тюрина. — И, скажи, как их хорошо одевают!.. Толковые ребята. Сильна Советская власть — заимела своих офицеров...»
Тюрин торопливо разложил вещи на полке, подсел к Вихрову и зашептал ему на ухо:
— Слушай, Алешка, у тебя хлеба ничего не осталось? Я свой, понимаешь, поел. Есть до смерти хочу.
— У меня есть немного, — тихо сказал Вихров. — Возьми в чемодане, — он показал глазами на верхнюю полку.
Тюрин собрался было подняться, но вдруг толкнул товарища локтем. Харламов, открыв переметные сумы, доставал из них сало и хлеб.
— Товарищи командиры, садитесь со мной, — радушно пригласил он, нарезая сало большими кусками.
— Спасибо. У нас свое есть, — попытался отказаться Вихров.
— Ну ваше потом съедим, — сказал Харламов, приметив голодный блеск в глазах Тюрина. — Привыкайте к нашим порядкам. Сегодня мое, завтра твое... Берите сало, хлеб, нажимайте. Как-нибудь доедем, а там голодные не будем.
Вдоль вагонов пробежал перезвон буферов. Поезд тронулся.
— Копченый остался! — встревожился Тюрин, вскакивая с лавки с куском сала в руке и выглядывая в окно.
Но тут как бы в опровержение его слов в вагон вошел Дерпа с красным, возбужденным лицом.

— Ну как, своих повидал? — поинтересовался Вихров. Дерпа с досадой махнул рукой.

— Никого, братко, нет. Одни старики пооставались. Вся братва на фронт ушла...

Он вдруг сделал такое движение, будто споткнулся.

— Харламов?! Братко! Как ты тут? — с улыбающимся, радостным лицом он, разведя руки, пошел на казака.

— Дерпа! Здорово, брат! — весело вскрикнул Харламов.

Он вскочил с лавки и замер в мощных объятиях Дерпы. Некоторое время они стояли покряхтывая, как мерившиеся силами былинные богатыри, и сжимали друг друга так, что у обоих трещали кости.

— А я тебя сразу и не признал, товарищ командир,— говорил Харламов, когда они присели на лавку. — Здо́рово там тебя подковали!

Действительно, в этом подтянутом, сильно похудевшем командире трудно было узнать сразу прежнего Дерпу. Харламов подвинул ему сало и хлеб.

— Смотри, смотри, какой стал, — приговаривал казак. — Стало быть, все науки прошли? — спрашивал он, сбиваясь с «вы» на «ты».

— Да было всего, — отвечал уклончиво Дерпа, несколько стыдясь перед бывшим однополчанином за свой аппетит.

Но Харламов был только рад, что имеет возможность досыта накормить отощавшего великана. Он покопался в сумах, достал банку консервов, ловко вскрыл ее и поставил перед товарищем.

— Верно, что комбрига Мироненко убили? — спросил Дерпа.

— Верно. — Харламов вздохнул. — Под Горькой балкой убитый. С бронепоезда. Зараз Литунов бригадой командует.

— А Дундич в полк вернулся?

— Так он же раненый!

— Я знаю. Мне Гайдабура говорил. Я думал, может, уже вернулся.

— Нет. Да и навряд вернется. У него ж четыре ранения. И все тяжелые. Ребята сказывали — три пули в кость, а четвертая прошла возле самого сердца.

— Да, братко, плохи, плохи дела, — произнес Дерпа с досадой.

— А что, товарищ командир? — спросил Харламов участливо.

— Да я хотел в 6-ю дивизию проситься. К Дундичу в полк.

— Нет, уж давай к нам, в одиннадцатую. Там много наших. На укрепление перевели. И меня вот тоже.

Дерпа ничего не ответил. Известие о том, что Дундич, возможно, не вернется больше в строй, ошеломило его. «Да как же так? — думал он. — Неужели больше и не увидимся? Такого командира потеряли!..» С именем Дундича у него было связано столько дорогих воспоминаний, что ему захотелось остаться одному. Он поблагодарил Харламова и, сославшись на то, что плохо спал ночью, полез к себе на верхнюю полку...

Вечерело. Поезд непривычно быстро шел по степи. За окнами проплывали темные шапки покинутых шахт. Высоко в небе светил месяц. Вихров и Харламов лежали на полках и тихо беседовали.

Еще днем Вихров и его товарищи твердо решили просить назначения в 11-ю дивизию, в полк, где служил их новый знакомый, и теперь Вихров расспрашивал Харламова о жизни полка и обо всех тех мелочах, которые, естественно, интересовали и волновали его.

Харламов, с самого начала почувствовавший расположение к молодому командиру, обстоятельно отвечал на вопросы.

Разговор незаметно перешел к боевым действиям. Вихров высказал предположение, что, очевидно, под Ростовом был самый сильный бой из всех боев, которые вела Конная армия. Харламов сказал, что он долго лежал в госпитале, но, по его мнению, наиболее тяжелые бои происходили после Ростова, во второй половине февраля двадцатого года, когда под станицей Егорлыкской произошло единоборство почти всей красной и белой конницы.

— Пятнадцать дней без передышки дрались, — говорил Харламов, — а местность ровная — шаром покати. И мы и они фронт верст на десять раскинули. И понимаете, какое дело: и нам охота их с флангов обойти, а им — нас. Так, бывало, и скачем всей массой напротив друг дружки. И ни тот, ни другой не уступит. У них генерал Павлов командовал.

— Я читал в газете, что конный корпус генерала Павлова замерз под станицей Торговой, — сказал Вихров.

— Правильно, — подтвердил Харламов. — Там, стало быть, тысяч восемь замерзло, и все по дурости Павлова.

— Как это?

— Да ведь он повел их по левому берегу Маныча. Хотел поскорее с нами сразиться. А там ни клочка сена, ни жилья. Четверо суток кони были не кормлены. А тут морозы. Так и погубил всех.

— Значит, и боя не было?

— Почему? Бой был. Он, Павлов, со степи вышел, мы в Торговой ночевали, и хотел с ходу нас сбить. Внезапно. А мы ему такого дали, что он опять в степь подался. Пошел ночевать на станицу Меркуловскую. А тут метель началась. Он с дороги сбился. А вы знаете, какой ветер в степи? Крутит — не поймешь откуда, и сверху и снизу, со всех сторон, — дохнуть нельзя. Идти нет никакой возможности. До костей прожигает... Наутро нам выступать. Только отъехали версты три-четыре, глядим — по всему полю мерзлые лежат. Кто в одиночку, кто в обнимку, кто целыми кучами. И кони так же. Какой, поджав хвост, стоя в снегу, замерз, какой лежа. И, понимаете, в одну ночь чисто в скелеты превратились. Одна шкура да кости. И так до самого Егорлыка... Как я понимаю, замерзли те, которые на слабых конях, остальные ушли. Подъезжаем к хутору. Постой, как его?.. Нет, позабыл. Глядим — в балке сотни две белых стоят в конном строю. Увидели нас, выхватили шашки, «ура» кричат, а в атаку пойти не могут — кони под ними шатаются. Лица у всех черные — обмороженные. У одного глаз на жилке, как на красной нитке, висит. Семен Михайлович посмотрел на них и говорит: «А ну их к черту, не рубите, будь они прокляты! Забрать в плен. После разберемся...»

— На этом дело и кончилось? — поинтересовался Вихров.

Харламов посмотрел на него с таким видом, словно обиделся.

— Да что вы, товарищ командир, — сказал он, покачав головой. — Тут самые бои начались. Вы, может, думаете, что все это легко проходило? Порубали, погнали, и только? Нет, было такое — умру, не забуду. Ведь с обеих сторон сошлись рубаки, каких свет не видывал. Как мы сбили их под Егорлыком, так потом до самого Ново-

российска с боями гнали. Там, под Егорлыком, меня снова поранили. Было совсем конец пришел, да спасибо комиссару нашей дивизии Хрулеву. Он там всех выручил.

— Да. Замечательные ваши бойцы, — заметил Вихров, помолчав.

— Очень даже хорошие ребята, — подхватил Харламов. — Друг за друга крепко стоят. Товарищество понимают. Да вот у меня есть дружок, Дмитрий Лопатин. Он из-за меня тоже в одиннадцатую дивизию перешел. Вместе служим. Молодой, лет двадцать, а старому бойцу не уступит... И начдив у нас замечательный. Раньше был Матузенко, а теперь Морозов заступил. Вот это командир! Они с Семеном Михайловичем еще с партизанского отряда вместе...

Так они беседовали почти до полуночи и, только наговорившись вдоволь, собрались спать. Харламов тут же заснул, но Вихров еще долго ворочался. Перед ним стояла страшная картина замерзающего в степи конного корпуса белых...

Утром поезд наконец прибыл в Ростов. Харламов надел буденовку и пошел к коменданту вокзала справиться, когда будет поезд в Майкоп. Спустя некоторое время он возвратился и сообщил, что Конная армия уже несколько дней как выступила из Майкопа и не сегодня-завтра будет в Ростове и что в находившийся по соседству Батайск уже прибыли какие-то конные части.

3

— Так что, можно полагать, я ошибся при первом подсчете?

— Возможно.

— Ну а сколько теперь у вас получается, Сергей Николаевич? — спрашивал Зотов своего собеседника, секретаря Реввоенсовета Орловского. который сидя за счетами напротив него, помогал ему составлять списки личного состава.

Орловский быстро прикинул на счетах.

— Вы не учли нестроевых в Особой бригаде, — сказал он, поправляя очки.

— Ну вот, теперь правильно. — Зотов доброжелательно взглянул на Орловского. — Так и запишем.

Он пометил итог и, взяв лист чистой бумаги, начал что-то писать.

— Степан Андреич, вы бы хоть перерыв, что ли, сделали, — укоризненно заметил Орловский. — Нельзя же так! Поберегите здоровье. Уж скоро вечер, а вы с раннего утра не вылезаете из-за стола... Посмотрите хотя бы, какие я замечательные книги достал, — кивнул он на маленький столик, на котором лежали три толстых тома в роскошных кожаных переплетах.

Зотов отрицательно покачал головой.

— Нет уж, друг мой. Я, знаете, привык доводить до конца каждое дело.

Он с солидным достоинством причесался, густо покашлял и, морща лоб, погрузился в работу.

На улице послышался шум подъехавшей машины.

Орловский подошел к окну посмотреть.

— Командующий приехал, — сказал он.

За стеной послышались звуки торопливых шагов, дверь распахнулась, и в комнату быстро вошли Ворошилов, Буденный и Щаденко.

Они подошли к большому столу, за которым сидел Зотов, и стали рассаживаться.

— Сергей Николаевич, — позвал Ворошилов Орловского, — берите бумагу, присаживайтесь. — Он взглянул на часы. — Так... Какие у нас сегодня вопросы?

— Первое — приказ на поход, — сказал Буденный.— Степан Андреич, приказ готов?

— Готов, товарищ командующий. Только переписать не успел.

— Не будем терять времени, — сказал Ворошилов.— Вы, товарищ Зотов, прочтите по черновику, а мы послушаем.

Зотов взял приказ и, кашлянув, начал медленно читать, после каждого пункта вопросительно поглядывая то на Ворошилова, то на Буденного.

Приказ предусматривал порядок движения Конной армии с Северного Кавказа на далекий Юго-Западный фронт. Армии предстояло пройти походным порядком более тысячи верст, двигаясь через Ростов на Екатеринослав и Умань.

Зотов кончил читать и убрал приказ в папку.

— Все? — спросил Ворошилов.

— Все, Климент Ефремович.

— Хорошо... Семен Михайлович, я полагаю, надо добавить в приказ, что в районе движения находится банда Махно, — предложил Ворошилов.

— Да, это мы не учли, — сказал Буденный. — При встрече с таковой — уничтожить!

Ворошилов встал, скрипя половицами, прошелся по комнате и снова сел к столу.

— С Махно надо покончить как можно быстрее, — заговорил он, нахмурившись. — Махновщина — страшное зло, разлагающее наш тыл. Мы должны ликвидировать бандитизм до подхода к линии фронта. Это задача первостепенной политической важности, и мы должны поставить ее со всей остротой перед личным составом Конармии.

— В таком случае созовем начдивов, поговорим? — предложил Щаденко.

— Придется... Пархоменко еще не прибыл, товарищ Зотов? — спросил Ворошилов.

— Четырнадцатая дивизия * прошла Кущевскую вчера, в три часа дня. Должна подойти к Батайску сегодня ночью, — сказал Зотов.

— В таком случае соберем совещание завтра, в восемь утра. Так... Какие еще есть вопросы?

— Минутку, Климент Ефремович, — вмешался Щаденко. — По приказу выходит, что нам двигаться до нового фронта с дневками целых пятьдесят пять дней. Не находите ли вы, товарищи, что это слишком большой срок?

— Нет, — возразил Буденный. — Мы всё точно подсчитали. Надо сохранить конский состав. В общем, на походе посмотрим. Может, и увеличим суточные переходы. Но пока будем идти по тридцать — тридцать пять верст.

— Ясно, — кивнул Ворошилов. — Ну, что еще?

— Получен приказ Реввоенсовета республики о создании в частях комиссий по борьбе с дезертирством, — доложил Орловский.

— У нас дезертиров нет и не было, — сказал Буденный.

---

* 14-я дивизия была сформирована в марте 1920 года из донбасских шахтеров и добровольно перешедших от Деникина донских, кубанских и терских казаков.

— И не будет, — подхватил Ворошилов. — Так и запишем. Сергей Николаевич, пишите: «Постановили. Поскольку в Конной армии дезертиров нет, вопрос о создании комдезов оставить открытым...» Еще какие вопросы?

— Все вопросы, — ответил Орловский.

Ворошилов поднялся со стула, привычным движением поправил наплечные ремни и прошелся по комнате.

— Позвольте, откуда эти книги? — спросил он с любопытством, останавливаясь у столика подле окна.

— Это я, Климент Ефремович, в Политпросвете достал, — сказал Орловский, вставая со стула и подходя к Ворошилову. — Лев Толстой, «Война и мир», три тома.

— А ну-ну... — Ворошилов взял лежавший сверху тяжелый, с бронзовыми инкрустациями том и, раскрыв его, стал перелистывать. — Смотри-ка, какое издание замечательное! — сказал он с восхищением.

— Юбилейное. Сытинское, — заметил Орловский.

— Нет, вы только посмотрите, Семен Михайлович, Щаденко, с какой любовью сделаны книги! А иллюстрации какие чудесные!

— Сытин выпускал, — сказал Орловский. — Он болел душой за каждую хорошую книгу. Вообще редкий человек этот Сытин. Не буржуазной души человек. Я жил в Москве, на Пятницкой, как раз напротив его типографии, и часто с ним встречался.

— А разве вы москвич, товарищ Орловский? — спросил Буденный.

— Нет, туляк. Я учился в Московском университете.

— Так вы, Сергей Николаевич, не убирайте далеко эти книги, — сказал Ворошилов, продолжая рассматривать рисунки. — Хотя я их и читал, но на первом же ночлеге начнем читать вслух по очереди. Я начинаю. Полезные книги...

4

Иван Ильич Ладыгин широко зевнул и открыл глаза. В комнате никого не было. Весеннее солнце щедро светило в окно. Где-то вдали дрожали тонкие звуки сигнальной трубы. Иван Ильич еще раз зевнул, потянулся, ощущая, как чувство радостной возбужденности, вызванное предстоящим походом, сразу же охватило его. Он присел на кровати и стал одеваться.

Большой рыжий кот, мурлыча, терся у его ног, потом, прицелившись, прыгнул к нему на колони.

— Кис... кис... — позвал Ладыгин и почесал кота за ухом. — А ну-ка, братец, ты мне все-таки мешаешь... Иди-ка лучше мышей ловить.

Он снял кота с колен и, дав ему легкого шлепка, осторожно опустил на пол.

Одевшись, Иван Ильич подошел к стоявшему в углу умывальнику и начал неторопливо и старательно мыться.

В дверь постучали.

— Войди! — сказал Ладыгин.

В комнату, осторожно ступая, вошел казак с изрытым оспой лицом.

— Ты что, Назаров? — спросил Иван Ильич.

— Проститься пришел, товарищ командир.

Ладыгин с удивлением посмотрел на него.

— И ты остаешься?

— Остаюсь, товарищ комэск...

Иван Ильич укоризненно покачал головой.

— Выходит, Назаров, что ты свою шкуру ставишь выше народного дела?.. Да, брат, не ожидал... А еще старый боец, доброволец!

— Так что же, я ведь не один, товарищ комэск. Все старики, которые из добровольцев, остаются. Хозяйство приводить в порядок надо. Гляди, какие кругом разрушения. А тут в этакой путь. Куда ж нам, старикам?

— Да разве ты старик? Смотри, какой молодец!

— Пятьдесят пять, товарищ комэск. Словно и не старик еще, но все же... Так что вы извиняйте, а нам идти в поход не с руки.

— Жаль, жаль, — холодно сказал Ладыгин. — Ну что ж, дело хозяйское... Ты и коня берешь?

— У меня собственный.

— Да-а... Все же, Назаров, может, подумаешь? А? Товарищи уходят, а ты остаешься! Нехорошо ведь? Давай, брат, иди с нами!

— Никак нет, товарищ комэск, нам уходить никак невозможно... Так что уж не серчайте... До свиданьица! Спасибо за ласку.

Казак, весь съежившись, вылез за дверь.

Ладыгин подошел к зеркалу и, нахмурившись, стал причесывать сильно поредевшие русые волосы.

Оглядев в зеркале свое худощавое русское лицо с под-

стриженными усами и прямым тонким носом, он надел буденовку и, оправив френч, вышел во двор.

Бурый с белыми бабками жеребец Гладиатор, а попросту Мишка, привязанный у тачанки рядом с небольшим рыжим коньком, встретил его приветливым ржаньем.

Ординарец Крутуха, терский казак, деловито вьючил седло.

— Здравствуй, Крутуха! — поздоровался Ладыгин.

— Здравия желаю, товарищ комэск! — не отрываясь от работы, бойко ответил Крутуха.

Иван Ильич подошел к коню и заглянул в переметные сумы.

Крутуха бросил на командира быстрый взгляд.

— Консервы с полка привезли. Какие-сь чудные банки, не по-нашему на них написано. Трофеи. Я уж получил, — негромко проговорил Крутуха, искоса поглядывая, какое впечатление произведет на командира его сообщение.

— Добре. Смотри береги. Они нам еще в пути пригодятся, — сказал Ладыгин.

Он оглядел двор и увидел лежавшего на бревне большого сазана.

— Где рыбу взял? — с удивлением спросил он.

— Ребята принесли. Бреднем наловили.

— Вот это добре. Отдай хозяйке на завтрак.

Крутуха молча кивнул.

— Не перековать ли нам правую? — спросил он, когда Ладыгин с грубоватой нежностью потрепал жеребца по упитанной шее.

Иван Ильич нагнулся, поднял у жеребца ногу и стал внимательно осматривать ковку. Мишка прижал уши, шаля, куснул Ладыгина зубами за плечо и, притворяясь рассерженным, грозно всхрапнул.

Иван Ильич выпрямился.

— Ты что ж это, а? Разве можно хозяина так? — Он с укоризненным видом покачал головой. — Фу, срам какой!

Увидев, что глаза хозяина смотрят с обычным мягким выражением, Мишка повел ушами, качнул мордой, словно улыбнулся. Он хорошо знал, что этот молчаливый ласковый человек только притворяется сердитым и никогда не ударит. Жеребец доверчиво ткнулся губой в хозяйский

карман и, получив кусок сахару, захрустел, помахивая коротким хвостом и медленно двигая надглазными ямками.

Ворота скрипнули. Держа под мышкой сундучок и шинель, во двор вошел военком первого эскадрона Ильвачев.

Не спеша ступая длинными ногами, Ильвачев подошел к Ладыгину, поставил сундучок, положил сверху шинель и раздельно, словно отрубая слова, сказал:

— Здорово! К тебе назначен. Военкомом. — И, помолчав, добавил: — Во всех отношениях.

— Ну? Вот это добре! — искренне обрадовался Ладыгин.

Еще во время формирования в Туле их связала общая любовь к книгам. Иван Ильич знал, что Ильвачев до революции был наборщиком в типографии, где, работая по ночам, испортил зрение. Поэтому при чтении ему приходилось пользоваться очками. Очки он терпеть не мог, постоянно терял их и вообще относился к ним с крайним пренебрежением.

— Так поверишь, что назначен к тебе, или бумажку показать? — спрашивал Ильвачев, покачиваясь на своих длинных ногах.

Иван Ильич взглянул на его худое остроносое бритое лицо и усмехнулся.

— Так, значит, я заступил, — сказал Ильвачев. — Пусть мое хозяйство пока здесь постоит, я схожу за конем... Да, товарищ Ладыгин, комиссар ничего тебе не говорил насчет ликвидации неграмотности?

— Нет. А что?

— Приказано за время похода ликвидировать.

Иван Ильич в недоумении пожал плечами.

— Как же на походе ее ликвидировать? На дневках *, что ли?

— Зачем на дневках? На дневках все равно не успеть. А я придумал. Смотри!

Ильвачев нагнулся, открыл сундучок и вынул из него пачку крупно нарезанного картона.

— Видишь? — он показал Ладыгину огромную букву.

— Ну, буква. А дальше? Как ты учить-то будешь?

---

* Во время длительных переходов конницы через каждые два-три дня назначались дневки для отдыха лошадей и бойцов.

— Очень просто. Всех неграмотных в голову эскадрона. Переднему бойцу букву на спину, а остальные — учи! Все равно делать нечего во всех отношениях.

— А ведь ловко! Ха-ха-ха-ха, — расхохотался Иван Ильич. — Молодец! Здорово придумал.

— Уж не знаю как, но комиссар одобрил. У меня тут целых три комплекта. — Ильвачев хозяйски похлопал по пачке. — Всю ночь сидел писал... Ну ладно, я пошел. Да, имей в виду: начальство ходит по эскадронам.

Ильвачев, размашисто ступая, пошел со двора.

— К нам, что ли, комиссар? — спросил Крутуха, кивнув вслед Ильвачеву.

— К нам. А что?

— Ребята его больно хвалят. Говорят, замечательный человек!.. Товарищ комэск, комполка идет! — сказал он настороженно.

По двору шли два человека: высокий в черкеске, лет тридцати, с крупным бритым лицом — командир полка Поткин-Посадский и небольшого роста, но такой плечистый, что казался квадратным, комиссар Ушаков.

Иван Ильич пошел навстречу им и доложил о состоянии эскадрона.

— Ого! Силен, Ладыгин, уже рыбки успел подловить, — улыбаясь, сказал Поткин, здороваясь с Ладыгиным и показывая на рыбу.

— Бойцы наловили, товарищ комполка, — сказал Иван Ильич.

Поткин нагнулся и взял рыбу.

— Фунтов на десять... Славная уха будет! — проговорил он, бросая рыбу и повертываясь к Ладыгину. — Ну как дела?

— Плохие дела, товарищ комполка.

— Что, старики остаются?

— Сегодня Назаров ушел.

Поткин с сожалением покачал головой.

— Да, жаль... Комиссар вот говорит, что они со своей земли не хотят уходить. Побили, мол, Деникина, и с нас, значит, хватит... Жаль, хорошие ребята были...

— А ты с ним говорил? — спросил Ушаков Ладыгина, пытливо глядя на него карими, монгольского разреза глазами.

— Ну как же!

— А он что?

— Известно что: хозяйство, мол, разрушено, разбито.

Во дворе послышались шаги. К ним шел черный как жук приземистый человек в накинутой на плечи лохматой бурке. Это был командир третьего эскадрона Карпенко.

— Вы меня требовали, товарищ комполка? — спросил он, подойдя к Поткину и глядя на него черными хитроватыми глазами.

Поткин сердито взглянул на него.

— Требовал. Что такое опять у тебя случилось? Жители приходили, жаловались — забор, мол, поломали.

— Да ну их, товарищ комполка! Брешут! У них доску возьмешь, они кричат: «Заборы палят!»

— Ты все же смотри, — строго сказал Ушаков. — Читал последний приказ?

— Читал. — Карпенко, стараясь скрыть смущение, переступил с ноги на ногу.

— Ну вот. А раз читал, то смотри в оба. А не то трибунал. Так-то...

Наступило неловкое молчание.

— Разрешите взойтить! — послышался от ворот сиповатый старческий голос.

Поткин повернулся на голос. В открытых воротах стоял дежурный по полку командир взвода Захаров, пожилой, добрейшей души человек, прозванный бойцами «папашей» за то, что звал всех сынками.

— Заходи. Чего тебе? — спросил Поткин.

— Разрешите доложить, товарищ комполка. Прибыли красные офицера. Три человека, — доложил Захаров, подойдя к командиру и придерживая руку у шлема.

— Сильно!.. Где они?

— А вон у штаба стоят, — показал Захаров.

На противоположной стороне улицы, у палисадника, окружавшего большой дом штаба полка, стояли Вихров, Дерпа и Тюрин.

Поткин и все остальные молча оглядывали молодых командиров. На них были длинные, щегольские кавалерийские шинели, туго стянутые желтыми боевыми ремнями, аккуратно сшитые фуражки и хромовые сапоги с блестящими шпорами. Тут же стояли чемоданы в чехлах.

— А ведь ничего себе ребята, — заметил Ладыгин. — Видно, их там основательно жучили... Карпенко, ты себе будешь брать командиров?

— На черта мне нужны эти фендрики! — отмахнулся Карпенко. — Ворон пугать? И не поймешь, что они

такое. Не то старые офицера, не то черт те что! Они же в первом бою убегут, «мама!» закричат.

— Значит, не хочешь брать? — спросил Ушаков, глядя на Карпенко со скрытой усмешкой.

— Прошу ослобонить, товарищ комиссар. Ну их! С ними, с корнетами, только наплачешься.

— Ну как хочешь... А ты, Ладыгин?

— А мне дайте одного, — попросил Иван Ильич. — У меня первый взвод без командира.

— Так вы, значит, с Петроградских курсов? — спрашивал Иван Ильич, доброжелательно оглядывая Вихрова, который чем-то напоминал ему сына, погибшего в начале гражданской войны. — Что ж, хорошие курсы... Ну, а командовать вам приходилось?

Вихров ответил, что был старшим курсантом.

— Вот это добре, — сказал Ладыгин. — Практика — великое дело... Так вот, товарищ Вихров, поимейте в виду, что наши ребята, конечно, не курсанты и с дисциплинкой у нас слабовато. Так что постарайтесь прибрать взвод к рукам.

Он вынул из кармана записную книжку, вырвал лист и стал писать записку.

— Ну что ж, заступайте на первый взвод, — продолжал он, свертывая записку и подавая ее Вихрову. — Помощником у вас будет взводный Сачков. Старый солдат. Он сейчас временно командует взводом. Передайте ему эту записку, примите взвод, а после приходите оба ко мне. Да поимейте в виду, что через два часа выступаем в Ростов... Крутуха! — позвал он ординарца. — Проводи товарища командира до Сачкова.

Вихров и Крутуха вышли на улицу. У соседних, обсаженных тополями дворов чей-то простуженный голос кричал:

— Маринка, слышь? Передай врачу, чтоб бричку под сахар налаживали!

Ему, видимо, что-то ответили, потому что на этот раз голос закричал громко и сердито:

— Ну да, проспал! Это вы спать горазды! Давай скорей! Там уж, факт, дожидают!

Крутуха, по всей вероятности, узнал голос, потому что усмехнулся и покачал головой.

— Кто это кричит? — поинтересовался Вихров.

— Да лекпом наш, Кузьмич, очень даже интересный человек.

Они вышли к крайнему порядку дворов.

— Сюда, товарищ командир, — показал Крутуха на ворота большого дома под железной крышей.

Вихров вошел во двор.

Перед выстроенным в две шеренги взводом суетился немолодой уже маленький рыжеватый человек с кривыми ногами.

— Будете вы меня слушать или нет? — тонким голосом бойко кричал он, петухом наступая на взвод. — Вы знаете, кто я такой? Нет? Ну, вот ты, Лопатин, к примеру, скажи, — подступился он к стоявшему на правом фланге Лопатину. — Скажи мне, кто я такой?

— Известно кто, — улыбаясь, ответил Митька Лопатин, — взводный Сачков.

— Взводный Сачков! Хе! — передразнил тот. — Вот и не знаешь. Я есть ваш отец, а вы мои дети. Понимаете? Вот! И вы должны меня слушать, а не безобразничать. Вот!.. И куда это годится? — приседая и разводя руками, продолжал он. — Не поспели заехать в деревню — и все ударили по молоку! Разбежались по хатам! Оглянулся — один Лопатин едет. Да и тот только потому едет, что животом болеет. Рази это порядок? А? Будете вы меня еще подводить, я вас спрашиваю?.. Комэск ругается, трибуналом грозится. Распустились, понимаете!.. — Сачков остановился, отер пот на лбу рукавом, расправил рыжие усы и, неожиданно сбавив тон, спокойно проговорил: — Вот чего я вам скажу, ребята: давайте по-хорошему. А? Тогда и я буду хороший. Так-то лучше.

Он повернулся и увидел подошедшего к нему Вихрова.

— Кто такой? — спросил он сурово.

Вихров молча подал записку.

Ловя на себе настороженно-любопытные взгляды бойцов, Вихров ждал, пока Сачков кончит читать.

— По списку будете принимать или как? — все так же сердито спросил Сачков, пряча записку в карман.

— Зачем по списку? Я вот сейчас так и приму, — сказал Вихров.

— Ну, давайте...

Беседуя с бойцами, Вихров стал обходить строй. Вдруг он приостановился: во второй шеренге стоял Харламов. Вихров дружески кивнул ему головой. Он знал, что Харламов служит во втором эскадроне 61-го полка, но никак не ожидал, что случай сведет их в одном взводе, и те-

перь, увидя Харламова, сразу почувствовал себя как дома.

Его так же приятно поразило то обстоятельство, что большинство бойцов оказались бывшими кавалеристами из тамбовских крестьян и рабочих.

— Да тут, товарищ командир, почти все тамбовские волки, — улыбаясь, сказал ему Митька Лопатин. — Только я, Харламов да Миша Казачок не с той стороны.

— Какой это Миша Казачок? — спросил Вихров.

— А вот этот, — показал Митька.

Вихров увидел стоявшего на левом фланге толстого красноармейца лет пятидесяти. Лопнувшая по швам старая черкеска плотно облегала его широкие плечи. За его немного сутулой спиной висела винтовка. Богатая кавказская шашка в ножнах черненого серебра, аршинный кинжал, два пистолета, обрез и засунутая за пояс граната завершали его вооружение. По оттопыренным же карманам можно было судить, что множество различных боевых припасов покоилось также в его широченных штанах. На его немолодом, в глубоких сабельных шрамах, восточном лице с большим мягким носом и черными жесткими, как щетки, усами застыло выражение доброты и спокойствия.

— Это что, фамилия такая — Казачок? — тихо спросил Вихров у сопровождавшего его Сачкова.

— Нет, кличут так, — сказал Сачков.

— А как все же его фамилия?

Сачков пожал плечами.

— Фамилия? Гм.. Вот, понимаете, я и сам не знаю. Миша Казачок, и все тут. Мы так и пишем его. И к ордену так представляли... Да... А впрочем, можно узнать. Миша! — с лаской в голосе позвал он бойца. — Скажи, как твое фамилие?

Миша Казачок повернул к нему свое полное лицо с добрыми черными, как маслины, глазами. Его толстые щеки покрылись румянцем.

— Гудушаури, — сказал он с достоинством.

— Ишь ты! Хе! — удивился Сачков, словно обрадовался. — А я досе не знал. Чудное фамилие. Вроде про душу чего-то. Ну-ну...

Распустив взвод, Вихров принялся осматривать лошадей. Когда он спросил Сачкова, где его лошадь, тот, глядя в сторону, сказал, что она в кузнице и сейчас ее приведут.

...Прием взвода подходил к концу, когда Вихров заметил в глубине двора небольшого тщедушного парня в рас-

стегнутой на груди гимнастерке. Кроме ярко-красных штанов, на нем были лакированные офицерские сапоги, на которые он, несмотря на сухую погоду, надел блестящие калоши с подвязанными к ним огромными шпорами. Парень с беспокойным видом ходил по двору, поводя головой по сторонам, словно высматривал, что плохо лежит. Вдруг он остановился и жадными глазами уставился на новые синие брюки Вихрова.

— Кто это такой? — спросил Вихров.

Сачков с безнадежным видом махнул рукой.

— Сидоркин. Барахольщик. Не любит, если что плохо лежит. Я давно до него добираюсь. — пояснил он. — Хочу его со взвода списать. Этот вопрос у меня давно стоит на повестке. Но, знаете, народу и так мало. Во взводе половина боевого состава. Что делать?

Харламов и Митька Лопатин сидели на лавочке за воротами и, мирно покуривая, толковали о предстоящем походе на Юго-Западный фронт.

Вдали, за высоким берегом Дона, виднелись уходящие в глубину полосы зеленевших полей. За полями, среди садов и соломенных крыш, начинались длинные улицы пригорода с неодинаковыми по величине белыми домиками. Дальше, в синеющей дымке, открывалась холмистая панорама Ростова. По ту сторону Дона тонко, с переливами, кричал маневровый паровоз, и вниз по реке катились звенящие звуки — на станции формировались составы.

— Это не под нас, Степан? Как думаешь, а? — спрашивал Митька, показывая на тонко струившийся дымок паровоза.

— Нет, — несколько помолчав, сказал Харламов. — Ты гляди, сколько нас. Одних строевых тыщ двадцать. Это сколько же поездов надо!.. Нет, по моему рассуждению мыслей, нам не иначе, как походом идти.

— Ух, ну и зол же я на этих поляков! — с досадой добавил он, помолчав. — Только б мне добраться до них — ни одного в плен не возьму.

Митька Лопатин с удивлением взглянул на приятеля.

— Так ты, значит, собираешься биться с поляками? — спросил он, усмехнувшись.

— А с кем же? — опешил Харламов.

— Надо соображение иметь, — рассудительно заговорил Митька Лопатин. — Ты, поди, думаешь — их ра-

бочие или крестьяне очень хотят с нами воевать? Как бы не так! Они ж трудящиеся, нам родные братья. Им очень это по вкусу пришлось, что мы своего царя и буржуев скинули. Мы с панами биться идем, с белополяками, а это, как бы сказать, все равно что наши белогвардейцы. Вот с кем биться будем. Понимать это надо...

На улице послышался легкий стук конских копыт. Харламов поднял голову. Молодой боец вел игравшую на поводу пегую лошадь.

— Куда ведешь? — спросил Харламов.

Боец усмехнулся.

— Новому командиру. Он коня себе требовал.

— Так она ж не дается?

— А мы спытать хотим, что он за кавалерист. А то ездиют тут всякие...

— Не води! — строго сказал Харламов.

— Сачок велел.

Харламов нахмурился.

— Вы вот что, ребята: эти шутки бросьте. Парень он хоть и молодой, но хороший и нам подходящий. Я его знаю. Веди ее зараз же обратно! А Сачку скажи, что кобыла, мол, вырвалась и убежала... Да смотри у меня...

Возвратясь в эскадрон, Ильвачев беседовал с Иваном Ильичом и находившимся тут же секретарем партийной ячейки Леоновым, пожилым луганчанином, гордившимся своей совместной работой с Ворошиловым и Пархоменко, когда в дореволюционные годы они работали на заводе в Луганске.

Разговор шел о предстоящем походе. Леонов отмечал, что за последнее время бойцы окрепли морально и выросли политически. Поэтому, как говорил он, задача, которую ставили бойцы себе прежде — воевать за свою хату, за свое село, — отошла на задний план. Теперь перед ними уже более широкие горизонты и цели. Они подлинные солдаты пролетарской революции и готовы жертвовать своей жизнью за рабочее дело.

— Конечно, среди них есть несознательные элементы, — гудел Леонов сипловатым баском. — Вот, к примеру, в нашем эскадроне Назаров и Хвыля. Добровольцы. Не желают идти на Западный фронт. Уж я к ним и так и так подходил. Стыдил. Примеры давал. Уперлись

несообразно. Хозяйство, мол, поразбито. Так и не уговорил.

— Сколько в эскадроне партийцев? — спросил Ильвачев.

— С командиром пять человек. Да вот еще двое подали заявления. — Леонов провел рукой по полевой сумке. — Лопатин и Харламов. Дружки.

— Что за люди?

— Ребята замечательные. Один наш, донбассовский, другой с верхнего Дона.

— А ты их хорошо знаешь?

— Хорошо. У меня весь эскадрон как на ладони.

— Прекрасные бойцы! — сказал Иван Ильич. — Я давал рекомендацию.

— Ах, да! — спохватился Леонов. — Чуть не забыл. — Он вынул из кармана записную книжку и, заглянув в нее, сказал: — Вот еще происшествие. Марко Кирпатый с третьего взвода спирту достал. Напоил Гришина и подбивал его красть мед у хозяина. Сущая несообразность.

— Скажите командиру взвода, пусть пошлет обоих ко мне, — приказал Ильвачев.

— Есть такое дело. А какие будут установки на ближайшее время? — спросил Леонов, пряча книжку в карман.

— Дисциплина движения на походе и сбережение конского состава, — отозвался Ильвачев. — Я проведу беседу перед выступлением.

— Так мне покуда можно идти?

— Можно. Да пошлите поскорее этих двух человек.

Леонов поднялся, приложил руку к козырьку суконного шлема и, опустив ее, пошел со двора.

— А, кажется, хороший старик, — сказал Ильвачев, глядя ему вслед.

— Толковый, — подтвердил Ладыгин. — Бойцы его очень уважают...

К двенадцати часам дня весь Ростов пришел в движение. По улицам валил густыми толпами народ. Балконы и окна домов были полны любопытных. Во все стороны сновали мальчишки.

С верхних этажей уже было видно, как, поблескивая оружием в густой туче клубившейся пыли, в город вхо-

дила колонна. Горожане выходили на улицы и, возбужденно переговариваясь, толпились вдоль тротуаров.

Внезапно в глубине улицы показалось несколько всадников. Махая плетьми, они гнали галопом. Слышно было, как подковы рассыпали по камням мелкую дробь. Передний, в шахтерской блузе и расстегнутом шлеме, с ходу остановив лошадь так, что она заскользила на задних ногах, спросил, как ближе проехать к ипподрому. Получив ответ, он взмахнул плетью и пустился в галоп. Вдоль улицы пробежал легкий трепет. Народ зашумел, колыхнулся, подвинулся вперед. Вдали послышались громкие крики «ура». Люди приподнимались на носки, поглядывая в глубину улицы, но там ничего не было видно, кроме целого моря голов.

— Едут! Едут! — раздались голоса.

Из-за поворота появились два всадника. За ними, по шестеро в ряд, ехали трубачи на белых лошадях. Позади трубачей колыхались распущенные знамена, а дальше, во всю ширину улицы, сплошной стеной двигались всадники.

Онемевшая на минуту толпа затаив дыхание наблюдала за войском. И было на что посмотреть: с тяжелым топотом, грохоча артиллерийскими запряжками, в облаках пыли, поднятой копытами лошадей, с лихими песнями и под звуки труб в город вступала Конная армия.

Впереди трубачей на сером в яблоках жеребце ехал начдив Тимошенко. Его большая, словно высеченная из камня фигура покачивалась в такт шагу лошади. Рядом с ним ехал Бахтуров.

За ними, по двенадцать в ряд, в малиновых, синих и черных черкесках с белыми башлыками двигался штабной эскадрон. Дальше буйной лавиной на разномастных лошадях и в самой разнообразной одежде ехали бесконечные ряды головного полка. Гимнастерки, черкески, английские френчи и шахтерские блузы бойцов, барашковые кубанки, шлемы, желтые, алые и голубые околыши фуражек всех кавалерийских полков старой армии и яркие лампасы донских казаков пестрели в глазах. Заглушая звуки оркестров, гремели веселые песни. Запевала штабного эскадрона, юркий молодой казачок, заводил старинную переделанную на новый лад песню:

Мы по сопочкам скакали,
Пели песню от души,

Из винтовочек стреляли,
Буденновцы-молодцы!

Подголосок подхватывал:

Греми, слава, трубой
По армии боевой!

И когда хор, уже готовясь оборвать припев, брал разом, здоровенный детина, ехавший позади запевалы, палил, как из пушки, оглушительным басом:

Эх да бей, коли, руби — буденновцы-молодцы!

Другой эскадрон пел:

Из-за леса, леса копий и мечей
Едет сотня казаков-лихачей...

Хор подхватывал:

Е-е-е-ей, говорят,
Едет сотня казаков да лихачей!

В четвертом эскадроне гармонист, растянув до отказа мехи, грянул лезгинку, да такую разудалую, что двое молодцов, тряхнув широкими рукавами черкесок, пустились лихо отплясывать, стоя на седлах. Пулеметчик с румяным лицом, водрузив на тачанку граммофон, накручивал вальс «Дунайские волны»... Песни, музыка, звуки гармоник и раскаты приветственных криков сливались в один общий гул.

Полки шли бесконечным шумным потоком, которому, казалось, не будет конца. Уже давно величаво проплыл штабной значок 4-й дивизии, а улицы по-прежнему сотрясались от конского топота, грохота батарей и пулеметных тачанок. Сейчас проходила стяжавшая победные лавры в боях под Майкопом бригада комбрига Тюленева. Сам он, с молодым чисто выбритым полным лицом, ехал впереди значка, рядом с комиссаром и, видимо, рассказывал ему что-то смешное, потому что комиссар, рыжеватый, средних лет человек, откидываясь назад, громко смеялся.

Миновав городской сад, голова колонны завернула направо.

— Сто-ой!.. Сто-ой!.. — закричали впереди голоса.

Бойцы придержали лошадей и, посматривая вперед, тихо переговаривались:

— Чего стали? Привал?

— Да нет, одиннадцатую дивизию пропускают — эвон сбоку зашла.

— Ну, значит, привал. Эй, с гармошкой, давай сюда, начинай!

Бойцы проворно спешивались и, пошучивая, разминали затекшие ноги. Гармонист заиграл казачка, и тотчас же залихватский плясун подхватил шашку и, грохоча шпорами, начал выделывать такие выкрутасы, что у остальных загорелись глаза и невольно задергались ноги. И вот уже пустились в пляс целыми взводами, и вскоре, казалось, плясала вся улица. А между рядами с шутками и прибаутками похаживали взводные и эскадронные затейники и балагуры.

— Ребята, гляди, одиннадцатая-то женихами какими! — крикнул румяный пулеметчик, оставив свой граммофон и выбираясь вперед.

Теперь внимание всех обратилось на 11-ю дивизию, которая, бряцая оружием, проходила на рысях по боковой улице. Всадники все, как один, были в красных штанах, зеленых шинелях и шлемах. На пиках трепетали багряные язычки флюгеров.

Следом за эскадронными показались отставшие тачанки. Ездовые, широко раскинув руки, тряхнули вожжами, и четверки белых, как лебеди, лошадей, согнув шеи, распустив по ветру хвосты и играя ногами, подхватили размашистой рысью.

Последним нагонял колонну трубач. По тому, как он, чуть сутулясь, ловко держался в седле, сливаясь своей небольшой костистой фигурой в одно целое с быстро скачущей лошадью, по всей его глубокой, небрежно-молодецкой посадке опытному глазу было видно, что этот человек если и не всю жизнь, но добрых три десятка ездит в седле.

— Климов! Климов! Трубу потерял! — крикнул из спешенных рядов 4-й дивизии чей-то молодой насмешливый голос.

Трубач гневно буркнул:

— Гляди, сачок, голову не потеряй!

Сильно пришпорив лошадь, он пустился карьером к своему эскадрону.

— Фу, насилу догнал! — проговорил он сиплым голосом, пристраиваясь к толстому и важному на вид человеку с пышными усами и баками. — Добрейшее утро, Федор Кузьмич!

— Отдежурились, Василий Прокопыч? — спросил лекпом, важно кивнув головой.

— Да вот только сменился.

— Та-ак... Ну, какие новости в штабе полка?

— Красные офицеры приехали. Три человека.

— Знаю. Вот один у нас едет, — показал Кузьмич в голову эскадрона, где ехал Вихров.

Колонна шагом спускалась по пологому склону улицы.

Впереди, за кривыми кварталами небольших домиков, открывался ипподром с видневшимися на нем квадратами уже выстроенных войск. Народ входил вместе с полками и занимал трибуны. В напоенном солнцем весеннем воздухе разливались протяжные, нараспев команды. Поднявшийся ветерок трепетал в распущенных знаменах. Народ все прибывал, шумными потоками заливая свободное поле. Подъезжали подводы, груженные бочками с пивом — подарком ростовских рабочих бойцам Конной армии. Мальчишки выискивали места получше и бесстрашно пролезали между ног лошадей.

— А ну, сачки, метись отсюда! — замахиваясь плетью и вращая притворно страшными глазами, крикнул Климов. — Стопчут вас кони, а мы отвечай!

Но исполнить подобный приказ было почти невозможно, потому что начиналась самая интересная часть зрелища. Мальчишки с деланно-равнодушным видом отходили назад, но тут же, переговариваясь и подталкивая друг друга, вновь подступали под самые хвосты лошадей.

Вихрову, стоявшему впереди взвода, хорошо было видно и слышно, как начдив 11-й кавалерийской Морозов, худощавый человек лет сорока, откинувшись в седле, протяжно скомандовал:

— Сми-иррно! Шашки вон, пики в ру-ку! — И отчетливо оборвал: — Товарищи командиры!

Команда, подхваченная на разные голоса полковыми и эскадронными командирами, покатилась вдоль фронта и смолкла.

В наступившей на миг тишине послышался далекий конский топот. Со стороны станции, здороваясь с полками, широким галопом скакало несколько всадников. Вихров увидел, как стоявшие на фланге трубачи одновременно взмахнули сверкнувшими трубами, и в ту же минуту над головами людей понеслись ликующие звуки

встречного марша. Всадники приближались. Вихров уже хорошо видел их лица. Один из них, с пышными усами, был в тонко перехваченной серебряным пояском черной черкеске с блестящими газырями, между которыми полыхал на груди алый бешмет, другой, полный, был во френче и защитной фуражке.

— Ур-р-ра-а! Ур-р-ра-а! — закричали в рядах.

Буденный и Ворошилов в сопровождении ординарцев промчались к левому флангу и, придержав лошадей, рысью выехали перед серединой дивизии.

Морозов подал команду. Полки построились четырехугольником.

Буденный поднял руку и высоким молодым голосом бросил в ряды несколько слов. Но набежавший ветер унес слова, и стоявший во второй шеренге Митька Лопатин ничего не расслышал.

— О чем это он? — шепотом спросил Митька стоявшего рядом Леонова.

— Тш-ш! — шикнул Леонов. — О победах говорит. Панов бить идем.

Буденный кончил свою короткую речь — он не любил говорить долго — и под восторженные крики бойцов подъехал к Ворошилову. Было видно, как он, чуть улыбаясь, что-то говорил Ворошилову и как Ворошилов, тоже улыбаясь, утвердительно кивал головой. Подобрав поводья, Ворошилов повернулся к рядам. Его рыжая лошадь в белых чулках, высоко вскидывая ногу, била землю копытом.

Ворошилов поправил фуражку, привстал на стременах и оглядел долгим взглядом смуглые обветренные лица бойцов.

— Товарищи бойцы, командиры и политработники! — зазвучал его густой отчетливый голос. — Новая опасность нависла над нашей страной...

Митька Лопатин жадно ловил каждое его слово. Слова эти настораживали, порождали тревогу. «Ишь ты! — думал Митька. — Паны задавить нас захотели. Вместе с Антантой походом идут». Антанта представлялась ему страшным чудовищем, многоголовой гидрой, которую он не один раз видел па плакатах и страницах газет.

— Мы идем не против польских рабочих и крестьян, — говорил Ворошилов. — Антанта, на содержании которой была северная, восточная и южная контрреволюция, убедилась, что ее карта бита, и перекинулась

на запад, чтобы оттуда нанести удар по Советской России. Антанта подрядила на это польских панов. Она приказывает им не отзываться на мирные предложения Советского правительства... Мы стремимся к миру, но если белогвардейцы этому мешают, то у нас есть для них одно средство — оружие...

Ворошилов говорил, и в ответ на его полные гнева слова в душах бойцов поднималась волна ненависти к врагу, крепла уверенность в своей силе и мощи. Чувство это росло, отражалось в широко раскрытых блестящих глазах и, наконец, прорвалось. Неистовое и грозное «ура», как ураган, пронеслось из конца в конец ипподрома, ударилось в трибуны и, подхваченное тысячами голосов, покатилось по полю.

— Ур-ра-а! Даешь Варшаву!.. Ур-ра! — закричал Митька Лопатин и только теперь почувствовал, что рука его до боли сжимала эфес наполовину вынутой шашки.

Он огляделся: и справа и слева поднимался целый лес рук с блестевшими в лучах солнца клинками.

Впереди на разные голоса что-то командовали. Полки перестраивались и, проходя торжественным маршем, покидали ипподром.

Конная армия, взяв направление на Матвеев курган, двинулась в далекий поход.

5

Шел второй день похода.

Придерживая рвавшую повод горячую гнедую кобылу, Тюрин ехал впереди своего взвода. Все вокруг веселило и радовало его: и лежавшая по сторонам дороги ярко-зеленая степь, и пригревавшее по-весеннему ясное солнце, и веселое чириканье птиц, и ястребы, парившие в бездонно-голубом куполе неба.

Над степью поднимался свежий аромат трав и цветов, вливавший в душу бесконечно бодрое ощущение жизни. Радуясь этому волнующему чувству, Тюрин мечтал о предстоящих боях. Он очень живо представлял себе первую схватку с врагом... И вот он уже видит себя скачущим в степи со сверкающей саблей. Навстречу, спускаясь с холмов, движется какая-то темная масса. Это противник. Недолго думая, он пускает коня во весь

мах. Он рубит, колет, сшибает врагов. Вокруг него падают кони и люди... Победа близка.

Громкое фырканье лошади, раздавшееся рядом, вернуло его к действительности. Он повернул голову и увидел Вихрова.

— Ну, как дела, Миша? — спросил Вихров, придерживая лошадь и пристраиваясь к нему с левого бока.

— Ох, Алешка, если бы ты знал! — возбужденно заговорил Тюрин, все еще находясь под впечатлением только что пережитой схватки. — Вот, понимаешь, мировые ребята. Да, с такими только и воевать. А рубят! Куда нашим курсантам! Один, понимаешь, показывал мне классную рубку. Знаешь баклановский удар с потягом?.. Ну вот. Так, понимаешь, ка-ак даст — дерево перерубил пополам. Да нет, я с такими в любой бой пойду. И вообще ребята что надо. Есть у меня во взводе один парень — что хочешь достанет. Вчера перед выступлением целое ведро меду принес.

Вихров быстро взглянул на товарища.

— Как принес? Зачем?

— Вот странный вопрос! Есть, конечно, — с беспечным видом сказал Тюрин.

— Да я понимаю, что есть. А как он достал? Подарили, что ли, ему?

Тюрин усмехнулся.

— Да ты что, смеешься? Какой дурак ведро меду подарит! Он вообще мировой парень: из-под земли что хочешь достанет. У него все есть. И денег много.

— Знаешь, что я тебе на это скажу? — начал Вихров, пытливо глядя на товарища. — Твой мировой парень плохо кончит. Ты не интересовался, кто он такой?

Тюрин взглянул на него с озабоченным видом.

— Да нет, не интересовался... А ведь ты прав, пожалуй... А?.. Вот, черт, понимаешь, как же я не подумал?

— В том и беда, Миша, что ты часто делаешь, а уже потом думаешь. Помнишь, я тебе еще на курсах говорил?

— Да, да... Вот, черт, дела... Подкачал, значит, а?

Вихров дружелюбно взглянул на товарища.

— Ты, Миша, не обижайся, — сказал он. — Я тебе как другу советую. Помнишь, комиссар на выпуске говорил, что потерять авторитет легко, а завоевать очень трудно?

— Помню. И нисколько не обижаюсь на тебя. Ты по-

чаще мне говори. А то я, знаешь, другой раз, не подумав, рубану сплеча, а потом хватаюсь за голову, да уж поздно.

— Да, с тобой это бывает, — сказал Вихров. — Надо тебе думать больше. Ну ладно, я поехал.

Он кивнул товарищу и хотел было тронуть лошадь, как вдруг позади них послышался быстрый конский топот. Вихров оглянулся. Вдоль колонны ехал крупной рысью молоденький всадник в черной черкеске.

— Хороша Маша, да не наша, — вздохнул Тюрин.

— Кто такая? — спросил Вихров.

— А разве ты не знаешь?

— В первый раз вижу.

— Маринка. Сестрой работает.

— Откуда ты ее знаешь? — удивился Вихров.

Тюрин усмехнулся.

— Я еще в Ростове с ней познакомился. Вместе с Копченым специально в околоток ходили... Только уж больно строга. Копченый по простоте что-то ей ляпнул, а она нас обоих выгнала вон. Там еще Дуся есть, санитарка. Ничего девочка. Хорошая. Ты что, уж поехал?

— Да, мне пора, — сказал Вихров.

Он кивнул Тюрину и поскакал в свой эскадрон.

— Ну как? Проведал товарища? — приветливо спросил его Иван Ильич, когда он занял свое место в строю позади Ладыгина.

— Все в порядке, товарищ командир эскадрона, — ответил Вихров.

— Добре. А тут один командир был, хотел тебя видеть. Здоровый такой.

— Это мой товарищ. Вместе приехали.

— Я знаю. Как его фамилия?

— Дерпа, товарищ командир.

В голове колонны тронулись рысью. Иван Ильич, привлекая внимание эскадрона, поднял руку и, подобрав поводья, погнал жеребца. Эскадрон перешел на рысь.

Всадники мягко закачались в седлах. По степи покатился конский топот.

Начинало смеркаться. Степь по-прежнему находилась в движении. По дорогам тучей шла конница. Свежий ветерок шелестел в развернутых значках и знаменах.

Временами казалось, что за дальними курганами уже больше никого не осталось... Но вновь и вновь

они покрывались черными массами всадников, и конский топот, песни и громыханье артиллерийских запряжек растекались в степи.

Конная армия шла на запад.

Там, у горизонта, среди дымчатых облаков, как в зареве огромного пожара, садилось кроваво-красное солнце.

6

Над Гуляй-Полем стоном стояли пьяные песни. Новоспасский и Снегиревский полки «армии» Махно прибыли сюда еще с вечера. Всю ночь шел дым коромыслом: пропивали добычу, захваченную в обозах отступившего в Крым генерала Слащева, и даже теперь, когда солнце уже давно перевалило за полдень, песни и музыка не умолкали ни на минуту.

Махно и на этот раз остался верен себе и сумел погреть руки на чужой победе. Красной Армии было не до обозов. Она стремилась не допустить ухода противника в Крым и разбить его в Северной Таврии. Махно сделал вид, что перешел на сторону красных, и крепко встал на пути отхода белых. Однако после первого же натиска Слащева он пропустил его, а часть обозов и войсковую казну захватил, благо при обозе не было артиллерии, к которой Махно испытывал чисто органическое отвращение.

Но, как говорится, аппетит приходит с едой: захватив обозы, Махно решил войти в Крым вслед за Слащевым. Для этой цели он использовал обман. Но если раньше он врывался в занятые непрпятелем населенные пункты под видом свадьбы, предварительно упрятав под сено стоявшие на возах пулеметы, то на этот раз атаман намеревался войти в Крым под видом продажи капусты. Но, однако, «покупатели», разгадав его коварный маневр, так встретили «продавцов» артиллерийским огнем, что вся дорога от Перекопа до Чаплинки протяжением в несколько верст была сплошь усеяна капустными листьями... Предприятие сорвалось. Обремененная добычей, «повстанческая армия» отошла в Гуляй-Поле, или в «Махноград», как его называли махновцы.

Самого атамана в Гуляй-Поле не было. Приезда его ждали с часу на час. Тем временем «буйная вольница»

продолжала гулять. Широкая площадь была забита народом. В толпе мелькали пестрые свитки, соломенные шляпы, цветные головные платки. Кое-где виднелись выкраденные из дедовских сундуков, а то и из музеев старинные кунтуши красного, желтого и голубого сукна с галунами и позументами. Изредка над толпой проплывали высокие смушковые шапки с длинными, до плеч, алыми шлыками.

Странный шум, похожий на отдаленные раскаты грома, раздавался на окраине площади. Там открывалось дикое зрелище. Какие-то фантастически одетые люди, топоча коваными каблуками, бегали по клавиатуре нескольких пианино, поставленных в ряд.

— Егей-гей!.. Ого-го! — орал лохматый парень в гусарской венгерке, держа бутылку в руке. Он прыгал на месте, с такой силой ударяя по клавишам, что они летели из-под его тяжелых сапог.

У раскинутых в ряд балаганов народу было больше всего. Оттуда доносились взвизги молодиц, говор и смех. Среди народа сновали неряшливые странные личности с длинными волосами, в измятых пиджаках и мягких фетровых шляпах — анархисты, или «ракло», как в насмешку звали их рядовые махновцы.

Рябой парень, обвешанный гранатами, стоял у балагана с вывеской «Парикмахер Жан из Парижа» и молча наблюдал всю эту картину. Ему приходилось повертываться то одним, то другим боком, потому что он смотрел лишь одним глазом. Другой глаз был выбит и зарос диким мясом с черной дыркой посредине.

Внимание одноглазого парня привлекло происходящее в балагане, и он стал боком смотреть в приоткрытую дверь. Кудрявая маникюрша с затейливой челкой ловко орудовала пилочкой, подтачивая ногти на унизанных кольцами толстых пальцах плотно сидевшего в кресле атлетически сложенного человека. На первый взгляд человек этот напоминал борца или боксера тяжелого веса, но он не был ни тем, ни другим, а был биндюжником из Бердянска. Курчавые рыжие волосы, выбиваясь из-под голубого околыша его залихватски измятой фуражки, жесткими колечками падали на широкий низенький лоб. Маленькая головка с оттопыренными, как у летучей мыши, ушами, большим ртом и мягким бесформенным носом никак не соответствовала его широченным плечам. Расставив толстые ноги в высоких ботфортах,

он смотрел выпуклыми зелеными глазками на свои огромные красные руки, поросшие рыжеватой щетинкой.

Одноглазый сразу узнал в сидевшем Левку Задова, начальника военно-полевой контрразведки, прозванного махновцами Жабой.

В балагане находилось еще два человека. Один из них, в морском бушлате, полосатой тельняшке и в зашнурованных до колен желтых английских ботинках с блестящими шпорами, оглядывал в зеркале только что сделанную ему прическу «бабочку» с большим начесом на высокий, сжатый в висках, узкий лоб. Другой, тонкий, брился.

— Ты скоро? — спросил стоявший у зеркала, повертываясь к Левке Задову. У него было красивое лицо с черными ловко подбритыми кверху полумесяцем усиками.

— А шо ты, милый, торопишься? — отозвался Левка Задов, позевывая. — Или горит, что ли, где? Или твоя небесная кавалерия разбежалась?.. И, между прочим, я готовый. — Он медленно поднялся, сорвал с пальца кольцо и величавым жестом бросил его маникюрше. — На, коломбиночка! Носи на здоровье! Это за меня и за Щуся, — пояснил он, показывая на красавца в тельняшке. — Слышь, Щусь, а ну скажи, похож я на жельмена? — спросил он, охорашиваясь.

— Точно! Как есть жельмен, — сказал угодливо Щусь, надевая на голову матросскую бескозырку с длинными ленточками.

Вдруг Левка Задов резким движением повернулся к дверям. В балаган быстрыми шагами вошел высокий и тощий как жердь, заросший бородой человек. Он подошел к Левке и, бросив по сторонам быстрый взгляд, зашептал ему на ухо.

Левка нахмурился. На его низеньком лбу взбухла синяя жила.

— Да шо ты, Гуро?.. Золотой, говоришь? Да как он, цуцик, смел без меня!.. Ну, погоди, элемент! Я до тебя доберусь, — заключил он, багровея. — Где он?.. В штабе? Хорошо, я сейчас.

— Мне покуда можно идти? — спросил Гуро.

— Иди.

Гуро, чуть сутулясь, вышел из балагана.

— Чего он, братишка? — спросил Щусь.

— Да там одну штуку ограбили. — Левка Задов поморщился. — А я было только себе ее приглядел.

Он подмигнул маникюрше и, ступая вразвалку, направился к выходу.

Одноглазый парень, который наблюдал всю эту картину, отскочил от двери и, скрывшись в толпе, пошел вдоль балагана. Навстречу ему с музыкой и пьяными криками медленно подвигалось шумное шествие. Впереди всех, высоко вскидывая ноги, отплясывали чертовского гопака два голых до пояса человека. Один из них, с белыми шрамами на искромсанном шашкой лице, был в цветных женских чулках с голубыми подвязками и шелковых трусиках; на другом, чубатом, белели пышные, как морская пена, кружевные панталоны, из которых выставлялись его черные волосатые ноги. Пляшущим подыгрывали гармошка и бубен. Позади со смехом и криком валил кучей народ.

— Швыдче! Швыдче! — кричал идущий рядом старый махновец. — А ну, а ну, хлопцы!.. Вот так гарно! — Видимо, очень довольный, он хохотал и, приседая, хлопал себя по коленкам. — А ну, гуляй за мои! — распалясь, крикнул он, вынимая из кармана и бросая под ноги пляшущим два золотых.

Одноглазый парень, улучив момент, быстро схватил откатившуюся в сторону монету и сунул ее за щеку. Но его движение не ускользнуло от пляшущих. Они с криками бросились на него.

— Ты шо, сука, паразит, зачем гроши узял?

— Не брал я!

— Не брал? — Послышался хрясткий удар.

Чубатый, в панталонах, сидел верхом на одноглазом и, засунув черные пальцы ему в рот, отдирал щеку. Другой, зверски выкатив глаза, тузил его кулаками. Острый крик прорвал воздух.

— Бьют!..

— Где, кого бьют?

— Афоньку Кривого!

— Стой! Не бей, он мне кум!

Несколько человек бросились в общую свалку. Вокруг слышались хриплая ругань, шумное дыхание. Над кучей тел взлетела рука с гранатой. Смотревшие на драку шарахнулись в стороны.

Грохот пулеметной стрельбы, раздавшийся в эту минуту на противоположной стороне площади, почти не про-

извел никакого эффекта. В «армии» Махно это было обычным явлением. Стреляли по любому случаю: и в знак сбора, и для выражения восторженных чувств, и просто так — по пьяному делу. Стрелял тот, кто только хотел. Однако некоторые все же подняли головы и посмотрели по сторонам с таким видом, словно хотели спросить: кого, мол, зовут? В глубине площади стоял на тачанке большой толстый человек с непомерно маленькой головой и, размахивая длинными руками, что-то кричал.

— Братишки! — позвал старый махновец. — Жаба народ кличе. Треба идти.

Толпа повалила к тачанке. Вместе со всеми как ни в чем не бывало зашагал Афонька Кривой.

Несколько сот человек окружили тачанку. Все смотрели на Левку, ждали, что-то он скажет.

— Братишки! — крикнул Левка Задов. — Мой помощник Кобчик сегодня ночью произвел самочинный обыск и взял вот эту штуку.

Толпа ахнула. Махновцы жадными глазами смотрели то на Левку, который, высоко подняв руку, держал наманикюренными пальцами золотой портсигар, то на стоявшего у тачанки тщедушного человека с бледным лицом, которому маленький нос с горбинкой действительно придавал сходство с кобчиком.

— Шо ему за это полагается, элементу? — спросил Левка зловеще.

Площадь молчала.

— Шлепнуть его! — спокойно сказал Афонька Кривой.

— Не надо!

— Пустить!

— Расстрелять! — на разные голоса закричали в толпе.

Левка Задов махнул рукой в знак того, что решение принято, сунул портсигар в карман и с довольным видом полез с тачанки.

— Ну, пошли, милый! — ласково сказал он, подходя к Кобчику и легонько выталкивая его из толпы.

Кобчик прянул в сторону, бормотнул что-то, хватаясь за тачанку.

— Ты шо, милый, боишься? Не бойся, миляга, больно не будет. Я тебя по старой дружбе так шлепну, шо и маму сказать не успеешь. Чистое дело, — успокаивал Левка.

Кобчик затрясся всем телом и, уцепившись за тачанку, залился отчаянным криком.

Левка нахмурился. Его мощная челюсть угрожающе выставилась.

— Ну, хватит! — резко сказал он. — Пошли, цуцик! Не будем волынить.

Схватив упиравшегося Кобчика за шиворот, он оторвал его от тачанки и поволок из толпы.

Спустя некоторое время у крайних хат хлопнул выстрел.

— Ишь, сволочи, не поделили! — сказал Афонька, посмеиваясь.

— Да уж Жаба... это такой... — говорили махновцы. — Своего не упустит... Вот и заимел портсигар.

Толпа расходилась. Внезапно в глубине выходившей на площадь улицы произошло движение. По улице с грохотом мчались тачанки.

— Батько! Батько приехал! — завыла толпа, бросаясь навстречу Махно.

Афонька, растопырив локти, ершом пробирался к окраине площади. Грубо толкал встречных и поперечных. Еще во время драки ему подбили здоровый глаз; он плохо видел и, потеряв направление, выбрался к окраинным хатам, когда тачанки уже проехали. Все же Афонька успел увидеть, как на крыльцо небольшого дома поднимался маленький человек в черном пиджаке, перехваченном сверху ремнями. Он был в черной папахе и в высоких сапогах со шпорами. Этот человек был Махно...

Еще задолго до гражданской войны анархист Нестор Махно, сын мясника, снискал себе зловещую славу. Начав с мелких ограблений чужих погребов в компании сельских хулиганов, он вскоре перешел к организованным налетам. Благодаря подозрительной дружбе с полицией многое сходило ему с рук. Но вот в начале 1906 года он организовал нападение на Бердянское уездное казначейство. Во время налета он произвел тройное убийство, захватил кассу и скрылся. Выданный одним из участников, Махно был приговорен к бессрочным каторжным работам, где за неповиновение его наказывали карцером и плетьми. За попытку к бегству он был бит нещадно и закован в цепи.

В 1917 году по общей амнистии Махно был освобож-

ден и приехал в Гуляй-Поле, где вскоре приобрел широкую известность под именем батьки Махно.

Маленький, с чисто выбритым, чуть тронутым оспой землистым лицом и длинными жесткими волосами, падающими на узкие плечи, Махно напоминал переодетого монастырского служку, заморившего себя постом. По первому впечатлению это был туберкулезный больной, но никак не грозный атаман. Однако трудно было найти человека, равного ему по жестокости. Неизмеримое болезненное тщеславие одолевало Махно, и он не терпел вблизи себя людей, стоявших выше его. Не было той подлой хитрости, лжи и жестокости, на которую он не пошел бы для уничтожения не угодных ему.

Во имя своих доморощенных идей анархии Махно не признавал никакой власти. «Я буду бить красных, покуда они побелеют, а белых — покуда они покраснеют. Вот тогда и будет анархия», — говорил он, злобно стуча кулаком по столу. Попавшие к нему живыми не возвращались. Из желания быть популярным среди крестьянства Махно часть награбленного в городах добра раздавал в селах и преуспел в этом — кулацкие и неустойчивые элементы деревни охотно шли в его «армию».

Ко всему этому надо добавить, что Махно был умелый враг и не менее умелый партизан малой войны...

Сейчас он сидел за столом, положив локти на карту и запустив руки в длинные волосы. Хозяйка, вдовая попадья с испуганным лицом, молча стояла у буфета и ждала, не прикажет ли «батько» чего. Хотела нести обед, уже давно было готово, да кто его знает, бешеного: спросишь, а он еще запустит чем попадя. В прошлый раз едва не убил.

«Ишь, нечистый дух, как сверкает глазищами! — думала попадья, искоса поглядывая на Махно. — И принесла его нелегкая на мою голову! И хоть бы слово сказал, черт косматый... Знай, сидит да молчит...»

За дверью заскрипели грузные шаги. В комнату, не спросясь, вошел Левка Задов.

— Почтение, Нестор Иванович! — с угодливым видом заговорил Задов, подходя к «батьке» и пожимая протянутую ему небольшую, с белыми ногтями, холодную волосатую руку.

— Здравствуй! Новости есть? — блеснув на него глазами, спросил Махно скрипучим голосом.

— Есть... Обедать будешь?

— Буду.

— А насчет выпить как?

— Давай! — кивнул «батько».

Левка повернулся, глазами показал попадье подавать. Потом слазил в буфет, поставил на стол две бутылки коньяку, стаканчики и тарелку с огурцами. Аккуратно поправив рукава, он разлил коньяк в стаканчики — побольше в «батькин», поменьше в свой — и с нетерпеливым любопытством уставился на Махно.

— Хорош! — похвалил Махно, сделав крупный глоток. — Где разжился?

— Генеральский. Целый ящик достали.

Махно допил стаканчик, почмокал губами и снова налил.

— Так, говоришь, новости есть? — спросил он, взяв со стола бутылку и разглядывая сиреневую с серебром этикетку.

— Элементов задержали, Нестор Иванович, с Питера, путиловские. Продотрядники.

— Что? — Махно быстро поставил бутылку на стол. — Путиловцы?

— Шесть человек. Сонными взяли. Один шибко вредный, отбивался. Гуро было шею сломал... Я с ними поигрался малость. Хотел гробануть, а потом решил дождаться тебя.

— Правильно сделал. Давно я с рабочими не толковал... А где их документы?

— У меня. — Левка достал из кармана и положил перед «батькой» стопочку аккуратно сложенных бумажек.

Махно надел очки и стал молча просматривать документы.

— Ого! И карась поймался! — с довольным видом сказал он, проглядывая большую, в пол-листа, бумагу, в верхней части которой стояло напечатанное на машинке слово «мандат». — Это кто ж такой — Гобар? — спросил Махно.

— Тот самый, шо отбивался, — пояснил Левка. — Он, видать, главный у них. Они, сволочи, не говорят. Он и в Красной гвардии служил. Завхозом. Там есть бумажка.

— Коммунист? — Махно поверх очков кинул взгляд на Левку.

— Как же! Вот его партийный билет. — Левка, сверкнув кольцами, ткнул толстым пальцем в лежавшую среди бумажек тонкую книжечку.

— Используем, — сказал Махно, откладывая в сторону документы Гобара. — А где они сейчас?

— Я велел их во двор привести. Там с ними Гуро и Щусь с хлопцами.

— Хорошо. После обеда я ими займусь, побеседую, — сказал Махно с загадочным видом.

У Левки дрогнули ноздри. Он хорошо знал, как «батько» проводит беседы.

— Ну а еще что? — после некоторого молчания спросил Махно.

— Я хочу сказать за ту барышню, шо взяли в Глубоком. Есть такая надежда, шо она с продотряда.

— Призналась?

— Молчит. Я под нее и лампу ставил и пальцы ломал. Молчит, гадюка, только царапается. — Левка Задов, завернув рукав, показал свежую ссадину пониже локтя.

Махно снял очки и насмешливо посмотрел на него.

— Плохой ты разведчик, если у тебя люди молчат, — сказал он, усмехнувшись. — Ничего, мы заставим ее говорить. Зашейте ей кошку в живот. Только позовите меня, я приду посмотрю... Ну, все?

Левка угодливо усмехнулся, потер руки — видно, давно ждал этого вопроса. С видом заговорщика он подвинулся к Махно и, понизив голос, сказал:

— Нестор Иванович, ту коломбиночку с хутора, шо ты говорил, я расстарался.

— Ну? — Махно с довольным видом взглянул на него. — Привез?

— Здесь она... Батька не давал, топором отбивался. Пришлось его на месте пришить.

— Может, кто посторонний видел?

Левка откинулся на стуле и обеими руками махнул на Махно:

— Шо ты! Разве мне в первый раз! Все шито-крыто! А хутор мы спалили. Нехай теперь...

Левка смолк и быстро оглянулся на дверь. В комнату вошла попадья с подносом в руках. Следом за ней появился неряшливо одетый человек лет пятидесяти, с длинными, до плеч, поседевшими волосами, в мягкой фетровой шляпе и золотых очках на мясистом носу.

— Приятного аппетита, — глухим голосом сказал вошедший, оглядывая стол беспокойным взглядом серых выцветших глаз.

— Хлеб да соль, — усмехнулся Махно. — Проходи, Волин. Садись с нами обедать.

— Я уже пообедал, — сказал Волин, присаживаясь к столу и проводя нечистой рукой по давно не чесанной бороде.

— Ты все же выпей. Генеральский. Сам Слащев мне ящик прислал, — сказал Махно, усмехаясь и наливая в стаканчики.

Волин взял стаканчик дрожащими пальцами с черными ободками на длинных, как когти, ногтях и, коротко закинув голову, смахнул коньяк в рот.

— На-ка вот, закуси, — Махно подвинул ему огурцы.

«Батько» внешне несколько иронически относился к анархистам, сбежавшимся к нему под черное знамя со всех сторон России, но к Волину, своему учителю, от которого еще в молодые годы перенял взгляды анархизма, относился с подчеркнутым уважением. Назначив Волина председателем военного совета «армии», Махно проводил через него все свои начинания, вплоть до печатания фальшивых денежных знаков, делая вид, что во всех своих действиях подвластен совету. А Волин, в свою очередь, во всем поддерживал «батьку».

Преждевременно состарившийся, Волин производил своей растрепанной фигурой, мало знакомой с водой, щеткой и гребнем, впечатление беглеца из сумасшедшего дома.

Хорошо сознавая, что махновщина — явление временное и рано или поздно придется расплачиваться за все злодеяния, он последнее время усиленно топил страх и горе в бутылке...

Волин налил второй стаканчик и залпом выпил. В голове гудело еще со вчерашнего дня, и теперь он в полузабытьи ссутулился на стуле, обмяк, словно у него вынули кости.

Махно хлопнул его по плечу:

— Не спи, старик! Давай выйдем во двор.

— Зачем? — спросил Волин, поднимая на него тусклый взгляд выцветших глаз.

— С путиловцами о том, о сем потолкуем, — сказал «батько» зловеще.

Махно двинул стулом, шумно поднялся и в сопровождении Волина вышел во двор.

Шесть раздетых до белья пленных, опустив головы, стояли около колодца в тени тополей. На их бледных ли-

цах, покрытых синяками и кровавыми ссадинами, лежало выражение обреченности. И только один, стоявший справа, немолодой рабочий с черными живыми глазами, встретил Махно прямым, ненавидящим взглядом. Он повернулся к товарищам и тихо сказал:

— Поднимите головы!.. Покажем, как умирают большевики!

Махно остановился и тяжелым взглядом недобрых глаз стал оглядывать пленных. Он вообще холодно относился к рабочим, а тут были продотрядники, которых он ненавидел и расправлялся с ними жестоко.

— Ну-с, лебеди, расскажите, зачем на Украину пожаловали? — после некоторого молчания спросил он, прищурившись.

Пленные хмуро молчали.

— Понятно, — раздражаясь, заговорил Махно, — вы только в своем Питере привыкли шуметь: мы, мол, путиловцы, столпы революции, опора Советской власти... И только! — заключил он фразу своей обычной поговоркой. — Не пойму я, что вас заставляет, дураков, за города держаться... Надо сейчас же, немедленно бросать города и идти в села, степи, леса. И только! — Махно, сверкнув очками, оглянулся на Волина; тот одобрительно кивал ему головой. — Ну, вот ты скажи, — подступил «батько» к подростку-рабочему с девичьим лицом. — Скажи: правильно я говорю?

— Что же тут правильного? — пожимая худыми плечами, ответил пленный. — Мне и в городе хорошо.

— Ну а тебе? — спросил Махно рабочего с черными живыми глазами. — Или ты тоже дальше своего носа не видишь?

Рабочий усмехнулся.

— Я-то вижу, а вот ты очки побольше надень, чтоб видеть дальше, — сказал он.

— Что же ты видишь? — спросил Махно, с трудом сдерживая закипавшую злобу.

— Что я вижу? — Рабочий в упор взглянул на него. — Я вижу ту великолепную жизнь, которую ни ты, ни твои подручные никогда не увидят!

— Вот как! Гм... Что же это за жизнь? — спросил Махно, шевельнув ноздрями широкого носа.

— Смотри! — рабочий простер руку вперед. — Хотя нет, ты все равно не можешь увидеть. А я вижу, и товарищи мои тоже видят. — Он прихватил стоявшего под-

ле подростка и, прижимая его к себе, продолжал: — Мы видим новые цветущие города!.. Мы видим богатейшие поля! Мы видим работающие на них машины!.. Это счастливый труд без эксплуататоров и паразитов! Это социализм!..

Махно, тяжело дыша, смотрел на него.

— Это ты Гобар? — хрипло спросил он, сделав знак Гуро и остальным подойти ближе.

— Хотя бы! — Гобар поправил съехавшую на глаза окровавленную повязку и усмехнулся.

— Смешься, гад? — спросил Махно.

— Это кто ж такой гад?

— Ты!

— Нет, я человек, — сказал Гобар гордо. — А вот ты паразит. Не напился еще рабочей крови? Смотри, захлебнешься!

— Что?! — Махно схватился за кобуру. — Молчать! Застрелю!..

Гобар, стиснув зубы, смотрел на него. Грудь его часто вздымалась.

— А я от тебя другого и не жду, — заговорил он, помолчав. — Но имей в виду, гадина, что и вам от наших рук живым не уйти! Не будет вам места на нашей земле! Не будет...

— Руби его! — крикнул Махно.

Гуро первый рванул шашку из ножен.

— Всех! Всех! — кричал Махно.

Раздались стоны, крики...

В несколько секунд все было кончено.

Пошатываясь как пьяный, Волин пошел со двора. Левка Задов как ни в чем не бывало фыркал, смывал кровь у колодца. Тощий Гуро, придерживая ведро, лил ему на руки воду.

Щусь и другие махновцы заботливо протирали клинки.

— Ну, пошли в хату! — сказал Махно.

Шумно разговаривая и стуча сапогами, «батько», Левка и Щусь вошли в комнату. Волин сидел за столом, уронив на руки лохматую голову. Перед ним стояла пустая бутылка.

— Левка, коньяку! — распорядился Махно. — Садись, Щусь.

Но не успел Левка откупорить бутылку, как на улице послышался конский топот.

Щусь метнулся к окну. Неподалеку от хаты копошилась в пыли какая-то темная масса.

— Что там? — нетерпеливо спросил Махно.

— Не пойму, Нестор Иванович, — сказал Щусь, высовываясь в окно и заглядывая на улицу. — Кажись, кто-то упал... Ага, вот теперь видно: и конь и человек рядом лежат. Загнал, видно, коня. Видать, кто-то из наших.

— Давай его сюда! — сказал Махно.

Щусь, гремя шпорами, выбежал на улицу.

Волин зашевелился, поднял тяжелые веки и беспокойными глазами посмотрел на Махно. В сенцах, слышно было, кого-то тащили. Дверь с шумом раскрылась, и двое людей — один в засаленной фуражке со сломанным пополам козырьком, другой гололобый — почти внесли на руках маленького человека в английском френче. Его красное лицо с заячьей губой было покрыто черными потеками засохшего пота. Вошедшие попытались поставить его перед «батькой», но человек мешком опустился на пол.

— Дайте ему коньяку, — распорядился Махно.

Стуча зубами о край стакана, человек сделал два-три глотка и попытался встать перед «батькой», но смог только присесть.

— Кто такой? Откуда? — грозно спросил Махно.

— С-пид Матвеева кургана, батько, — с трудом заговорил человек. — День и ночь трое суток витром лител... Пять ко́ней загнал.

— Не тяни! Говори, что случилось.

— Великая сила, батько, идет... А кони у них!.. — Человек трясущейся рукой расстегнул френч, разодрал подкладку и, нашарив сложенную вчетверо бумажку, протянул ее «батьке».

Махно развернул бумажку, забегал по ней круглыми глазами и при общем молчании прочел ее вслух:

— «Батькови Махно.

Армия Буденного 21 апреля выступила из Ростова и пошла на запад через Матвеев курган.

Чирвон».

Волин и Махно переглянулись. «Батько» смахнул на пол тарелки и нагнулся над картой.

— За четверо суток они прошли верст двести, — сказал он, прикидывая на глаз расстояние. — Под Павлоградом Буденный будет дня через три.

— Что будем делать, Нестор Иванович? — спросил Волин. — Видимо, драться придется?

Заложив руки за спину и хрустя пальцами, Махно молча заходил по комнате.

— А шо, если уговорить их к нам перекинуться, Нестор Иванович? — спросил Левка Задов. — Вот было б знатно!

— Дурак! — Махно с досадой кинул быстрый взгляд на него.

— Не выслать ли навстречу им делегацию? — предложил Волин.

— Делегацию?

— Ну да. Предложить им мир, чтобы они нас не трогали, и мы с ними драться не будем, — пояснил Волин. — А если откажутся — взорвем их изнутри!

Наступило молчание.

— Пошлем! — немного подумав, согласился Махно. — Завтра выступим под Павлоград, а оттуда и пошлем делегацию. Щусь, приготовься. Поедешь со взводом. А если с делегацией номер не выйдет, то взорвем их изнутри. Направим своих молодцов: пусть вступают к ним добровольцами. А об инструкциях я позабочусь. И только!..

Параска, молодая румяная баба, вдова, самогонщица, сбегала к колодцу за водой, поставила самовар и засуетилась у печки.

Сунув на угли сковородку с оладьями, она оперлась полным, с ямочкой подбородком на черенок сковородника, рассеянно взглянула на улицу и тут же с криком бросилась к открытому окну.

— Хай тоби, чертова сатана! Хай тоби, шибенник проклятый! * Шо це ты зробил, болячка поганая! — ругалась она во все свое звонкое горло. — Ой лихо мне, лишенько! Зачем ты мою свинью вдарил, аж зад потянуло?! Нечистая сила твоя, сатаняка рогатый! Тоби смешно, овцепас, харя собачья, а мени горе!

Лохматый махновец, к которому относилась вся эта речь, выругался в ответ так виртуозно, что баба сначала остолбенела, а потом разразилась целым потоком самой яростной ругани. Но махновец, прозванный за большой рот Хайло, только нагло усмехнулся в ответ.

---

* Шибенник — висельник *(укр.)*.

Вспомнив про оладьи, Параска кинулась к печке и ахнула.

— Оладьи сгорилы!.. Хай тоби, чертяке поганому! Шоб тебе руки, ноги переломало! Шоб тебя бугай забодал! Шоб тебе дышло в бок, байстрюк всисвитный! Турчин! Сатана! — причитала она, произнося без особенной злости привычную брань...

Потом она вернулась к окну с намерением еще поругаться, но Хайло исчез. Вместо него двое вооруженных людей с черными лентами на белых барашковых шапках вели по улице босого человека в рваном тулупе. Взглянув на худое бритое лицо этого человека, со спокойным видом шагавшего между конвойными, Параска сразу смекнула, что одежда на нем была не своя, а «батькины молодцы» переодели его.

«Ось, який дядька здоровый!» — подумала она, сочувственно глядя на задержанного.

Она еще постояла, посмотрела, как махновцы ввели пленного в контрразведку, помещавшуюся наискось от ее дома, и, вздохнув, отошла от окна...

Левка Задов уже целый час бился над допросом задержанного, суля шлепнуть ползучего гада на месте, или же зашить элементу живую кошку в живот, или вздернуть цуцика на первой осине. Но тот оказался человеком на редкость упорным и стоял на своем, не признавая себя ни красным, ни белым.

— Ты шо?! Ты шо?! — кричал Левка Задов. — Ты понимаешь, кто с тобой говорит? У меня не такие, как ты, плакали, просились!.. — Он в ярости застонал и схватился за голову. — Да я с тобой такое сделаю, что ро́дная мама тебя не узнает!.. А ну, говори, офицер, зачем приехал на Украину? — произнес он скороговоркой.

— Я уже сказал вам и еще раз повторяю, что я не офицер, а студент, и принадлежу к партии анархистов, — спокойно отвечал человек.

— Ха! Видали мы таких анархистов! — Левка Задов усмехнулся и откинул со лба вспотевшие волосы. — И шо это такое? Как только какой элемент попадется, так обязательно студент, артист или учитель... Видали мы и артистов. Сам Собинов к нам недавно попался. Петь не захотел. Напрасно батько его отпустил. Я бы с ним поигрался. Он бы у меня все на свете запел!

В соседней комнате раздался отчаянный крик.

— Слышишь, милый! — Левка Задов кивнул в сторо-

ну двери. — У офицера сведенья достаем. Дает, но помалу, сволочь, граф Бобринский. Разведчик. Тоже сначала назвался студентом... Ну ладно. Даю тебе два часа. Ты все же подумай, браток. А то как бы мне не пришлось под тебя лампу подставить. Милое дело! Язык сам развязывается... Ну ладно, пошли!

Пройдя коридором, они вошли в комнату, всю заваленную школьными партами.

— Там найдешь перо и бумагу. — Левка Задов показал на стол у окна с решеткой. — Напиши, господин офицер, свою биографию.

— Я вам сказал...

— Молчать!.. А ну, пиши, пиши, милый. Пиши, ваше благородие, свою биографию.

Сказав это, Левка Задов кинул взгляд на решетку и пошел из комнаты, переваливаясь на коротких, толстых, как колоды, ногах.

Джек Пирс, агент компании Зингер *, остался один. Еще когда его сняли с поезда под Гуляй-Полем и он понял, что попал в руки махновцев, ему пришла мысль назваться анархистом. Да, собственно, это был единственно правильный выход. За десять лет, проведенных в России, Пирс познакомился и с русской анархистской литературой. Все могло пригодиться для выполнения его сложных обязанностей. Теперь, утвердившись в своем намерении, он решил вести роль до конца.

Пирс присел к столу и начал писать:

«Я, Иван Рубан — анархист, выражаю свое крайнее негодование тем обстоятельством, что...»

Дверь скрипнула. В комнату вошел, словно крадучись, сутулый человек с прозрачно-бледным лицом актера-пропойцы. Это был Артен, человек, владеющий пятью языками, прошедший уголовные тюрьмы всех континентов земного шара. Последнее обстоятельство весьма высоко ставило его среди окружающих, и даже сам Махно, обычно не считавшийся ни с кем, кроме Волина, прислушивался к его советам. Артен, мнивший себя представителем интеллигенции в махновском окружении, был по-своему очень корректен и обращался ко всем только на «вы».

Он подошел к Джеку Пирсу и внимательно посмотрел на него.

— Что вы делаете? — спросил он.

* Иностранная компания по распространению швейных машин.

— Пишу.
— Я вижу, что вы пишете. А что именно — посмертное завещание?
— Автобиографию.
— Автобиографию? Гм... — По бледному лицу Артена пробежала усмешка. — Зачем вы зря гробите время? Вас все равно сегодня пустят в расход, — успокоил он таким тоном, словно это сообщение должно было доставить большое удовольствие задержанному.
— За что?! — Джек Пирс вскочил. — Происходит какое-то недоразумение, — заговорил он горячо. — Я сам анархист, и вдруг...
— Вы анархист?
— Да. И хорошо помню, что в прошлом году встречал вас в Москве в нашем клубе.
Артен пытливо посмотрел на разведчика.
— Нет, я вас не знаю, — сказал он уверенно, отрицательно покачав головой.
Джек Пирс молчал, но мысль его работала быстро. Вдруг его осенило. Он вспомнил, что еще накануне войны читал в русских газетах о процессе анархистов группы «Набат», возглавляемой Бароном.
— Конечно, если вы не помните меня, то мне будет чрезвычайно трудно доказать свою правоту. Но вот если бы здесь находился товарищ Барон! — сказал он таким искренним тоном, что Артен насторожился.
— Вы знаете Барона? — живо спросил он.
— А как же! Мы с ним большие друзья! — воскликнул Джек Пирс, охваченный сознанием, что он, кажется, сделал правильный ход.
Артен с некоторым сомнением взглянул на него и твердо сказал:
— Барон находится здесь.
— Здесь?! — радостно вскрикнул разведчик, хотя внутри его все содрогнулось. — Так попросите же его сюда!
— Это невозможно.
— Почему?
— Он в отъезде и вернется только на будущей неделе.
Джек Пирс пошатнулся и прикрыл ладонями лицо.
— Какое несчастье! — сказал он, овладевая собой и опуская руки. — Как же мне теперь быть?
— Постойте, не волнуйтесь, — соображая что-то, произнес Артен. — Я постараюсь вам помочь. Подождите.

Он еще раз внимательно посмотрел на своего собеседника и вышел из комнаты.

Джек Пирс глубоко вздохнул.

— Фу! — В нем дрожал каждый мускул. Сердце колотилось с неистовой силой. Им овладела такая слабость, что ноги его словно сделались ватными. Он тяжело опустился на стул и несколько минут просидел неподвижно.

«Да, но что это за человек? — думал он. — И как он мне может помочь?.. Нет, отсюда, пожалуй, не выберешься».

В эту минуту дверь растворилась, и Артен предложил ему следовать за собой.

Джек Пирс никогда не видел Махно. Но когда он вошел в небольшую беспорядочно обставленную комнату с разбросанными по всем углам мешками, седлами и ящиками с торчавшими из них горлышками винных бутылок, он сразу понял, что маленький человек, сидевший за столом и смотревший на него тяжелыми глазами, и был сам Нестор Махно.

— Здравствуйте, садитесь, — Махно показал на пустой стул против себя. — Как ваша фамилия?

— Рубан.

Джек Пирс пожал протянутую ему маленькую волосатую руку и опустился на стул.

Артен вышел из комнаты.

Некоторое время длилось молчание. Махно, нагнув голову, просматривал какие-то бумаги, в которых разведчик узнал отобранные у него документы.

— Так вы знаете Барона, — сказал Махно, поднимая глаза.

— Послушайте... — Джек Пирс запнулся.

— Меня зовут Нестор Иванович, — сказал Махно.

— Виноват... Так, Нестор Иванович, я не только знаком с товарищем Бароном, мы с ним большие приятели.

— Знаю. Мне Артен говорил. А как вы попали под Гуляй-Поле?

— Я пробирался в Одессу.

— Зачем?

— Я получил сведения, что моя мать находится при смерти.

— Вы одессит?

— Нет, москвич, но у меня там родственники. Я отправил мать в Одессу сразу же после февральской революции.

— Вы не врете?

— Нет, Нестор Иванович. Честное слово!

— Гм... Ну тогда мне все ясно. Вы свободны.

Джек Пирс, недоумевая, смотрел на Махно, пораженный столь коротким разговором.

— Как? — спросил он. — Мне можно идти?

— Да, да. Идите, идите, — Махно показывал рукой к выходу.

Джек Пирс молча поклонился и направился к двери. Но не ступил он и двух шагов, как грозный крик «назад!» заставил его остановиться. Он повернулся и остолбенел: черная дырочка ствола пистолета смотрела ему прямо в лицо...

Махно усмехнулся, показав в улыбке крупные, как у лошади, желтые зубы.

— Ну, теперь я вам, кажется, верю, — сказал он, пряча маузер в деревянную кобуру. — Не испугались? Значит, не врете. А бывает, падают в обморок... Ну, садитесь, рассказывайте.

— О чем рассказывать, Нестор Иванович? — спросил Джек Пирс, величайшим напряжением сдерживая охватившую его нервную дрожь.

— Да хотя бы о Москве, — предложил Махно. — Давно мне хочется в ней побывать. Расскажите, что там происходит.

Чувствуя, что на этот раз ему, кажется, удастся спасти свою жизнь, Джек Пирс стал распространяться о последних событиях. То, что Махно в Москве не бывал, давало ему возможность рассказывать, не особо считаясь с действительным положением дел, а так, чтобы его сообщения были приятны Махно. По словам Джека Пирса выходило, что московская организация анархистов за последнее время сильно окрепла и, что самое главное, имеет в своем распоряжении огромные материальные ценности. При этих словах Махно заерзал на стуле и только было собрался что-то спросить, как вдруг дверь распахнулась, и Левка Задов с размаху грохнулся на пол.

— Ты что? — спросил сердито Махно.

— Споткнулся.

— Споткнулся? Поди прочь, прохвост! И если еще будешь подслушивать, то я тебе морду побью. И только! Ну? Кому говорю?

Левка Задов молча поднялся и вышел, крепко прикрыв дверь за собой.

— Так вы говорите, что там собраны большие богатства? — спросил Махно, помолчав.

— Огромные, Нестор Петрович. На большие миллионы рублей.

— И это верно?

— Так же верно, как то, что я сижу перед вами, — отвечал Пирс, переходя на игривый тон. Он уже освоился с положением и, чувствуя, что страшный атаман начинает действительно верить ему, решил пойти с козыря и окончательно выиграть игру.

— Но, — продолжал он, — все эти величайшие ценности являются теперь собственностью того же клуба анархистов. А как вы знаете, отец анархии мыслитель Прудон известен своим афоризмом: «Собственность есть воровство». Вы, конечно, согласны с таким положением, Нестор Иванович?

— Ну, это еще как сказать! — возразил Махно. — Помоему, есть собственность и благоприобретенная.

— А вот Элизэ Реклю говорит...

— Элизэ Реклю? Кто она?

Джек Пирс сильным движением мускулов согнал с лица набежавшую было усмешку.

— Прошу прощения, Нестор Иванович, — сказал он, покашляв, — но Элизэ Реклю «он», а не «она». Это известный географ и близкий друг князя Кропоткина.

— Ах да! Верно. Как это я позабыл? — сказал смущенный Махно. — Но знаете, Рубан, мне совершенно наплевать на то, что говорят все эти ваши... Гм!.. К черту Прудона! Их теории устарели. У меня тут есть новый теоретик, Сашка Черный. Потом вы обязательно потолкуете с ним. Вот это голова! Он всех этих теоретиков одним своим словом за пояс заткнет. Нет, вы послушайте... — И Махно пустился развивать перед Пирсом свои доморощенные идеи всемирной анархии. Города, заводы, фабрики, да и вообще вся промышленность подлежат безусловному и немедленному уничтожению. Все люди превращаются в свободных хлебопашцев, охотников, рыболовов и уходят в поля и леса...

«Что он — одержимый или сумасшедший фанатик?» — думал Джек Пирс, слушая бредовые речи Махно. Он уже окончательно почувствовал себя здесь своим человеком и развалился на стуле, заложив нога на ногу.

— Позвольте, Нестор Иванович, — перебил он, — вот вы говорите, что надо уничтожить промышленность. Так

как же прикажете — голым ходить? Ведь кто-то должен производить одежду?

— А бабы на что? — воскликнул Махно. — Они и соткут и сошьют. Что нужно человеку? Штаны и рубашка. А овчин у нас хватит. И только!

— Да, конечно, такому великому политику, как вы, Нестор Иванович, гораздо виднее, как быть, — сказал Пирс, улыбаясь.

— Ну, что вы, что вы! Какой я великий политик? — произнес польщенный Махно, кривя в улыбке бледные губы. Однако это не помешало ему тут же поднять голову несколько кверху. — Послушайте, Рубан, вы мне положительно нравитесь, — заключил он неожиданно. — Я помогу вам добраться в Одессу, но только с условием.

— Я слушаю вас, Нестор Иванович, — сказал угодливо Пирс.

— На обратном пути вы должны приехать в Гуляй-Поле и остаться у меня.

— Остаться у вас?! — Джек Пирс сделал такое движение, словно хотел вскочить со стула и обнять атамана. — Вы мне оказываете честь, Нестор Иванович! Согласен ли я? Вам надо не спрашивать, а приказывать.

— Значит, согласны?

— Конечно. Только у меня есть к вам небольшая просьба, Нестор Иванович.

— Что такое?

— Я ведь почти две ночи не спал и очень устал. Прошу дать мне возможность отдохнуть. И потом прикажите, пожалуйста, вернуть отобранные у меня вещи. Ваши молодцы сняли с меня пиджак, брюки и сапоги. — Джек Пирс посмотрел на ноги и пошевелил босыми черными пальцами.

— Хорошо, хорошо, отдохните, а потом мы еще поговорим обо всем, — согласился Махно.

Он подошел к двери, приоткрыл ее и заглянул в коридор — кого бы позвать, но там никого не оказалось. Тогда он суетливо рванул маузер из кобуры и выпалил в потолок.

В коридоре послышался топот. В комнату вбежал Левка Задов. Он протянул вперед длинные руки, словно хотел тут же удушить Джека Пирса.

— Ты что, дубина? Дурак! — напустился Махно на него. — Разучился, стервец, своих людей узнавать?! Опять пьян? — Махно пошел узкой грудью на Левку. Тот

попятился и закрылся руками, хорошо зная, как атаман страшен в гневе.

— Ой, батько, уберите своего маузера! Как бы ошибки не вышло! — закричал он, шарахаясь к двери.

— Погоди, прохвост, я еще доберусь до тебя! — пригрозил Махно. — Вызови председателя. Пусть поставит на хорошую квартиру этого человека. Напоить. Накормить. Все отобранные вещи вернуть. И в два счета. Да смотри у меня!..

Спустя некоторое время Джек Пирс в новых лакированных сапогах, бриджах и хотя и простреленном, но еще крепком офицерском кителе (старые вещи бесследно исчезли) шел по улице в сопровождении председателя, на редкость болтливого мужика в серой свитке.

— Я тоби, хлопче, на таку квартиру поставлю, шо будешь вись вик благодарный, — говорил председатель, подмигивая и подталкивая в бок Джека Пирса. — Не поругаешь. Ни! Хозяйка добра, мила, молодая вдова, а уж самогон гоне лучше усих на селе! Батько у ней був добра людина. Заможяий. Крамницю * мав. Той рик помер. Так вона тилько самогоном и промышляе... Ну, вот и прийшлы!

По высокому крыльцу они поднялись в большой богатый дом и, пройдя сени, вошли в чистую комнату.

При виде их Параска поднялась с лавки.

— Парася, — заговорил председатель, — вот этот человик буде у тоби на квартире стоять. Смотри, годувай его добре. Щоб ни в чем отказу не було. Вин батькин знакомый... Ну, до побачення! — председатель поклонился Пирсу и, потянув кривым носом в сторону печки, откуда шел вкусный дух, вышел из хаты.

— Здравствуйте, хозяюшка! — весело поздоровался Пирс.

— Здравствуйте вам. — Параска покраснела, искоса взглянув на вошедшего. — Може, вы змоглыся з дороги? — мягко спросила она. — Ось вам лежок, приляжте. — Она показала на кровать с откинутым пологом.

— Нет, мне бы поесть, — сказал Пирс.

— Можно... А вы хто такий будете?

— Коммивояжер, — назвал Пирс первую пришедшую на ум профессию.

* Крамница — лавка.

Параска с трудом повторила это незнакомое ей слово. В ее карих глазах, искоса смотревших на незнакомого человека, появилось недоверчивое выражение.

— А вы случаем не жулики? — с некоторым подозрением спросила она.

— Что? Жулик? А разве я похож? — спросил Джек Пирс, багровея. — Так, по-твоему, я жулик?

— Та у нашего батька Махно всякие йе — и жулики, и куркули, и якась там интиллыгенция — так обдерут-обшкурят, як белку. И будь здоров! — отвечала Параска, поднимая смеющиеся глаза на своего постояльца...

Джеку Пирсу не долго пришлось стоять у Параски и пить ее самогон. Наутро под окнами загремели тачанки. Пронесся на вороной кобыле Афонька Кривой. Он держал трепетавший на пике большой черный флаг с намалеванным черепом и костями.

Хайло постучал плетью в высокое окно:

— Собирайтесь! Выступаем на Николаевку!..

Джека Пирса поместили в одной тачанке с Артеном. Впереди ехал Махно в кожаной куртке и сбитой на затылок папахе. На задке его нарядной тачанки было написано столь непристойное, что Пирс только покачал головой: «Ну и компания!»

Когда выехали в степь, Махно сказал что-то ездовому. Ездовой, мрачный бородатый цыган, повернулся на козлах и, сверкнув черными глазами из-под нависших бровей, зычным голосом крикнул:

— Щуся с сотней уперед!

— Щуся до батьки! — понеслось по тачанкам на разные голоса.

Послышался быстрый конский топот. Сотня фантастически одетых всадников, покачиваясь в седлах, вытянулась рысью в голову колонны. На выплясывающей серой в яблоках лошади к Махно подъехал Щусь.

Джек Пирс тщетно старался расслышать, о чем у них шел разговор. Он только видел, как Махно, посматривая на развернутую на коленях карту, говорил Щусю что-то, а тот с понимающим видом кивал головой. Потом Щусь пошарил по карманам бушлата, достал красную звездочку и тут же прикрепил ее к бескозырке. Его примеру последовали остальные всадники.

«Любопытно, к чему этот маскарад?» — подумал Пирс.

От внезапной догадки он пришел в приятное оживление и так заерзал на сиденье, что молчавший всю дорогу Артен повернулся к нему.

— Вам что-нибудь нужно, коллега? — спросил он, пытливо глядя на него.

На это Пирс отвечал, что он благодарит за внимание, но ему ничего не потребуется.

— Бери Черную сотню и гони на Поповку, — говорил Махно Щусю. — Мы там еще не бывали. Организуй все как полагается. Сумеешь?

— А чего не суметь, Нестор Иванович? — отвечал Щусь, пожимая плечами. — В первый раз, что ли?

— В общем, сделай, как нужно. — Махно взглянул на часы. — Я буду там в пять. Понял?.. Катай!

Щусь махнул рукой сотне и погнал лошадь рысью. За ним понеслась ватага махновцев. Отъехав с версту, всадники поскакали галопом и вскоре скрылись в густом облаке пыли...

Дорога шла степью. Вдали проплывали села с белыми колокольнями, мельницами и ярко зеленевшими островерхими тополями. В воздухе стоял душный зной. С безоблачного прозрачно-синего неба светило, обливая землю, горячее солнце.

Джека Пирса тревожило одно обстоятельство. Кроме Артена и кучера, в тачанке сидел на облучке еще один человек. Временами он оглядывался на него и в страшной улыбке скалил большой рот почти до ушей. Пирс чувствовал, что, несмотря на кажущееся расположение к нему «батьки» Махно, за ним все же ведут наблюдение. И это обстоятельство не давало ему уверенности в том, что он сможет благополучно добраться в Одессу для передачи собранных им сведений шефу.

Артен все молчал, то и дело вытирая рукавом пот на лице и прикладываясь к фляге с водой. Всю ночь он провел в компании Волина. И теперь, в жестоком похмелье, ему было не до разговора. Однако во время привала, на котором он выпил без малого полведра холодной воды, он все же пояснил Джеку Пирсу, что Махно по соображениям высшей стратегии изменил маршрут и они движутся не на Николаевку, как об этом было объявлено раньше, а на Поповку. Но это будет лишь на руку Пирсу, потому что там есть станция железной дороги.

Около половины пятого на горизонте показался столб черного дыма. Тачанки покатились быстрее. Вскоре все

въехали в большое село под горой. С краю еще дымилось пожарище. Впереди часто рассыпались выстрелы. Потом по ту сторону села пронеслось на карьере несколько всадников. Пирсу показалось, что по серой лошади он узнал в одном из всадников Щуся. Он стал приглядываться, но всадники с подвязанными к седлам узлами умчались в степь, и лишь пыль вилась еще на дороге.

Махно остановился на сельской площади. Мужики и бабы сначала с опаской, а потом все смелее подступали к атаману, видя в нем своего избавителя.

— Ну что? Ну что? Говорите, кто вас тут обидел? — спрашивал лукавый атаман. — Не бойтесь, говорите, я батько Махно.

К нему подошел пожилой мужик в разорванной свитке.

— Як ты добра людина, то слухай... — заговорил он. — Ось воны тут, як скаженны, налитилы на все, що було у доме, — рассказывал мужик, утирая глаза. — Разбилы посуду, изрезалы перины, подушки, рассыпалы перья, а що им нравилось, забиралы у сумы...

— Дозвольте мне, батько, сказать, — заговорил мужик с подбитым глазом.

— Говори, — сказал Махно.

— Ось, бачите, — мужик показал на стоявшую рядом с ним дрожащую бабу,— поломали жинке пальцы: пытали, где гроши. Весь дом поразграбили. Над дочкóй надругались!.. Шо же це таке? А? Я вас пытаю?!

Услышав это, Махно сделал вид, что пришел в страшный гнев, распорядился догнать бандитов и отбить все уворованное. Назначив Левку Задова старшим, он приказал ему немедленно отправляться в погоню. Тачанки понеслись вскачь по пыльной дороге. Вскоре вдали чуть слышно застучали пулеметы. Видимо, там возник бой.

Махно в окружении свиты важно сидел на вынесенном ему кресле близ бывшего волостного правления. Селяне с почтительным любопытством посматривали на него, ждали, что будет дальше.

По всем признакам, «бой» затягивался. Это объяснялось тем обстоятельством, что Щусь никак не хотел возвращать Левке отобранную им у молодицы бриллиантовую брошь, видимо, выменянную ею в городе пуда за два белой муки.

— Отдай, такой-сякой, сейчас же отдай! — хрипел Левка, пытаясь схватить Щуся за горло.

— Не трожь! Не отдам!.. Чего ты ко мне привязал-

ся? — грубо возражал Щусь, уснащая свою речь чудовищной бранью.

Наконец Левка Задов пригрозил, что имеет приказ «батьки» в случае чего шлепнуть элемента на месте. Это подействовало. Щусь отдал брошь. На этом «сражение» кончилось. Щусь направился по ранее указанному ему маршруту, а Левка погрузил отобранную добычу в тачанки и повернул к селу. Там вскоре заметили его возвращение. Догадливый пономарь ударил в колокола. Бабы понесли на площадь ведра холодного молока, хлеб, мед и сметану.

Махно сам возвращал селянам все уворованное. Правда, кое-чего не хватило, но при общем ликовании это прошло почти незамеченным.

— О це батько! О це Махно! — говорил мужик с подбитым глазом. — Все наше майно отбил! О це добра людина!

Какие-то неряшливые, волосатые личности в мягких шляпах и золотых очках шныряли в толпе, рассказывая небылицы о «батькиных» подвигах.

Тачанка, в которой ехал Джек Пирс, остановилась на самом краю площадки, и ему не было видно, что происходит на том месте, где находился Махно. Когда же он предложил Артену пройтись поближе, тот неожиданно грубо предложил ему сидеть и не рыпаться. Это обстоятельство окончательно встревожило Пирса. А доносившиеся от станции гудки паровоза вселяли в него неприятную уверенность в том, что ему никогда уже больше не придется ездить по железной дороге.

Но тут из боковой улицы выбежал Афонька Кривой с таким видом, будто за ним гнался бешеный пес.

— Братишки! Рыжьё! * — крикнул он. — Цельный вагон!

Артена, Хайло и кучера словно ветром сдуло с тачанки.

Недолго думая, Джек Пирс последовал их примеру. Он вильнул в переулок и, пригнувшись, побежал в противоположную сторону...

7

Вихров лежал без сапог под навесом большого двора на охапке стружек, прикрытых попоной, и молча слушал

* Рыжьё — золото (жаргон).

Харламова, который, присев на снятый передок брички, рассказывал ему по его просьбе, как Буденный формировал первый партизанский отряд.

— Да, — сказал Вихров, выслушав казака, — правильно говорится, что смелость города берет. Двадцать человек разбили две сотни! Другой и не поверит... А Городовиков, он что, тоже из Платовской? *

— Нет. С Эльмуты, — ответил Харламов. — Хутор такой. Я его родину хорошо знаю. Он, Ока Иванович, свое похождение нам рассказывал, когда я еще в четвертой дивизии служил. Жизнь у него тоже несладкая была. Смолоду скот пас. Ну а как срок вышел, на службу пошел. Там его вскорости за лихость в учебную команду определили... Вы, товарищ командир, не видали, как он рубает? У нас во всей армии таких рубак нет, кроме Семена Михайловича... С винтовки на коне с полного намета на триста шагов без промаху бьет. Уж и ловок! А главное — смелый. В каком хочешь бою голову не теряет. Одного — туда, другого — сюда. Разом распорядится. Такой уж талант ему дан... А как его тяжело поранили, так он в госпиталь не пошел. На карачках ползал, а дивизией командовал.

Харламов помолчал, свернул папироску и, закурив, начал рассказывать о боях на Южном фронте.

Кроме них, под поветью находились старый трубач Климов и лекпом Кузьмич, преисполненный собственного достоинства, полный, важный человек с толстыми и красными до блеска щеками. Они служили вместе уже несколько лет, очень уважали друг друга, с подчеркнутой вежливостью величали один другого по имени и отчеству и были неизменно на «вы». Конечно, Кузьмич, как всякий уважающий себя лекпом, считал себя человеком науки и иногда принимал покровительственный тон в отношении Климова, но старый трубач, посмеиваясь в душе, никогда, даже в минуту ссоры — а это случалось, — не показывал виду, что не признает его превосходства. Для более полной характеристики Кузьмича необходимо добавить, что лекпом любил прихвастнуть, а кроме того, отличаясь медлительностью, весьма последовательно придерживался двух придуманных им самим правил: «Работа не волк — в лес не убежит» и «Не делай сам того, что можешь свалить на другого».

* Ныне станица Буденновская.

Харламов кончил рассказывать и, вынув иглу с ниткой из-за борта буденовки, начал прикреплять новый алый бант к гимнастерке.

— Товарищ Харламов, почему это нашего лекпома бойцы доктором называют? — поинтересовался Вихров, косясь на друзей, которые мирно беседовали, развалившись на сене.

Харламов усмехнулся.

— Очень уважает он это. Его салом не корми, а доктором называй... Я вначале не знал и по нечаянности его оконфузил. Раз захожу в лазарет, живот у меня болел, гляжу: сидит он с важным видом. Толстый, гладкий, с лица дюже красный. Стало быть, на самого генерала похожий. Руки на животе держит, строгость в глазах и прочее. А в уголке за столиком примостился такой маленький, чухлый человек; ну я, конечно дело, даже и подумать не мог, что этот человек и был сам доктор... Поглядел я на них и думаю: «Толстый не иначе, как доктор, а щупленький — санитар». Подхожу к Кузьмичу по всем правилам, каблучками щелкнул и рапортую: товарищ доктор, красноармеец такой-то, так, мол, и так. А ему ведь неловко, что я его при враче доктором обозвал. Он молчком так это бровью в сторону врача шевельнул и, не размыкая рук, большим пальцем на него указывает. «Ну, — думаю, — доктор важный, не хочет сам со мной заниматься — к санитару посылает». Подхожу до того, до маленького, и говорю: «К тебе послал». А он ко мне так это вежливо: снимите, мол, пожалуйста, товарищ, рубашку. И аккурат входит командир полка. Кузьмич наш как вскочит...

— Что это ты там врешь? — раздался вдруг басовитый голос лекпома.

— А я, товарищ доктор, за Таганрог рассказываю, — не сморгнув, сказал Харламов.

— Меня-то чего поминал? — приподнимаясь на локте и сердито сдвинув широкие брови, грозно спросил лекпом.

— Вот я и рассказываю, как вы ударили гранатой в самую гущу.

— А-а! Да, да... Это факт... Было дело такое, — успокоился Кузьмич, повертываясь к Климову и продолжая прерванную беседу.

Харламов нагнулся и носком сапога стал копаться в стружках.

— Эх, хозяевать не научились, — сказал он с неодобрением в голосе. — Видать, богато живут.

— А что там? — спросил Вихров.

— Глядите, товарищ командир, сколь гвоздья хорошего покинуто, — показал Харламов. — А нам оно еще, ох, как пригодится, как кончим войну.

Он нагнулся и стал собирать гвозди.

Во двор быстрыми шагами вошел Митька Лопатин с газетой в руках. Его скуластое лицо сияло.

— Товарищ командир, — обратился он к Вихрову, — вот газетку достал. Вот это да! Ну и шибко здорово пишут!.. Почитайте... Эй, товарищ доктор, Климов, послушайте!

Приятели прекратили беседу и подняли головы.

— Вот это самое место, — показывал Митька, присев на корточки подле Вихрова. — И на обратной стороне тоже есть.

Вихров кашлянул и начал читать:

— «Рабочие Франции, Польши и Англии открыто выступают против войны, затеянной польскими панами по наущению Антанты.

В городе Лодзи восстали рабочие военного завода. В Варшаве пехотная бригада отказалась выступить на фронт...»

— И вот еще, — показал Митька.

— «Грузчики французских и английских портов отказались грузить оружие для отправки пилсудчикам», — прочел Вихров.

— Ура! — закричал Митька, вскочив и приплясывая. — Вот, братцы, как! За нас весь мировой трудящийся класс!

— Ну держись теперь, Антанта! — сказал Харламов.

— Товарищ командир, как это называется? Слово такое чудное? — спросил Митька.

— Какое слово?

— Ну, чтоб выразить, что все трудящиеся с нами.

— Солидарность?

— Во-во, солидарность! Я на митинге это слово слыхал, но вначале не понял, что оно обозначает, — говорил Митька, в то время как Кузьмич, достав записную книжку, что-то записывал. Он любил «умные» словечки, но часто употреблял их не к месту.

— Кого-то ведут, — сказал Харламов, глядя на открытые ворота: оттуда двое красноармейцев вели под руки товарища с залитым кровью лицом. — Да это Гришин, — узнал он бойца, — что с ним?

— Товарищ доктор, принимай раненого, — сказал красноармеец в буденовке. — Хотели вот к врачу вести, да далеко.

— А что, разве я хуже врача понимаю? — недовольно буркнул Кузьмич, раскрывая медицинскую сумку и доставая из нее йод и бинт. — А ну, показывай, что у тебя, — сказал он Гришину, который опустился подле него. — Это кто же тебя так? — спросил он, увидев рваную рану над глазом.

— Конь.

— Так... Ударил, значит. Ну, это для меня плевое дело. Факт!.. И между прочим, у тебя пустяки...

— Как сказать, товарищ доктор. Пустяки! Немного повыше — и голову бы оторвал, — сказал боец в буденовке.

— Ну и что ж! Починили бы и голову, — заговорил Кузьмич, обильно смазывая рану йодом. — Ничего это нам особенного не представляет... Не крутись, сиди спокойно. В лучшем виде приставили бы. Да что говорить, в германскую войну одному командиру полка голову оторвало — я пришивал. Так он потом бригадой командовал.

Вихров усмехнулся. Митька фыркнул в кулак.

— Нет, уж это, товарищ доктор, я извиняюсь, — сказал Харламов.

— А что? Да нет, я и не говорю, что ее навовсе оторвало, — чувствуя, что перехватил, поправился Кузьмич. — На главной жиле держалась. Вот я, значит, ее и того...

— Пришили?

— Факт.

— Да, бывает...

Во двор вбежал Крутуха.

— Товарищ командир, — сказал он, приметив Вихрова, — вас до комэска. Срочно требуют.

— А что там, не знаешь? — спросил Вихров, берясь за сапоги.

— Какие-сь бумаги со штабу прислали.

Вихров быстро оделся и вместе с Крутухой вышел на улицу.

Когда Вихров вошел в небольшой обсаженный тополями двор, куда привел его Крутуха, Иван Ильич, Леонов и Ильвачев лежали на бурке в тени кустов цветущей сирени и тихо беседовали.

Солнечные лучи, пробиваясь сквозь листья, мелким зо-

лотистым узором рассыпались по затененной деревьями и кустами траве. Остальная часть двора была залита ярким светом, и только под поветью, где лениво жевали сено Мишка и рыженький конек Крутухи, стояла прохлада.

В глубине двора, у колодца с журавлем, дымил ведерный самовар с надетой на него железной трубой.

Услышав шаги, Иван Ильич поднял голову и увидел Вихрова.

— Проходи. Садись, — он показал на вкопанную в землю скамейку у круглого садового стола. — Мы сейчас кончим....

Вихров присел на скамейку и стал смотреть на Крутуху, который, сняв сапог, раздувал голенищем самовар. Вихров уже имел случай убедиться в том, что командир эскадрона любил попить чайку и возил в тачанке собственный самовар, которым Крутуха очень гордился, так как самовар был один на весь полк, и даже сам Поткин в свободную минуту заходил к ним посидеть за стаканчиком чаю.

— Вихров! — позвал Ладыгин. — Иди садись ближе... Ну, рассказывай, как во взводе дела? — спросил он, когда Вихров присел подле него.

— Все как будто в порядке, Иван Ильич. Только вот Лопатину нехорошее письмо из дому прислали.

— Что такое?

— В семье у него неладно. Надо будет написать местным властям... Я напишу.

— Ты ему обещал?

— Что?

— Письмо написать.

— Обещал.

— Добре. Только смотри сделай. Мой дед говаривал так: «Лучше сделать не обещав, чем, обещав, не сделать». А я бы добавил: никогда не обещай, если не уверен, что исполнишь.

— Да у меня пока случая не было, — сказал, краснея, Вихров.

— А я ничего не говорю. Только предупреждаю.

— А что ему пишут? — спросил Ильвачев.

— Брат пишет маленький. Да вот я покажу. — Вихров достал из кармана письмо и подал его Ильвачеву.

— Очки, — сказал Ильвачев, — где мои очки?.. А, черт, вот они.

Поискав в карманах, он вытащил за оглобельку очки и надел их на свой острый нос.

— А ведь действительно безобразие во всех отношениях, — сказал он, прочитав письмо и возвращая его Вихрову. — Мальчишка сидит голодный, отец и мать убиты. Иван Ильич, — он повернулся к Ладыгину, — а мы ничем не сможем помочь?

Ладыгин в раздумье пожал плечами.

— Прямо ума не приложу, — сказал он, помолчав. — Разве что денег собрать? Да нет, на них сейчас ничего не купишь.

— А помочь надо. Лопатин — боец очень хороший, — заметил Леонов.

— Замечательный боец, — подхватил Вихров. — Его надо на курсы послать. И, главное, учиться хочет... Выпросил, понимаете, у меня строевой устав и почти весь переписал в тетрадку.

— Войну кончим — пошлем обязательно, — согласился Ладыгин. — А сейчас надо подумать, что мы сможем сделать для него в наших условиях.

— Тогда вот что: я поговорю с Ушаковым, — предложил Ильвачев.

Он поднялся с бурки и привычным движением поправил ремень.

— Ты что, уже пошел? — удивился Ладыгин.

— Не люблю откладывать. А потом у меня еще есть дела к комиссару.

— Добре... Ну, смотри возвращайся скорее.

Ильвачев пошел со двора.

— Мне разрешите идти, товарищ командир эскадрона? — спросил Вихров.

— Сиди. Чай будем пить... Да поимей в виду: в три часа эскадронное собрание. У тебя взвод в сборе?

— Всегда в сборе, товарищ командир.

— Ну, смотри... А, твой приятель идет, — сказал Ладыгин.

Вихров оглянулся (он сидел спиной к калитке) и увидел Дерпу.

Дерпа остановился поодаль, отчетливо козырнул командиру эскадрона и с нерешительным видом покосился на Вихрова.

— Проходи, Дерпа, — приветливо сказал Иван Ильич, с видимым удовольствием оглядывая мощную фигуру молодого командира. — Проходи и садись.

— Я к тебе по делу, братко, — заговорил Дерпа, присаживаясь на бурку и обращаясь к Вихрову. — Никак себе подходящего коня не подберу. Взял одного, а он посередь дороги лег. Сегодня весь полк обошел. Есть, конечно, кони хорошие, но по росту мне никак не подходят. А вот у вас в эскадроне я одного приглядел. Вороной жеребец. Здоровый. Шесть вершков. Один пушку потянет. Он у вас в обозе ходит. Знаешь небось? Ну вот. Злой, гадюка, но ничего, я бы его обломал. Ты поговори со своим командиром, братко. Может, сменяемся, а? Я придачи сапоги новые дам.

— Вряд ли он придачи возьмет, — сказал Вихров, с улыбкой посматривая на Дерпу и любуясь его простотой.

— О чем толкуете? — прислушиваясь к их голосам, спросил Ладыгин.

Вихров в двух словах объяснил ему просьбу Дерпы, упомянув и о придаче.

— Ну что же мне с тобой делать? — сказал Иван Ильич, глядя на Дерпу. Глаза его смеялись. — Добре, отдам тебе вороного. Хотя мне самому в обозе хорошие кони нужны. Ты все же на смену подходящего приведи. Ну а сапоги носи себе на здоровье.

— Вот спасибо, так уж спасибо! — заблагодарил Дерпа. — А то хоть пеший ходи.

— Крутуха! — позвал Ладыгин. — Как у тебя самовар?

— Поспел, товарищ комэск.

— Тащи.

Крутуха поставил на стол кипящий самовар, потом проворно сходил в хату и возвратился с двумя табуретками.

— Консервы открой, — сказал Ладыгин.

Ординарец принес деревянный кованый сундучок, достал из него чайник, чашки и хлеб.

— А консервы что же? — спросил Иван Ильич.

— Немае консервов, — мрачно сказал Крутуха. — Все съели.

— Так ведь пять банок было.

— Четыре, — поправил Крутуха. — Да и банки-то вить манюсенькие. Даром, что не наши.

— Э, да что с тобой толковать! — махнул рукой Ладыгин. — Садитесь, товарищи! Крутуха, садись!

Он подвинул себе табуретку, присел против самовара и стал заваривать чай.

Дерпа взял другую табуретку, с сомнением ее оглядел и, осторожно поставив на прежнее место, сел на скамейку рядом с Вихровым.

Они молча выпили по чашке и налили по второй. Держа блюдечко на растопыренных пальцах и прижмуриваясь, как кот, при каждом глотке, Иван Ильич шумно прихлебывал чай.

Внезапно на улице послышался конский топот. Стук копыт замер неподалеку, и чей-то знакомый сиповатый голос кого-то спросил:

— Эй, сынки! Где стоит ваш командир эскадрона?

— А вот в энтой хате, папаша, — ответил ему молодой голос.

Вновь и уже ближе застучали копыта. Над палисадником показалось морщинистое лицо Захарова.

— Товарищ комэск! — позвал он, приметив за столом Ладыгина. — Комполка приказал прислать к нему командира Вихрова.

— Хорошо. Доложи, что сейчас будет.

— Так вы поспешайте. Он срочно требует.

Захаров повернул лошадь и тронул рысью по улице.

Вихров застал Поткина в штабе. Здесь же находился и Ушаков, который, видимо, только что отчитал за что-то командира эскадрона Карпенко, потому что тот с красным и потным лицом, покручивая черные усы, говорил:

— Так, товарищ комиссар, чем же я виноватый, что покрали курей? Может, это и не мои ребята. Разве мало вокруг ходит народу!

— А почему у Ладыгина никаких происшествий нет? Вечно у тебя неприятности.

— Видать, уж у меня планида такая, — мрачно вздохнул Карпенко.

— Смотри, чтобы эта «планида» тебе боком не вышла! — сердито заметил Ушаков. Он повернулся к командиру полка: — Тебе Карпенко больше не нужен?

— Нет, может идти, — сказал Поткин, нахмурившись.

Карпенко с невеселым лицом пошел из штаба, ворча что-то о чертовых барахольщиках.

— Ну, дружок, — посветлев, обратился Поткин к Вихрову. — Ты, говорят, во взводе порядок навел. Хвалю... Командир эскадрона тобой очень доволен. Смотри только

рук не опускай, раз крепко взялся... А теперь я тебя на другом деле хочу испытать. Пойдешь сегодня в разведку... Да, а кто у тебя помощником?

— Сачков.

— Знаю. Орловский?

— Так точно.

— Ну, это хорошо. Он опытный солдат... Карта у тебя есть?

— Есть, товарищ компoлка.

— Давай разверни.

Вихров достал из сумки карту, развернул ее и приготовился слушать командира полка.

Поткин указал на карте задачу разъезда и пояснил, что, по его мнению, возможна встреча с бандой Махно. Потом он посоветовал Вихрову дать бойцам отдохнуть, так как им предстояло действовать ночью, и, пожелав удачи, отпустил его.

8

Прошло несколько дней с тех пор, как Махно послал делегацию навстречу буденновцам, а о ней не было ни слуху ни духу. Однако Махно хотя и грыз ногти, но не терял еще надежды на благоприятный исход переговоров и теперь, перейдя основными силами под Павлоград, ждал возвращения Щуся.

Все же по совету Волина, убедившего его в том, что Конная армия является реальной силой, с которой ему нужно считаться, Махно решил исподволь приступить к осуществлению своего коварного замысла: попытаться разложить Конную армию, заслав туда своих агентов.

Махно и Левка Задов сидели за столом в небольшой комнате («батько» не любил больших зданий, которые напоминали ему тюрьму) и обсуждали кандидатуры своих «молодцов», годных для этой опасной работы. Уже было отобрано десятка два человек, которые под видом добровольцев должны были вступить в полки Конной армии.

Махно находился сегодня в хорошем расположении духа, что бывало с ним очень редко, и с несвойственной ему ласковостью беседовал с Левкой. Собственно, хорошему настроению послужила бутылка французского коньяка и главным образом принесенная Левкой большая банка иностранных консервов. Махно долго вертел банку в ру-

ках, с трудом разобрал лишь одно слово «деликатес», попробовал и остался доволен.

— Ну что ж, хорошо, — говорил он, просматривая составленный список и большой ложкой поедая консервы. — Ребята подобрались, лучше не надо. А теперь, друг, подыщи-ка мне несколько человечков, кумекающих по хозяйственной части. Ну-ка, подумай, дружок, нет ли у тебя кого на примете.

Левка Задов в раздумье потер низенький лоб.

— Один уже есть, Нестор Иванович, — весело объявил он, пытаясь изобразить улыбку на своем страшном лице. — Вот он, рядом ходит.

— Кто такой?

— Гуро.

— Гуро?

— Да. Интендантским чиновником служил. Хозяйство, как бог, знает, шельма.

— А сможет он взять на себя такую работу? — усомнился Махно.

— Сможет, — успокоил Левка, — редких способностей человек. Пробу негде ставить. В Ново-Украинке один семнадцать душ вырезал... Да неужели, Нестор Иванович, ты не помнишь его? У Шлезберга, золотых дел мастера, полтора фунта золота добыл. Он еще подпаливал его, как кабана. Потом у Каца, в Глубоком, бриллиантовое колье и два ожерелья. Помнишь небось?

— Да, да... что-то припоминаю, — не глядя на него, сказал Махно.

— Так позвать его?

— Зови.

Левка Задов встал с лавки, подошел к окну и, высунувшись на улицу, крикнул:

— Эй, братишки! Позовите Гуро. Живо! Батько требует.

Спустя некоторое время в сенцах послышались торопливые шаги, в дверь постучали, и в комнату вошел высокий, сухой как жердь человек с толстым носом и впалыми щеками на бородатом лице.

Махно критически его оглядел и вдруг усмехнулся.

— Это ты Гуро? — спросил он.

— Я, Нестор Иванович.

— Ты, говорят, в интендантстве служил?

— Без малого десять лет, Нестор Иванович.

— Ого! Много... Что ж у тебя, дружок, видик такой?

— Какой?
— Уж больно ты тощий. Прямо кощей.
— От хорошей жизни, Нестор Иванович.
— А разве тебе плохо живется? — удивился Махно.
— Да нет, сейчас хорошо. Я ведь в Бутырках сидел, а потом год без дела болтался.
— Та-ак... С большевиками, видать, не поладил?
У Гуро недобрым блеском сверкнули глаза. Он молча пожал плечами.
— Пойдешь к ним работать? — спросил Махно, пытливо глядя на Гуро. — Только сначала подумай, дружок. На опасное дело идешь.
Наступило молчание.
— А что делать? — спросил Гуро, помолчав.
— По хозяйственной части.
— Пойду, Нестор Иванович, — сказал Гуро, решительно кивнув головой.
— Ну, смотри... Левка, у тебя есть для него подходящие документы?
— Шо? Документы? А как же, Нестор Иванович! — сказал Левка Задов с таким видом, словно обиделся на «батьку» за то, что тот мог усомниться в этом.
Левка поднялся, прошел в угол, где на лавке стоял открытый чемодан, покопался в нем и возвратился, держа в руках документы.
— Товарищ начальник, — сказал он со зловещей ухмылкой, обращаясь к Гуро, — получите обратно ваши доку́менты. Вот удостоверение личности, а вот, обратите внимание, ваш партийный билет. Чистая работа! Был Гобар — стал Гобаренко... Ну, садись, милый, я тебе предписание изображу.
Левка Задов прошел к другому столу, между окнами, где стояла пишущая машинка, присел за нее и, постукивая пальцем, защелкал:
«...4 мая 1920 года... При сем командируется товарищ Гобаренко, мобилизованный по партлинии. Секретарь парткома...»
Левка вынул бланк из машинки, подмахнул подпись лихой закорючкой и захохотал, словно залаял:
— Секретарь парткома — подпись неразборчива. Точка! Ах, да! — спохватился он. — Чуть не забыл!
Он снова сходил к чемодану и возвратился с тонкой книжкой в руках.

— На-ка вот партийный устав, — он подал книжку Гуро. — Вызубри наизусть, иначе, милый, засыплешься. Да смотри, бороду сбрей, а то по морде ты очень приметный.

Махно молча наблюдал всю эту сцену.

— Ну, все понятно? — спросил он Гуро

— Понятно, Нестор Иванович.

— Ступай сейчас к Волину. Скажешь, куда я тебя посылаю. Он с тобой поговорит кое о чем. И денег даст. Ночью выедешь. И только. Ступай!.. Да, постой! Ты по-иностранному понимаешь?

— Немного могу.

— На-ка вот, прочти, никак не пойму, что тут написано.

Гуро взял наполовину опорожненную консервную банку и бегло оглядел ее.

— А где вы их взяли? — спросил он, поставив консервы на стол.

— Да вот Левка где-то достал. — Махно перевел настороженный взгляд на контрразведчика, чувствуя по выражению глаз Гуро что-то неладное.

— А ты знаешь, какие это консервы? — спросил Гуро палача.

— Как не знать! — Левка нагло посмотрел на него, но на всякий случай тут же оглянулся на приоткрытую дверь. — Консервы — первый сорт. Хлопцы с Одессы привезли. От французов остались. Во всем мире нет лучше консервов. Самые жельмены едят. Одним словом, курячьи.

— Курячьи? — Гуро усмехнулся. — Нет, брат, не курячьи, а лягушачьи!

— Что?! — Махно побледнел и выхватил маузер. — Так вот ты чем, подлец, меня накормил?!. А ну, становись!

Левка вскочил и закрылся руками. Но тут Махно издал сдавленный вопль, схватился за горло и, уронив лавку, выбежал вон.

Левка растерянно огляделся. В его маленьких глазках появилось выражение ужаса, челюсть отвисла.

— Ты вот что, брат, уходи, пока цел, — посоветовал Гуро. — Как бы он действительно тебя в расход не пустил... Слышишь, как его выворачивает? Ну, пошли! Пусть немного остынет.

— Нет, в двери я не пойду, — возразил Левка.

Он схватил со стола консервную банку и, кряхтя, вылез толстым задом в окно.

Гуро покачал головой, усмехнулся и вышел из комнаты.

Покачиваясь в седле, Вихров ехал впереди разъезда рядом с Сачковым. Тучи еще с вечера затянули небо черной завесой. Кругом лежал непроницаемый мрак, и только в стороне горизонта, где оставалась узкая длинная полоса неясного света, темнел курган с каменной бабой. Вокруг было так тихо, словно сама степь чутко прислушивалась к шорохам ночи. Лишь изредка раздавался тревожный вскрик ночной птицы да в высокой траве трещали кузнечики.

За последнее время Сачков резко изменил то неприязненное отношение к Вихрову, с каким встретил его в день прибытия в полк. Молодой командир не был заносчив, не бросался словами и требовательность по службе умело сочетал с заботой о бойцах. Поэтому у Сачкова, рассудительного от природы человека, на смену неприязни к Вихрову пришло то чувство доброжелательства, которым обладают некоторые старые солдаты, любящие исподволь опекать и наставлять молодежь. Сачков был больше чем в два раза старше Вихрова, имел большой опыт и теперь всегда старался помочь ему хорошим советом. Так и на этот раз: рассчитывая на внезапную встречу с махновцами, Сачков предложил обмотать тряпками копыта лошадей, идущих в дозоре. Вихров подумал, нашел совет стоящим и распорядился. Дозор под командой Харламова, ехавший от разъезда в сотне шагов впереди, двигался почти бесшумно.

Прошла уже бо́льшая половина ночи, а в степи все оставалось спокойно. Как вдруг Сачков насторожился и, вытянув шею, прислушался.

— Слышите? — прошептал он, обращаясь к Вихрову. — Едут!

Но Вихров, и ехавший позади него Леонов, и все остальные бойцы уже слышали в той стороне, где мелькали черные тени дозорных, катившийся по земле и все приближающийся конский топот.

Вихров остановил лошадь. Задние сразу надвинулись. Резче запахло конским по́том.

Топот впереди оборвался. Все стихло. В темноте гром-

ко фыркнула лошадь. Вихров вглядывался вперед, но там ничего не было видно.

Из темноты загремели голоса:

— Стой, кто едет?

— А вы кто?

И вновь все замерло и притаилось.

Внезапно частой дробью загрохотали копыта, блеснул огонек выстрела, и раздался крик. При вспышке выстрела Вихров успел заметить, как несколько всадников, рассыпаясь веером, шарахнулись в степь.

— А ведь это махновцы! — сказал Вихров.

— Ясное дело, — подхватил Сачков. — Тш-ш! Слушайте!

Из мрака донесся унылый, как волчий вой, голос:

— Буденновцы... Эй, слушайте, братишки! Переходите до батьки Махно... У нас денег много... Переходите до нас...

— Давай атаку, командир! — сказал хрипло Леонов.

Вихров рванул револьвер из кобуры и поднял лошадь с места в галоп. Слыша за собой стук копыт резво идущего взвода, он направил лошадь в ту сторону, откуда доносились крики.

Во тьме зарницами рассыпались выстрелы, раздался лязг клинков, послышались крики и стоны. При вспышках огня Вихров увидел, как Митька Лопатин прожег из обреза в упор махновца в шапке со шлыком. Под Мишей Казачком упала лошадь, придавив ему ногу. Махновец в тельняшке, нагнувшись, ловчился достать его шашкой. Вихров кинулся на помощь бойцу, но тут на его голову обрушился страшный удар. Он зашатался в седле и упал. Уже теряя сознание, он услышал, как хриплый голос крикнул над ним: «Братва! Стой! Не бей! Мы делегация от батьки Махно...»

Потом чьи-то руки потащили с него сапоги.

9

Над селом лежала светлая ночь. Небольшие белые хатки под соломенной крышей, кудрявые сады и уходившая в степь дорога купались в мягких волнах лунного света. В высоком небе с тихо мерцавшими звездами не было видно ни облачка, и лишь на востоке, откуда ползла тяже-

лая туча, поблескивала молния и доносилось глухое ворчанье грома.

В селе давно погасли огни. Лишь сквозь открытые окна большого дома близ церкви лился яркий свет, гремела музыка и слышался топот множества ног.

Афонька Кривой, назначенный с двумя пулеметчиками сторожить «батькин» штаб, сидел в тени густого кустарника и, склонив голову набок, прислушивался к доносившимся до него звукам.

— Лафа этому батьке, язви его в бок: почти каждый день свадьбу справляет! — со злостью сказал из темноты чей-то голос.

Афонька повернулся на голос. Лицо говорившего терялось во мраке, были видны только горевшие зеленоватым блеском глаза.

— На то он и батько, — заметил Афонька.

— А чем я хуже твоего батьки? — с досадой сказал тот же голос.

— Эва хватил! Не хвались волком, коли хвост собачий.

— Это у кого хвост собачий?

— У тебя.

— Ты гляди, паразит, как бы я тебе другой глаз не подбил.

— Подбил такой! — Афонька презрительно сплюнул.

— Ты не задавайся, гад кривой, а не то так стукну по башке, что сразу в ящик сыграешь.

— А ну, вдарь! — с надрывом в голосе сказал Афонька.

— И вдарю! — в тон ему ответил первый.

— А ну тебя, Петька в самом деле. Экая ты смола! — сказал другой голос. — Вы лучше скажите, братва, куда батько гуляй-польскую девку девал?

— А у тебя, Хайло, зуб горит на нее? — спросил Петька.

— Нет. Я просто так интересуюсь.

— Пулеметчикам подарил.

— Та-ак... А эта, новенькая, хороша?

— Не знаю. Не видел.

— Я бачил ее, — важно сказал Афонька. — Во всем мире не сыщешь красивше. Глаза синие-синие, волос светлый, а коса — во! — показал он, трогая себя за каблук.

— Ишь, чертов батько! Какой девчонкой попользуется! — сказал махновец, которого звали Хайло. — Где же он такую достал?

— Городская. Гуро с хлопцами привез, — пояснил Афонька.

— Добровольно приехала?

— Пожалуй, такая добровольно приедет! — усмехнулся Афонька. — Я зашел в хату, как ее привезли. Гляжу: на лавке сидит, глаза вниз, брови нахмуренные, а лицо белое-белое.

— Молодая?

— На вид лет шешнадцать.

— Я с этаким делом несогласный — девок портить, — сказал Петька. — Ну, я понимаю, по доброй воле которая...

Они замолчали.

В наступившей тишине тихо стукнула дверь, открыв яркий просвет, на фоне которого возник черный силуэт большого, толстого человека с непомерно маленькой головой. Человек хлопнул дверью, сошел с крыльца и, сильно пошатываясь, направился к кустам.

— Ктой-то вышел, братишки? — спросил Петька.

— Эва! Жабу не узнал, — сказал Афонька.

Палач остановился в нескольких шагах от них, посмотрел на луну и, опустив голову, фальшиво пропел хриплым голосом:

Ах вы, косы,
Да косы русые...

Икнув, он попробовал было снова запеть, но вдруг так страшно закашлялся со свистом и всхлипываниями, словно его выворачивало наизнанку.

— А чтоб тебя разорвало! — тихо сказал Петька. — Чисто верблюд.

Сопя, отхаркиваясь и сквернословя, Левка Задов поднялся на крыльцо и скрылся в доме.

Внезапно неподалеку вспыхнула молния. И совсем близко, словно с затаенной угрозой, пророкотал гром.

— Братишки, как бы грозы не было, — сказал Петька. — Смотри, какая туча с востока идет!

— Туча-то — хрен с ней, только б не Буденный, — мрачно заметил Хайло.

— А что, слушок есть? — настораживаясь и подвигаясь к нему, спросил Афонька Кривой.

— Не слушок, а факт. Щусь с хлопцами куда поехал?

— А черт его знает.

— То-то, что не знаешь. Буденный с армией сюда идет.

— Ну?

— Вот те и гну!

— Что ж, братишки, раз дело такое, то надо, пока не поздно, когти рвать, сматываться. А ну его и с батькой совсем! — объявил Петька.

— Да, может, еще обойдется, — успокоил Хайло. — Батько, слышь, письмо ему послал. Мир предлагает.

Афонька пощелкал языком и с опаской покачал головой:

— Хорошо, если б так. Ну и ну...

Они помолчали.

— Гляди, никак наши гуляки расходятся? — сказал задремавший было Петька.

По крыльцу спускались — кто в обнимку с приятелем, кто сам по себе — «батькины» гости. Загребая ногами по пыльной дороге, они с шумными разговорами и пьяным смехом расходились в разные стороны.

В доме гасли огни.

— Видать, батько их выгнал, а то ведь так гуляют всю ночь, — проговорил Афонька, потягиваясь и зевая. — Братва, у меня есть предложение: давай спать по очереди.

Не ожидая согласия остальных, он поправил висевшие на поясе гранаты, прилег под кустом и сразу же поднял голову и прислушался. Из дома доносились приглушенные расстоянием и стенами крики. Афонька привстал. В эту минуту крайнее окно с шумом раскрылось, в нем мелькнуло что-то похожее на белое облачко и стремительно понеслось через дорогу к черневшей вблизи роще. Вслед за ним погнались две тени.

— Держи!.. Бей!.. Лови-и-и! — закричали из окна.

Во тьме блеснул огонек. Над селом прокатился выстрел.

Афонька вскочил, побежал через дорогу наперерез белому облачку, но запнулся за куст и упал. Мимо него, тяжело дыша и ругаясь, пробежал Левка Задов.

Когда Афонька, чертыхаясь, поднялся, то белого облачка впереди уже не было, а на том месте мелькали какие-то тени и слышался отчаянный крик: «Помогите!..»

Он подбежал.

Два махновца — в одном он узнал Гуро, другой был Довженко, начальник «батькиной» кавалерии, — высоко

взмахивая плетью, секли стоявшую на коленях и простиравшую к ним руки девушку. Она, крича, хваталась за плети. По рукам ее стекала кровь.

— Ишь, сука! На батьку с ножом кинулась! — кричал Левка Задов. — Довженко, сруби ей башку. Я батьке снесу.

Довженко ступил шаг назад, бросил плеть и рванул шашку из ножен. Лунный свет тускло сверкнул на клинке.

— Постой! — Гуро схватил его за руку. — Давай сначала косу отрежь. Больно уж хороша. Может, еще на что пригодится... Ну вот! А теперь руби, — говорил он, свертывая отрезанную косу в кружок.

— Братва, батько идет! — сказал из темноты чей-то голос.

Довженко оглянулся.

Махно шел без пиджака, в одной нижней рубашке. Левая его рука мертво висела в разорванном окровавленном рукаве. Он молча подошел, оглядел всех блуждающими глазами, потом нагнулся и ткнул ногой лежавшую без движения девушку.

— Не рубите, — сказал он, помолчав. — Завтра мы ее живьем в землю зароем.

Сильный порыв ветра пронесся над рощей. Забились и зашумели деревья. По дороге взвихрилась пыль. Ярко сверкнула молния.

Махно вскинул руку над головой — он боялся грозы — и, пригнувшись, побежал к дому...

Ночное небо светлело. На горизонте алой полосой загоралась заря. Над камышами, у реки, поднимался туман. Было то время, когда перед торжественным рождением нового дня в степи замирают все шумы и шорохи.

Но вот солнечный луч позолотил низко стоявшее облачко, и в прозрачной тишине утра запели и зачиликали птицы. Коршун взметнулся над одинокой овчарней, сделал круг и высоко поплыл в голубеющем небе. Подул тихий ветер. Потянуло свежестью от скрытой туманом реки.

Степь просыпалась. И как раз в ту минуту, когда восток заполыхал золотисто-алым сиянием, далеко на горизонте показалась черная, все увеличивающаяся точка.

Оставляя примятую полоску в буйно разросшейся высокой траве, по степи проскакал всадник.

Когда, минуя глубокую балку, он стал спускаться по пологому склону к заросшей густым камышом небольшой речке, далеко позади, на высоком кургане, появились черные силуэты двух конных. Один из них поднял лежавшую поперек седла винтовку, прицелился, и в ту же минуту в свежем утреннем воздухе словно хлопнул бич пастуха. Беглец помчался быстрее, подскакал к крутому обрыву и, не задерживаясь, вместе с лошадью бухнулся в воду.

Дикие утки взвились над камышами, широко распустив длинные, узкие крылья, — «вих! вих! вих!» — ушли в прозрачную вышину.

Рассекая грудью багряную поверхность реки, оскалив зубы и шумно дыша, лошадь боролась с быстрым течением Всадник соскользнул в воду и плыл, держась рукой за гриву. Около берега он вновь сел в седло, шагом выехал на заросший бурьяном высокий курган, остановился и оглянулся назад. На горизонте, на фоне широкого красного солнца, продолжали чернеть силуэты двух конных. Всадник потянул было из-за спины карабин, потом раздумал, тронул лошадь и поскакал вдоль реки, мимо покинутой хатки с разметанной крышей. Обогнув покосившийся камышовый плетень, он выехал на дорогу и, приметив вдали белевшую колокольню большого села, снова пустился в галоп.

— Братва! Эй, братва, просыпайся! — будил Афонька Петьку и Хайло. — Гляди, конный бежит... Эва! Да это же Щусь... Один! Видать, что-то случилось! Тихо! Кричит что-то...

Теперь был отчетливо слышен частый, в два темпа, стук копыт быстро скачущей лошади и голос Щуся, который, махая рукой, кричал:

— Полундра!.. Полундра!..

В селе начиналось движение. Хлопали окна и калитки дворов. На улицу высовывались сонные лица.

Афонька, Петька и Хайло выбежали на дорогу.

— Где батько? — крикнул Щусь, наезжая на них грудью лошади, которая, мотая головой, быстро водила худыми боками.

— А вот в хате, — показал Петька.

Щусь спешился, сказал: «Возьмите коня», — и, кинув поводья Афоньке, взбежал на крыльцо.

Махно спал, положив голову на уставленный пустыми бутылками стол. Против него, уткнувшись лицом в тарелку с капустой, храпел Левка Задов. Тут же на полу и на лавках спали вповалку какие-то люди.

— Батько! — Щусь тронул Махно за плечо. — Батько, проснись! Спит, сучий сын!.. Батько! Нестор Иванович! Беда!.. Ах, чтоб тебя! — Щусь вцепился в плечи Махно и завыл во весь голос: — Батько! Батько! Вставай!

— А? — Махно поднял голову. — Кто такой? Что случилось?

— Буденный!

Махно вскочил, покачнулся, но успел ухватиться за стол.

— Что? Где Буденный?

— Да вот он. Верст пять не будет!

— А делегация?

— Порубили, один я утек.

Махно в бессильной злобе скрипнул зубами и бросил по сторонам растерянный взгляд.

Щусь вновь подступился к нему и, стуча в грудь кулаком, с надрывом сказал:

— Батько! Нестор Иванович! Давай команду! Они ж сюда идут... Эх, ни за нюх пропадем!

Махно подбежал к кадушке с водой, зачерпнул полный ковш и жадно выпил.

— Вставай!.. — диким голосом заревел он, подбегая к спящим и шпыняя их ногами. — Вставай, сволочь!.. Проспали Буденного!

Спавшие поднимались и, протирая руками опухшие рожи, ошалелыми глазами смотрели на «батьку».

— Чего ж вы стоите как истуканы? — крикнул Махно. — Оська! — позвал он ординарца. — Поднимай хлопцев, запрягай тачанки... Ты, лохматый... как тебя там?:: беги до Зозули, поднимай батарею... Довженко, готовь кавалерию. Высылай на дорогу сильный разъезд... А где Гуро?

— Гуро в штабе спит, — торопливо сказал чей-то голос.

— Ну, тогда ты, — Махно ткнул пальцем в носатого верзилу в шапке со шлыком. — Добеги до Волина, он стоит у попа, передай: Буденный идет!

Все опрометью кинулись прочь. В комнате, кроме Махно, остались Левка и Щусь.

— Левка, собирай чемоданы, — распорядился Махно. — А ты, — крикнул он Щусю, — со мной!

Он схватил со стенки бинокль и поспешно вышел на улицу.

С колокольни открывался вид на волнистую степь. Вдали, на линии синевшего горизонта, в туманной дымке сверкали золотые купола Павлограда. Чуть ближе блестела река, пропадавшая среди зеленых холмов.

В пустынной степи не было заметно никакого движения.

— Ну и где ж твой Буденный? — зло спросил Махно, опуская бинокль и повертываясь к Щусю серым после бессонной ночи лицом. — Эх вы, помощнички!

— Да здесь они, Нестор Иванович! Гнались — было полу у шинеля оторвали. Еле ушел.

— Ладно, потом будешь оправдываться. Рассказывай, как было дело.

— Все как есть говорить?

— Давай не тяни.

— Так вот, Нестор Иванович... Как, значит, поехали мы и встретились за Павлоградом с разъездом буденновской армии. Они на нас в шашки, а мы шумим: делегация, мол. Все же нескольких у нас порубали. Потом приводят нас до начдива. Осанистый, ростом большой. Фамилия ему Тимошенко... Ну, значит, я честь по чести все ему объяснил: так, мол, и так, батько Махно мир предлагает. Чтобы, значит, буденновцы наших не трогали, и мы тоже с ними драться не будем.

А Тимошенко брови насупил и говорит: «Мы — Конная армия, бойцы революции, и не будем с вами, бандитами, цацкаться. Мы, — говорит, — с польскими панами смертным боем биться идем, а вы нам нож в спину вонзаете». Рассердился, нет спасу! «Если, — говорит, — ваш батько немедленно оружие положит, тогда мы посмотрим — может, кого из ваших и возьмем, чтоб в боях вину свою искупили». Ну, я тут тоже начал серчать. «Батько наш, — говорю, — не разбойник, а командующий армией и сможет за себя постоять...»

— Ну-ну?

— Нехорошие слова, Нестор Иванович, боюсь говорить.

— Говори!

Щусь бросил косой взгляд на Махно и продолжал:

— «Передай, — говорит, — вашему батьке, что если он не положит оружие и не явится лично с повинной, то я его, рассукинова сына, поймаю и за это самое место повешу». Тут, значит, я не стерпел и схватился за шашку. Потом сиганул на коня и насилу ушел. Остальных порубили...

— Как? Что? Повесит?! — Махно задохнулся и скрипнул зубами. На его впалых щеках загорелись красные пятна. — Повесит?! Нет! Сам всех перевешаю. — Он постучал по узкой груди кулаком. — Я еще покажу им, кто такой Махно!

— Батько! — тревожно окликнул Щусь. — Батько, смотри!

Но Махно уже сам что-то увидел. Заслонясь ладонью от ярко светившего солнца, он смотрел вдаль, туда, где заметил движение. И точно, на вершине кургана появился конный разъезд. От него отделились два всадника и поскакали по балке.

На горизонте клубилась золотистая пыль. Вначале она показалась в стороне Павлограда. Потом, поднимаясь сплошной высокой стеной, пыль затянула весь горизонт и вскоре, казалось, охватила полнеба.

Стаи птиц с тревожным криком поднимались над степью и, трепеща крыльями, летели на запад.

Набежавший со степи ветерок донес едва слышный гул.

Гул приближался, и вместе с ним с далеких холмов в густых облаках тяжело клубившейся пыли, в которой, как искры, что-то сверкало, в степь выходила огромная конная масса. Она шла сплошными колоннами. Медленно извиваясь между холмами, колонны, как исполинские щупальца, подвигались все ближе, ползли в бескрайнем просторе степи. Знамена и значки величаво вились над рядами. Давно, со времен Сечи, со времен вольницы запорожской, не видела степь такого движения. Тогда по этим местам, возвращаясь из турецких походов, так же вот шли по степи с бунчуками курени Наливайко, Остраницы и Тараса Трясило.

Это было очень давно, а теперь мощной лавиной шла на запад Первая Конная армия.

Все ближе к селу подходили головные полки. Уже простым глазом были видны отдельные всадники с обветренными, суровыми лицами, орудия, зарядные ящики и часто переступавшие четверки пулеметных тачанок. Сол-

нечные лучи огненными языками вспыхивали на блестящих наконечниках знамен и значков, отсвечивали на серебряных трубах полковых трубачей и, угасая в пыли, вновь зажигались на струящихся в воздухе флажках и знаменах...

Махно во все глаза смотрел на буденновцев. Он видел их впервые. Смертельная бледность покрывала его желтое, в морщинах лицо.

Щусю пришлось дважды окликнуть его.

— Батько, Нестор Иванович! Не пора ли нам сматываться?

Махно вздрогнул, словно только теперь услышал, что неподалеку, внизу, часто щелкают выстрелы. Он рывком повернулся и, прыгая через ступеньки, стал быстро спускаться по лестнице.

У паперти рослый ездовой, цыган, с трудом сдерживал тройку лихих лошадей. Махно прыгнул в тачанку. Щусь вскочил вслед за ним, ездовой гикнул, и тройка понеслась по широкой сельской улице.

Навстречу, крича и махая рукой, скакал Афонька Кривой.

— Обошли!... Берите, батько, левее, проулком! — на скаку крикнул он и умчался.

На восточной окраине села, слышно было, закипал сильный бой. Вдали звонко ударила пушка. Снаряд с нарастающим воем пронесся над степью.

Махно остановил тачанку и, схватив своей маленькой волосатой рукой за шиворот ездового, привстал над сиденьем. Вдоль улицы перебегали пешие махновцы. На поджарой вороной кобыле, держа древко с черным знаменем, на котором был намалеван череп с костями, пронесся всадник. Его голова была обмотана кровавыми тряпками. Вслед ему с грохотом мчались тачанки. За ними скакали конные с подвязанными к седлам большими узлами. Все, крича на разные голоса, неслись к выходу из села.

— Куда? Стой! Назад! — крикнул Махно.

Но конные, словно это относилось не к ним, продолжали длинной вереницей мчаться мимо тачанки. Махно тронул ездового. Тот хватил с места в карьер. Где-то впереди часто рассыпались выстрелы, и из боковой улицы навстречу Махно появилась тачанка. Ездовой, стоя во весь рост, гикал и крутил вожжами над головой. Пулеметчик лежал вниз лицом, обхватив рукой пулемет. Его голова моталась над кузовом. Он хрипел и плевал кровью.

Встречный ездовой не успел сдержать лошадей. С глухим треском столкнулись тачанки. Коренники взвились на дыбы и, ударившись грудью, рухнули наземь. В пыли замелькали копыта.

Дорога оказалась преграждённой живой баррикадой. Вокруг гремела стрельба, стоял стон, неслись громкие крики. Щусь повернул к Махно побледневшее лицо.

— Пропадаем, батько! — произнес он с надрывом.

Махно метнул по сторонам быстрый взгляд.

— Руби постромки! — крикнул он, выпрыгивая из тачанки.

Махно выхватил шашку, второпях засек пристяжной ногу и быстро разамуничил ее.

В глубине улицы, махая и кружа обнаженными шашками, показались всадники в красных штанах.

Оставив оброненную смушковую шапку, Махно вскочил на лошадь и во весь мах помчался проулком. Вслед ему защелкали выстрелы...

Еще перед началом боя Петька разоружился, сунул карабин в навозную кучу и схоронился на чердаке одиноко стоявшего дома. «Хрен с ним, — думал он, — нехай воюют. Моя хата с краю, я теперь есть мирный житель». Но едва ли он залег бы на чердаке этого дома, если б знал, что именно здесь, на большой поляне, будет самый центр боя. Из слухового окна видна была широкая панорама села с колокольней посредине, белыми хатками, зелеными рощами и садами. Вправо от села, за холмистым гребнем, поднимался в небо высокий столб пыли. Такое же высокое облако пыли виднелось и по другую сторону села. Скользнув наметанным глазом по окрестностям, Петька определил, что село окружено с обеих сторон, и злорадно подумал, что теперь «батьке» трудно будет уйти.

Быстрый конский топот, раздавшийся в эту минуту влево от дома, привлек его внимание, и он увидел, как из боковой улицы беспорядочной кучей хлынули конные. Впереди скакал всадник с сивыми, закрученными кверху усами. «Эге! — подумал Петька, узнав в нем начальника махновской кавалерии. — Так это ж сам Довженко!» Тем временем из боковой улицы выезжали все новые группы всадников. Их было так много, что Петька сразу сбился со счета. Довженко, яростно ругаясь и потрясая кулаками,

выстраивал свои эскадроны. Пулеметные тачанки, объезжая стороной, галопом занимали огневые позиции. Водворить порядок в сбившейся на поляне толпе было трудно. Задние повертывали головы, показывали один другому руками на все приближавшееся с тыла облако пыли и, нещадно шпоря лошадей, старались пробиться в передние ряды. Наконец Довженко подал команду. Над рядами сверкнули вынутые из ножен клинки. Махновская кавалерия двинулась рысью вперед. Но не успела она пройти и сотни шагов, как справа от села показалась колонна конницы. Петька давно уже видел эту колонну — в ней было не меньше бригады — и шептал про себя: «Ужо дадут буденновцы духу!» Бригада шла широкой рысью. В задних рядах лошади, горячась, сбивались на галоп. Приближаясь к гребню холмов, бригада на ходу строила фронт, и Петька видел, как всадники фланговых эскадронов, распластываясь, расходились группами по крыльям лавы. Скакавший впереди командир в красной черкеске, очевидно комбриг, сильно погнал лошадь, и его худой породистый конь в несколько прыжков вынес его на вершину холма. Комбриг посмотрел в сторону села, взмахнул над головой кривой шашкой, и тысячи полторы всадников, перескочив через гребень, с криком устремились вперед по пологому склону.

Махновцы остановились. Некоторые начали повертывать лошадей, другие кинулись в стороны. Но уже было поздно. Бригада развернулась, с двух сторон ударила по махновцам, сбила их и смешала. Сшибаясь, наскакивая один на другого, по всему полю скакали всадники и группы бойцов. Гремя снаряжением, распушив по ветру хвосты, забегали лошади, потерявшие всадников.

Затаив дыхание Петька наблюдал за побоищем. Он видел всего в нескольких шагах от себя всадника без шапки, с большим носом и целой копной светлых волос, который, сидя на такой же большой, как и он сам, вороной лошади, рубил наотмашь встречных и поперечных и добирался до Довженко. Но тот вовремя заметил его и стал поворачивать серого в яблоках жеребца, прорубая себе дорогу из свалки, и, сбив с седла бросившегося на него молодого вихрастого парня в рыжей кубанке, наверное ушел бы, если б не чубатый казак с приколотым на груди алым бантом. Чубатый казак поднял на дыбы золотисто-рыжую лошадь и повел ее прямо на Довженко, заставив его придержать жеребца. Этим и воспользовался всадник

с большим носом, обрушив на Довженко страшный удар. «Поделом тебе, гад! — подумал Петька. — Не будешь больше девок калечить!» Видел он и молоденького всадника в черной черкеске, который, придерживая в полусогнутой руке пистолет и ловко управляя игреневой лошадью, поспевал всюду, где только падали раненые буденновцы или слышались крики о помощи.

Махновцы кучами и поодиночке вырывались из свалки, бросались в переулки, ища спасения в бегстве.

«Эй, эй! Гляди! Сзади!» — чуть было не крикнул Петька, но только отчаянно взмахнул руками, увидя, как в тыл буденновской бригаде, поднимая кучу тяжелой пыли, скакал пулеметный полк — около сотни тачанок. Командовал полком тучный Петриченко — бывший петлюровский прапорщик, пропитая башка, алкоголик, но смелый до отчаянности человек с круглым, как луна, рыхлым лицом, славящийся одним и тем же дерзким маневром: ворваться переодетым под видом своего в чужие ряды и косить их из пулеметов в упор. Петриченко важно, как турецкий святой, сидел, подбоченясь, в передней тачанке, и Петька пожалел, что с ним нет карабина, — очень уж ему хотелось пальнуть в Петриченко.

Но и буденновцы не дремали. Не успел пулеметный полк махновцев развернуться, как, вывернувшись из-за холмов, вихрем подскакала конная батарея, сноровисто снялась с передков и грохнула картечью из всех своих четырех пушек по пулеметным тачанкам. Ездовые повернули и, сметая все на пути, шарахнулись из села. Но тут навстречу им выходили из степи полки 4-й дивизии... Петька видел, как, поблескивая в пыли, часто поднимались и опускались клинки.

— Бей! Бей! Руби! — поощрял Петька, в азарте размахивая руками и притопывая ногами.

Потом он увидел, как на высокий холм правее села выехали шагом два всадника. Один из них, тонкий, в черкеске, с пышными усами, плотно сидел на рослом буланом коне; под другим, в фуражке, была большая рыжая лошадь в белых чулках. Она высоко вскидывала ногу и била землю копытом. Позади них казак в черной кубанке держал прикрепленный на пике кумачовый значок.

Бойцы проходивших у подножия холма эскадронов бросали вверх шапки, размахивали шашками и на разные голоса что-то кричали...

— Ой, Митя, милый, как я за тебя напугалась! Гляжу — упал! Ну, думаю, убили, — говорила Маринка, сидя на корточках подле лежавшего Митьки Лопатина и осматривая рану на его голове.

Митька поморщился.

— Не таковский, чтоб убили. Это он меня конем шибко ушиб. Ишь здоровенный! Было б мне иззади на него наскочить... А теперь ушел. Видать, какой-то начальник.

— Да нет, не ушел он! Дерпа напополам его разрубил. И шашку сломал об него. — Маринка достала из сумки вату и, с радостью отмечая, что кость не задета, стала обтирать кровь вокруг раны. — Больно? — тревожно спросила она, услыша, что Митька закряхтел.

— Нет, ничего.

— А плачешь зачем?

— В глаз что-то попало.

— Постой, я тебя к кустикам переведу. Здесь солнце печет. А ну, берись за меня.

Митька, стиснув зубы, поднялся и, крепко держась за девушку, заковылял в тень кустов подле дороги.

— Ну вот, в холодке ладней будет, — деловито говорила Маринка, помогая Митьке прилечь. — Сейчас мы тебя перевяжем, а потом на линейку — и в госпиталь.

— Как бы не так! — сказал Митька сердито, перекатывая круглые глаза на нее. — Никуда я с полка не пойду. Да у меня уж затмение прошло. — Он приподнялся на локтях и присел. — Гляди, горит что-то.

Маринка оглянулась.

На окраине села, откуда доносился редкий перестук пулеметов, поднимался над тополями столб черного дыма.

— Так, говоришь, напугалась? — помолчав, спросил Митька.

Маринка быстро повернулась, и он увидел на милом ему лице девушки выражение жалости.

— А как же! — блеснув повлажневшими глазами, сказала она. — Конечно, напугалась.

— Земляки? — спросил он с тонкой насмешкой.

— Ах ты, землячок мой ненаглядненький! — Она нагнулась и поцеловала его в смуглую щеку.

В эту минуту кусты раздвинулись, и выставилась Петькина голова с бегающими, вороватыми глазами.

— Братишки! — окликнул он.

— Чего тебе? — вся вспыхнув, сердито спросила Маринка.

— Чудно! Солдат солдата целует.

— А тебе какое дело?

— Извиняюсь, это мне, конечно, ни к чему. Где бы мне вашего командира повидать? — допытывался Петька.

— А ты кто такой? — Митька грозно взглянул на него.

— Я? Местный житель. Мирный человек.

— А на что тебе командир?

— Важное дело.

— Ищи его там, — Маринка показала в сторону пожара. — Спросишь товарища Ладыгина. Ясно?

— Ясно, как щеколат! — Петька усмехнулся. — Наше вам с кисточкой!

Кусты сдвинулись. Петька исчез.

Маринка вынула из сумки марлевый бинт и склонилась над Митькой.

Рядом с ними послышался конский топот, и чей-то голос спросил:

— Эй, Маринка! Куда наша братва пошла?

Девушка подняла голову. Миша Казачок, перегнувшись с седла, пытливо смотрел на нее.

— А ты что, Миша, потерялся? — спросила Маринка.

Миша Казачок пошевелил взъерошенными усами.

— Ва! Зачим потерялся? Одна, два, три бандита кончал... Митька, это ты! — вскрикнул он, узнав Лопатина.

Миша быстро слез с лошади, причем в его широченных карманах что-то лязгнуло, и, перекинув повод на руку, присел подле раненого.

— Ай, вай-вай, какой балшой рана!

Миша Казачок с озабоченным видом покачал головой и тут же решительно полез в карман сшитых из бордовой бархатной скатерти широких штанов и затарахтел чем-то. Приговаривая, он выложил из кармана три круглые гранаты с рубчатой сеткой, пару пироксилиновых шашек с взрывателями, кучу ружейных патронов и, наконец, масленку из-под ружейного масла. Отвернув пробку, он вытряхнул на ладонь какую-то черную массу и старательно растер ее пальцами.

— На, — сказал он Маринке. — Клади ему на голова, завтра будет здоров.

— Что ты, Миша? Бог с тобой! — Маринка махнула на него обеими руками. — Что я, дурная?

— Бери, бери! — с убеждением говорил Миша. — Самый лучшее лекарство. Меня дед учил. Мой дед вме-

сте с Шамиль воевал. Всегда так лечил. Я кавказский человек, я врать не буду.

— Нет! — решительно сказала Маринка. — Я и так обойдусь. Я за него сама отвечаю, — кивнула она на Митьку.

— Ва! — Миша фыркнул на нее, как кот на собаку. — Какой ты непослушный!.. Ну, куда братва пошла? — спросил он, поднимаясь.

— Да я, право, не знаю, — сказала Маринка. — Должно быть, там, — показала она на окраину села, где все сильнее разгорался пожар.

Миша, несмотря на свои немалые годы, легко сел в седло и пустил лошадь вскачь по дороге.

Вокруг пожарища шумела толпа. Покрывая треск горящего дерева, слышались возбужденный говор и крики. Красноармейцы, руководимые Ладыгиным, споровисто разбирали соседние хаты. По всем улицам с ведрами и баграми бежали люди, хоронившиеся во время боя в погребах и подвалах.

Миша слез с лошади и, привязав ее к плетню, вошел в большой двор горевшего дома. Тут было полно народу. Бойцы, став цепочкой от колодца к двери, передавали из рук в руки ведра с водой.

— Кто зажег? Зачем зажег? — спросил Миша у Климова, который первым попался ему навстречу.

— А пес его знает, — сказал спокойно трубач, — но не иначе, как Махно. Жители сказывали, что в доме есть пленные.

— Зачем стоим? Все пойдем! Вперед пойдем! Надо пленных выручать! — заволновался Миша, размахивая руками.

— А там уже есть наши, — успокоил Климов.

В это время послышались крики:

— Воды! Воды давай!

На пороге показалась худощавая фигура Ильвачева. Следом за ним шел Харламов. Они несли босого человека.

— Нате, принимайте, ребята! — хрипло крикнул Харламов, передавая человека на руки бойцам. — А ну, ладней! Под спину берись... Воды! Воды комиссару! — вскрикнул он, увидя, что Ильвачев медленно валится с ног.

Красноармейцы подхватили Ильвачева под руки.

— Харламов, а там еще люди есть? — тревожно спросил чей-то голос.

— Есть еще один человек... Кричал... В дыму-то не увидишь. Зараз опять пойду... Фу, угорели мы с комиссаром. Дайте воды! — Он нагнулся и, широко расставив ноги, припал к ведру.

— Лей на меня! — приказал Миша Казачок с таким решительным видом, что несколько бойцов разом окатили его.

Он крикнул что-то и взбежал по ступенькам крыльца.

— Стой! Стой! Куда?.. Зачем Мишу пустили? Взорвется! Сгорит! — закричали бойцы.

Но Миша Казачок уже исчез среди дыма и пламени.

Во двор быстрыми шагами вошел Ушаков.

— Ну как, товарищи? — спросил он ближайших бойцов.

— Разрешите доложить, товарищ комиссар, — сказал Сачков. — Одного человека спасли. Только как бы не мертвый.

— Где он?

— А эвот лежит, — показал Сачков.

Около колодца лежал длинный худой человек с закрытыми глазами и плотно сжатыми губами. Его бритое лицо было безжизненно. Кузьмич сидел подле него и, прищурив глаза, слушал пульс.

— Ну что, товарищ лекпом? — спросил Ушаков, подходя. — Можно спасти?

— Факт... Сейчас отойдет... Это нам ничего не стоит, — забормотал Кузьмич, с сомнением поглядывая на лежавшего. — Гм... Пульс вроде очень быстрый. Видать, угорел здорово. Факт!

— Несет! Несет! — закричали бойцы.

Миша Казачок, весь черный от дыма и сажи, нес связанного полуобнаженного человека.

Бойцы расступились, освобождая дорогу.

— Ой, какой хлопчик красивенький! — сказал нараспев молоденький красноармеец в буденовке, заглядывая в закинутую голову спасенного. — А худой-то какой!

— А ну, ребята, позволь! — строго говорил Кузьмич, пробираясь вперед. — Расступись, говорю! Дайте человеку пособие оказать!

Миша Казачок прошел через двор и, поискав место почище, осторожно опустил свою ношу в тени у плетня.

— Баба, ребята! — в один голос ахнули бойцы, уви-

две маленькие, как опрокинутые чашечки, круглые груди.

Ушаков быстро снял брезентовый плащ и прикрыл тело девушки.

— Мертвая, что ли?

— Дай ей чего, товарищ доктор!

— Тише! Не напирайте, братва! Человека задавите! — взволнованно заговорили бойцы.

Кузьмич присел, ловко отер темную пену с пухлых губ девушки, взял ее маленькую руку и нащупал пульс.

Не открывая глаз, она пошевелила губами.

Кузьмич торопливо вынул из сумки склянку с лекарством и поднес к лицу девушки. Веки ее дрогнули, из груди вырвался стон, и она, чуть приоткрыв глаза, обвела затуманенным взглядом бойцов.

— Товарищи, наши... — прошептала она тихим радостным голосом...

Петька стоял перед Ладыгиным.

— Так ведь ты же бандит? У Махно служил, — говорил Иван Ильич, пристально глядя на него.

— Это уж как вам будет угодно, товарищ командир, только я не бандит, а мирный житель, — сказал Петька.

— Но ведь ты сам говоришь, что служил у Махно, — заметил Ладыгин.

— Я и не скрываю. Зачем врать? Я прямо говорю. Я ж по эту сторону фронта находился и не мог сразу к красным перейти. А потом слушок прошел, будто Махно с Деникиным воюет. Вот я, значит, и поступил до него... И был-то я у него без году неделю. Кого хотите, спросите... И чего мне с ними служить? Я бедный человек, а они как есть все живоглоты-кулаки. Там у них еще эти есть... волосатые, в шляпах, в золотых очках.

— Анархисты?

— Вот-вот. Мы их «раклом» обзывали.

— Что это еще за ракло?

— Ну, как бы сказать, самое что ни на есть ползучее гадство. Наипервейшие воры и выпивахи. У каждого тачанка, а на ней полно барахла. А ходят! — Петька усмехнулся. — Кто летом в шубах, кто в бабских исподниках с кружевом. Срам смотреть, одним словом. Да ну их, товарищ командир! Не по пути мне с ними.

— Добре. А ты сам откуда?

— Одесский.

— Далеко же, братец, тебя занесло!

— А я что бедный Тришка: забрал свое ничего да в другую деревню.

— Ты, я вижу, братец, шутник.

— У нас в Одессе все шутники.

— Ну вот что: я тебя возьму на испытание. Но помей в виду: если только что замечу, то этой самой рукой расстреляю.

— Не извольте беспокоиться. Замечаний не будет.

— Ильвачев, возьмем, что ли, его? Пусть послужит.

— Возьмем. Только ты, парень, смотри во всех отношениях, а не то плохо будет.

— Будьте благонадежны.

— Ну, добре. Поди пока за воротами посиди. Потом я тебя позову.

Петька с веселым видом пошел со двора. Теперь для него начиналась новая жизнь.

10

Когда Вихров открыл глаза, то первое, что он почувствовал, было ощущение движения. Вместе с легким потряхиванием он слышал стук колес по мягкой дороге и старался вспомнить, что с ним и почему он лежит.

Прямо над его головой, напоминая следы прошедшего по росистой траве человека, лежал Млечный Путь. Начинало светать. Звезды, слабо мерцая, опускались по небосклону и постепенно угасали в тумане. Вихров лежал на спине и, словно пробуждаясь от глубокого сна, прислушивался к окружающим звукам. Все вокруг него двигалось и шевелилось: казалось, что рядом бежал шумный поток. По правой обочине дороги бесконечной вереницей шагом ехали всадники. Вихров хотел было посмотреть, повернулся и застонал, почувствовав острую боль в голове.

— Лежи тихо! — с повелительной ласковостью сказал над ним молодой женский голос.

Потом к нему кто-то склонился, и он увидел круглое лицо с небольшим носиком и спускавшейся на низенький лоб затейливой челочкой.

— Кто ты? — спросил он.

— Я? Дуська. Не признал, что ль, соколик?

— Ты в околотке работаешь?

Дуська засмеялась, показывая мелкие ровные зубы.

— Чудно! Я с ним всю дорогу еду, а он, синеглазый, будто в первый раз меня видит... Ну как, полегчало тебе?

— Постой, Дуся, а почему я лежу?

— Так тебя же Махно подранил.

— Ах, да! — воскликнул Вихров и вдруг вспомнил все с отчетливой ясностью.

Теперь он узнал и сидевшую рядом с ним маленькую и кругленькую, как шарик, санитарку с мощной на диво грудью и всегда веселым лицом.

— Слушай, Дуся, из моих ребят никого не убили? — спросил он с тревогой.

— Ты за тот раз говоришь? — наморщив лоб и что-то соображая, спросила она. — Нет, тогда никого. Только Леонова по руке зацепили. А вот недели две назад был сильный бой с Махно, так Митьку Лопатина здорово в голову поранили. Ну а сейчас он ничего, во взвод вернулся... Мы думали, помрешь ты, — помолчав, заговорила она. — Здорово они тебя по голове саданули... Мы всю дорогу — я, Маринка и еще одна новенькая — едем с тобой.

— Какая новенькая?

— У Махно отбили. Сашей звать. Вот хорошая девочка! Ласковая да добрая. Учителева дочка. Я таких еще не видывала... Это она и упросила, чтоб тебя вместе с полком на линейке везли. Врач-то хотел тебя в Екатеринославле оставить.

— А разве мы проехали его?

— Здрасте! Эва хватился! Да мы уже к Елисаветграду подходим. Спешим. Верст по семьдесят чешем. Пилсудский Киев забрал. Слышал небось?

— Какое же сегодня число?

— Двадцатое мая.

— Как же вы эту новенькую отбили? — поинтересовался Вихров.

— Да так и отбили. Тут, видишь, дело какое. Саша-то у бабушки жила. А та померла. Ну, куда ей деваться? Знакомых в городе нет. Давай домой пробираться. А тут деньги вышли. Нуте-ка... Да. Пошла на базар шубку продавать. Ну а махновцы и залобовали ее. Привозят до самого злодея. Он ее сильничать хотел, а она с ножом на него. Хотела в сердце, да в руку попала. Говорят, он досель подвязанный ходит. Нуте-ка... Да вот, значит, она его ударила, а он, злодей, приказал ее живой в землю

зарыть. Тут аккурат мы подоспели. А злодеи дом запалили. Миша Казачок ее почти мертвую вынес. Всю побили, проклятые. А волосики на затылке как есть все были повыдерганы... Комиссар Ушаков хотел ее по просветительной части, а она ни в какую. «Хочу, — говорит, — быть в строю». Ну и в санитарную часть определили. Теперь она у нас заместо сестры. Лопатин ее раньше знал, вместе в поезде ехали. То-то они друг дружке обрадовались!.. Там еще одного человека отбили. Очень серьезный товарищ. Партийный. Товарищ Гобаренко — фамилия. Он у нас теперь по хозяйственной части. Квартирмистом. Ребята наши им очень даже довольны. Заботливый. Мне вот буденовку новую дал...

Дуська замолчала, достала из нагрудного кармана осколок зеркальца и стала кокетливо выправлять из-под буденовки челочку.

На горизонте в потоках золотисто-алого света вставало солнце. На траве засверкала роса. Со степи потянуло прохладой.

— Вон Морозов с Бахтуровым на горке стоят, — показала Дуська.

— Как бы мне посмотреть? — попросил Вихров.

— Подожди. Ты только головой не верти. Я тебя подниму... Ну-ка! Видишь теперь?

Справа от дороги стояли на пригорке начдив Морозов и только что назначенный в дивизию Бахтуров.

— Дуся, а кто такой Бахтуров? — спросил Вихров.

— К нам комиссаром дивизии назначен. Ну, насмотрелся? Ложись! — Дуська осторожно опустила Вихрова на набитую сеном подушку.

Они помолчали. Линейка продолжала постукивать по пыльной дороге. Вдали, под горой, показалось большое село.

— Счастливый ты, — после некоторого молчания сказала Дуська, внимательно посмотрев на Вихрова.

— Почему?

— Красивый.

— Не в этом счастье, Дуся.

— В этом, в этом! — настойчиво сказала она. — Гляди, как Саша убивалась, плакала над тобой, когда ты было помер. А кому я, такая толстая, нужна?.. Меня девчата колбасиком зовут.

— Кому что нравится.

— А ты каких любишь, соколик?

Вихров пожал плечами и ничего не ответил.

— Сколько лет-то тебе? — спросила она.

— Восемнадцать.

— Ну? А я старей тебя на целый год. Да... Я уже два раза замужем была. Первого мужа у меня Краснов убил. Он взводным был. Такой фартовый парень. Кавалерист, одним словом... Потом за другого вышла. Сдуру-то не рассмотрела, что он за человек, и выскочила. Сестра присоветовала. И вот какое дело получилось. Возвращаюсь раз домой — я тогда в госпитале работала, раненых отвозила, — а соседка говорит: «Твой дома не ночевал». Ну я, конечное дело, как следывает пошумела на него. Вашему брату нельзя ведь большой воли давать. А он и говорит: «Собирай мои манатки — ухожу». Ну, собрала я ему манатки и говорю: «Смотри, Павлуша, не плюй в колодец — пригодится воды напиться». А он: «Подумаешь! В этот плюнул — другой найду. А нет, так и перешагну и еще найду, а потом еще»... С тем и ушел. И вот аккурат перед походом письмо прислал. Пишет: «Правильно, Дуся, ты говорила — не плюй в колодец. Не нашел я никого лучше тебя. Нельзя ли мне возвратиться к тебе?» А я ему хоть бы пустой клочок бумаги послала. Ну его к лешему, раз так поступил...

Дуська замолчала и, подперев кулачком розовую щеку, о чем-то задумалась.

— Конечно, хорошо постоянно при себе мужика иметь, — снова заговорила она. — Все ж как за каменной стеной. И любить человека приятно... Вот их сколько, мальчиков, едет, — кивнула она на колонну, — целый полк, а я их всех люблю. Я все равно как мать для них. А они, мужики, не понимают, каждый со своей любовью лезет...

Дуська вздохнула, словно сказала: «Ох, уж мне эти мужики!»

— Значит, больше замуж не пойдешь? — спросил Вихров.

Дуська бросила на него быстрый взгляд.

— Почему? Пойду, если хорошего человека найду.

Она провела несколько раз по лбу Вихрова теплой, мягкой ладонью, а сама подумала: «Господи, господи, если бы мне такого мужа!..»

Позади них послышался конский топот. Равняя свою лошадь с линейкой, к Вихрову подъехала незнакомая девушка. Она перегнулась с седла и, заглядывая в его

глаза своими глубокими синими глазами, излучавшими, казалось, необыкновенную ласку, тихо спросила:

— Ну, как вы себя чувствуете?

Это обращение и весь ее какой-то солнечный облик так приятно поразили его, что он в первую минуту не знал, что и ответить, и только с благодарностью смотрел на нее. «Видимо, это и есть Сашенька», — сообразил он.

— Ну как, лучше вам? — спросила она.

— Да. Благодарю вас за все, — сказал Вихров.

— За что?

— Вы сами знаете...

Было далеко за полдень. Солнце палило. Полк с музыкой и песнями входил в село.

Подле хат кучками толпился народ. Селяне, переговариваясь между собой, с любопытством поглядывали на буденновцев.

— Дывись, куме. В окулярах, — показывал на Кузьмича старик с посошком. — Мабудь, начальник якись?

— И хлопцы ж гарни! — говорила подругам чернобровая девушка. — А он якись удалец! Як квитка * на коне.

Голова полковой колонны завернула на площадь. Впереди послышался громкий голос Поткина. Ивану Ильичу было видно, как передние остановились и начали спешиваться. Он придержал Мишку и, повернувшись к эскадрону, подал команду:

— Сто-ой!.. Слеза-а-ай!.. Разводи по квартирам!

Бойцы, переговариваясь с высыпавшими на улицу девушками, с шутками и смехом разводили лошадей по дворам.

Харламов слез с лошади, отпустил подпруги и, кликнув Митьку Лопатина, повел лошадь к одиноко стоявшей хатке под соломенной крышей.

Когда они ввели лошадей во двор, их чуть не сшиб с ног выбежавший из хаты хозяин — немолодой уже человек в выгоревшей кавалерийской фуражке.

— Товарищи! Ах, братцы мои ридненькие! — приговаривал он, то обнимая Харламова, то прихватывая другой рукой Митьку. — Як же я вам радый! Ось довелось побачиться! Я те ж в кавалерии действительную служил.

— Кавалерист, стало быть? — улыбаясь и показывая белые зубы, ярко сверкавшие на черном, покрытом пылью и потом лице, спросил Харламов.

* Квитка — цветок.

— Ахтырского гусарского имени Денис Давыдова полка младший унтер-офицер Евтушенко! — одним духом выпалил хозяин. — Эх, братцы, — продолжал он, — як побачу кавалерию, так аж сердце зайдется. Вот, ейбогу, зараз пишов бы до вас служить, да хозяйка в мене хворая, до лекарни отвиз... Эх, як же це я забалакався, та наиважнейше забув! — вдруг спохватился он. — А ну, проводьте коней.

Хозяин показал, где поставить лошадей, потом принес большую охапку душистого сена и, вытянув из колодца ведро воды, пригласил бойцов помыться с дороги.

— Так вы, братцы-товарищи, располагайтесь, як будто до дому заихали, — говорил он, поливая из ведра на руки бойцам. — А мне до хозяйки треба. Я до вечера повернусь, а вы почивайте.

На крыльцо вышла черноволосая высокая девушка.

— Олеся, дочка моя, — пояснил хозяин Харламову, который, вытерев лицо суровым, расшитым по краям полотенцем, с любопытством смотрел на девушку. — Доченька, ты цих товарищей привечай. Нагортуй им добренько та ко́пей не забувай.

Пообещав к вечеру обязательно возвратиться домой, хозяин запряг в телегу добрую, сытую лошадь и, прихватив баул «со сниданием для хозяйки», как он пояснил, рысью выехал за ворота, чуть не зацепив колесом Сачкова, который было уже шагнул во двор.

— Ну как, ребята, с квартирой? — спросил Сачков, входя к ним и оглядывая небольшой уютный двор.

— Хорошо, товарищ взводный. Хозяин дюже приветливый, — ответил Харламов.

— Да и дочка у него неплохая, — улыбнулся Митька. — Копям в сено муки подмешала.

— Так вот, ребята, знаете что? Я до вас еще одного человечка поставлю, — сказал Сачков.

— Кого это? — спросил Харламов.

— Новенького.

— Кривого, что ль?

— Да.

— Ну его, взводный! Места, что ль, ему не хватило?

— Да нет. Не успел встать на квартиру, как с хозяйкой поругался. А при тебе, Харламов, ему быть, как я понимаю, спокойнее.

— Я все ж не пойму, взводный: на что таких добро-

вольцев принимают? — с недовольным видом сказал Харламов.

— Пострадавший он. В плену у Деникина был. Сказывает, пытали его. Так что, ребята, вы его не гоните. Со штаба полка ведь прислали.

— Ну, нехай идет, — согласился Харламов. — Только я хотел до Крутухи зайти.

— А чего он тебе занадобился?

— Хвалился — табаку хорошего достал.

— Ну что ж, сходи, Лопатин-то здесь будет?

— Тут.

— Ну и порядок... Так ты, Лопатин, смотри, — обратился Сачков к Митьке. — Смотри, чтоб новенький этот и с вашей хозяйкой не поругался.

— Будьте благонадежны, товарищ взводный, — успокоил Митька. — Как-нибудь договоримся.

— Ну то-то... Да, ребята, Сидоркина не видали?

— Нет, товарищ взводный, не было, — сказал Харламов. — А на что он вам?

— Со штаба полка приказ — выделить коновода квартирмисту товарищу Гобаренко. Так командир эскадрона приказал Сидоркина послать.

— Зачем же такую заразу посылать? — удивился Митька.

Сачков укоризненно покачал головой.

— Какой же ты непонятливый? Товарищ Гобаренко — человек серьезный, партийный. Воли ему не даст. А за одним только глядеть — это ведь не за взводом. Смотришь, и исправится, человеком станет.

— А ведь верно, — сказал Митька. — Как это я не додумал!

Сачков и Харламов пошли со двора.

Кузьмич и Климов с мрачным видом сидели на лавочке за воротами. С обедом у них явно не ладилось. Короче говоря, они попали на плохую квартиру.

— Это, факт, вы виноваты, Василий Прокопыч, — гудел недовольным басом Кузьмич. — Вы сказали: вот, мол, хороший дом, встанем здесь. Вот и встали на свою голову. Теперь будем, факт, не евши сидеть.

— Да подите вы, Федор Кузьмич, — спокойно отвечал Климов. — Вы завсегда валите на других. Я только вошел в хату, гляжу, вредная бабка, у такой не разжи-

веться, и говорю вам: давайте переменим квартиру, а вы сказали: ничего, обойдется.

— Нет, это вы так сказали, Василий Прокопыч.

— Нет, вы!

— Вы!

— Ну и пес с ним! — отмахнулся трубач. — Вам виднее. Что пустое толковать! Вы бы, Федор Кузьмич, лучше пошли по деревне. Может, хворые есть. Все разжились бы кое-чего.

Лекпом смолчал. Он был тяжел на подъем. А так как он не ел со вчерашнего дня, то у него вообще не было желания двигаться.

Вблизи послышались шаги. Приятели подняли головы. По улице шел Харламов.

— Доброго здоровья, товарищ лекпом! — весело поздоровался он, подходя и присаживаясь сбоку на лавку. — Здравствуйте, Василий Прокопыч, — кивнул он трубачу.

— Здорово, — мрачно ответил лекпом.

— Чтой-то вы невеселые? — поинтересовался Харламов.

— Какое может быть веселье, когда в брюхе пусто! — с хмурым видом прогудел Кузьмич. — Человеку первое дело поесть надо. А мы с ним, — показал он на Климова, — со вчерашнего вечера не евши.

— Не может быть, — удивился Харламов. — Лучший дом на селе, а вы голодные? Гляди, богатство какое! — Он поднялся с лавочки, оглядывая большой новый дом под железной крышей.

— В том-то и дело, что богатый. Самые живоглоты живут, — сказал Кузьмич. — Одних коров шесть штук, да овец, да коней сколько. Нет, больше, факт, у богатых не встану.

— А хозяин где?

— В подводах. Дома хозяйка с дочкой.

— Стало быть, не дюже приветили?

— Воды не выпросишь.

Харламов нахмурился.

— Да-а. Скажи-ка, дело какое... Ну что ж, пошли, товарищ доктор, я вас накормлю.

— Далеко ли идти?

— Да на вашу квартиру.

Кузьмич с досадой махнул рукой:

— Чего зря ходить! Ничего не даст, вредная бабка.

— Я на них, на вредных бабок, рыбье слово знаю, — успокоил Харламов. — Пошли в хату. Я верно говорю. Только вы, товарищ доктор, очки свои наденьте.

— Пойдемте, Федор Кузьмич, — поддержал Климов. — Он ведь такой... знает, где у черта хвост.

Лекпом посмотрел на Харламова, на Климова и вдруг поднялся с лавочки.

— Пошли! — сказал он решительно.

Гремя шашкой по ступенькам, Кузьмич первым взошел на крыльцо, толкнул дверь и ступил через порог. Посреди хаты статная молодайка, высоко подоткнув юбки, подтирала пол тряпкой.

— Ноги-то вытирайте! — сердито сказала она.

— Чтой-то ты, любушка, такая сердитая? — спросил Харламов.

Молодайка сердито сдвинула брови:

— Ходют тут всякие!

Кузьмич солидно покашлял, опустился на лавку и стал оглядывать стены. Климов, покривив душой, перекрестился на образа и присел на табуретку против лекпома.

Некоторое время длилось молчание.

Кузьмич еще раз покашлял с внушительным видом, не спеша надел очки и важно вынул из кармана газету.

Молодайка насмешливо фыркнула. Лекпом поверх очков бросил строгий взгляд на нее и, развернув газету, углубился в чтение.

Дверь скрипнула. В хату вошла дородная старуха с ведром в руках. Недоброжелательно косясь на гостей, она вылила воду в кадушку и, зачерпнув ковшиком, принялась мыть узловатые руки.

— Бабуся! — весело заговорил Харламов. — Вот товарищ доктор. Они не евши со вчерашнего дня. Так что собери-ка нам пообедать.

Старуха, разжав поджатые губы, мрачно сказала:

— Мы с дочерью позабыли, когда и сами обедали. Ничего у нас нет! Все съели ваши солдаты. Сами голодные.

— Да что-то непохоже, чтоб дочка твоя оголодала, — заметил Харламов.

Он еще раз оглядел хату, как вдруг лицо его просветлело: на лежанке спал большой гладкий кот.

Харламов посмотрел на лекпома, перехватил его взгляд и значительно кивнул на лежанку.

— Товарищ доктор, — громко сказал он, — вы кушали когда котов?

— Факт! — не сморгнув, сказал Кузьмич, с лукавым видом поглядывая из-за газеты. — Это, можно сказать, самое лучшее мясо. Чистый филей! Кот, если его ладно зажарить, вкуснее гуся. Да что там гуся! За этакого кота, — показал он на лежанку, — не жаль отдать пару хороших курей.

— Так об чем речь! — пожал плечами Харламов. Он засучил рукава, подошел к лежанке и взял за шиворот кота. — Ого! — сказал он, тая улыбку в глазах. — Кот важнецкий. Благородных кровей. И обедает, видать, каждый день. Ишь, пушистый какой. Та-ак... Сейчас мы его на сковородку, а шкурку на кубанку... Бабуся! — позвал он старуху. — Дай-ка нож поострей.

— Это чего ж вы хотите делать-то? — не веря глазам, все еще сердито спросила старуха.

— Кота жарить будем. Мы и тебя с дочкой накормим, раз вы голодные, — спокойно сказал Харламов, искоса поглядывая на молодайку, которая, раскрыв рот, молча смотрела на него.

— Цари-ица моя! Да нешто мыслимо это? Да я уж лучше чего-нибудь пошукаю, может, найду, — заговорила старуха.

— Нет уж, бабуся, не надо, — твердо сказал Харламов. — Мы дюже охочие до котового мяса. А энтот кот всем котам кот. Эвон гладкий какой. Самое сало.

Говоря это, он держал кота на весу. Кот словно знал, о чем идет речь, угрожающе шипел, как змея, и топорщил усы.

— Зачем же, товарищи, котика резать? — вдруг ласково заговорила старуха. — Жалко. Животная ведь.

— А ты, бабуся, видать, дюже жалостливая?

— Уж такая я жалостливая, что, скажи, другой такой не сыскать.

— Ну, раз ты такая жалостливая, то не пожалеешь за котика фунта два сала?

— А нешто...

— А борща дашь?

— И борща дам.

Харламов замолчал, словно в раздумье.

— Ну что ж, товарищ доктор, в таком случае, пожалуй, пустим его, а? Как ваше мнение? — спросил он, повертываясь к Кузьмичу.

— Да по мне, факт, можно пустить, — согласился Кузьмич. — Как с вашей точки, Василий Прокопыч?

— Раз бабка выкуп дает, можно пустить, — тихо буркнул трубач.

— Ну, ежели все согласные, то так уж и быть. Да... Берите, бабуся, вашего котика, — с деланным сожалением в голосе сказал Харламов, выпуская шарахнувшегося под печку кота. — Только побыстрей соберите нам пообедать. И побольше: у товарища доктора аппетит знаменитый.

Шлепая босыми ногами, старуха поспешно подошла к печке и открыла заслонку.

Кузьмич сглотнул слюну — в хате запахло борщом...

Плотно пообедав и на всякий случай договорившись об ужине, они вышли на улицу.

— А насчет кота ты ловко придумал, — с довольным видом ковыряя в зубах, говорил Кузьмич, обращаясь к Харламову. — Ишь, вредная бабка, черт ее забодай! И чего только не было в печке! А прибеднялась-то как!

— Чем люди богаче, тем жаднее, — заметил Харламов. — Бедный-то скорее последнее отдаст... Я вот, товарищ доктор, как Донбасс проходили, у одного шахтера заночевал, так у него у самого ничего не было, а мне на дорогу последнюю корку насильно совал.

— Н-да! — с довольным видом протянул Кузьмич и, благодушествуя, загудел под нос песенку, которую слышал в Ростове:

У кошки четыре ноги
И длинный хвост,
Но тронуть ее никто не моги,
Несмотря на маленький рост.

— Товарищ доктор, может, пойдем до эскадрона? — предложил Харламов. — Там ребята собирались на площади танцы устроить.

— Ну что ж ты раньше не сказал? Я б тогда ел поменьше, — с огорчением в голосе сказал Кузьмич. Но в глубине души он был очень доволен, что у него есть предлог отказаться от лишних движений. — Куда ж теперь после обеда! Нет, уж мы лучше с Василием Прокопычем соснем немного. Да после обеда оно и не мешает. Факт. На это и медицина указывает, — заключил он, поглаживая себя по толстому, как котел, животу.

— Ну так счастливо оставаться! — Харламов кивнул и пошел по улице.

Навстречу ему показался человек. Он то бежал, то, переводя дух, быстро шел, размахивая руками. «Крутуха, никак? — подумал Харламов, вглядываясь в приближавшегося человека. — Ну да, он самый!»

— Харламов! — еще издали крикнул Крутуха, приметив товарища. — Харламов, слышь-ка, наши приехали!

— Какие наши? Откуда? — с любопытством спросил Харламов, когда Крутуха, тяжело дыша, подбежал к нему с мокрым от пота, веселым лицом.

— Да казаки наши. Те, что-сь на Дону пооставались, — объяснил Крутуха.

— Ну?! И Назаров приехал? — радостно вскрикнул Харламов.

— Все! Все вернулись! И Назаров, и Хвыля, и Дрозд, и Задорожный.

— Где они?

— На майдане, — показал Крутуха в сторону сельской площади, откуда, теперь было слышно, плыл приглушенный гул голосов.

На площади у церковной ограды шумела толпа красноармейцев. Со всех сторон по одному, по двое и чуть не целыми взводами на площадь сбегались бойцы.

Возбужденно размахивая руками, они лезли на плечи товарищей, жадно заглядывая через головы впереди стоявших.

В середине стояло несколько донских казаков. Один из них, пожилой, с сильно тронутым оспой лицом, смущенно улыбался и, разводя руками, что-то говорил — видно, оправдывался.

— Ты скажи, Назаров, как сюда добрался? — спросил боец с забинтованной головой.

— Тише, братва, не слыхать! — крикнул голос из задних рядов.

— Назаров, братушка, стань повыше!

Несколько услужливых рук подкатили тачанку. Назаров с маху взлетел на нее, поднял руки и гаркнул на всю площадь:

— Ребята! Товарищи! Во первых словах прошу нас не виноватить... Вы не серчайте, братва. По несознательности на Дону мы остались. Дюже не хотели с своей земли уходить. Думали так: побили Деникина — и с нас,

значица, хватит, а с панами нехай бьются другие... А потом в Ростове, на митинге, когда товарищ Ворошилов выступал и душевно так говорил, мы здесь же, в народе, стояли и все слышали... Я тогда еще хотел воротиться, да перед станичниками совестно было, вместе уговорились остаться...

Назаров перевел дух.

— А ты скажи, как до полка добрались? — снова спросил боец с забинтованной головой.

— Давай, давай по порядку! — закричали вокруг.

— И вот, товарищи, — продолжал Назаров, — как вы, значица, уехали, у меня в грудях будто что оборвалось. Своя, можно сказать, родная буденная армия уходит, а мы остаемся. И поняли мы, товарищи бойцы, что свою шкуру поставили выше народного дела, но ежели правду сказать, то поздно это сознали. За это мы виноватые и готовые понести что следовает. Да. Собралось нас человек триста, а может, и больше, догонять буденную армию. Пришли в Ростове до коменданта. Он нам — вагоны. Вот и поехали... Доезжаем до Харькова. Там трое суток стояли. И добрались сюда. Потом еще и подводами ехали — полки искали. И вот, значица, нашли... — Назаров поднял руку и громко закончил: — И будем, товарищи, вместе биться до полной победы! А командиров попросим: пущай посылают нас в самый огонь! — Он махнул рукой и спрыгнул с тачанки.

Бойцы зашевелились, освобождая кому-то дорогу. К тачанке торопливо шел Иван Ильич.

— Назаров, черт, вернулся-таки? — крикнул он весело. — Добре! А ведь это я знал. Не думал только, что так быстро вернетесь.

У Назарова потемнело лицо, он опустил голову.

— Виноваты, командир, — тихо сказал он.

К сердцу Ладыгина подступила теплая волна.

— Ну? А я и не серчаю, — сказал он, улыбаясь.

Казак поднял голову, взглянул на командира эскадрона и порывисто шагнул к нему.

— Ну, давай уж! — сказал Иван Ильич, широко разводя руки.

Они крепко обнялись.

Наступившая тишина прорвалась буйными криками. Буденновцы подхватили Ладыгина и Назарова на руки. Под веселый гул голосов и крики «ура» они высоко взлетали в воздух.

Когда Назарова поставили на ноги, он благодарно оглядел близстоявших бойцов и ударил себя в грудь кулаком.

— Ну, братва, жизню отдам! — проговорил он вдруг дрогнувшим голосом.

Он хотел еще что-то сказать, но только всхлипнул и быстро провел рукой по глазам.

Отвечая на сыпавшиеся со всех сторон вопросы, пожимая десятки рук, Назаров ощущал, как большое и радостное чувство все сильнее охватывало и заполняло его. Слезы застилали глаза, и он, как в тумане, видел вокруг улыбающиеся лица товарищей.

— Станица, здоро́во! — послышался знакомый голос Харламова.

— Степан! Здорово, братуха! — вскрикнул Назаров, дружески похлопывая приятеля по плечу.

— Ну, как мои там? — спросил Харламов. — Мать, отец — живые?

— Слава богу. Живут. Поклон посылали.

— Ну, в час добрый! — Харламов огляделся и, увидев, что бойцы совсем затормошили прибывших, весело крикнул: — Ребята, да не тяните вы их за душу! Нехай отдохнут! Разбирай гостей по квартирам!

Шумно разговаривая, конармейцы гурьбой повалили по улице.

— Ты с кем на квартире, Степан? Или один стоишь? — спрашивал Назаров, когда они, свернув у церкви, стали спускаться к мостику, переброшенному через канаву.

— А мы с Лопатиным да с новеньким встали.

— Что, пополнение прибыло?

— Нет. Доброволец. Вчера до нас поступил. В этой халупе стоим, — показал Харламов на маленький домик под соломенной крышей.

Он оглянулся, подозвал шедшего позади них Митьку Лопатина и, шепнув ему что-то, легонько толкнул в спину. Обгоняя бойцов, Митька рысцой затрусил через мостик...

Назаров вошел во двор первым. У телеги перебирали сено расседланные лошади. Тут же на жердях лежали поверх потниками седла. На сложенных у плетня бревнах сидел Сидоркин. На этот раз он был в желтых ботинках с блестящими крагами, снятыми им вместе со штанами с какого-то иностранного консула еще при

вступлении в Новороссийск. Подле него стоял новый «доброволец» Афонька Кривой. Они, видимо, только что беседовали и теперь, подняв головы, молча смотрели на вошедших.

— Здорово, братва! — произнес Назаров, бросив на Афоньку изучающий взгляд.

— Сидоркин! — окликнул Харламов.

— Ну?

— Взводного видел?

— А что?

— Так тебя с назначением?

Сидоркин молча сплюнул сквозь зубы.

Назаров шагнул на крыльцо и вошел в хату.

— Энтот и есть новенький доброволец? — спросил он у вошедшего вслед за ним Харламова.

— Он самый.

— Ну и личность у него! Страшный урода на четверть! А глаз-то будто штопором выпутый. Кто он такой?

— От Шкуро пострадавший. В плену был. Говорит, пытали его. Комэск документы смотрел. С восемнадцатого года на службе.

— Ну, ну. Все может быть...

Назаров вынул из кармана кисет и стал свертывать папиросу.

— Погоди, Василий, курить. Зараз будем обедать, — сказал Харламов. — А где ж наша хозяйка? Пойду посмотрю.

Он быстро направился к двери, но в эту минуту в сенях послышались шаги, и в хату вошла давешняя черноволосая девушка. Следом за ней появился Афонька Кривой.

— Вот и наша хозяюшка, — приветливо улыбаясь, сказал Харламов. — А ну, лапушка, собери-ка нам пообедать.

Девушка подошла к печке, вытащила ухватом большой чугунный котел и поставила его на середину стола.

— Сидайте, товарищи, — певучим голосом пригласила она, доставая из шкафчика миски и ложки.

Бойцы шумно расселись.

— Братцы, давай кто разливай, — сказал Назаров, принимая из рук девушки хлеб.

— Давай уж я разолью, — предложил Афонька Кривой.

— Ребята, погодить бы надо, — сказал Харламов, нетерпеливо поглядывая на дверь.

В эту минуту кто-то взошел на крыльцо, послышались торопливые шаги, и в хату вошли Кузьмич и Митька Лопатин.

— Никак опоздал? — тяжело отдуваясь, спросил Кузьмич, подходя к столу и вытаскивая из кармана бутылку. — Вот, ребята, полгода берег. Факт! Будто знал, что представится случай, — торжественно объявил он, ставя бутылку на стол.

Лопатин взял бутылку, посмотрел на свет и с опаской сказал:

— Ого, братцы, от такой штуки конь упадет.

— А казак повеселеет! — улыбаясь, подхватил Назаров. — А ну, красавица, дай-ка нам кружки.

— Дымка, что ль? — спросил Афонька Кривой, косясь на бутылку.

Кузьмич презрительно фыркнул.

— Дымка! Спирити вини ратификати называется. Понимать надо! Факт!

Харламов разлил всем, добавил из кружки воды, встал и густо откашлялся.

— Ну, братва, — начал он, держа в руке щербатую чашку, — как служил я в Питере в лейб-гвардии казачьем полку, так там офицеры на банкетах тосты поднимали. Зараз я свой тост подниму. За победу! За то, чтоб всему трудовому народу хорошо жилось на свете!

Он поднял чашку, опрокинул ее в рот, крякнул, сплюнул и опустился на стул.

Вдали послышались тонкие звуки сигнальной трубы.

— А ну, братва, навались! Седловку играют, — сказал Харламов, подвигая миску поближе. — Чего же ты не пьешь, Василий?

— А что? Я один остался? — Назаров взял чашку. — Ну, дай боже, чтобы оно насквозь прошло и не возвращалось!

Наступившую тишину нарушал лишь дружный стук ложек. Афонька жадно хлебал, отдуваясь и громко отрыгивая.

— Ишь зарыгал! Тишком не можешь? — сердито сказал Харламов. — У людей аппетит отбиваешь.

— Это из него серость выходит, завтра барином будет, — усмехнулся Митька Лопатин.

Снаружи послышались шаги. Харламов посмотрел в окно.

— Взводный идет, — сказал он вполголоса. — Давай, ребята, скорей.

Сачков подошел к хате, вскочил на завалинку и заглянул в окно:

— Обедаете? Ну, ну... Только чтоб через пять минут были готовы...

Стоя на стременах, Климов трубил сбор.

Харламов привычным движением накинул седло и повел со двора игравшую лошадь. Следом за ним вышел Лопатин.

— Ишь, леший, надулся! — кричал Афонька Кривой, ударяя кулаком по сытому брюху саврасого жеребца.

Он с силой дернул подпругу. Жеребец прижал уши, оскалился, изогнувшись щукой, мотнул головой.

— Но, но! — крикнул Афонька. — Я те куспу... Наел пузо, идол...

Конский топот, замирая, удалялся к окраине. Издали доносился припев старинной запорожской песни:

Гей, чи пан, чи пропав,
Двичи не вмираты!
Гей, гей, браты, до зброи!..

Афонька прислушался, накинул поводья на плетень и вбежал в избу. Не обращая внимания на девушку, которая, стоя у стола, перетирала посуду, он с деловым видом подошел к стоявшему у стенки сундуку, присел и вынул из кармана отмычку.

— Товарищок, та шо ж вы робите? — метнувшись к нему и прижимая руки к груди, вскрикнула девушка.

Афонька сверкнул на нее глазом.

— Не мешай, ну? — Он помолчал и глухо добавил: — А скажешь кому — жизни не будет! Встань здесь и замри!

Афонька открыл замок и, сделав усилие, поднял тяжелую крышку.

— Где твой батька гроши ховает? — спросил он у девушки. — Ну, говори! А не то... — Афонька с угрожающим видом потянул из-за спины карабин.

Позади него скрипнули половицы.

Он рывком оглянулся.

В открытых дверях стоял Харламов.

— Молись, гад! — сказал он, вынимая револьвер из кобуры.

Афонька, держа в руках карабин, в упор смотрел на него.

— А тебе что, больше всех нужно? — спросил он придушенным голосом.

— Выдь с хаты!

— Не пойду!

— Ну?

— Не запряг, не понукай!

— Иди! Застрелю! — Харламов поднял револьвер.

Сжавшись всем телом и не спуская с Харламова острого, как сверло, взгляда, Афонька стал крадучись пробираться к дверям.

Следя за каждым его движением, Харламов медленно повертывался. Он успел вовремя отшатнуться: грянул выстрел, пуля ударила позади него в стенку.

Афонька бросился вон, выскочил в сенцы и захлопнул за собой дверь.

Хватаясь за щеколду, Харламов услышал дикий крик во дворе, потом там кто-то упал и забился.

Он выбежал из хаты.

Назаров и Афонька, сцепившись друг с другом, тяжело и хрипло дыша, катались, грузно обминая траву.

Харламов нагнулся над ними и, улучив момент, ударил Афоньку в висок рукояткой револьвера.

Назаров поднялся.

— Ух! Ну и здоров, гад! — сказал он, отирая потный лоб рукавом. — Было задушил! — Он нагнулся и машинально отряхнул с колен приставшую грязь.

Афонька лежал на боку, поджав ноги. Вдруг он приподнялся, поднял руку и с ненавистью взглянул на Харламова, пытаясь что-то сказать, но только пошевелил короткими, как обрубки, толстыми пальцами и с хрипом повалился на спину.

— Готов, — сказал Харламов, пнув его сапогом.

— Надо б его отсюда убрать, — заметил Назаров.

— В огороды снесем. А там жители приберут...

Когда Назаров повернул к хате, позади него раздался выстрел. Он оглянулся: Харламов прятал револьвер.

— Зачем стрелял? — спросил Назаров.

— Так-то вернее. А то меня было убили, а оказался живой...

Возвращаясь двором, Харламов вошел в хату. Девушка испуганно взглянула на него.

— Не бойся, хозяюшка, — заговорил он, подойдя к ней. — Это не наш боец, а бандит, махновский сынок... Мы его в огороде кинули. Так что уж вы извиняйте.

Девушка подвинулась к нему и, прижав руки к груди, тихо сказала:

— Ой, товарищок, який же вы добрый чоловик!

Харламов молча взял ее руки, осторожно пожал и, сказав: «До свиданьица, лапушка», — вышел из хаты...

Назаров держал лошадей. Они вскочили в седла и, тронув рысью, пустились догонять эскадрон.

— Зараз доеду до комиссара, — сказал Харламов, искоса взглянув на Назарова.

— Чего?

— Доложить надо, а то так неладно.

Ильвачев и Ладыгин ехали на своем обычном месте впереди эскадрона и о чем-то тихо беседовали.

— Товарищ комиссар, — сказал Харламов, подъезжая к Ильвачеву и придерживая лошадь, которая, горячась, мотала головой, разбрызгивая пену с удил.

— В чем дело, товарищ Харламов? — спросил Ильвачев, поворачиваясь к Харламову и с некоторым удивлением поглядывая на необычно встревоженное лицо казака.

— Бандита ликвидировали, — коротко сказал Харламов.

— Бандита? Какого бандита? — насторожился Ладыгин.

— Кривого, что до нас поступил.

— Добровольца? Это зачем? Кто вам дал право своевольничать?! — Ильвачев нахмурился и покраснел.

Харламов невольно почувствовал себя виноватым.

— Что за самоуправство такое? А разве вы не знаете, что за это трибунал? — спрашивал Ильвачев.

— Так, может, нас не зараз в трибунал, — глухо сказал Харламов, — а покуда закончим войну?.. А только, товарищ военком, он в меня с карабина ударил...

— Стрелял?

— А как же! Хозяйку грабил, оружием ей угрожал, а потом на Назарова бросился.

— Фу ты! Да как же ты сразу... — Ильвачев переглянулся с Ладыгиным. — Так бы и говорил, товарищ Харламов, а то я черт те что подумал. Нет, в таком слу-

чае трибунал отменяется. Только смотрите, чтобы в следующий раз самовольных расправ у нас не было.

— Так мне можно ехать покуда? — спросил Харламов, тая улыбку в усах.

— Езжайте.

Харламов отъехал, дождался своего места в рядах и пристроился к Митьке Лопатину.

— Где был, Степан? — поинтересовался Лопатин.

— Так, по делу, — отвечал Харламов, прислушиваясь к оживленному разговору в заднем ряду.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

Конная армия подходила к линии фронта. По вечерам в теплой голубеющей дали мелькали короткие отблески пушечных выстрелов. Все чаще попадались навстречу транспорты раненых.

Положение на фронте было очень тяжелым. Противник рвался к областям, богатым хлебом, углем и железной рудой.

12-я и 14-я красные армии, оказывая упорное сопротивление интервентам, отходили все дальше в глубь Украины. В начале мая красные части оставили Киев.

Захватив Киев, противник неожиданно прекратил наступление и крепко сел в окопы, видимо приготовившись к длительной обороне...

Дорога шла степью. Солнце палило. Пыль, клубясь, поднималась из-под копыт лошадей и оседала на лицах бойцов.

Харламов приподнялся на стременах и оглянулся назад. Там до самого горизонта бесконечной колонной шла конница.

— Харламов, а ты слыхал, что в пехоте раненые говорят? — спросил молодой боец Гришин.

— Ну?

— Кони, говорят, у них в одну масть, каждому солдату бинокль, а пулеметов!.. Через каждую сажень стоят. А сами-то окопались за проволокой, и нипочем их оттуда не выбить.

— Ну да! Что у нас, артиллерии нет? Генерал Толкушкин тоже за проволокой сидел, а ведь побили его.

— А как наш командир? — спросил Гришин.

— Ладыгин-то? Первейший командир. Этот, брат, не

Карпенко. Наобум не полезет. У него, стало быть, человека зря не убьют... Да вот под Ростовом Карпенко-то на пулеметы в атаку пошел. А наш распланировал — кому с фланга, кому в тыл ударить. Раз, два — и готово! Батарею взяли и ни одного бойца не потеряли. А Карпенко что? Мелко плавает. Штаны коротки. Так, видимость одна — усы, бурка да глотка здоровая.

— Наш-то взводный очень молодой, — заметил Гришин, посмотрев на ехавшего впереди Вихрова.

— Ну и что же, все были молодые. Да и он зря не бросается. Соображение имеет. А это первое дело.

— Митька, гляди, кто едет, — сказал Харламов, повертываясь в седле и показывая рукой в поле, где стороной от дороги ехали Маринка и Сашенька. — Вы, стало быть, с Маринкой земляки? — спросил он, пристально посмотрев на товарища.

— Ага.

— Ты вроде муж при ней?

Митька помолчал и сказал:

— У нас с ней полная солидарность. Вот войну кончим — поженимся.

— Та-ак... А Саша как же? Ты, помнишь, все говорил, что она тебе своей косой за сердце зацепила.

Митька вздохнул.

— Ну, что Саша! Саша — барышня образованная. А я что? Эх, кабы скорей выучиться!.. Книжки вот теперь читаю. — Митька вытащил из кармана и показал Харламову тонкую книжечку.

— Но? — удивился Харламов. — А я не видал у тебя. Кто дал?

— Она и дала. «Прочти, — говорит, — а потом при случае мне расскажешь». Очень интересная книжечка. «Гарибальди» называется.

— Видал, как она Мише Казачку кисет-то расшила? — спросил Харламов.

— Видал... Покурим, Степа?

— Давай.

В задних рядах эскадрона, где ехали Кузьмич и Климов, тоже шли разговоры.

— Да. Спасибо товарищу Ильвачеву. Выучил меня грамоте на старости лет, — говорил Климов. — А то ведь только ноты и знал да фамилию расписаться. Был, как говорится, дурак дураком и уши холодные. Срамота, одним словом. Теперь хоть человеком стал.

— Факт! — пыхнув трубочкой, согласился Кузьмич. Он с покровительственным видом взглянул на приятеля. — Куда способнее образованному человеку. Вот, скажем, я, Василий Прокопыч, не поступи на действительной по медицинской части, ну и был бы пень пнем. А теперь все науки прошел и с каждым доктором свободно могу себя чувствовать, а перед другим, факт, и превосходнее себя окажу.

— Хорошая ваша наука, Федор Кузьмич, — сказал трубач.

— Медицинская наука всем наукам наука. Одним словом, тенденция, — веско заметил лекпом.

— Конечно дело, — поспешил согласиться Климов. — Ребры человеку вынать или там чего другое — это ведь не раз плюнуть.

— Вот я и говорю, с точки зрения.

— Да...

— Василий Прокопыч, глядите, что это там за город виднеется? — показал лекпом.

Вдали под пологим склоном поля сияли в солнечном мареве золотистые купола колоколен.

— А пес его знает... Стойте-ка, я сейчас у Вихрова спытаю.

Трубач выехал из строя, съездил в голову колонны и вскоре возвратился обратно.

— Узнали? — поинтересовался лекпом.

— Узнал, Федор Кузьмич. Умань это. Вихров говорит, здесь нам дневка.

— Умань? А-а... — Кузьмич покачал головой. — Значит, приехали. Факт!

Вдали послышался звук орудийного выстрела.

Кузьмич встревоженно взглянул на приятеля.

— Слышите, Василий Прокопыч? — спросил он с опаской.

— Тяжелая бьет. Видать, фронт близко, — спокойно ответил трубач.

В передних рядах запели песню. Митька Лопатин прислушался и подхватил:

...Заплакала моя Марусенька
Свои дивны очи...

Ехавший по левую руку от него старый боец Барабаш с досадой сказал:

— Ну чего ты ревешь, Митька? Какой черт тебя ду-

шит? Смотри, как твоя кобыла ушами вертит. Не нравится ей.

— А что? — Митька, улыбаясь, посмотрел на него. — Моя кобыла понимает. Привыкла к шибко хорошему голосу. Знаешь, кто на ней ездил раньше? Кривонос. Наш, донбассовский. Вот голос был! Соловей.

Голова колонны втянулась в пригороды и остановилась. Было видно, как передние всадники начали спешиваться и разводить лошадей по дворам.

Петька привязал своего мышастого конька во дворе под поветью, набрал сенной трухи, лежавшей на жердях, и кинул ее в телегу под морду конька.

Мышастый конек зло прижал уши и опустил презрительно вздрагивающую нижнюю губу, поросшую жесткими волосками, вкладывая в это движение все свое неуважение к незадачливому хозяину.

— Лопай! — сказал Петька.

Конек фыркнул и отшвырнул мордой сено.

— Ну, значит, сыт, коли не хочешь, — заключил Петька. Он оглядел большой двор, с довольным видом приметил колодец и направился в хату.

Ни в черной комнате, ни в горнице никого не оказалось. Вдруг Петька вздрогнул от неожиданности. За дверью среди других вещей висели синие галифе. У него захватило дыхание. Не в силах превозмочь искушения, он потрогал брюки. «Эх, ну и сукнецо! Кавалерийские! Да... Было б это у Махно, то раз, два — и точка!» Но новое положение обязывало, и он, покряхтывая и стараясь больше не смотреть на брюки, отошел к окну.

В сенях послышались шаги. С озабоченным выражением на полном румяном лице в хату вошла невысокая женщина в аккуратно повязанном белом платочке.

— Здравствуйте, хозяюшка, — вежливо поздоровался Петька. — Вот в гости к вам заехали.

— Здравствуй, здравствуй, сынок! Я и то бачу — конь во дворе. — Она внимательно посмотрела на Петьку. — Поди, исты хочешь, сынок?

— Не смею отказаться, мамаша, — сказал Петька с солидным достоинством. Он отпустил ремень и присел па лавку.

Хозяйка поставила на стол сало, кринку молока и нарезала хлеба.

— Ешь, ешь, коханый, — ласково говорила она. —

У меня тоже вот сынок второй год на службе. Может, и его хто покорме. Долго вы в нас простоите?

— А что?

— Да мне пидти треба, а хату некому поберегти.

— Иди, иди, мамаша. Я побуду, — успокоил Петька. — Только вот брюки бы ты убрала.

— На шо?

— Ну, мало ли кто зайдет. Унести могут.

— Шо ты, голубчик! Христос с тобой. У нас такого сроду не бывало.

— Мало ли чего не бывало. Время военное. Галифе — эти тоже вроде военные. Так что все может случиться. Ты все же, мамаша, убери их от греха.

Хозяйка недоуменно посмотрела на Петьку, сняла с гвоздя брюки, свернула их и унесла в горницу запереть под замок.

Петька вздохнул с радостным сознанием, что искушение на этот раз миновало его.

В приоткрывшейся двери показался Сачков. Он глянул по сторонам и, потянув носом, спросил:

— Ну как, Кожин, квартира?

— Квартира что надо, и колодец во дворе, — бойко сказал Петька.

— А почему один стал?

— Я, товарищ взводный, как раз с левого фланга шел. Вот и остался последним.

— Перейдешь ко мне на квартиру, — помолчав, сказал Сачков.

— Хозяйка просила хату постеречь.

— Тебя просила? Гм... Скажите, пожалуйста! Так ты, значит, сторожем?

— Вроде того.

— Ну, в таком случае я до тебя перейду. Вместе сторожить веселее... Ты, Кожин, вот чего мне скажи: почему у тебя конь худой?

— Не ест, товарищ взводный. Все уши поджимает. Может, больной?

— Больной? А ну пойдем посмотрим.

Петька вылез из-за стола, прихватив с собой остатки сала.

Они вышли во двор.

Петькин конек, понурив голову и распустив губы, стоял у телеги.

— Тебе, Кожин, приходилось за конями ходить? — спросил Сачков.

— Да вроде не приходилось, товарищ взводный. Я ведь городской житель.

— Та-ак... А чем ты кормишь его?

— Известно чем — сеном. Ну, овес, когда бывает, тоже даю.

— Понятно. — Сачков покачал головой.

— А что понятно-то, товарищ взводный?

— Слушай сюда. Вот, скажем, поступил бы ты к хозяину работать, а он бы тебя одной картошкой кормил.

— Ну?

— Так ты бы не только уши поджал, а обложил бы его и туда, и сюда, и обратно. А? Правильно я говорю?

— Все может быть.

— Вот. А конь — животная бессловесная. Сказать не может, но сразу видать — не любит и презирает тебя. А сам, поди, думает: «Ну и хреновый кавалерист мой хозяин».

— Ну?

— Ты не нукай, а слушай! — рассердился Сачков. — Я тебя, дурака, научить хочу. Вот!

— Чем же мне его, взводный, кормить? — недоумевая, спросил Петька.

Сачков с гневным видом покачал головой.

— Еще спрашиваешь! Морковки расстарайся. Сечки засыпь с мукой. Сена настоящего достань. Соображать надо! А ты вот полез из-за стола — скорей сало в карман, а нет, чтоб хлеба коню. А конь — первейший твой друг. Другой конь лучше тебя соображает, только что человечьего языка нет... Я вот действительную службу в пограничниках служил. Так вот был у нас на заставе конь. Костиком звали. Старый служащий. Еле ходил. Два шага пройдет, на третьем падает. Да... И до чего умный был! Вся застава его любила. Ну, приезжает до нас новый ротмистр, пошел на конюшню и Костика увидел. «Это што, — говорит, — за шкилет? Отвести одра на живодерню. Даром казенное зерно ест». Ну, повели нашего Костика. Вся застава вышла его провожать, да как крикнут «ура!». А Костик, значит, почувствовал. Как подскочит! Шею выгнул, хвост трубой, а сам галопом, галопом! Ну, думаем, сейчас весь рассыплется. Проскакал он эдак шагов сто, упал и подох. Вот, брат, какой умный конь: помирать, так с музыкой. А ты говоришь!.. Я вот с новобранства конюш-

ку получил. Егоркой звали. Маленький, косматый и кусался. Так я попервам, как он на меня бросился, морду ему побил, а потом начал лаской брать. И так мы с ним подружились, что я ему свою жизнь рассказывал... Вот, Кожин, какие дела. Коня любить и уважать надо, как родного брата...

Пользуясь дневкой, бойцы сидели на лавочке за воротами. Тут были Митька Лопатин, Харламов, молодой казак Аниська и хозяин — бывалый солдат с выскобленным до синевы подбородком, успевший повоевать и на японской войне, и на германском фронте. Он щедро угощал бойцов табаком, поддерживая разговор на злободневный по тому времени вопрос о продразверстке.

— Ты, товарищ, будь добрый, вот чего мне растолкуй, — говорил он, обращаясь к Харламову. — Скажи, кто такой есть средняк? А то иные-прочие под одно гребло всех метут — и кулака и средняка. «Вы, — говорят, — есть паразиты». А разве я убил кого? Будь добрый, скажи.

— Что ж, можно. — Харламов, собираясь с мыслями, сбоку посмотрел на солдата. — Середняк, стало быть, есть такой человек, который посередке стоит и, как бы сказать, к капиталу не приверженный. Ну и...

— Подожди, Степа, я объясню ему по-партийному, — перебил Митька Лопатин. — У меня тут газетка есть. Шибко хорошо написано. — Он порылся в сумке, достал газету, бережно развернул ее и, значительно посматривая то на солдата, то на Харламова, начал читать.

— «...Середняк — это такой крестьянин, который не эксплуатирует чужого труда». — Митька строго поглядел на солдата. — А ты, отец, как? Эксплуатируешь?

— Как это? — не понял солдат.

— Чужим хребтом не живешь? Сам работаешь или работника держишь?

— Какого там работника! — отмахнулся солдат. — Сыны у меня были, сейчас на фронте, только младший дома, вот мы втроем и работали.

— Сыны не считаются. Слушай дальше: «...не живет чужим трудом, не пользуется ни в какой мере никоим образом плодами чужого труда, а работает сам, живет собственным трудом».

— Значит, я и есть самый средняк! — обрадовался

солдат. — Ну, дай тебе бог доброго здоровья... И как это в газете все понятно написано!

— А разве может быть непонятно, если большевики пишут?

— Большевики?

— А как же!

— Да-а...

Из-за угла появился боец в буденовке. Он бежал и, махая руками, кричал:

— Братва, давай быстро на митинг! Товарищ Калинин приехал!

Торопливо заправляясь, конармейцы побежали в поле. Там уже шевелилась и шумела живая масса бойцов. Все смотрели туда, где у одинокой тачанки развевались Красные знамена и была видна статная фигура Ворошилова. Со всех сторон подбегали и подъезжали верхом новые люди. С гиком примчался пулеметный эскадрон какого-то полка 4-й дивизии. Ездовые, лихо придержав лошадей, въехали в толпу.

— Тише, братва! Держи! Народ подавите! — закричали вокруг голоса.

Но ездовые пулеметных тачанок, искусно управляя, все же заехали почти в самую середину толпы.

— Тише! Тише! — закричали вокруг.

На тачанку у знамен поднялся Ворошилов.

— Товарищи! — крикнул он, простирая руку вперед. — Сейчас по поручению партии большевиков выступит «всероссийский староста» Михаил Иванович Калинин.

— Ура! — закричали бойцы.

Крик пронесся по всему полю и замер, перейдя в нестройный рокот и гул.

В простой, выгоревшей добела солдатской гимнастерке и в черном картузике на тачанку поднимался Калинин.

Бойцы увидели знакомое лицо с бородкой клинышком и нависшими усами. За стеклами очков в приветливой улыбке светились глаза.

— Товарищи красноармейцы! — заговорил Михаил Иванович своим негромким, глуховатым голосом. — Передаю вам привет от нашего вождя и учителя товарища Ленина и от всех трудящихся Советской России.

Новый взрыв голосов потряс воздух. Задние надвинулись и рванулись вперед. Кузьмича закружило и отбросило к самым тачанкам. Его толкали со всех сторон, и ему стоило большого труда удержаться и не упасть

под ноги лошадям. Сейчас каждый заботился только о себе. Хватаясь за чужие спины и руки, задние упорно пробивались вперед.

— Что, что он говорит? — спрашивали вокруг голоса. — Тише, ребята! Дайте послушать!

— Говорит: большая надежда на нас, на Конную армию, — весело сказал боец в папахе. — Ну и...

Дальнейшего Кузьмич не услышал.

Громкий крик прорвал вдруг наступившую тишину:

— Ероплан!..

Из курчавых облаков хищно скользил вниз самолет.

— Бросил! Бросил! — пронесся чей-то вопль.

Толпа заволновалась и кинулась в стороны.

Ахнул оглушительный взрыв.

Кузьмич, пыхтя, полез под тачанку. Там уже кто-то сидел. Приглядевшись, он узнал Сидоркина.

— Бьет, гад! — сказал Сидоркин, не глядя на него.

Высоко в небе слышалось частое щелканье выстрелов. С самолета открыли пулеметный огонь. В стороне рвали воздух короткие залпы. Кузьмич выглянул из-под колеса. Калинин спокойно стоял на тачанке и, прищурившись, посматривал вокруг. Возле него тесно сгрудились бойцы.

Устыдившись минутной слабости и боясь потерять взятый раз навсегда самоуверенный вид, лекпом полез спиной из-под тачанки.

— Федор Кузьмич, что это вы задом ходите? — произнес над ним насмешливый голос.

Лекпом оглянулся и увидел Климова.

— Трубку обронил, никак не найду, — сказал он, выпрямляясь.

— Так она ж у вас в руке, — показал трубач.

Кузьмич сплюнул с досады:

— Тьфу! Черт ее забодай! А я-то ищу.. Ну ладно, молчок, Василий Прокопыч.

— Могила, Федор Кузьмич...

Самолет, описав круг над полем, стал набирать высоту и, провожаемый ружейными залпами, вскоре исчез в облаках.

— Нет, ты только погляди, Роговец, какой боевой Михаил Иванович-то, а? — говорил пожилой боец товарищу с седыми усами. — Ведь на что я бывалый, а и то у меня волосы на голове дыбом встали. Мне еще не приходилось

с этими, с еропланами-то. А он хоть бы что! Стоит себе — и ладно. Я как увидал, так у меня все в смятенье чувств пришло. Приехал к нам такой человек, а я, вместо того чтоб его уберечь, в кусты кинулся. И ведь как приехал — знамена привез. А это понимать надо: боевое знамя — святыня. Ай, нехорошо!.. Ну скажи, как совестно стало, выразить не могу. Вот, брат, какие они, наши вожди.

— А ему под пулями не впервой, — сказал тот, кого называли Роговцом. — Ребята сказывали, что он в революцию в Питере бригадой командовал.

— Ну? Кто говорил?

— Не то Мингалев, не то Бобкин. Не помню.

Слушая их разговор, Кузьмич и Климов протискивались за ними вперед. Они выбрались почти к самой тачанке как раз в ту минуту, когда Калинин вручал полкам боевые знамена. В поле разносились звуки «Интернационала».

— Ишь ты! И тридцать шестому дали! — произнес с явной завистью Климов. — А чем наш полк хуже?

— Ребята, чего вы толкаетесь? — сердито сказал стоявший рядом высокий боец.

— А что? Надо и нам, факт, посмотреть, — возразил Кузьмич, приподнимаясь на носки и крепко беря Климова за руку. Но небольшой рост того и другого не давал им возможности видеть, что происходит впереди. Они могли только слышать, что говорят.

— Глядите, и шестьдесят первому знамя дают, — сказал высокий боец.

Сделав отчаянное усилие, Климов вылез вперед. Чувство восторга и радостного сознания высокой награды за себя, за товарищей, за весь полк охватило его. Он смотрел не мигая на Поткина, который с взволнованным, красным, счастливым лицом стоял у тачанки и, приложив руку к фуражке, слушал Калинина.

— Товарищи, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет награждает шестьдесят первый конный полк Красным знаменем, — говорил Калинин, держа древко знамени обеими руками. — Награждает за труды и доблесть, проявленные на Донском, Кавказском и Кубанском фронтах, за те жертвы, за ту беззаветную преданность, которые этот полк проявил. Я думаю, товарищи, что я смогу передать ВЦИКу, что как бы враг ни был силен и организован, он никогда не сможет захватить это знамя как трофей. Ваши знамена, побывавшие под

пулями, с гордостью будут возвращены в музеи и поставлены там, где они будут видны всему миру...

Гремел оркестр. По всему полю перекатывались громкие крики «ура».

Вручив боевые знамена, Калинин стал спускаться с тачанки. Десятки рук потянулись к нему и, подхватив, бережно поставили на землю. Бойцы тесно обступили Михаила Ивановича.

— Тише, товарищи! Осторожно! — улыбаясь, говорил Ворошилов.

— Да мы осторожно. Нам бы только вопросик задать... Михаил Иванович, скажите, какое у нас в тылу положение? Верно говорят, голод-то ликвидировали, а по продразверстке облегчение будет? — спрашивали красноармейцы.

Калинин, сняв очки и протирая их платком, прищуренными глазами добродушно смотрел на бойцов. Выждав, пока наступила относительная тишина, он начал обстоятельно отвечать на вопросы.

Бойцы внимательно слушали, переглядывались и в знак одобрения покачивали головами.

— Михаил Иванович, а верно говорят, поляки не хотят с нами воевать? — спросил высокий красноармеец в папахе.

— Смотря какие поляки, товарищ, — сказал Калинин, внимательно посмотрев на него. — У нас есть сведения о выступлениях польских рабочих против войны с Советской Россией, но... — он поднял вверх указательный палец, — но ни в коем случае нельзя надеяться на легкость этой войны. Нам придется встретиться со стойким и упорным противником.

— Ничего, Михаил Иванович, Деникина разбили и панов достигнем, — уверенно произнес боец в буденовке.

— Товарищ Ленин очень надеется на Конную армию, — заметил Калинин.

— Надеется? Да уж что и говорить, одно слово — Конная армия! — весело заговорили бойцы. — Вы, Михаил Иванович, так и передайте товарищу Ленину, что мы, мол, не подкачаем, а вдарим так, что паны и сами забудут и другим закажут дорогу до нашей стороны.

— Факт!

— Ясно!

— Зря говорить не будем!

— Ребята! А ну качнем Михаила Ивановича!..

2

В большой, хорошо обставленной комнате с приспущенными шторами на окнах находились два человека. Один из них, пожилой, в генеральских погонах, сидел за столом, устало откинувшись на спинку кресла и положив худые руки на папку с бумагами. Тонкий солнечный луч, пробиваясь в окно, лежал на его бледном лице и, сбегая вниз, искрился на толстых жгутах пропущенного из-под погона аксельбанта. Другой, моложавый полковник, тихо позванивая шпорами, ходил по мягкому ковру. Из соседней комнаты доносилось прерывистое пощелкивание телеграфного аппарата.

— Она приближается широким фронтом, примерно в сорок-пятьдесят километров, — говорил полковник вполголоса. — Это свидетельствует о намерении нащупать наш фронт, с тем чтобы немедленно развить главными силами успех, одержанный какой-либо из дивизий первой линии.

— Успех! — генерал усмехнулся, от его коротких усов скользнули в углы рта морщинки. — Следовательно, полковник, вы полагаете, что большевики смогут одерживать победы?

Полковник остановился у стола.

— Я не предполагаю, а уверен в этом, ваше превосходительство, — твердо сказал он, помолчав. — Что такое Россия? Советская Россия — это кипящий котел, о который уже многие обожглись. Посмотрите, как дерутся их босые, голодные солдаты. Вы только что прибыли на фронт, а я видел их в бою.

Генерал, щелкнув портсигаром, закурил папиросу и внимательно посмотрел на начальника штаба.

— Неуверенность в победе — это уже почти поражение, — заговорил генерал. — И если бы за эти годы я не узнал вас так хорошо, то, поверьте, сделал бы заключение не в вашу пользу. Да... Наша победа обеспечена. Ну, посудите сами, что смогут противопоставить большевики тому, чем располагаем мы? По агентурным данным, у Буденного несколько аэропланов устаревших конструкций, пять бронепоездов, несколько бронемашин и четыре артиллерийских дивизиона. Как будто так?

Полковник молча кивнул.

— Ну вот! А вы говорите. Помимо того, мы располагаем тройным превосходством в живой силе. Нет, я очень

рад, что офицеры и солдаты разделяют мнение маршала о небоеспособности конницы большевиков.

— Да, но эта небоеспособная конница разбила Деникина.

Генерал пренебрежительно махнул рукой.

— Ну, то Деникин! А здесь ей придется встретиться с нашей великолепной пехотой. Я больше чем уверен, что наши передовые части не допустят ее даже до линии фронта. Слышали, генерал Корницкий дал слово, что он со своими уланами вдребезги разнесет Конную армию?.. Конная армия! — генерал усмехнулся. — Нет, это какая-то стратегическая нелепость!.. Не напоминает ли это вам, полковник, седые времена татарских набегов? Ха-ха-ха! Не хватает еще, чтобы у них были дротики и колчаны со стрелами.

Из соседней комнаты просунулась голова телеграфиста.

— Проше пана пулковника!

Полковник прошел в соседнюю комнату и вскоре возвратился с телеграфной лентой в руках.

— Ну, что там? — позевывая, спросил генерал.

— Армия Буденного подошла к линии фронта, — ответил полковник, кладя на стол телеграфную ленту.

Иван Ильич поднял голову от карты и посмотрел на сидевших против него командиров.

— Значит, так, — сказал он, — наша дивизия имеет задачей овладеть опорным пунктом противника у деревни Дзионьков. В голове пойдет наш полк, а впереди — наш эскадрон. Поимейте в виду, товарищи командиры, что надо действовать со всей решительностью. Пусть паны узнают, что такое Конная армия... Вихров, как себя чувствуешь?

— Хорошо, товарищ командир.

— Добре. Пойдешь в разведку. Маршрут: Липки — Жижков — Дзионьков. Записал? Так... Выступаем в три тридцать утра. Значит, успеете еще добре выспаться. Ну, вот и все у меня. Вопросов нет?.. Нет. Можно разойтись...

Выйдя от Ладыгина, Вихров послал ординарца с приказом Сачкову собрать через полчаса взвод на беседу, а сам пошел через село, решив зайти в полковой околоток и на всякий случай попросить бинтов. Он пошел напрямик заросшим лопухами оврагом, перебежал кладку через ручей и, поднявшись на противоположную сторону,

вышел на обсаженную тополями дорогу. На пригорке, в стороне от дороги, белел среди зелени небольшой домик с приткнутым у палисадника санитарным флажком. Глядя сейчас на этот флажок, Вихров поймал себя на мысли, что ему не так были нужны бинты, которые он хотел попросить, как хотелось увидеть Сашеньку. Его влекло к этой девушке с тех пор, как он увидел ее на походе. И хотя он с ней часто беседовал и всегда мог зайти запросто, он начал думать о том, как она встретит его. Наконец, решившись, он взбежал на пригорок, толкнул калитку и вошел в палисадник. Черный, с желтыми бровями, лохматый пес, дремавший в тени у крыльца, при виде его встал, зевнул, потянувшись, словно сделал ему реверанс, и сел, доброжелательно стуча хвостом по земле.

Вихров прошел через сад и остановился у раскрытого окна. Привстав на носки и чувствуя, как у него сильно забилось сердце, он заглянул в комнату.

Сашенька сидела спиной к нему над книгой. Он видел только ее узкие, совсем еще детские плечи и затылок с золотистыми завитками волос.

— Ах, это ты? — воскликнула она, обернувшись. — Постой, а кто тебе разрешил снять повязку?

— Сам, — сказал Вихров. — Надоело. Да уже все прошло. Вот посмотри. — Он снял фуражку.

— Постой, я сейчас сойду к тебе. Только я босиком.

Сашенька взяла со стола книгу, вскочила на подоконник и, блеснув смуглыми ногами, спрыгнула в сад.

— Давай посидим, — она показала на скамейку.

Они сели в тени.

— Что за книга? — спросил Вихров.

— Синклер, «Король-уголь».

— Где ты достала?

— Тюрин принес.

— Тюрин? А зачем он сюда ходит?

— Да сюда все ходят. Хорошие ребята. И любознательные. Мне нравится, что они все относятся ко мне потоварищески.

— Ну, это только ты умеешь себя так поставить, — заметил Вихров.

Сашенька внимательно посмотрела на него и заговорила своим проникновенным, ласковым голосом:

— Видишь ли, Алеша, каждая девушка, если она уважает себя, всегда поставит себя так, что к ней будут от-

носиться по-товарищески. У нас, у женщин, как-то больше, чем у вас, жизненного опыта.

Вихров молча смотрел на Сашеньку.

— Знаешь, Алеша, я так благодарна своему отцу, — говорила она. — Я ничего никогда не скрывала от него, и он многому меня научил.

— А я вот своего отца не помню, — сказал Вихров.

— Умер?

— Нет. Погиб в русско-японскую войну. Он был военный... Штурманом на «Наварине». Рассказывали, что он первым бросился в море, когда японцы предложили им сдаться в плен.

Они помолчали.

— А что Маринки не видно? — спросил Вихров.

— Она в дивизию поехала, — сказала Сашенька. — А что?

— Да нет, я просто так спросил. — Вихров взглянул на часы. — Ну, Саша, мне пора, — сказал он, поднимаясь.

— Торопишься? — спросила Сашенька.

— Да. Нужно по делу.

— Так ты, смотри, заходи.

— Обязательно.

Вихров попросил у Сашеньки бинт, попрощался с ней и вышел из сада...

Чуть брезжил рассвет. Эскадрон собирался на сельской площади. Тихо подъезжали тачанки. Во тьме вспыхивали красные огоньки папирос. Воздух свежел. Бойцы переступали с ноги на ногу, в который раз оправляли седловку. В одном из дворов, захлопав крыльями, заорал петух. Ему ответили с другого конца, и по всему селу на разные голоса понеслось петушиное пение. Небо на востоке светлело. В глубине площади мелькнул силуэт всадника. Слышно было, как он, подъехав к эскадрону, спешился, звякнув стременем. Впереди что-то заговорили, и знакомый голос Ладыгина подал команду. Люди зашевелились и, перестраиваясь попарно, повели лошадей в поводу. Ездовой крайней тачанки тронул вожжами и крикнул вполголоса:

— А ну, орлы, шевелись!

Пристяжные, прижав уши, чуть присели на задние ноги, легли в шорки и дружно потянули постромки. Посту-

качая колесами, тачанки одна за другой потянулись вслед эскадрону... Еще долго, все затихая, слышались конский топот и дребезжанье колес. Потом и последние звуки потонули в утренних сумерках

Вихров вел разъезд рысью. Вправо от дороги глухой, темной стеной стоял вековой лес. Между частыми стволами деревьев мелькали крошечные фигурки дозорных.

Обогнув глубокую балку, разъезд вышел к вершине горы. Вихров остановил лошадь и стал смотреть влево, где за узкой полоской реки, бежавшей по зеленому лугу, виднелись маленькие, как спичечные коробки, домики с красными крышами.

— Товарищ командир, глядите, дозорный знак подает, — показал Митька Лопатин.

При виде махавшего шашкой дозорного Вихров решил остановить разъезд, оставив за себя Сачкова, а самому проехать вперед. Он спустился по косогору, переправился через глубокий ручей и подъехал к дозорным. Харламов, старший дозора, стоял на пригорке и, раздвинув кусты, смотрел на тот берег реки. Три бойца лежали в высокой траве и, переговариваясь шепотом, посматривали вперед. Леонов наблюдал правую сторону, где находилось открытое поле. Лошадей держал Миша Казачок.

— Противник, — сказал Харламов, оглядываясь через плечо.

Вихров слез с лошади, передал ее ординарцу и подошел к Харламову. На противоположном берегу, правее моста, он увидел двух уланов. Придерживая беспокойно переступавших лошадей, они стояли на месте и, видимо, совещались о чем-то.

— Только двое? — спросил Вихров.

— Да. Минут пять как стоят, — сказал Харламов.

Один из уланов, сидевший на большой серой лошади, переложил пику на бедро и тронул лошадь рысью к реке. Высоко вскидывая ноги и пригнув голову к могучей груди, лошадь побежала по блестевшей под солнцем росистой траве.

— Змей, а не конь! Такой один пушку потянет, — с восторгом произнес лежавший в кустах боец в шахтерской блузе.

Не доезжая моста, улан остановился, из-под руки оглядел противоположный берег и возвратился к товарищу. Оба опять постояли на месте, потом повернули лошадей и грузно поскакали назад, к перелеску.

— А пики-то везут все равно как дрючки, — сказал Харламов насмешливо. — Эх, мне бы пику! Показал бы я им, как пикой владеть!

— Чего же ты свою в обозе покинул? — покосившись на него, спросил боец в шахтерской блузе.

— Одному, что ль, возить? — огрызнулся казак. — Твоя-то где?

— Нам, шахтерам, она не с руки. Раз попробовал на коня садиться, а она мне промеж ног воткнулась. Ну ее! Сдал в обоз.

Вихров, все время смотревший в бинокль, жестом прекратил разговоры: из перелеска на болотистый луг, растянувшись гуськом, рысью выезжали уланы.

Вихров пересчитал всадников, их было восемь, написал донесение и отправил связного к Ладыгину. Потом он разделил дозор на две части, укрыв бойцов в засаде.

Уланы ехали рядами по двое. Шагах в двух от переднего ряда на заметно прихрамывающей лошади ехал пожилой рыжий поручик. Сердито хмурясь, он громко выговаривал полному капралу с толстым животом.

Вихрова поразила немецкая речь офицера.

— Ферфлюхтер швейн! Старий каналий! — гневно говорил поручик, багровея. — Зачем зидлайть на мене серым лошадким, а? Надо било зидлай на мой вороному лошадя! Он карошний! Шипко отшень луччи... У, старий каналий! Мой будет тебя непременно шерта посылайт...

Вихров толкнул локтем Мишу Казачка и, ломая кусты, широким прыжком махнул на дорогу.

— Бей!..

Он обрушил клинок на голову поручика. Тот ткнулся вперед, на секунду повис на поводьях и боком сполз на дорогу. Уланы кинулись к мосту. Но навстречу им ударил Харламов с бойцами.

— Отдай пику, пан! — страшным голосом гаркнул Харламов, подскочив к капралу.

Харламов перехватил клинок в зубы и, на скаку поймав пику, рванул ее на себя. С треском лопнул бушмат *. Капрал поднял руки.

Вдоль лесистых холмов, то едва слышно, то, когда поддувал ветер, накатываясь волной, потрескивали ружейные

* Бушмат — кожаная петля на нижнем конце пики.

выстрелы. Там эскадрон Ладыгина вел бой с охранением укрепившегося противника.

Поткин стоял на опушке и, подняв локти, смотрел в бинокль. Вдали за рекой, в дрожащем солнечно-дымчатом мареве, раскрывалась заросшая лесом холмистая панорама деревни; и казалось, и холмы, и леса, и деревянная колокольня с почерневшим от старости куполом шевелились и двигались, стремясь подняться в ослепительно синее небо.

Поткин опустил бинокль и посмотрел влево, где в нескольких шагах от него сидели в тени Ушаков и квартирмейстер Гобаренко, недавно спасенный из плена.

— Ну как? — спросил Ушаков, перехватывая взгляд командира полка.

— Сильно́ укрепились, — сказал Поткин. — Здесь их так не возьмешь.

Ушаков поднялся, подошел к командиру полка и, расставив ноги, тоже стал смотреть в бинокль.

— Что-то я не разберу, где у них окопы, — сказал он, пристально вглядываясь.

— У самой речки мельницу видишь? — спросил Поткин.

— Ну?

— Чуть повыше отдельное дерево видишь?

— Ну, ну?

— Вон там у них проволока и первая линия окопов... А теперь повыше и правее озера видишь, вроде чернеется?

— Вижу.

— То вторая линия.

— Та-ак... — протянул Ушаков. — Правильно Семен Михайлович говорил, что это не деникинский фронт. Без артиллерии их отсюда не выбить.

— Вот и я говорю.

Они помолчали.

— Товарищ комполка, начдив едет! — сказал Гобаренко, повертывая к Поткину свое крупное, в глубоких морщинах лицо.

Поткин оглянулся. Сворачивая между частыми стволами деревьев, из глубины леса ехал Морозов в сопровождении штабных ординарцев.

— Где комбриг? — спросил он, подъехав и поздоровавшись с командирами.

— Я за него, товарищ начдив, — сказал Поткин. — У комбрига опять рана открылась.

На длинном рябоватом лице Морозова появилось выражение неудовольствия.

— Опять из строя выбыл, — сказал он с досадой. — Я ж ему говорил, чудаку, что надо в госпиталь ложиться. Ну ладно, бригаду ты поведешь. Говори, что тут выглядел? — Морозов посмотрел в бинокль.

Поткин в двух словах доложил обстановку.

— Ну, это-то я сам знаю. Я на сосне сидел и все как есть видел. За деревней у них артиллерия, — сказал Морозов.

Он опустил бинокль и вынул из сумки карту.

Уточнив по карте обстановку, Морозов кратко изложил свое решение. С наступлением темноты вторая бригада с бронемашинами должна была наступать в пешем строю на южную окраину опорного пункта; первая под командой Поткина атаковывала деревню с севера в конном строю; третья поддерживала и развивала успех второй бригады. Основная задача сводилась к тому, чтобы, прорвав оборонительную полосу противника, выйти ему в тыл.

— Значит, так, — говорил Морозов. — Ты пока стой на месте, только броды сыщи, а как вторая бригада ворвется в окопы, я тебе сигнал дам ракетой... Смотрите, товарищи, действуйте по-буденновски. Я сейчас получил сообщение, что шестая дивизия под Гайвороном вдребезги разнесла уланскую дивизию генерала Корницкого.

— Корницкого? — спросил Ушаков.

— Да. Семен Михайлович как-то говорил, что он служил у Корницкого унтер-офицером, когда тот командовал эскадроном... Пленные сообщают, что Корницкий хвалился привести Семена Михайловича в плен на веревке. А вот сам еле ноги унес...

Приказав Поткину немедленно выслать подводы за снарядами, Морозов поехал на свой наблюдательный пункт.

— Товарищ Гобаренко! — позвал Поткин, проводив взглядом Морозова.

— Я вас слушаю, товарищ комполка! — бойко откликнулся квартирмейстер.

Бодро ступая, он подошел к командиру полка.

— Помнишь станцию, что утром проезжали? — спросил Поткин.

— Как же не помнить, товарищ комполка? — улыбнулся Гобаренко. — Там еще бронепоезд стоял.

— Правильно. Сейчас туда прибыли огнелетучки. Бери двадцать бричек и гони за снарядами. Начдив приказал. Нажми на них как полагается, если будут мало давать. Ну, да ты это умеешь. — Поткин взглянул на часы. — Пять часов, — сказал он. — Надо тебе дотемна возвратиться. Пойдем в наступление.

— Разрешите мне взять с собой командира хозвзвода? — попросил Гобаренко.

— Захарова? А на что он тебе?

— Вдвоем удобнее, товарищ комполка.

— Ну ладно, бери. Только, смотри, быстрей ворочайтесь.

— Слушаю, товарищ комполка. Не извольте беспокоиться, все будет в полном порядке. — Гобаренко лихо откозырял и, повернувшись к опушке леса, где стояли коноводы, весело крикнул: — Сидоркин, коня!

Лес глухо шумел. Легкий ветер медленной волной пробегал по вершинам деревьев, и тогда солнце, проникая сквозь ветви, играло лучами на молодой ярко-зеленой траве. Со стороны реки продолжали потрескивать ружейные выстрелы.

Маринка, Дуська и Сашенька лежали подле санитарной линейки и, сблизив золотистую, черную и русую головы, тихо беседовали. Поодаль вокруг деревьев стояли подседланные лошади, сидели и лежали бойцы первой бригады.

— Ты, Дуся, не обижайся, а я всегда буду тебя поправлять, — прикусывая травинку, говорила Сашенька. — Это уж у меня привычка такая.

Дуська сморщила носик.

— А не все ли равно, как говорить? — с досадой сказала она.

— Если б было все равно, то ученые не писали бы книг, — заметила Сашенька.

— Ну, то ученые, а мы не ученые. Нам и так ладно.

— Как тебе не стыдно, Дуська? — вспылила Маринка, вскинув на подругу красивые сердитые глаза. Ее смуглое мальчишеское лицо покраснело. — Саша-то тебе добра желает, а ты еще задаешься!

— Слова не скажи — все не так.

— Вот и хорошо, что поправляет. Потом сама спасибо скажешь.

— Ну ладно! — Дуська улыбнулась. — Правильно говоришь. Я ведь просто так, поспорить люблю... Ты,

Саша, не серчай на меня... Девушки, а я вам и не сказала: Сачков-то вчера мне предложение сделал.

— Ну?! — в один голос вскрикнули Маринка и Сашенька.

— Ага! Приходит это, знаешь, сапоги начистил. «Позвольте, — говорит, — Авдотья Семеновна, с вами объясниться...» Постой, что-то он тут чудно́е загнул?.. Нутека. Нет, из головы вон — забыла... Ну в общем насчет каких-то уз все толковал.

— А ты что? — спросила Маринка.

— Я? Завернулась и пошла.

— Повернулась, — машинально поправила Сашенька.

— Ну, повернулась. И пошла, ни слова не сказав. Ну его к лешему! Не люблю маленьких мужиков. По мне хоть дурак, а только чтоб большой... Правду сказать, они, большие, все какие-то чудаки...

— Значит, по-твоему, и Дерпа чудак!

— Ну что ты! Только уж больно простой. Даве зашел в околоток. Я чай с сухой малиной пила. «Чего пьешь?» — «Чай с малиной. Хочу вырасти побольше. Малина-то для росту очень даже помогает». А он: «Ну? Что ты говоришь! А я и не знал!»

— Девушки, глядите, вот наши из разведки вернулись, — сказала Маринка, приподнимаясь и глядя в глубь леса, где мелькали между деревьями всадники.

— Кто приехал? — спросила Сашенька.

— Второй эскадрон... Вон Ладыгин едет, — показала Маринка.

— А вот и Вихров! — подхватила Дуська, искоса пытливо глядя на Сашеньку. — Обожаю Вихрова! — умышленно громко проговорила она. — Вот это парень! Присушил он мое сердце. Пропала я, девушки!

— Ты вчера говорила, что Дерпу любишь, — сказала Маринка.

— И его люблю. И Вихрова. Да я их всех люблю! Нет, Тюрина не люблю, — она вызывающе взглянула на Сашеньку. — А так всех обожаю.

— В таком случае, Дуся, ты еще никого по-настоящему не любила, — заметила Сашенька. — Любить можно только одного человека.

— Значит, ты, Саша, считаешь, что всех любить плохо?

— Как любить... Людей вообще надо любить... хороших.

— А что, по-твоему, самое плохое на свете? — помолчав, спросила Дуська.

— Самое плохое разочароваться в человеке, в которого веришь, — отвечая на собственную мысль, тихо ответила Сашенька.

Дуська стремительно вскочила и, приоткрыв рот, уставилась в гущу леса, где, видно было, подошедший эскадрон располагался на отдых.

— Девушки, а ну глядите, кто это там весь обвязанный ходит? — всполошилась она. — Ой, мамыньки! Так это ж Сачков! Ахти мне! Он! Точно он! Башка-то как есть вся обвязанная. И как это его угораздило, старого черта? Ах ты, бедненький мой, желанный!

Она прихватила лежавшую на траве сумку и, прыгая через кусты, понеслась к Сачкову...

— А ты, Саша, правильно говоришь, что по-настоящему можно любить только одного человека, — немного помолчав, заговорила Маринка. — Я вот с первого взгляда его полюбила. Я никогда не верила, что можно так полюбить. Даже смеялась, когда мне говорили. А оказывается, верно... — Она подвинулась к Сашеньке и провела рукой по ее волосам. — Какая ты, Саша, хорошая! Светлая, как солнышко! — с восхищением заговорила она. — А волосы какие! Мягкие, как шелк. Правду говорят: волос мягкий — душа добрая... Я с тобой ужас какая откровенная! Я тебе говорю такое, чего бы никому не сказала... Нет, еще бы одному человеку сказала. Как я люблю Митю! А тебе случалось любить? — Маринка перевалилась на спину и заложила руки за голову.

Сашенька подняла на нее глаза.

— Нет, не случалось, — сказала она, подумав. — Хотя нет, постой, случалось, — радостно продолжала она. — Мне нравился один мальчик.

— Кто такой?

— Миша Мусенкович... Он выходил на охоту с собакой и трубил в рог, а у меня замирало сердце, и солнце, казалось, светило по-другому... А потом один человек мне предложение сделал.

— Кто?

— Начальник земельного отдела. Он часто к нам в командировку приезжал. И вот раз осенью приехал, мы картошку копали. Ватная куртка у меня была, передник из мешка сделан. Он мне предложение сделал, а я в ко-

ровник убежала и всю ночь у коровы на шее проревела... Меня ищут, ищут, а я у той коровы, которую первую научилась доить. Маруськой ее звали. Высокая, черная, а лоб белый...

— Ты что же, отказала ему?

Сашенька грустно улыбнулась.

— Мне тогда и шестнадцати лет не было. Я только на вид была большая.

— Так ты, значит, девушка?

— Да, — вся вспыхнув, ответила Сашенька.

— А глаза какие у тебя... глубокие-глубокие... — нараспев сказала Маринка, заглядывая снизу вверх в теплые лучистые глаза Сашеньки.

— Глубже всех те глаза, которые больше всех плакали, — тихо сказала Сашенька.

— А тебе много плакать пришлось? — участливо спросила Маринка.

— Конечно, сколько меня обижали! Когда растешь без матери, каждый обидит. И вообще мое детство было очень тяжелое. Я и работала, и училась, и дома все хозяйство на мне лежало. Я ведь совсем еще девочка была. Ну, а условия жизни ты сама знаешь... Ведь я такими вот ручонками мамину могилку раскапывала: думала, что она встанет, поможет... Сколько я слез пролила...

— Ну, ничего, — мягко сказала Маринка. — Теперь все это прошло и никогда, никогда не вернется... А как мне хочется подольше прожить и самой все увидеть! — мечтательно продолжала она. — Как ты думаешь, хорошая будет жизнь? Ведь все-таки трудно сейчас.

— Ой, Маринка! — Сашенька присела, прижав к груди смуглые руки. Глаза ее заблестели. — Как бы ни было трудно сейчас, но жизнь будет как сказка! — проникновенно заговорила она. — Нет, ты только подумай! Это что-то необыкновенное будет, если понять здоровым разумом. Видишь, мы сейчас так близко стоим к тому, что делаем, что даже не можем отдать себе отчета в величии того, что совершаем... Я вот читаю сейчас «Король-уголь» Синклера. Потом ты обязательно прочтешь эту книжку. Ты только послушай! На Западе с человеком считаются, если это миллионер или представитель старинной знати. У нас каждый имеет возможность стать настоящим человеком. Все зависит от самого себя. А там нет. О, там только деньги... У нас каждый, кто только способен, может получить образование и стать кем только захочет.

— И я смогу? — живо спросила Маринка.

— А как же! Конечно! Было бы только желание.

— Смотри-ка, а ведь верно. Митя вот тоже так говорит. Он ужас как хочет учиться.

— Товарищи! — раздался рядом чей-то глуховатый голос. — Не видали командира взвода Захарова?

Девушки оглянулись.

Гобаренко верхом на лошади стоял в нескольких шагах от них и, приподнявшись на стременах, что-то высматривал, скользя взглядом по группам сидевших и лежавших бойцов.

— Вы в балочке посмотрите, товарищ квартирмейстер, — сказала Маринка, показывая рукой в глубину леса. — Я видела, обоз туда перешел.

— А как проехать?

— Так просекой и езжайте, никуда не сворачивайте.

— А... Ну хорошо.

Гобаренко в сопровождении Сидоркина поехал рысью по просеке.

Сашенька молча смотрела ему вслед. Она уже несколько раз слышала голос этого человека, и каждый раз ее почему-то охватывал страх. Голос Гобаренко будил в ней неясные воспоминания, связанные с чем-то очень тяжелым. Но как, где и при каких обстоятельствах она слышала этот глуховатый, надтреснутый голос, она не могла вспомнить. Так и теперь, глядя ему вслед, она мучительно старалась что-то припомнить и не могла.

— Ты что, Саша, задумалась? — спросила Маринка.

— Так... ничего, — тихо ответила Сашенька, проводя рукой по лицу.

Неподалеку от них раздался громкий взрыв хохота. Маринка приподнялась и посмотрела. Митька Лопатин, окруженный бойцами, что-то рассказывал. Там же находились Вихров, Ладыгин и Ильвачев.

— Саша, пойдем к ребятам, послушаем, — предложила Маринка.

— Нет, — отказалась Сашенька, — я буду читать.

Маринка с недоумением посмотрела на подругу. Это было непохоже на Сашеньку, которая все свободное время проводила вместе с бойцами и уже успела прослыть в полку первой плясуньей.

— Ну как хочешь. Тогда я одна пойду, — пожав пле-

чами, сказала Маринка, поднимаясь и привычным движением оправляя черкеску, ловко облегавшую ее тонкую, стройную фигуру.

— Товарищ Захаров!

— Чего изволите, товарищ квартирмист? — послышался в ответ бойкий старческий голос.

— Ну как погрузка? — спросил Гобаренко.

— Готово, товарищ квартирмист. Вас дожидаем.

— Хорошо. Веди обоз. Я догоню.

— Слушаюсь, товарищ квартирмист... А ну, сынки! — весело крикнул Захаров, обращаясь к ездовым. — Давай, давай, справа по одному!.. Эй, подвода! Кто там рысью погнал? Осторожней. Не тещу в гости везешь!

Обоз, груженный снарядами, медленно потянулся со станции.

Гобаренко возвратился в классный вагон. Начальник летучки, коренастый седой человек, по виду бывший матрос, с кустистыми бачками на добродушном широком лице, встретил его хитроватой улыбкой.

— Ну как, ошвартовались, товарищ начальник? — спросил он, переглянувшись с сидевшим тут же молодым красноармейцем в буденовке.

— Отправил, — сказал Гобаренко. — Где тут у вас расписаться, товарищи?

— А все-таки одиннадцать ящиков мы вам... того... передали, — добродушно усмехнулся матрос, подавая накладную. — Больно уж вы, кавалеристы, дошлый народ. На ходу подметки рвете. Не успел оглянуться — вагон пустой. Амба.

— А чего их жалеть, снаряды? — заметил Гобаренко. — На общее дело пойдут. Все для победы.

— Уж это как есть, — согласился матрос, качнув головой. — Одному делу служим. — Он поднялся и протянул Гобаренко шершавую руку. — Ну, счастливый путь, товарищ начальник! Да и нам пора концы отдавать. Вот уж и ночь на дворе... Гриша, — сказал он красноармейцу в буденовке, — шумни-ка там машинисту: полный назад.

Едва Гобаренко успел выбраться из вагона, как поезд дернулся и, все прибавляя ход, мягко поплыл мимо него.

Вблизи послышались шаги. Мигая электрическим фонариком, навстречу ему быстро шел человек.

Белый луч пробежал по путям, поднялся и упал на лицо Гобаренко.

— Гуро?! — вскрикнул человек, бросаясь вперед.

Быстрым движением Гуро-Гобаренко выбил фонарик. В темноте пронесся полный ярости крик. Два человека, схватившись, повалились на землю.

Чувствуя, как под его цепкими пальцами разливается мелкая дрожь, Гуро с бешеной силой душил человека. Тот хрипел задыхаясь. Тело его обмякло, слабо дергаясь, деревенело в суставах.

Тяжело дыша, Гуро поднялся на дрожащих ногах, пролез под стоявший на путях порожняк и побежал к пакгаузам, где Сидоркин держал лошадей.

— Кто там кричал? — поинтересовался Сидоркин.

Гуро ничего не ответил и, разобрав поводья, сел на лошадь.

Некоторое время они ехали молча. Гуро думал о том, что наконец-то случайность дала ему возможность избавиться от преследовавшего его второй год человека, соучастника ограбления кладовой клуба анархистов в Москве. Теперь бриллианты, спрятанные им в укромном месте, целиком принадлежали ему.

По уходившей в глубину леса дороге громыхали подводы. На темном горизонте, поблескивая, перебегали зарницы. Оттуда доносился глухой раскатистый грохот.

— Как бы грозы не было, — заметил Сидоркин.

— Какая гроза! Это бой, балда! — сказал Гуро, сердито взглянув на него.

Навстречу подул теплый ветер. Глухо зашумели деревья. В той стороне, где мерцал огонек, отрывисто залаяла и тонко завыла собака. Большая черная птица снялась с дерева; тяжело хлопая крыльями, полетела куда-то. Лошади подняли головы и тревожно всхрапнули.

— А страшно одному по лесу ездить! — сказал Сидоркин, опасливо озираясь.

— Почему страшно? — спросил Гуро.

— А вдруг выйдет какой-нибудь да хватит оглоблей по шее!

— Очень ты ему нужен! — усмехнулся Гуро.

Он подобрал поводья и погнал лошадь к обозу.

В темноте неясно чернели силуэты бодро идущих лошадей, катились повозки с белевшими на них снарядными ящиками.

Гуро проехал в голову обоза.

— Ты что, старый хрен, не видишь, что у тебя сзади творится?! — напустился он на Захарова.

— Чего изволите? — недослышал Захаров.

— «Чего изволите»! Едет тут как черт на свадьбу, старая кочерыжка, а там на целую версту растянулись! — сердито крикнул Гуро. — А ну наведи мне живо порядок!

— Слушаюсь, товарищ квартирмист. Сейчас порядок произведу, — сказал Захаров упавшим голосом. — Ох уж эти мне ребята! Одно слово, обоз.

Он выехал на обочину дороги и, остановив лошадь, стал пропускать подводы мимо себя.

— Товарищ Гобаренко, — тихо заговорил Сидоркин, пристраиваясь сбоку к Гуро, — как мы давеча ехали, я хутор приглядел. Богато живут. Есть чего взять. Может, заскочим? Тут недалеко.

— Засыпаться?

— А раньше?

— Мы тогда двигались, а сейчас стоим на месте. Неужели не понимаешь, балда?

Сидоркин с досадой пожал плечами.

— У тебя сколько гранат? — спросил Гуро.

— Две лимонки.

— Дай мне одну.

Сидоркин молча подал гранату.

Гуро остановил лошадь и прислушался. Вдали на дороге слабо тарахтели повозки.

— Тут где-то была влево дорога, — сказал он, оглядываясь.

— А вот она, дорога, — показал Сидоркин, — аккурат за тем большим деревом.

Они тронули рысью, миновали развилку дороги и, переехав заросшую лопухами канаву, свернули в лес.

Захаров, пропустив обоз и найдя все в порядке, ехал обочиной. «И чего зря ругается! — думал он, посматривая вперед, где, по его предположению, должен был находиться Гобаренко. — Нет, видать, я ошибся в нем. Суматошный это и пустой человек. Беда с этаким служить. У него, у черта, видать, одно на уме — как бы перед начальством выслужиться. Видал я за свой век чертей, а такого сатану не видывал. И еще всякие такие слова выражает. Это старому-то человеку? Тьфу! Как есть пустой человек...»

— Покурить бы, папаша, — сказал ездовой с крайней повозки.

— Я те покурю!

— Да мы тихонько, право! Разреши, товарищ взводный? — попросил другой голос.

— Нет, нет, сынки. Потерпите. Мысленное ли дело курить — такой груз везем, — говорил Захаров тоном человека, не вполне уверенного в том, что приказ его будет исполнен.

Дальнейшее произошло так неожиданно, что он не успел даже ахнуть. Впереди близ дороги вспыхнуло пламя, и, сотрясая воздух, разорвалась граната. По лесу загремели ружейные выстрелы.

— Обошли! Спасайся, братва! — пронесся панический крик.

Ездовые, кружа вожжами над головой, нахлестывали лошадей, понукая их дикими криками. Обоз рысью влетел на левую дорогу.

— Стой, стой! Куда? Застрелю! — отчаянным голосом кричал подскочивший Гуро. Подняв револьвер над головой, он стрелял в воздух, усиливая общую панику.

Вновь раздался взрыв.

Лошади понесли повозки по кочковатой дороге...

Переправившись вброд через реку, Поткин скрытно подводил бригаду к опорному пункту. И он сам, и Ушаков, и полковой адъютант напряженно посматривали вперед, туда, где за лесом колыхалось огромное зарево и откуда доносились артиллерийские выстрелы, но сигнала Морозова — зеленой ракеты — все еще не было.

Укрыв бригаду в лесистой балке, Поткин спешился и вместе с Ушаковым и адъютантом прошел вперед, к опушке.

Отсюда хорошо была видна вся деревня. Красновато-черные клубы дыма, медленно перекатываясь, поднимались в небо, застилая свет месяца. Большие языки пламени охватывали угрожающе трещавшие ели и сосны и горевшую колокольню. Отблески пожара играли на глади большого пруда, и он казался наполненным раскаленным докрасна кипящим металлом. Там по мосткам у купальни перебегали люди.

— Светло, как днем, — заметил Ушаков, опуская бинокль. — Газету можно читать.

Впереди на фоне пожара возник черный силуэт всадника.

— Дерпа едет, — сказал адъютант.

Остановившись в низине, Дерпа грузно слез с лошади и подошел к Поткину.

— Ну как, дружок? — спросил Поткин.

— Есть подступ, товарищ комполка, — сказал Дерна, вытягиваясь. — Если мы пойдемо ось по той балочке, — он широким движением повел рукой в сторону деревни, — то они нас нипочем не увидят. Ну а дальше, до самой деревни, открытое поле.

— Ну хорошо. Оставайся здесь, потом покажешь дорогу, — сказал Поткин, оглядываясь.

Позади них послышался конский топот. Кто-то спрашивал командира полка. Ломая кусты, на опушку выскочил Сидоркин.

— Товарищ комполка! Обстреляли! — крикнул он, подъезжая к Поткину и останавливая тяжело дышавшую лошадь.

— Кого обстреляли?

— Обоз обстреляли! Товарищ Гобаренко раненый!.. Как они на нас кинулись, как давай палить, как...

— Погоди! Не сепети! Толком говори! — оборвал его Ушаков. — Где вас обстреляли?

— Только мы до дороги доехали, а они как жахнут по нас!

— До какой дороги?

— Да там дорога такая. Видать, за сеном ездют. Там все брички как есть в болоте загрузли.

— Много их было?

— С эскадрон. А может, полк. Кто его знает! Обозники еле отбились.

— Гобаренко сильно ранило? — тревожно спросил Ушаков.

— В щеку, с рикошета. А крови!..

Поткин и Ушаков переглянулись.

— Что будем делать? — спросил Ушаков.

— Придется посылать эскадрон, — сказал Поткин с досадой.

Он подозвал Карпенко и дал ему указания отправиться с эскадроном на выручку обоза.

С южной окраины деревни, где как раз в эту минуту вторая бригада прорвалась к первой линии окопов, донеслись крики.

Ушаков взял Поткина за руку и коротко спросил:

— Слышишь?

Поткин прислушался.

— «Ура» кричат. Атакуют, Павел Степанович, — сказал он озабоченно.

— Ракета! — показал адъютант.

Они подняли головы. В кроваво-красном небе медленно таяли зеленые звезды.

Все вокруг ожило. Лес наполнился шорохом. С частым топотом бригада стала спускаться рысью по балке.

Вихров с трудом сдерживал лошадь. Его охватил тот восторженный юношеский пыл, когда хочется, слившись в одно целое со скачущей лошадью, очертя голову броситься навстречу опасности. Ему стоило больших усилий сохранить самообладание и остаться наружно спокойным. Он посмотрел на ехавшего впереди помощника командира полка Максимова, которому Поткин, вступивший в командование бригадой, поручил вести полк. Это был очень смелый молодой командир, но пренебрежительно относившийся к любому противнику и поэтому чрезмерно горячий в бою.

Спустившись по балке, полк переправился через глубокий ручей и поднялся к косогору. Лес кончился. Впереди до самой деревни расстилалось холмистое поле. Полк взводными колоннами выходил к опушке.

— Ты как думаешь бить? — тихо спросил Ушаков, обращаясь к Максимову.

— А вот так — наискоски, — показал Максимов в сторону деревни.

— Всем полком?

— А что?

— Может, разделимся? Часть пустим в обход.

Максимов поморщился.

— Ну, чего там канителиться? И так порубим. Тут всего-то версты полторы — на три минуты движения. Они и оглянуться не успеют, как мы подскочим.

— А ты уверен, товарищ Максимов? — с сомнением спросил Ушаков.

— В первый раз, что ли? На деникинском и не таких рубали, — с пренебрежением сказал Максимов, подбирая поводья и поправляясь в седле.

Он дал шпоры жеребцу, выхватил шашку и полуобернулся к рядам. Бойцы увидели его длинное лицо, освещенное багровым трепещущим светом.

Максимов махнул сверкнувшим, как искра, клинком, и всадники широким галопом вырвались из леса на ярко

освещенное заревом, пересеченное лощинами и перелесками холмистое поле.

Иван Ильич, крикнув команду, помчался вперед. Мелькая белыми бабками, Мишка понес его в поле. Эскадрон устремился за ним.

До деревни оставалось около версты. Расстояние быстро сокращалось. Под копытами лошадей быстро летела земля.

Привстав на стременах, Вихров зорко всматривался в окраину деревни, но там пока не было заметно движения. Справа от него, держа у стремени широкий кавказский клинок, скакал Миша Казачок, слева — Харламов. Позади, понукая запотевших лошадей, мчались Лопатин и Назаров.

Взглянув вправо, Вихров увидел соседний первый эскадрон. Бойцы, откинувшись в седлах, на всем скаку спускались в низину. Вот они скрылись из виду и тотчас же широкой волной вынеслись на ту сторону лощины. Впереди левофлангового взвода, клонясь к шее лошади и кружа над головой сверкающим клинком, скакал Тюрин.

— По-олк! Направление на колокольню! В атаку! Ура! — бодро скомандовал Максимов.

— Ура-а-а! — дружно подхватили вокруг голоса.

Но тут словно свинцовым ливнем ударило по флангу полка, и Вихров, пригнувшись, увидел, как высоко в воздухе блеснули Мишкины бабки. Строй пронесся вперед. «Убили!» — подумал Вихров. Он оглянулся. К Ладыгину вихрем подскочила тачанка. Больше он ничего не увидел: вся масса всадников с криком и топотом понеслась во весь мах, чтобы скорее достичь деревни, и он, подхваченный общим движением, продолжал мчаться вперед. Навстречу полку лихорадочно ударили пулеметы. Лошадь Вихрова резко остановилась. Рядом с ним кто-то упал. Послышались тревожные крики. Бойцы кинулись в стороны. Эскадроны смешались в одну общую массу.

— Назад! Отходи в балку! — загремел голос Максимова. — Живо! Галопом!

Бойцы кучей поскакали назад.

— Стой! Стой, братва! Взводный остался! — крикнул рядом с Вихровым незнакомый боец.

— Где? Какой взводный? — быстро спросил Вихров.

— Тюрин! Эвот лежит! — показывал боец в сторону деревни, где подле куста билась, поднимаясь на передние ноги, гнедая кобыла.

Вихров повернул лошадь и выпустил ее во весь мах.

— Хватай стремя! — крикнул он, подскакав к Тюрину.

Тот лежал без движения.

Вихров спрыгнул с седла, схватил безжизненное тело товарища и, подняв его, перевалил через седло. Он занес уже ногу в стремя, когда в нескольких шагах от него раздался крик:

— Хальт! Стой, пся крэв!

Держа винтовку наперевес, к нему бежали легионеры. Вихров сорвал с ремня гранату и, широко размахнувшись, бросил ее под ноги солдатам. От взрыва лошадь шарахнулась, но он толчком прыгнул в седло и, крепко придерживая тело товарища, поскакал к эскадрону.

Уже на полпути он заметил, что навстречу ему скачет Маринка.

— Кого везешь? — на скаку спросила она, придерживая и повертывая лошадь.

— Тюрина.

— Что, ранило?

— Не знаю.

— Ну давай скорей! Наши отходят.

— А вторая бригада?

— Все, все. Начдив приказал отступать.

— Как наш командир эскадрона?

— Живой. Коня убили, а Максимова тяжело ранили...

Отступив из-под Дзионькова, дивизия отошла на ночлег в большое село. В хатах зажигались огни. Во дворах лениво брехали собаки. Вокруг слышались голоса, заливистое ржанье лошадей, скрип ворот. Возле распряженных тачанок копошились ездовые.

Иван Ильич Ладыгин с деланно-сердитым выражением на худощавом лице ходил по комнате. Ильвачев сидел у окна рядом с Леоновым и, опустив голову, крутил папироску. Вихров, сильно похудевший, загорелый, стоял навытяжку, настороженно следя за Ладыгиным.

— Та-ак, — сказал Иван Ильич, останавливаясь против Вихрова. — Что же мне теперь делать с тобой? За то, что бросил в бою эскадрон, полагается расстрел. — Он, смеясь одними глазами и храня на лице суровое выражение, пристально посмотрел на Вихрова. — Так ведь по уставу?

Вихров молчал.

— Один великий полководец сказал: «Не держись устава, яко слепой стены», — проговорил дружелюбно Леонов.

— А ведь правильно сказал! — оживился Ладыгин. — Соображать надо. В жизни всякие случаи бывают. Ну, добре. Иди пока. А мы с военкомом подумаем, как с тобой поступить: к ордену представить или голову снести.

Вихров вышел из хаты.

— Молодежь, — сказал Иван Ильич. — Надо и не перехвалить и чтоб службу помнили. А то другого похвалишь, а он нос задерет.

— Ну, Вихров, положим, не такой, — заметил Ильвачев.

— Это конечно, — согласился Ладыгин, — но для предупреждения невредно иногда и хвост подкрутить. Пусть почувствует.

В сенцах послышался стук шагов, и в хату вошел Крутуха.

— Товарищ командир, самовар будем ставить? — спросил он, щурясь на лампу.

— Конечно! Что за вопрос? — обрадовался Ладыгин. — Давай ставь скорей...

Иван Ильич присел к столу и, вынув из сумки полевую книжку, стал составлять донесение.

...Выйдя от Ладыгина, Вихров прошел по расположению взвода и сел покурить на лавочку у ворот своего дома.

Над селом лежала глубокая ночь. На невысоком холме белел старинный помещичий дом с колоннадой. Перед домом виднелся большой круглый пруд с трепетавшим в нем отражением месяца. От усадьбы к селу шла широкая дорога. По обеим ее сторонам белели статуи. В окнах дома мелькали огни — штаб дивизии располагался на отдых.

Вблизи послышались шаги. Вихров поднял голову. Разговаривая между собой, к нему подходили два человека. По высокому бойкому голосу одного из них Вихров узнал Митьку Лопатина.

— Лопатин? — спросил Вихров.

— Он самый! — весело откликнулся Митька.

— А кто это еще?

— Харламов, товарищ командир, — отозвался густой низкий голос.

— Чего не спите?

— Да вот все толкуем, почему у нас шибко нехорошо получилось, — сказал Митька, подходя и присаживаясь на лавочку.

Вихров уже хорошо знал привычку конармейцев доискиваться причин неудачи в бою, и его нисколько не удивило заявление Лопатина.

— Ну и как же вы решили, товарищи? — спросил он, помолчав.

— Стало быть, по моему рассуждению мыслей, надо б было нам с другого края зайти, — сказал Харламов.

— А не все ли равно, с какого конца заходить! — горячо заговорил Митька. — Дело не в этом. Будь моя воля, я б с двух сторон ударил. Одним эскадроном прямо по деревне и молчком, без крика. А остальными тремя иззади, в обход. В общем внезапно. Он бы и не знал, куда ему с пулеметов палить.

«А ведь он прав», — подумал Вихров и вслух сказал:

— Тактика предусматривает, что при одном положении может быть несколько решений и все они могут быть относительно верными.

— Только одному решению цена рубль, а другому копейка, — подхватил Митька.

— Это ты откуда слыхал? — удивился Вихров.

— Не слыхал, а читал. У вас же в уставе карандашом записано. Сами, верно, писали, — сказал Митька.

Вихров ничего не ответил, а только внимательно посмотрел на него.

— Ваше решение, товарищ Лопатин, по-моему, правильное, — сказал он, помолчав.

— Вот я и говорю! — обрадовался Митька.

— Набили нам ряшку, — сказал в темноте чей-то голос.

— Это кто такой? — спросил Харламов, быстро оглядываясь.

— Я. Сидоркин.

— Ты чего тут?

— Товарища квартирмиста ищу. Не видали, ребята?

— Нет, — сказал Харламов.

Сидоркин пробормотал что-то и пошел вниз по улице.

— Видали героя? — заметил, усмехнувшись, Митька Лопатин.

По дороге послышался стук тяжелых колес. Из мрака медленно надвигалась какая-то темная масса.

— Батарея идет, — сказал Харламов, вытягивая шею и присматриваясь.

Теперь уже отчетливо слышалось тяжелое громыханье колес. Под светом месяца показался силуэт всадника, и чей-то молодой голос спросил:

— Какой части, товарищи?

— А вы кто? — спросил Вихров, поднимаясь и подходя к всаднику.

— Я командир батареи... Одним словом, ищем, где бы переночевать. Тут что, все занято? — спросил командир, нагибаясь с седла.

Свет месяца упал на него, и Вихров увидел совсем молодое задорное лицо с легким черным пушком на верхней губе. Новая фуражка и блестевшее снаряжение говорили о том, что это был новичок, молодой командир, не так давно выпущенный с командных курсов.

Невольно почувствовав к нему расположение, Вихров сказал, что рядом есть несколько свободных хат и что сам командир батареи, если захочет может остановиться у него на квартире.

— Вот и прекрасно! — весело сказал командир батареи. — Одним словом, договорились. Калошка, ко мне! — высоким голосом позвал он, повернувшись в седле и поправляя наплечный ремень.

Калошкой звали бравого старшину. По тому, с каким видом он подъехал к командиру батареи и обратился к нему, Вихров сразу почувствовал, что этот уже старый человек очень уважает и любит своего командира.

— Слушаюсь, — почтительно произнес он, получив распоряжения. — Здесь и постановим, — подняв руку, он показал на полянку.

Ездовые и номера завозились у орудий, выставляя их в одну линию.

— А ну быстрей копайся! — покрикивал старшина. — Чтоб у пять минут усе было готово!

Командир батареи слез с лошади, расправив затекшие ноги и вместе с Вихровым вошел в хату.

— Молочка бы стаканчик, — сказал он, оглядываясь.

— А вон в кувшине, — показал Вихров.

Тот подошел к столу, раскрыл покрытый чистым полотенцем кувшин и, взяв кружку, налил в нее молока.

— А ведь мы с вами и не познакомились, — сказал командир батареи, улыбаясь и отпивая из кружки. — Гобар, — звякнув под столом шпорами, представился он.

Вихров назвал себя.

— Удивляетесь, что фамилия французская? — все еще улыбаясь, продолжал Гобар. — Нет, я почти чистокровный русак. Мой прадед служил у Наполеона в драгунах, попал в плен под Смоленском и остался в России. Батька на Путиловском работает фрезеровщиком. Сейчас он где-то в этих местах. За хлебом от завода уехал. Одним словом, с моей фамилией произошло прямо противоположное романовской.

— Как то есть так? — не понял Вихров.

— А очень просто. Нам на курсах историк объяснял. Хотите послушать?

— Да, конечно! — живо сказал Вихров, во все глаза глядя на Гобара.

— Ну-с, значит, так. Принес историк на урок два стакана. Наливает в один чистой воды и говорит: «Предположим, что это кровь русских царей, включая Петра». Так. Наливает в другой стакан чернил. «А это, — говорит, — кровь немецких принцесс». Вы ведь знаете, товарищ Вихров, что после Петра русские цари женились на немках... Ну вот... И давай капать чернилами в чистую воду, поминая всех этих немок, пока вода не превратилась в чернила. Вот, значит, как... В общем из русских превратились в немцев. Ну, а у меня получилось наоборот, и по-французски я знаю только одно общеизвестное слово — «мерси»! — Он, звякнув шпорами, с насмешливым полупоклоном поставил пустую кружку на стол.

Вихров пытливо посмотрел на него. Этот молодой командир, на вид совсем мальчик, начал ему положительно нравиться.

— Вам в таком случае надо бы и фамилию переменить. У нас в полку есть квартирмейстер Гобаренко... Может быть, он тоже когда-нибудь Гобаром был?

— Я все гляжу на вас, товарищ Вихров, и вспоминаю, где мы с вами встречались, — отозвался Гобар.

— Вы какие курсы кончали? — спросил Вихров.

— Петроградские артиллерийские. А что?

— Ну, значит, мы где-нибудь там и встречались.

— А, так вы петроградский! Постойте, вы под Пулковом были?

— Был при штабе бригады курсантов.

Смуглое лицо Гобара приняло восторженное выражение. Он даже чуть приоткрыл рот.

— Ну вот! Точно! — вскрикнул он, весь просияв. — Я тогда с донесением приезжал, а вы спали на диване в комнате командира бригады.

Вихров рассмеялся.

— Правильно. Был такой случай.

— Да, я все собираюсь спросить, — спохватился Гобар, — вы Дундича знаете?

— Нет. Знаю только, что он командовал полком в шестой дивизии. Говорят, очень храбрый командир. А что такое?

— Я вчера слышал, что он письмо прислал. Собирается на днях вернуться из госпиталя.

— Вот тогда и увидим его.

— Мне очень хочется поскорее увидеться с ним. Люблю храбрых людей...

— Ну что, будем ужинать? — предложил Вихров. — У меня есть сало, хлеб. Чаю можно согреть.

— С большим удовольствием, — согласился Гобар. — Только, если можно, немного погодя. Я пойду посмотрю, как там устроились мои ребята.

Он надел фуражку, кивнул Вихрову и, легко ступая, вышел из хаты.

Его небольшая гибкая фигура мелькнула под окном и вдруг словно растаяла в сумраке ночи.

3

Темнело. На раскинувшееся вдоль реки большое село наваливалась из-за леса черно-синяя туча. Отражая снизу оранжевое пламя заката, туча постепенно охватывала все небо и подбиралась к бледно светившемуся месяцу. Теплая мгла опускалась на землю.

Было тихо и душно. С нижней части села доносились пиликающие звуки гармоники.

Лошади лениво брели с водопоя, заполняя улицу стуком копыт и устало приволачивая задние ноги. Над дорогой вилась легкая пыль.

Внезапно налетел ветер. По траве пробежала быстрая рябь. Забились и зашумели деревья.

Над дальним лесом блеснула зеленоватая молния, и глухо, как потревоженный в берлоге медведь, заворчал гром.

В окнах дома, где у палисадника рвался на пике кумачовый значок, загорелся огонь.

Буденный и Ворошилов сидели за столом в чистой горнице и слушали Зотова, который докладывал обстановку на фронте.

По тому, как Ворошилов, сердито хмурясь, постукивал ладонью о стол, по гневному выражению его обычно веселых и приветливых глаз было видно, что он не в духе.

Буденный сидел с края стола и, собирая мелкие морщинки меж широких черных бровей, видимо, что-то обдумывал.

Из доклада Зотова было видно, что великолепно вооруженный противник проявляет большое упорство, и хотя дивизии Конной армии и добились значительных успехов, но основная задача — прорыв фронта — осталась невыполненной. Конармейцы, привыкшие решать дело быстрым ударом в конном строю, тут, на новом фронте, встретились с сильно укрепленными опорными пунктами и засевшей в них стойкой пехотой. За последние дни на фронте Конной армии появились новые части противника — 13-я и 18-я пехотные дивизии, укомплектованные познанскими немцами и обильно снабженные техникой.

— На галопе их, конечно, не возьмешь, — заговорил Ворошилов, когда Зотов закончил докладывать. — Но что касается сильного вооружения, то мы, большевики, признаем и другую проверенную историей истину, что исход войны в конечном счете решают живые люди. Эти замечательные люди, наши бойцы, у нас есть, но не все начальники умеют правильно руководить ими. Одни лихо атакуют пулеметы и проволоку, другие топчутся на месте, не зная, что предпринять, третьи обожглись и пали духом. К счастью, таких рыцарей на час единицы... Семен Михайлович, — он повернулся к Буденному, — я думаю, надо провести в частях примерные учения по штурму опорных пунктов.

— Это, прямо сказать, было бы очень хорошо, — согласился Буденный, быстро взглянув на вошедшего в эту минуту Орловского. — Завтра и начнем.

— Разрешите, товарищ командующий? — спросил Орловский.

— Ну, ну, говорите.

— Я только что допросил взятого в плен артиллерийского офицера... — начал Орловский.

— Ну и что он показал?

— Он сделал очень характерное заявление. Говорит, что их позиции неприступны и прорвать их невозможно. Если же нам это удастся, то им не остается ничего другого, как соорудить огромный памятник на линии их позиций и написать на нем: «Эти позиции были взяты русскими. Завещаем всем — никогда и никому с ними не воевать».

— Ну, ну... — усмехнулся Ворошилов. — Ничего, мы сами постараемся соорудить такой памятник.

Орловский вышел.

В соседней комнате послышались грузные шаги, чувствовалось, шел кто-то очень тяжелый. В дверь постучали, и мягкий басок спросил разрешения войти.

— Заходи, — сказал Буденный.

В горницу вошел начдив 14-й кавалерийской Пархоменко. Он присел на предложенный ему табурет.

— Только что вернулась разведка со Сквиры. В указанном пункте противник не обнаружен. Жители встретили наших бойцов восторженно. Просят скорее освободить их от ига польских панов, — сообщил Пархоменко.

Буденный взглянул на карту.

— Так говоришь, Александр Яковлевич, в Сквире противника нет? — спросил он, помолчав.

— Нет. Был батальон. Ушли на Погребище.

— На Погребище? Климент Ефремович, а ведь выходит в точности, как мы говорили. Они ждут нашего удара на Погребище... А что, если мы теперь ударим сразу в трех пунктах? Прорвем фронт между Фастовом и Пустоваровской? А?

В комнату вошел Орловский.

— Разрешите, товарищ командующий? — спросил он, притворив дверь. — Получена директива Реввоенсовета фронта.

— Дайте сюда.

Орловский подал директиву.

— «...Главными силами армии прорвать фронт противника на линии Ново-Фастов — Пустоварка. Стремительным ударом захватить район Фастов и, действуя по тылам, разбить киевскую группу противника», — глядя через плечо Буденного, отчетливо прочел Ворошилов.

4

Полковой врач Косой, маленький румяный человек, очень похожий на мальчика, приставившего себе в шутку усы, сидел у койки Тюрина и, держа его за руку, считал пульс.

Дуська, широко раскрыв глаза, с жалостью смотрела на осунувшееся, без кровинки лицо Тюрина. Его голова, обмотанная бинтами, казалась несоразмерно большой, и от этого лицо со страдальческой складкой в уголках губ и заострившимся носом было совсем маленьким и ребячьим.

Косой поднялся и устало вздохнул.

— Дуся, вы побудьте здесь, — заговорил он, взглянув на часы. — Я пойду к себе, отдохну немного. Три ночи не спал.

— Товарищ врач, а он будет живой? — с тревогой спросила она.

— Теперь будет. Но, видимо, придется ампутировать ногу. Вы часа через два разбудите меня и приготовьте линейку. Отправим его в госпиталь вместе с общей колонной.

Косой вышел.

Дуська присела в ногах Тюрина. К горлу ее подкатывали слезы. «Вот, — думала она, — жил себе человек, ходил, веселился, а теперь ногу отрежут. А ведь молоденький. Совсем еще мальчик. И мать, поди, есть». Она хлюпнула носом и, превозмогая отчаянное желание зареветь, смахнула со щеки набежавшую слезу. «Ох уж эти мне мужики!» — подумала Дуська и тут же вздрогнула, уловив на себе пристальный взгляд.

Тюрин, открыв глаза, смотрел на нее.

— Ой, миленький! Лучше тебе? — почти вскрикнула Дуська.

Тюрин ничего не ответил, продолжая смотреть на нее.

— Ты ведь три дня в бреду лежал, — заговорила она. — То в атаку кидался, то Сашу поминал.

— Дзионьков взяли? — тихо спросил Тюрин.

— Нет. Пулеметами нас отбили, — сказала Дуська.

В глазах Тюрина промелькнула тревога.

— И что, большие потери?

— Большие. Из вашего эскадрона трех человек убили. Позднякова, Мишуту и взводного Бобкина. У нас — Гришина и Приходько. А пораненных!.. Петьку-махновца

конь к панам занес. Удила закусил. Потом разведка нашла его. Как есть весь штыками поколотый! Надругались, гады, над ним. И тебе то же было б, если не Вихров.

Тюрин широко раскрыл глаза.

— Вихров? А что Вихров? — спросил он тревожно.

— Так он же тебя на коня взял. Как они с пулеметов ударили — мы назад, а ты остался. Вот он, значит, вернулся и поднял тебя... Ты лежи, лежи себе, — вдруг забеспокоилась Дуська, бережно прикрывая его одеялом...

С раннего утра 5 июня на землю опустился сильный туман. Моросил мелкий надоедливый дождь. Воздух был полон приглушенных звуков. Слышался конский топот, тихие голоса, постукивание артиллерийских запряжек: сосредоточиваясь к месту прорыва, по раскисшим дорогам шли полки и дивизии. В начале шестого часа утра первая бригада 4-й дивизии вошла в деревню Молчановку.

Взводный Ступак, еще на походе временно заступивший на место заболевшего командира эскадрона, чертил ножнами шашки по мокрой земле и, с трудом подбирая слова, говорил, обращаясь к бойцам:

— Значица, товарищи бойцы, понимать надо так: паны забрались в окопы и интересуются знать, как, мол, буденновцы достанут до них через проволоку. Положение наше, товарищи, трудное. Проще сказать, тяжелое положение. Но, как говорит товарищ Ленин, нет ничего невозможного. Правильно. Нам надо только набраться духу и вдарить так, чтобы у панов очи разом на лоб повылазили. Надо им показать, что такое есть Конная армия, с которой им надо не смеяться, а плакать...

Тут он ввернул хлесткую прибаутку, встреченную бойцами взрывом веселого смеха, и еще раз пояснил, что под властью панов томится пол-Украины, а в тюрьмы брошено несколько тысяч красноармейцев, которые умирают с голоду.

По улице послышался быстрый конский топот. К Ступаку подскакал захлестанный грязью боец. Он нагнулся с седла и шепнул ему что-то. У Ступака дрогнула светлая бровь, он повернулся к эскадрону и подал команду.

Бойцы торопливо оправляли седловку, разбирали поводья и поспешно садились. Вдруг по рядам прошло радостное оживление. Из глубины улицы мчалось несколько всадников. Несмотря на туман, Ступак сразу же узнал

Буденного. Плечом к плечу с ним скакал Ворошилов. В двух шагах за ними ехал Зотов. Вслед ему скакали два трубача-сигналиста и казак с кумачовым значком.

— Какого полка? — спросил Буденный, равняясь с головным эскадроном. — А, Ступак! — узнал он командира. — Начдива не видел?

— Да вот он, начдив, Семен Михайлович, — показал стоявший на фланге старый боец.

Навстречу Буденному скакал начдив Карачаев (Городовиков уехал в Харьков). Лошадь, согнув шею, легко несла на себе словно влитого в седло большого смуглого всадника в сдвинутой на затылок смушковой папахе.

— Чего же вы, товарищи, до сих пор толчетесь на месте? — спросил Буденный, нахмурившись, когда Карачаев подъехал к нему и доложил обстановку.

— Сейчас начнем, товарищ командующий. Третья бригада задержалась, — сказал Карачаев.

— Так подтолкнуть надо! — бодро сказал Ворошилов. — Справа Пархоменко уже напирает, слева — Морозов! Смотрите, как погода благоприятствует. Кругом туман. Ну-ка, живей отдавайте распоряжения! Тут их и всего-то на один хороший удар.

Карачаев молча поднял руку к папахе, блеснул темными глазами и, повернув лошадь, умчался.

Ворошилов взглянул на часы. Было без четверти шесть.

Растянувшись длинной колонной, со стороны Шапеевки подходила бригада 14-й дивизии. По приказу Реввоенсовета Конной армии бригада выделялась в резерв 4-й дивизии, прорывавшей фронт на самом тяжелом участке.

Узнав, что на колокольне находится наблюдательный пункт, Буденный и Ворошилов поднялись по узенькой лесенке на верхнюю площадку. Начальник штаба 4-й дивизии Косогов, молодой, худощавый человек с подбритыми усиками, облокотясь на перила, смотрел в бинокль. Буденный очень уважал Косогова за сообразительность и частенько прислушивался к его мнению. Так и на этот раз он внимательно посмотрел на него.

— Ну, что там узрели, Иван Дмитриевич? — спросил Буденный.

— По-моему, здесь находится стык между какими-то частями, — отвечал Косогов, выпрямляясь и подробно докладывая свои соображения.

— А ведь, пожалуй, правильно говорит, — сказал Буденный, внимательно выслушав начальника штаба.

— Да, а нам тут нечего делать, — произнес Ворошилов. — Надо готовить артиллерию. Проскочу к ним. Посмотрю, как они там.

Придерживая шашку, он стал спускаться по лесенке.

Со стороны неприятеля лениво застучал пулемет. Выпустив короткую очередь, пулемет смолк, но тут же, словно испугавшись, торопливо хватил длинной строчкой. В ту же минуту по всей линии, сначала редко, а потом все чаще и чаще затрещали ружейные выстрелы.

Из-за Озерна открыла огонь батарея. В тумане заходили зарницами бледные отблески пушечных выстрелов.

— Бьют в белый свет, — заметил Буденный. — Прямо сказать — расточительство... Видно, у них снарядов много... Давай все-таки спустимся, — сказал он, оглядываясь на своего адъютанта Зеленского, который что-то высматривал в бинокль. — Проедем вперед, посмотрим, что там и как...

Они спустились с колокольни и вышли на площадь, где, держа лошадей в поводу, стояли связные.

Буденный сел в седло, приказал связным оставаться на месте и в сопровождении Зеленского и Феди направился к ветряной мельнице.

Дождь стихал. Туман постепенно рассеивался. В небе сверкнул солнечный луч, и все стало видно вокруг.

— Конница, товарищ командующий, — показал Зеленский, всматриваясь в опушку дальних кустарников, где едва заметным силуэтом стоял всадник на серой лошади.

— Где видишь?

— А вон, товарищ командующий, смотрите, улан, а вон другой, а вот еще третий.

— Правильно. Цепочка. Верно, что тут стык между частями, — произнес Буденный, развертывая карту и взглядывая на нее. — На этом самом месте обозначено непроходимое болото, — продолжал он в раздумье. — Непроходимое болото, а они все же стоят... Гм!.. Ну, теперь все понятно.

— Они, видимо, большие педанты, — подхватил Зеленский, — посмотрели на карту — болото, не проверив, выслали цепочку кавалерии. А карте-то десятилетняя давность!

— Правильно — педанты. — Буденный усмехнулся. — Вот теперь мы их за это и побьем. Узнай у жителей, везде

ли проходимо болото, и попроси Климента Ефремовича прислать сюда одну батарею, — сказал он со все еще застывшей в уголках губ улыбкой.

Зеленский тронул рысью к деревне.

Дождь совсем перестал. Но туман, редея вверху, все больше сгущался в низинах. В нем одна за другой скрывались цепи второй бригады, начавшей бой в пешем строю...

Позади Буденного послышался тяжелый конский топот, перебиваемый криками ездовых. Он оглянулся. Могучие лошади полевым галопом мчали орудия. Скакавший впереди командир плавным движением повел в сторону рукой, и идущая за ним батарея, развертываясь к бою, поворотила правым плечом и широким фронтом вынеслась вскачь на огневую позицию. Подле орудий задвигались маленькие, как муравьи, фигурки людей. Не прошло и минуты, как у правого с краю орудия вспыхнул белый дымок и снаряд, шурша в воздухе, ушел в направлении Озерна.

Теперь уже и в низинах таял туман. Все ярче светило солнце. Быстро подсыхала земля, и в поблескивающей росой и золотившейся под солнцем траве шевелились, трещали жуки и кузнечики. В теплом воздухе столбами толклась мошкара.

— Ну что? — спросил Буденный, когда Зеленский, придержав вспотевшую лошадь, подъехал к нему.

— Жители говорят, что болото было здесь лет двадцать тому назад, а теперь сенокос, — доложил Зеленский.

— Вот уж действительно педанты, — сказал Буденный, подправив усы.

Неприятельская артиллерия открыла беглый огонь. Взметая бурые вихри земли, снаряды начали рваться неподалеку от мельницы.

Зеленский обратился к Буденному, упрашивая его отъехать в укрытие.

— Товарищ командующий, мельница — хороший ориентир. Нельзя здесь стоять, — говорил он, словно за подтверждением оглядываясь на Федю. — Нет, серьезно, давайте уедем отсюда.

— Подожди. Сейчас, — сказал Буденный, не отрывая глаз от бинокля.

Перед ним открывалось все поле боя, пересеченное лощинами и редкими перелесками. Справа, где за Шапеевским лесом дралась за Самгородок 14-я дивизия под командой Пархоменко, и слева, где Морозов вел в насту-

пление 11-ю, стоял сплошной гул батарей. Прямо против того места, где остановился Буденный, и немного правее горевшего стога сена виднелись широкие полосы проволочных заграждений. Позади проволоки тянулись окопы. В глубине, вдоль опушки синевшего леса, двигалась, колыхаясь, какая-то масса: к месту боя подходили резервы 13-й познанской дивизии противника. Ближе, шагах в пятистах, Буденный отчетливо увидел уланов. Они стояли редкой цепочкой, маскируясь между кустами.

— Ага, вот они, голуби, как на ладони стоят, — сказал Буденный. — Ну что ж, возьмем «языка».

Он приказал Феде позвать связных, сел на лошадь и тронул шагом вдоль фронта, прикрываясь поросшей кустами лощиной.

Не отъехали они и сотни шагов, как у самой мельницы разорвался снаряд.

— Смотри-ка, — сказал Буденный, оглядываясь, — ударили по тому самому месту, где мы стояли! Педанты, а все-таки здорово бьют!

Вправо среди кустарника показались уланы.

Связной штабного эскадрона Щербина — молодой кубанский казак, слывший среди бойцов краснобаем, посланный для связи к начдиву, выехал в эту минуту на высокий курган и тоже увидел уланов. Уланы — их было около полуэскадрона, а Щербина после клялся, что их был целый полк, — рысью спускались по склону лощины. Наперерез им, прикрываясь высоким кустарником, скакало несколько всадников. Впереди на крупной буланой лошади мчался всадник в защитной фуражке. Щербина сразу же узнал в нем Буденного.

Ошеломленные внезапной встречей, уланы нерешительно схватились за сабли. Буденный рванул из ножен клинок, прочертил над головой сверкающий круг и бросился навстречу уланам. Всадники сшиблись. У Щербины зарябило в глазах: где свои и чужие — разобрать было трудно. Но потом он ясно увидел, как Буденный схватил за шиворот ударившегося в бегство улана и сильным рывком стащил его с седла.

Остальные уланы в полный мах пустились в сторону Озерна.

Буденный со своими всадниками — их было десять или двенадцать — рысью возвращался назад. Впереди него, прихрамывая, бежал пленный улан.

Буденный слез с лошади и с усмешкой в зеленоватых глазах взглянул на улана.

— Что же ты, дружище, два раза стрелял в меня и не попал? — спросил он, усмехнувшись. — Э, брат, так не годится! Кавалеристу стыдно промахиваться... Ну, говори, какой части?

— Першего швадрона тщецьего уланскего пулку, — вытянувшись, ответил улан...

Ворошилов с кургана следил в бинокль за полем боя.

Издали наплывал перекатами треск ружейной и пулеметной стрельбы. Справа, как раз с того места, где надвинувшаяся на солнце туча отбрасывала длинную тень и где наступала вторая бригада под начальством комбрига Тюленева, доносились крики. Левый фланг, где находился комбриг, сильно продвинулся вперед, охватывая Озерна слева, правый продолжал оставаться на месте. Ворошилов посмотрел в бинокль: залегшие цепи не продвигались вперед; перед ними то тут, то там, как на шахматной доске, вспыхивали черные клубочки артиллерийских разрывов.

«Нужно помочь комбригу», — подумал Ворошилов. Он сказал начальнику артиллерии, что едет к Тюленеву.

Обогнав перемещавшийся к правому флангу 23-й полк 4-й дивизии, Ворошилов прискакал во вторую бригаду, слез с лошади и передал ее ординарцу. Вокруг часто посвистывали пули. Ворошилов побежал вперед, обгоняя пулеметчиков, тащивших тяжелые пулеметы на дребезжащих катках. На склоне лощины Ворошилов заметил бойцов. Его тоже увидели — красноармейцы бежали, ложились, бросались рывками вперед. Рядом с Ворошиловым послышался шорох. По кустам лез медведем громадный, совсем еще молодой парень — не то боец, не то командир. Громко сопя и ругаясь вполголоса, он волочил за собой огромную жердь. Ворошилову достаточно было взглянуть на бойца краешком глаза, чтобы определить в нем шахтера. Великан перехватил его взгляд и приветливо крикнул:

— Товарищу Ворошилову! Во братва повалила, как вы приехали. Сейчас панам духу дадут.

— Это зачем? — спросил Ворошилов, показывая глазами на жердь.

— Проволоку рвать. У меня крючок здесь насажен-

ный, — с живостью ответил шахтер. Он перевернул жердь и показал массивный крючок. — Мы с ребятами уже приловчились... Как ее, значит, подденешь...

— Понятно, — пряча улыбку, прервал его Ворошилов. — Это ты сам, что ли, придумал?

— Сам. Получается ловко... И топором тоже. Да вот увидите. Проволока тут шагов двести.

— Как твоя фамилия, товарищ?

— Шаробурко фамилия моя, — с достоинством ответил шахтер, — а ребята зовут Кошлачом. Еще с Донбасса кличка такая *.

— Ну, ну, давай, Кошлач, давай не задерживайся, — ободряюще сказал Ворошилов, потрепав его по плечу.

Шаробурко привстал над кустами и зычным голосом крикнул:

— Вперед!

За скатом послышался топот множества ног. Между кустами замелькали гимнастерки, черкески, английские френчи и шахтерские блузы бойцов. Тяжело дыша, пригнувшись и размахивая руками, бежали люди, вооруженные кто винтовкой без штыка, кто топором, кто огромной, как оглобля, жердью с насаженным на конце железным крючком.

Позади Ворошилова послышался быстрый конский топот. Он оглянулся. Низко припав к шее лошади, к нему во весь мах мчался казак. Он подскакал ближе и поднял руку к лохматой папахе.

— Товарищ Ворошилов, пленного взяли! Командующий приказал вам доложить! — одним духом выпалил он.

— Хорошо, — кивнул Ворошилов, — передай, что я приеду. Езжай.

Казак поворотил лошадь. Добрый дончак, виляя подвязанным в узел хвостом, вихрем понес его протоптанной стежкой.

Солнце перевалило за полдень. По всему горизонту, смешиваясь с дымом пожаров, дрожало туманное марево.

На участке 11-й дивизии наступающие цепи залегли под сильным артиллерийским огнем.

---

* Кошлач — удалец, сорвиголова (шахтерское словечко).

Гобар, закатав рукава, распоряжался подле орудий.

— А, не любишь! — после каждого выстрела весело приговаривал он. — А ну, орлы, пошлем-ка им еще по паре заклепок... Одним словом, бей до последнего. Шрапнелью! Четыре патрона! Беглым! Огонь!

Наводчики, картинно отбрасывая правую руку, дергали шнуры, и четыре орудия, обволакиваясь легким дымком, мягко оседали назад.

К Гобару подбежал старшина батареи Калошка.

— Парнишка пришел! — крикнул он, нагибаясь к командиру и стараясь перекричать грохот стрельбы.

Гобар с досадой сдвинул черные брови.

— Парнишка? Какой парнишка? — спросил он сердито.

— Да вот стоит, — показал старшина.

Гобар повернулся и, увидев шустрого на вид, босого паренька в нахлобученном на уши картузе, спросил удивленно:

— Ты чего?

— Дядько, кто у вас самый главный? — спросил мальчик.

— Ну я. Что тебе нужно?

Парнишка с сомнением его оглядел, однако сказал:

— Важное дело. Тату послав.

— Да откуда ты взялся?

— З Спежно... Дядько, мужики казалы, мабудь, вы жалкуете по мельници бить? Так вы не жалкуйте: там паньский охвицер сидить, пушками управляет. Кройте по мельници.

Гобар весело улыбнулся:

— Ай да орел!.. Как же ты добрался сюда? Не боялся?

— Та ни! Я вже богацько сражений бачив. — Паренек доверчиво взял Гобара за руку и бойко заговорил: — Чуешь, дядько, мужики переказували, щоб вы швыдче йшлы. Воны хочут вам подсобить... Воны вже и телефоны порубалы.

— Провода?

— Ага, в лису чисто вси паньски провода порубалы.

В воздухе послышался все нарастающий, захлебывающийся свист. Снаряд упал неподалеку от батареи.

— Ну, спасибо, орел! — Гобар дружески хлопнул ладонью по плечу мальчугана. — Передай вашим при-

вет и скажи, что мы скоро придем. А теперь лети отсюда.

— Бувайте здорови, дядько!

Мелькая голыми пятками, мальчик пустился к лесу.

Внезапно, издали, с той стороны фронта, донеслись тревожные звуки. Они плыли в воздухе, то замирая, то переходя в сплошной медный гул.

Гобар прислушался.

— Калошка, слышишь? Что это такое? — спросил он старшину.

— Похоже, набат, — сказал Калошка, склонив голову набок: он как старый артиллерист был туговат на уши. — Да, точно. Набат...

Позади них кто-то подъехал, и громкий голос спросил:

— Ну как у тебя, командир?

Гобар оглянулся. Позади орудий стоял Морозов.

— Хорошо, товарищ начдив! — весело сказал командир батареи. — Жители сообщили, что на мельнице сидит наблюдатель. Сейчас открою огонь.

— Правильно, — подтвердил Морозов.

За фронтом прокатился глухой раскатистый грохот. Видимо, выстрелила тяжелая пушка. Послышался сверлящий звук. Совсем рядом, взметнув черный вихрь, разорвался снаряд.

Вторая граната ударила между орудиями.

Гобара подбросило в воздух и с силой швырнуло на землю. Он попробовал было вскочить, но на него, казалось, со страшным гулом наваливалось зеленое поле, и он, прикрыв глаза, снова опустился на землю.

Когда гул в ушах утих и Гобар открыл глаза, то первое, что он увидел, был Морозов, стоявший на старом месте и смотревший в бинокль.

— А ну крой его беглым огнем, — спокойно сказал он, опуская бинокль и искоса поглядывая, как командир батареи медленно поднимался на еще дрожавших ногах. — Ударь по мельнице.

Гобар отер потное лицо грязной рукой и бодрым голосом крикнул команду.

Черные фонтаны земли взметнулись около мельницы. Прянуло ввысь рыжее пламя. Повалил густой дым. Вражеская артиллерия сразу же смолкла.

— Ловко! — весело сказал Морозов. — В самую точку!

Цепи поднялись и побежали вперед.

5

Ворошилов стоял на пригорке рядом с Буденным и, нагнувшись, чертил на земле острым сучком.

— По-моему, картина совершенно ясна, — проговорил он, выпрямляясь и бросая сучок. — Пленный дал верные сведения.

— Да, — подумав, сказал Буденный, — в районе болота находится стык.

Он подозвал командира резервной бригады, объяснил, куда будет наноситься главный удар, и приказал ему с бригадой прорваться на стыке.

Было ровно час тридцать дня. Как раз в эту минуту Пархоменко доносил командарму, что на его участке фронт противника прорван.

— Бригада пошла, — сказал Ворошилов.

Внизу, в лощине, были видны колышущиеся на галопе крупы лошадей, обнаженные сабли и суровые лица бойцов.

Позади дружно ударили пушки. Над наступающими цепями понеслись батарейные залпы. По всей линии окопов косматой огненно-черной стеной задымились разрывы. Там, забрасывая легионеров ручными гранатами, 21-й полк 4-й дивизии ворвался в окопы.

— Даешь! — кричал хриплым басом Кошлач. Он ворвался первым в окопы и, размахивая жердью, сеял страшные удары вокруг. — Украины вам захотелось?! Наших тиранить! Ребята, не отставай! Дуй до горы! Бей! Глуши их, братва!..

Навстречу атакующим застрекотали пулеметы. Но ничто уже больше не могло остановить атаки. Цепи хлынули к окопам. Замелькали приклады — атака перешла в рукопашную схватку...

К Зотову подскакал рябой широкоплечий боец в рыжей кубанке. Лошадь его тяжело водила потными боками, роняя пену с удил. Доложив, что он прибыл с донесением из 11-й дивизии, боец подал Зотову маленький серый пакетик.

Буденный и Ворошилов, стоявшие тут же, с любопытством посмотрели на Зотова.

— А ну прочтите, Степан Андреич, что они пишут, — сказал Ворошилов.

Зотов раскрыл донесение и прочел его вслух:

Начполештарма
№ 9/оп

5/VI 1920 г.
14 ч. 00 м.

д. Снежно

Карта 10 в. в дюйме

Доношу, что в результате вторичной атаки частями XI кав. див. д. Снежно занята. Прорвав проволочные заграждения, наша кавалерия смяла пехоту противника, забрав два орудия, семь пулеметов и массу обоза. Ввиду сильного сопротивления пр-ка, стрелявшего в упор, большая часть его зарублена. Было много случаев самоубийств офицеров, не желавших сдаваться в плен.

Части дивизии продолжают преследовать пр-ка. Потери и трофеи выясняются.

Замначштадив XI кав. *Злобин».*

— Так. Молодцы! — отметил Ворошилов. — Не пора ли и нам, Семен Михайлович? А? — Он показал вдаль, где взлетали черные вихри артиллерийских разрывов и было видно, как бойцы второй бригады, казавшиеся совсем крошечными отсюда, преодолев окопы, пробегали вперед, то исчезая, то вновь появляясь меж беленьких домиков с росшими около них густыми кустами.

Прозвучала команда. Железный шелест прошел над рядами. Блеснули клинки. Полки тронулись рысью. Пулеметные тачанки вскачь пронеслись перед фронтом. Трубачи поспешно отъезжали за фланги.

Внезапно наступила глубокая тишина. Только слышался тяжелый конский топот. Дивизия, развертываясь к атаке, широким потоком заливала все поле между лесом и крутой глубокой лощиной.

Над полками 4-й дивизии загремело «ура». Возникнув в головных эскадронах, крик, подхваченный остальными бригадами, скатывался то к правому, то к левому флангу, все усиливаясь и переходя в сплошной гул.

Конная лава стремительно приближалась к окопам. Уже были видны бегущие толпы солдат. Сжимаясь в клубок и распластываясь в воздухе, лошади прыгали через окопы.

Конная армия тремя колоннами повалила в прорыв...

Шел пятый час дня 7 июня. Генерал, командующий польским фронтом на Украине, сидел у стола в тяже-

лом кожаном кресле и, нервно переставляя пепельницу с места на место, говорил начальнику штаба:

— Но это же исторический скандал, полковник. Где это видано, чтобы штаб двое суток находился без связи с войсками! Я совершенно дезориентирован. Что происходит на фронте? Где противник? Где наши войска? — Генерал с видом крайнего недоумения развел руками и откинулся в кресле. — А донесения? — продолжал он, помолчав. — Они противоречат одно другому: один доносит о том, что наши войска перешли в наступление; другой — о прорыве Буденным фронта под Сквирой; третий... третий вообще ничего не доносит. Кому верить, полковник?

— Связь сегодня будет восстановлена, — сказал начальник штаба уверенно. — Согласно вашему приказу я выслал бригаду Савицкого. Она выловит партизан и восстановит связь.

Они помолчали.

— Послушайте, — вдруг сказал генерал с озабоченным видом, — а что, если Буденный действительно прорвал фронт под Сквирой! — Он поднялся и подошел к карте. — Да-а... — Генерал прикинул на глаз расстояние. — До Сквиры отсюда около ста километров. Интересно знать, где он может находиться в настоящее время? — проговорил он в раздумье.

Ответ донесся извне. В окнах сильно дрогнули стекла. Далекий гул прокатился за городом. На столе настойчиво загудел телефон.

Генерал взял трубку.

— Да, да, да, командующий... Что? Как они попали сюда? В двух километрах от города?.. Ближе?.. Гм... Вы слушаете меня? Немедленно двинуть к восточной окраине два маршевых батальона... Что? Да, я выезжаю.

Генерал взял со стола портфель с документами и в сопровождении полковника вышел из комнаты.

Но едва они успели спуститься по лестнице к стоявшему у подъезда автомобилю, как по улице послышался быстрый конский топот. К штабу фронта скакал улан без фуражки.

— Большевики! Большевики! — кричал он отчаянным голосом.

— Где? — спросил генерал, когда улан с ходу остановился подле машины.

— Разрешите доложить, пане генерал...

— Короче! Где большевики?

— Да вот они, пане генерал! — показал улан в глубину улицы.

Генерал увидел маленькие фигурки солдат в серых мундирах. Они перебегали, часто отстреливаясь. Не ожидая приказаний, шофер включил газ.

Генерал и полковник поспешно сели в машину. Как раз в эту минуту из переулка показалось несколько всадников. Передний, в фуражке, с короткими щеточками усов на полном, искаженном гневом лице, увидя отъезжающую машину, пустил во весь мах большую рыжую лошадь в белых чулках.

— Стой! Стой! — крикнул он, выхватывая револьвер из кобуры.

Щелкнул выстрел. С генерала слетела фуражка.

Машина рванулась и, взвыв мотором, на полной скорости помчалась по улице...

Когда Харламов вместе с другими бойцами вбежал в большой двор тюрьмы, в маленьких окошечках верхнего этажа показались первые языки пламени. Огонь с шумом вырывался наружу. Над крышей поднималась туча густого, как смола, дыма. Двор был забит красноармейцами, ломившимися в закрытые двери.

— Это, товарищи, не иначе жандармы подожгли. Чисто цепные собаки, эти жандармы. За глотку зубами рвут, людоеды, — говорил случившийся тут человек в замасленной блузе, по виду рабочий.

Харламов огляделся. У наваленного грудой булыжника лежали лопаты и лом. Он схватил лом и со словами: «А ну, ребята, за мной» — бросился к железным дверям. Заглушая все звуки, над двором пронесся пронзительный крик. За одной из решеток верхнего этажа показалось бледное лицо. Размахивая руками, человек кричал что-то. За его спиной вспыхнуло пламя. Человек еще раз взмахнул руками и с воплем скрылся в дыму.

— Товарищи! Да что ж это? Люди горят! А ну, братва, нажимай! — закричали вокруг.

Двери с грохотом рухнули. Обгоняя друг друга, бойцы рассыпались по коридорам тюрьмы.

Митька Лопатин, захваченный общим порывом, метался от камеры к камере, сбивал замки и, надрывая голос, кричал:

— Выходи, товарищи! Выходи на свободу!

Из камер появлялись люди в лохмотьях.

— Товарищи, милые! Ох, братцы дорогие, не думали живыми уйти! — говорили они, кто обнимая бойцов, кто не имея сил подняться и выползая в коридор. На их опухших лицах голодным блеском светились глаза...

Харламов бежал по верхнему коридору. За поворотом слышался стук. Двое бойцов — высокий и низенький — били прикладами в железную дверь, преграждавшую ход в другую половину коридора.

— Вы что, ребята? — спросил Харламов.

— Горит там, а ее никак не откроешь, — сказал высокий боец, показывая винтовкой на дверь.

— И люди кричали, — подхватил низенький.

Только теперь Харламов заметил, что из-под двери тянулись тонкие струйки едкого дыма.

— Пусти! — Он размахнулся, всадил лом в засов и сильно рванул его на себя. Петля не поддавалась. Тогда он навалился всем телом на лом. Лицо его от напряжения стало багровым, на лбу проступили мелкие капельки пота. Наконец под его руками что-то мягко подалось. Харламов взглянул на засов и зло выругался — он погнул лом. Высокий боец с почтительным удивлением взглянул на него.

— Ну и силища же, черт! — пробормотал он вполголоса.

За дверью послышался стон.

— А ну, братко, позволь! — сказал позади Харламова Дерпа.

Он схватил лом и со страшной силой рванул его вниз. Треснув, засов разломился. Дерпа вместе с дверью влетел в камеру. Падая, он заметил лежавших у стены людей в кандалах...

На большом тюремном дворе шумела толпа освобожденных из плена. Конармейцы оделяли хлебом товарищей. Сизые волны табачного дыма плыли над головами бойцов.

— Ведут! Ведут! — послышались голоса.

В глубине двора толпа расступилась, освобождая кому-то дорогу. В наступившей тишине слышались тяжелая поступь и звенящие звуки оков. К воротам медленно подвигалась группа людей.

Двое бойцов вели под руки изможденного, заросшего человека в ножных кандалах. Посреди двора он остановился и поднял над головой иссохшую руку.

— Товарищи... дорогие... — чуть слышно прерывистым от слабости и волнения голосом заговорил человек. — Мы верили, что вы придете... и ждали вас... Великое вам спасибо! — Его голос окреп, глаза заблестели. Он простер руку вперед и продолжал: — Идите так же смело к победе! Беспощадно добивайте наемников капитала!.. Они хотят повернуть историю вспять, но этого не будет! Не будет! Мы, большевики, отвоевали Россию у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся и никогда никому не отдадим завоеванного кровью лучших сынов трудового народа... — Человек замолчал и, прикрыв глаза, тяжело опустился на руки бойцов.

— Второй эскадрон, выходи! — крикнул Ладыгин, вбегая во двор.

Бойцы шумной ватагой повалили на улицу.

— Вихров, ко мне! Бери взвод, оцепи этот квартал, — быстро распоряжался Ладыгин. — А я с остальными зайду с той стороны. Тут, говорят, штабные попрятались...

Снимая на ходу винтовки, конармейцы побежали по улице.

Кузьмич с замешкавшейся во дворе небольшой группой бойцов, среди которых оказался и Харламов, пустился догонять эскадрон.

Он впереди всех кинулся напрямик. Из-за угла дома прямо на него набежал маленький человек в котелке.

— Проше пана товарища, — бойко заговорил человек, принимая Кузьмича за начальника. — Проше пана — здесь дефензива. — Он показывал рукой на открытые окна большого дома, откуда доносились пьяные голоса, топот и пронзительные звуки окарино *.

— Дефензива? — Кузьмич недоуменно посмотрел на него. — А что это — дефензива?

— Жандармы, проше пана товарища. Жандармы, проше пана, суть наиперши злóдеи.

— А... Понятно. — Кузьмич понимающе кивнул головой. — Ребята, здесь жандармы! — крикнул он подбежавшим бойцам. — За мной!

Он взбежал на крыльцо, у самых дверей пропустил всех вперед и, угрожающе шевеля усами, вошел в дом последним.

В первой комнате лежало вповалку несколько человек в голубых мундирах.

* Окарино — губная гармонь.

— Мертвые, что ль? — недоумевая, сказал Харламов.

— Пьяные они! — закричал Кузьмич, нагибаясь и нюхая воздух. — Факт! Ишь, дух какой!

Харламов осторожно приоткрыл дверь в соседнюю комнату. За уставленным бутылками столом сидел тучный жандармский вахмистр. Двое жандармов, грохоча коваными сапогами, тупо плясали польку. Третий, сидя у окна и покачиваясь, играл на окарино.

— Руки вверх! — крикнул Кузьмич, выхватывая шашку из ножен. — Бери их, братва!

Вахмистр, упираясь широко расставленными руками и пошатываясь, поднялся из-за стола.

— Кто ты ест? — захрипел он. — Кто ты ест, лайдак? Пся твоя мать!

— А ну стреляй в него! Бей! — закричал Кузьмич, ловчась из-за широкой спины Харламова достать жандарма острием шашки.

— Буду я на такого гада патрон портить, — спокойно сказал Харламов.

Он схватил тяжелую дубовую скамью и, размахнувшись, со страшной силой опустил ее на голову жандарма. Вахмистр на секунду застыл, потом покачнулся и, обрушив стол с бутылками и закуской, рухнул под ноги бойцам.

За окнами послышался глухой взрыв.

Харламов, Кузьмич и Аниська выбежали на улицу. Мимо них, пригнувшись в седлах, скакали казаки.

— Эй, эй, Кристопчук! — крикнул Харламов, приметив среди всадников знакомого старшину. — Что это? — спросил он, показывая на медленно поднимавшееся облако бурого дыма.

— Склады взрывают, — сказал старшина, придерживая лошадь и искоса поглядывая вслед эскадрону. — А ты чего тут?

— Жандармов ликвидировали... Наш эскадрон не видал?

— Не поймешь. Все вместе смешались. Паны-то всё побросали, зараз тикают. Пленных тыщу побрали, пулеметов одних сколько... Товарищ Ворошилов было их главнокомандующего застрелил. Без шапки, гадюка, ушел, на машине... Вы, ребята, собирайтесь, начдив приказал выступать. Как бы вам не остаться...

Старшина дружески кивнул Харламову и, пригнувшись в казачьем седле, припустил за эскадроном.

— Гляди, кто едет, — показал Кузьмич.

Ловко сидя на крупной гнедой лошади, из глубины улицы ехал рысью Назаров.

— Конь-то будто не его, — сказал Харламов. — Ну да, этот чуток повыше и справней.

— Ребята, где командир эскадрона? — спросил Назаров, подъезжая.

— Сами ищем, — сказал Харламов. — Где коня взял?

— Какого-сь ихнего полковника спе́шил, а может, генерала. Не поймешь — худой да тонкий. Наши-то генералы потучней были, — он пошевелил пальцами, — поосанистей.

— А ведь добрый конь. Английской крови. Резвен, видать. Да, — говорил Харламов, с видом знатока оглядывая нетерпеливо переступавшую лошадь. — Не конь, а машина! Ну, нехай нам послужит, не все ему под белыми ходить. Поездишь теперь.

Назаров отрицательно качнул головой.

— Нет! Это я командиру эскадрона, — сказал он с какой-то особенной ласковостью в голосе. — Пусть ездит на здоровье. Не все ему о бойцах заботу иметь. Зараз и мы о нем позаботились.

6

Прорыв и глубокий рейд по тылам сломали и потрясли весь вражеский фронт. 3-я армия противника, занимавшая Киев, опасаясь окружения, начала быстрый отход. Бросая обозы, пушки и склады с боевыми припасами, разбитые дивизии устремились на запад. 2-я армия, испытавшая в районе Житомира и Бердичева мощный удар со стороны Конной армии, целиком вышла из строя. По разбитым дорогам день и ночь тянулись обозы. Конная армия шла на плечах у противника.

Вместе с Конной армией двинулись армии Юго-западного фронта, тронулся Западный фронт. На всем огромном пространстве от Западной Двины и до Припяти Красная Армия перешла в наступление...

— Что же делать, господа? Все охвачено паникой. Города сдаются отдельным полкам и эскадронам! Наша пехота бежит, бросая оружие, при первой же атаке красных кавалерийских частей, — говорил маршал Пилсудский собравшимся у него генералам. — Государство ша-

тается. Внутри его царят страх, безнадежность, брожение, — продолжал он, теребя свисавшие по углам рта седые усы. — И все это сделала Конная армия, которую, кажется, уже ничто не может остановить...

Почти без отдыха, в тяжелых тучах горячей клубящейся пыли шла Конная армия и нещадно била врага. По всему фронту победа была полной. Но это было отнюдь не триумфальное шествие. Полки шли полосой тяжелых и кровопролитных боев. И только на редких привалах конармейцы могли немного передохнуть и размять затекшие ноги.

Во дворе первого взвода вокруг дымившихся котелков кучками сидели бойцы.

— Ребята, кому надо добавки! Подходи, еще много осталось! — говорил Харламов, помешивая в чугунном котле суповой ложкой.

— Товарищ командир, — сказал он, увидев вошедшего Вихрова, — садитесь с нами пить какава.

— Где достали? — удивился Вихров.

Харламов лукаво подмигнул.

— В отделе снабжения... Как, значит, раньше нас Деникин снабжал, а зараз, стало быть, препоручил это дело панам... Смотрите! — Он показал на тачанку. — Целый ящик достали.

— Ну что ж, я с удовольствием, — согласился Вихров. — А налить во что есть?

— А мы с вами с одного котелка.

Вихров огляделся, выбирая место, куда бы присесть. В стороне, у сваленных в кучу бревен, расположился Миша Казачок. Рядом с ним с красным и потным лицом развалился Кузьмич. Лежа на боку, он лениво шевелил ложкой в большом железном бачке. Против него, поджав ноги, сидел Климов. Он тяжело отдувался, со степенным видом зачерпывая ложкой какао.

Вихров присел на примятую траву рядом с лекпомом.

Закончив раздачу добавки, Харламов подошел к Вихрову с наполненным до краев котелком.

Во двор вошел Леонов. В руках у него была пачка газет.

— А ну, товарищи, налетай! — весело сказал он, обращаясь к бойцам.

Газеты мигом были разобраны.

На дворе стало тихо. Кузьмич поспешно выскреб бачок, надел очки и, как все остальные, погрузился в газету.

В передовице говорилось о том, что английские рабочие организовали «Советы действия», оказывающие сопротивление всяческим попыткам вооруженного вмешательства Англии в борьбу между Советской Россией и буржуазной Польшей. Жирным шрифтом подчеркивалось, что на территории Польши создан Временный революционный комитет, обратившийся к населению с призывом свергнуть правительство Пилсудского и заключить мир с Россией. Говорилось о том, что в связи с победоносным наступлением Красной Армии по Европе прокатилась волна революционных восстаний.

Покончив с передовицей, Вихров прочел сообщение о том, что вернувшийся из госпиталя Дундич в первом же бою вновь покрыл себя славой, и, прочтя это, с удовольствием подумал, что теперь сможет увидеть человека, о котором был столько наслышан. Потом он перевернул лист, собираясь почитать письма бойцов, обычно помещаемые в газете «Красный кавалерист», но тут послышался быстрый конский топот. Вихров поднял голову. Над забором показалось встревоженное лицо молодого бойца, обрамленное суконным расстегнутым шлемом.

— Товарища Дундича везут! — крикнул боец.

— Как везут? Почему? — спросил Вихров с недоверчивым изумлением.

— Убили его!

Бойцы гурьбой повалили на улицу. Там вокруг подводы уже толпился народ.

Дундич в черной кожаной куртке и заправленных в сапоги красных бриджах лежал на спине. Казалось, он спит, если бы не сложенные на груди совершенно бескровные белые руки и не темная щетина, успевшая отрасти на его всегда тщательно выбритом прекрасном лице. Падавшие из-под серой кубанки пышные завитки темных волос, как обычно, лежали на его лбу, высоком и чистом.

— Отвоевался наш командир. Успокоился, — тихо сказал чей-то голос.

Поткин и Ушаков подошли к подводе как раз в ту минуту, когда сопровождавший тело Дундича командир,

высокий, совсем еще молодой человек, в кубанке и бурке, отвечая на вопросы бойцов, говорил:

— ...Только успели с коней слезть, смотрим, изо ржи пехотные цепи. Потом узнали: это белополяки пробивались на Луцк. Их под Коростенем расколотили. Да. Прут напролом. Ну тут Дундич на коня вскочил. «За мной!» — и врубился в самую гущу. Свалил несколько человек, а остальные окружили его. Тут товарищ Ворошилов бросился ему на помощь с эскадроном Реввоенсовета. Ударили. Погнали панов. Вдруг слышим: «Дундич убит!» А уже смеркается.

— Как же его убили? — спросил Ушаков.

— В спину. Он как раз через пехотные цепи прорвался, стал назад поворачивать, а тут какой-то офицер срезал его из пулемета. Солдаты-то поголовно сдавались... Шпитальный, коновод Ворошилова, пробился к нему и взял на седло...

— Да, такого человека потеряли... Товарищ Ворошилов звал его львом с сердцем милого ребенка, — сказал Поткин, сокрушенно покачав головой. Он снял фуражку, нагнулся и поцеловал Дундича в лоб.

Лесной дорогой тянулся обоз. Мокрые от пота лошади, помахивая хвостами, шли ходким шагом.

По обочине скакали Гуро и Сидоркин. Поравнявшись с передней подводой, Гуро придержал лошадь и крикнул ездовому:

— Погоняй прямо! Будет деревня, спросишь, как проехать в Полонное. Ждите там. Я скоро приеду.

Он снова пустился в галоп. Сидоркин, сдерживая рвавшую повод горячую вороную кобылу, поскакал вслед за ним.

Они свернули по просеке и, выехав на опушку, поднялись на пригорок. Влево, в низине, среди густой зелени краснела черепичная крыша.

— Вот отсюда и начнем, — сказал Гуро.

Спустившись с пригорка, они выбрались на полевую дорогу и вскоре подъехали к хутору.

Сидоркин слез с лошади и открыл ворота. По большому двору ходили гуси и утки. В тени у колодца лежала свинья. Несколько поросят, тыча мордочками, копошились подле нее.

Гуро хозяйским глазом оглядел двор и постройки.

— Вполне подходяще люди живут, — с довольным видом проговорил он, снимая из-за спины и перекидывая через плечо карабин. — А ну, пошли в хату!

Привязав лошадей, они поднялись на крыльцо и вошли в широкие сени. Тяжелые двери вели в две половины.

Сидоркин нажал щеколду.

— Сюда, товарищ квартирмист?

Гуро отрицательно качнул головой.

— Нет, здесь сначала посмотрим, — сказал он, открывая противоположную дверь.

В светлой горнице за ткацким станком сидела смуглая девушка.

— Здравствуй, красавица, — ласково поздоровался Гуро, внимательно посматривая на стоящие вдоль стен сундуки. — Ты, что ли, хозяйка?

— Ни. Тату... — высоким голосом ответила девушка.

— А где твой тату?

— А в хате.

— Ну, ну...

Гуро прошел через сени и, толкнув дверь, ступил в другую половину. Сидоркин вошел вслед за ним.

В хате стоял приятный запах свежеиспеченного хлеба. Косые лучи солнца, пробиваясь сквозь маленькие окна, светлыми пятнами играли на чистом полу. На кровати за кисейной занавеской, укрывшись рядном, кто-то лежал. Гуро, сильно стукнув, положил карабин на лавку подле стола.

— Галька, це ты? — спросил заспанный женский голос.

— Вставайте, хозяева, гостей принимайте! — бодро и весело сказал Гуро.

Послышалось бормотанье, шепот, и из-за занавески мелкими шажками вышла худая старушка.

Гуро, взяв под козырек, поклонился.

— Здорови булы, бабуся! — поздоровался он.

— Здравствуй, здравствуй, коханый, — быстро заговорила старуха. — Я и то чую, ходыт хтось по хати, думала, це наша Галька.

— Дочка, что ль? — поинтересовался Сидоркин.

— Внучка. Внучка наша, сынок.

— Ты, бабуся, кислого молочка нам не достанешь? — спросил Гуро.

— Шо ты, коханый! И-и! Хиба ж дадут ему скиснуть? Тут за утро войсков проходило!..

— Может быть, сметаны найдешь?.. Ты не беспокойся, бабуся, мы деньгами заплатим.

Старуха развела сухими тонкими ручками.

— Ну, шоб пораньше трошки, — с огорчением в голосе проговорила она. — Була ведь сметана! Конные тут заизжали — дохтурь в очках и ще якийсь с трубой. Зъилы сметану. Цилый глечик! От исты горазд цей дохтурь! А чай пье, як за уши лье, — наливать не успеешь!

— И не заплатили, поди? — спросил Гуро.

— Зачем? Ни! Гроши отдали... Так я пиду пошукаю, в погреби молоко свежинькe есть.

— Ну, ну, принеси.

Старуха быстро засеменила к дверям.

Гуро сделал знак Сидоркину. Тот с равнодушным видом вскипул винтовку за спину и пошел за старухой.

В хате дрогнули стекла. Гуро подошел к окну и, сильно толкнув, открыл забухшую раму. Вдали раскатывался пушечный грохот.

За спиной Гуро послышались шаги. Он оглянулся. Пожилой мужик в свитке с любопытством в выгоревших карих глазах смотрел на него.

— Здорово живете, хозяин! — сказал Гуро.

— Слава богу, — равнодушно ответил хозяин. — В гости заехалы?

— Ага. На минутку.

Мужик продолжал пытливо смотреть на Гуро.

— Вы, бачу, з тех будете, шо ранком ще приезжалы? — спросил он, переводя взгляд с шашки на шпоры Гуро.

— Буденновцы мы! Слышал таких?

Мужик утвердительно кивнул головой.

— Як же! Це добри хлопци!

Вдали вновь послышалась канонада.

— Пид Почаевым монастырем наши бьются, — сказал мужик, посмотрев в сторону леса. — Видать, погнали гадючих панов... щоб...

Он не договорил. Фуражка слетела с его головы от сильного удара в висок. Мужик, испуганно ахнув, шарахнулся к дверям.

Гуро схватил карабин.

— А ну стой! — крикнул он, бросаясь вперед.

— Товарицу, що ты? Побийся бога! — свистящим шепотом заговорил мужик, пятясь к дверям.

Гуро щелкнул затвором.

— А ну, давай ближе!

Глядя на бандита широко раскрытыми от ужаса глазами, мужик подошел.

— Деньги живо гони! Иначе дух вон, понятно? Ну! — раздувая ноздри, крикнул Гуро.

В сенях кто-то затопал. Гуро порывисто повернулся к дверям.

Сидоркин, ухмыляясь, смотрел на него.

— Где бабка? — спросил Гуро.

— В погребе запер.

— Хорошо. Поди пока. Я тут разговор еще не закончил.

Сидоркин скрылся в сенях. С минуту послушав, что делалось в хате, он прошел к противоположной двери и заглянул в горницу.

Девушка продолжала ткать за станком. Сидоркин постоял у порога, затем решительно направился к ней.

— Так вас, барышня, Галькой зовут? — спросил он, присев рядом с девушкой.

— Галькой, — отодвигаясь по лавке и опуская глаза, тихо сказала она.

— Ишь, какая ты крепкая! — прошептал Сидоркин, сжимая ее колено вдруг задрожавшей рукой.

— Шо вы?.. Пустить!.. Я тату поклычу! — пытаясь освободиться, заговорила она.

Сидоркин молча достал из кармана револьвер.

— Пушку видала? — спросил он с угрожающим видом. — Только шумни — на месте угроблю...

...Солнце перевалило за полдень. Тяжкий зной стоял над пересохшей землей. Ветер кружил по дорогам горячую пыль. Над степью дрожало мглистое марево; в нем, как мираж, тянулись бесконечные колонны обозов.

Гуро и Сидоркин поднялись на курган.

— Смотрите, товарищ квартирмист, как занялось, — сказал Сидоркин, повертываясь в седле и показывая в сторону хутора.

Гуро оглянулся. Там, где за изгородью виднелись золотистые шапки подсолнухов, поднималось густое облако дыма...

7

В боях под Дубно и в Хорупанских лесах, в жестоких сабельных рубках под Бродами и на подступах к Львову полки Конной армии потеряли треть боевого состава, но оставшиеся все так же бодро шли вперед.

В неотступном преследовании неприятеля прошел весь июль. 13 августа Конная армия с боем переправилась через Стырь и вышла на львовский плацдарм.

Около трех часов пополудни этого дня 11-я дивизия выходила на шоссе Броды — Львов, пролегавшее в сплошном сосновом лесу.

Начдив Морозов и Бахтуров стояли на пригорке подле дороги и поджидали подхода первой бригады. У подножья холма ординарец начдива Абрам, детина — косая сажень в плечах, проваживал лошадей.

В лесу было тихо. Только со стороны Львова изредка доносились глухие удары пушечных выстрелов.

Лошади пофыркивали, чутко прислушивались и били хвостами по подтянутым бокам, отгоняя надоедливых мух.

В глубине леса закуковала кукушка. Морозов послушал и недовольно поморщился.

— Ишь ты, как мало! — сказал он вполголоса.

Улыбка тронула твердые губы Бахтурова.

— Да ты, никак, загадал, Федор Максимыч? — спросил он, улыбаясь.

Морозов смущенно потеребил короткие усики.

— Ну что ты! — Он помолчал и тихо добавил: — Мальчишкой, верно, загадывал...

По дороге ехали рысью два всадника. В переднем, молодом, как-то особенно аккуратно подтянутом, Морозов узнал Литунова — начальника 4-й кавалерийской дивизии. Их связывала крепкая дружба еще с партизанского отряда Буденного, и теперь он смотрел на товарища с доброжелательным выражением на сильно похудевшем загорелом лице.

— Здравия желаем, товарищ Морозов! — бодро поздоровался Литунов, останавливая лошадь и подавая руку Морозову. — Здравствуй, товарищ Бахтуров! Вы чего тут, товарищи?

— Дивизию ждем. А ты откуда?

— У начальства был. Чай с сахаром пил. Малость

попало. Трибуналом грозились, — отвечал Литунов, показывая в улыбке ровные белые зубы.

— За что?

— За Маслака, за черта. Опять напроказил.

— А он, Маслак, добром не кончит — сказал Бахтуров, не зная еще, что слова его будут пророческими.

— Я тоже так думаю, — согласился Литунов. — Ну ладно, друзья. Прощайте. Спешу!.. — Литунов пустил лошадь вскачь по мягкой обочине.

— Гляди, — сказал Морозов, — первая бригада подходит.

У поворота дороги замелькал красный значок. Послышалась песня. Звонкий тенорок запевалы, тщательно выговаривая каждое слово, звенел над рядами:

Поехал казак на чужбину далеку
На верном коне на своем боевом...
Он свою родину навеки покинул,
Ему не вернуться в отеческий дом, -

подхватил головной эскадрон последние слова, и песня с присвистом покатилась по лесу.

Колонна приближалась. Впереди ехал комбриг Колпаков — широколицый человек со светлыми щетинистыми усами. Увидев Морозова, он подъехал к нему.

— Значит, так, — сказал Морозов, постукивая плетью по голенищу. — Первой бригаде в резерв. Встанешь в Ксенж-Вельки на дневку.

Колпаков не без удовольствия поднял руку к фуражке.

— Хорошо. А то кони подбились, Федор Максимыч. Мне остаться?

— Не надо. Веди бригаду. Полки я посмотрю... А песни, между прочим, отставить.

Колпаков махнул песенникам и размашистой рысью пустился в голову колонны.

Мимо начдива потянулась первая бригада. Под Бродами она понесла сильный урон, и эскадроны недосчитывали многих бойцов. Морозов, знавший в лицо почти всех ветеранов, хмуря брови, поглядывал на суровые запыленные лица, мысленно отмечал потери...

Замыкая бригаду, шла батарея. Ее вел Гобар. Он ехал по обочине дороги и что-то говорил Калошке, указывая на коренной вынос второго орудия.

— Гобар! — позвал Морозов. — Езжай сюда!

Гобар подъехал к начдиву и слез с лошади.

— Как у тебя со снарядами? — спросил Морозов, пытливо глядя на него.

— Половина боекомплекта, товарищ начдив. Одним словом, неважно.

— Смотри, береги! — Морозов кивнул в сторону Львова, откуда доносились басистые звуки тяжелых орудий. — Слышишь, с чем драться придется?.. Ну ладно, езжай... Постой, а это что у тебя? — Морозов недоуменно смотрел на сапоги командира с огромными трехгранными шпорами.

Чувствуя на себе насмешливый взгляд, Гобар смущенно пожал плечами.

— Я свои поломал, товарищ начдив, а эти ребята под Радзвиллами в замке с рыцаря сняли.

— Вот как! — сказал Бахтуров, усмехнувшись. — Шпоры знаменитые. В Палестине, наверно, бывали.

Гобар, улыбаясь, взглянул на Бахтурова.

— Что же делать, товарищ комиссар! Других ведь нет.

— Ну, ну, носи, — сказал Морозов. — Только смотри коня не покалечь.

— Разрешите ехать, товарищ начдив?

— Езжай.

Гобар занес ногу, стараясь не зацепить колючей шпорой круп лошади, и, опустившись в седло, поскакал к батарее.

— Толковый командир, — глядя ему вслед, проговорил Бахтуров.

— Командир хороший, — подтвердил Морозов уверенно. — Правду сказать, Павел Васильевич, когда стали прибывать к нам эти красные офицеры, я на них не очень надеялся. А вышло обратно. Гляди, как дело поставили. Толковый народ!

— Смена наша, — заметил Бахтуров.

Морозов вынул кисет и не спеша свернул цигарку.

— Ну, поехали, Павел Васильевич.

Морозов стал спускаться с пригорка. Но не успел он ступить двух шагов, как из чащи леса прогремел выстрел, и черная папаха начдива, взметнувшись птицей, упала в траву. Морозов рывком повернулся. Вторая пуля скользнула по его крутому виску.

— Пригнись! — крикнул Бахтуров.

Он схватил Морозова за плечи и увлек его под пригорок.

Неподалеку, в кустах, перебросив через плечо карабин, Гуро торопливо садился в седло.

Абрам, пригнувшись, бегом подвел лошадей.

Морозов разобрал поводья и огляделся. Широкое шоссе, уходившее в глубину леса, было пустынно. Кругом стояла тишина. Только со стороны Львова по-прежнему слышался гул канонады: шедшие впереди 4-я и 6-я дивизии вступили в бой с неприятелем...

Послушать бойцов набилась полная хата народу. Харламов сидел за столом среди стариков и при свете коптилки читал вслух газету. Кузьмич примостился рядом с ним на лавке у открытого окна — они читали по очереди — и молча поглядывал поверх очков на собравшихся.

— Так вот, товарищи крестьяне, тут очень даже ясно написано, — сказал Харламов, прерывая чтение и прикурив от коптилки. — Слушайте!

И он вновь начал читать:

— «Рабочий и работница, крестьянин и крестьянка должны понять и почувствовать, что война с Польшей есть их война, что это война за независимость социалистической России, за ее союз с социалистической Польшей...»

Вот, стало быть, как! Понимаете? — спросил Харламов, оглядывая сидевших против него стариков.

— Чудно. Кхм... — сказал старик в латаной свитке. — Как это так понимать? Война и, обратно сказать, союз? Давай объясни эту политику.

— Я, товарищи крестьяне, сам-то хорошо это понимаю, — сказал Харламов, отирая вдруг взмокший лоб и бросив быстрый взгляд на лекпома, словно прося у него поддержки. — Ну, хорошо, постараюсь зараз вам объяснить. Тут, стало быть, так. Кто в Польше у власти стоит? Ну?

— Известно кто — паны, — сказал старик в латаной свитке.

— Правильно, — кивнул головой Харламов. — Стало быть, капиталисты, эксплуататоры. А у нас кто? Сами трудящие. Вот мы, Красная Армия, зараз и воюем за то, чтоб и в Польше были у власти трудящие.

Тогда у нас и будет с ними крепкий союз. Понимаете?

— Факт! — авторитетно ввернул задремавший было лекпом.

— Ты, товарищ, там еще одно слово читал. Непонятно, чего оно обозначает, — сказал из темноты чей-то голос.

— Социалистическая? — спросил Харламов.

— Вот, вот!

— Ну, это слово, как бы сказать, обозначает, что земля, фабрики там, заводы находятся в руках самого трудящего класса. Обратно сказать, сами трудящие хозяйствуют и своим государством управляют. Понимаете? Вот вы, товарищи, под панами были и еще хорошо сами не знаете, что такое есть Советская власть, а наши мужики хорошо понимают и оберегают ее. Они, когда фронт прорывали, здорово нам помогли, а потом в набат ударили, чтоб все выходили помогать Красной Армии. А почему? А потому, что они фактично убедились, что такое есть власть трудового народа. — Харламов порывисто повернулся к сидевшему с края стола старику в холщовой рубашке и сказал укоризненно: — Эх, дядя! Мы жизнью рискуем для победы. И даже вовсе об этом не думаем. А ты о хлебе вопрос задавал. Берут — стало быть, надо. Власть-то она своя. Зачем ей зря мужика обижать? Ты постой, вот достигнем победы — и такая жизнь настанет, что ты даже и подумать не можешь. А зараз, конечно, трудно живется. И холодно и голодно, но не сомневайся, отец, Советская власть свое докажет. Гляди, как еще заживешь! Мы вот панов с Украины прогоним, мужиков, которые победней, на хозяйство ставить начнем. У нас линия такая, чтобы всем богато жилось... Только еще много гадов вокруг нас ходит, палки нам в колеса вставляют... — Харламов умолк, отер обильный пот на лице и подвинул газету поближе.

— А почему ко́ней берете? — ревниво спросил от дверей чей-то голос.

— Это кто ж такой? — Харламов перегнулся через стол и посмотрел в темноту. — А ну, выдь к свету, поговорим.

К столу протискался низенький старичок в стоптанных валенках.

Харламов пристально его оглядел, пошевелил усами, словно ощупывая, и вдруг улыбка осветила его лицо.

— Фу ты!.. А я думал, контры голос услышал! Ты,

отец, не серчай, а спрашиваешь, будто назад оглядываешься...

— Чего мне оглядываться? От своих, что ль, тикать! — моргнув седыми ресницами, резонно заметил старик. — Ты за коней скажи.

— Так, товарищ дорогой, — Харламов приложил руку к груди, — мы с боями третий месяц идем. Кони-то приустают. И разве мы так берем? Мы своих оставляем. Ты на воле можешь ее выпасти, и какой конь будет — змей, а не конь! А нам времени нет, — продолжал он задушевно. — Сам небось служил?.. Ну вот, а говоришь... друг сердечный. Война, стало быть, война. А если все так рассуждать будем, то паны обратно нам на шею сядут. Правильно я говорю?

— Так я что! Я ничего, — заговорил обескураженный дед. — А на хуторах, верно, коней побрали.

— Ну, то на хуторах, — сказал Харламов, нахмурившись. Он взглянул в лицо деду. — А ты, отец, видать, дюже богатый. Кони хорошие?

Взрыв смеха прокатился по хате.

— У него всего богачества — старуха хромая, — весело сказал чей-то голос. — Был конь, да угнали паны, а самому метки оставили.

— Гнат, покажь товарищу, что у тебя на спине. Покажь, не стесняйся! — зашумели старики. — А то товарищ тебя за куркуля посчитал.

Харламов с тревожным участием взглянул на старика.

— Стало быть, ты, отец, пострадавший? Чего ж ты доси молчал? — Он решительно встал. — Зараз же идем до комзска. Найдется у нас для тебя вороная кобылка приставшая. Ну, не очень чтобы, а ежели с месяц покормишь — работать будет. Бери ее. Вспоминай Конную армию. — Он привычным движением поправил новый пышный бант на груди, сказал: — Прощайте пока! — и вместе с заробевшим дедом, который не знал, что и сказать от привалившего вдруг счастья, большими шагами вышел из хаты.

От открытого окна отделилась фигура, и знакомый голос Ильвачева позвал:

— Товарищ Харламов, поди-ка сюда!

Харламов подошел.

— Ты вот что, — сказал Ильвачев, — пиши, брат, заявление. Мы тебя в партию примем.

— Ой, товарищ военком! — обрадовался Харламов, весь подвинувшись к Ильвачеву и чувствуя, как кровь жаркой волной кинулась ему в лицо. — Стало быть, достойным считаете?

— Я считаю. Ну, иди. Да скажи там командиру эскадрона, что насчет этой кобылки, которую ты деду обещал, я тоже поддерживаю.

Но Харламов переступал с ноги на ногу, жался, видимо не решаясь что-то сказать.

— Ты что, или не рад? — спросил Ильвачев.

— Как же не рад! Нет, тут... как бы сказать... дело такое, — сбивчиво и заметно волнуясь, говорил Харламов. — У меня дружок есть...

— Лопатин?

— А вы откель знаете?

— Я все знаю. Ну, дальше что? Говори.

— Мы вместе с ним в кандидаты вступали.

— Знаю. А теперь вместе вас примем. Оба заслуживаете.

— Ну, раз дело такое, то это конечно, — весело сказал Харламов. — А то ведь он получше меня в политике разбирается.

— Эх, товарищ Харламов, хороший ты человек во всех отношениях! — улыбаясь и дружески кладя руку на плечо бойцу, сказал Ильвачев. — Ну ладно, ступай. А то мне тоже надо по делу...

Харламов, улыбаясь и покачивая головой, пошел к сельской площади, откуда, несмотря на поздний час, доносились веселые звуки гармоники.

При ярком свете месяца конармейцы и девушки танцевали краковяк.

Сачков, церемонно держа Дуськину руку, прищелкивая каблуками и бойко выделывая ногами, шел впереди. За ними лихо притопывало несколько пар.

Харламов подошел к толпе, окружавшей танцующих, и остановился позади Гуро, который, склонив голову с забинтованным подбородком и поглядывая на проходившие мимо пары, говорил что-то доктору Косому.

— Ткач! Давай «Барыню», сестра Саша идет! — крикнул Митька Лопатин гармонисту.

Он вышел в круг и в ожидании Сашеньки сделал затейливое коленце.

— «Барыню»! «Барыню»! — закричали вокруг.

Ткач отер пот на широком безусом лице и, быстро перебрав по ладам, заиграл плясовую.

Сашенька не заставила себя просить. Улыбаясь, она вошла в круг.

Митька хлопнул в ладоши, ударил по голенищам и, отбивая задористый ритм, сделал коленце. Сашенька взмахнула платочком и, легко перебирая ногами, пустилась по кругу.

— Не нравится мне, товарищ врач, эта сестра, — недоброжелательно глядя на Сашеньку, сказал Гуро. — Ну, прямо всем нутром чувствую, что она не наша.

Косой с недоумением взглянул на него.

— Очень уж вы подозрительный человек, товарищ Гобаренко, — сказал он с усмешкой. — Вы, очевидно, и мать свою готовы подозревать в чем-либо.

— Нет, товарищ врач, я не шучу. Я вам по-дружески советую откомандировать ее, пока не поздно. Поверьте, я редко ошибаюсь в людях.

— А что, собственно, вам не нравится в Веретенниковой?

Гуро нагнулся к Косому и тихо сказал:

— Я твердо уверен, что она шпионка... Ну, скажите, зачем ей понадобилось в такое время ехать с Урала в Чернигов? И потом, как она на Урал попала? Сама же говорила, что родилась и жила под Москвой, в Бородине?

Харламов пододвинулся ближе, прислушиваясь к разговору, и со скрытой враждебностью искоса взглянул на Гуро.

— Ну, полноте, — отмахнулся Косой, — по-моему, ваши подозрения совершенно неосновательны. Веретенникова доброй души человек. Посмотрите, с какой любовью она ухаживает за ранеными. Все свое свободное время уделяет бойцам и, поверьте, оказывает на них самое благотворное влияние... Нет, нет, товарищ Гобаренко, не говорите мне этого. Я тоже умею разбираться в людях.

— А вы ее проверяли?

— Считаю это совершенно излишним, — холодно сказал Косой. — Она вся как на ладони...

— Это еще ничего не доказывает, товарищ врач.

— Ну как, доктор, дела? — раздался за спиной Косого бодрый голос Поткина.

Косой оглянулся. Позади него стояли Поткин и Ушаков.

— А я только собирался идти вам докладывать, товарищ комполка, — сказал Косой. —Прошу вашего разрешения на эвакуацию товарища Гобаренко.

— Это зачем? — удивился Поткин.

— С ранением товарища Гобаренко сильное осложнение.

— Чего ж плохо лечите?

— Дело не в лечении. Ему необходимо срочно сделать рентгеновский снимок нижней челюсти. Я подозреваю трещину. Третий месяц рана не заживает.

— Ну что ж, раз дело такое, я не возражаю, — согласился Поткин. — Ты-то сам хочешь ехать? — спросил он Гуро.

— Если нужно — поеду.

— Ну, в таком случае давайте оформлять, пока на месте стоим.

Поткин подошел поближе к танцующим.

— Павел Степанович, ты посмотри, что разделывает! — сказал он, показывая на Сашеньку.

— Да, на все руки девушка. Жизнь в ней так и кипит. И умница большая.

— Счастливый будет тот человек, кто ее выберет.

— Такая сама выберет...

Ткач, покачиваясь из стороны в сторону, продолжал стучать по ладам. На лбу у него выступили капельки пота, рубашка прилипла к спине, но неутомимый гармонист, видно, решил не прекращать свою музыку, пока не отпляшет весь полк. Уже и Ладыгин, вытолкнув в круг сменившегося с дежурства Вихрова, прошелся вприсядку, уж и Кузьмич, притопывая толстыми, как колоды, ногами, станцевал какой-то неописуемый танец, а вслед ему проплыл степенно, словно священнодействуя, взводный Сачков. Веселье разгоралось все больше и больше.

Митька уже давно уморился, и Сашенька, притопывая каблучками новеньких сапожек со шпорами, плясала в паре с Харламовым. Вдруг она увидела стоявшего в стороне печального Мишу Казачка. Она подбежала к нему и спросила:

— Миша, хотите, «шамиля» станцуем?

— Ва! С тобой? — живо спросил он, словно не веря ушам.

— Со мной.

— С балшим удовольствием! — согласился он, весь просияв.

— Товарищи! — весело крикнула Сашенька. — Миша Казачок танцует «шамиля»!

Миша вышел на середину круга, тряхнул широкими рукавами черкески и, раскинув руки, понесся в танце. Приуставшая Сашенька едва поспевала за ним.

— А ну, пройдись-ка и ты, Алексан Алексаныч, — сказал Ушаков.

Но Поткин и так уже постукивал каблуками.

— Пошли, Дуся, — сказал он, прихватывая Дуську за талию.

— Ой, товарищ комполка, я ж эту не умею! — застеснялась она. — Вам бы с Маринкой. Она очень даже ловко танцует.

— А где она, Маринка? — спросил Поткин, оглядываясь.

— Она на дежурстве в околотке.

— Что ж пустое толковать! А ну, пошли как-нибудь.

Под одобрительный гул голосов Поткин пустился по кругу.

— Ишь ты! Вот это да! — сказал Аниська.

— А ведь почти сорок раз раненный! — подхватил Харламов.

Он гикнул и пустился следом за командиром полка.

Поткин, отдуваясь, вышел из круга.

— Ну вот, — встретил его Ушаков, — а говоришь... Лучше молодого танцуешь.

— Я это дело люблю.

— Не зайдем ли в штаб на минутку? — предложил Ушаков.

— Зайдем, — охотно согласился Поткин.

Они прошли площадью мимо старой, замшелой колокольни, видавшей времена Богдана Хмельницкого, и вышли на пустынную улицу.

— Знаешь что, Алексан Алексаныч, — помолчав, заговорил Ушаков. — Я все хотел поговорить с тобой относительно Гобаренко. Скажи, ты за ним ничего не замечал?

— За Гобаренко? — Поткин внимательно посмотрел на комиссара. — Да нет, ничего. А что?

— Видишь ли, какое дело. Я к нему все время при-

глядывался, и, понимаешь, не нравится мне его работа за последнее время. Тебе не кажется странным, что почти при каждом серьезном поручении у него что-нибудь да случается?

— А с кем не случается У нас вот тоже случилось под Дзионьковом. На ошибках учимся. А так Гобаренко очень даже деловой и услужливый человек, — возразил Поткин.

— Да нет, ты постой! У меня, командир, дух противоречия какой-то. Я серьезно говорю. Ты заметь, что все эти случайности нездорово отражаются на боевой жизни полка. Ну, со снарядами считать не будем, тогда на него напали. Я имею в виду два последних случая — не получили муку и патроны. А я проверял — во всех полках получили, только у нас нет. Ну, чем это объяснить?

— Да-а... — протянул Поткин. — Сильно́. А мне ни к чему было. А потом он, помнится, сам говорил, что еще успеет получить.

— Так вот, — продолжал Ушаков. — По-моему, это дело надо немедленно передать в особый отдел.

— Хорошо, — подумав, сказал Поткин. — Правильно говоришь. Так и сделаем...

Они вошли в штаб. Здесь их ждала телефонограмма, подтверждающая дневку на завтра.

— Ты что сейчас думаешь делать? — спросил Поткин.

— Пойду к бойцам. Есть кое-какие дела.

— А я, пожалуй, останусь — приказы посмотрю.

— Ну, ну. Бывай! — Ушаков кивнул командиру полка, вышел на улицу и, что-то обдумывая, направился на окраину села, откуда едва слышно доносились пиликающие звуки гармоники.

На улице посветлело. Молодой, словно вымытый месяц, выйдя из матовой паутины облаков, плыл над верхушками тополей.

Внезапно совсем рядом, за густыми кустами акаций, послышались голоса.

Ушаков остановился и невольно прислушался.

— Ну да, все вы так, мужики, говорите. На словах-то вы как на гуслях, — недоверчиво говорил молодой и бойкий женский голос. — Вам бы только урвать и удрать. Знаем. Не в первый раз, ученые.

— Будьте без сомненья, Авдотья Семеновна, — с

убеждением говорил другой голос, тонкий и сипловатый, видимо принадлежащий немолодому уже человеку. — Пусть какой другой обманывает, а мое слово верное. Раз сказал, значит точка. В жизни от меня никому обману не было. Зачем грех на душу брать? Я верно говорю. Да и не в этакое время живем. Сейчас каждый должен быть чистый и сердечный человек.

— А драться не будете? — после некоторого молчания тихо спросил женский голос.

— И зачем вы такие слова говорите, Авдотья Семеновна? Да рази можно бабу бить! Нет, я такому свинству не привержен.

— И любить будете?

— До могилы, Авдотья Семеновна... А что я много старей вас, так вы не сомневайтесь, это ничего не доказывает. В строгости жизни себя оберег, молодому не уважу... Ну как? — голос слегка дрогнул. — Значит, согласные?..

Ушаков усмехнулся, покачал головой и, стараясь не шуметь, тихо пошел вниз по улице.

На площади по-прежнему стояло веселье. Девушки и молодые бойцы, взявшись за руки, водили хоровод.

Ушаков подошел, увидел в центре круга Сашеньку, руководившую хороводом, и, подивившись в душе на неутомимость девушки, огляделся вокруг. Красноармейцы постарше расположились на бревнах около старого сруба.

— Ильвачева не видали, товарищи? — спросил он, подходя к сидевшим бойцам.

— Только сейчас здесь ходил, — откликнулся боец в опущенном шлеме. — Я пойду пошукаю.

Ушаков присел на бревна.

— Ну, как они, дела, товарищ Назаров? — спросил он, повертываясь к казаку и вынимая из кармана кисет с табаком.

— Ничего дела, товарищ комиссар. Интересуюсь, далеко ли еще нам идти?

— А вы разве на митинге не были?

— В наряде стоял.

— Пойдем туда, куда товарищ Ленин, партия прикажут. А сейчас наша задача выбить панов из Украины... А вы что, опять по дому соскучились?

— Ой, нет, товарищ комиссар! Темный я тогда был

человек. Раз ошибся, больше не ошибусь. Понимаем, за что воюем. За такое дело можно и жизни решиться.

— Правильно, — сказал Ушаков, весело взглянув на него.

— Товарищ комиссар, а верно говорят — в шестьдесят втором полку бандитов поймали? — спросил Назаров, беря предложенный Ушаковым кисет и свертывая папироску.

— Верно. А что?

— Я хочу сказать несколько слов за курей, что покрали вчера. Мужики очень даже обижаются. Произошел этот случай в расположении третьего эскадрона. И вот, к слову сказать, примечаю я там одну парочку. — Он многозначительно глянул вокруг и, понизив голос, сказал: — Первый, значит, Чирвон.

— В английской шинели? — спросил сидевший рядом Леонов.

— Он самый.

— И еще его дружок в кожаной куртке?

— Да.

— Опоздал, друг, с сообщением. Их еще в обед взяли. Так, товарищ комиссар?

— Так. Я их допрашивал. Оказались махновцы... Вы, товарищи, хорошенько присмотритесь к некоторым нашим бойцам из новеньких, — продолжал Ушаков, сердито покашливая. — Очень возможно и даже наверно, что, кроме двух этих бандитов, к нам пристали еще разные гадины. Всю эту заразу, разлагающую наши ряды, надо выжечь каленым железом.

— И так уж в оба смотрим, товарищ комиссар, не раз предупреждали, — сказал Назаров. — Да за всем разве усмотришь, когда без передышки в бой или походом идем!

— Как я понимаю, товарищи, среди нас, безусловно, завелись паразиты, — начал деловым тоном боец в черной кубанке. — Я стал примечать, что повелось это, как еще к Умани подходили. Помните, случай был с хуторским мужиком? У меня и тогда догадка была. На старых бойцов, конечно, нет подозрения. Все ребята свои, не первый год знаем. Ну, насчет сена — это, конечно, другой вопрос. Нельзя ведь, когда кони голодные.

— И насчет сена всегда можно договориться, — заметил Ушаков.

— Это конечно.

Они помолчали.

— Чего я еще хотел сказать, товарищ комиссар... — заговорил Назаров. — Вон мы почти голыми руками воюем, а у них и еропланы и батарей сколько... Под Дубно с Семеном Михайловичем, с товарищем Ворошиловым семнадцать раз подряд в атаку кидались, сколько бойцов там оставили... Где, в какой войне видали такое, чтобы на одном дню семнадцать раз в атаку ходить?!

— А что вы хотите этим сказать? — спросил Ушаков.

— А я то желаю сказать, что кабы все это кто описал, чтоб другие, молодые, для которых мы эту жизнь завоевываем, почитали бы и сказали: «Да, вон какие они были, буденновцы!» И помянули нас хорошим словом и поклонились бы нам.

— Об этом не беспокойся, товарищ Назаров, — уверенно сказал Леонов. — Партия большевиков нас не забудет. Будут о нас и книжки писать и песни слагать...

— Вот это правильно, — заметил Харламов. — А то наша Конная армия на всех фронтах геройски отвечает. Всем, стало быть, пример подает.

— Вы меня требовали, товарищ комиссар? — спросил Ильвачев, подходя к Ушакову.

— Да. Надо потолковать кое о чем. — Ушаков поднялся, взял Ильвачева под руку, отвел его в сторону и начал что-то тихо говорить ему, изредка поглядывая на сидевших бойцов...

8

В село медленно входил огромный обоз. Были видны лишь две-три передние подводы, все остальное тонуло в душном облаке пыли. Слышались сонные крики подводчиков, усталая ругань.

Обоз проскрипел по раскаленной солнцем сельской улице, перевалил через пересохший ручей и вышел на площадь. Передние остановились. Ехавший впереди босой мужик с всклокоченной бородой, в длинной, до колен, серой рубахе не спеша слез с телеги, подошел к лошади и деловито поправил хомут.

— Это что же, дядя Иван, привал? Или дальше поедем? — густым волжским говором, напирая на «о»,

спросил сидевший в телеге сухощавый человек в накинутой на плечи кожаной куртке.

— А по мне, как хочешь, товарищ Каштанов, — почесывая под мышкой, безразлично ответил мужик. Он покосился на острый круп лошади. — Я, поди, верст полтыщи уже отмахал. То одного везешь, то другого... Снаряды возил... Я понимаю, конечно, дело военное, помощь нужна. — Он помолчал и, пожимая плечами, сплюнул черной слюной. — Да мне что, я уже привыкший — второй месяц в подводах, будто и дома не жил вовек.

— Надо бы в деревне жару переждать, товарищ Каштанов, — сказал средних лет человек, по виду рабочий. — Гляди, кони еле дошли, да и ребята устали.

— Так, может, по хатам пойдем? — нерешительно предложил молодой рабочий в буденовке. — И кони отдохнут, да и самим умыться не грех.

Каштанов взглянул на часы.

— Хорошо, товарищи, — сказал он, что-то прикинув в уме. — Постоим здесь два часа, ровно в пять двинем дальше. Только сначала надо узнать, не занята ли кем деревня.

— А вон сидит боец, — сказал рабочий в буденовке.

Каштанов оглянулся. На лавочке у ворот сидел в тени Митька Лопатин.

— Эй, товарищ! — крикнул рабочий в буденовке. — Слышь, давай-ка сюда!

Митька не спеша подошел.

— Кто, товарищ, в деревне стоит? — поинтересовался Каштанов.

— А вы кто такие? — с настороженным любопытством поинтересовался Лопатин.

— Мы, товарищ, партийные работники. Едем в Конную армию. — Каштанов пошарил за пазухой и вынул бумажку. — На-ка вот, почитай.

Митька быстро прочел документ. Его лицо просветлело.

— Та-ак... — приветливо протянул он. — Значит, в точку попали. Мы и есть самая Конная армия.

— Ну? И штаб армии здесь?

— Нет, только наш полк. Третий день стоим. Отдыхаем.

— А кто у вас комиссаром?

— Товарищ Ушаков.

— Ушаков? Каков он собой?

— Небольшой такой, плечистый.

Каштанов ласково выругался.

— Знакомый, что ль? — добродушно усмехнулся Митька.

— Какой знакомый! Если тот самый, то друг... Где он сейчас?

— На квартире, должно быть. Вон второй дом направо от церкви, — показал Митька.

— Ну, товарищ, спасибо... Да, о самом главном забыл. Вы что, всю деревню занимаете?

— Нет, верх свободный... Ну, покуда, товарищ... Я, извиняюсь, дневалю. — Митька приятельски кивнул Каштанову и пошел на свою лавочку.

«Смотри, сколько много народу приехало!» — думал он, вновь расположившись на лавочке подле крыльца и поглядывая на проходивший мимо обоз.

Вблизи послышались шаги.

По улице шел боец Марко Сюсявый, прозванный так за то, что говорил, словно плевался. Он подошел к Митьке и, поздоровавшись, присел с края на лавочку.

— Что, дневалишь? — спросил он, помолчав.

— Ага, — кивнул Митька.

Сюсявый вынул из кармана кусок пирога, отломил половину и протянул Митьке,.

— Хочешь?

— Нет. Только поел.

Из-под крыльца, загребая толстыми лапами, выполз на брюхе щенок. Виляя хвостом, он подошел к Сюсявому и большими глупыми глазами умильно уставился на пирог.

Лопатин потянулся и ласково погладил щенка по шишкастой голове. Тот, слабо повизгивая, ткнулся мокрым носом в сапог Сюсявого и тронул его лапой.

— Что, жрать хочешь? — спросил Сюсявый насмешливо. — Только пирогами и кормить вашего брата. Уйди, шалава! Ну? Кому говорю?! — Он замахнулся.

Щенок отскочил, склонив голову набок, поставил ухо торчком.

— Товарищ Лопатин, — заговорил Сюсявый, с хрустом пережевывая кусок пирога. — Я имею тебе один вопрос задать.

— Ну?

— Чего это ребята в партию записываются? Давать, что ль, там будут чего?

— Кому?

— Ну, тем, которые партейные.

— А ты чего интересуешься?

— Хочу себе записаться.

— Не примут, — сказал Митька с твердой уверенностью.

— Почему? — спросил Сюсявый, моргнув белыми, как у мокрицы, ресницами.

— Да так: не примут — и все.

— Нет, ты все же скажи: почему твое такое мнение? Ты пример дай.

Митька пристально посмотрел на него.

— Когда Гришин у мужика мед забрал, ты чего сделал? — спросил он, прищурившись.

— Как что? Заявил!

— А раньше?

— Что раньше?

— Ты же сам Гришина на это дело толкнул. Думаешь, мы не знаем? Ты чего ему сказал? Давай, мол, бери. А сам побежал к командиру. Это вместо того, чтоб товарища от плохого остеречь. Выходит, что ты самый что ни на есть провокатор. А разве такие вредные люди партии нужны?.. Ты знаешь, что такое есть партийный товарищ? — Митька помолчал, сердито сдвинув тонкие брови. — Партийный товарищ должен быть чистым, как стекло, чтоб его насквозь видать было, каков он есть человек... Завидовать товарищу не должен — это раз! — Митька загнул палец. — Товарищу помогать, не задаваться. Наистрожайше партийную линию проводить... Да мало ли чего... А ты товарища подсидел, а сам в партию ловчишься? Нет, друг, этот номер ваш старый. Не выйдет.

— Подумаешь! Всего раз и ошибся. Что я, буржуй?

— Это неважно, кто ты такой, раз ты жулик и шибко вредный человек.

Митька потащил из кармана кисет с махоркой и в сильном волнении стал крутить козью ножку.

Щенок, набравшись храбрости, вновь подошел и, нюхая воздух, потянулся к остаткам пирога.

— Уйди, постылый! — крикнул Сюсявый.

Он с силой ударил ногой под брюхо щенка Тот от-

летел в сторону, поджал хвост и, громко скуля, полез под крыльцо.

— Зачем ударил? — Митька встал со скамейки. — Зачем животное бьешь?!

Они, тяжело дыша, стояли один против другого, как петухи, готовые пустить в ход кулаки.

— Эй, Донбасс! Давай на-гора̀! Смена пришла! — послышался позади знакомый голос Назарова. — Вы что, ребята, не поделили чего? — спросил он, подходя и усмехаясь.

— Нет, так, — сказал Митька, глядя вслед Сюсявому, который, озираясь через плечо, быстро шел по улице.

— Ну, значица, я заступил, — заявил Назаров. Он присел на лавочку. — Иди отдыхай.

— Отдохну потом, — сказал Митька Лопатин. — Надо к лекпому зайти, а потом пойти искупаться.

Ушаков сидел за столом в небольшой чистой хате и, чуть шевеля губами, писал донесение в подив. Карандаш быстро бегал по бумаге...

«Считаю совершенно необходимым отметить исключительно высокий боевой дух бойцов. Несмотря на потери от аэропланных бомб и тяжелой артиллерии, красноармейцы рвутся в бой. Имел место случай...»

В дверь сильно постучали.

— Войдите! — оглядываясь, сказал Ушаков. Вдруг брови его поднялись, лицо просияло. — Васька?! Каштанов?! Каким ветром тебя занесло? — воскликнул он, поднимаясь навстречу товарищу.

— Не ветром, а вихрем революции, Павел Степаныч, — улыбаясь, ответил Каштанов.

Он подошел к Ушакову. Друзья крепко расцеловались.

— Вот дела! Ну прямо как с неба упал! — весело говорил Ушаков, обнимая товарища. — Ну, как ты? Как там наши ребята?

— Я ничего... А Гусев как в семнадцатом ушел в Красную гвардию, так с тех пор не слыхать.

— Ну, а Савельев?

— В Царицыне в губкоме работает, если еще на фронт не ушел.

— Так... А Панов где?

Каштанов поморщился, махнул рукой.

— Этот не выдержал, хлипкий оказался. Наверное, теперь зажигалками торгует, как говорится... А ты все воюешь?

— Воюю. Сам видишь, куда забрались.

— Забрались далеко... Ну что ж, это хорошая наука панам. Не мы первые в драку полезли, вперед будут умнее...

Ушаков вплотную подвинулся к Каштанову, дружески положил руки на его плечи.

— А я прямо не верю, что вижу тебя... Ведь как давно не встречались!

— Да, скоро три года, — прикинув в уме, ответил Каштанов. — Эко время летит, а как будто только вчера...

— Ну как там, в тылу? Что нового слышно? — спросил Ушаков.

Каштанов покачал головой.

— Ого, брат! Ты бы посмотрел, что в тылу творится. Весь народ поднялся.

— Позволь, Вася, а ты сам куда едешь?

— Я не один, Павел Степаныч. Со мной почти две сотни людей. Едем к вам, в Конную армию. Меня избрали за старшего, потому что я прошел всю германскую.

— Вот это толково! — сказал Ушаков. — Нам партийные работники очень нужны. Убыль в политсоставе очень большая. В эскадронах почти нет военкомов... Ну, ты садись давай. Есть хочешь?

— Нет, я, как зайти, пообедал.

— Зря... Да, Вася, я все забываю спросить: ты где работал?

— Последние два года на Путиловском. Секретарем, — сказал Каштанов, присаживаясь.

— На Путиловском? — с неожиданной радостью переспросил Ушаков. — Так у нас же есть ваш путиловский.

— Кто?

— Гобаренко. Знаешь? Мы его у Махно отбили.

Каштанов с сомнением покачал головой.

— Гобаренко?.. Не было у нас такого, Павел Степаныч... Постой, ты не путаешь? Может, Гобар?.. Гобар у нас действительно был. Я хорошо знаю его. Он еще с весны уехал на Украину за хлебом. С ним было шесть

человек. И как в воду канул. Ни слуху ни духу... Постой, что ты так побледнел?

— Вася! — Ушаков взял Каштанова за руку. Страшная догадка шевельнулась у него в голове. — Вася, а ты твердо знаешь, что Гобаренко на Путиловском не было?

— Твердо... Хотя, впрочем, он мог работать еще до меня. А в чем, собственно, дело? Позови его, разберемся.

Ушаков выглянул в окно, крикнул ординарца и послал его за Гобаренко.

— Павел Степаныч, ты вот что скажи: к кому первому мне явиться в штабе армии? — спросил Каштанов.

— К товарищу Ворошилову.

— Ну? Неужели к нему самому?

— А как же! Он всегда сам занимается с пополнением.

В дверь резко постучали.

— Войдите! — сказал Ушаков.

Дверь распахнулась. Твердо ступая, в хату вошел Гуро.

— По вашему приказанию, товарищ комиссар, — сказал он, прикладывая руку к козырьку опущенного и незастегнутого шлема.

— Вы когда едете, товарищ Гобаренко? — спросил Ушаков.

— Сегодня, товарищ комиссар.

— Документы получили?

— Так точно. До Москвы.

— Вот что, — Ушаков бросил быстрый взгляд на Каштанова. — Придется вам поехать до Петрограда. Я хочу дать вам поручение на Путиловский завод. Ведь вы там свой человек.

Гуро улыбнулся.

— Ну как же, товарищ комиссар! Вместе Зимний брали в семнадцатом, — сказал он с достоинством. — Секретарь друг мне, а с директором вместе в Красной гвардии служили. Хороший человек.

— Вы давно с завода?

— Да нет, с весны.

— А разве вы этого товарища не знаете? — спросил Ушаков, поднимаясь с лавки и показывая на Каштанова.

Гуро пытливо посмотрел на него.

— Где-то встречались с этим товарищем, — глуховатым голосом ответил бандит.

— А где, не помните?

Гуро криво усмехнулся и пожал плечами.

— Трудно сказать, товарищ комиссар, ведь столько народу встречаешь, — проговорил он с деланным спокойствием, быстро взглянув на открытое окно.

Ушаков подвинулся вплотную к Гуро.

— Ты убил Гобара, мерзавец? — тихо спросил он, в упор взглянув на него.

— Я! — крикнул Гуро. — Я вас всех, сволочей, уничтожу!

Сильным ударом в живот он опрокинул Ушакова, прыгнул в окно и с маху влетел в железные объятия Харламова.

Они покатились по пыльной дороге.

Харламов, рыча, бил Гуро по лицу кулаком.

— Гад!.. Вражина!.. Бандитская морда!.. — хрипло приговаривал он, насев на него и со страшной силой опуская кулак.

Со всех сторон сбегались бойцы.

— Харламов, стой! Не бей больше! Хватит! — кричал Ушаков, нагнувшись над ними. — До смерти забьешь... Он нам еще нужен. А ну, довольно! Отставить!

— Ох, товарищ комиссар, я б его зубами загрыз! — говорил Харламов, тяжело и часто дыша. — Я, как товарищ Ильвачев приказал, второй день за ним по пятам хожу... Он, вражина, сестру Сашу надысь шпионкой обозвал... Врачу говорил, а я слышал. Откомандируйте, мол, ее от греха. Ишь, куда загибал! Видать, за себя опасался, как бы она его не признала. Мину под нее подводил, понимаете?.. Теперича подхожу под окно. Слышу, он убить вас погрозился. Я уж хотел в окно лезть, а он сам выкинулся. У-у-у, гад! Вражина! — Харламов пнул носком лежавшего без сознания Гуро-Гобаренко.

Трубач Климов сидел, поджав ноги, в тени под поветью, штопал гимнастерку и тихонько гудел один и тот же напев:

Сам ружьем солдатским правил,
Сам он пушку заряжал...

Рядом с ним у тачанки стояли две лошади — гнедой мерин Кузьмича и его, Климова, вислозадая белая кобыленка, отличавшаяся на редкость строптивым харак-

тером. Они изредка профыркивали и, лениво шевеля губами, перебирали свежее душистое сено.

Солнце заливало двор потоками яркого света. В жарком воздухе сонно летали слепни, жужжали зеленые мухи; наверху, под стрехой, ворковали зобастые голуби.

Лошади зашумели. Рыжий мерин нечаянно толкнул вислозадую кобыленку. Та, прижав уши, обидчиво фыркнула и ударила его вдоль спины длинными желтыми зубами.

Климов поднял голову, чтобы погрозиться на лошадь, машинально согнал муху со щеки спавшего тут же Кузьмича и задержался взглядом на статной молодице, которая, стоя посреди двора и выставляя крепкие смуглые ноги из-под подоткнутой юбки, вытаскивала сильными руками мокрое ведро из колодца.

«Ишь, толстопятая, какие мясы наела!» — подумал старый трубач, провожая глазами молодицу, которая уносила ведро, покачивая на ходу полными бедрами. Он вздохнул, вспомнив былое, покачал головой и, подкрутив по привычке поникший седеющий ус, вновь, но уже громко запел:

Было дело под Полтавой,
Дело славное, друзья.
Мы дрались тогда со шведом
Под знаменами Петра...

Калитка скрипнула. Послышались быстрые шаги. Климов оглянулся. К нему шел Митька Лопатин.

— Чтой-то вы, дядя, пели шибко хорошее? — спросил он, подходя и присаживаясь напротив старика.

— Марш играл, — охотно ответил трубач. — Я, сынок, лет тридцать в гвардии прослужил. Знаю наизусть все полковые марши.

— А разве каждому полку свой марш?

— Обязательно. Они, марши, вперемеж с голосами игрались.

— Как это?

— Один куплет музыка играет, а другой куплет солдатики поют. Это, конечно, только в пехоте. А в кавалерии одна музыка. Хорошие марши были в пехоте. Вот, к примеру, Преображенского полка.

Знают турки нас и шведы,
И про нас известен свет... —

пропел Климов тонким старческим голосом. — И так и дальше. А потом оркестр подхватывает. У нас в кавале-

рии полковой оркестр хором трубачей назывался... А в пехоте оркестр. Да. А вот еще марш гренадерского полка. Суворовского. Очень хорошие слова. Послушай-ко:

Всегда в боях страшился враг,
В тяжелую годину в первых битвах был,
Славься, полк непобедимый, полк могучих сил!
Славься, древний, боевой, славься, полк наш знаменитый,
Славься, полк наш родной...

А теперича музыка. Тара-рим-тарам-там-там-там, — заиграл Климов, подражая оркестру и ударяя кулаками по надутым щекам.

— А я к вам, дядя, по делу, — прервал его Митька Лопатин. — Искупаться хочу, а...

— Что такое?

— Чирий на спине выскочил... Спит? — Митька кивнул на лежавшего без движения Кузьмича.

— Спит, — подтвердил Климов. — Разбудим. Пора. И то с вечера спит. — Климов нагнулся и тронул Кузьмича за плечо: — Федор Кузьмич, вставайте! Вставайте, голубчик. Эва, сколько спали!

Лекпом заворочался, поправляясь на сене.

— Все это для нас чепуха... Пустяки, одним словом... Все это не играет никакой роли для нас, — пробормотал лекпом, просыпаясь.

Он присел и увидел Митьку Лопатина.

— А, товарищ Лопатин! — пробасил он приветливо. — Зачем припожаловал?

— Мне бы, товарищ доктор, пособие оказать.

Кузьмич порылся в сумке, надел очки и, взглянув поверх них, спросил:

— Фебрис, значит?

— Чего? — не понял Митька.

— Фебрис — это обозначает болезнь. Слово такое. Латынь,— с приличной случаю важностью заметил лекпом.

— Чирий у меня.

— Фурункулюс? А-а... Ну, ну, давай покажи.

Митька быстро снял гимнастерку.

— Так-с, — сказал Кузьмич. — Ишь, как его разнесло... Ну что ж, можно. Орать не будешь?

— Постараюсь, — сказал Митька, чувствуя, как мурашки побежали у него по спине.

— Ну ладно. Ложись давай на живот и бери в зубы гимнастерку.

— Зачем? — удивился Митька.

— Для профилактики. А то закричишь — народ сбежится, нехорошо все-таки.

Кузьмич склонился над Митькой, осторожно обмял фурункул и вдруг со всей силой сдавил его пальцами.

— Ох! — сказал Митька, выпустив из зубов гимнастерку и повертывая к лекпому сразу вспотевшее лицо. — Вы бы поосторожней, товарищ доктор, а то в глазах затуманилось.

— Готово, готово, — успокоил Кузьмич. — Гляди, с корнем выскочил.

— Все? — спросил Митька. — Можно одеваться?

— Постой, йодом прижгу... Ну вот, одевайся.

— Премного благодарен, товарищ доктор, — говорил Митька, одеваясь и затягивая ремень. — А то было всю спину стянуло.

— Скажи спасибо, что ко мне, а не в околоток зашел. Они бы тебя компрессами допекли, а то, глядишь, резать стали. Всю бы спину исполосовали. Знаю я их, живорезов. Им только нож в руки.

— Он купаться хотел, — сказал Климов.

— Ну и на здоровье. Вода теплая, а чирий-то с корнем выскочил. Ничего ему не станет.

Митька еще раз поблагодарил лекпома и пошел со двора.

— Смотрите, Василий Прокопыч, каков герой, а? — сказал Кузьмич, глядя ему вслед. — Даже не крикнул. Что значит сильный человек...

— Такой симулировать не будет, — сказал Климов.

— Факт... А, между прочим, симулянта я за версту узнаю. Еще в ту войну глаз набил. Он жалуется на живот, а как входит в околоток, так от самых дверей начинает на обе ноги хромать...

Пройдя огородами, Митька вышел к высокому берегу большого пруда. Отсюда открывалась уходящая вдаль холмистая панорама с разбросанными по склонам белыми хатками, тополями и синевшей на горизонте неровной полосой леса. Внизу, отражая солнце и нависшие ивы, блестела вода. Весь далекий отсюда противоположный берег был покрыт загорелыми телами бойцов. Теплый ветер доносил веселые крики и хохот.

Митька спустился по косогору, быстро разделся за

ивами и, выйдя к берегу, остановился, подставив сильное, словно вылитое из бронзы, мускулистое тело под ласкающие косые лучи горячего солнца. Потом, взмахнув руками, разбежался, вниз головой кинулся в воду и поплыл на середину пруда.

— Эй, эй! Куда плывешь? Здесь девушки купаются! — насмешливо крикнула Дуська. — Ну, ну, плыви, плыви, — миролюбиво сказала она, увидев, что Митька стал поспешно загребать в обратную сторону.

Он оглянулся и только теперь увидел черневшие за солнцем три головы. Впереди всех, шлепая ногами, как колесный пароход плицами, плыла Дуська. Ее со смехом догоняли Маринка и Сашенька.

Митьку охватил мальчишеский задор. Он усмехнулся собственной мысли и, набрав воздуху, глубоко нырнул.

— Куда это Митя девался? — спросила Маринка Сашеньку, оглядываясь на нее через плечо.

— Нырнул. А что?

— Почему же так долго? — встревожилась Маринка. — Может, судорога? Он кричать не будет. Он ведь такой... Что ж делать, девушки, а?

Дуська повернулась к ней и открыла было рот, собираясь что-то сказать, как вдруг ее круглое лицо исказилось.

— Ой, мамыньки! — в ужасе закричала она. — Ой, кто-то меня за ногу схватил!.. Ой, девушки, держите меня? Ой, не могу, умираю! Ой, как он меня напугал... Тю, черт, дурак! — напустилась она на Митьку, который, отплевывая воду, вынырнул подле нее. — Погоди, вот Сачкову скажу, он те всыплет. А что, если б я утопилась?

— А я на что? — сказал Митька, смеясь.

— Ну, Митя, зачем ты ее? — укоризненно сказала Маринка.

— Да я ж пошутил! Я ее только тихонько за пятку схватил... А ну, девушки, давайте, кто вперед к берегу, — предложил он, подплывая.

— Тогда нужно построиться, — сказала Сашенька.— Маринка, Дуся, давайте... А ну — раз, два... Пошли!

Они стайкой ринулись к берегу.

Митька плыл перевалкой, до половины выбрасывая из воды смуглое тело. В несколько взмахов он обогнал плывущую впереди Сашеньку. Вскоре он почувствовал дно под ногами.

— Ну ладно, Митя, ты выиграл! — закричала Маринка. — Давай уплывай отсюда. Нам одеваться надо. А потом приходи к нам. Мы здесь будем...

Девушки, осторожно ощупывая дно ногами, выходили на берег.

Отжимая мелкие, как роса, капельки, Сашенька провела руками по бедрам.

— Какая ты, Саша, складная, — сказала Маринка, с любовью глядя на подругу. — Ну прямо, как куколка. Вот, кажется, так бы взяла тебя, поставила на ладошку и понесла.

— Ну, положим, недалеко бы ты меня унесла, — усмехнулась Сашенька, ласково взглянув на Маринку.— Ты думаешь, во мне сколько? Во мне ведь четыре пуда.

Весело смеясь, они одевались.

— Беспокойное все-таки это дело — любовь, — говорила Маринка. — Вот Митя нырнул, а у меня уже сердце заныло, жалко стало... «А вдруг, — думаю, — больше никогда-никогда не увижу...» Да, слушай, Саша, когда мы были в Житомире, ты там видела большую скалу над рекой?

— Нет. А что?

— Мне одна старушка рассказывала. Давно это было, лет пятьсот. Возвратился из похода на турок какой-то пан Чапский. Заходит в дом тихонько, а его жена с любовником. Понимаешь, какое дело? Ну, тут он повернулся, сел на коня и айда. Выскакал на эту скалу, разогнался, раз — и в реку! Так вместе с конем и убился.

— Ну и чудак! — вспылила Дуська. — Он бы сначала ей, шалаве, все глаза выцарапал. Смотри-ка, мужик воюет, а она, гадюка, чем занимается...

— А что это сегодня Вихрова не видно? — спросила Маринка, садясь на траву.

— Ушаков еще вчера послал его в какую-то деревню по делу. Они вместе с Ильвачевым поехали, — с некоторым беспокойством ответила Сашенька, присаживаясь подле нее. — Смотри, Митя идет, — показала она.

— А ну, граждане, как у вас и что у вас? — спросил Митька, подходя к ним.

— У нас хорошо, — в тон ему сказала Маринка. — А у вас, видать, совсем весело?

— А как же нам не быть веселыми! Хм... Братишка письмо прислал. Пишет, что получил посылку и скоро в школу пойдет.

— А когда ты ему посылку посылал? — удивилась Маринка.

— Да я и не посылал никогда. Чего мне посылать? Это уж товарищу Ушакову спасибо. И смотрите, какой человек! Мне тогда Ильвачев говорил, что письмо, мол, передал комиссару. Как наших ребят отправляли на Кавказ за бурками, он с ними мешок муки послал, консервов, сахару. Вот каков он человек: и не обещал, а сделал.

— С нашим комиссаром не пропадешь, — заметила Сашенька.

— Ну вот, — сказал Митька. — А теперь есть неприятное сообщение.

— Что такое? — насторожилась Дуська.

— Кто знал Ваську-трубачонка из второй бригады?

— Ну, я знала, — сказала Маринка.

— Убили его вчера.

— Ой, мамыньки, жалость-то какая! Ведь совсем еще мальчишка был! — вскрикнула Дуська. — Лет двенадцать... Как же его убили-то?

— В разведке... Лошадь его, Пуля, говорят, второй день не ест ничего, — стал рассказывать Митька. — У них между собой большая дружба была. Раз ехал с водопоя и пустил ее во весь карьер. Как подхватила! А тут из подворотни собака. Она как шарахнется! Васька упал. Лежит, глаза закрыл, а сам думает, что теперь будет Пуля делать. Верно, шибко ушибся, но ничего, виду не показывает. Вдруг слышит, копыта застучали. Это, значит, кобыла вернулась. Подбегает и давай его носом толкать, а сама ржет, ржет, да так жалобно! Ну, Васька не выдержал и заплакал.

— А чего он заплакал-то? — удивилась Дуська.

— Как чего? Жаль стало кобылу, что она над ним так убивается.

— Значит, верно, что лошадям знакомы чувства радости, благодарности и любви, — тихо заметила Сашенька.

— А как же! — подхватил Митька. — Когда Харламова было убили, так конь никого чужого не допускал до него.

Они помолчали.

— И когда этой войне конец?! — с сердцем проговорила Дуська. — Сколько народу побили!

— Теперь недолго ждать, — сказал Митька. — Да и в газете пишут, что скоро конец войне. — Он достал из

кармана сложенную вчетверо газету. — Только уж шибко непонятно пишут некоторые наши товарищи. Как будто и русским языком, а не по-русски. Гляди, Саша, сколько я этих слов подчеркнул. Вот, к примеру, «эрудиция»,— прочел он. — Что это такое?

— Ерундиция — значит ерунда, — быстро брякнула Дуська.

Митька с усмешкой посмотрел на нее.

— Ошибаетесь, Авдотья Семеновна. Это слово совершенно другое обозначает. Как твое мнение, Саша?

— Эрудиция — значит ученость, опыт. Например, говорят так: человек большой эрудиции — следовательно, человек большой учености, опыта, — пояснила Сашенька.

— Так. Понятно, — сказал Митька.

Он вынул из кармана записную книжку и что-то записал.

— Вот еще! — сказал он, убирая книжечку в карман. — Эмансипация. А это что такое?

— Эмансипация?.. Постой, постой! — наморщив лоб, Сашенька задумалась. — Нет, сама не знаю, — просто сказала она.

— Ну вот, даже ты не знаешь, а все-таки образованная, — с досадой сказал Митька. — Как же такие статейки читать нашему брату?.. Неужели все это нельзя по-русски сказать? А? Саша?

— Конечно, можно. Русский язык самый богатый.

— Так зачем же пишут так? Ведь мы же русские люди! Или вот еще я человека одного слушал, на станции выступал. Ну, ничего не поймешь! Сыплет такими словечками...

— Может, он сам не понимал, что говорил? — сказала Маринка.

— И что за моду взяли! — вспылила Дуська. — Наберутся всяких слов — и вот, мол, какие мы ученые. Вот и наш Кузьмич, глядя на них, под старость умом рехнулся. Тоже стал не по-нашему выражаться. Даве прихожу до него мази взять, а он спит. Я давай его будить, а он как заорет! Постой, как-то он по-чудному. Нуте-ка... Да... «Не будируйте меня». Я аж покачнулась! Ну, сказал бы попросту: «Не буди». Я б повернулась и пошла. А то «не будируйте»...

— Товарищи, глядите... — сказала Маринка, поднимаясь и показывая на ту сторону пруда.

Там было видно, как купавшиеся красноармейцы

выбегали на берег, быстро одевались и бежали в село. Оттуда доносились дрожащие звуки сигнальной трубы.

— Сбор, — сказал Митька. — А ну, бежим, девушки!..

Обогнув пруд и поднявшись по косогору, они, запыхавшись, вбежали в село. Тут уже все находилось в движении. По улице сплошной колонной шла конница. Постукивая колесами, проезжали тачанки, орудия, санитарные линейки и обозные фуры. Крупной рысью ехали сотни две всадников в лохматых бурках с развевающимися за спиной башлыками.

— Так это же котовцы! — сказал Митька, разгоревшимися глазами глядя на проезжавших. — Глядите, вон сам Котовский едет. Я его знаю.

— Где? Который?

— А вон в красной фуражке. Видите? На рыжем коне, — показывал Митька.

Посреди улицы ехал плечистый всадник с крупным, бритым, красивым лицом. Позади Котовского боец в кубанке вез на пике значок. Несколько поодаль ехали трубачи на белых лошадях, а позади них в облаке пыли тянулась колонна.

— Саша, гляди, кто едет, — сказала Маринка.

— Где? — живо спросила Сашенька.

Но, проследив взгляд Маринки, она сама увидела Вихрова, который, выехав из переулка на той стороне улицы и приветливо махая им рукой, пропускал проходившую мимо колонну. Дождавшись интервала между эскадронами, он пришпорил лошадь и подскакал к ним.

— Что за часть, товарищ Лопатин? — спросил он, поздоровавшись и показывая на проезжавших мимо всадников.

— Бригада Котовского, — сказал Митька с радостным оживлением. — Ну как съездили, товарищ командир? — спросил он, подступая поближе к Вихрову и берясь рукой за стремя.

— Ничего.

— А я письмо от братишки получил, — весело блестя карими глазами, доверчиво заявил Митька. — Комиссар Ушаков ему гостинцев послал.

— Ну? — искренне обрадовался Вихров. — Вот это хорошо... А знаешь, я был почему-то уверен, что Ушаков так и сделает.

Он спешился, дал Митьке подержать свою лошадь и подошел к Сашеньке.

— Наконец-то ты приехал, Алеша, — заговорила она. — Чего я только не передумала за эти два дня! Ведь, говорят, банды кругом. Я так боялась за тебя... А Ильвачев где?

— Поехал доложить комиссару.

— Ну, как ваши успехи?

— Хорошо... Только уж больно народ забитый. Сначала все чего-то боялись. Видно, здорово их тут притесняли... В общем, мы с Ильвачевым переизбрали местную власть, а то у них войтом * мельник сидел. Ну, а взгляды у него, знаешь, какие. Да и приспешников у него там было немало.

— С такими людьми нам еще долго придется бороться, — помолчав, заметила Сашенька. — Так они не сдадутся.

— Главное, они там весь народ мутят, стращают, — сказал Вихров. — Но ничего, мы крепко бедноту сорганизовали. Объяснили им всю нашу политику...

Неожиданно Вихров болезненно охнул.

— Ты что? — встревожилась Сашенька.

— Да нет, ничего, — сказал он, кусая губы.

— Как ничего? Тебе больно?

— Немножко царапнуло.

— Покажи, покажи!.. Что же ты молчал? Ах, какой ты, Алеша! Скромность не всегда уместна... Как же это случилось?

— Да так. Отъехали версты две от деревни, и вдруг залп с опушки! У Ильвачева фуражку сбило, а меня в руку. Да ты не волнуйся, кость не задета, — сказал Вихров, уловив выражение беспокойства на лице Сашеньки.— Я перевязал... А Ильвачев какой! По нему стреляют, а он вернулся. «Как же, — говорит, — я без фуражки в полк приеду? Неудобно». — Вихров усмехнулся. — И только стал слезать с лошади, а у него очки выпали. Всю дорогу ворчал...

— Ах, Алешенька, как же ты так? — заговорила Сашенька, участливо глядя на него.

Громкий звук трубы, раздавшийся неподалеку, заставил их оглянуться, и они увидели Дерпу, ехавшего на своей огромной вороной лошади.

---

* Войт — староста.

— Вихров, здоро́во, братко! — сказал Дерпа, останавливаясь и нагибаясь с седла. — Ты где пропадал?

— По делу ездил.

— А-а... То-то тебя на совещании не было... Ты ничего не знаешь?

— Нет. А что?

— Сейчас выступаем.

— Куда?

— На тот... на Львов. Четвертая дивизия, сказывали, крепко панам наломала. До самой речки гнала. А там еще шестая им под хвост всыпала.

— Ловко!.. Постой, а это что у тебя? Где достал? — Вихров показал на огромный тяжелый меч, висевший на боку Дерпы.

Дерпа усмехнулся.

— В за́мке достал. Добрая штука, — сказал он. — Теперь зараз по две головы буду рубать. Такой не сломается. — Он до половины вытащил меч и с силой сунул его в ножны. — Ну, бувайте, хлопцы! — Дерпа сделал знак рукой и, пришпорив лошадь, помчался по улице.

9

Сражение на львовском плацдарме началось 14 августа. В последующие дни Конная армия вела упорные бои за переправы через Западный Буг. Удачная переправа 6-й и 4-й дивизий и успешная борьба с авангардами белополяков на подступах к городу давали уверенность в быстром овладении львовским узлом.

Реввоенсовет Конной армии поставил дивизиям задачу — стремительным ударом с севера и юга захватить Львов.

Несмотря на отчаянное сопротивление белополяков и на их большое превосходство в численности и вооружении, операция па Львовском плацдарме развивалась быстро и успешно. К вечеру 17 августа части Конной армии вели бой в пяти верстах от города. Во Львове уже создавались рабочие отряды.

В то время как головные дивизии дрались на подступах к Львову, 11-я дивизия переправилась с боем у Красне и, очистив от противника Буск, быстрым маршем подходила к месту сражения. Впереди, за поросшими лесом холмами, раскатывался пушечный грохот. От беспрестанных взрывов содрогалась земля... Эхо шумело в лесу.

Морозов нагнал первую бригаду на малом привале в дубовой роще, у речки. Он остановил горячившегося дончака у самой опушки. Вдоль нее между деревьями спали вповалку у ног лошадей бойцы первой бригады. Прямо против того места, где остановился начдив, раскинувшись навзничь, у обочины дороги лежал красивый казак. Нагнувшись с седла, Морозов узнал в нем Харламова. В его руке были крепко зажаты поводья. Золотисто-рыжая лошадь его с проступившими ребрами, поджав ноги под брюхо и опустив голову, тоже дремала. Подле Харламова, положив ему на живот голову, лежал Митька Лопатин. Вокруг них — кто навзничь, кто приткнувшись боком к товарищу — спали бойцы. Красноватые лучи всходившего солнца, пробиваясь между стволами деревьев, ложились на пыльные лица бойцов, играли на стременах и оружии. Вокруг было тихо. Только вдали по-прежнему слышался тревожный гул канонады.

Морозов покачал головой и оглянулся на ординарца.

— Ну и крепко же спят, Федор Максимыч! — заметил Абрам. — Разбудить, что ль?

— Не надо, — тихо сказал Морозов. — Устали ребята. Пусть отдохнут.

Он поехал обочиной дороги, пробиваясь между спавшими красноармейцами. Немолодой рыжеватый боец в кожаной куртке, с белыми шрамами на искромсанном шашкой лице приподнялся на локте, мутными глазами взглянул на начдива, пробормотал что-то и опять повалился на бок. В стороне от дороги рядом с лошадью спал старый трубач. Голова его покоилась на боку лошади. Он мерно посапывал большим красным носом, придерживая между коленями сигнальную трубу с истертым, когда-то золоченым шнуром. Морозов подъехал к нему.

— Климов! — тихо окликнул начдив. — А ну-ка, проснись!

— А? Чего?

Климов приоткрыл один глаз и, увидев начдива, живо вскочил. Вслед за ним шумно поднялась лошадь.

— Где комбриг? — спросил Морозов.

Климов поспешно перекинул трубу за спину и сказал сиплым голосом:

— Только сейчас проходил, товарищ начдив.

— Давно здесь стоите?

— Минут десять, больше не будет.

— Так... Ну, ну, ложись, отдыхай...

Морозов тронул лошадь вдоль извилистого берега речки. В чаще чуть слышно постукивал дятел. Начдив слушал дятла, а сам посматривал на убегавшую вверх лесную панораму. Начинаясь низкорослыми ветвистыми грабами, стройными соснами, широкими кленами с темно-зелеными блестящими листьями, лес в глубине все больше густел и, как по огромным ступеням, сплошной массой поднимался уступами в гору. Там, на самой вершине, картина венчалась могучими буками, уходившими высоченными кронами почти под самые облака.

Над головой Морозова со свистом пронеслась стайка стрижей. Он проследил их полет, повернул голову и увидел пестрое семейство клестов. Выделяясь красными перышками на зеленой листве, клест выклевывал изогнутым клювом смолистые зерна из шишки. Подле него копошилась желтоватая самка. Рыжеватые овсянки прыгали с ветки на ветку. Слышалось их незатейливое, но мелодичное пение. Оливковые малиновки, поблескивая желтыми грудками, перелетали тропинку. Быстро перебегали в траве хохлатые жаворонки. Все это перекликалось на разные голоса, щебетало и пело.

Морозов с малых лет хорошо знал всех этих маленьких обитателей лесов и полей и теперь, слушая птичий хор, невольно припомнил, как вместе с товарищами когда-то ходил искать птичьи гнезда... «А ведь нехорошо делали»,— попенял он на себя, вспоминая ребячьи проказы.

Миновав батарейные упряжки с орудиями и зарядными ящиками, Морозов спустился к песчаному берегу речки. Над водой сидел на корточках худой сутулый боец. Услышав конский топот, он повернул голову, и начдив увидел желтое сморщенное лицо с раскосыми глазами.

— А ты, Ли Сян, чего не спишь? — узнав красноармейца и подъезжая к нему, спросил Морозов.

— Лука мыл, товарись начдив. Польский пана мало-мало лука моя сытылял, — быстро вскакивая, скороговоркой ответил китаец.

— Так, может, тебя в лазарет?

Китаец отрицательно покачал головой.

— Наши лебята смеяться будет... Нет, Ли Сян лазалета не надо.

Морозов веселыми глазами посмотрел на него.

— Ишь ты, какой боевой!.. Комбриг где, не видел?

Ли Сян показал в сторону опушки.

Там на широком пне сидел Колпаков и грыз сухарь.

Морозов окликнул его. Колпаков поспешно сунул в карман сухарь и, придерживая шашку, подбежал к начдиву.

— Почему без охранения? — спросил Морозов сурово.

Колпаков виновато потупился.

— Сам знаешь, Федор Максимыч, как на заре спится, — сказал он, не глядя на начдива. — Я и решил, пусть ребята поспят. Шутка сказать, подряд двое суток не спавши. Да ведь я только четверть часа...

— То, что дал отдохнуть, это ты правильно сделал, — сказал Морозов, слезая с лошади и подавая поводья Абраму. — Но то, что без охранения, — это недопустимая халатность, товарищ комбриг. И чтоб впредь этого не было.

Он расстегнул полевую сумку, вынул карту и, водя по ней пальцем, сказал:

— Значит, так: бригаде наступать вдоль шоссе и захватить Вильку-Шляхетскую. Левее тебя, в районе Зубржица, третья бригада. Она наступает на Мыклашов. Правее Особая бригада наступает на фольварк Пруссы... Понятна задача?

— Понятна! — смахивая крошки с усов, ответил комбриг. — Можно ехать?

— Постой, — сказал Морозов. — Как настроение?

Колпаков, пожав плечами, поднял на начдива красные от бессонницы глаза.

— Бойцы который день не евши, Федор Максимыч. Неделю хлеба не видели... А настроение?.. Что ж, настроение, как всегда, боевое. На это не жалуемся. Только вот животы подвело... Да и отдохнуть бы надо.

Морозов пристально посмотрел на него и, показывая плетью в сторону Львова, сказал:

— Вот там будет отдых... Давай выступление!

— По ко-ням! — нараспев крикнул комбриг.

Бойцы зашевелились. Ординарец подвел лошадь комбригу. Колпаков потрогал подпругу — хорошо ли затянута — и привычным движением сел в седло. Солнечный луч блеснул на золотом галуне его ярко-красных штанов. Он обернулся к рядам и подал команду.

Дорога шла лесом. Растянувшись колонной, бригада на рысях подходила к опушке. Впереди показались холмы. Узкие петли дороги, огибая лощины и вымоины, уходили к вершине большой лысой горы. Вправо желтело большое поле пшеницы. За ним в голубеющей мгле темнела неровная полоска далекого леса. Влево, где го-

ризонт ограничивался поросшей лесом высокой горой, слышались частые ружейные выстрелы. Стрельба то затихала, то вновь разгоралась, словно в пылавший костер кто-то подбрасывал охапки зеленого вереска.

Навстречу колонне показалась санитарная линейка. Ее сопровождало несколько всадников на разномастных лошадях. В линейке лежал человек, накрытый с головой красным знаменем. По тому, как неестественно тряслась его голова, постукивая о заднюю стенку линейки, было видно, что он мертв.

— Кого везете, товарищи? — спросил Морозов.

— Начдива, — хмуро сказал один из конвойных.

— Начдива?! Какого начдива?

— Литунова...

Весть мгновенно облетела полки. Стихли разговоры. Бойцы, обнажив головы, в строгом молчании проезжали мимо линейки...

Колонна теперь уже шагом выходила к гребню вершины. Краешек багряного солнца вышел над лесом. Буйным пожаром заполыхал горизонт, и небо стало вдруг голубым и бездонным.

Внезапно за поворотом дороги взглядам открылась долина.

— Львов! — пронеслось над рядами.

Вдали, в широкой низине, лежал древний город. Пунцовые лучи зари красными факелами горели на крестах церквей и костелов. Алые пятна дрожали на куполах колоколен. Над городом поднималось туманное марево...

То ли Колпаков подал команду, то ли бригада остановилась сама по себе, но ряды застыли в глубоком безмолвии. Задние молча выезжали вперед, и вскоре весь гребень горы покрылся сплошной стеной всадников. Вокруг было тихо. Лишь под порывами налетавшего ветра трепетали на пиках эскадронные и полковые значки. Сотни глаз устремились туда, где, утопая еще в полумгле, темнели очертания города.

Неожиданно, разорвав тишину, вдали раздался пушечный выстрел. Бойцы зашевелились и, вытягиваясь колонной, стали быстро спускаться по пологому склону горы.

Начиная сражение на львовском плацдарме, командование 2-й и 6-й армий Пилсудского имело приказ главнокомандующего уничтожить Конную армию на подступах

к Львову. Неприятель обладал значительным превосходством в живой силе и технике. Казалось, что успех поставленной Пилсудским задачи был обеспечен. В действительности же дело приняло совсем иной оборот. Противник хотел сковать и расстроить Конную армию жестоким огнем, а сокрушительным ударами по правому и левому флангам уничтожить ее и выиграть сражение. С этой целью, противопоставив Конной армии четыре полностью укомплектованные пехотные дивизии *, командующий фронтом двинул ударные группы в обход флангов Конной армии. На рассвете 19 августа, то есть того дня, когда развертывались все эти события, ударная группа противника вошла в Могиляны. В десять часов утра генерал, командующий группой, получил сообщение, что со стороны Каменки быстро движется какая-то кавалерия. Это был сбитый Пархоменко заслон белополяков. Генерал приказал трубить тревогу, а сам со штабом поднялся на возвышенность, откуда была хорошо видна вся долина.

Впереди, верстах в трех от того места, где остановился командующий, блестела узкая полоска реки. За ней виднелись поросшие лесом холмы. Покрывая сплошь все пространство от холмов до реки, беспорядочными группами скакали уланы. Над ними белыми клубочками в ярко-голубом небе с треском рвалась шрапнель. Передние всадники достигли реки и, не задерживаясь, кинулись вплавь. Блестящая под солнцем гладкая поверхность воды покрылась черными точками людских и конских голов. Следом за уланами вскачь неслась батарея. Ездовые, взмахивая руками, нещадно секли плетьми лошадей. У самого берега орудия сбились в кучу, смяли скакавших впереди уланов и, цепляясь осями, с полного маху влетели в реку.

Высоко взметнулись каскады ослепительных брызг. Послышались крики и вопли тонущих.

Могучий вороной конь коренного выноса упрямо боролся с тяжелым орудием, увлекавшим его на дно быстрой реки. Раздувая широкие ноздри, сверкая вылезавшими из орбит глазами, высоко вскидывая мощные ноги, он бил по головам и спинам людей, тщетно пытаясь найти точку опоры. Но силы уже изменяли ему; словно про-

* В львовском сражении против Конной армии участвовали, кроме пехотных дивизий, 1-я и 2-я кавалерийские дивизии, гарнизон Львова, восемь бронепоездов, многочисленная тяжелая и легкая артиллерия, эскадрилья американской авиации.

щаясь с солнцем, он заржал тихо и жалобно. Еще миг — и вода беспощадно сомкнулась над его головой.

Над долиной неслись громкие крики. Едва последние всадники бросились в воду, давя и сшибая друг друга, как вдали показалась колонна. Над передними рядами трепетало Красное знамя. Почти одновременно слева, у перелеска, показалась другая колонна. Обе колонны широкой рысью подходили к реке.

Увидев их, генерал, командующий группой, подозвал стоявшего неподалеку командира 2-й кавалерийской дивизии и приказал контратаковать неприятеля и уничтожить его.

Кавалерийский бой разыгрался близ опушки старого соснового леса.

Бригада буденновцев развернулась у перелеска и двинулась навстречу уланам, все ускоряя аллюр. В нескольких шагах впереди строя уланов скакал на караковом гунтере сухощавый полковник. Вот он повернулся к рядам и крикнул что-то, сверкнув прямым, как свеча, палашом. Из дубовой рощи вынеслась галопом масса всадников на серых лошадях. Это был стоявший в резерве 2-й уланский полк. Уланы опустили сверкнувшие пики и с криком ринулись во фланг атаковавшей бригаде. Среди атакующих произошло замешательство. Крайние бойцы повертывали лошадей.

— Начдив! Начдив! — пронесся над рядами многоголосый восторженный крик.

Бойцы увидели, как Пархоменко, до этого наблюдавший за боем с пригорка, быстрым движением поправил заломленную на затылок папаху, рванул из ножен кривой кавказский клинок и помчался навстречу полковнику. Рослый конь, управляемый твердой рукой, крутя куцым хвостом и не сбиваясь с ноги, легким скоком шел на начдива. Пархоменко привстал на стременах, готовясь к удару. На одно лишь мгновенье перед ним мелькнуло побледневшее, с холодными глазами, длинное лицо офицера. Потом под его рукой что-то дрогнуло, и он увидел, как конь, волоча за собой застрявшего в стремени уже мертвого всадника, ошалело мчался к опушке. Туда же повертывали и уланы, потерявшие своего командира. Далеко уйти им не пришлось. К месту боя подошел с бригадой Рябышев, любимец Пархоменко, кряжистый, как молодой дубок, смелый до отчаянности командир. С места он повел полки в контратаку, опрокинул подходив-

шие резервы противника и преследовал их до тех пор, пока не стали шататься уставшие лошади...

В то время как под Могилянами 14-я дивизия громила части ударной группы белополяков, на остальном участке фронта бой разгорался с невиданной силой. На протяжении тридцати верст — от Джибулки до Вилька-Шляхетской и Чижикува — сотрясали воздух залпы батарей. К двум часам дня 4-я дивизия, сломив сопротивление наиболее стойкой 13-й познанской дивизии, находилась уже в двух верстах от Львова. Почти одновременно 6-я дивизия, дравшаяся на левом фланге Конармии, вклинилась в оборонительную полосу 5-й дивизии легионеров. Фронт врага дрогнул. В бой шли последние резервы. Казалось, еще удар — и Львов будет взят.

Наступившая темнота отодвинула решительный штурм на завтра.

Над Львовом опускалась глубокая ночь. То тут, то там в полумгле, близко, казалось — рукой подать, зажигался огонек и, мигнув, угасал. Месяц еще не взошел, в низинах лежала непроглядная тьма. Вокруг было так тихо, словно город притаился, прислушиваясь к ночным звукам и шорохам. Вправо, у фольварка Пруссы, трепетало розоватое зарево.

Ворошилов и Буденный сидели на копне сена и, поглядывая в сторону Львова, тихо беседовали.

— В том-то и суть, Семен Михайлович, что отвага — дело хорошее, но отвага без головы немного стоит, — говорил Ворошилов. — Удивительный человек этот Маслак! Никак не могу выбить из него партизанский дух.

Разговор шел о неудачной атаке Маслака, который бросил бригаду на пулеметы и понес потери.

— Я думаю так, Климент Ефремович, — говорил Буденный, — снимем его с бригады и предадим суду военного трибунала, чтобы и другим неповадно было. Я ему уже раз говорил, предупреждал.

— А вот возьмем завтра Львов, встанем на отдых и разберемся с этим делом, — решил Ворошилов. Он поднял голову, услышав чьи-то шаги. — Кто идет? — спросил он.

— Я, Климент Ефремович, — сказал в ответ Орловский. — Там ребята банку консервов достали и немного

молока. Так, может быть, вы с Семеном Михайловичем закусите?

— Ну что ж, прекрасно, Сергей Николаевич, — весело отозвался Ворошилов. — Только посидим немного. Больно уж ночь хороша. Присаживайтесь с нами, поговорим...

— Я вот поглядел на эту банку консервов, и мне вспомнилась наша студенческая жизнь, — заговорил Орловский, устало приваливаясь к копне. — В Москве, у Дорогомиловской заставы, был дом. В нем помещалось Общество трезвости. Мы, студенты, называли его Обществом по уничтожению спиртных напитков. Там у них чуть ли не каждый день происходили банкеты. А внизу помещалась дешевая столовка — вернее сказать, харчевня. Содержала ее вдова Алтуфьева. Так мы, студенты, покупали у нее обрезки всякие. Они казались нам с голоду царским кушаньем... Я бы сейчас этих обрезков один полведра съел.

— Так вы идите и съешьте эту банку консервов, Сергей Николаевич. Я что-то не хочу есть, — сказал Ворошилов.

— Я тоже не хочу, — подхватил Буденный.

— Спасибо за великодушие, но мне эта банка как слону горошина, — улыбаясь, сказал Орловский. — Сейчас бы такой обед съесть, какой, помните, закатил старый граф Ростов для Багратиона.

— А, да... совсем бы неплохо, — усмехнулся Ворошилов. — Так мы и не успели, товарищи, дочитать до конца «Войну и мир»... На чем мы остановились, Семен Михайлович?

— Васька Денисов отбил русских пленных. Я один дочитал эту главу.

Вблизи послышались торопливые шаги.

— Разрешите, товарищ командующий? — спросил из темноты Зотов.

— В чем дело, Степан Андреевич? — спросил Буденный, оглядываясь.

— Получен приказ, товарищ командующий, — произнес Зотов встревоженно. — Ничего не пойму.

— Дайте сюда, — сказал Ворошилов.

Буденный зажег электрический фонарик и стал светить Ворошилову, который, взяв из рук Зотова приказ, начал читать его про себя.

— Что? Что такое? Конной армии оставить Львов и

идти на Владимир-Волынский? — заговорил он озабоченно...

— А зачем нас перебрасывают? — спросил Буденный.

Ворошилов быстро пробежал приказ до конца.

— На Западном фронте противник потеснил наши части, — заговорил он, нахмурившись. — Нас перебрасывают на помощь Запфронту.

Ночь густела. В глухом лесу, в лощинах, кое-где горели костры. Вокруг них, перебрасываясь словами, сидели и лежали красноармейцы. Когда огонь начинал затухать, один из бойцов поднимался, шел в гущу леса и, возвратившись с охапкой валежника, бросал его на угли. Тогда вспыхивало веселое пламя, выхватывая из тьмы то кузов тачанки, то подседланных лошадей, привязанных к деревьям, то высокую стену леса.

— Чего бы я съел, ребята, сейчас... — мечтательно протянул Аниська. — У нас дома аккурат в это время кур, цыплят режут. Вот бы...

— Не зуди, сачок! И так тошно, — мрачно оборвал его Климов.

— Ребята, у кого есть закурить? — спросил Харламов.

— У товарища доктора спроси. У него полный кисет, — посоветовал Аниська.

— Он занятый с взводным, — сказал Климов.

Харламов привстал над костром. Кузьмич, замещавший эскадронного писаря, что-то писал, лежа на животе. Подле него полулежал, опираясь на локоть, взводный Сачков.

— Значит, так. Пиши: первый взвод — семь человек.

— А товарищ Леонов? Он в руку раненый.

— Ехать может?

— Факт. Да он в лазарет нипочем не пойдет.

— Значит, он не в зачет... Пиши: девять человек во втором... В третьем раненых нет. Нет, постой! Кирюшку контузило. Пиши: один. В четвертом — восемь...

Кузьмич начал подсчитывать.

— Ребята, как бы наш командир не сгорел, — проговорил Митька Лопатин опасливо, показывая на спавшего у костра Вихрова. Он поднялся и подошел к нему. — Ну да, гляди, какая спина горячая. Надо б его отодвинуть... А ну, Степа, помоги! Берись за ноги.

Вместе с Харламовым они перенесли Вихрова, и Митька заботливо подложил ему под голову свою шинель.

— Умаялся в разведке-то, — заметил Харламов.

Оба знали, что Вихров вместе с двумя красноармейцами ходил прошлой ночью в разведку и привел пленного.

Костер ярко вспыхнул. Пламя затрещало, взвилось к самому небу.

— Ребята, чего это вы делаете? — сердито крикнул Сачков. — Разве можно так? Слышите? Кому говорю! Соблюдай маскировку!..

— Мне эта маскировка раз боком вышла, — сказал Климов вполголоса. — Было помер за нее со страху.

— Ну? Как же так? — спросил Митька.

— Да очень просто. Почудилось мне, братцы мои, такое, что умру — не забуду.

— А ну, давай расскажи, Василий Прокопыч, — попросил Харламов, подвигаясь поближе.

— Ну что ж, можно, — согласился трубач, — только оставьте кто покурить... Да... Служил я, братцы мои, до революции в Царском Селе, в лейб-гвардии гусарском полку, — начал он, поудобнее усаживаясь. — А из всей гвардии в одном нашем полку были серые кони. Ну, о конях потом... Так вот... Был там у меня кум, вахмистр кирасирского полка, Петром Савельичем звать. В отставке по чистой ходил. Уже, можно сказать, совсем старый человек. Один жил, жену давно схоронил. И вот случился у него день рожденья. Аккурат это было перед самой германской войной. «Заходи, — говорит, — Прокопыч, выпьем по маленькой». Ладно, захожу... Стол накрыт честь по чести. Графинчик, конечно, закусочки всякие разные.

— Эх!.. — вздохнул Митька.

— Да. Только гляжу, рюмки стоят. А я с них пить терпеть ненавижу. Я очень даже уважаю со стакана пить. Да... Ну, сели. Выпили по одной, налили по другой. Это ж известное дело: рюмочку выпьешь — другим человеком станешь, а другой человек тоже не без греха — выпить хочет. В общем карусель получается. Да... Сидим, значит, выпиваем, разговоры разные разговариваем. Вот кум и говорит: «Пес с ними, с рюмками, с них только немцы пьют. А мы давай уж стаканами». И сейчас это он рюмки и графинчик со стола снимает, а заместо них становит стаканы и «гусыню». Это четверть так называлась. «Вот, — думаю, — да! Вот это по-нашему». Тут мы двери закрыли, чтобы к нам ненужный человек не зашел, и пошли глушить! Кум разошелся, всех своих

полковых командиров в лицах представляет. А он на это дело был мастер. Чисто в театре сижу. Ну, пьем день, другой. Кто-то к нам стучался, да мы не отворяли. Сидим себе выпиваем, старину вспоминаем. Кум держится. Я тоже вроде виду не показываю. Вдруг слышу — музыка заиграла. Наш полковой марш. К чему бы это? Выглянул я в окно, братцы мои, да и покачнулся! Гляжу, едет наш лейб-гусарский полк и весь, как есть, на зеленых лошадях! Ну, тут все во мне в смятенье чувств пришло. Враз протрезвел. «Батюшки-светы, — думаю, — до зеленого змия допился!» А они идут и идут, и, как есть, все зеленые. «Кум! — кричу. — Петр Савельич! Гляди, грезится мне или взаправду?» Кум глянул в окно, с лица сменился и мигом трезвый стал. «Пропали, — говорит, — мы с тобой, Василий Прокопыч. До змия допились. Сейчас гореть начнем». Ну, тут я живо смотался и в казарму до фельдшера побежал. Только забегаю, а вахмистр навстречу. «Ты, — говорит, — сукин кот, где прохлаждался? Тут война началась, а тебя, черта, днем с огнем не сыскать». Я говорю: «Больной». А он: «Какой такой больной! А ну дыхни!..» Ну, тут все и объяснилось. Командир полка приказал обмыть серых коней перекисью водорода, и они стали буро-зелеными. Да... Вот как мне эта маскировка далась, — под общий смех закончил трубач.

— У вас, Василий Прокопыч, видать, с того разу и нос покраснел? — ехидно заметил Кузьмич.

— Он у меня отроду красный, — спокойно ответил трубач. — Только вот под старость вроде начал синеть.

— А что это «лейб» означает? — спросил Митька.

— А пес его знает! Лейб — и все тут.

— Ты у лекпома спроси, он ученый, — шепнул Митьке Лопатину лежавший рядом Аниська.

Но Митька воздержался. С некоторых пор он стал относиться критически к учености «доктора».

— Товарищ доктор, вы не скажете, какое это такое слово «лейб»? — спросил Аниська.

— Лейб — значит лев, — не сморгнув, ответил лекпом. — Ну, здоровый такой человек. Знаешь, в гвардии какие люди служили? С одного двух таких, как ты, можно сделать.

— Товарищ Климов, чтой-то вы за кирасиров поминали? Это такой полк, что ли, был? — поинтересовался Аниська.

— А как же!

— А форма какая?

— Весь золотой: грудь, спина. А на голове каска. Так все и сверкает. Ну вроде, как бы сказать, живой самовар.

— Здоровый был народ, — подхватил Харламов. — Я ведь тоже в гвардии служил. Знаю.

— Ну? — удивился Климов. — Стало, мы с тобой земляки? Ты какого полка?

— Лейб-казачьего.

— Товарищ Харламов, а много этой гвардии было? — спросил Аниська.

— Много. Корпус кавалерии и два корпуса пехоты.

— Значит, и пехота была?

— Была. В Петрограде стояла.

— А ну, расскажи, — попросил Аниська.

— Нехай Василий Прокопыч рассказывает, — сказал Харламов. — Он служил побольше меня.

— Что ж, можно и рассказать, — охотно согласился трубач. — Только ты, сынок, сверни-ка мне закурить.

Вблизи послышались шаги. Все оглянулись. К костру шел Миша Казачок. Он подошел и присел на корточки рядом с лекпомом. В карманах его что-то лязгнуло. Кузьмич поспешно отодвинулся в сторону.

— Слушай, Миша! — сказал он взволнованным голосом. — Ты все же поосторожней. А то и сам взорвешься и людей покалечишь.

Миша Казачок с тихой грустью в добрых глазах молча взглянул на него, поднялся и, отойдя в сторону, прилег под кустом.

— Что это с Мишей? — спросил Аниська. — Вроде грустный какой.

— Не тронь его, — строго сказал Леонов. — Коня у него подвалили... Два года ездил... Видишь, страдает, не в себе человек...

— Ну, братцы, слушайте, — начал Климов, сделав подряд несколько быстрых затяжек. — Начинаю за гвардию разговор. Было это, можно сказать, самое отборное войско. Да... Вот гляди, какой Харламов здоровый, — сказал он Аниське, — а его бы в гвардейской пехоте в первую роту не взяли. Нет. Там были такие, что смотреть страшно. Не то слон, не то человек. Бывало, в германскую войну в атаку пойдут — немцев через плечо

штыком, как котят, кидают. У них, у немцев, тоже были отборные войска. Баварская гвардия называлась. Ну в ту пору, конечно, было много измены. Только, бывало, нас, то есть гвардию, на новый участок перебросят, а они, баварцы, уже кричат из окопов: «Эй, рус! А мы уже тут!»

— А много было ваших полков? — спросил Митька.

— Разные были полки. По всей России отбирали, чтобы солдаты были и по масти похожие, и по росту, и по личности. Да...

— А ни к чему все это! — заметил Леонов.

— Эка! — усомнился Митька Лопатин. — Разве можно набрать целый полк одинаковых людей?

— А что ты думаешь! Ого! — Климов качнул головой. — У меня свояк в Семеновском полку служил. Так у них все солдаты были один к одному: волос светлый, нос с горбинкой... Егеря — те черные, как цыганы, нос редькой... Вру? А вот его спроси, коли я вру! — кивнул трубач на Харламова.

— Верно говорит, — подтвердил Харламов.

— Теперича гренадеры, — продолжал Климов. — Екатерининский полк назывались. Ну, те все смугленькие такие, пригожие с виду. Да... Павловцы — так те все курносы. Да, вот случай был...

— Начдив едет! — перебил его Харламов.

Все встрепенулись. Сачков встал, подправил ремень.

— Почему не спите, товарищи? — спросил Морозов, останавливая лошадь подле костра и оглядывая бойцов.

— Да вот сказки сказываем, товарищ начдив, — сказал Климов, поднимаясь и веселыми глазами глядя на начдива.

— Завтра в бой. Надо сил набираться, — проговорил Морозов, внимательно оглядывая бойцов. — Климов, как мне проехать до вашего штаба полка? — спросил он трубача.

— А вот этой ложбинкой езжайте, никуда не сворачивайте, — показал Климов. — Может, вас проводить?

— Не надо, я сам. Ну, ребята, смотрите: как буду ехать обратно, чтобы все спали. А не то рассержусь.

Морозов кивнул бойцам и поехал вперед по лощине.

— Давай, давай, Василий Прокопыч, досказывай, а то, и верно, спать время, — поторопил Харламов.

— Ну ладно, — сказал Климов, присаживаясь. — Да, братцы, а на чем я остановился?

— За Павловский полк начал рассказывать. Стало быть, случай там был.

— Ах да! — вспомнил Климов. — Ну вот, приезжает в этот полк мать одного из солдат, сынка проведать. А взводный такой шутник был. «Как, — говорит, — мамаша, сынка твоего звать?» — «Михайлой». Ладно. Построил он взвод и спрашивает: «Ну, какой твой сынок, покажи». Ходит она перед фронтом, смотрит. А солдаты-то все как родные братья: рыжи, курносы, конопаты, глаза светлые и росту одного. Подступится она к одному, к другому — будто ее Мишка, а будто и нет. Ну, тут взводному, видать, жаль стало ее, и он подал команду. Выходит из строя солдат — сын ее, значит.

— Здорово, если не врешь, — проговорил кто-то из бойцов.

— Истинный бог!..

— Правильно говоришь, — помолчав, начал Харламов. — Сколько народных денег расходовали на эту петрушку! А как пошли с немцем воевать, так ни пушек, ни снарядов, ни винтовок в достатке не оказалось. Сколько за это зря полегло нашего брата...

— Ну, Василий Прокопыч, если уж ты так все здорово знаешь, скажи, за какую такую провинность с кавалергардского полка царские вензеля с погон сняли? — спросил до сих пор молчавший Сачков.

— И за это скажу. Было это, братцы мои, в пятом году, в революцию, — заговорил Климов, беря предупредительно поданную ему папиросу. — Сидит это, как бы сказать, царь Николай во дворце и чай пьет.

— Эка загнул! — захохотал басом Кузьмич. — Да разве царь чай будет пить?

— А что же, по-вашему?

— Ну, кофий, какаву.

— Мне, конечно, правду сказать, во дворце бывать не приходилось, — возразил Климов, пожимая плечами. — Мимо, верно, не раз хаживал... Ну да ладно. Выдул он один чайник, фельдмаршал ему другой несет, а сам докладывает: «Ваше, мол, императорское, в городе беспорядки, народ бунтуется». Ну, берет царь телефон и говорит в эту... в трубку: «Але! Это кавалергардский полк? А ну, подать мне живой ногой командира». Ладно.

Приходит к телефону полковой командир, а царь ему: «Рабочие бунтують! Приказываю выступить на усмирение». А командир ему в ответ: «На защиту отечества от немца, турки или там кого другого — сполню долг присяги, выступлю немедля, а против народа не могу: душа, мол, не позволяет. На это, мол, полиция есть». Николай-то осерчал, ногами затопал, было разбил телефон. «Это ваше последнее слово?» — спрашивает. «Последнее.» — «Ну, как хочете, но в таком случае я с вашего полка вензеля снимаю, а вас самого в крепость на отсидку и без права передач». Вот как...

— Были, значит, и с офицеров подходящие люди, — раздумчиво проговорил Митька Лопатин.

— А как же! Вот в нашем в пятом драгунском Каргопольском полку был корнет Лихарев, — заговорил один из бойцов. — Ну он, конечно, не кадровый, из студентов. Офицер, как бы сказать, военного времени. Молодой. И до чего, ребята, чистый, сердечный был человек! При Керенском мы его в комитет выбрали, а в Октябрьскую революцию он к большевикам перешел. Сейчас где-то полком командует. Очень хороший был человек, умный. За словом в карман не лез. Аккурат под Сандомиром в шестнадцатом году случай с ним был. У нас дивизией командовал немец, фон Крит фамилие.

— Фамилия, — поправил Митька.

— Ну, фамилия, — поправился рассказчик. — Видали индюка, братва?

— Ну, ну?

— Точный патрет этот фон Крит. И вот перед боем стали к нему прибывать офицеры для связи с разных полков. И наш Лихарев приезжает. А он, Лихарев, после контузии немного заикался. Хорошо. Подходит он до фон Крита и докладывает: «Ваше пре-превосходительство, от пя-пятого драгунского Каргопольского по-полка корнет Ли-лихарев». А фон Крит так это на него поглядел и говорит: «Что, не могли хорошего послать?» А Лихарев с лица сменился, чуток побледнел и отвечает: «Хорошего, видно, к хорошим, а меня уж к вам».

— Ха-ха-ха! Вот это поддел немца! — рассмеялся Харламов. — Ну ладно, братва, давайте, верно, спать ложиться, а то скоро будет светать.

Он скинул бурку и разложил ее подле костра.

Бойцы стали располагаться на отдых.

Морозов застал Поткина и Ушакова сидящими у костра над котелком кипятку. Тут же на лопухе лежал кусок сахару и ржаной сухарь.

— Чаевничаете? — сказал начдив, слезая с лошади и подходя к ним.

— Садитесь с нами, Федор Максимович, — радушно предложил Поткин. — Чай поспел. Только заварки нет.

— Пейте сами, друзья, я не хочу, — отказался Морозов.

Он подошел к костру и присел на попону.

Ушаков, хорошо изучивший Морозова, сразу почувствовал, что тот чем-то сильно озабочен. Всегда живой и веселый, начдив сидел молча, глухо покряхтывая.

— Ну как? — спросил он, повертываясь к Поткину и пристально глядя на него.

Заметив в глазах начдива знакомое тревожное выражение, Поткин понял, о чем задан вопрос.

— За сегодняшний день в полку пятьдесят восемь раненых и семнадцать убитых, — сказал он, помолчав.

— Жаль, жаль людей, — с болью в сердце заговорил Морозов, — а тем более жаль, когда несешь потери напрасно... Сегодня ночью, друзья, мы уходим из-под Львова.

— Как? Почему? — в один голос вскрикнули Поткин и Ушаков.

— Таков приказ, — пояснил Морозов. — Товарищ Ворошилов ездил на прямой провод, говорил с Кременчугом, но приказ был подтвержден. Семен Михайлович приказал в ночь сняться с позиции. На участках дивизий приказано оставить для прикрытия отхода по одному полку. Вот я и думаю, Поткин, оставить тебя. Как твое мнение?

— Мысль правильная, Федор Максимович.

— А как думает комиссар?

— Полк выполнит поставленную задачу, — твердо сказал Ушаков.

— Я тоже такого мнения, — подтвердил Морозов, с трудом превозмогая желание крепко обнять сидевших перед ним боевых товарищей, которых, может быть, в последний раз он видел в эту минуту.

— Значит, сделаешь так, — продолжал он, обращаясь к Поткину, — немедленно занимай участок дивизии и стой здесь до последнего. Не пускай их ни шагу, покуда не подойдут наша пехота и бригада Котовского.

В помощь тебе даю батарею. А как подойдут — сдашь участок и мотай на Буск. Ясно?

— Ясно, товарищ начдив, — сказал Поткин, поднимаясь и прикладывая руку к фуражке...

Посматривая по сторонам, Гобар в сопровождении ординарца ехал рысью по просеке.

Начинало светать. В небе разливался розоватый отблеск восхода. Воздух свежел. Над землей поднимался влажный туман.

— Вот здесь, — сказал Гобар ординарцу, выезжая на опушку леса и показывая на стоявшую отдельно большую сосну. — Скачи на батарею и передай Калошке, чтоб живо провод давали.

Он слез с лошади, передал ее ординарцу и, схватившись за нижний сук дерева, быстро перебирая руками, полез к вершине сосны.

Вокруг было тихо. И в этой напряженной тишине особенно остро послышался приближающийся гул самолетов.

«Летят, — подумал Гобар. — Если они обнаружат наши колонны, то нам крепко достанется».

— Товарищ командир! — позвал снизу голос. — Аппарат привезли.

Гобар помог установить аппарат на наблюдательном пункте и, отпустив телефониста, стал смотреть на раскинувшуюся перед ним долину.

Рассвело. Прямо перед ним по обе стороны раскинулось пересеченное лощинами и перелесками поле, через которое, разделяя его на две равные части, бежало пропадавшее за склоном шоссе. Там, где на повороте шоссе ярко блестел золотой крест часовни, виднелись кривые линии окопов. Шагах в двухстах в глубину, по окраине села Вилька-Крулевское, тянулась вторая линия окопов противника. За селом темнела опушка соснового леса. Дальше, скрывая очертания львовских предместий, по всему горизонту дрожало золотистое марево. Солнце поднималось все выше. Рассеиваясь, таял туман. Только в глубоких лощинах, густо поросших кустами, где еще продолжали лежать длинные тени, туман стлался лиловатым прозрачным дымком.

Засмотревшись, Гобар не сразу услышал треск сучьев внизу. Пыхтя и отдуваясь, Поткин лез на сосну.

Он остановился пониже Гобара и, переводя дух, спросил:
— Ну, что там видно?
— Вижу влево пехоту противника. Из леса выходит, — сказал Гобар.
Поткин посмотрел в бинокль. Вытягиваясь из леса голубоватой колонной, пехота спускалась в низину.
— Сильно́, — помолчав, сказал Поткин. — Так вот, слушай сюда. Я сейчас возьму два эскадрона и ударю им во фланг. Ты не стреляй, пока они не подойдут к этим высотам, — он показал в сторону лесистых холмов против Вилька-Крулевского. — А как подойдут, крой их беглым огнем.

Получив приказ Поткина занять и оборонять высоты на правом фланге полкового участка, Ладыгин еще затемно подвел эскадрон и занял рубеж обороны. Теперь, проверив расположение и приказав Вихрову выслать на правый фланг двух бойцов с пулеметом для обороны глубокой лощины, он вместе с Ильвачевым лежал на командном пункте и смотрел в бинокль в сторону окопов противника. Там не было заметно никакого движения, и только в глубине, у самого леса, виднелись сгорбленные фигурки перебегавших солдат. Можно было обстрелять их из пулеметов, но Ладыгин имел строжайший приказ беречь патроны и открывать огонь только с близких дистанций.
— Ну что там видно, Иван Ильич? — спросил Ильвачев.
— Да пока ничего нет такого, — ответил Ладыгин, опуская бинокль.
Позади них послышались шаги.
Ильвачев оглянулся и увидел Крутуху.
— Товарищ комэск, — обратился Крутуха, подходя и подавая Ладыгину раскупоренную банку консервов, — нате покушайте.
— Где взял? — радостно удивился Ладыгин.
— А это те, что-сь в Ростове еще получили, — сказал Крутуха.
— Так ведь когда еще говорил, что все съели?
— Я нарочно. Не хотел зря расходовать. Вы же сами наказывали приберечь на экстренный случай.
— Гм... Так вот ты какой! — Иван Ильич с таким любопытством посмотрел на Крутуху, словно видел его

в первый раз. — Ну добре. А я, грешным делом, думал, что ты их сам съел.

— Разве можно, товарищ комэск?.. Там еще баночка осталась.

— Возьми ее себе.

Крутуха ушел.

— Так мы и не решили, Ильвачев, кого будем направлять согласно приказу на командные курсы, — вдруг вспомнил Ладыгин.

— Вихров просит направить Лопатина, — сказал Ильвачев.

— Лопатина? — Ладыгин задумался. — А ведь это, пожалуй, самая удачная кандидатура. Как твое мнение?

— Поддерживаю во всех отношениях.

— Хорошо бы и Харламова послать, — проговорил Ладыгин. — Жаль, конечно, расставаться с такими бойцами, но дело важнее.

— Я говорил с ним. Не хочет. Говорит, кончим войну — поеду в станицу укреплять Советскую власть.

— Но что ж, и это правильно, — согласился Ладыгин.

Послышался гул самолетов.

Они подняли головы.

Самолеты — их было три — стремительно шли на большой высоте в сторону Львова.

— Те самые, что давеча пролетали, разведчики, — сказал Ладыгин. — Ну теперь держись, Ильвачев...

Крикнув Харламова и Митьку Лопатина, Сачков поскакал вместе с ними к правому флангу полкового участка. Миновав большое болото, они углубились в лес и вскоре выехали на опушку. Отсюда к селу Вилька-Крулевскому вела крутая лощина.

— Здесь, ребята, с одним пулеметом целый батальон можно сдержать, — сказал Сачков. — В случае чего держитесь здесь до последнего.

Он повернул лошадь и, тронув шпорами, поехал обратно.

Харламов деловито установил ручной пулемет и прилег за него, проверяя прицел. Неожиданно впереди послышались звенящие звуки, и в той стороне, где над лесом виднелись башни замка, появились в небе шесть черных точек.

— Степан, — сказал Митька, — эвон гудят!

Харламов привстал над кустом. Самолеты шли низко, едва не цепляясь за вершины деревьев. Сделав боевой разворот, они с оглушительным ревом понеслись над участком полка.

— Смотри-ка, что делается! — прошептал Митька, увидев, как по всему полю взлетали вихри огня.

Харламов, стиснув зубы, молча наблюдал за воздушной атакой. Покружившись над эскадроном Ладыгина, самолеты пошли влево по фронту, в сторону Львова, где между горами белел дымок бронепоезда.

Поле стонало и содрогалось от взрывов. Из-за леса палили десятки вражеских батарей. Вокруг черными столбами взлетала земля.

Ладыгин лежал на холме и вглядывался в линию окопов. Там не было заметно движения, но дальше, у леса, низко нависая, ползло длинное облако пыли. За шумом стрельбы Ладыгин не сразу услышал, что чей-то голос несколько раз окликнул его. Ильвачев толкнул его в бок. Он оглянулся и увидел незнакомого красноармейца с черным от пыли и пота лицом. Открывая рот, боец что-то кричал.

— Громче. Не слышу! — крикнул Ладыгин.

— Комполка ранили!.. Комиссар приказал вам на полк заступать!.. Идемте, я провожу!

— Ильвачев! — позвал Ладыгин. — Передай Вихрову: вступить в командование эскадроном. Стойте здесь, и ни шагу назад

Он вскочил и, пригнувшись, побежал мелким кустарником.

— Куда, чумовой? Раненых подавишь! — вскрикнул сбоку сердитый девичий голос. — Ой, извиняюсь! — признав Ладыгина, поправилась Дуська. — Я думала, кто отломил — в тыл спасается.

Ладыгин оглянулся. В кустарнике лежали раненые. Подле них хлопотали Маринка и Сашенька.

— Чего ж это вы, сестры, почти под самым огнем расположились? — спросил Иван Ильич. — Вы бы подальше отошли.

— А нам так ловчей. Мы их тут принимаем, а потом по этой балочке, — Дуська показала на заросшую кустами лощину, — в тыл направляем. Там, в балочке, у нас линейки стоят.

— Ну, смотрите, чтоб вас не убили.

— Ничего до самой смерти не будет, — храбро сказала Дуська. — Как там мой мужик, товарищ комэск?

— Живой! — уже на бегу крикнул Ладыгин.

Дуська поднялась во весь рост и, словно не слыша пуль, летевших мимо нее, по-хозяйски огляделась вокруг.

— Саша! — позвала она. — Вот еще один ползет. Видать, тяжело раненный. А ну, давай, детка, поможем ему.

— Сейчас, Дуся! — живо откликнулась Сашенька. — Повязку вот наложу.

Она ловко наложила повязку на руку раненого и, быстрым движением поправив съехавшую на затылок буденовку, подбежала к подруге.

— Где раненый? — спросила она.

— А вот лежит, — показала Дуська. — Только там снаряды рвутся... Тьфу, дура! — она отмахнулась от пули, свистнувшей у ее головы. — Ты не боишься?

— Ничего, привыкла. — Сашенька улыбнулась своей ясной улыбкой и вдруг, тихо ахнув, стала тяжело валиться на Дуську.

— Ты что, Саша?.. Ты что?.. Саша!.. Саша!.. — отгоняя страшную мысль, заговорила она, подхватывая Сашеньку на руки и видя, как мертвенная бледность разливается по ее нежному лицу.

Они вместе медленно опустились на землю. Сашенька вытянулась. На ее пухлых, совсем еще детских губах пузырилась кровавая пена.

— Ой!.. Ой!.. Ой!.. — отчаянно закричала Дуська. — Ой, убили! Ой, Сашу убили! — заламывая руки, заголосила она, то склоняясь над Сашенькой, то порываясь куда-то бежать.

К ним подбежала Маринка.

— Ты что, Дуська, кричишь? А ну, спокойно, спокойно, — деловито заговорила она. — Да не кричи же ты! Смотри, она дышит. Давай снимем с нее гимнастерку... Осторожно... Стой, я поддержу. Так. Теперь рубашку снимай... Ну вот, гляди — сквозное ранение. Давай йод, бинты... Поддерживай! Ну...

Маринка наложила повязку; ловко перебирая руками вокруг обнаженной груди и спины Сашеньки, начала бинтовать.

— Ничего, будет жива наша девочка. Только вот лег-

кое, видно, задето, — озабоченно говорила она. — Смотри, сколько крови. Ну вот! Теперь клади ее на бок.

Сашенька очнулась. Морщась от боли, она молча смотрела на них.

— Ну ты, Дуся, посиди подле нее, а я пойду к раненым, — сказала Маринка.

Она поднялась и побежала на перевязочный пункт.

— Ах ты, моя родная! Ах ты, моя птичка золотая! — приговаривала Дуська, склонившись над Сашенькой. — Ну вот видишь, и лучше тебе. Сейчас мы тебя на линеечку и в госпиталь отправим. И все пройдет. Еще как плясать будешь! — утешала она, хлюпая носом и утирая кулачками бежавшие по лицу крупные слезы.

Сашенька пошевелила губами.

— Что, что ты говоришь? — не расслышала Дуська.

Склонив голову набок, она припала ухом к самому рту Сашеньки и стала слушать, что она шепчет. Жалость, любопытство, озабоченность отражались на ее лице. Наконец она поднялась и, присев, внимательно посмотрела на Сашеньку.

— Позвать его?.. Да нет, миленькая, как его позовешь! Слышишь, какой бой идет?.. Уже три атаки отбили. А он на эскадрон заступил. Дело ответственное... А то, что ты говорила, будь спокойна, все как есть передам. Так и скажу: Саша, мол, наказывала не забывать и почаще писать...

Из лощины показались трубачи. Каждый в паре нес под мышкой пустые носилки.

— Эй, мальчики! — крикнула Дуська. — Давайте одни носилки сюда!..

Трубачи подбежали и быстро развернули носилки.

— Эх, сестричку нашу поранило! — с жалостью заговорил старый трубач, нагибаясь над Сашенькой. — Как же ты, Дуська, недоглядела?

— Давай под спину берись, — не отвечая, распоряжалась Дуська. — Стой, неладно кладешь. Боком, боком давай... Вот так. Ну, несите.

Громкие крики заставили ее оглянуться. Мелькая между кустами, по кочковатому полю бежали, пригнувшись, легионеры. Ей показалось, что они были тут, совсем рядом, в нескольких шагах от нее.

«Раненые пропадут!» — с тревогой подумала Дуська.

— Несите скорей! — крикнула она трубачам. Потом, отбежав в сторону, она схватила брошенную кем-то вин-

товку и понеслась навстречу солдатам, которые, крича что-то, прыгали через кусты. Там, на линии старых окопов, оставшихся еще от германской войны, уже началась рукопашная схватка.

Она увидела, как Ильвачев, схватив винтовку за ствол, сыпал сильные удары вокруг. Тут же стреляли, кололи и рубились бойцы.

Дуська на бегу заложила обойму.

— Стой! Куда? — набежав сбоку, крикнул Сачков. — А ну марш отсюда! Слышишь, кому говорю? — весь дрожа, он замахнулся прикладом.

— Нашел время жалеть! — зло крикнула Дуська, не отрывая глаз от подбегавшего к Ильвачеву солдата с тупым, потным и красным лицом.

Она прицелилась и выстрелила.

— Квит! — воскликнула Дуська.

Солдат, ловчившийся свалить Ильвачева штыком, упал, выронив винтовку из рук.

Справа ударил резерв под командой Вихрова. Легионеры побежали назад.

Из-за леса вновь послышались глухие удары тяжелых орудий.

Перейдя через лощину, Ладыгин поднялся на наблюдательный пункт.

— Ну как у тебя? — встретил его Ушаков.

— Держимся, товарищ комиссар, — сказал Ладыгин, тяжело и часто дыша. — Я там оставил Вихрова... Товарищ комиссар, я получил сообщение... Это что, верно? Ранили? — Он с немым вопросом в своих мягких глазах смотрел на Ушакова.

— Да, — глухо сказал Ушаков. — Бомбой с аэроплана. Принимай командование полком, товарищ Ладыгин. — Он поднял голову, насторожился. — Гляди, что делает! Ах он, мерзавец!.. Ну, погоди!

— А что там, товарищ комиссар? — встревоженно спросил Иван Ильич.

— Карпенко бежит! Весь третий эскадрон снялся с позиции, — нахмурившись, сказал Ушаков. — Ты вот что, Ладыгин: сиди здесь, командуй, а я проскочу, остановлю их. И пошли туда Дерпу. Пусть заступает на эскадрон. Как твое мнение?

Он сбежал в лощину, позвал ординарца и, вскочив на лошадь, умчался.

Гобар скомандовал своей батарее «огонь», когда пехота противника, выйдя из леса, двинулась в обход эскадрона Ладыгина. Это было много дальше того места, на которое показывал ему Поткин. Но, правильно оценив обстановку, он открыл беглый огонь. Гобар опасался, что Ладыгин не выдержит флангового удара, так как у него, видимо, большие потери, и противник овладеет высотами.

Внеся своей батареей полное расстройство в ряды обходившей колонны, он укоротил прицел на два деления и перенес огонь на болото, куда кинулись из-под обстрела крупные силы познанцев. Падая в трясину, снаряды взметали вместе с илом и мхом высокие фонтаны сверкающих брызг.

«Так! Ловко! Совсем хорошо!» — мысленно приговаривал Гобар, видя, как колонна, словно развороченный муравейник, разбегалась в разные стороны.

Телефон загудел, и знакомый голос Калошки спросил: как, мол, дела?

— Хорошо, орлы! — весело крикнул Гобар. — Одним словом, вдребезги бьем.

Он еще уменьшил прицел на два деления, потому что солдаты большой толпой устремились вперед к перелеску, ища в нем укрытия. Увлекшись удачной стрельбой, он не обращал внимания на то, что снаряды пролетали теперь над самой его головой, и заметил это только тогда, когда сильной струей воздуха с него сорвало фуражку.

Вдруг он увидел прямо перед собой цепи солдат. Они с винтовками наперевес бежали в атаку.

После секундного колебания Гобар схватил телефонную трубку и еще раз уменьшил прицел.

Позади него знакомо ударили пушки, потом послышался свист, и перед его глазами вспыхнуло пламя.

В эту минуту телефонист на батарее сказал:

— Товарищ старшина! Связь оборвалась...

Два бойца, проверяя провод, бежали на наблюдательный пункт. Вдруг передний споткнулся и с криком отпрянул назад.

На тропинке лежала нога с блестевшей на сапоге рыцарской шпорой...

Лежа за пулеметом рядом с Харламовым, Митька с тревогой следил за полем боя. Там косматой огненно-черной стеной стояла сплошная завеса разрывов.

— Гляди! — вдруг вскрикнул он, тронув за локоть товарища. — Наши бегут!

— Ну?! Где видишь?

— А вон, вон! — показывал Митька. — Это ж третий эскадрон! Ну да, точно! Третий... А вон и Карпенко бежит!

— Который?

— Маленький, в бурке.

— А-а! Вижу. Эх, жаль, пулемет не достанет. Я бы по нему очередь дал... Постой... А вон навстречу конный летит! Видишь? Остановился... руками машет...

— Комиссар!

— Ну?

— Он. Я его по коню узнал.

— Гляди, упал!

— Кто?

— Карпенко! Комиссар в него с нагана ударил.

— Правильно сделал.

— А комиссар, гляди, спешился. Бойцов заворачивает... Так... Обратно повел...

— Харламов, смотри! — Митька показал на лощину.

Там, в глубине, где стояла ветла, появилось несколько крошечных фигурок в голубоватых мундирах. Фигурки — их было шесть — вышли вперед, постояли, совещаясь о чем-то, и двинулись дальше.

— Чего ж ты, Степан, не стреляешь? — встревожился Митька.

— Тш-ш...

Харламов прижал палец к губам, словно его могли услышать в лощине, и быстро сказал:

— Подпустим поближе.

Вслед за дозором из-за поворота показалась колонна.

Харламов припал к пулемету. Гулкое эхо покатилось по лесу. Солдаты шарахнулись в стороны, падая кто навзничь, кто боком.

— Ловко твоя машина работает! — сказал Митька.

Харламов усмехнулся.

— Машинист подходящий... Дай диску!

Митька подал ему магазин. Зарядив пулемет, Харламов, прищурившись, стал выискивать новую цель. Но в лощине больше не было заметно движения.

Вдруг воздух заколебался. Послышался хватающий за душу свист. Позади них, в низине, разорвался снаряд.

— А ну, браток, сходи коней посмотри, — сказал Харламов, не отрывая глаз от лощины.

Митька поднялся, прихватил винтовку и, раздвигая кусты, спустился в поросшую лесом низину. Там, у ручья, возле одинокой березы стояли две лошади. Он подошел к лошадям, привязал их покрепче и, набрав во флягу воды, полез на гору. Но не успел он подняться и до середины горы, как впереди начали рваться снаряды и суетливо затрещал пулемет. Хватаясь за выступавшие корни, Митька стал быстро карабкаться вверх.

Подбегая к Харламову, он заметил, что по лощине поднимались сплошные цепи солдат. Он броском прилег рядом с товарищем. Смахнув с потного лба прядь русых волос, Харламов между двумя очередями быстро взглянул на него.

— Как кони?

— В порядке. Я...

Вместе с оглушительным грохотом перед пулеметом вспыхнуло пламя. Митька вскрикнул и ткнулся в землю лицом. Харламов хотел было броситься на помощь товарищу, но залегшая цепь поднялась шагах в двухстах от него. Длинной очередью Харламов прижал цепь к земле и повернулся к товарищу. Тот тихо стонал, придерживая ладонью висок. Кровь заливала грудь и рукав гимнастерки.

— Скачи на перевязочный, — коротко сказал Харламов. — Ну? Кому говорю!

Митька молча пополз к лошадям.

— Возьми и моего коня! — крикнул Харламов, оглядываясь через плечо.

Познанцы приближались. Уже были видны лица солдат.

— Шнеллер! Шнеллер! — кричал по-немецки бежавший впереди офицер.

Харламов приготовил гранату, тяжелым взглядом посмотрел на офицера и дал очередь. Офицер зашатался, вскинул руками и, подгибая колени, упал под ноги солдат... Пулемет смолк. Магазин кончился. Вдруг чья-то рука подложила к пулемету заряженный диск. Харламов оглянулся. Митька молча смотрел в лощину. Голова его была обмотана окровавленной нижней рубашкой.

Харламов перезарядил пулемет и снова хватил длинной очередью. Цепь ничком бросилась наземь.

— Ну что? Взяли? — крикнул Харламов, приподнимаясь над пулеметом и грозя кулаками.

В наступившей на миг тишине ему показалось, что налево, внизу, на болоте, послышались чавкающие звуки множества конских копыт. Он прислушался, но в эту минуту далеко позади гулко ударили пушки, и вихрь артил-

лерийского залпа пронесся над его головой. Дождь хвои, веток и шишек посыпался сверху. Залпы раздавались со все возрастающей силой. В лощине послышались крики.

Митька вскочил.

Сбиваясь толпой, падая и поднимаясь, познанцы бежали вниз по лощине. Навстречу им с криком спускались пехотные цепи.

— Гляди, Степан! Гляди! — кричал Митька. — Пехота наша! Ура! Выручай, матушка! Бей их! Коли...

Позади них послышался конский топот. На зеленый пригорок въехал Аниська. Под ним приплясывал, мотал головой вороной жеребец.

— По ко-о-ням, братва! — крикнул Аниська. — Котовцы в атаку идут!..

Потом, пришпорив жеребца, он подскакал ближе и быстро сказал:

— Митька, вали скорей в эскадрон! Вихров приказал тебе принять второй взвод. — И уже другим тоном добавил, осклабившись; — Поздравляю вас с повышением, товарищ командир!

Но Митька медлил. Он смотрел на опушку, где, выходя из леса, собиралась пехота. Его внимание привлек стоявший впереди молодой командир. Сдвинутая на затылок фуражка открывала полное лицо с большим, чуть выпуклым лбом.

— Гляди, Степан, — сказал Митька Харламову. — Гляди, какой дядя здоровый. Видать, командир.

— Который?

— Эвон стоит.

К командиру подбежали двое в фуражках. Один из них громко сказал:

— Товарищ Чибисов, начдив приказал закрепиться на линии Вилька-Шляхетская.

— Добре, — отозвался Чибисов молодым мягким баском. — Передайте начдиву, что первый полк перешел к обороне.

Волоча за собой пулеметы, из лесу выбегали стрелки. Они занимали высоты, окапывались. Всюду сноровисто мелькали лопатки.

Рядом с Митькой, лихорадочно захватывая шевелящуюся ленту, зачастил пулемет.

Впереди, за лесом, от коротких взрывов дрожала земля.

Митька сбежал в лощинку, вскочил на лошадь и, пригнувшись в седле, поскакал к эскадрону.

10

Вокруг поставленного посреди комнаты большого стола с развернутой картой, чернильным прибором и папкой с бумагами стояли три человека в мундирах с пропущенными из-под погон аксельбантами. Двое из них — стриженный ежиком седой генерал и моложавый поручик — почтительно слушали командующего 3-й армией генерала Сикорского, который, хмуря большое, с крючковатым носом лицо и постукивая согнутым пальцем по карте, говорил властным голосом:

— Картина совершенно ясна, господа: Буденный окружен. Операция проведена мастерски. Наши войска прекрасно справились с поставленной задачей. — Сикорский, повеселев, провел рукой по карте. — Посмотрите, вокруг Буденного смыкается кольцо. Теперь ему не уйти. А? Каково? Это можно назвать современными Каннами или вторым Танненбергом. Великолепно! Концентрическим ударом мы уничтожим армию Буденного.

Поручик, изобразив улыбку на тонком лице, услужливо звякнул шпорами, генерал молча кивнул головой.

— А пока запишите, поручик, — продолжал Сикорский, нагибаясь над картой. — Потом мы уточним это в приказе. Пишите. Первое: генералу Галлеру закрыть выход из окружения через Тышовцы и одновременно установить связь с частями генерала Желиховского, наступающего со стороны Замостья. Второе: полковнику Жемирскому со второй дивизией легионеров ударить на Меночин. Первая, вторая и пятая кавбригады пока остаются в моем резерве. Великолепно! Завтра, тридцать первого августа, ровно в час ночи мы начнем атаку всеми силами и со всех направлений... Да, вот еще что: надо позаботиться о своевременном сосредоточении необходимого количества железнодорожных товарных составов.

— Разрешите поинтересоваться, для какой цели, ваше превосходительство? — спросил генерал Ставицкий, исполнявший при Сикорском должность начальника штаба.

— А разве это непонятно, генерал? — Сикорский укоризненно посмотрел на Ставицкого. — Вагоны нам будут нужны, ваше превосходительство, под погрузку лошадей Конной армии... Очень важно предусмотреть все детали заранее, — заключил он со значительным видом, постучав по карте костяшками пальцев...

Второй день, почти не переставая, сеял мелкий дождь.

Лошади хлюпали по уходившей в глубину дремучего леса вязкой дороге. Казалось, все вокруг раскисло и набухло от влаги: и лес с отяжелевшей листвой, и напитанная, как губка, прозелень мха, и низко нависшее мглистое небо. По обочинам узкой дороги желтели болотные кувшинки, наполненные водой.

— Ну и дорога, черт ее забодай — проворчал Кузьмич, сдерживая заскользившую лошадь и бросая косой взгляд на Климова.

— Что и говорить, Федор Кузьмич! — поспешил согласиться трубач. — По этакой дороге только и впору ездить пьяному черту. А ночью совсем беда: чуть зазевался — и в ящик! Одним словом, гроб с музыкой. Да. Вчера, как с Замостья на Чесники прорывались, взводный Кравцов с первого эскадрона было утоп.

— Да ну?

— Ага. Съехал с дороги, ему показалось вроде место сухое, ну и угряз вместе с конем по самые уши. Еле вытащили. Одним словом, гиблое место.

— Факт. В германскую войну, Василий Прокопыч, мы Пинские болота этак же проходили. В точности такие места. Нам полковой врач тогда рассказывал: еще при Наполеоне, как француза гнали, один наш гусар провалился в болото вместе с конем. А спустя лет пятьдесят, а может побольше, как саперы дорогу проводили, нашли его. И представьте себе — как живой.

— Скажи, пожалуйста!

— Факт. Видать, там почва такая. Химия. Я и могилу его видел.

— Чудеса! — удивился трубач.

Вдали частой строчкой застучал пулемет. Один за другим ударило несколько пушечных выстрелов.

— И стреляют, и стреляют, и конца-краю не видно, — недовольно буркнул лекпом, тревожно прислушиваясь к гулу самолетов, круживших над лесом.

Впереди лес расступился, раскрыв широкую просеку. Там, на развилке дорог у шоссе, где стояла часовенка с потемневшим крестом, передние всадники остановились и начали спешиваться.

Дождь перестал. Бойцы переговаривались негромкими голосами, прислушивались к стрельбе. Наиболее предприимчивые кинулись в лес искать сухого валежника. Вскоре, весело потрескивая, запылали костры.

Харламов присел на корточки подле костра и протянул к огню озябшие пальцы.

Бойцы подходили на огонек посушиться. От шинелей повалил кислый пар.

Шлепая по грязи и таща подгнивший ствол дерева, к костру подошел Миша Казачок.

— Садитесь, братва, — предложил он радушно.

— Ай да Миша! Славно! Вот это уважил! — весело заговорили бойцы, подсаживаясь поближе к огню.

— А ну, мальчики, подвиньтесь! Дайте и мне кости погреть. Насквозь отсырела. — Дуся втиснулась между бойцами и обеими руками потянулась к огню.

Аниська хлопнул ее по широкой спине:

— Ах, Дуся! Цветик лазоревый!

— Не трожь, — строго предупредила она. — Смотри, Сачкову скажу, он те всыплет кузькину мать!

— Извиняюсь, Авдотья Семеновна. Я ведь от души.

— Знаем мы вашего брата! А чего вы расшумелись?

— Да вот Щербатый сомневался, как бы нам здесь не остаться, — сказал кто-то из бойцов.

— Нашли кого слушать. Тоже герой!.. А может, и ты сомневаешься?

— Ну что ты! Я с товарищем Ворошиловым, как немцы наступали, всю Украину до самого Царицына прошел. В каких только окружениях не были! Ничего, вывел он нас. И теперь выведет, — сказал боец с твердой уверенностью.

— Правильно! — подхватил Харламов. — Пока Семен Михайлович и товарищ Ворошилов с нами, мне хоть бы что!.. Выведут. И не в таких переплетах бывали.

— Слыхали, мальчики, что в третьей бригаде этой ночью случилось? — спросила Дуська.

— Ну, ну?

— Паны заставу сняли.

— Как так?

— Часовой заснул. И вот из-за одного человека почти целый взвод пострадал.

— На посту заснуть — гиблое дело, — раздумчиво проговорил взводный Чаплыгин.

Вдали беглым огнем ударили пушки. Шумное эхо покатилось по лесу. Бойцы подняли головы и прислушались.

— Наши или поляки? — поинтересовался Аниська.

— Наши, — успокоил Чаплыгин.

— А я, взводный, вчера здорово струхнул, как вы нас

с Петровым с донесением посылали, — сказал Аниська.

— Ну? А ты будто не трус, — заметил Чаплыгин.

— Да лучше десять раз в атаку сходить, чем такое увидеть.

— А что ты видал? — насторожился Чаплыгин.

— Только мы с Замостья свернули на Чесники, там дорожка такая лесная, гляжу, из-за дерева солдат в меня целится. Я за клинок — и к нему. А он целится и не стреляет. Что такое? Подъезжаю — мертвяк! Рыжеватый такой, усы кверху, видать по личности — с немцев. Да. Ну, осмотрелся. Вижу, у него винтовка между ветками всунута, а сам, как убило, до дерева привалился. Издали посмотришь — прицеливается! Вот тут-то я и напугался до ужаса. А потом, — Аниська усмехнулся, — а потом Петров и говорит: «Посмотри у него в ранце, может, консервы есть?» Я за ранец. А он тяжелый. Пуда два, если не больше. Раскрываю. И чего там только нет! Сверху миткаль. Целая штука. Потом товар на три пары сапог. Потом бабских рубах и сподников дюжины две. А на самом низу чего-то блестит. Я сперва думал — консервы. Нет, гляжу, что-то тяжелое, фунтов на двадцать. Вынимаю. Что за чудо? Штуковина такая, будто серебряная, а в ней сверху семь дырок. Пошарил еще — вторую вынимаю. Петров посмотрел. «Это, — говорит, — семисвечник. Он, — говорит, — его из какой-нибудь синагоги унес...» Ну, а консервов не оказалось. Видать он их сам поел. Очень даже толстый немец.

Вдали послышались пушечные выстрелы.

— Четвертая на прорыв пошла, — определил Харламов при общем тревожном молчании. — Ай и молодцы ребята в четвертой дивизии! Одно слово, шахтеры. Горами ворочают, да.

— Не зря Семен Михайлович ее впереди послал, а начдивом Тимошенко поставил, — сказал Чаплыгин.

— Семен Михайлович сам при ней все время находится, — подхватил Харламов. — Связные сказывали, который день не слазит с коня. А товарищ Ворошилов вчера самолично первую бригаду шесть раз в атаку водил, как прорывались с Замостья.

— Кабы знать, откуда теперь паны будут наступление делать? — подумал вслух Климов.

— Попытай у пана Пилсудского, он тебе скажет!

Конечно, обмениваясь мнениями о положении на фронте, бойцы не могли так детально знать обстановку, как

знали и понимали ее в штабах. Создавшееся положение настойчиво требовало оказания помощи Первой Конной со стороны соседних армий их активными действиями; этой помощи оказано не было по той причине, что численно слабые 12-я и 14-я армии были скованы в своих действиях сильнейшим противником. В этой неимоверно трудной обстановке Реввоенсовет принял единственно правильное решение — повернуть Конную армию на восток, выйти из готового сомкнуться кольца и через Грубешов присоединиться к общему фронту. Но для этого надо было преодолеть реку Гучву, протекавшую в непроходимых болотах.

Тем временем действия развивались следующим образом. Ранним утром 1 сентября генерал Сикорский обрушил концентрическим ударом группу войск генерала Галлера на 11-ю дивизию и Особую бригаду. К полудню кольцо наступления в этом районе было готово каждую минуту сомкнуться. Это заставило 11-ю дивизию и Особую бригаду начать отход в северном направлении. Тяжело было и на участке 14-й дивизии, которая, обливаясь кровью, дралась левее 11-й. Несколько иначе было в 6-й и 4-й.

6-я дивизия сдерживала наступление противника с запада и, находясь в арьергарде главных сил, выходила на линию Замостье — Рушов.

4-я дивизия после успешного боя, происшедшего накануне, 1 сентября находилась в резерве. На нее и выпала благородная задача парировать удар группы генерала Галлера и разорвать кольцо окружения.

И вот теперь бойцы прислушивались к тревожному гулу канонады, зная, что в сражение вступила старейшая дивизия, основа Конармии.

На нее были обращены все надежды.

Артиллерийская стрельба неожиданно смолкла. По лесу раскатывался далекий сливающийся крик...

— Что это? — спросил Аниська.

— В атаку пошли, — сказал Харламов.

— А почему вдруг замолчали?

— Рубят!.. Какой может быть крик...

— Тихо, ребята! — предупредил Чаплыгин, хотя все молчали.

Размахивая руками и крича что-то, к ним бежал Митька Лопатин.

— Братва! Братцы! Товарищи! — кричал он. — Чет-

вертая дивизия прорвала фронт! Ура! Противник бежит! По коням, братва!..

Вскочив в седла, бойцы продирались сквозь кусты. Под копытами лошадей захлюпала грязь. Размахивая над головой тяжелым мечом, мимо промчался Дерпа. За ним с дробным топотом прошел эскадрон. Мелькали молодые и старые лица бойцов. У многих головы были обвязаны окровавленными бинтами и тряпками. Открывшаяся перед их глазами большая поляна была забита отступающими легионерами. Это были ударные части генерала Галлера, сформированные и обученные за границей и состоявшие из солдат мировой войны, добровольцев, навербованных в Австрии, Германии и Эльзас-Лотарингии. Однако 4-я дивизия сокрушительным лобовым ударом сломила их сопротивление. И теперь эти полки, отличавшиеся необычайной стойкостью и имевшие приказ пленить Конную армию, превратились в мятущееся стадо обезумевших от страха людей. Они бежали целыми батальонами, кто бросая оружие, кто неся винтовки на плече дулом вперед, словно это было не боевое оружие, а простые дубины.

Они бежали и, как буйный водоворот, кружа, равнодушно уносит щепку в пучину, увлекали вместе с собой офицеров, тщетно пытавших вновь кинуть их в бой...

Высокий поручик со свисающими по углам рта усами, прислонясь спиной к дереву, со спокойной методичностью расстреливал своих солдат из пистолета в упор. Но оставшиеся в живых спокойно обегали его и бежали дальше, будто это было в порядке вещей и будто бы и надо было делать именно так.

Но уйти далеко галлеровцам не пришлось. Атакованные с тыла 61-м полком и встреченные пулеметным огнем обошедшей их третьей бригады 4-й дивизии, выдохшиеся в беге солдаты останавливались и поднимали руки.

Конармейцы быстро разбивали пленных на группы. Комендант штаба армии, рыжеватый человек в красной фуражке, стоя на опушке, распоряжался движением. Мимо него проходила рысью конница и артиллерия. Следом за ними из леса сплошной кишащей массой повалил армейский обоз. Катились залепленные грязью повозки, штабные тачанки, обывательские подводы и походные кухни. Изредка проезжали большие арбы с впряженными в них верблюдами. Свалявшаяся шерсть, как хлопья нечесаной пакли, болталась на их худых голых ногах.

— Давай! Давай! Не задерживай! — зычно покрикивал комендант.

Повозки рысью проезжали поляну и скрывались в лесу. Ездовые, в том числе и уже решившие, что им не выйти из окружения и придется погибнуть в проклятых болотах, повеселев, понукали приуставших лошадей громкими криками.

Однако оказалось, что было прорвано только второе кольцо окружения. Вдали, где дорога выходила к мосту через Гучву, опять закипел сильный бой. Шедшая в голове вторая бригада, при которой находился Ворошилов, ввязалась в схватку с сильным заслоном противника. Впереди загремели орудия, и, наполняя лес шумным эхом, загорелась ружейная перестрелка.

Буденный с озабоченным выражением на утомленном, почерневшем лице стоял на зарядном ящике и смотрел в бинокль. Перед ним открывался широкий вид на пустынную, заросшую осокой и камышом долину реки. В полуверсте, по обе стороны от того места, где он находился, стоял вековой лес. Самой реки отсюда не было видно, и только в трехстах саженях чернели в сизом тумане перила моста. К нему вела через болото узкая гать.

Уже было известно, что противник, использовав старые окопы германской войны, организовал по эту сторону предмостные укрепления, из которых простреливается не только гать, но и все болото до самого леса. Было также известно, что болото непроходимо и наступать по нему нельзя. Единственным сухим местом являлась небольшая лужайка вправо от гати, почти у самого моста, со стоявшими на ней копнами сена. На этой лужайке и были организованы неприятелем предмостные укрепления.

«Да, — думал Буденный, — остается одно: внезапно проскочить гать в полный карьер, обойти укрепления и ударить по противнику с тыла». Его очень беспокоило то обстоятельство, что правый от него выступ леса был очень близок к мосту и давал возможность противнику обстреливать переправу фланговым огнем. Высланная разведка встретила на своем пути сплошную трясину и не смогла добраться до леса. Короче говоря, вопрос, занят ли лес, остался невыясненным. Оставалось одно — выбить противника из укреплений, поставить на их месте артиллерию и обеспечить орудийным огнем прохождение через гать и

мост частей Конной армии, может быть, даже пожертвовав пушками.

Этими соображениями и обменялся Буденный с подъехавшим к нему Ворошиловым.

Реввоенсовет тут же принял решение двинуть для захвата укреплений бригаду Тюленева.

Тюленев с молодым, краснощеким и, несмотря на бои, чисто выбритым лицом стоял перед Ворошиловым и Буденным и выслушивал указания.

— Смотрите, товарищ Тюленев, — говорил Ворошилов, — наименьшие потери даст наиболее быстрое прохождение гати. Поэтому скачите как только можно быстрее.

— Ничего, проскочим, товарищ Ворошилов, — отвечал Тюленев, польщенный тем, что ему предстоит идти в голове и пробить дорогу для армии.

Получив дополнительные указания на то, как действовать после захвата укреплений, Тюленев направился к бригаде, уже выведенной из боя и подтянутой к лесу.

Спустя некоторое время командир дивизиона Шаповалов развернул батареи на огневой позиции.

Он произвел уже несколько пристрелочных выстрелов по окопам противника, когда позади него послышался тяжелый конский топот. У опушки показались вороные запряжки артиллерийских лошадей. Впереди, важно подбоченясь, ехал совсем молодой белокурый паренек. Он приблизился к Шаповалову и, не слезая с коня, доложил, что четвертая батарея шестого конартдива прибыла к нему в подкрепление.

— А где командир батареи? — спросил Шаповалов.

— Раненый он, — сказал паренек, взглядывая на Шаповалова быстрыми глазами с таким видом, словно считал подобный вопрос совершенно излишним.

— А военком?

— Только сейчас поранили.

— Так кто же командует батареей?

— Кто? Я и командую.

— Ты?! — по широкому смешливому лицу Шаповалова прошло удивленное выражение.— Так сколько тебе лет?

— Сколько нужно. И это не твоя печаль, — сказал паренек, всем своим видом показывая, что он решительно не расположен шутить.

— Правильно рассуждаешь, — подтвердил Шаповалов, пряча улыбку. — А кто ты по должности?

— Орнач. Орудийный начальник. Семенов моя фамилия.

— А стрелять можешь?

— Могу.

— И с закрытой позиции?

— Как хочешь могу. И нечего спрашивать.

«Ишь ты! — подумал Шаповалов. — Тоже мне, молод, а зубастый».

— Ты не гляди, что я такой, — сказал Семенов, словно прочел его мысли. — Мне уже... девятнадцатый год. Я только на вид такой. Еще не вырос.

— Ну ладно, товарищ Семенов. Ты, дружок, ставь батарею вот тут, — Шаповалов показал на скрытую кустами опушку. — Будем бить прямой наводкой. Понимаешь, нет? Я уж пристрелялся и дам тебе данные.

— А куда будем бить?

— Смотри. Вон правее моста что-то чернеется. Видишь? Это укрепления. Там паны сидят. Будем крыть их беглым огнем. А как наши выбьют их конной атакой, так мы на то самое место встанем и будем прикрывать переправу со стороны леса. Понимаешь, нет? Задача наша очень серьезная. Огонь по красной ракете. Понятно?

— Все понятно. Так я поеду?

— Езжайте...

Оставив Семенова, Шаповалов направился к своей батарее.

На всем фронте стояло тревожное затишье. Туман расходился. Среди туч показалось уже высоко стоящее солнце. Сноп золотистых лучей упал на полянку с редкими черными пнями, за которой среди кустов укрылись батарейные передки.

«А денек-то будет горячий», — подумал Шаповалов, глядя на толкущуюся столбом мошкару и невольно ловя себя на мысли, что подумал иносказательно, — день действительно обещал быть горячим.

В небе послышался гул самолетов. Появившись из-за леса, они пролетели вдоль реки и скрылись за облаком. И как раз в эту минуту в небо взлетела красная ракета. Шаповалов подал команду. Но еще раньше, чем она была принята, на батарее Семенова ударили пушки.

«Серьезный паренек!» — подумал Шаповалов, видя, как около моста стали рваться снаряды.

На гати появились первые всадники. До них было не более трехсот шагов, и остроглазый Шаповалов узнавал

среди них многих знакомых. Вот промчался Черевиченко, потомок славных запорожцев, деды которого, как и многих других, в стародавние времена рубились в жестоких схватках с ясновельможной шляхтой, турками и татарами под знаменами Наливайко, Дорошенко и Богдана Хмельницкого... А вот за черноглазым Индыком пронесся толстый Ручка с такими усами, что их можно было закладывать за уши, тоже славный казак, за животом которого, как говорили бойцы, можно было укрыться от огня целому взводу. Вслед ему летел как на крыльях взводный Дубак. Но не успел Шаповалов хорошо разглядеть старого друга, как лошадь взводного на всем скаку шарахнулась и вместе со всадником свалилась в болото...

Продолжая вести беглый огонь, Шаповалов то и дело бросал взгляды на гать. Теперь она была покрыта сплошной вереницей скачущих всадников. Они по три в ряд появлялись из леса и мчались почти на хвосте друг у друга. Несмотря на сильный артиллерийский обстрел, противник все же открыл пулеметный огонь, и Шаповалов с замирающим сердцем видел, как головной эскадрон нес потери. Взвивались на дыбы и падали лошади. Взмахивая руками, бойцы валились на гать и в болото, но задние прыгали через упавших и продолжали мчаться вперед...

Пулеметный огонь внезапно смолк, и Шаповалов понял, что наши достигли укреплений. Он не ошибся. Над мостом взвились две зеленые ракеты. Обе батареи быстро взялись на передки и рысью двинулись к гати. Но на нее уже хлынул обоз. Обозные лошади скакали тяжелым галопом. Мотая с боку на бок горбами, с диким ревом неуклюже бежали верблюды. Ездовые секли их плетьми.

— Эй, друг! Эй, с верблюдом!.. — загремел Шаповалов на ездового походной кухни, махая рукой и шпоря упирающуюся лошадь. — Стой! Подожди! Дай батарее пройти!

— Да куда тут! — огрызнулся ездовой, не снимая палки со спины верблюда.

— Вали, вали! Не задерживай!

— Ходу! Ходу, братва! — кричали обозные.

Задние повозки напирали, и казалось, никакая сила не сможет сдержать эту кричащую на разные голоса, бесконечную, шумную массу...

Наконец обе батареи вклинились в колонну и пустились по гати. Под тяжелыми колесами пушек захлопали сгнившие жерди разбитой дороги. Между ними брызгала

грязь. Лошади оступались, проваливались сквозь развороченный хворост и, на ходу выдергивая ноги, продолжали бежать.

Вправо над лесом тремя точками показались самолеты. Они быстро увеличивались в размерах, поблескивая бронированными снизу фюзеляжами. Шаповалову уже приходилось иметь дело с ними, и теперь, слыша, как навстречу им загремели залпы двух эскадронов, прикрывавших захваченные у моста укрепления, он подумал, что ружейная стрельба все равно будет бесцельной.

Самолеты снизились и, сделав широкий круг, полетели над гатью. Взрыв рванул воздух. Закричали ездовые. Обоз остановился. Но уже спешивались и бежали вперед батарейные разведчики. Они сбрасывали разбитые повозки в болото, рубили постромки и освобождали лошадей. Некоторые тут же мостили разбитую гать. Шаповалов выбрался в голову колонны, когда разведчики сваливали с дороги раненную осколками лошадь, которая, сверкая подковой на судорожно вздрагивающей задней ноге, медленно скрывалась в трясине.

Батареи тронули рысью. До моста оставалось с сотню шагов, но тут справа и несколько позади защелкали выстрелы.

— Галопом! — скомандовал Шаповалов, видя, как впереди него начали падать люди. — Вправо с дороги!

Орудия съезжали одно за другим к сухой лужайке. Там, лежа в траве, вели ружейный огонь бойцы эскадрона Черевиченко. Сам он стоял у копны сена и из-под руки, с надетой на нее плетью, смотрел в сторону опушки.

— Ну что там видно? — спросил Шаповалов.

— А черт их разберет! Они ж в кустах сидят, — отвечал Черевиченко, хмуря бритое лицо. — А ну, гляди, гляди! Уланы!

— Где?

— А вон по-над лесом.

Шаповалов увидел, как среди редких деревьев замелькали всадники на серых лошадях. Они быстро спешивались и разбегались в стороны.

Шаповалов оглянулся посмотреть, что делалось на батарее. Номера сноровисто снимали орудия с передков и выкатывали их на огневую позицию. Лошадей ставили тут же за копнами сена: другого укрытия не было.

— Эй, командир батареи! — крикнул Шаповалов Семенову, который вместе с бойцами, взявшись за колесо,

вытаскивал загрузшую пушку. — Давай! Давай, брат, скорей!

— Сейчас... Подожди немного, — хрипло сказал Семенов. — А ну поддай, братцы!.. — «Братцы», каждый почти вдвое старше своего командира, дружно подхватили орудие и выкатили его на лужайку.

Со стороны леса послышались пулеметные очереди. Все чаще и чаще защелкали ружейные выстрелы. Шаповалов подал команду. Батареи ударили беглым огнем. Вдоль опушки поднялись столбы черного дыма. Там вместе с разрывами снарядов взлетали и, словно нехотя, медленно падали срезанные осколками вершины деревьев. Шаповалов не отрывал глаз от цели. В промежутках между выстрелами до него долетал бойкий голос Семенова:

— Огонь!.. Огонь!.. Огонь!..

Раздававшиеся в эту минуту надрывный вой самолетов и звуки рвавшихся бомб не сразу дошли до его сознания. Все его внимание было сосредоточено на полном поражении уже замолкнувшей цели, и он продолжал вести стрельбу, пока кто-то громко и уже в третий раз не окликнул его. Он оглянулся и увидел знакомое лицо связного бойца, но не сразу понял, что тот ему говорит. Боец передавал, что прорыв расширен и остальные дивизии переправляются выше по реке. Ему надлежало по прохождении моста Особой бригадой сниматься с позиции и присоединяться к колонне.

Шаповалов посмотрел на дорогу. По гати широкой рысью проходили последние ряды Особой бригады. За ними двигалась еще какая-то и, видимо последняя, часть. Впереди ехали два хорошо знакомых ему всадника. Один из них на рыжей в белых чулках, другой на буланой лошади. Они говорили что-то и смотрели на него. Шаповалов огляделся и теперь только заметил среди дымящейся травы двух-трех запрокинувшихся навзничь бойцов и пушку с подбитым колесом. На лафете, обхватив его руками, лежал светловолосый человек без шапки. Шаповалов подошел к нему и тронул его за плечо.

— Семенов! — позвал он. — Командир батареи!

— Что ты? — Семенов поднял измазанное кровью лицо и бессмысленными глазами посмотрел на него.

— Фу, а я думал, убили тебя, — сказал Шаповалов.

— Ну да! Еще чего выдумал! — прохрипел Семенов, вновь поникая головой.

— Семенов, слышь... Отбились мы. Понимаешь, нет? Вставай, брат, вставай!

К Шаповалову подошел старый боец с перевязанной головой.

— Контузили его, — заговорил он, показывая на Семенова. — Они как в первый раз бомбы кинули, так поранили наводчика и двух номеров. Тогда он сел за наводчика. И стрелял и командовал... А потом они обратно налетели и давай крошить. И его, значит, контузило.

Со стороны моста подскакал конный сапер. Крутясь на горячившейся лошади, он закричал:

— Эй, батарея! Какого лешего вы тут стоите?! Давай скорей! Мост будем взрывать!..

Шаповалов приказал подобрать раненых, снять замок с подбитой пушки и вывел батареи на уже пустынную гать. Отсюда было видно, как шевелящаяся впереди большая колонна расходилась двумя черными рукавами вправо и влево и, извиваясь на поворотах дорог, скрывалась в лесах.

— А ведь ловко получилось — весело сказал подъехавший к Шаповалову Черевиченко. — И сами вышли, и весь обоз выкатился.

— Что и говорить! — подхватил Шаповалов. — А я, понимаешь, как хватил по ним картечью, думал, придется мне там вместе с батареей остаться — весь боекомплект расстрелял.

— И ничего не осталось?

— Четыре снаряда.

— Да, здорово вышли...

Вокруг стояла тишина. И только где-то в стороне, изредка колебля воздух, раскатывался глухой гул тяжелых орудий.

Конная армия четырьмя колоннами двигалась на Грубешов — Владимир-Волынский...

Вихрову стоило большого труда разыскать свой дивизионный обоз. Всю ночь шло движение, и только к рассвету части остановились на отдых.

Отпущенный Ладыгиным до полудня, Вихров объездил почти все лесные дороги под Грубешовом, где скрытно от авиации располагались войска, и, наконец, после долгих расспросов обнаружил полевой госпиталь в лесу у берега речки. Брезжил рассвет. В белесоватой полумгле

стояли среди деревьев санитарные линейки, телеги с распряженными и поставленными вокруг них лошадьми. На линейках и под деревьями лежали и сидели раненые. Около них хлопотали сестры с серыми от усталости лицами, в халатах, испачканных кровью. Над бивуаком вился едкий синеватый дымок.

В лесу пахло осенней прелью, смолой и теми особыми острыми запахами, которые приносит с собой осень.

Вихров не любил ничего немощного, и теперь весь этот вид множества искалеченных и больных людей был не то что неприятен ему, а вызывал чувство какой-то досады, ложной виноватости в том, что он, такой здоровый и сильный, ходит меж ними.

— Эй, Вихров! А ты еще живой? — окликнули его из-под куста. Там сидел человек в нижнем белье, с опухшим бледным лицом.

— Кимвалов? — радостно вскрикнул Вихров, встречаясь взглядом с лихорадочно блестевшими глазами товарища. — Здорово! Вот никак не думал увидеть тебя. Ты что, ранен?

Он присел подле Кимвалова и, узнав, что его товарищ по курсам вот уже вторую неделю страдал от лихорадки, тут же спросил, не слышал ли он, где находится раненая сестра Веретенникова. Кимвалов сказал на это, что ночью умерла какая-то сестра милосердия, но фамилии он не знает.

— И как она мучилась, бедняжка! — говорил он, придерживая руку товарища, словно не хотел скоро отпускать его от себя. — Она, понимаешь, была в грудь ранена, а потом, когда ее везли, так ногу оторвало снарядом. Такая жалость! И, говорят, совсем молодая.

«Сашенька!» — подумал Вихров, чувствуя, как внутри него что-то оборвалось. Он наскоро попрощался с товарищем и быстрыми шагами направился к опушке, где, как сказал ему Кимвалов, находился приемный пункт госпиталя.

Светало, но солнца не было видно. Над лесом громоздились тяжелые тучи. Накрапывал почти невидимый глазу надоедливый дождь, и в свежем воздухе разливалась промозглая сырость. Вихров шел напрямик сквозь цеплявшие ноги мокрые кусты. Мысли его путались. «Умерла, — думал он. — Нет, уж лучше бы мне... И как это могло случиться?.. И почему именно она, такая хорошая, умная!.. За что?..» Он глухо застонал при мысли, что, мо-

жет быть, ее уже зарыли в землю и он больше никогда, никогда не увидит ее...

Дивизионный врач Жигунов, крупный старик в очках, с седеющими волосами, выбивавшимися из-под фуражки, в перерыве между двумя операциями сидел на корточках у дымившего костра и подбрасывал хворост под чайник, висевший на шомполе. Собственно, было кому вскипятить чай, но ему нравилось это успокаивающее нервы занятие. Он брал хворост, разламывал веточки на части, бросал их в костер и так увлекся этим занятием, что не сразу понял молодого командира, который, подойдя к нему, спрашивал что-то взволнованным голосом.

— Веретенникова? — переспросил он наконец, взглянув на Вихрова. — Ну да, знаю такую. Между прочим, преотличная девушка... Что?! — закричал он сердито, весь багровея. — Откуда вы взяли, что она умерла?! Вам говорили? Гм! Никогда не верьте слухам, товарищ!.. Жива, жива ваша Веретенникова. А вы что — контужены?.. Нет? Что же вас так качает, батенька мой? Сядьте, успокойтесь... Кичик! — грубовато обратился врач к сидевшему поодаль молодому лекпому. — Налей командиру воды.

Вихров взял кружку и залпом выпил воду.

— А вы, товарищ, кто, собственно, будете? — спросил Жигунов.

Вихров пояснил, что он командир того эскадрона, при котором числится сестра Веретенникова, и приехал узнать о ее состоянии.

Жигунов с некоторым сомнением посмотрел на молодого командира, однако сказал, что положение сестры Веретенниковой хотя и не безнадежное, но тяжелое и видеть ее, а тем более говорить с ней нельзя. Но, взглянув еще раз на расстроенное лицо Вихрова, он, видимо, смягчился, поворчал что-то и разрешил ему пройти к раненой с условием не разговаривать с ней...

Сашенька лежала на санитарной линейке, прикрытая шинелью. И хотя Вихров не видел ее, в его воображении вставало милое ему, веселое, подвижное лицо с синими глазами и золотистым пушком на розовых щеках. Он подошел к ней.

— Это ты, Алеша? — не видя его, тихо спросила она.

Вихров нагнулся, приподнял шинель и чуть было не вскрикнул. Так она изменилась. И только глаза ее, прежде лучистые, а теперь такие страдальческие, светились на почти прозрачном лице. Вихров с бесконечной нежностью

смотрел на нее, чувствуя, как дорога она стала ему в эту минуту, и жалея, что не сказал ей раньше то, что давно хотел сказать.

— Я знала... что ты... придешь... родной мой... — прошептала Сашенька. — Знала... и ждала...

— Тш-ш... Молчи, молчи, тебе нельзя говорить, — шептал ей Вихров. — Ты не волнуйся. Не надо. Доктор сказал, что все будет хорошо. Тебя направят в харьковский госпиталь. Я буду тебе часто писать... А плакать не надо, — успокаивал он, не замечая, что у самого на ресницах дрожат слезы. — Тебе что, плохо? Больно?

— Нет, ничего... Мне так хорошо... так радостно... — Сашенька попыталась улыбнуться, но улыбка не получилась, и только слеза вновь скользнула по ее бледной щеке. — Я так хочу жить, — прошептала она. — Так хочу... И ты живи... Непременно живи...

Тяжелая рука легла на плечо Вихрова. Он оглянулся.

— Вы вот что, воин, сейчас же уходите отсюда! — сердито заговорил Жигунов. — Я разрешил вам только взглянуть на нее, а вы в разговоры пустились. Уходите!.. За нее не беспокойтесь. Она будет жить.

Вихров с благодарностью посмотрел на врача, чувствуя, как к горлу подкатился соленый ком. Он подвинулся к Жигунову, с трудом преодолевая желание крепко обнять старика, сказать ему что-то. Но тот, видимо, сам хорошо понимал душевное состояние командира. Он проворчал что-то, схватил Вихрова за руку и почти насильно оттащил от линейки.

— Послушайте, друг мой, — заговорил он горячо, — я побольше вашего понимаю жизнь и людей. Да, да! Сестра Веретенникова находится здесь всего несколько дней, но я успел убедиться... Она молодец! Да. Я слышал ее бред. Кстати, это вас зовут Алешей?.. Так, понятно. — Лицо Жигунова засветилось улыбкой. — Милая девушка!.. Берегите и любите ее... А, ну да ладно. Уходите! Ей нельзя волноваться...

Вихров вздохнул, отошел от линейки и тут только заметил, что дождь перестал и лес наполнился прозрачным солнечным светом. Тихо покачивались вершины деревьев, открывая синие окна, сиявшие в небе среди разорванных туч. В густой, еще зеленой листве раздавалось веселое щебетание птиц... Он шел, подставляя лицо свежему ветру, и улыбался.

Коновод Нечаев, молодой боец с чистым русским ли-

цом, державший лошадей близ дороги, при виде Вихрова понял, что все обошлось, но все же не утерпел и спросил:

— Ну как оно, товарищ командир?

— Все хорошо, Александр Алексеич! — бодро отвечал Вихров. — Кланяться велела.

— Как вы сказали? — переспросил Нечаев. Он плохо слышал и объяснял это тем, что до революции долгое время служил «мальчиком» в лавке, где хозяин нещадно драл ему уши.

— Я говорю, поправляется наша сестра! — повторил Вихров. — Разговаривает!

— А! Ну да, конечно, какой может быть разговор! — сказал Нечаев, делая вид, что расслышал. — Так мы куда теперь, товарищ командир?

Вихров должен был присоединиться к полку в Грубешове и поэтому тут же решил ехать в город, благо до него было всего несколько верст. Отдохнувшие лошади взяли размашистой рысью, и спустя час они уже въезжали в предместье. Ржавая колючая проволока, полузасыпанные окопы — следы недавно отгремевшей германской войны — попадались чуть ли не на каждом шагу. Кое-где виднелись черные, обгорелые трубы. Узкие улицы с кварталами маленьких домиков напоминали скорее местечко, чем город. В стороне остались кирпичные казармы стоявшего тут до революции уланского полка. Свернув налево, они выехали на главную улицу. Но куда бы ни заезжал Вихров, квартиры уже были заняты полками Особой бригады.

— Товарищ командир, посмотрите, — показал Нечаев вправо, где у полкового значка, приткнутого к палисаднику, картинно застыл часовой, по виду калмык. Он стоял не шелохнувшись, придерживая положенную па плечо обнаженную шашку, с таким торжественным выражением на загорелом скуластом лице, словно у него под охраной был не простой кумачовый флажок, а овеянный боевой славой штандарт *.

«Действительно, странное что-то», — подумал Вихров, с любопытством глядя на калмыка. В эту минуту из-за угла вышел другой боец, чрезвычайно похожий на первого, но с такими кривыми ногами, что, казалось, он не шел, а катился. Он приблизился к стоявшему на посту, ловко вынул шашку из ножен и сменил товарища, который не спеша пошел вниз по улице.

* В коннице полковое знамя называлось штандартом.

Вихров решил узнать, не свободен ли противоположный дом. Он поднялся на крыльцо, толкнул дверь и вошел в большую светлую комнату.

«И здесь занято!» — подумал он с досадой при виде стоявшего у стола стройного командира в черкеске. Но хотя мясистое лицо командира с приплюснутым носом не отличалось красотой, Вихров почувствовал расположение к нему.

— Вы что, с донесением? — спросил командир. — Ну давайте!

Вихров сказал, что он не связной, а командует эскадроном, приезжал по делу в дивизионный госпиталь, а теперь ищет квартиру.

— Так в чем же дело? Отдохните здесь, — предложил командир, отрекомендовавшийся начальником оперативного пункта Якимовым. — Тут такой камуфлет с квартирами, — говорил он, с любопытством оглядывая Вихрова. — Все забито. Ничего не сыщете. Оставайтесь.

— Да нет, зачем, — застеснялся Вихров со свойственной ему деликатностью. — Я пойду поищу.

— Да полно вам! Зачем искать, когда можно тут? Места хватит. Садитесь. Сейчас самовар поставим. Чайку попьем. А насчет ваших лошадей я распоряжусь. — Якимов ободряюще посмотрел на Вихрова и, звеня шпорами, вышел во двор.

Вихров проследил за ним взглядом, повернул голову и тут только заметил, что в комнате находился еще один человек. Он стоял у печки, вытянув руки по швам, и то и дело прищелкивал каблуками.

«Какой красавец! И роста гвардейского!» — подумал Вихров, искоса оглядывая немолодое, с подвитыми усами лицо человека, который держался так прямо и молодцевато, словно находился не в хате, а на военном смотру. На нем были синие рейтузы в обтяжку, высокие сапоги и туго перехваченная ремнем выгоревшая гимнастерка.

«Хозяин», — определил Вихров.

— Ну вот, — сказал Якимов, появляясь в дверях, — теперь можно и чайку попить. Васильев! — позвал он хозяина.

— Чего изволите, вашеско? — бодро крикнул Васильев, еще больше вытягиваясь и прищелкивая каблуками.

— Послушайте, Васильев, — заговорил Якимов сердито, — если вы не оставите это чинопочитание и еще раз позволите так обратиться ко мне, то я перейду на другую

квартиру. Вы, вероятно, забыли, что я умею ругаться? Вы не смотрите, что я белобрысый. Я страшно вспыльчивый. Ясно?

— Виноват, вашеско! — Васильев стукнул каблуками. — Не извольте беспокоиться, больше не буду.

— То-то же!.. А как у вас насчет самовара?

— Сию минуту... Гм! — Васильев судорожно сглотнул, словно подавился. — Сию минуту поставим!

Дверь растворилась. В комнату вошла дородная краснощекая женщина. Васильев подвинулся к ней.

— Марь Тимофевна! — Он вытянулся и, чуть клоня стройный корпус вперед, сильно прищелкнул каблуками. — Марь Тимофевна, поставьте самоварчик! Будьте настолько любезны!

— Пожалуйста, Федосеич, только вы, будьте добры, принесите водички. Во дворе и поставим, а то в комнате душно, — с готовностью сказала она.

Васильев подождал, пока жена взяла самовар, придерживая руки по швам, пропустил ее вперед и прикрыл дверь за собой.

— Что это ваш хозяин все время как на гарнизонном разводе? — спросил Вихров.

Якимов засмеялся.

— Старая военная косточка, — пояснил он, вынимая портсигар и предлагая Вихрову папиросу. — Он когда-то был вахмистром, старшиной в моем эскадроне. Наш седьмой Ольвиопольский уланский полк стоял здесь, в Грубешове. И вот встретились случайно. Я уже раз двадцать предлагал ему сесть. Не хочет. И меня вот ставит в неудобное положение.

— Какая все же у вас была дисциплина, — сказал Вихров с таким выражением на лице, что было непонятно, — то ли он одобряет, то ли порицает подобную дисциплину. — А я вот все хочу спросить, почему напротив вашего дома выставлен караул у полкового значка?

— А! — Якимов усмехнулся с понимающим видом, выразившимся на его некрасивом добродушном лице. — Это пять Колей стоят.

— Пять Колей? — Вихров с удивлением посмотрел на него. — Позвольте, как это так? Какие пять Колей? Скажите, пожалуйста.

— Да знаете... — И Якимов рассказал, как еще на Южном фронте к командиру полка явились пять молчаливых калмыков со своими лошадьми и оружием. Они по

очереди церемонно пожали руку командиру полка, причем старший из них, с чрезвычайным трудом объясняясь по-русски, заявил, что они желают вступить в полк добровольцами. В разговоре, происходившем больше с помощью мимики, командир полка спросил, как их зовут. Каждый назвал себя Колей. Так с тех пор все пять Колей ездили в колонне за командиром полка, в бою охраняли его, а на походе были его глазами.

И, понимаете, у них прямо-таки орлиное зрение, — говорил Якимов. — Бывало, едем в степи — и вдруг пыль на горизонте. Командир смотрит в бинокль, но и в бинокль не видно. Тогда он обращается к Коле, ну, к тому, кто из них поближе, и спрашивает: «Коля, что там пылит?» А тот мигом отвечает: «Обоз, товарищ командира!» Они почему-то величают комполка женским родом... И имейте в виду, они не просто так стоят у значка, они квартиру комполка охраняют. Попробуй кто пройти — не пройдет!.. И удивительно хладнокровные люди.

— Не боятся? — подхватил Вихров.

— Удивительная выдержка! Да вот случай был. — Якимов улыбнулся. — Приехал к нам новый помощник командира полка. Ну, конечно, зашел к командиру, а у того на столе лежал маузер. Помощник стал вертеть его в руках. Он, как оказалось, не знал еще устройства автоматического пистолета и нечаянно нажал гашетку. Стрельба! Все десять патронов вылетели в окно. А там стоял у значка Коля. Командир полка побледнел: «Вдруг Колю убили?» И кричит: «Коля, как ты там?» А тот прехладнокровно отвечает: «Ничего, товарищ командира, еще живая!..»

Можно несколько забежать вперед и, продолжив рассказ Якимова, сказать, что по окончании гражданской войны все пять Колей вновь явились к командиру полка, сердечно пожали ему руку, сказали: «Ну, мы айда! Домой ходил!» — сели на лошадей и уехали. Но об этом Якимову так и не пришлось узнать по некоторым обстоятельствам, рассказанным ниже.

Выслушав Якимова, Вихров заглянул в окно. Очередной Коля стоял навытяжку у полкового значка.

— А ведь пройдет время, и не поверят, что такие люди жили на свете, — сказал он, поворачиваясь на шум шагов за дверью.

В комнату вошел незнакомый ему боец в черной чер-

кеске. Он молча подал Якимову пакет и, когда тот расписался, вышел, вильнув башлыком.

— Смотрите-ка! — произнес Якимов, с удивлением поднимая светлые брови. — Пока мы тут толковали, я успел получить повышение.

— Так вас можно поздравить?

— Можно. Я назначен командиром полка.

Вихров поднялся с лавки и вытянулся.

— Сидите, сидите, и без церемоний, пожалуйста! — усадил его Якимов. — Сейчас будем чай пить. И мое повышение кстати отпразднуем. У меня была где-то банка варенья.

— Что же мы теперь будем делать? — сказал Вихров, произнося вслух свою мысль.

2 — Что делать? Перегруппируемся и нанесем новый удар, — отвечал Якимов.

Но нанести этот удар не пришлось. Противник был не в силах продолжать войну и уже начал подготовку к мирным переговорам.

Прорывом на Грубешов заканчивалась для Конной армии кампания на Юго-западном фронте. Спустя несколько дней она начала движение в район Луцка и Ровно для доукомплектования.

По улицам большого, разбросанного среди леса села проезжали подводы, штабные тачанки, одиночные всадники. Груженые и негруженые подводы расположились вдоль палисадов. Тут же были раскинуты коновязи. На задах дымили походные кухни. У колодцев с скрипучими журавлями поили лошадей. Свободные от службы бойцы копошились в седельных вьюках, чинили обмундировку или покуривали на лавочках за воротами.

Вечерело. На сельской площади играла гармошка. Оттуда доносились крики, смех, взвизги молодиц.

На другой стороне площади было тихо. В небольшой хате третий день заседал Реввоенсовет Конной армии.

Взводный Ступак, старый солдат-кирасир, переведенный из 4-й дивизии в эскадрон штаба армии, сидел вместе с бойцами на завалинке хаты, где происходил военный совет, и, пошевеливая желтыми усами, молча курил самокрутку. Остальные красноармейцы — их было шесть человек — слушали пожилого бойца с морщинистым лицом.

— А вот был у нас еще Усенко Матвей Ликсеич, —

рассказывал он. — Нашим эскадроном командовал. Отчаянной храбрости человек, а уж душевный-то! Если б не он, то я бы уж давно раков кормил.

— Почему раков? — спросил сидевший рядом чернявый боец.

— Да очень просто — утонешь, так покормишь!

— Так он что, спас тебя?

— Спас, — подтвердил рассказчик. — Нам под Каневом в восемнадцатом году кадеты гайку прижали, обошли со всех флангов, коноводов захватили. Вот мы, значит, и драпаем пешим порядком. Бачь — речка! А пловец с меня, как с топора. «Ну, — думаю, — дорогая Параша, не видать тебе твоего Сашу». Так бы и было, если б не Усенко. Он сам раненый, а меня к своей ноге привязал и через Днепро на тот берег переправил. Форменный командир, дай бог ему здоровья, душевный человек!

С поля налетел порыв сильного ветра. Закачались, зашумели вершины деревьев, а по большой луже посреди площади пронеслась быстрая рябь.

— Как бы опять дождя не было, — сказал чернявый боец.

— Какой может быть дождь при этаком ветре? Все поразгонит, — возразил Ступак, посмотрев на быстро бегущие тучи.

Наступила тишина. Только слышно было, как сквозь плотно прикрытые окна из хаты доносился неясный гул голосов.

— Ребята, а кто из вас о Криушове слыхал? — поинтересовался молодой боец со странной фамилией Михолапа.

— Ты за какого Криушова говоришь? За Петра Илларионовича? — спросил взводный Ступак. — Я у него в восемнадцатом году па квартире стоял. Так он...

— А ну, помолчите, взводный, нехай ребята скажут, — перебил Михолапа. — Не знаете? — обратился он к бойцам. — То-то вот. А как же другие протчие, обратно сказать — пацаны, для которых мы свободу завоевываем, узнают об этом? Об таких геройских людях?.. Эх, будь я грамотный, так обеими руками описал бы эти дела-случаи!

— Ты давай не тяни! Скажи, кто ж это был Криушов? — спросил пожилой боец со шрамом.

— Ну ладно, послушайте, — согласился Михолапа. — Начинаю разговор о Петре Ларионыче Криушове! — про-

изнес он торжественно. — Было это, братцы, в прошлом году. Я тогда служил еще не в Конной армии, а в Железном казачьем полку. И командовал нами, казаками, тот товарищ Криушов. И до чего хороший был! И личностью и походкой легкий. Глаза голубые. Ростом высок.

— Офицер? — спросил чернявый боец.

— Какой там офицер! Вахмистр. Он из старой армии в Красную гвардию перешел, а потом к нам в полк его назначили. И вот едем один раз на самой зорьке всем полком по-над Донцом. Вдруг что такое? Прямо с реки, с тумана конный выезжает. Конь под ним еле идет, шатается. Подъезжает до нас этот самый человек с сообщением, что на том берегу сильный бой. Это особая дивизия генерала... Как его?.. Позабыл! Тундуткина, что ль?.. Нет, как-то иначе.

— Это неважно, как его звать. Все они одинакие. Давай говори дальше, — сказал взводный Ступак.

— В общем, белые, целая дивизия, ихний краснопказачий полк окружили. А их троих послали за помощью. Так два потонули вместе с конями. Он один остался. А тут и мы слышим, что на той стороне аккурат у станицы Гундоровской стрельба поднялась и кричат что-то, а что — не поймешь... Ну что тут будешь делать? И своих выручать надо, и моста нет! Его когда еще ка́деты взорвали. Только и можно что вплавь.

— А почему не вплавь? Мы так-то под Воронежем через речку плыли, — сказал чернявый боец.

— Так то речка! — Михолапа зло посмотрел на него. — А разве Донец — речка! Его ж на полторы версты раздуло. Море сплошное. Волны ходят. Апрель месяц. Это ж понимать надо. Льдины плывут. Холод. Кости костенеют. Сердце заходится. Это ж не книжку читать, лежа на печке!

— Ладно, ты дело говори, — поторопил Ступак.

— А разве, взводный, это не дело? — обиделся Михолапа. — Самое дело. Ну да ладно. Послушал Криушов, а бой все сильней. Вот он с лица сменился и говорит: «Товарищи красные бойцы революции! Орлы-казаки! Слышите, как наши товарищи погибают? Не было и не может быть такого, чтоб в беде бросить товарищей. Идем на помощь! А кто на себя не надеется, у кого гайка слаба — оставайся. За мной!» — и въезжает в самые волны. Мы за ним, и, сказать правду, осталось на том берегу только два казака, и только потому, что у них были сла-

бые кони. Въехали мы в Донец, взяли коней за хвосты и поплыли.

— А оружие как? — спросил боец со шрамом.

— Оружие поверх седел поцепляли. И вот уже на стремя выплываем, а я вижу — некоторые кони начинают тонуть. Вы видали, братцы, как кони тонут?.. Нет? То-то и оно. Сперва она начинает круги делать. Это значит — из сил выбилась. Видит, что ей до берега не дотянуть. И вот она в дыбки, в дыбки, а потом как заржет, да так жалобно, и в воду с головой, и только пар над тем местом. Ну и казак тоже за ней. Куда ж ему деться?

— И много вас там потонуло? — поинтересовался чернявый боец.

— Много. Переправилось нас сотни четыре. Значит, с сотню казаков в Донце осталось... Ну а как переправились, и пошла крушить! Погнали кадетов. Немного их живыми ушло.

— А Криушов?

— Криушов в Донце остался. Коновод после сказывал, что он на его коня не надеялся. Конь был, конечно, хороший, но старый. Коновод видел, как он начал кружить, и уже хотел голос подать, да Криушов приказал ему молчать. Видно, сомневался, чтобы среди казаков не получилось смятения. Понимаете, какое дело? Своей жизнью пожертвовал.

— Памятник надо бы на том месте поставить, — как бы заключая разговор, тихо сказал чернявый боец при общем молчании.

Ступак притушил папироску, поднялся с завалинки и заглянул в хату. Там уже давно горел огонь. Ворошилов сидел за столом в красном углу, слушал Морозова, выступавшего в эту минуту, и, видимо соглашаясь с ним, утвердительно покачивал головой. Буденный поместился правее него. Перед ним лежала развернутая тетрадка, в которой он записывал что-то. Рядом с ним сидел Щелоков — заместитель начальника основного штаба Конармии, дородный человек, с тщательно расчесанным пробором и черными, закрученными кверху усами. За его спиной стоял, скрестив руки, стройный белокурый военный — начальник политуправления армии Суглицкий. Он, видимо, был не совсем здоров, потому что то и дело кашлял в платок, отчего на его бледных щеках проступали розовые пятна. Напротив

них, спиной к Ступаку, сидели командиры, комиссары дивизий и еще какие-то незнакомые ему люди. Среди собравшихся произошло движение: слово взял Ворошилов.

Ступак не мог слышать Ворошилова и только видел, как он жестикулировал, словно хотел убедить кого-либо в правоте своих слов. Он разводил руки в стороны и, словно пригребая воздух, прикладывал их к широкой груди.

«Эх, и до чего худ стал Климент Ефремович!» — подумал старый солдат, любовно оглядывая Ворошилова.

На этом заседании Реввоенсоветом был поднят, обсужден и решен целый ряд важнейших вопросов. Но с ними уже было покончено, и Ворошилов говорил об общих задачах. Поставленная под Замостьем в тяжелое положение, армия при выходе из кольца находилась все время в упорных, кровопролитных боях. «Но, — говорил Ворошилов, — после каждого хорошего боя — а их в истории Первой Конной так много — бойцы делались еще выносливее, полки духовно крепче, армия еще непобедимее, для врага смертельно страшной...» После этого Ворошилов сказал, что армия понесла значительные потери и особенно среди политического состава. Поэтому делегация, выделяемая Реввоенсоветом для поездки в Москву, должна настоять на немедленном командировании в Конную армию не менее пятисот человек политработников. И это надо сделать как можно скорее, потому что Конармия должна быстро доукомплектоваться и выступить походом на Южный фронт для ликвидации Врангеля.

Ворошилов говорил, и озабоченное выражение не покидало его. Он не мог еще знать, что делегацию примет лично Калинин, который удовлетворит не только все насущные нужды Конармии, но вместе с подарками от рабочих Питера, Тулы, Москвы пришлет конармейцам двадцать вагонов теплого обмундирования, автомашин и боевое снаряжение. Пока только одно обстоятельство радовало и утешало его: он, как и все присутствующие на совещании, уже знал, что по приказу Ленина, неустанно следившего за каждым шагом Конармии, из глубинных центров России двинуты маршевые полки для укомплектования армии. Прибытия этих кавалерийских полков можно было ждать в самые ближайшие дни...

В хату быстро вошел Зеленский.

Ворошилов взглянул на него, спросил глазами: «В чем дело?»

— Телеграмма от товарища Ленина, — сказал Зеленский. — Вот. Только что с провода. — Он подал бланк.

Ворошилов взял телеграмму и прочитал ее вслух:

— «По прямому проводу.

РВС I Конной.

Крайне важно изо всех сил ускорить передвижение вашей армии на Южфрэнт. Прошу принять для этого все меры, не останавливаясь перед героическими. Телеграфируйте, что именно делаете.

Предсовобороны *Ленин.*
4 октября».

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

1

Еще в то время, когда Конная армия закончила в Новороссийске преследование разбитых войск генерала Деникина и ранней весной двадцатого года готовилась к походу на далекий Западный фронт, в Крыму, где укрылись остатки белых, произошли трагические для них события.

Вечером 31 марта к Деникину приехал генерал Кутепов. Он сообщил главнокомандующему, что после всего происшедшего под Новороссийском «Добровольческий» корпус больше не верит ему, Деникину.

Деникин побледнел и сказал, что при таких обстоятельствах он слагает с себя власть, и в ту же ночь распорядился о созыве чрезвычайного военного совета.

На следующий день вестибюль гостиницы «Астория» в Феодосии, где разместился штаб главнокомандующего, был переполнен представителями генералитета, пытавшимися безуспешно убедить главнокомандующего в необходимости изменить свое решение, Деникин оставался непреклонным.

2 апреля в Севастополе состоялся военный совет. По приказу Деникина его информировали по прямому проводу о ходе совещания. Узнав, что на его место выдвинут генерал Врангель, Деникин тут же подписал короткий приказ о назначении Врангеля «главнокомандующим вооруженными силами Юга России».

Два дня спустя Деникин, одетый в английский матерчатый плащ, в последний раз прошел мимо стоявших у подъезда и взявших на караул часовых и, навсегда покинув Россию, на английском миноносце убыл за границу...

Новый главнокомандующий выразил уверенность в том, что сумеет вывести армию из тяжелого положения «не только с честью, но и с победой».

Но, по сути дела, армии не было. Были толпы потерявших воинский облик солдат, казаков, офицеров. Разгул и бесчинства сопровождали в Крыму появление белых. Они с места в карьер принялись за старое — за грабежи.

— Дайте, дайте мне честных людей! — неистовствовал Врангель, шагая со сжатыми кулаками по салону штабного вагона. — Куда делись все честные люди? Кругом одни казнокрады, воры, бандиты, грабители! Неужели все честные офицеры у большевиков?!. Нет, генерал, вы только подумайте, — говорил он своему начальнику штаба. — Вы только подумайте, у красных в одной только пятнадцатой и пятьдесят первой пехотных дивизиях больше офицеров, чем у нас на обороне всего Турецкого вала! Почему это, я вас спрашиваю? Разве можно так воевать?!...

Но Врангель хотел воевать и принял меры. На фонарях и трамвайных столбах появились гроздья повешенных. Вешали даже за разбитое стекло в ресторане.

Тем временем политические авантюристы всех рангов и мастей, экс-министры упраздненного особого совещания, голодные, оставшиеся на мели «осважники» также упраздненного Врангелем пресловутого Освага, случайные репортеры бывших столичных газет — все они дни и ночи напролет сочиняли проекты «спасения России». Вся эта публика атаковывала пороги дворца главнокомандующего и чуть ли не на ходу штурмовала вагоны штабного поезда. Началась безобразная борьба за право на существование. На место одного ликвидируемого учреждения возникали десятки новых. Так, вместо Освага появились всевозможные пресс-бюро, инфоты, осоготы и т. п. «Ликвидации» сводились к бесконечным перебежкам ликвидируемых под новую вывеску, и были специалисты, ухитрявшиеся менять свою кожу по нескольку раз в течение одной весны и укладывать «ликвидационные» во все четыре кармана.

Не лучше обстояло дело и с организацией административного управления. Крым и северная Таврия были наводнены отбросами старой царской администрации. В этом отношении наблюдалась картина полной реставрации, вплоть до ношения дореволюционной формы. О том,

как относились к своим обязанностям эти администраторы, и писал в эти дни в своем рапорте на имя начальника штаба главнокомандующего полковник Бородин.

«Надзиратели, стражники, — писал он, — пьянствуют, дебоширят, бьют морды крестьянам, берут взятки, обещая за это освобождение от мобилизации и освобождение от ареста. Под арест же сажаются крестьяне не только без достаточных к тому поводов, но и с целью вымогательства.

Пристава смотрят сквозь пальцы на преступные деяния низших чинов, сами участвуя в попойках и в сокрытии преступлений.

Пристава, надзиратели, стражники, волостные старшины и старосты бездействуют и пристрастно относятся к зажиточным крестьянам, от которых можно кое-что получить «детишкам на молочишко». Это вызывает у крестьян ярко враждебное отношение к власти.

Население буквально стонет от произвола, от полной беззащитности, от распущенной, никем и ничем не сдерживаемой офицерской и солдатской вольницы. Защиты у деревни нет никакой. Крестьянин является абсолютно бесправным существом и находится, можно сказать, вне закона...»

«Чиновники высокомерны, продажны, неспособны и бесчестны, — отмечали в своих корреспонденциях представители иностранной печати. — Они ничего не поняли в совершившемся, и в их глазах старая жизнь возобновляется после некоторого перерыва...»

Действительно, никогда еще воровство, казнокрадство и взяточничество среди белых тылов не достигало таких размеров, как в эту заключительную стадию гражданской войны. Этим объяснялось то обстоятельство, что вместо числящихся на бумаге долговременных укреплений с дальнобойной артиллерией на фронте были почти повсеместно традиционные канавы, и только один Перекоп, находившийся на глазах у начальства, блистал блиндажами. Этим объяснялось и то, что московские газеты попадали в белогвардейские окопы раньше севастопольских, так как врангелевские газетчики воровали и перепродавали бумагу, выпуская газеты ничтожными тиражами. Этим объяснялось и плохое снабжение солдат и доставка с фронта почти ежедневно сотен замороженных трупов в те дни, когда белый Крым переживал агонию...

Однако путем целого ряда мероприятий Врангелю удалось свести разрозненные части в определенные войсковые соединения и приготовиться к наступлению.

В ночь на 7 июня реорганизованная белая армия перешла в наступление, в большинстве своем веря, что она идет не на безумное, заранее проигранное дело, а, как ее уверили в этом, во имя мировой цивилизации, поддержка которой ей обеспечена не только одними комплиментами из Вашингтона, Парижа и Лондона. С этой надеждой полки, а среди них тысячи молодых обманутых людей ринулись вперед через валы древнего Перекопа...

Пользуясь тем, что Красная Армия была занята упорными боями со вторгнувшимися на территорию Украины белополяками, Врангель быстро продвигался по северной Таврии. Уже разъезды черкесов конного корпуса генерала Барбовича подходили к Екатеринославу. Уже белая пресса торжественно заявляла, что союзник Врангеля, батько Махно, занял Полтавскую губернию и весь Донецкий бассейн. В белых штабах говорили о каком-то атамане Володине, предложившем вступить в союз с ним.

«Мои союзники — хоть сам черт, лишь бы он был с нами», — говорил Врангель, разъезжая по фронту в своем поезде. И точно, во время стоянок поезда в Мелитополе и в других городах к нему приезжали какие-то «камышовые батьки» с аршинными усами, как у камышовых котов. Увешанные поверх кожаных курток пистолетами всех систем мира, они представляли собой более чем странное зрелище. В широченных штанах, перехваченных по тучному брюху алыми, голубыми или зелеными шарфами, они небрежно шагали прямо поверх дверец привозивших их штабных автомобилей, вызывая своим видом крайнее смущение у чинов штаба. Они величали себя атаманами повстанческих отрядов, а на самом деле были главарями погромных банд, состоявших из бродяг, каторжников и уголовных преступников...

Но вскоре победное настроение несколько упало: из мобилизации, на которую так рассчитывал Врангель, ничего не вышло. Население относилось к белым явно враждебно. Кто уходил в камыши, кто хоронился в днепровских плавнях, кто седлал лошадь подушкой и пробирался на север, навстречу полкам Красной Армии. Все же у Врангеля к этому времени было достаточно сил, чтобы прочно занять фронт от Бердянска до Херсона, а

к концу сентября раздвинуть границы занятого им плацдарма до Мариуполя и Александровска *.

Но тут Врангель получил сокрушительный удар от фланговых частей Юго-западного фронта, был вынужден приостановить движение и перейти к обороне.

Война с Пилсудским заканчивалась. Владимир Ильич Ленин провозгласил новый боевой лозунг:

«Все на борьбу с Врангелем!»

Конармия, сгруппировавшаяся к этому времени в районе Бердичева и оказывавшая огромную помощь пострадавшим во время войны крестьянским хозяйствам, получила приказ срочно выступить в поход на Южный фронт.

2

В пятом часу пополудни 28 октября 1920 года 11-я дивизия, проделавшая в составе Конармии семисотверстный поход с Юго-западного на Южный фронт, вступила на понтонный мост через Днепр между Бериславлем и Каховкой и начала переправу на левый берег реки.

Начинало смеркаться. На востоке, где трепетало багровое зарево, слышался гром канонады. Там латышская дивизия, прорвав фронт второго армейского корпуса белых, раскрывала ворота для Конной армии, которая согласно приказу Фрунзе, командовавшего Южным фронтом, должна была двинуться в рейд и перехватить отходившие в Крым войска Врангеля. 4-я и 14-я дивизии еще с утра начали переправу и теперь уже быстрым маршем шли к Перекопу.

По узкому настилу моста бесконечным потоком двигалась конница. Лошади, похрапывая, косились на бежавшую под ногами темную воду. Понтонёры размахивали красными флажками, указывая дистанции между частями. Бойцы ехали молча.

61-й полк шел этот переход за второй бригадой, и Иван Ильич Ладыгин, вновь принявший эскадрон после возвращения из госпиталя командира полка, то и дело привставал на стременах, стараясь разглядеть, что делается на мосту и почему медленно идет переправа.

Приглядываясь, он увидел на одном из понтонов ко-

* Ныне город Запорожье.

менданта штаба дивизии, который с гневным выражением на красном лице кричал на ездового проходившей мимо него батареи:

— Куда? Куда правишь? Держи серединой!

Ездовой, молодой парень в зимнем расстегнутом шлеме, ударил плетью часто переступавшую и приседавшую на задние ноги правую подручную лошадь. Она, зло прижав уши, с силой легла в шорки, катая клубки мускулов на широкой, мокрой от пота груди, потянула орудие на середину моста.

Внезапно шум голосов прошел по колонне. Потом впереди послышались крики «ура».

По часто упоминаемым именам Буденного и Ворошилова Иван Ильич понял, что бойцы увидели и приветствуют их. Действительно, приблизившись к противоположному берегу, он заметил на возвышении группу всадников. Тут были Ворошилов, Буденный, Морозов и Бахтуров. Штаб — пять-шесть человек с развевавшимся на пике значком — стоял несколько поодаль.

Буденный, показывая на карте, говорил что-то Морозову, и тот утвердительно кивал головой. Ворошилов зоркими глазами поглядывал на бойцов, беседуя с Бахтуровым.

Колонна выходила в степь. Подул холодный ветер. Копыта лошадей зазвенели по одубевшей земле.

— Хуже нет, Федор Кузьмич, когда мороз, а без снега, — сказал Климов, взглянув на приятеля.

— Факт, — согласился лекпом. — Это, можно сказать, самое последнее дело... Ишь, как дует проклятый, черт его забодай!.. Василий Прокопыч, далеко нам до этой — как ее... до Каховки?

— Близко, — успокоил трубач. — Командир говорил — совсем рядом. Там заночуем...

Морозов сидел за столом в хорошо натопленной хате и при свете воткнутой в бутылку свечи читал приказ Конной армии. Собственно говоря, он был уже знаком с этим приказом. В Бериславле состоялось совещание, в котором приняли участие начдивы и военкомы. Так уж повелось с начала организации Конармии: перед каждой боевой операцией, а также и после боя собираться у Ворошилова и Буденного и часто за стаканом чаю откровенно, по-товарищески разбирать действия свои и друг друга. И если

у кого-либо было недовольство действиями другого командира, он высказывал это прямо, не таясь. Дело выяснялось, и ни у кого не оставалось какого-либо осадка на сердце. В Конармии никогда не было свар или склоки. И вся ее боевая история каждой своей страницей свидетельствовала о том, какое огромное значение имели такие взаимоотношения и обусловленная ими чуткая взаимная выручка.

Думая об этом и поджидая задержавшегося в штабе армии Бахтурова, Морозов вспоминал, что уже сколько раз благодаря этому соседние дивизии били во фланг и тыл противника как раз в ту минуту, когда противник, наседая на него превосходящими силами, уже был уверен в победе.

В хату вошел Бахтуров, весь засыпанный снегом. Он приветливо кивнул хозяину, отряхнул у порога бурку и направился в соседнюю комнату.

— Что не спишь, Федор Максимыч? — спросил он, подходя к Морозову и с выражением недоумения на своем чисто выбритом красивом лице глядя на него.

— Тебя ждал, — ответил Морозов. — А ты что так поздно?

— В Реввоенсовете задержался. — Бахтуров усмехнулся. — Между прочим, Семен Михайлович рассказал мне забавную историю.

— Что такое? — поинтересовался Морозов.

— А вот подожди. Сейчас расскажу.

Бахтуров снял шлем, бекешу, осмотрелся, куда бы повесить, и, не найдя крючка, положил ее на кровать.

— Так вот какое дело, — заговорил он, беря стул и присаживаясь. — Командующий фронтом вызывал к себе в Апостолово Ворошилова и Буденного. Приезжают. Заходят в штабной вагон. Глядят — в салоне сидит человек. Ворошилов к нему: «Здорово, товарищ Арсений! Ты как сюда попал?» А Буденный: «Какой это Арсений? Это же товарищ Михайлов! Здравствуйте, товарищ Михайлов! Вот и привелось свидеться!» А этот человек был сам Фрунзе.

— Позволь, как же так? — удивился Морозов.

— Да ты послушай: Буденный знал Фрунзе как Михайлова. Они с ним в Минске в семнадцатом году вместе работали. Семен Михайлович был там начальником гарнизона, а Фрунзе командовал войсками минского боевого участка. А Ворошилов знал Фрунзе по подпольной

работе как товарища Арсения. Понимаешь? Им, конечно, было известно о существовании Фрунзе, который командовал Восточным фронтом, а потом был в Туркестане, но они не могли даже предполагать, что это одно и то же лицо.

— Скажи пожалуйста! — воскликнул Морозов.

— Да, да, — продолжал, смеясь, Бахтуров. — Ну, тут Фрунзе так это лукаво на них поглядел и спрашивает: «Вы зачем приехали?» — «По вызову командующего. Где он?» — «Спит». — «Спит? А нельзя ли его разбудить?» — «Что вы! Разве можно? Он очень сердитый! Я у него для особо важных поручений. Так он однажды чуть меня не побил. Очень нервный человек... Ну ладно. Давайте сейчас закусим, поговорим, а потом, видимо, и он проснется». Вот они сидят, беседуют по-приятельски. Фрунзе вопросы задает. Интересуется буквально каждой мелочью. Они попросту отвечают. Потом Семен Михайлович смотрит — уже поздно, а Фрунзе все спит. Забеспокоился. Фрунзе тут засмеялся и говорит: «Эх, черти вы мои милые! Так я же и есть Фрунзе!»

— Чего же он сразу не сказал? — удивился Морозов.

— А я понимаю его. Хотя они и старые товарищи, но, может быть, постеснялись бы рассказывать откровенно. Все-таки командующий фронтом. А так, в товарищеской беседе, он расспросил до мелочей и понял, чем дышит Конная армия.

— Да, действительно. Гм... Ловко придумал, — сказал Морозов, усмехнувшись и покачав головой.

— Ты с приказом разобрался? — помолчав, спросил Бахтуров.

— Разобрался, Павел Васильич.

— Как же ты уяснил обстановку?

— А вот как, смотри, — Морозов провел по карте рукой. — Значит, так: вышедшая из Крыма ударная группа белых под командой генерала Кутепова находится здесь, в районе Серогозы, — заговорил он, изредка посматривая на Бахтурова своими умными глазами. — Мы, Конная армия, идем в рейд в тыл противника. Идем отдельно, дивизиями. Сначала движемся в юго-восточном направлении, потом заходим правым плечом и перехватываем все возможные пути отхода Врангеля в Крым. Так?

Бахтуров кивнул.

— Одновременно четвертая, шестая, тринадцатая ар-

мии и Вторая Конная жмут на него с севера, востока и запада. В общем, как бы сказать, противника бьют со всех сторон. — Морозов крепко стукнул по столу кулаком. — И, значит, тут ему будет полная крышка!.. Ну, а в Крыму у него войск немного. С ними мы быстро управимся.

— Да, — сказал Бахтуров. — Задумано очень хорошо... Если б только знать, по каким дорогам они начнут отход к крымским перешейкам, — добавил он задумчиво.

— А вот в приказе пишут — поддерживать непрерывную связь между дивизиями, — сказал Морозов. — Это, как я понимаю, чтобы в случае чего прийти на помощь товарищам.

— Прийти на помощь товарищам, — машинально повторил Бахтуров. — Да, Федор Максимыч, я тебе не сказал. Новость есть.

— Какая новость?

— Махно к нам перешел.

— Да что ты говоришь?!

— Прислал покаянное письмо. Просит дать ему возможность искупить вину и направить его против Врангеля.

— Ну и как же?

— Штаб фронта решил его использовать.

— Как? Вместе с Конной армией?!

— Что ты? Разве можно? Ему дают отдельную задачу.

— Ну это другое дело, — сказал Морозов. — А то наши бойцы на куски его разорвут. И не удержишь.

— Давай, Федор Максимыч, ложиться, — предложил Бахтуров. Он взглянул на часы. — Смотри, уже половина третьего, а в восемь выступать.

— Да я и то собираюсь. Которую ночь спокойно не сплю. — Морозов, кряхтя, снял сапоги, прошел через комнату и лег на скрипнувшую под ним деревянную кровать. — А ты что не ложишься? — спросил он комиссара.

— Сейчас лягу.

Бахтуров, наморщив лоб, несколько минут неподвижно просидел за столом, что-то обдумывая. У него все эти дни никак не ладилось с заключительной строфой придуманной им песни. «Ну что ж, — думал он, — вот и приходит конец гражданской войне... Завоевали волю... Скоро, скоро, немного осталось... Вот тогда заживем... По-

стой, постой, так вот же оно!» По его загорелому лицу пробежало выражение радости, глаза заблестели. Он быстро достал из кармана записную книжку, раскрыл ее и, взяв карандаш, записал:

Скоро, скоро всех врагов мы разобьем
И свободной, вольной жизнью заживем...
Постоим за наше дело головой.
Слава коннице буденновской лихой!

— А ведь, кажется, ничего получилось, — сказал он с довольной улыбкой, перечитав написанное. — Нет, и верно, ничего. Так пойдет. — И он прилег на расставленную у противоположной стены походную койку.

Но долго спать ему не пришлось. То тревожное чувство, которое он ощутил при чтении приказа, подняло его в шестом часу утра. За окном слышны были негромкие голоса, стук конских копыт и еще какие-то звуки. Бахтуров подумал, что уборка лошадей уже началась, и решил пойти в политотдел.

Спустя некоторое время он вышел на улицу и, осмотревшись, направился в ту сторону, откуда в темноте слышался шелест щеток, часто проводимых по шерсти, и редкое, в два раза, постукивание скребниц.

— Стой, кто идет? — спросил густой низкий голос.

— Бахтуров. А это кто?

— Патруль, товарищ комиссар, — сказал тот же голос. — Стало быть, улицу охраняем. — Патрульный подвинулся, чтобы поближе разглядеть комиссара.

Теперь и Бахтуров увидел почти вплотную молодое лицо.

— Давно заступили в наряд? — спросил он.

— С двух часов, товарищ комиссар.

— Поди, спать хочется?

— А нам хоть двое суток не спать, только бы скорее до гадов добраться. Они тут покомандовали. Как есть все ограбили.

— Вы что, старый боец?

— Так точно. Я с Семеном Михайловичем, стало быть, вместе с восемнадцатого года воюю.

— Как ваша фамилия?

— Харламов, товарищ комиссар.

— Ну, как у вас кони, товарищ Харламов?

— В полном порядке. Шипы как есть всем ввернули.

Теперь поскользаться не будут. В общем, к бою готовы, товарищ комиссар.

— Факт! — ввернул из темноты чей-то голос. — Бойцы рвутся в бой.

— Это кто говорит?

— Лекпом второго эскадрона, товарищ военкомдив! — бойко сказал в ответ голос.

— Следовательно, к бою готовы, — сказал Бахтуров. — Иначе и быть не может. Это, товарищи, будет последний и решительный бой.

— Так и в «Интернационале» поется, — подхватил подошедший сбоку Аниська.

— А новые бойцы? — спросил Бахтуров. — Как их настроение?

— Трудно сказать, товарищ комиссар, — ответил Харламов. — Стало быть, в бою мы их не видали. Не знаем.

— Товарищ военкомдив, не найдется ли у вас закурить? — попросил Кузьмич. — А то с вечера не куривши.

Бахтуров сунул руку в карман, достал кисет и подал его лекпому.

Брезжил рассвет. Уже были видны головы и хвосты стоявших вдоль плетня лошадей. Уборка заканчивалась.

— Благодарствую, товарищ военкомдив, — сказал Кузьмич, отдавая кисет. — А то, факт, вконец прокурился.

Со стороны стремительно надвинулась небольшая фигурка, и бойкий женский голос заговорил:

— Ой, мамыньки! Кузьмич! А я обыскалась! Вас ищут, ищут, а он, эва, где лясы точит! Идите живо до врача! Вот всыплет он вам кузькину мать!

— Не шуми, не шуми, Авдотья Семеновна, — вразумительно загудел лекпом. — Видишь, разговариваем, — он кивнул на бойцов. — Надо соображение мыслей иметь.

— Здрасте! Да идите же вы наконец! Там бутыль со спиртом разбили. Врач осерчал — нет спасенья. Говорит: «Как только в Крым придем, первым делом Кузьмича на губу!»

— Ну ладно, будет!

— Кто будит, тот сам рано встает. Идите скорей!

— Дуська, ты разве не видишь? — шепнул ей Аниська. — Гляди, кто стоит.

— Ой, мамыньки! — Дуська всплеснула руками. — Товарищ комиссар! А я ж в темноте вас не узнала. Виновата. Извините, пожалуйста.

— Ничего, ничего, — сказал Бахтуров, сдерживая улыбку. — Так как же у вас бутыль-то разбили?

— Конь ее мордой разбил. Она ж в тачанке лежала. Ну, конь ее пихнул и разбил. Пьяный лежит.

— Пьяный? Кто пьяный?

— Конь. Сена мокрого нажевался и захмелел.

— Правильно, — подтвердил Харламов. — Кони это дело любят. У нас, стало быть, такой случай произошел еще в германскую войну, как по Галиции шли.

В редеющей мгле раздался визг подравшихся лошадей.

— Ребята, что это вы делаете? Кто там коней пораспустил? Ну как вы, ей-богу, не понимаете? — сердито закричал простуженный голос. — А ну, айда на водопой!

Бахтуров докурил папиросу, притушил ее ногой и, пожелав конармейцам полной удачи в предстоящем бою, направился в штаб. Светало. Навстречу ему выходил из боковой улицы какой-то обоз. Подойдя ближе, Бахтуров увидел бесконечную вереницу тачанок. На каждой сидело по нескольку странно одетых вооруженных людей. Рядом с тачанками ехало множество конных.

— Какой части, товарищи? — спросил Бахтуров.

— Небесная кавалерия — даешь, берешь, огребаешь! — с насмешливой грубостью отвечал ехавший впереди невзрачный всадник в офицерской бекеше.

Эх, яблочко да с цветочками,
Едет батько Махно да с сыночками! —

добавил всадник в бобровой шапке.

По тачанкам пронесся хохот.

— Ловко отбрил! — усмехнулся сидевший в тачанке лохматый человек с прозрачно-бледным лицом актера-пропойцы.

«Махновцы!» — решил Бахтуров.

Так оно и было. Сам Махно, сославшись на нездоровье, остался в тылу. Он слышал, что у белых на Перекопе много артиллерии. Это обстоятельство и послу-

жило причиной его внезапной болезни. Колонну вел его помощник Каретников. Он-то и ответил на вопрос Бахтурова и теперь, оглядываясь на военкома, шептал что-то ехавшему рядом с ним Щусю.

Выступив в восемь часов утра из Каховки, 11-я дивизия двигалась к селу Агайман.

Была пройдена почти половина пути. Хорошая с утра погода к полудню сменилась метелью. Ледяной ветер кружил в степи снежные вихри, с воем и свистом неистово хлестал по колонне и злой колючей крупой бил в лица бойцов.

Впереди, на белом покрове степи, едва заметными черными точками мелькали дозорные.

Вихров, ехавший на своем обычном месте позади Ивана Ильича, тер замерзшие уши и ерзал по седлу, чувствуя, как сухой снег, словно белые колючие искры, летел в глаза и обжигал воспаленное лицо. На ночлеге в Каховке Харламов достал где-то стеганый ватник и принес его командиру, но Вихров отказался от ватника и теперь, ругая себя за отказ, мерз отчаянно. Ему казалось, что ледяной обруч все сильнее сжимал его голову, а встречный ветер продувал до самых костей. «А ведь так я, пожалуй, замерзну, — подумал он. — И зачем я отказался от ватника?». Он вынул из стремян окоченевшие ноги и, пытаясь согреться, начал покачивать ими в такт хода лошади.

Позади него послышался топот. Вихров оглянулся. К нему подъехала Маринка.

— Алеша, замерз? — спросила она.

— Да нет, не очень, — отвечал он, стараясь приободриться. — А что?

— Не скромничай. Смотри, какой ветер! На, надень, — предложила она, подавая башлык.

— Где ты взяла?

— Митя, как на курсы уезжал, мне оставил.

— Ну спасибо, Мариночка, — поблагодарил Вихров, принимая башлык.

Впереди показались разбросанные в степи постройки какого-то хутора.

По рядам прошло оживление: из головы колонны передали приказ становиться на большой привал.

Несмотря на конец октября, в Севастополе стоял теплый солнечный день. Синий простор моря, уходя в глубину и раздаваясь все шире, сливался у горизонта с бездонно голубым куполом неба. Солнце отражалось в воде, и казалось, в набегавшую зыбь сыпались золотистые блестки.

На бульваре, где играл военный оркестр, медленно двигались навстречу друг другу вереницы людей. Над толпой плыл целый цветник летних зонтиков.

Тут же за столиком летнего кафе сидели два офицера. Один из них, полный полковник в белой черкеске, то и дело вытиравший платком потное лицо и лысую голову, скользил взглядом по пестрой, звенящей шпорами нарядной толпе. Другой, войсковой старшина *, в английском френче с большими карманами, тоже не старый еще человек с подслеповатыми, как у крота, крошечными темными глазками, наблюдал двух английских морских офицеров, которые, безмолвно презирая всех и все, с высокомерным видом приканчивали вторую бутылку мартеля.

Лакеи-татары, мелькая черными фалдами, бесшумно сновали между столами.

— Ты только погляди, Григорий Назарыч, — зашептал войсковой старшина, потянувшись к полковнику. — Третью бутылку коньяку начинают.

— Кто?

— Англичане.

— На это они мастера, — сказал полковник, оглядываясь. — А ты что же не пьешь, Крот? — спросил он, величая приятеля по кличке, полученной им еще в корпусе, где они когда-то вместе учились. Полковник налил рюмки. — Ах, канальство! — продолжал он, глядя на текущую мимо толпу. — Ты только посмотри, сколько блеску! Глаза разбегаются... А гвардеец-то, гляди, гляди, как вышагивает! Прямо петух, только что хвоста нет. А появись красные — один пшик, и ничего не останется. Каждый будет рад спасти свою шкуру.

— Что ты о красных заговорил? Разве на фронте так уж плохи дела? — спросил войсковой старшина.

— А что хорошего? Мобилизация-то провалилась.

— Совсем?

---

* Казачий офицерский чин; соответствует чину подполковника.

— Да почти. Я читал на днях в штабе донесение генерала Анциферова. Он пишет, что в Ново-Алексеевке из двухсот семи мобилизованных крестьян осталось на восемнадцатое октября сто. Остальные дезертировали.

— Шомполами их! Шомполами! — зло сказал войсковой старшина. — Да я бы...

— Подожди, — перебил полковник. — Генерал Анциферов обратился к мобилизованным с речью и осудил дезертирство, сказав, что они понесут наказание. И что же? В ночь на девятнадцатое сбежало шестьдесят, а в ночь на двадцатое — остальные. И так везде. Да, пропадает, пропадает Россия...

— Н-да!.. — протянул войсковой старшина. Он прихлебнул из рюмки и посмотрел на толпу.

Там, возвышаясь над всеми на целую голову и держа под руку полную молодую даму в бриллиантах, проходил старик с окладистой седой бородой.

— Кто этот высокий? — спросил войсковой старшина.

— Прасолов. Разве не знаешь? После Морозова самый богатейший в России купец, — пояснил полковник, глядя вслед старику, снисходительно отвечавшему на заискивающие поклоны знакомых. — А эта мамзель — его содержанка. Он взял ее из «Виллы Родэ» *. А вон, гляди, Демидов — любитель прекрасного пола, — он показал на маленького щупленького старика, который, семеня тонкими ножками, шутил о чем-то с красивой девицей в розовой шляпке, поглядывая на нее снизу вверх.

— А у старикашки губа не дура, — заметил войсковой старшина, — смотри, какую подхватил.

— Все денежки делают, — сказал полковник, вздохнув. — Эх, канальство, мне бы хоть часть такого богатства!

Он аккуратно поддернул широкие рукава повыше манжет и, взяв бутылку, налил рюмки.

— Да, неплохо бы деньгу зашибить, — проговорил в раздумье войсковой старшина. — Сейчас бы они, ох, как пригодились!

— Они всегда нужны. — Полковник перегнулся через стол и быстро спросил: — Хочешь хорошо заработать?

— Гм... Странный вопрос! А кто не хочет?

Полковник вытер платком лысую голову.

---

* В дореволюционные времена аристократическое кафе в Петрограде.

— Видишь на рейде пароход возле английского крейсера? — спросил он, кивнув через плечо.

— Ну, ну?

— Это союзники прислали из Константинополя колючую проволоку. Так сказать, по моему ведомству. Да. А сегодня утром приказ — срочно возвратить все пароходы в Константинополь для погрузки тяжелой артиллерии, танков и аэропланов.

— Ну и что же?

— Вот я и думаю вернуть этот пароход неразгруженным и загнать проволоку обратно союзникам. И к черту! — сказал полковник, вытирая лицо.

Войсковой старшина, раскрыв рот, некоторое время молча смотрел на него.

— Позволь, Григорий Назарыч, я не совсем тебя понимаю, — заговорил он с сомнением. — Как же так? Проволока-то для укреплений?

— Ну и наплевать! Я еще раз тебя спрашиваю: хочешь заработать? Только ты не виляй, прямо скажи. Я это дело еще утром обдумал. Позвал тебя сюда, чтобы договориться.

Войсковой старшина с опаской пожал плечами.

— Заработать-то я хочу, но и жить тоже хочу... А ну как этакое дело да раскроется?

— Ты не бойся. — Полковник приложил руку к груди и зашептал убедительно: — Всю ответственность я беру на себя. Понимаешь? А потом, зачем стесняться? Все крадут. А чем мы хуже других? В германскую войну тоже ведь хапали, помнишь? Ну, тогда, конечно, брали по совести. Да. А сейчас посмотри, что творится: вор на воре сидит и вором погоняет. Ты послушай: ведь вряд ли представится еще такой случай. Раздобудемся валютой и в случае чего махнем за границу. Долго мы не продержимся. Здесь все насквозь прогнило. Ну как? Решено?

— Расчет валютой? — подумав, спросил войсковой старшина.

— Конечно! Я тебе и аванс дам. — Не ожидая согласия, полковник торопливо слазил в бумажник и, подавая насторожившемуся при виде денег приятелю пачку турецких лир, продолжал: — Командировку я тебе сегодня же устрою. Правда, придется дать за это коекому. И письмо напишу. В Константинополе у меня есть контрагенты. Они это сделают. И концы в воду. Да. А ты

человек представительный. И в таких делах толк понимаешь. Тебя не обманут.

— Хорошо, — сказал войсковой старшина, пряча деньги в карман.

— Пройдемся еще по одной? — с довольным видом предложил полковник. — Эх, канальство, люблю кюрасо! По-моему, лучший в мире ликер.

Он сделал глоток и, почмокав губами, вытер платком потный лоб.

Шурша ногами, толпа бесконечным потоком текла по бульвару. Дневной жар постепенно спадал. Отбрасывая косые лучи, солнце начинало садиться. Из-за гор показалось белое облачко. Оно все надувалось, росло и тянулось над бухтой, оставляя за собой перламутровый след. С севера повеяло холодом.

Кафе быстро наполнялось народом.

Громко разговаривая, вошли несколько офицеров в вишневых черкесках тонкого сукна. На их маленьких, с белым верхом, барашковых шапках были прикреплены наискось желтые ленты.

— Смотри-ка, Григорий Назарыч, — шепнул войсковой старшина, — офицеры с фронта. Это из конного корпуса генерала Барбовича. Я знаю, — он показал на офицеров, которые, двигая стульями, шумно рассаживались вокруг покрытого белой скатертью столика.

— Эй, рожа! — крикнул лакею молодой черный сотник.

— Что прикажете, господин офицер? — спросил подбежавший мелкой рысью лакей.

— Подай водки! Закуски! Одним словом, все самое лучшее. А если плохо подашь, — сотник устрашающе положил маленькую волосатую руку на эфес богато украшенной шашки, — кишки выпущу! Понял? Давай!

— Ай-яй-яй, — тихо сказал полковник, — и это офицеры русской армии. Позор! Полная деградация...

— Азиаты, — подхватил войсковой старшина. — Не пойти ли нам отсюда? Они тыловых очень не любят.

— Ничего, посидим. Все-таки я старший по чину, — успокоил полковник. Он крякнул, с достоинством расправил усы и строгими навыкате глазами оглядел сидевших в кафе.

— Послушай, Григорий Назарыч, ты знаешь подробности с нашим кубанским десантом? — спросил, помолчав, войсковой старшина.

Полковник усмехнулся.

— Как не знать! Там высадились четыре отряда: генералы Бабиев, Черепов, Назаров и Улугай. А один советский комиссар, выступая на митинге в Новороссийске, сказал: «Врангель высадил на Кубани четырех дураков, не объединив их общим командованием. Нам, — говорит, — не будет стоить больших усилий отрезать их от баз и ликвидировать». Так и получилось, — проговорил он с усмешкой.

— Откуда у тебя такие точные сведения?

— В контрразведке слыхал.

— А все-таки их хорошо встретили на Кубани!

— Кто?

— Казаки. В газетах писали. С колокольным звоном, хлебом и солью.

— Ерунда! Это для союзников писали.

В зале зашумели.

Широко раскинув руки, притопывая чувяками, обтягивавшими, как чулки, кривоватые ноги, сотник плясал. Его приятели, встав у стола, прихлопывали в ладоши.

На бледном лице сотника безумным блеском горели глаза. Потные черные волосы выбились на лоб из-под чеченки с желтой наискось лентой.

Сделав несколько кругов между столиками, он внезапно остановился и пропел с надрывом резким, срывающимся на фальцет голосом:

Желтая лента! Желтая лента!
Ты нам волнуешь кровь.
Отдайте деньги, отдайте вещи!
Мы вам дадим любовь!

Кончив петь, сотник подошел к девице в розовой шляпке и заглянул ей в глаза. Сидевший с ней старик сердито засопел.

— Господин офицер, вы держите себя непристойно,— заметил он, багровея.

— Что? Что ты сказал, старая крыса? — спросил сотник зловеще. Ноздри его гневно зашевелились. Бледное лицо исказилось. Он молча вынул револьвер.

Старик, пискнув, как мышь, с необычайной для его лет быстротой нырнул под столик. Девица истерично взвизгнула.

— Князь, успокойся! Ну что ты за человек, право? —

заговорил рыжебородый подъесаул, подходя и беря его за руку. — Ты знаешь, кто это?

— А мне наплевать!

— Да нет. Ты послушай!

— Ну?

— Это же Демидов. Известный богач.

— Вот как? Ну что ж, в таком случае пусть платит выкуп за оскорбление чести мундира. — Сотник пнул ногой старика. — Эй, ты! Курощуп! Гони сюда тысячу рублей. Иначе кишки выпущу! Слышишь?

Из-под стола протянулась пачка кредиток.

— Вот это другое дело, — весело сказал сотник, с довольным видом опуская деньги в карман. — А ну, пошли, господа! Тут, в матросской слободке, я знаю, есть хорошие бабочки. — Он направился к выходу.

Офицеры, громко разговаривая пьяными голосами, повалили за ним.

В кафе стало необычно тихо.

— Боже мой, боже мой! Что творится! — сказал в тишине чей-то голос.

— Ну, слава тебе господи, пронесло, — заметил войсковой старшина, мелко крестясь. — Черт бы побрал этих азиатов! Не подумав, зарежут. И вообще лучше с фронтовиками не связываться.

В кафе вошел высокий ротмистр. Он остановился у входа в зал и оглядывался, выбирая место, где бы присесть.

— Смотри, ротмистр Злынский, — сказал полковник. — Он в прошлом месяце ездил по поручению ставки для переговоров с атаманом Володиным...

— Здравствуйте, господа, — заговорил Злынский, подходя и пожимая протянутые ему руки. — Что это вы пьете?.. Ликер? Фу, гадость какая... Не понимаю, как можно пить подобное сладкое пойло. Послушай, любезный, — обратился он к подбежавшему по его знаку лакею. — Принеси большой графин водки, селедочку и бифштекс по-английски. Да стакан захвати... Я, полковник, извините, из рюмки больше не пью. Совсем озверел. Да и хочу сегодня напиться. С утра жажда мучит.

— С радости, ротмистр? — спросил войсковой старшина.

Злынский с досадой махнул рукой.

— Какой там! Все идет к черту, — сказал он, отодвигая стул и присаживаясь. — Позор! Безобразие! Всту-

паем в союзы с разными бандами. До чего докатились!

— А чем мы лучше бандитов? — резонно заметил полковник.

— Как вы изволили сказать?

— Посмотрели бы вы, ротмистр, что здесь только что произошло, — не отвечая на вопрос, сказал полковник. — Офицеры Барабовича ограбили Демидова на тысячу рублей.

— Знаю. Среди них есть действительно беспардонная сволочь. Грабежи идут страшные.

— О чем же вы договорились с атаманом Володиным? — спросил полковник, вынимая портсигар и раскрывая его.

— Сейчас расскажу, — отвечал Злынский, взяв предложенную ему папиросу. — Ну-с, так, — начал он, закурив. — Приезжаю в условленное место. Встречает меня фигура, пудов этак на десять. Ростом даже повыше меня. Штаны — как море. Ах, полковник, если бы вы видели физиономию этого господина! На лице написаны все семь смертных грехов. Нет, я таких еще не встречал.

— Хорош, значит! — вставил войсковой старшина.

— Я бы такого на первой осине повесил... Ну-с, так. Заходим в комнату. Вижу, накрыт большой стол, кувертов на тридцать. Сидят какие-то странные личности. Меня, конечно, на почетное место, рядом с Володиным. Выпили, закусили. И все, понимаете, такие тонкие вина. Не знаю, где он их награбил. Я спрашиваю: «Атаман, а где же ваши войска?» — «А вот, — говорит, — поглядите в окно». Я посмотрел. Стоят сотни три человек. Сплошной сброд. Золоторотцы. А рожи! У Каиновых детей были лучше. А он спрашивает: «Ну как, ротмистр? Правда, хороши ребята? Прямо королевские мушкетеры».

Полковник захохотал.

— Ну-с, — продолжал Злынский, наливая водку в стакан. — Тогда я спрашиваю: «Это что, атаман, вся ваша армия?» — «Нет, зачем, — говорит. — Я смогу использовать «Объединенную организацию дезертиров». Да, да, — подтвердил Злынский, видя, что полковник опять надулся от смеха. — Представьте себе, существует и такая организация. Я выяснил. Десять тысяч человек. Дезертиры всех мастей. Белые, зеленые, красные. Их там зовут камышатниками. В днепровских плавнях сидят... Потом атаман поинтересовался, на каких основаниях генерал Врангель желает вступить с ним в союз. В общем

деньгами будет платить или отчислять процент от добычи. Да, так и сказал — от добычи. Я спрашиваю, а как бы он хотел? Атаман отвечает, что его бы очень устроило, если бы захваченные у большевиков города отдавались ему на два дня на полное усмотрение.

— Усмотрение... Читай — разграбление, — пояснил полковник, смеясь. — Ну и что же?

— Да, — сказал Злынский, пережевывая кусок бифштекса. — На это я заявил атаману, что доложу по начальству о всех его пожеланиях. Он поднимает тост за меня и говорит: «Выпороть адъютанта!» Тут два дюжих верзилы подхватывают под руки сидящего за столом мальчишку-адъютанта и волокут во двор. Володин тоже выходит. Я спрашиваю соседа, в чем провинился адъютант. А он говорит: «У нас, господин ротмистр, существует правило: после каждого тоста пороть адъютанта. Всех адъютантов семь человек. Вот и порют по очереди».

— Ну и нравы! — заметил войсковой старшина, покачав головой. — Это же чистейший садизм!.. Ну, дальше?

— Атаман вернулся в самом прекрасном расположении духа и тут же поднял тост за главнокомандующего, пожелав ему поскорее стать государем-императором. И тут вдруг поднимается из-за стола этакая фигура в шапке со шлыком и говорит: «Я не буду пить за государя-императора. Я представитель самостийной Украины и нахожусь здесь как дипломат». А Володин говорит: «В таком случае выпороть дипломата!»

— Ну и как? Выпороли? — спросил полковник.

— Отбивался. Кричал. Но все-таки выдрали. И не плеткой, как адъютанта, а шомполами. В общем, отшомполовали как полагается. Сто штук всыпали. Чему я был чрезвычайно рад. Для меня и большевики и самостийники одним миром мазаны, — заключил Злынский, злобно стукнув кулаком по столу.

— Ну и как же, ротмистр, начальство решило с атаманом Володиным? — спросил войсковой старшина.

— Согласились с его предложениями. Говорят, несколько дней тому назад ему послан приказ отойти к Перекопу на формирование.

— А как настроение на фронте? — поинтересовался полковник.

— Да как вам сказать? Мобилизованные перебегают к красным целыми пачками. А офицерские полки дерут-

ся хорошо. Вот еще конный корпус генерала Барбовича, в нем преимущественно добровольцы. Эти будут драться до последнего человека. Рубаки отчаянные. А настроение на три с минусом. Да. Фронт в большой обиде на тыл. Ведь тут, в тылу, окопалось по меньшей мере шестьдесят процентов офицеров. И никак не выгонишь!

— Да. Это вы правильно говорите, — сказал войсковой старшина.

В кафе снова послышались взволнованные голоса. Девица в розовой шляпке завизжала от ужаса.

Злынский оглянулся. Вокруг только что вошедшего капитана толпились офицеры.

Пройдя послушать, о чем говорят, Злынский возвратился к столу с побледневшим лицом.

— Господа, слышали новость? — сказал он вполголоса. — Буденный переправился через Днепр у Каховки и быстрым маршем движется к Перекопу.

Полковник ахнул.

— Откуда вы это узнали? — спросил он, бледнея.

— Ставкой только что получено донесение от генерала Барбовича...

3

Закончив привал, 11-я дивизия побригадно двинулась с трех направлений к селу Агайман. Метель давно прекратилась. С юга подул теплый ветер, и под копытами лошадей хлюпала вода.

Прошли уже около пятнадцати верст, когда с той стороны, где на пылающем фоне заката чернел силуэт ветряной мельницы, донесся винтовочный выстрел.

— Смотрите, товарищ командир, наши поскакали, — показал Харламов.

Вихров увидел, как двигавшийся впереди головной отряд, развертываясь к бою, быстро скрылся в низине. Оттуда навстречу бригадной колонне показался всадник. Он приближался, то пропадая среди холмов, то вновь появляясь. Подскочив к комбригу Колпакову, всадник остановил лошадь и приложил руку к кубанке, что-то докладывая. В голове колонны плавно тронули рысью.

Преодолев широкую балку, бригада вышла на ровное поле. Там, в полуверсте, виднелись крытые соломой бе-

лые хатки Агаймана. С окраины, где перебегали какие-то люди, доносились частые выстрелы.

Колпаков, пришпорив вороного жеребца, выехал перед строем и махнул шашкой в стороны.

— Строй фронт, марш!.. В атаку! Ура! — подхватили на разные голоса полковые и эскадронные командиры, увидев, как рука Колпакова, показывая направление атаки, вместе с обнаженной шашкой упала вперед...

Кузьмич одним из последних ворвался в Агайман. Всюду во дворах слышались крики и выстрелы. Заглянув через плетень, он увидел, как два солдата в черных погонах — корниловцы — суетливо запрягали серых лошадей в экипаж. Третий, согнувшись под тяжестью, нес на спине большой окованный жестью сундук. Кузьмич оглянулся, но вблизи никого не было. Тогда, несмотря на то, что ноги его выбивали в стременах мелкую дрожь, он с шашкой в руке въехал во двор.

— Бросай оружие! — не своим голосом крикнул Кузьмич на солдата, который, оставив лошадей, целил в него из винтовки.

Грянул выстрел. Кузьмич поклонился свистнувшей пуле. Но тут, огромным прыжком махнув через плетень, с криком «даешь!» во двор вскочил Дерпа.

— Ну и ловок, черт его забодай! — вслух подумал Кузьмич, увидя, как Дерпа тремя ловкими ударами меча расправился с белогвардейцами...

Скоротечный бой закончился. Конармейцы хлопотали вокруг отбитых подвод. Проводили захваченных лошадей. По улице гнали большую толпу пленных.

— Федор Кузьмич! — окликнул Климов приятеля, который все еще не мог прийти в себя от пережитой опасности. — А я вас ищу. Куда это вы запропали?

— Да тут было Дерпу убили, — заговорил Кузьмич, овладевая собой. — Он хотел кадетский штаб захватить. Они уже в фаэтоны грузились. Ну, значит, он въехал во двор, а они по нему — бац! Тут я, факт, на помощь бросился. Двоих зарубил, третьего насквозь шашкой проткнул. Хорошо, что вовремя успел, а то бы ему карачун!

Трубач с осуждающим видом покачал головой.

— Напрасно вы так рискуете, Федор Кузьмич, — сказал он укоризненно. — Ваше дело раненым помощь оказывать, а не в атаку кидаться.

— Никак не мог утерпеть, Василий Прокопыч. Това-

рищ погибает, а я что же, буду смотреть? Разве можно?.. Что это так быстро кончился бой? — Лекпом огляделся. — Мы на тылы, что ли, напали?

— Совершенно верно, тылы. Штабы и обозы, — подтвердил Климов. — Я слышал, комбриг Колпаков говорил, белые нас отсюда не ждали. У них фронт был на север. Туда пошла вторая бригада... Федор Кузьмич, давайте в хату зайдем. Совсем замерз! — предложил трубач.

Они спешились, вошли во двор и, привязав лошадей у телеги, направились в хату.

Курносый мальчишка лет трех, в белой рубашке до пяток, при виде их скрестил на груди руки и, выставив босую ногу, важно сказал:

— Даешь, бабка, сметаны!

— Ай да пацан! Умно рассуждает! — сказал, смеясь, Климов.

— А как ему не рассуждать? — охая и покачивая головой, заговорила баба в платке. — Только и слышит: «Давай». То один бежит, то другой... Спасибо вам, товарищи, хоть выбили их. У меня стояли самые окаянные люди. А хуже их нет, как с желтыми лентами на шапках. От них, бывало, только и слышишь: «Даешь! Кишки выпущу!» И господа бога, и Христа, и богородицу нехорошо поминали. Срам слушать! Вредные люди.

Из-за занавески послышался стон.

— Это что, больные у вас? — поинтересовался Кузьмич.

— Дочка моя. Умом тронулась. Эти, с желтыми лентами, прошлый месяц ее обесчестили. Так с тех пор и лежит. То смеется, то плачет... Нет ли у вас, товарищи, доктора?

— Доктор, хозяюшка, есть, — сказал Кузьмич. — И даже очень хороший...

— Стойте-ка, Федор Кузьмич, — оборвал его Климов.

На улице показались всадники. Один из них скакал, почти лежа на седле, охватив руками шею лошади. Кровь лила из разрубленной до подбородка щеки.

— Это кто же такие? — спросил тревожно Кузьмич.

— Вторая бригада. Разве не видите? — ответил трубач. — Вон комбриг Коробков Василий Васильич, — показывал он на всадника с пухлым, красным от гнева старым лицом, который, держа у стремени обнаженную

шашку, что-то оживленно говорил ехавшему рядом с ним командиру в серой папахе.

— А ну давайте по ко́ням, Федор Кузьмич. Видно, что-то случилось, — предложил Климов.

Сказав хозяйке, что еще вернутся, они быстро вышли из хаты.

Улица наполнялась скачущей конницей. У окраины села бойцы спешивались, передавали лошадей коноводам и быстро занимали рубеж обороны.

Коробков, стоя у колокольни, отдавал приказы штабным ординарцам. Его обычно спокойное лицо выражало тревогу.

— Ты что шумишь, Василий Васильич? — спросил, подъезжая к нему, командир первой бригады Колпаков, высокий худой человек с щетинистыми усами на тронутом оспой лице.

— Как что? — сердито закричал Василий Васильевич, показывая пожелтевшие, но еще крепкие зубы. — Барбович, прах его возьми, всем корпусом сюда идет. Разъезд у меня порубил! Вон он. Версты не будет. Давай высылай свою батарею. Моя уже на позиции. Встретим его беглым огнем...

Быстро темнело. Но с пригорка, на котором остановились оба комбрига, еще были видны двигавшиеся в степи черные колонны белогвардейцев.

От Агаймана ударили легкие пушки. Грохот покатился в сумрачном небе. Там, вспыхивая красными звездочками, рвалась шрапнель.

— Навряд ли он в атаку пойдет, — сказал Коробков.

— Почему ты так думаешь, Василий Васильич?

— Темно. А вдруг здесь вся Конная армия? Он же не знает...

Коробков не ошибся в своем предположении. Белые — это действительно были передовые части отходившего в Крым конного корпуса генерала Барбовича, — выходя из-под обстрела, быстро исчезали во мраке.

Положив руку на эфес отделанной серебром кубанской шашки, Коробков сидел против Морозова и, поглядывая то на него, то на Бахтурова, докладывал о схватке с противником. Тут же находился и Колпаков, гревший спину у жарко натопленной печки.

— Но все же почему ты отступил? — перебивая Коробкова, спросил Морозов сердито.

— А как же иначе, Федор Максимыч? Я только подхожу с бригадой до этой... как ее... до Торгаевки, вижу — колонна. Я в атаку. Только пошли, гляжу — и справа и слева выходят колонны. Они же меня с землей бы смешали, прах их возьми! Тысяч шесть. Шутка сказать! А у меня в бригаде восемьсот сабель. Я и отошел на Агайман. Зачем зря людей в трату давать?

— Он правильно сделал, — заметил Бахтуров.

— При таком положении правильно, — согласился Морозов.

В комнату вошел начальник штаба дивизии Злобин, высокий плечистый человек, с коротко подбритыми усами на смуглом лице. Вынув из кармана платок, он протер запотевшее пенсне и присел на лавку рядом с Бахтуровым.

— Ну как? — спросил Морозов, переводя глаза на него.

— Пленных допросил, Федор Максимыч, — приятным баритоном заговорил Злобин, оглядываясь на Бахтурова и поправляя пенсне. — В районе Торгаевка — Серогозы сосредоточена ударная группа войск Врангеля. — Он вынул из кармана записную книжку и, заглянув в нее, продолжал: — Здесь находятся лучшие части белых: первая и вторая кавалерийские дивизии, кубанская дивизия, дроздовская пехотная и терско-астраханская конная бригады. Всего до семи тысяч сабель и четырех тысяч штыков. В конном корпусе Барбовича есть много бронемашин. Командует группой генерал Кутепов.

— Все? — спросил Бахтуров.

— Нет, Павел Васильевич, — отвечал Злобин, быстро взглянув на него. — По заявлению захваченных в плен офицеров, Врангель пришел к решению: «Перед отходом в Крым принять бой в северной Таврии».

— Ну, значит, повоюем, — сказал Морозов. — Начальник штаба, какие у тебя предложения?

— В первую очередь надо связаться с шестой дивизией для координации действий, — сказал Злобин. — Согласно приказу она должна находиться в районе Успенская — Сысоево — Ново-Репьевка. Остальные дивизии вряд ли смогут оказать нам поддержку. Они находятся в движении: четвертая на Громовку, четырнадцатая на Ново-Покровку, а полевой штаб армии с Особой брига-

дой на Асканию-Нову. Все эти пункты на сорок-пятьдесят верст к югу от нас.

— Короче говоря, мы должны принять на себя удар основной группы Врангеля, — заключил Бахтуров.

— А поэтому мы ударим первые и разобьем его по частям, — сказал Морозов с решительным видом. Он приказал Злобину сообщить обстановку начдиву шестой с предложением координации действий и немедленно послать донесение командарму. Говоря это, Морозов не мог даже подумать, что по роковой случайности донесение не попадет в руки Буденному и его дивизии, самой малочисленной, придется вступить в единоборство с сильнейшим противником.

Еще ночью с юга снова подул теплый ветер. К утру снег подтаял, и кое-где завиднелись проталины. Шлепая по лужам, лошади бежали размашистой рысью. Сизый пар вился над колонной.

Позади Морозова, сразу же за штабным эскадроном, шли батареи. Припотевшие лошади звонко забивали подковами.

Совсем рассвело. Среди разорванных туч проглянуло солнце. На снегу заискрились золотистые блестки.

— Вон они, Федор Максимыч! — сказал Бахтуров, все время зорко смотревший вперед.

По холмам мелкими группами скакали всадники. За ними с вьющимися по ветру штандартами, блестя пиками, выходили в степь конные полки.

Морозов приказал открыть артиллерийский огонь по противнику и, сделав рукой знак, остановил лошадь. Он видел, как идущая навстречу ему кавалерийская дивизия, остановившись, спокойно выстраивала развернутый фронт.

— Ишь, сволочи, прах их возьми! Как на картине стоят! — проговорил подъехавший к Морозову Василий Васильевич.

— Чувствуют силу, вот и красуются, — подхватил Колпаков, оглянувшись на Злобина, который говорил что-то Бахтурову.

Почти одновременно и с той и с другой стороны ударили пушки. Над степью нависли клубочки разрывов.

Приняв решение, Морозов бросил обе бригады в атаку во фланг противника.

— Товарищ Злобин, — говорил он, — пошли связного

в третью бригаду. Пусть быстро подходит сюда и встанет в резерв вместе со штабным эскадроном...

Взяв бригаду, Колпаков повел ее на сближение. Его беспокоило только одно обстоятельство: выдержат ли атаку молодые бойцы, впервые принимавшие участие в деле? Поэтому он еще перед выступлением, по мысли Бахтурова, приказал командирам полков так перемешать молодых, чтобы в каждом ряду был и старый боец.

«Ничего, — думал он, — ребята хоть и молодые, но, видно, хорошие. И мы когда-то были такими, а славно дрались».

Повернувшись к бригаде, он подал команду. Полки перешли с рыси в галоп. Задрожала земля. Громкий крик потряс воздух.

Впереди лежала холмистая степь. По ней с топотом, храпом и бряцаньем оружия бурей мчались навстречу две массы всадников.

«Вторая бригада уже атакует! Молодец Василий Васильевич», — подумал Колпаков, выпуская во весь мах жеребца и видя, что вторая бригада уже врубилась в противника. Это была его последняя мысль. Из-за холма почти в упор грянула пушка, и мгновенная смерть выбила его из седла. В рядах произошло замешательство. Молодые бойцы начали повертывать лошадей.

— Товарищи! — звонко закричала Маринка, заставив свою лошадь в несколько прыжков вынести ее перед строем. — Товарищи! Отомстим за командира! Вперед!

Бойцы яростно ударили во фланг белогвардейцам, сбили их и погнали. Часть белых метнулась в сторону, рассыпаясь между скирдами сена, но пулеметчики 62-го полка на всем скаку повернули тачанки, открыв по белым пулеметный огонь.

Бой разыгрывался на всем расстоянии между Агайманом и хутором Рождественским. Третья бригада, брошенная Морозовым в бой как раз в ту минуту, когда белые, двинув резервы, начали одерживать верх, нанесла удар по центру подходившей колонны и, опрокинув белогвардейцев, погнала их по степи.

Выведенная в резерв первая бригада спешилась в лощине за командным пунктом Морозова.

— Нет, брат, так не годится, — стыдил Харламов молодого бойца.— Увидел кадетов — и сразу бежать? Разве ты не знаешь, в какой части служишь? У нас бегать не полагается. У нас котелки снимают за подобные дела.

— Страшно, товарищ Харламов! — сказал боец, с опаской взглянув в суровое лицо казака.

— Страшно? А ты думаешь, мне не страшно? Стало быть, всем нам текать? А кто будет драться?.. Ты гляди, парень, как в атаку пойдем, держись подле меня. Да посматривай, как я буду рубить, и сам так рубай. Увидишь белого — распались на него со всей злостью. Представь, что видишь самого последнего гада. И если его не срубишь, то он тебя срубит. Понял, миляга?

— Понял, товарищ Харламов.

— Ну смотри! Видел, как старые буденновцы отчаянно рубали? А сестра наша Маринка? Женского сословья, а первая бросилась!

Со стороны послышались крики. Харламов поднял голову. Размахивая шашкой, Сидоркин вопил во весь голос:

— Братва! Давай сюда! Быстро! Архангелов в плен забрал!

Дело в том, что Сидоркин, придерживаясь своего постоянного правила: «поменьше опасности, побольше поживы», рыская в тылу по степи, обнаружил в балке человек двадцать белогвардейцев. Определив в них по белым лошадям полковых трубачей, он, воинственно потрясая шашкой над головой, звал на помощь бойцов.

— Что он там расшумелся? — спросил Ладыгин, оглядываясь.

— Говорит, трубачей в плен забрал, — сказал Ильвачев.

— Трубачей? А ну, Вихров, съезди посмотри. Может быть, и верно, — сказал Иван Ильич с несколько недоверчивым видом.

— Архангелы! Рубай их, братва! — радостно завопил Сидоркин, увидя, что Вихров с несколькими бойцами приближался к нему.

Впереди спешенных трубачей, настороженно посматривая на красноармейцев, стоял высокий капельмейстер со старческим бритым лицом.

— Это я их захватил, товарищ командир, — самодовольно заявил Сидоркин Вихрову. — Хотел порубить. А потом думаю, нет, одному не управиться.

Он был уже в новых добротных сапогах, успев с молниеносной быстротой содрать их со старика сигналиста (свои лакированные Сидоркин предусмотрительно оставил в обозе), и теперь, поглядывая на трубачей как на свою собственность, он мысленно оценивал их новенькие

полушубки, штаны, сапоги и фуражки с краповым верхом, прикидывая в уме, сколько можно было бы взять за все это имущество.

— Кто у вас старший? — спросил строго Вихров.

Капельмейстер передал лошадь трубачу-сигналисту, вытянулся и приложил чуть дрожавшую руку к фуражке.

— Хор трубачей семьдесят девятого Балашовского имени генерала Мамонтова полка добровольно передает себя в распоряжение Красной Армии, — доложил он, не опуская руки...

К двум часам бой откатился к хутору Рождественскому. Все это время в степи слышались конский топот, крики, орудийные выстрелы. Истекая кровью, 11-я дивизия сдерживала бешеный натиск врага. Но обстановка складывалась неблагоприятно для Морозова. Посыльные, еще с рассветом отправленные по его приказу в 6-ю дивизию, разыскали ее с большим опозданием и только недавно примчались в Ново-Репьевку с сообщением о тяжелом положении Морозова. Городовиков, к этому времени возвратившийся в Конную армию и принявший 6-ю дивизию, узнав, что товарищ попал в беду, поднял полки по тревоге. Спустя некоторое время он быстрым маршем двинулся на Агайман...

Атаковав и рассеяв дивизию противника, Морозов думал, что остальные части ударной группы Кутепова направились другой дорогой. Он ошибался. Ему предстояло выдержать атаку всего конного корпуса генерала Барбовича.

Морозов вместе с Бахтуровым стоял на своем новом наблюдательном пункте близ хутора и оглядывал местность.

— Да, жаль Колпакова. Такого командира потеряли! — говорил Бахтуров. — Не дожил до полной победы... Помнишь, Федор Максимыч, все собирался поехать учиться на старости лет?

— А что? — Морозов быстро взглянул на комиссара. — И я, как кончим войну, поеду в академию. Товарищ Ворошилов обещал.

— Учиться — дело хорошее, — подтвердил Бахтуров. — Всем нам надо учиться. С неграмотными коммунизм не построишь. Большая наука нужна... Постой, что

это? — Он показал вправо, где почти на самом горизонте неясно шевелилась бурая масса войск.

Морозов поднял бинокль к глазам. Бросив взгляд на него, Бахтуров увидел, как на сухощавом лице начдива проступали красные пятна.

— Что там? — спросил Бахтуров.

— Белые. Валом валят...

Только теперь в степь выходили главные силы генерала Барбовича. Но Морозов, посоветовавшись с Бахтуровым, и на этот раз решил, не дожидаясь подхода Городовикова, броситься в атаку. Да другого выхода и не было. Дивизия, получившая приказ не пропускать белых в Крым, стояла насмерть.

Первая бригада, двинутая в лоб Барбовичу, потеснила его авангард. Не ожидая стремительной атаки буденновцев, белые смешались и начали отходить. Их замешательством воспользовались эскадроны второй и третьей бригад. Они ринулись на главные силы. Но не успела вторая бригада, шедшая впереди, пересечь лощину, отделявшую ее от противника, как ряды белых раздались и навстречу рванулись бронемашины.

— Танки! Танки! — пронесся чей-то панический голос.

Молодые бойцы, в первый раз встретившись с бронемашинами, повернули лошадей. Напрасно Василий Васильевич с багровым от гнева лицом, потрясая шашкой, что-то кричал. Ломая строй, бойцы бросились в тыл.

Увлекаемая общим потоком первая бригада, потеснившая было авангард белогвардейцев, начала отходить.

Маринка оказалась в последних рядах. Позади нее, все приближаясь, раздавался быстрый конский топот. Она оглянулась и увидела злобное, с ухарским чубом лицо. Оскалив белые зубы, казак целил пикой ей в спину. Смертельный холод объял девушку. Молнией пронеслась мысль: сейчас острая пика проколет ее, и она полетит кувырком через голову лошади! Вспомнив, что в ее револьвере оставался последний патрон, она выхватила его из кобуры и рывком повернулась. Наган дал осечку. С тоскливой надеждой Маринка посмотрела вперед. В нескольких шагах скакал Харламов.

— Степан! — отчаянно закричала Маринка.

Харламов оглянулся.

— Нажимай! — крикнул он, придерживая поводья и обходя казака с левого бока.

Маринка с силой ударила шпорами, но ее лошадь из последних сил скакала тяжелым галопом.

— Товарищ, не руби? Я донец! — пронесся отчаянный крик позади. Потом, гремя стременами, мимо нее пронеслась чужая лошадь без всадника.

Преследуемые белогвардейцами, конармейцы продолжали откатываться. Выскочившие на фланг пулеметчики быстро повернули тачанки, но не открывали огня, опасаясь поразить своих.

Все это видел Морозов с командного пункта. Он чувствовал, что еще миг — и бой будет проигран. Нужно было любой ценой остановить отступавших бойцов. Он оглянулся и спокойно подал команду:

— Штабному эскадрону по ко́ням!

Сачков, посланный Ладыгиным для связи к начдиву, въехал в эту минуту на вершину кургана и увидел, как штабной эскадрон, состоявший из отборных, украшенных шрамами нещадных сабельных рубок ветеранов-буденновцев, бравших Воронеж, дравшихся под Касторной и Львовом, тронулся с места и пошел наперерез первой бригаде, все прибавляя ходу и выпуская лошадей во весь мах.

Впереди плечом к плечу скакали Морозов и Бахтуров.

На лихом карьере, обойдя вторую бригаду с правого фланга, Морозов поднял на дыбы дончака. Покрывая все звуки, над степью зазвенел его голос:

— Стой! Орлы! Буденновцы! Дети мои! От кого бежите?! За мной! Бей белого гада!..

Бригада остановилась, повернула и с громким криком понеслась за начдивом. Все смешалось в яростной рубке. Сачков видел, как первая и третья бригады, тоже повернув, ударили по флангам белогвардейцев. Потом над дальними курганами затрепетали значки. Это были головные полки дивизии Городовикова...

Бахтуров рубился в передних рядах. Как сквозь туман, видел он искаженные смуглые лица под чеченками с желтыми наискось лентами. Он свалил несколько человек и уже вновь заносил шашку, когда совсем рядом грянул выстрел, и ему показалось, что кто-то со всего размаха ударил его в висок кулаком. «Все... конец!» — подумал он, падая с лошади.

— Комиссара убили! Бахтуров убит! — закричали бойцы...

Стиснув зубы, Харламов сеял страшные удары вокруг. Он бросал свою лошадь туда, где ожесточеннее шла руб-

ка и где колебались не привыкшие еще к рукопашному бою молодые бойцы. Он видел, как Дерпа метким ударом ссадил с лошади седого полковника и как полковничий конь, распушив хвост, мчался в степи, прыгая через кучи изрубленных тел.

Громкие крики заставили его оглянуться. Из балки на полной скорости выкатилась бронемашина. Морозов скакал вровень с ней и, клонясь на правое стремя, старался просунуть в щель ствол нагана.

— Стой! Не уйдешь! — крикнул он. — Гады! Сволочь! Такого человека убили!

Морозов не видел, как медленно поворачивался к нему тупорылый ствол пулемета и не слышал криков бойцов.

Он не успел ощутить боль — пулеметная очередь перерубила его почти пополам...

Смеркалось. Харламов ехал по изрытому копытами снегу. У развалин сгоревшего хутора знакомый голос окликнул его. К нему подъехал Кузьмич.

— Ну и баталия! Факт! Отродясь такой не видел, — сказал хрипло лекпом, покачав головой.

Он был без шапки. Ветер шевелил его волосы.

— Что вы тут делаете, товарищ доктор? — спросил Харламов.

— Дружка искал. Василия Прокопыча, — тихо ответил Кузьмич, оглядывая поле, где всюду лежали убитые люди и лошади.

— А я только сейчас видел его.

— Ну?! Значит, живой? — вскрикнул Кузьмич.

— Да. Он при командире полка... Что это у вас? — Харламов кивнул на эфес обломившейся шашки, который Кузьмич крепко сжимал правой рукой.

— Об кого-то сломал... Там такое творилось, сам не пойму, как остался живой. — Он поднял руку, посмотрел на эфес и бросил его.

— А все-таки пропустили мы их... — сказал Харламов.

— Где же такую силу сдержать? Раз в десять больше. Броневики... Пехота... — пожимая плечами, заметил Кузьмич.

— Ну ничего. Наши еще их достигнут, — сказал Харламов с твердой уверенностью.

— Думаешь.

— А как же! Шестая дивизия пошла в погоню, а четвертая и четырнадцатая стоят под Перекопом. Они себя еще покажут.

Говоря это, Харламов был прав. В этот день, 30 октября, 4-я дивизия полностью уничтожила части противника, прикрывавшие восточную часть крымских перешейков, а 14-я дивизия разгромила тылы белых и расположилась в селе Ново-Троицком, установив связь с полевым штабом армии и Особой бригадой, прибывшими в это время в Отраду.

В чистом морозном воздухе послышались далекие звуки сигнала.

— Сбор играют, — сказал Харламов. — Поедемте, Федор Кузьмич.

Они тронули рысью в сторону холмов, откуда все настойчивей доносился голос трубы...

4

Ворошилов сидел за столом в просторной хате, склонившись над развернутой картой. Буденный чистил револьвер.

В теплой тишине как-то особенно уютно тикали ходики, и ничто не напоминало о том, что вокруг шли бои.

В комнату вошел начальник полевого штаба Лецкий, сменивший уехавшего в академию Зотова. Это был коренастый человек лет сорока. Ворошилов быстро взглянул на него.

— Ну как, Григорий Иванович, от Морозова что-нибудь есть? — спросил он, с надеждой глядя на начальника штаба.

— Никак нет, — мягким голосом отвечал Лецкий. — Ни одного донесения... Обстановка до сих пор остается невыясненной.

— Семен Михайлович, меня, понимаете ли, беспокоит одно обстоятельство, — сказал Ворошилов.

— Какое? — Буденный, подняв голову, посмотрел на него.

— Что если Кутепов всей группой движется на Агайман и навалится на Морозова?

— Шестая дивизия поможет...

— Так-то оно так, понимаете ли, но ему трудно при-

дется... Плохо, очень плохо, что у нас нет точных данных о боевом составе противника. Обстановка совершенно неясна. Приходится действовать с закрытыми глазами, — произнес Ворошилов в глубокой задумчивости.

Ни он, ни Буденный не знали и пока еще не могли знать, что два бойца из летучей почты, везшие донесение Морозова, в дороге были зверски убиты махновцами.

— На Агайман Кутепов вряд ли пойдет, — сказал Лецкий, нагибаясь над картой. — Тут есть...

Сильный грохот оборвал его голос. Неподалеку от дома разорвался снаряд. Второй снаряд ударил под самыми окнами...

Когда Ворошилов, накидывая бурку, выбежал на крыльцо, отовсюду доносились крики и выстрелы.

Ординарец Шпитальный, молодой курносый боец, бегом подвел лошадей. Климент Ефремович привычно разобрал поводья, вдел ногу в стремя и ловким движением опустился в седло. Рыжая лошадь с белой меткой на лбу, переступив с ноги на ногу, легко понесла его коротким галопом к противоположной окраине леса, где уже выстраивался 2-й полк Особой бригады. Навстречу Ворошилову двигалось несколько обозных подвод. Ездовые секли кнутами по спинам лошадей, которые, вытянув шеи, неслись вскачь по улице.

— Стой! — закричал Ворошилов, наезжая грудью лошади на переднюю запряжку. — Стой! Кому говорю?

— Ка́деты!.. Обозы рубают! — выкатывая глаза из-под мерлушковой шапки, ответил чернобородый ездовой в распахнутом стеганом ватнике.

Задние подводы с грохотом подъезжали. Ездовые, узнав Ворошилова, валились всем телом назад, натягивали вожжи, с трудом останавливая испуганных лошадей.

— Ставь подводы поперек улицы! Живо! Эй, в фуражке, давай сюда! Заворачивай... Винтовки у всех есть? Стоять здесь, и ни шагу назад! А ты, — сердито крикнул Ворошилов чернобородому, — будешь за старшего. Да смотри у меня!

Он повернул лошадь и, сопутствуемый ординарцем, поскакал в направлении мельницы, куда с развернутым знаменем рысью двигался полк.

Командир полка Якимов, тот, что приютил в Грубешове Вихрова, доложил на вопрос Ворошилова, что артиллерийским обстрелом убиты три бойца и семеро ранены,

а ружейный огонь вели по белоказачьему разъезду, который тут же покинул село.

— Где противник? — спросил Ворошилов.

— Выслан боевой разъезд. Да вон они!

Три всадника выскочили на курган с мельницей, постояли, повернули и вихрем поскакали к селу. За ними вилась снежная пыль. Почти лежа на гривах лошадей, они промчались по улице и все вместе подъехали к Якимову.

— Ну что там? — спросил Ворошилов.

— Тьма! Тучей идут. А бронемашин! — сказал молодой командир в заломленной на ухо рыжей кубанке.

— Говорите военным языком! Сколько их?

— Не меньше бригады, товарищ член Реввоенсовета! — покраснев, ответил командир.

— Далеко они?

— Верст пять. Да вот от мельницы видно.

— Хорошо. Я посмотрю, — сказал Ворошилов. Он приказал Якимову следовать за ним и пустил лошадь в галоп вверх по улице.

От мельницы, за неровным полем с торчащими из снега будыльями засохших подсолнухов, открывалась сплошная равнина. В ней, извиваясь длинной бурой кишкой, рысью двигалась конница. Ворошилов простым глазом видел, как лошади часто перебирали ногами. Впереди колонны катились бронемашины.

Это была бригада князя Султан-Гирея, шедшая в авангарде Барбовича.

«Хорошо бы ударить по ним с левого фланга, — подумал Ворошилов. — Да и подступ хороший. Как там Семен Михайлович с первым полком?» Подумав это, Ворошилов решил проскочить на северо-западную окраину Отрады, где, как он предполагал, должен был находиться Буденный с 1-м полком Особой бригады. Приказав Якимову открыть артиллерийский огонь по подходившим белогвардейцам, а самому с полком оставаться на месте, Ворошилов пустил во весь мах свою рыжую лошадь.

Позади него сверкнуло пламя. Оглушительный взрыв рванул воздух. Ворошилов оглянулся на ординарца и, убедившись, что Шпитальный цел, помчался к околице.

Он проскакал уже половину пути, когда как раз в той стороне, где раньше стоял 1-й полк, показались между скирдами сена какие-то всадники. Думая, что это свои, Ворошилов направился к ним. Как вдруг его рука, словно

сама по себе, потянула поводья. Срезая наискось пологий склон поля, навстречу ему скакал смуглый всадник в бурой папахе. Урядник или простой казак, ингуш или чеченец — кто его знает, — прижав пику к правому боку, согнувшись в седле, чертом летел на него. Ворошилов рванул из кобуры маузер, но палец в толстой перчатке не проходил под скобу. Ему уже было видно рябое лицо и ощеренные в крике редкие зубы.

— Колют! Колют товарища Ворошилова! — дико закричал чей-то голос. — Ребята, нажимайте скорее! Ох, не поспеть!..

Пика с силой пронзила бурку — казак метил в живот, — и как раз в тот короткий момент, исчисляемый в долях секунды, когда должен был последовать смертельный удар, почти одновременно раздались три выстрела. Белогвардеец привскочил в седле и, выронив пику, упал на притоптанный снег.

Ворошилов оглянулся. Буденный с встревоженным выражением на суровом лице держал в руке еще дымящийся маузер. Шпитальный закидывал винтовку за спину. За ним вытягивалась колонна 1-го полка.

— Пока наша берет, Климент Ефремович! — весело сказал Буденный, показывая на уходивших галопом белоказаков, которых гнали и рубили бойцы.

— Лихо разделали! — продолжал Буденный, подъезжая. — Я только к первому полку поскакал, смотрю — белые! Я эскадрон Реввоенсовета поднял — и на них. Они вниз по улице, а тут наши обозники. Вот молодцы! Поставили подводы поперек улицы и залпом, залпом по ним!

— Семен Михайлович, с севера подходит колонна белых. Примерно бригада, — сказал Ворошилов.

— Знаю. Видел, — подтвердил Буденный. — Я приказал Якимову подтянуть полк сюда. Тут по балке хороший подступ. Ударим во фланг. Климент Ефремович, давайте проедем вперед, — предложил он, оглядываясь на быстрый конский топот.

К нему подскакал чубатый казак.

— Товарищ командующий! — заговорил он встревоженным голосом. — Командир полка товарищ Якимов убит!

— Убит?! — спросил Ворошилов, словно не веря ушам.

— Так точно. Убит. Снарядом как есть вместе с конем. Разведка доносит — белые с тыла обходят.

С южной окраины доносились частые ружейные выстрелы. Длинной строчкой выбивал пулемет...

Весь день на улицах Отрады кипела рукопашная схватка. Вначале белые добились успеха, потеснив 2-й полк и захватив в плен штаб Особой бригады и хор трубачей. Казаки Султан-Гирея разъезжали по селу с закинутыми за плечи пиками, раздевали пленных, некоторые пытались заставить трубачей играть царский гимн. Противник торжествовал. Но тут налетели Буденный и Ворошилов с 1-м полком. Отбили штаб и трубачей, перерубили сотни две белогвардейцев и погнали остальных в степь...

Темнело. С севера подходили к Отраде главные силы генерала Кутепова: пять кавалерийских и три стрелковые дивизии с бронемашинами, пушками, автопулеметными установками и артиллерийскими парками.

Теперь стало ясно: путь ударной группы Врангеля лежал через Отраду. Здесь должна была решиться участь сражения на полях северной Таврии.

В сумерках полевой штаб Конной армии вместе с Особой бригадой отошел в село Ново-Троицкое.

В ночь Реввоенсовет отдал короткий приказ: «Всем дивизиям спешно идти к Ново-Троицкому».

К полудню 1 ноября на широком плацдарме между Ново-Троицким и Рождественским собралась вся Конная армия. Заснеженные поля почернели от конницы. Над строем мягко развевались значки и знамена.

Прозвучала команда. Блеснули клинки. Сотрясая землю, полки двинулись в бой.

Барбович бросил навстречу бронемашины, но артиллеристы расстреляли их из пушек в упор. Непрерывно бомбившая авиация не могла остановить стремительного движения Конной армии. Отчаянно сопротивляясь, белые прорывались к Чонгарскому перешейку. Двадцать тысяч пленных, все бронепоезда и более сотни орудий остались в руках конармейцев.

Перед всем фронтом стояла последняя задача — добить остатки белых, укрывшиеся за укреплениями Чонгара и Перекопа.

5

Спустя несколько дней 61-й полк остановился в хуторах у Сиваша близ села Ново-Михайловского. В этот день в эскадронах в первый раз после Каховки расседлали всех лошадей. Только что окончился полковой митинг. Тихо переговариваясь, бойцы вспоминали начдива и Бахтурова. Смеркалось. За Перекопом, отражаясь в клубящихся тучах, трепетало багряное зарево. Дул легкий южный ветер. Вместе с ним доносился далекий гул канонады. Со стороны юшуньских позиций в темном небе шарили белесые стрелы прожекторов.

Вихров сидел подле Ильвачева на завалинке хаты. Тут же находились Харламов, Кузьмич и Назаров.

— Да, — говорил Харламов. — Положили свои головы дорогие товарищи, начальники наши, за народное дело. Не увидели новую жизнь!..

— Эх, жаль, и мне не дожить, — проговорил Назаров, покачав головой.

— Почему? — спросил Ильвачев.

— Старый я. Петьдесят шесть минуло.

— Ну? А, смотри, какой еще молодец! До ста лет проживешь.

— Все может быть. Моему отцу сто пятый пошел. И ничего себе, живет. Мы крепкого роду, — сказал Назаров с такими уверенными нотками в голосе, что, казалось, сразу уверился дожить до ста лет.

Они помолчали.

— Что, Саша пишет тебе? — нагибаясь к Вихрову, тихо спросил Ильвачев.

— Пишет... Пишет, что получила школу под Бородином.

— Землячки, нет ли у вас закурить? — спросил из темноты чей-то голос.

— Какого полка?

— Пятнадцатой Инзенской.

— Пехота?

— Так точно. Мы из конной разведки.

— Присаживайтесь, товарищ. Закурить найдется, — сказал Ильвачев.

Всадник слез, звякнув шашкой о стремя. Теперь оказалось, что был он невелик ростом, кряжист и имел большой чуб.

— Казак? — спросил Харламов, заглядывая глазом

знатока в бледное под неярким светом месяца, немолодое лицо.

— Так точно. Хоперцы. Верхне-Курмоярской станицы.

— Садитесь, — подвигаясь, сказал Ильвачев. — Рассказывайте, как у вас там дела.

— Ох, братцы мои, — заговорил казак, принимая от Ильвачева кисет, — такого страха натерпелся — все перед глазами мерещится! Пошла наша пехота по дну морскому, а тут ветер как подует! Как погонит воду обратно! Сначала под копыта, потом под коленки, потом под самые груди. Как ступишь в сторону от брода, так сразу с головкой. То один кричит «тону», то другой. Кто лежит в Сиваше, кто у Карповой балки.

— А говорили, я слышал, будто пехота по сухому месту прошла, — сказал Вихров, недоверчиво косясь на рассказчика.

— Так это первые полки по сухому, а как мы двинулись — ветер на берег подул, — пояснил казак.

— Ну, ну, рассказывай, — поторопил Кузьмич.

— Да... Только начали к Крыму подходить, а он нас прожекторами осветил и пошел крошить с артиллерии. У меня там товарища убили. Иванов фамилия. Такой был малый хороший. Вот мы на берег кинулись, а там проволока, заграждения. Так мы шинели поскидали, побросали на проволоку, да и по ним, значит, и перебрались. Сколько народу там положили!..

Казак застучал кремнем об огниво, высекая огонь. Искры осветили на миг его рябоватое с белым шрамом лицо.

— Ты там махновцев, часом, не видел? — поинтересовался Харламов.

— Как не видел? Я ж при штабе дивизии состою. Видел. Все время за карманы держался... Начальник штаба, товарищ Ярчевский Яков Григорьевич, часа три их уговаривал.

— Чего?

— Никак не хотели в море лезть... Да, братцы, всяких страхов нагляделся. Да и все бы ничего, а вот без воды было никак невозможно.

— Как без воды? — спросил Ильвачев.

— Да там, на берегу, нет пресной воды. Какая была в колодцах, всю сразу выпили. Войск — многие тысячи. Товарищ Фрунзе все бочки мобилизовал, воду нам

посылал. Выходило в день по кружке на брата. Тяжелое положение!

— Факт, — согласился Кузьмич. — Без воды — гиблое дело.

— А вы, товарищ, Фрунзе видели? — спросил Вихров.

— Как же! Перед наступлением он к нам в дивизию приезжал. И до чего простой человек!.. К нам, к разведчикам, заходил. Поговорил. Табачку дал... Он, говорят, в Строгановке у самого моря сидит. Третьи сутки не спит... Ну, братцы, мне пора! — сказал казак, поднимаясь. — Благодарим за угощение.

Он ловко вскочил в седло и, играя надетой на руку плетью, погнал лошадь рысью.

— Хороший человек, — заметил Харламов, посмотрев ему вслед.

— Душевный, — подтвердил Назаров. — Такого человека сразу видно.

Бойцы замолчали. Полный месяц вышел над тучей, отражаясь в спокойной глади далекого отсюда залива. Вокруг было тихо. Широкое зарево разгоралось все больше, колыхаясь и охватывая весь горизонт.

Вблизи послышались шаги.

— Командир эскадрона, — сказал Харламов, приглядываясь.

Иван Ильич подошел, оглядел сидевших и сказал:

— Друзья, поздравляю вас с победой! Наша пехота преодолела последнюю линию укреплений и ворвалась в Крым. Противник бежит. Завтра выступаем на Севастополь... Ну, кто хочет послушать приказ? — спросил он, помолчав.

— Все послушаем, командир, — сказал Ильвачев.

— Добре. Пошли в хату.

Зайдя в горницу, Иван Ильич зажег свечу и, вынув из полевой сумки приказ, прочел его вслух:

— «Приказ Революционного Военного Совета 1-й Конной армии № 95

12 ноября 1920 г., с. Громовка.

Красные орлы!

Войска барона Врангеля, не добитые нами в боях на левом берегу Днепра, укрылись на Крымском полуострове в полной уверенности, что им удастся отсидеться за естественными и искусственными укреплениями.

Царскому барону казалось, что скоро он снова возобновит свои разбойничьи набеги на Советскую республику, что его неудачи временного характера, а расстройство его армии и потери быстро ликвидируются с помощью мировой буржуазии.

Так мечтал кровавый генералитет, сидя за неприступными позициями Сиваша и искусственными сильнейшими укреплениями.

Генералы и вручившая себя их попечению буржуазия просчитались. То, что невозможно для обманутых солдат барона, стало доступно беззаветной храбрости красных воинов.

Доблестные геройские полки 51-й стрелковой дивизии при содействии стрелковой латышской дивизии, под ураганным огнем противника с моря и суши, голодные и усталые, беспрерывными штурмами овладели этой крепостью. Во время боев с 3 ноября они, прорезывая несколько линий проволочных заграждений, устилая телами своих лучших бойцов путь к победе, многочисленными атаками нанесли колоссальные потери противнику.

Сбитый пехотой, разложенный паникой, потерявший с падением этой единственно укрепленной полосы Крыма надежду на дальнейший успех своего черного дела, противник откатывается в глубь Крыма.

Среди кадрового и молодого офицерства идут раздоры и ссоры. Дисциплина и подчиненность отсутствуют.

Впереди у них гибель от нашей меткой пули и сабли, позади волны бездонного Черного моря, преграждающего путь к спасению.

Пехота блестяще выполнила возложенную на нее задачу.

Теперь дело за вами!

И вы так же славно и блестяще выполните его, как выполняли свои задачи на Дону, Кубани, в Галиции и Польше.

Республика ждет от вас уничтожения Врангеля и его банд.

Реввоенсовет: *Ворошилов,*
Буденный».

Конная армия стремительно шла по Крыму. Неприятель, не оказывая сопротивления, повсеместно сдавался. По сторонам дороги стояли покинутые пушки, зарядные

ящики с перерубленными постромками (ездовые уходили на лошадях), валялись разбитые артиллерией бронемашины, снаряды, патронные ящики. Тут и там гнали пленных...

В два перехода дойдя до Симферополя и переночевав в нем, 61-й полк в составе дивизии быстрым маршем двигался на Севастополь.

Хмурое с утра небо к полудню прояснилось. Яркое и еще горячее солнце заливало окрестности — долины, горы, зеленые рощи островерхих тополей.

— Ну и погода хороша! — сказал трубач Климов, потягиваясь.

— Факт, — согласился Кузьмич, — погода — лучше не надо... Я все же не пойму, как это Семен Михайлович было к зеленым попал? — спросил он, оглядываясь на приятеля.

— Чего же тут не понять? — возразил Климов. — Ведь мы же его выручали.

— Это-то известно. А вот как он к ним попал?

— Я знаю, — сказал Харламов, ехавший позади них. — Мне говорил Федя, ординарец Семена Михайловича. Мы с ним дружки.

— А ну, расскажи, Степан Петрович, — попросил Кузьмич.

— Так вот, — начал Харламов, выезжая из ряда и пристраиваясь к Кузьмичу. — Они с Климентом Ефремовичем, стало быть, нас обогнали на автомашине и первые заехали в Симферополь. С ними охранение — два броневика. Заходят на квартиру. Товарищ Ворошилов как прилег на кровать, так и заснул. Ведь трое суток не спали. А Семен Михайлович глянул в окно — какие-то конные ездят. Думал, наш полк. Мы первые шли. Выходит во двор, а там броневики, моторы, что ли, прочищали, шум страшный! Оказалось — зеленые. Банда капитана Орлова. Попереди сам Орлов. На носу эти... как их?..

— Пенсне? — предположил Кузьмич.

— Вет, вот! Пензе. А сам поперед себя держит вот этакий «Смит и Вессон».

Харламов бросил повод и широко развел руки, показывая размер револьвера.

— Это что — «Смит и Вессон»? — спросил Кузьмич.

— Револьвер такой. Старинный. Американский... Да.

Только Семен Михайлович спросил: «Какой части?» — а они его окружили и повели. Он хотел крикнуть на помощь, да за броневиками голоса не слыхать. Вот он идет и думает: «Есть в стволе патрон или нет?» У него в кармане маузер лежал. Думал, думал, вспомнил — есть патрон!.. Только выходят к переулку — навстречу конные. Один посмотрел и говорит: «Это Буденный. Я его знаю. Рубите его!» А другой: «Пусть покажет документы». Семен Михайлович что-то им подает. Они смотрят — золотые часы! И давай драться. Каждый хочет себе.

— Ишь как ловко сообразил! — заметил Кузьмич.

— Да. Начали они драку и на Семена Михайловича не смотрят. А он рванулся, отбежал в сторону, выхватил маузер — и «бац! бац!» по ним. Они в панику, а тут мы и подоспели.

— Ну а часы?

— Часы? Часы нашли и вернули Семену Михайловичу.

— Да, вот это человек, — сказал Климов. — Из какого хочешь положения выйдет.

Они помолчали.

В стороне, у подножия пожелтевших холмов, показались пулеметные тачанки. Они быстро мелькали, поднимая за собой рыжий столб пыли.

— Это кто же такие? Махновцы? — недоумевая, предположил Климов.

— Наши. Махно на Феодосию пошел, — пояснил Харламов. — Раскаялся, говорят, грехи замаливает.

Колонна остановилась. Впереди начали спешиваться. Полк располагался на привал.

— Гляди, братва, казаки! — показывал Назаров на пленных, сидевших неподалеку.

Придерживая шашку, он подошел к ним.

— Чтой-то вы, станичники, вроде на себя непохожие? — заговорил он язвительным тоном, встречая на себе хмурые взгляды. — И френчи у вас вроде не наши. И пуговицы вон со львами. И сапоги со шнурками... Всего и звания казачьего фуражка с околышем!.. Скажите, гады, за сколько Антанте попродавались? — глухо спросил он, подступая.

— Мобилизованные мы, — мрачно ответил носатый урядник.

— Сукины дети вы! Вот кто! — вскрикнул Назаров. — Антантовы сынки! Против народа пошли, такие-разэдакие!

— Ты что, гад, смеешься? — спросил пожилой казак с давно не бритым черным лицом. — Ты не смейся, а расстреляй!

— Мы пленных не расстреливаем. А тебя всегда успеем, — сказал Назаров, оглядываясь на подошедшего Леонова.

— Стреляй! — закричал казак, поднимаясь и раздирая на груди гимнастерку. — Продали!.. Пропили нас генералы... Обманули, а сами убежали! — кричал казак. Он упал и забился. Пена выступила у него на губах.

— Оставь его! Видишь, припадочный, — сказал Леонов. — Ну его к черту!..

Назаров выругался, трясущимися руками стал свертывать папироску.

— Что это с ним? — спросил Леонов, показывая на пожилого казака, который, сидя под кустиком, беспрерывно крутил кулаком около уха.

— Контуженный он, — пояснил носатый урядник.

В глубине дороги послышались, все приближаясь, крики «ура». Показались две автомашины, сопровождаемые броневиками. В передней машине сидел рядом с шофером плечистый человек. Сдвинутая на затылок папаха открывала его мягкого овала красивое лицо с большим лбом. Во второй машине ехали Ворошилов и Буденный.

— Ура-а-а!.. — кричали бойцы, размахивая руками, бросая вверх шапки.

— Кто это в передней машине проехал? — спросил подслеповатый Кузьмич.

— Командующий фронтом. Товарищ Фрунзе, — отвечал Климов, глядя вслед броневикам, которые скрывались за поворотом дороги...

Спустя часа два Фрунзе, Ворошилов и Буденный вышли из автомобилей у памятника адмиралу Нахимову. Все вокруг было забито военным имуществом, снарядами, тюками и ящиками. В стороне стояли два подорванных танка. Тут же лежал самовар с продавленным боком. Понуро ходили сотни подседланных лошадей. Около пристани стояли и сидели какие-то люди в военной форме без погон.

На горизонте чернели дымки пароходов.

— Жаль, что у нас нет флота, — глядя вдаль, сказал Фрунзе. — Мы бы их отсюда не выпустили.

Поднимая мелкую зыбь, тихо плескалось море. Ничто не говорило о том, что всего несколько часов тому назад люди лезли по трапам на пароходы, крича, сшибая и хватая один другого за горло...

Полковник и войсковой старшина, не успевшие эвакуироваться, сидели рядышком на чайном ящике и, опустив головы, покорно ждали развязки. Оба заранее сорвали погоны и надеялись, что теперь, может быть, смогут сойти за военных чиновников.

— Григорий Назарыч, ты посмотри, видно, начальство приехало, кто это с усами стоит? Буденный или сам Фрунзе?

— А! — полковник с досадой махнул рукой. — Хрен не слаще редьки! Не все ли равно, кто меня расстреляет?.. Эх, канальство! И как это у меня рука не поднялась застрелиться?.. Вот Злынский — это решительный человек. Когда тебя еще не было, он сам всех расстреливал.

— За что? — покачнувшись, изумился войсковой старшина.

— Да не «за что», а тех, кто не попал на пароход и не пожелал сдаться большевикам. Они выстраивались шеренгами по семи человек, а он стрелял им в лоб из нагана. Потом сам застрелился... Эх, а все-таки жаль умирать!.. Помрешь ни за что ни про что! А там, в Константинополе, мои молодчики проволокой-то попользуются. Они такой куш не упустят! — вздохнув, вспомнил полковник.

— Ты, Григорий Назарыч, не предавайся отчаянию, — ободрил войсковой старшина. — Может быть, нас и помилуют. Прямого участия в войне мы не принимали. Люди мы порядочные. Во всяком случае, сможем им пригодиться, хотя бы по хозяйственной части. Как думаешь? А?

— Встать! — сказал позади них чей-то голос. — Кто такие?

— Военные чиновники. Добровольно остались, — ответил полковник, глядя на грозное лицо красноармейца.

— Оружие есть?
— Никак нет.
— Поднять руки! Так. — Боец быстро обшарил карманы задержанных. — Ну, пошли на сборный пункт. Там разберутся, какие вы добровольцы.

Солнце начинало садиться. Подул свежий ветер.
Фрунзе стоял на старом месте и беседовал с товарищами.
— Вопрос о крымских курортах, в частности о Ялте, — говорил он, — по-моему, надо поставить в общегосударственном масштабе. Тут имеется громадное количество дворцов, особняков, дач, имений, которые можно приспособить под санатории и детские колонии.
— Мы как раз вчера говорили об этом с Семеном Михайловичем, — заметил Ворошилов. — Необходимо в самое ближайшее время использовать все эти помещения под отдых трудящихся.
— Первым делом восстановим в Крыму полный порядок, наладим нормальную жизнь и возьмемся за это, — сказал Буденный. — Я слышал, жители жаловались, что белые хищнически истребляли леса, и теперь из-за отсутствия влаги засуха грозит виноградникам.
— Не только засуха, — подхватил Фрунзе. — Крыму грозит голод. Врангель вывез весь хлеб за границу. Надо принимать экстренные меры по снабжению населения. — В его блестящих мягких глазах появилось настороженное выражение. Он оглянулся.
Издали доносились звуки духового оркестра.
— Наши подходят, — сказал Ворошилов. С охватившим его душевным волнением он взглянул на Буденного.
Глаза их встретились, и они оба почувствовали значительность и неповторимость этой минуты...
61-й полк, двигавшийся в голове дивизионной колонны, первым подходил к Севастополю. За поворотом раскрылась обширная котловина с нагроможденными тут и там кучами дикого камня. Среди каменоломен бродили тысячи брошенных лошадей. Одни пощипывали сухую траву, другие, подняв головы, смотрели на колонну.
— Гляди, Иван Ильич, — сказал Ильвачев. — Это все, что осталось от грозной конницы Врангеля.

В эту минуту впереди, где двигался штаб дивизии, трубач заиграл сбор. Лошади щипали траву, потом, сбиваясь табуном, галопом поскакали к колонне.

— Ишь, умные твари, — заметил Ладыгин, — знают сигнал...

Казаки из штабного эскадрона с присущей им ловкой споровкой разбивали табун, выделяя лучших строевых лошадей.

От головы колонны показался скачущий всадник. Присмотревшись, Иван Ильич узнал в нем Харламова.

— Ну и трофеев взяли, товарищ командир эскадрона! — весело сказал он, равняясь с Ладыгиным.

— Много?

— Полные склады. Врангель хотел запалить, да солдаты не дали.

— Солдаты? Какие солдаты? — спросил Ильвачев.

— Да которые мобилизованные. Стало быть, врангелевцы. Они там солдатский комитет сорганизовали и охрану несут, — говорил Харламов, поглядывая лихими глазами то на Ладыгина, то на Вихрова.

Впереди, совсем рядом, показался Севастополь со своими садами, куполами и торчавшей иа холме белой башней панорамы.

Вскоре голова колонны втянулась в главную улицу. Передние остановились. Иван Ильич привстал на стременах посмотреть, чем вызвана остановка. Огромная толпа народа запрудила улицу.

— Смотри, Петя! — сказал он Ильвачеву с радостными нотками в голосе, увидев, как покрасневший Коробков, который заступил на должность командира дивизии, принимал хлеб-соль от румяной девушки, повязанной алым платочком.

Колонна тронулась.

«Ах, как хорошо, как славно!» — думал Ладыгин, видя вокруг улыбающиеся, приветливые и смеющиеся лица незнакомых и вместе с тем таких близких людей, которые, размахивая руками, что-то кричали. Музыка, веселые крики, дождь сыпавшихся с балконов цветов, летящие вверх шапки, букеты, платки придавали всей этой залитой ярким солнцем картине ликующий вид. Незнакомые взволнованные люди выбегали из толпы и крепко жали руки бойцам.

Испытывая поднявшееся в нем чувство радостного волнения, Вихров пожимал протянутые ему руки, огля-

дывался на засыпанных цветами лошадей, что-то отвечал на приветствия, не замечая, как смуглая девушка, по виду гречанка, совала ему шоколад, и очнулся тогда, когда перед ним раскрылся тихий простор синего моря.

Неизвестно, подал ли кто команду к построению фронта, но весь берег постепенно покрылся сплошной стеной всадников. Все молча смотрели туда, где, сливаясь на горизонте с голубым куполом неба, казалось, мерно дышало спокойное море.

Свежий ветер трепетал в распущенных значках и знаменах. Волны почти неслышно катились на берег и, оставляя белую пену, шурша, словно о чем-то рассказывая, сбегали по гальке...

6

В середине ноября Конная армия двинулась из Крыма на Украину. Гражданская война закончилась, но переход армии на мирное положение задерживался боевыми действиями против Махно. Коварный атаман вновь изменил. Теперь было решено покончить с ним раз и навсегда. В конце ноября Конная армия сосредоточилась в районе Екатеринослава. Тут хорошо помнили Махно. Два года тому назад он с боем взял беззащитный город, выпустив по нему более двух тысяч артиллерийских снарядов, и предал его полному разграблению.

Для боевых действий против Махно из состава Конной армии была выделена сильная группа — 11-я и 14-я дивизии под общей командой Пархоменко.

Неотступно преследуя Махно сначала по Киевской, а потом по Полтавской и Харьковской губерниям, Пархоменко наносил ему удар за ударом. На пути махновцы саранчой набрасывались на села и отбирали у крестьян лошадей. Это давало им возможность ускользать от разгрома. В декабре Махно перекочевал на Подолию. В этих местах он еще не бывал.

Резкий ветер гнал поземку в полуночной мгле. Среди облаков изредка проглядывал месяц, и тогда на миг раскрывалась широкая, залитая голубоватым светом панорама стоявшего под горой большого села.

Во тьме слышалось конское ржание, скрип колес и

громкие голоса. Какие-то люди слезали с лошадей, с тачанок и настойчиво стучали в ворота.

Наполняя хату стужей и грохотом сапог, в двери ввалились три человека.

— А ну, хозяева, дайте огня! — хрипло сказал один из вошедших, с трудом разлепляя замерзшие губы. — Шо? Керосину немае? — продолжал он с угрозой. — Ишь, элементы! Из-под земли достань, а найди! Ты шо там шепчешь? Думаешь, я глухой?! — прикрикнул он на хозяина, который, шепча что-то жене и оглядываясь, доставал из-за печки закопченную лампочку.

Вошедшие сняли оружие, свалили в угол и при свете зажженной лампы шумно расселись на лавке. Один из них, Щусь, зябко похлопывал себя по бокам. Другой, Хайло, яростно дул в кулаки.

Хозяйка, курносая баба, видимо уже умудренная опытом, с молчаливой сноровкой собирала на стол.

— Ты шо? Ты шо нам даешь?! — просипел Левка Задов, увидев на тарелке тонкий кусок пожелтевшего сала. — Ты нам в четыре пальца давай! — Он показал размеры на пухлой ладони. — Вот такого! Пошире. Понятно?

— Подай, — коротко распорядился хозяин.

Левка бросил косой взгляд на него, подмигнул Щусю и, пытаясь придать своей опухшей физиономии оскорбленное выражение, с явной обидой сказал:

— И шо это такое? Разве мы им мало давали? Ничего не жалели. Мануфактуру. Барахло. А им сала жалко. Вот элементы!

— А кто вы будете, извиняюсь, добрые люди? — спросил хозяин с опаской.

— Дивись, не знает! Ха! — Левка, смеясь, глянул на Щуся. — Слыхал про батьку Махно? — спросил он хозяина.

Мужик, переминаясь, переступил с ноги на ногу.

— Слыхать слыхали, — отозвался он настороженно, — а вот видеть не приходилось.

Левка толкнул в бок сидевшего рядом Хайло. Тот вышел и тут же вернулся, держа в руках облепленную сенной трухой четвертную. Хозяйка поставила чашки. Левка разлил самогон и широким движением пригласил хозяина садиться к столу. Пожелав друг другу доброго здоровья, все выпили и закусили.

— Вот как, милый, у нас получается, — говорил Лев-

ка с задушевными интонациями в голосе, — мы крестьян не обижаем. Нет. Вот городских — другое дело. — Тут он облизал липкие толстые губы и, приняв важный вид, заявил, что согласно «линии» батьки Махно крестьянам надо возвратить все то, что «городские пауки» повысосали из них за прежние годы.

— Да, действительно тяжелое положение, — соглашался хозяин. — И пообносились совсем. На люди срам показаться. Один полушубок на всех.

Левка смотрел на него с вызывающей на разговор бодрой улыбкой.

— Бери, милый, носи! — вдруг предложил он, с решительным видом расстегивая подбитую мехом бекешу. — Носи, вспоминай! Очень уж ты, друг, мне полюбился!

— Да как же это так? Вы что, начальник, смеетесь? — опешил мужик.

— Какой может быть смех?

— А как же вы-то?

— Я и так. Дашь мне полушубок — и милое дело! Я ж не гордый...

Повеселевшая хозяйка сбегала на погреб за огурцами.

— Милости просим. Кушайте на доброе здоровье, — угощала она, поглядывая на Левку и дивясь, что такой страшный на вид человек оказался таким добрым.

Она поставила миску на стол.

Левка потер руки и воровато схватил самый большой огурец.

— Хотя нет, постой. Бекешу нельзя, — произнес он словно в глубоком раздумье. — Все равно отберут: время военное. Да ты, друг, не унывай, не огорчайся, — продолжал он, приметив растерянное выражение в глазах мужика. — Я в обозе посмотрю. Может, что-нибудь найду для тебя. Мы ж твои защитники. — Он усмехнулся. — Помогать надо... Ну-ка, налей.

Четверть быстро пустела. Хайло придвинул сало к себе, но Щусь так толкнул его локтем в грудь, что тот поперхнулся.

— Эх, милый, — откровенничал Левка, обращаясь к хозяину, — вот я сейчас у тебя сальца просил. А знал бы ты, как я недавно еще жил. Чего только не было! И коньяки и ликеры всякие.

— А что это — ликеры?

— Ну вина такие. Не самогон же пил.

— Та-ак. Значит, теперь плохо живете?

— Да народ тут у вас вредный какой-то. Плохо поддерживают нашего брата. Вот на Киевщине мужики нам даже коней давали.

Хозяин насторожился и со скрытой враждой посмотрел на своего собеседника.

— Это какие же мужики? — спросил он. — Трудящему крестьянину коня своего отдать — легче живому в гроб лечь, чистый разор!..

В окно постучали. Чей-то голос сказал, что батько Махно приказал выступать. Левка Задов сделал знак Хайло. Тот встал, взял свое оружие и вышел во двор.

Щусь тоже поднялся.

— Вот, друг, какие дела, — говорил Левка, допивая из чашки и похрустывая огурцом. — Заехали, закусили и снова в бой! А за кого? За тебя!

— За это, конечно, мы вам благодарные и век будем бога молить. Только... — мужик оглянулся, услышав во дворе подозрительный шум. Он ахнул и, как был без шапки, выскочил за дверь.

— Ну что ж, будем и мы собираться, — спокойно сказал Левка Задов. Он встал и подошел к сундуку, стоявшему у противоположной стены. — У вас, хозяюшка, нет тут оружия? — спросил он, деловито показывая ногой на сундук.

В эту минуту дверь распахнулась, и в хату вбежал хозяин.

— Ой, ратуйте! Ратуйте, добрые люди! — закричал он, то хватаясь за голову, то прижимая руки к груди. — Коня! Коня со двора увели!.. Все берите! Голову рубите! Только коня не берите!.. Отдайте, отдайте коня! — Он упал на колени.

— Ну чего орешь, дура?! — Левка схватился за шашку. — Разве мы так взяли? Мы ж тебе свою кинули.

— Куда я с этой худобой? Она ж на ногах не стоит! Завтра подохнет! Отдайте! Добром прошу! Отдайте коня!

— Дай ему! — сказал Левка Щусю.

Тот молча замахнулся карабином.

— Защитники! Какие вы защитники?! — в исступлении крикнул мужик, поднимаясь с колен и с ненавистью в круглых глазах смотря на страшное лицо палача. — Бандиты вы! Грабители! Голову сняли... Как я без коня?! — Рыдая, он бросился к печке, где в закуте виднел-

ся топор, но не успел добежать: сильный удар в затылок сбил его с ног.

С улицы донесся быстрый конский топот. Потом где-то вдали послышались частые выстрелы. За окнами с криком «Полундра!» мчались в рассветном тумане какие-то всадники. Левка взглянул на голосившую бабу и в сопровождении Щуся выбежал вон...

В селе возник сильный бой. Совсем рядом выбивал пулемет. Глухо рвались гранаты. Ударила пушка. То первая бригада 14-й дивизи настигла махновцев. С тяжелым топотом, так что дрожали стекла, по улице прошла на рысях большая колонна. Прогромыхала артиллерия. И вдруг все затихло...

Рассветало. Над дальней рощей выплывало в тумане багровое солнце. Со всех сторон собирались к селу казаки. Кто ехал верхом, кто тянул в поводу приставшую лошадь. Скрежеща колесами по мерзлому снегу, подъезжали шагом пулеметные тачанки. Над лошадьми вился сизый пар.

Начдив Пархоменко сидел на могучем жеребце, смотрел на подходившие эскадроны и думал о том, что надо изменить план боевых действий: банда Махно и на этот раз ушла от преследования. Неотступная погоня подорвала силы группы. В эскадронах осталось меньше половины боевого состава. Это обстоятельство крайне удручало Пархоменко. При отъезде Ворошилова и Буденного в Москву, на съезд Советов, он обещал им ликвидировать Махно в кратчайший срок, но операция затягивалась, а полки таяли на глазах.

— Ну, что будем делать, Александр Яковлевич? — спросил, подъезжая, комиссар Беляков.

Пархоменко взглянул на моложавое, с мелкими чертами лицо Белякова.

— А что будешь делать? Смотри, совсем кони становятся. — Он показал на спешенных бойцов.

Один из них с силой тянул лошадь за поводья, в то время как другой подгонял ее ножнами шашки. За ними шли еще несколько пеших.

— Следовательно, дневку назначим? — предложил Беляков.

— Придется. — Пархоменко оглянулся на стоявшего позади начальника штаба и распорядился о дневке.

Черноглазый Мурзин, отпустивший для солидности усы, вынул полевую книжку и, не слезая с лошади, стал писать приказание.

— Ну что ж, следовательно, нужно и нам отдохнуть, — сказал Беляков. — Поедем, Александр Яковлевич. Вон наша квартира, — показал он в глубину улицы, где у одного из домов краснел на пике значок.

Спешившись у высокого крыльца, Пархоменко, Мурзин и Беляков вошли в просторную хату. В передней комнате никого не было, кроме маленькой девочки, которая при виде вошедших посмотрела на них испуганными глазами.

— Здравствуй, хозяюшка, — шутливо сказал начдив.

Девочка потупилась. Пархоменко, очень любивший детей, скинул бурку, бекешу и, пообогревшись, подошел к девочке.

— Как тебя зовут-то? — спросил он, нагибаясь.

— Васенкой, — глядя исподлобья и отворачиваясь, прошептала она.

— А сколько тебе лет?

— Пять, — смелея, ответила девочка.

— У-у! Да ты совсем большая! — Пархоменко подхватил девочку на руки. — А мамка где?

— На дворе.

— А тятька?

— Воюет.

— Та-ак... Значит, вы одни с мамкой живете?

— И дедушка с нами...

Как бы в подтверждение ее слов, в сенцах звякнула щеколда. Потом кто-то глухо закашлял, и в комнату вошел старик с таким свирепым выражением бородатого лица, что Александр Яковлевич невольно подумал: «Сердитый, видать, старичок!»

— Здравствуйте! — произнес старик столь приветливо, что все, кроме Васенки, с недоумением посмотрели на него. — К нам, значит, заехали. В час добрый. Мы хорошим людям всегда рады, — продолжал он, снимая шапку, зипун и вешая их на крючок. — Проходите, граждане-товарищи, в горницу. Там вам будет удобнее. Примечаю, что вы командиры. Ну, это самое, секретные дела, конечно?

— Вы, дедушка, видно, на военной службе были? — спросил Беляков.

— Так точно. Был. В саперах служил. Там меня, это самое, порохом сожгло. Личность изуродовало. Как только не ослеп... Проходите, граждане-товарищи, проходите, — приглашал старик, раскрывая дверь в соседнюю комнату.

За окнами начинало синеть. Неясный свет керосиновой лампы, висевшей под потолком, падал на стол, вокруг которого сидели Пархоменко с Васенкой на коленях, Мурзин, Беляков и помначштаба Пахомов, мрачноватый на вид человек, любивший больше слушать, чем говорить. На столе попискивал остывавший самовар.

В комнату вошла хозяйка, молодая румяная женщина, повязанная полушалком.

— Вот, товарищи, молочка топленого, — предложила она. — Только из печки. — Она поставила глиняный горшок перед Пархоменко и, приметив Васенку, спросила — А ты чего сюда пришла?

— Чего пришла? — девочка подняла на мать карие глаза. — Вечеровать пришла. Вон, гляди, заяц какой! — Она показала на вырванный из полевой книжки лист бумаги, на котором Пархоменко рукой, больше привыкшей к шашке, чем к карандашу, старательно рисовал ей разных зверей.

— Спать бы ей пора, — нерешительно сказала хозяйка.

— Сейчас, сейчас...

Женщина вышла.

— Рисуй еще! — потребовала Васенка. — Это собака? — показывая на рисунок, спросила она.

— Нет, конь.

— А это чего?

— Тачанка. Телега такая.

Беляков потянулся со стула и заглянул через плечо Пархоменко.

— Ого, Александр Яковлевич! А я и не знал за тобой такого дарования, — проговорил он, улыбаясь. — Следовательно, ты художник? Смотри, целую картину нарисовал.

— Это я один случай изобразил.

— Какой случай?

— Можно сказать, необыкновенный. Еще в восемнадцатом году было. Ехали мы как-то с ездовым в тачанке, а тут ливень как ударит! Знаешь, какой на Дону ливень — потоп сплошной. И уже смеркается. В общем, сбились с дороги. И вот уже ночь. А дождь льет и льет. Вдруг кони встали. Ни взад ни вперед. Как вкопанные. Ездовой их кнутом лупит, а они стоят — и ни с места! «А ну, — говорю, — давай спать ложиться». Мы тогда двое суток не спали. Ладно. Забрались под тачанку, брезентом укрылись и сразу заснули. Утром просыпаюсь — что такое?! Дон рядом! Ну так, шага два, не больше. Вода у самых копыт. Вот какие дела. Так бы мы и ввалились в омут, если б не кони.

— Значит, вас, товарищ начдив, лошади спасли, а я вот чуть не погиб из-за лошади, — сказал Мурзин.

— Почему погиб? — спросил Беляков.

— Взял я в табуне жеребца. Ну езжу, конечно. Только раз слезаю, смотрю, а жеребец невеселый. Поднял ноздрю — слизь. Сап! Ну к врачу, конечно. А он, ветеринар, смотрит на меня так это подозрительно: не заразный ли я. Сняли с меня обмундирование. Давай всего спиртом натирать. И глотку заставили полоскать. Тут я, конечно, и в себя глотнул, как следует быть. Потом посадили меня в закуту на манер собачьего ящика.

— Карантин?

— Вроде того. Сижу. Никто ко мне не приходит. Один комиссар заходит. «Ну, как?» — спрашивает. «Ничего», — говорю. А какой там «ничего»! Сап ведь. Болезнь неизлечимая. Хуже чумы. Сижу, переживаю. На водочку, конечно, нажимаю. Лечусь, одним словом. Все равно помирать. Этаким манером проходит три дня. А сап на третий день уже проявляется. Смотрю, приходит мой ветеринар, улыбается. Раньше-то он меня за версту обходил. Приходит и говорит: «Ну, товарищ Мурзин, ты под счастливой звездой родился. Не заразился. Нет. Теперь долго проживешь. Выходи. Здоров. Хватит лечиться». Ну, тут меня снова в общий список включили. Опять стал человеком. А то был вроде приговоренного к смерти...

Все помолчали. Пархоменко, отправивший Васенку спать, ходил по комнате, обдумывая что-то. На улице, слышно было, опять начиналась метель. Ветер с воем

носился над селом, шумел в крышах, яростно обрушивался на двери и окна.

— Беда в такую погоду в степи, — сказал все время молчавший Пахомов, прислушиваясь к шуму налетавшего ветра.

Хозяйка внесла пышущий паром подогретый самовар. Все снова потянулись к столу. Пархоменко достал из переметной сумы заветную банку консервов, предложив ее на общее пользование.

В соседней комнате послышались голоса. В горницу вошел, твердо ступая, высокий, стройный, совсем еще молодой человек с тонким, красивым лицом. Это был Богенгард, начальник управления формирований армии. Следом за ним появился сутуловатый Сергеев, начальник связи. Оба были в телячьих куртках мехом наружу и в суконных шлемах.

— Какая у вас благодать, товарищи! — весело заговорил Богенгард, потирая замерзшие руки. — Тепло, уютно, самовар на столе, а главное — лампа горит!

— Что же ты с нами на квартире не стал? — спросил Мурзин товарища.

— Не дошел. Замерз. С Шапкиным остановился, — отвечал Богенгард.

— Располагайтесь с нами. Места хватит, — предложил Пархоменко. — Пейте чай. Горячий.

— Что это за страшила там сидит? — спросил, понизив голос, Сергеев. Он кивнул на соседнюю комнату.

— Хозяин наш, — сказал Мурзин.

— Ну и жох, видно!

— Что ты! Добрейший. Такой обаятельный. Редко встретишь, — возразил Мурзин.

— Вот как наружность бывает обманчива, — подхватил Беляков.

— Совершенно верно изволили заметить, — согласил-Богенгард, подвигая себе табурет и присаживаясь к столу. — У меня в старой армии был такой случай.

— А разве вы успели? — спросил Беляков.

— А как же! Конечно. Нас, студентов, мобилизовали еще в пятнадцатом году. Я в Питере учился. В технологическом. Одним словом, направили нас в военные училища. А потом я попал в седьмой белорусский гусарский полк. И вот был там у меня в эскадроне гусар Ничепорук. Ну и страшный на вид! Куда вашему деду! Стояли

мы в одном местечке. Позабыл, как оно называется. Ну, да это не имеет значения... Одним словом, бежит как-то вахмистр. Бежит, докладывает, что Ничепорук напился и с обнаженной шашкой скачет по улицам. «Ну, — думаю, — как бы кого не зарубил!» Вскочил на коня и к нему. А он спьяну на меня бросился. Но я тут же сбил его с лошади. Все-таки я дядя здоровый...

— И что же, расстреляли его? — перебил Мурзин.

— Нет. Он, конечно, подлежал военно-полевому суду. Но я на первый раз ограничился внушением. Одним словом, дал ему нагоняй. Да и, правду сказать, полк марать не хотелось... И вот как-то был я с ним в разведке. Чувствую, кто-то смотрит. Оглянулся — Ничепорук! Знаете, есть такие глаза. Тяжелые. «Ну, — думаю, — злобу затаил на меня!» И сказал вахмистру, чтобы он больше не назначал Ничепорука со мной. И вот как-то вели мы бой под Вулькой Голузистой. Одним словом, наступали на немцев в пешем строю. Наступали по ржи. А рожь такая высокая. Потом пришлось отходить. Связь нарушилась. А тут как ахнет снаряд! Я упал. Хватаюсь за ногу — кровь. А куда я без ноги? Лежу, а сам нашариваю браунинг в заднем кармане, чтобы застрелиться.

— Не одобряю, — вставил Беляков.

— Так я тогда зеленый был. Молодой. Дурак, одним словом... Да, лежу, а сам вижу, что Ничепорук крадется ко мне. Не скажу, чтобы я был трус, а тут испугался до ужаса! Ну, думаю, сейчас зарежет или задушит меня... А он подкрался, посмотрел и говорит: «А нога-то цела. Это не ваша кровь — Матвиенку рядом убило. А вы только контуженый. Идти не можете?» — «Нет». Тут он подполз под меня, взвалил на спину и этаким манером версты две тащил на себе, а кругом снаряды рвутся. Потом открытое место, шагов двести, пронес на руках. Положил меня на опушке и говорит: «Вы не думайте обо мне нехорошо. Это у меня рожа такая, что только под мостом с ножом сидеть, а ведь я все понимаю. Я добрый. Я русский...»

— Да. Правильно. Душевнее русского человека не сыскать, — подтвердил Пархоменко при общем молчании. — Ну ладно, друзья, давайте-ка спать. — Он мельком взглянул на часы. — Пора. Надо сил набираться...

7

Прошло несколько дней. За это время Махно вновь перешел к Умани, в район Юстин-Городка.

На этот раз Пархоменко решил не преследовать противника, а, окружив Юстин-Городок, силами двух своих дивизий и только что приданного ему стрелкового полка разгромить Махно одним ударом. С этой целью в ночь на 3 января 1921 года 11-я и 14-я дивизии двинулись в глубокий обход.

Махно, верный привычке, и на этот раз остановился в небольшой хате. Запустив руки в длинные волосы, он сидел над развернутой картой и думал о том, почему красные прекратили преследование. По его мнению, могло быть два положения: или конная группа окончательно потеряла боеспособность (в чем он сомневался), или Пархоменко намерен предпринять какой-то маневр. Он нетерпеливо ерзал на стуле и отчаянно скреб в голове.

Со двора донесся истошный, словно звериный крик. Махно встал и подошел к окну. В глубине двора копошились несколько человек. Были видны лишь спины и чьи-то вздрагивающие ноги в ботинках с обмотками.

Крики перешли в сплошной яростный вой. По крыльцу взбежал кто-то, стуча сапогами. Дверь растворилась. В комнату вошел Левка Задов.

— Ты что? — спросил Махно, увидев, что палач водит по полкам ищущим взглядом.

— Да там молодому товарищу из продотрядников звезду вырезали. Хочу солью присыпать.

— А вон возьми в банке. — Махно показал на нижнюю полку.

Левка взял соль. Но тут в сенях послышались возбужденные голоса, крики, и в хату вошли трое людей. Один из них, в фуражке со сломанным пополам козырьком, другой, с заячьей губой на обезображенном оспой лице, держали под руки низенького, неказистого на вид человека в щегольском полушубке, обвязанного башлыком так, что виднелся только острый шишак зимнего шлема.

— А ну, пусти! Чего, в самом деле? — с надрывом в голосе кипятился задержанный, вырываясь из крепко державших его рук. — Я ж говорю, свой! Чего вы до меня прицепились?

— Пустите его, — сказал Махно.

Задержанный торопливо раскрутил башлык и содрал с себя шлем.

— Сидоркин?! — Махно даже попятился. — Как ты сюда попал?

— Они ж хотели меня в кичу посадить. Кто-то, видно, доказал. Вчера вечером иду по селу. Темно. Слышу, разговор обо мне. Ильвачев, есть у них такая собака, говорит: «Немедленно арестовать его». Это, значит, меня. Ну, я не стал дожидаться, пока они соберутся, сел на коня — и айда!

— А Гуро как?

— Гуро поездом раздавило.

— Раздавило?!

— Ага... Его как везли арестованного, он из вагона выкинулся — хотел бежать — и попал под колеса, — торопливо говорил Сидоркин, сверкая острыми, как у хорька, блестящими глазками. — Батько, — он понизил голос, сделав знак в сторону приведших его, — у меня есть до вас секретное сообщение.

— А ну, выйдите вон! — распорядился Махно. — Левка, можешь остаться.

Из сообщения Сидоркина Махно узнал, что в 11-й дивизии, последнее время стоявшей на месте, шли усиленные приготовления к длительному походу. Перековывались лошади, полки пополнялись маршевыми эскадронами и свежим кавалерийским ремонтом. Артиллерия получила новую материальную часть. Как было слышно, и в 14-й дивизии шли такие же приготовления. Узнал он также, что приданный группе стрелковый полк вчера вечером выступил в направлении Николаевки, находившейся в нескольких верстах от Юстин-Городка.

Петли ископыченной лошадьми зимней дороги бежали между холмами. Когда дорога поднималась на гребни возвышенностей, в чистом морозном воздухе до самого горизонта открывались перелески, оголенные рощи и одинокие хутора, разбросанные по пологим склонам заснеженных полей.

Вокруг было тихо. Только слышался легкий скрежет колес двух тачанок, спускавшихся по косогору в широкую балку. В передней тачанке, запряженной парой во-

роных лошадей, сидели Пархоменко и Беляков. Позади ехали Богенгард, Мурзин и начсвязи Сергеев. За ними ординарцы вели лошадей.

— До Юстин-Городка, Беляков, осталось верст десять, — говорил Пархоменко, проводя пальцем по карте. — Подойдем туда к девяти, — продолжал он, мельком взглянув на часы. — К этому времени одиннадцатая дивизия обойдет Махно с тыла.

— Это какая деревня, Александр Яковлевич? — спросил Беляков, показывая перед собой, где верстах в пяти от них, за лесистой балкой, показалось село.

— Бузовка, должно быть, — начдив посмотрел на карту. — Ну да, Бузовка. Здесь стоит наша пехота. Заедем и дождемся первой бригады, а потом двинем вместе на Юстин-Городок. — Говоря это, Пархоменко не мог, конечно, знать, что его приказ о переходе стрелкового полка из Николаевки в Бузовку остался невыполненным. Махно организовал заслоны на всех дорогах, ведущих к Юстин-Городку, и перехватил этот приказ.

Тачанки продолжали катиться по побуревшей дороге. По обеим ее сторонам лежала ровная степь. На снежном покрове никли мертвые стебли ковыля с седыми султанами. Между ними торчали сухие ветки боярышника.

— Что-то бригады долго нет, — сказал Беляков.

— Сейчас подойдет, — успокоил Пархоменко. — Куда ей деваться?

Если бы в эту минуту начдив оглянулся, он бы увидел, что над селом, в котором стояла бригада, поднимался густой столб черного дыма. Но дорога пошла на уклон, лошади прибавили ходу, а когда спустя некоторое время он оглянулся, услышав на задней тачанке громкие голоса, горизонт уже закрылся высокими, поросшими лесом холмами, и он ничего не заметил.

Пархоменко имел обыкновение выезжать вперед на тачанке. В дороге части нагоняли его, он садился на лошадь и вел полки в бой. Так и на этот раз, приказав комбригу Шапкину выступать вслед за ним, не задерживаясь, он со штабом группы выехал заранее; перед выступлением бригады в доме рядом со штабом по какой-то странной случайности вспыхнул пожар. Выступление задержалось на полчаса. Эти полчаса имели роковое значение.

— Сколько земли зря пропадает, — говорил Беляков, глядя в степь. — А ведь такое богатство!

— Ничего, скоро заживем, — подхватил Пархоменко с твердой уверенностью. — Вот этого бандита добьем и за хозяйство возьмемся. Какие еще урожаи будем снимать! Да, и сами поживем и детям настоящую жизнь оставим... А ты чего улыбаешься? — спросил он Белякова.

— Да так. Хороший ты человек, Александр Яковлевич, — сказал Беляков, дружески положив руку на колено начдива.

Тачанка загрохотала по осевшему набок деревянному мостику. Лошади на подъем взяли рысью. Впереди, совсем рядом, показалась Бузовка. Тачанка покатилась по обсаженной тополями дороге. Село казалось покинутым. Ни один дымок не поднимался над кровлями, покрытыми высокими шапками снега. Не было слышно даже лая собак. Вокруг стояла зловещая тишина.

— Эка глушь какая! — заметил Беляков. — Похоже, что здесь и людей нет.

— А куда же делась наша пехота? — Пархоменко огляделся. Но всюду, куда бы он ни смотрел, было пустынно и мертво.

— В деревню заедем, товарищ начдив? — спросил ездовой.

— Останови лошадей. Я посмотрю, — сказал Пархоменко.

Он поднялся во весь рост и, придерживаясь за плечо ездового, оглянулся. За задней тачанкой, впереди коноводов, ведущих лошадей, ехали два ординарца штаба дивизии: Литвиненко, молодой веселый боец, слывший во взводе затейником, и Потапов, донской казак лет сорока. Оба они пели вполголоса.

— ...А как в этой криниченке
Орлы воду пьют...
Молодую дивчиноньку.
Под венец ведут, —

слышался высокий тенорок Литвиненко.

— Ой, жаль, жаль... — подхватывая, гудел густым басом Потапов.

— Литвиненко! — позвал Пархоменко. — Езжай-ка сюда!

Литвиненко встрепенулся, набрал повод и, тронув лошадь плетью, подскакал к начдиву.

— Проскачи вдоль улицы. Посмотри, нет ли здесь нашей пехоты, — приказал Пархоменко. — Ну, быстро давай!

Литвиненко промчался вдоль улицы, заглянул в два-три двора и вскоре вернулся с сообщением, что никакой пехоты в деревне нет.

— Какая-то чудная деревня, товарищ начдив, — докладывал он, — и народу вроде в ней не имеется. А може, боятся? Попрятались?

— Ну ладно, — сказал Пархоменко, снимая и подавая бойцу бинокль, висевший на ремешке через шею. — Поднимись на эту вот горку, — он показал влево, — посмотри, нет ли бригады... Да постой, — удержал он ординарца, — вправо за лесом дорога, по ней движется одиннадцатая дивизия. Так имей это в виду.

Литвиненко взмахнул плетью и широким галопом поднялся на вершину кургана. Спешившись с беспокойно крутившейся лошади, он стал внимательно оглядывать местность. Но нигде не было заметно движения. Уже собираясь спускаться, он посмотрел в сторону Юстин-Городка, и ему показалось, что там, на холме, стоял всадник. Он снова поднял бинокль, но на этот раз на холме, кроме одинокой ветлы, никого не было. Решив, что ему померещилось, Литвиненко вернулся к начдиву и доложил, что ни своих, ни противника не обнаружено. Тогда Пархоменко, посоветовавшись с Беляковым, решил проехать на противоположную окраину Бузовки и там дождаться подхода первой бригады.

Часам к девяти мороз спал. Началась оттепель. Солнце, до этого ярко светившее в безоблачном небе, заволоклось сизой дымкой. Над полями поднимался туман.

Харламов, старший головного дозора, вел бойцов рысью. С ним были Миша Казачок, Назаров и молодой казак Аниська, недавно вернувшийся в полк после ранения. Миновав рощицу, они въехали в хутор. У крайней хаты стоял дед с костылем.

— Здорово, диду! — приветливо сказал Харламов, подъезжая к старику. — У вас на хуторе бандиты есть?

— Та ни! — дед отрицательно качнул головой. — А вчора був Махно сам... О це батько! О це Махно! Усих коней побрав.

— Куда они пошли?

— Та на Бузовку.
— На Бузовку? А ты верно говоришь?
— А чого мене врать! Я старый чоловик!
— Гм... А как нам проехать до Бузовки?
— Вот так и идтэ. — Дед показал рукой на хуторок. — А от поворота идтэ вправо, леском...
— Харламов, наши подходят, — сказал Назаров, который во время разговора смотрел назад.
Харламов оглянулся, увидел подходивший рысью разъезд и, послав Аниську со словесным донесением, погнал лошадь вскачь по дороге.
В лесу стояла глубокая тишина. Только слышался легкий стук конских копыт... Бойцы ехали молча, зорко озираясь вокруг.
— Гляди, конный скачет, — показал Назаров.
Нещадно нахлестывая плетью, всадник стремительно приближался. Он был в сотне шагов от дозорных, когда его лошадь с полного хода рухнула на бок.
Спотыкаясь в глубоком снегу, приволачивая ушибленную ногу и крича что-то, Литвиненко хромал навстречу бойцам.
— Товарищи! — кричал он неистовым голосом. — Начдива рубят! Махно!

Когда Пархоменко проезжал Бузовку, улицы попрежнему были пустынны. И в этом напряженном безмолвии как-то особенно отчетливо слышалось поскрипывание тачанок.
Все ехали молча.
Беляков повернулся к Пархоменко и тихо сказал:
— Не верю я, Александр Яковлевич, ни в какие предчувствия, но глушь эта прямо в тоску вгоняет. Ну хотя бы один живой человек!..
Тачанки выехали на окраину села. Отсюда дорога свертывала влево. Впереди в туманной дымке виднелись мутные очертания Юстин-Городка.
Пархоменко тронул ездового за плечо, чтобы тот остановился. Богенгард, Мурзин и Сергеев соскочили с тачанки и подошли к начдиву.
— Дальше не поедем, товарищ Пархоменко? — спросил Богенгард.
— А куда дальше? Вон он, Юстин-Городок, — кивнул начдив. — Подождем тут бригаду.

— Уже приехали? — удивился Богенгард. — Вот штука! А наших все нет. Куда это они запропали?

— А вон они едут! — бодро сказал Мурзин, показывая на окраину Бузовки, откуда действительно показались всадники. Увидев остановившиеся тачанки, они поскакали галопом. Их было около взвода.

— Постойте, что за часть? — недоумевал Пархоменко. — Это не нашей дивизии. Может, одиннадцатой? Да нет, она должна идти другой дорогой... Эй, стойте! Стой! — крикнул он властно, выступая вперед.

Неизвестные всадники придержали горячившихся лошадей в нескольких шагах от начдива. Их бритый командир в сдвинутой на затылок кубанке тяжелым взглядом пристально смотрел на начдива.

— Кто вы такие? — спросил Пархоменко.

— Шестая дивизия! — отвечал командир.

Теперь Пархоменко понял, что это были за люди. Шестой дивизии поблизости не было, да и не могло быть. Своим ответом махновец сразу выдал себя .

— Шестая дивизия? — повторил Пархоменко, стараясь затянуть разговор. — А кто у вас командует первой бригадой?

— Я! — бандит рванул шашку из ножен.

— Бей их, товарищи! — крикнул начдив, выхватывая маузер и в упор стреляя в бандита, который, даже не ахнув, свалился под ноги лошади.

Остальные шарахнулись в сторону. Но от Бузовки, стреляя в воздух и крича что-то, уже бежали целые толпы махновцев.

— Литвиненко, Потапов, пробивайтесь к нашим!.. Остальные ко мне! — властным, громким голосом распоряжался начдив. — Спокойно... Не суетись... Вставай спина к спине... Береги патроны... Бей наверняка... Держи, держи! — крикнул он ездовому, который, волочась на вожжах, тщетно старался сдержать испуганных криками и стрельбой лошадей.

Вслед за первой тачанкой, сбив с ног Мурзина, разъезжаясь колесами по сторонам дороги, понеслась вскачь другая тачанка. Придерживая ушибленный бок, Мурзин быстро вскочил, но подбежавший бандит широким движением вонзил ему в спину плоский австрийский штык. Богенгард бросился на помощь товарищу. Рубя шашкой, он свалил двух махновцев, схватил Мурзина на руки и, не чувствуя, что тот уже мертв, бегом понес его к по-

вороту дороги. Там, встав спиной к спине, бились насмерть с бандитами Пархоменко и Беляков. Богенгард не успел добежать: Щусь рубанул его сбоку, и Богенгард со стоном повалился на мертвое тело товарища.

Махновцы подбегали, сбиваясь шумной толпой. Беляков пустил себе в рот последний заряд — шашки у него не было. Пархоменко все отбивался. Высокая фигура его, без папахи, с залитым кровью лицом, возвышалась на целую голову среди нападавших. Правая рука, перебитая пулей, висела как плеть, а он, перехватив клинок в здоровую руку, прекрасный в своей исполинской силе, все еще стоял и отбивался. Кровь из раны слепила глаза, и он, как в тумане, видел искаженные злобой, потные лица махновцев, которые, тяжело дыша и надсаживаясь в крике, все ближе подступали к нему.

— Стой! Посторонись! — взревел над толпой чей-то голос. — Дай дорогу! Батько идет!

Махно подходил, держа пистолет согнутой в локте рукой.

— Начдив? — вскрикнул он с радостной злобой.

— Да, начдив... А ты бандит! — громко ответил Пархоменко.

Махно не успел выстрелить — клинок обрушился ему на плечо. Он вскрикнул и упал на колени.

— Батьку убили! — провыл чей-то истерический вопль.

— Бей, братишки! — прокричал Левка Задов. — Стреляй его!

Пархоменко качнулся, силы оставили его, ступил шага два и грудью упал на кучу порубленных тел... Вмиг множество рук потянулось к нему. Махновцы сбились кучей вокруг еще живого начдива.

На дороге послышался быстрый конский топот. Там скакал всадник в матросской бескозырке с черными лентами.

— Полундра! Полундра! — кричал он. — Буденновцы!

— Где? — быстро спросил Щусь, когда всадник подъехал к нему, с такой силой осадив лошадь, что она присела на задние ноги.

— Версты три! — отвечал всадник, поправляясь в седле. — Галопом чешут!

— Придется бой принимать, — сказал, подходя к

ним, Каретников, помощник Махно, щуплый человек с костлявым лицом.

— А что с батькой делать? Как бы не помер! Может, в хату снесем? — спрашивал Щусь, глядя на лежавшего Махно.

— Завернем в бурку, привьючим на коня и отправим на хутор Зарудный. Там его нипочем не найдут.

Отрядив с Махно несколько человек, Каретников сел на лошадь и направился к восточной окраине леса, откуда уже доносилось частое щелканье выстрелов. Но доехать туда он не успел. Из боковой улицы навстречу ему хлынула конница...

Закипал уличный бой. Стоявшая в резерве Черная сотня — тысяча головорезов, личная «гвардия» Махно, — увидев, что все пути отхода будут в скором времени отрезаны, кинулась полем к переправе через реку. Лошади рвались, хрипели, проваливаясь в снег по самое брюхо. У моста скопилось несколько сотен тачанок. По ним ударили из пулеметов подоспевшие броневики. Там, взвиваясь на дыбы, падали лошади. Бежали люди. Доносились крики, гул, топот и вой. Махновцы бросились прямиком через реку. Лед треснул, не выдержав тяжести. Задние повернули, но навстречу им уже развертывались к атаке полки 14-й дивизии. Первым вел бригаду комбриг Рябышев. Правее развертывали полки комбриги Корниенко и Шапкин. Махновцы кинулись обратно к селу, но и отсюда показались буденновцы. Это были передовые полки 11-й дивизии. Рубя бегущих, казаки скакали к площади, где возле штаба Махно уже шла рукопашная схватка...

Припадая на стремя, Харламов ожесточенно рубил. Как в полумгле видел он перед собой кишащую массу врагов, у которой, казалось, было одно багрово-красное, мокрое от пота лицо, перекошенный криком рот. Топча и рубя, он вместе с остальными товарищами врывался в толпы бандитов.

Внезапно в окне дома, где помещался штаб Махно, показался белый платок.

— Сдаемся! — кричал Левка Задов. — Даешь командира!

Случившийся тут же Иван Ильич Ладыгин слез с лошади и направился к дому. Из окна лихорадочно затрещал пулемет. Ладыгин рывком прилег у плетня. Взрыв возмущенных голосов пронесся над улицей:

— Обманывает! Бей их, ребята! Артиллерию сюда. Эй, братва, шумните кто артиллеристам!

Спустя некоторое время подскакала запряжка с орудием. Почти вместе с выстрелом в доме вспыхнуло пламя. Левка Задов залился отчаянным, режущим криком. Силой взрыва рама наделась на голову палача. Длинные, как кинжалы, осколки стекла впились ему в шею, и он оказался прикованным к месту.

Из окна показались тонкие язычки пламени. Двери дома тихо раскрылись. На крыльцо выбежал Щусь. Втянув голову в плечи, он глянул вокруг и вильнул за угол. Вслед за ним появился Каретников.

— Бегут! Бей их! Лови! — закричали бойцы.

Щусь и Каретников побежали в огороды, не замечая, что навстречу им скачет несколько всадников. Один из них на ходу прыгнул на Щуся и подмял его под себя. Заслонясь руками от другого бойца, Каретников заметался между засыпанными снегом грядами...

В это время Снегиревский полк, сбитый буденновцами с восточной окраины села, бросил пулеметы, тачанки и обратился в бегство, обрекая себя этим на полное истребление. И точно, не успели махновцы выбраться из укрытий, как 61-й полк под командой Поткина, появившись из-за бугра, атаковал их во фланг. Махновцы кучей бросились влево, попали под удар штабного эскадрона и метнулись в широкую балку. Ветер намел здесь сплошные сугробы, и бандиты теперь уже не бежали, а, как загнанные волки, прыгали в глубоком, по пояс, снегу.

Харламов, скакавший на правом фланге, гнал лошадь за махновцем, показавшимся ему со спины странно знакомым. Тот бежал из последних сил, но лошадь Харламова проваливалась, понукаемая всадником, судорожными скачками рвалась через сугробы.

Слыша за собой тяжелый конский храп, бандит на бегу раздевался. Он снял с себя щегольский, крытый сукном полушубок, но не бросил, а, продолжая бежать, придерживал его под мышкой.

— Стой! — грозно крикнул Харламов.

Бандит быстро сел в снег, содрал с себя сапоги и, завернув их в полушубок, протянул узел страшному всаднику.

— На, возьми! — прохрипел он, задыхаясь и жадно хватая воздух перекошенным ртом.

— Сидоркин? — Харламов изумленными глазами взглянул на него. — Так вот ты где оказался?.. Хочешь, стало быть, за барахло жизнь купить? — Он молча смотрел на бандита. И тут какое-то подсознательное чувство подсказало ему, что бегство Сидоркина в банду имеет связь с гибелью начдива Пархоменко...

— Харламов, пустишь? — бандит с жадной надеждой в острых глазах глядел на него. — Пусти, у меня рыжьё * есть. Все отдам... Пустишь?

— Пущу... — отвечал Харламов с загадочным видом. — Встань, сволочь!.. А ну, сопли утри! Скажи, гад, за сколько продал начдива? — глухо спросил он, нагибаясь с седла.

Сидоркин молчал, открыв рот, хлебал воздух. Смертельная бледность разливалась по его лицу, покрытому мелкими каплями пота.

— Харламов, друг... ну что? Ну что ты так смотришь?.. Ой, не руби! — дико закричал он, увидев, как шашка высоко взметнулась над его головой.

Бой кончился. Трубачи играли сбор. Село наполнялось войсками.

Комбриг Шапкин, вступивший в командование группой, смотрел в окно. По улице гнали толпу пленных махновцев в порванной, засыпанной снегом одежде: в полушубках, шубах, тулупах, в солдатских шинелях, у иных с оторванной фалдой, в ватных стеганках. Кто шел в шапке, кто с непокрытой головой, потеряв шапку в свалке. Ветер шевелил кудлатые волосы. В толпе мелькали злобные, тупые, красные лица. Одни шли, опустив головы, другие нагло посматривали по сторонам. Двое несли на носилках маленького безногого старичка в золотых очках, с козлиной бородкой. Костыли лежали тут же. Старичок сучил поднятыми над головой кулаками и выкрикивал что-то.

«Агитатор ихний», — подумал Шапкин.

— Вот здорово дал! — сказал он так громко, что сидевший тут же молчаливый Пахомов поднял голову и посмотрел на него. Высокий махновец в солдатской папахе, широко размахнувшись, так крепко ударил кулаком по голове старичка, что с того слетели очки, а шапка плотно надвинулась на уши. Толпа остановилась. Послышались крики. Наезжая лошадьми, конвойные вновь погнали махновцев по улице.

* Рыжьё — золото *(жарг.)*.

Шапкин поправил закрученные к самому носу усы и отошел от окна...

8

Наступила весна. Полки Конной армии готовились к походу на Дон. День и ночь работали кузницы. В швальнях и полковых мастерских тоже было немало работы. Бойцы чистились, подгоняли новое обмундирование, шили кубанки. Каждому хотелось быть щеголеватым, вернуться на родину во всей красе. И, к несчастью, много пропало в те дни заслуженных, опаленных пороховым дымом зимних шлемов-буденовок, для которых в дальнейшем нашлось бы почетное место в музеях.

Так ли, иначе, но когда спустя две недели Конная армия выстраивалась в широкой степи, полки поражали глаз боевым, сколоченным видом.

Приподнятое настроение, однако, несколько омрачалось тем обстоятельством, что не все дивизии возвращались на Дон. 11-я временно выходила из состава армии и шла на мирную стоянку в Полесье.

— Ничего, братцы, не горюй. — успокаивал Харламов товарищей с верхнего Дона. — Слушок есть, скоро и мы вернемся на родину. — Говоря это, он не мог, конечно, ни думать, ни предполагать, что полкам одиннадцатой дивизии придется еще на долгое время продолжить свои дела в песках и горах Средней Азии...

Харламову, обычно стоявшему на правом фланге, было хорошо видно, как к сборному месту подходили полки соседних дивизий. Вот на выплясывающих лошадях показались идущие рысью эскадроны старейшей 4-й дивизии. Всадники все, как один, были в новых черных и синих черкесках, с блестящими на груди газырями. Под ярким солнцем блестели трубы полковых трубачей. Мягко развевались значки и знамена. Проносились звучные, нараспев, команды. Полки выстраивали развернутый фронт.

С дробным гулом подъезжала артиллерия. Запряжки рыжих, гнедых и вороных лошадей, заезжая плечом, выстраивались в глубине дивизионной колонны. Полевым галопом мчались тачанки.

...Харламов видел, как Ворошилов и Буденный под-

нялись на воздвигнутую посреди поля трибуну, но тут же пожалел, что полк стоит с наветренной стороны и ему не будет слышно, что говорят. Однако его опасения были напрасны. Он слышал хорошо знакомый ему голос Ворошилова. И хотя ветер относил концы фраз, Харламов улавливал смысл.

— ...Никогда, никогда не забудутся сказочные герои — конармейцы... Плохо одетые, в холод и стужу... сохраняли они бодрость духа... великую уверенность в себя и в свою армию, веру в правоту дела революции, — говорил Ворошилов.

...Приходилось ночевать под открытым небом, а утром снова в бой, и опять переход, и снова в бой, и так без конца...

...Навеки останутся в памяти славные имена прекрасных героев, борцов за коммунизм Литунова, Морозова, Пархоменко... Их жизнь, борьба и смерть на боевых постах служат примером для нас — живых... А товарищ Бахтуров? А Дундич? Кто его может забыть?.. А комбриги, а командиры полков, а тысячи наших прекраснейших героев-конармейцев, храбро сложивших свои буйные и честные головы?..

Около Харламова кто-то вздохнул. Он посмотрел, и его нисколько не удивило, что стоявший рядом старый казак Барабаш смахивал горячую слезу, бежавшую по сожженной степным ветром щеке. Он отвернулся и снова стал слушать.

— ...Преклоним головы перед великой памятью этих героев, — говорил Ворошилов. — Помните, товарищи, что слава Первой Конной армии куплена величайшей ценой крови и жертв!..

Великая и вечная память героям, сложившим свои головы за дело трудящихся! Живым — братское пожелание быть достойными продолжателями и хранителями заветов погибших наших братьев!..

СОДЕРЖАНИЕ

Листовский А. П.

Л63 Конармия. Роман. Изд. 3-е. М., «Молодая гвардия», 1975.

640 с. с ил.

Исторический роман участника гражданской войны, прошедшего в рядах Первой Конной армии путь от рядового бойца до командира полка. В романе показано зарождение Первой Конной в 1918 году и ее дальнейшие боевые действия.

Р2

Л $\frac{70302-107}{078(02)-75}$ 244—75

Александр Петрович Листовский
КОНАРМИЯ. Ромаи.

Редактор **Л. Григорова**
Оформлеиие художиика **Д. Шимилиса**
Иллюстрация художиика **В. Гольдяева**
Художествеииый редактор **Н. Печиикова**
Техиический редактор **Г. Каплан**

Сдаио в иабор 3/X 1974 г. Подписаио к печати 8/IV 1975 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага № 1. Печ. л. 20 (усл: 33.6) + 1 вкл: Уч.-изд. л. 35,9. Тираж 100 000 экз: Цеиа 1 р: 40 к: Т. П: 1975 г. № 244. Заказ 1628.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

А. ЛИСТОВСКИЙ
КОНАРМИЯ